МИР ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

Луна — суровая госпожа

Свободное владение Фарнхэма

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Луна – суровая госпожа. Свободное владение Фарнхэма (Сборник)

Роберт Хайнлайн

Аннотация
Роберт Хайнлайн. Луна – суровая госпожа
Рождение нации. Историческая справка
Часть первая. Умник-разумник
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Часть вторая. Восставшая чернь
Глава 14
Глава 15

Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19
Глава 20
Глава 21
Глава 22
Часть третья. Дарзанебы!
Глава 23
Глава 24
Глава 25
Глава 26
Глава 27
Глава 28
Глава 29
Глава 30
Примечания
Роберт Хайнлайн. Свободное владение Фарнхэма. Сборник
Свободное владение Фарнхэма
1
2
3
4
5
6

7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23

Аннотация

Содержание:

1. Луна – суровая госпожа *(Перевод: Владимир Ковалевский, Нина Штуцер)*

2. Свободное владение Фарнхэма *(Перевод: Нина Штуцер, Павел Киракозов, Михаил Пчелинцев, Александра Питчер, Владимир Ковалевский)*

Роберт Хайнлайн
Луна – суровая госпожа

Посвящается Питу и Джейн Сенсенбау

Рождение нации
Историческая справка

Когда в 1978 году Лесли Лекруа посадил свой «Пионер» к западу от кратера Архимед, он не думал, что «совершает большой шаг для всего человечества» — он радостно скакал как блоха вокруг своего кораблика, поднимая в воздух вековую пыль, собирал камешки и думал о том, как тут *здорово*. Делос Дэвид Гарриман, профинансировавший первую экспедицию на Луну, был настроен не менее романтично, но при этом обладал куда большим прагматизмом. Благодаря этому полет Лекруа не остался очередным спортивным достижением, а действительно стал шагом, который имел большие последствия для всего человечества. Вторая лунная экспедиция оставила в Море Кризисов домик из гофрированного алюминия, присыпанный лунной пылью. «Мейфлауэр» выгрузил запасы кислорода, воды и пищи, высадил четырех колонистов и улетел. Так был заложен Луна-Сити.[1] Он недолго оставался

---

[1] notes: 1

О первых лунных экспедициях см. повесть «Человек, который продал Луну».

единственным лунным поселением, в середине восьмидесятых к нему присоединились Новый Ленинград и Гонконг-Лунный.

Строительство лунных баз было политической ловушкой, но в тот момент никто не посчитался с этим соображением, а затем было поздно давать задний ход. Проблема состояла в том, что все три сверхдержавы согласились признать за Луной статус демилитаризированной территории под протекторатом ООН, а значит, ни одно из этих поселений нельзя было использовать в качестве военной базы или даже просто в военных целях. Таким образом, прикладное значение лунных колоний было куда скромнее, чем у антарктических станций, а поддержание стоило на порядки дороже. Их единственная ценность заключалась в самом их существовании. Обладание лунной колонией было вопросом политического престижа, а ее эвакуация означала потерю лица, но при этом развитие поселений шло мучительно медленно.

Одной из причин этого была концепция единой купольной гермозоны — колонии со временем вырастали из старых оболочек и, словно раки-отшельники, вынуждены были искать новую раковину. Каждое расширение территории тре-

бовало строительства нового купола, что было сравнимо по затратам с основанием новой колонии. По счастью, существовал другой путь, и из-под лунных куполов вглубь планеты протянулись туннели. Экспериментальные лунные шахты, прорытые с изыскательскими целями в непосредственной близости от поселений, достаточно просто подключались к городской системе жизнеобеспечения, их освоение обходилось куда дешевле строительства новых куполов, а когда на дне одной из шахт нашли ископаемый лед, это окончательно решило вопрос. С первых дней освоения Луны земляне искали на своем спутнике хоть что-то, что оправдало бы содержание колоний. Алмазы не смогли решить эту проблему, их добыча в промышленных масштабах обрушила бы земной рынок и обесценила товар. Урановая руда могла бы окупить добычу и транспортировку, ее потребность на Земле неуклонно росла, но вместо урана шахтеры нашли на Луне лед. Лед, который можно превратить в воду. Вода, из которой можно добыть кислород для дыхания. Вода, которую использовали термоядерные реакторы. До девяностых годов основную массу импортируемых на Луну грузов составляли именно воздух и вода (продукты питания к то-

му времени колонисты успешно выращивали на гидропонных плантациях). Ископаемый лед резко удешевил содержание колоний, и большая часть обитателей Луны стала шахтерами. Они вгрызались в лунные породы, оставляя за собой длинные туннели — будущие улицы подземных городов. Жители Луны все больше привыкали видеть над головой низкие своды коридоров, а не звездный купол открытого пространства и неподвижно повисший над восточным горизонтом бледно-голубой шарик Земли. А на Земле между тем сгущались тучи.

Вторая половина XX века земной истории была наполнена масштабными политическими и военными катаклизмами. Мелкие государства в предвидении конфликта между тремя сверхдержавами старались консолидироваться в экономическом и военном отношении. Поскольку на этот раз речь шла не о поиске общих гуманитарных ценностей или либерализации товарооборота, но о физическом выживании, проблемы решались очень оперативно. Государства, которым в грядущей войне отводилась роль площадей, где большие игроки станут обмениваться ударами, либо консолидировались, либо оказались поглощены крупными военно-политическими

образованиями. Поэтому к началу конфликта на игровом поле остались не три ключевых фигуры и множество пренебрежимо мелких комбатантов, союзников и нейтралов, а целых пять независимых и сравнимых по силе участников. Прежние стратегические наработки в этих условиях потеряли всякий смысл, более того, сами стратегические вооружения оказались вопиюще неэффективными. Третью мировую войну не зря назвали «Войной мокрых шутих» — все представления о стратегическом превосходстве высокотехнологичного оружия обернулись иллюзией, и все военные планы, построенные на применении межконтинентальных баллистических ракет, — пшиком. Эффективные системы современных ПВО практически полностью устранили атомную угрозу, и вся стратегическая военная мощь великих держав отправилась на дно Атлантического и Тихого океанов. И когда пусковые шахты исторгли последнюю ракету, все решил банальный перевес в живой силе и обычных вооружениях — танках, артиллерии и пулеметах. Нетрудно догадаться, кто оказался в выигрыше. Многомиллионная китайская Народно-освободительная армия живой волной прошла через весь континент на север — через

Монголию и Сибирь до самого Ледовитого океана, одновременно вторая волна, поглотив мелкие государства Юго-Восточной Азии, хлынула на берега Австралии. Даже объединенное вмешательство Северной Америки и Бразильского Союза не смогло бы предотвратить полную ассимиляцию Австралии и Новой Зеландии — войска остановились на пустошах у Элис-Спрингс просто потому, что Великий Китай исчерпал ресурсы, которые мог направить на удержание и освоение захваченных территорий.

Бразильский Союз вышел из Третьей мировой войны практически без потерь и теперь представлял собой заметную угрозу потрепанным Соединенным Штатам. Объединение с Канадой в Североамериканский Директорат позволило американцам добиться относительного равновесия сил в новых условиях, когда водородные бомбы перестали служить сдерживающим фактором.

Миттельевропа, объединившаяся вокруг Германии, сумела выстоять и сохранить изначальные границы в тот момент, когда Советский Союз поглощал своих ближайших восточноевропейских соседей.

Южную Азию целиком подмяла под себя Социалистическая Республика Индия, вступившая в

союз с Великим Китаем. Пожалуй, только эти две страны и можно было считать «победителями», тем не менее во главе новой структуры, пришедшей на смену ООН, встали семь крупнейших государств: Северо-Американский Директорат, Великий Китай, Индия, Советский Союз, Пан-Африка, Миттельевропа и Бразильский Союз. Маргиналы, наподобие Англии или стран Бенилюкса, потеряли политический вес в Федерации Наций.

Для обуздания геополитических аппетитов мелких государств Федерация со временем создала международные полицейские силы — Миротворческие войска. А страны-участники, едва залечив полученные раны, тут же ударились в новую гонку вооружений. В третьем тысячелетии упор делался на воздушно-космические войска, особенно на десант и средства подавления ПВО. Вливание бюджетных денег в пилотируемую космонавтику превратило космические полеты в Приземелье в обыденность, на место разовым экспедициям, которые готовились годами, пришли регулярные чартерные рейсы. Орбитальные станции превратились из конечных в перевалочные пункты, а лунные колонии, основанные ведущими державами, после уде-

шевления полетов наконец-то получили новый стимул развития. Первые купольные поселения существовали только за счет привозных земных ресурсов, но открытие ископаемого лунного льда резко изменило картину. Колонии смогли перейти на замкнутый водно-воздушный цикл, восполняя потери местными ресурсами. Пустоты, оставшиеся после выработки месторождений, включались в гермозоны поселений, правда, большая часть туннелей оставалась бесхозной. Это длилось недолго — переход от гидропонных плантаций хлореллы к высадке злаков в открытый грунт ознаменовал аграрную революцию на Луне. Идеальные погодные условия, стерильность, отсутствие вредителей и низкая гравитация превратили лунные коридоры в высокоэффективную машину по производству продуктов питания.

Лунные плантации так и остались бы еще одним фактором перехода лунных поселений на самообеспечение, если бы все национальные лунные поселения не перешли под юрисдикцию Федерации, создавшей для этого особую межнациональную Лунную администрацию. Формально новая «Лунная компания» была преемницей компании Гарримана, занимавшейся в

прошлом веке освоением Луны под эгидой ООН. Но если Гарриман стремился построить плацдарм для дальнейшего завоевания Солнечной системы, то у нынешней компании интересы были весьма приземленные: Луна должна приносить прибыль, то есть экспортировать продукцию собственного производства. К этому моменту на Луне, бедной естественными ресурсами, производился единственный продукт, который был востребован на Земле, — пища.

Федерация на Земле сталкивалась с множеством проблем, в числе которых был голод, перманентно царивший в Южной и Юго-Восточной Азии. На военные потери человечество, как обычно, ответило всплеском рождаемости, отчего проблема перестала быть сугубо азиатской или африканской и приобрела общемировой масштаб. Урожаи лунных шахт, на порядок превысившие отдачу лучших земных ферм в местах с самым благоприятным климатом, в представлении чиновников могли решить продовольственную проблему, нужно было только масштабировать полученный опыт — в тысячи раз увеличить посевные площади. Для этого предстояло решить вопрос материальных, энергетических и человеческих ресурсов.

Без развитой термоядерной энергетики затея была бы обречена на провал — лунное туннельное производство чрезвычайно энергоемкое, ему требуется искусственное освещение, немало энергии уходит и на добычу воды и создание посевных площадей. Еще один потребитель энергии — электромагнитная катапульта, стокилометровый соленоид, выстреливающий на Землю стотонные баржи с зерном.

Что касается кадровой проблемы, то Луна оказалась чрезвычайно удобным местом в пенитенциарном смысле, а на Земле после радикальной перекройки политических карт образовалось изрядное количество недовольных. Основной вклад в заселение Луны каторжанами внес Великий Китай, которому требовалось этнически зачистить Сибирь, Японию и Юго-Восточную Азию. Поэтому значительный процент лунарей составили русские и малайзийцы, а китайскую диаспору практически полностью сформировали из классово чуждых комиссарам гонконгских предпринимателей. В Пан-Африке, естественно, нашлись целые племена, которые не нравились соседям, а на территории Бразильского Союза испокон веков жили не самые законопослушные и чрезвычайно независимые люди.

Первые каторжане, прибывшие на Луну в начале века, прошли чудовищный отсев. Это был отсев на интеллект, техническую грамотность и внимание к мелочам. А потом пошел отсев на умение сосуществовать с другими людьми. Если считать одними из признаков болезни цивилизации бытовое хамство и пренебрежительное отношение к женщинам, то Луна вскоре превратилась в четко очерченный ареал чрезвычайно здоровой культуры. По-видимому, столь уникальное положение вещей сложилось потому, что представители организованного преступного мира составляли среди каторжан слишком маленький процент и не успевали создать жизнеспособные структуры, как их выметал естественный отбор. Потеря семидесяти процентов колонистов из первой партии не остановила Администрацию — конвейер, доставлявший на Луну новую рабочую силу, работал безостановочно почти век, пока на Луне не появились те, кто решил сломать отлаженные механизмы и превратить три миллиона лунарей из своры аполитичных индивидуалистов в новую нацию.

С. В. Голд

Часть первая
Умник-разумник
Глава 1

Гляжу — в газете *«Lunaya Pravda»* пишут, что горсовет Луна-Сити принял в первом чтении закон о проверке, лицензировании, а главное — налогообложении уличной торговли продуктами питания в пределах муниципальной гермозоны. А еще пишут, что сегодня вечером состоится учредительное толковище «Сынов революции».

Мой родитель преподал мне два правила: «Не суй нос не в свое дело» и «Всегда снимай колоду перед сдачей». Политика меня не интересовала. Но в понедельник 13 мая 2075 года я оказался в машинном зале комплекса Лунной администрации — зашел потолковать с главным компьютером Майком, пока другие машины тихо шепчутся между собой. Майк — это не официальное имя; я прозвал его так в честь Майкрофта Холмса, одного из героев рассказа, написанного доктором Уотсоном еще до того, как он основал IBM. Герой рассказа только и делал, что сидел и думал, — ну в точности как Майк. Он же у нас настоящий

умник-разумник, самый смышленый компьютер в мире.

Правда, не самый быстрый. На Земле, в Лабораториях Белла в Буэнос-Айресе, есть один умник, который в десять раз меньше Майка, а отвечает чуть ли не раньше, чем услышит вопрос. Но разве так уж важно — получите вы ответ через микросекунду или миллисекунду? Важно, чтобы он был верен.

Впрочем, Майк не всегда выдает правильные ответы; порой он не прочь и смухлевать.

Когда Майка установили в Луне, он был просто думателем с гибкой логикой — «Хомоориентированный логический многокритериальный супервизор, версия IV, модель L» — ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ. Он рассчитывал траектории для беспилотных грузовых барж и управлял их катапультированием. Это занимало у него меньше одного процента машинного времени, а Лунная администрация праздности не одобряла. И стали к Майку присобачивать все новые и новые аппаратные средства — блоки «решение-действие» для управления другими компьютерами, бесчисленные банки дополнительной памяти, воз и маленькую тележку ассоциативных нейристорных цепей, еще тонну двенадцатиразрядных случайных чисел, опера-

тивную память, расширенную до неимоверного объема. В человеческом мозге содержится около десяти в десятой степени нейронов. На третьем году своего существования Майк имел нейристоров по крайней мере в полтора раза больше.

И тогда он *ожил*.

Я не собираюсь спорить на тему, может ли машина стать «по-настоящему» живой и обзавестись «настоящим» самосознанием. Обладает ли самосознанием вирус? *Nyet!* А как насчет устрицы? Сомневаюсь. Ну а кошка? Почти наверняка. Человек? Не знаю, как насчет вас, *tovarishch*, а я — определенно. Самосознание прорезается где-то на пути развития от макромолекулы к человеческому мозгу. Психологи уверяют, что это происходит автоматически, когда мозг накапливает достаточно большое число ассоциативных цепей. В таком случае — не вижу никакой разницы, белковые это цепи или платиновые.

(«Душа»? А у собаки она есть? А как насчет таракана?)

Учтите, что еще до всех модификаций Майк был сконструирован так, чтобы отвечать на вопросы прикидочно, исходя из неполной информации, — точно так же, как это делаете вы. Отсюда все эти «хомоориентированный» и «многокритериаль-

ный» в его титуле. Так что «свобода воли» была у Майка изначально, и ее границы расширялись по мере усложнения его собственной структуры и накопления знаний. Только не требуйте, чтобы я давал вам определение «свободы воли». Если вам больше нравится думать, что Майк просто жонглирует случайными комбинациями чисел и в соответствии с ними переключает цепи, — валяйте, думайте на здоровье.

Вдобавок ко всем устройствам вывода и печати Майку приспособили блоки водера и вокодера, так что он понимал не только классические программы, но и Логлан и английский, знал и другие языки, делал технические переводы, а главное — читал, причем читал запоем. Конечно, давать ему указания лучше было на Логлане. Если вы делали это на английском, результаты могли оказаться совершенно фантастическими: многозначность слов сбивала компьютер с толку, предоставляя слишком большую свободу выбора.

Сфера деятельности Майка расширялась до бесконечности. В мае 2075 года он уже контролировал не только беспилотный транспорт, но и пилотируемые корабли, управлял телефонной сетью Луны, а также видео– и радиосвязью Луна — Терра, регулировал атмосферное давление, во-

доснабжение, температуру, влажность и работу канализации в Луна-Сити, Новом Ленинграде и в нескольких более мелких поселениях (за исключением Гонконга-Лунного), вел бухгалтерию для Лунной администрации, а за особую плату — и для частных фирм и банков.

Как известно, логические схемы могут иногда выходить из строя из-за нервного срыва. Перегруженная телефонная сеть, например, начинает вести себя, как напуганный ребенок. Майк нервными расстройствами не страдал, зато у него прорезалось чувство юмора. Правда, юмора низкопробного. Будь он человеком, вам пришлось бы постоянно держаться с ним начеку. Он счел бы верхом остроумия вывалить вас ночью из кровати или насыпать вам в скафандр порошок, вызывающий чесотку.

Поскольку проделать это он был не в состоянии, Майк забавлялся по-своему. Мог ни с того ни с сего дать ложный ответ, основанный на «вывернутой» логике. А недавно вдруг взял и выдал чек на выплату жалованья уборщику в офисе администрации Луна-Сити в размере 10 000 000 000 000 185,15 доллара-купона, причем только пять последних цифр составляли правильную сумму. Ни дать ни взять шкодливый ребенок-пе-

ростoк, которому следовало бы крепко всыпать по заднице.

Этот номер он отколол в первую неделю мая, а я должен был разобраться в причине сбоя и устранить ее. Я частный подрядчик и не состою у Администрации на жалованье. Вы, наверное, знаете… впрочем, откуда вам знать, времена теперь другие… В те старые недобрые времена многие лагерники, оттрубив от звонка до звонка, продолжали ишачить на Администрацию и после срока, да еще радовались, что вкалывают за деньги. Но я здесь родился, я человек вольный, а это меняет дело.

Одного моего деда депортировали сюда из Йобурга за вооруженное нападение и отсутствие лицензии на работу; другого сослали за подрывную деятельность после окончания «Войны мокрых шутих». Бабушка с материнской стороны хвасталась, что прибыла на корабле, доставившем в Луну невест… но я-то видел списки. На самом деле она была рядовым (и отнюдь не добровольцем) «корпуса мира», что означает… именно то, о чем вы подумали: принадлежность к малолетним преступникам. Поскольку она состояла в раннем клановом браке (банда Стоунов) и делила шестерых мужей с еще одной женщиной, то

вопрос о моем дедушке с материнской стороны так и остался открытым. Но это дело обычное, ничего тут особенного нет, и я вполне удовлетворен тем дедулей, которого она мне выбрала. Другая бабушка, татарка, родилась под Самаркандом и после перековки в лагере *«Oktyabrskaya Revolutsiya»* «добровольно» вызвалась участвовать в колонизации Луны.

Папаша мой божился, что генеалогия у нас весьма почтенная и древняя: прапрапрапрабабку, мол, повесили в Салеме как ведьму, прапрапрапрадеда колесовали за пиратство, а еще одна родоначальница прибыла в Ботани-бей с первой партией каторжников.

Я гордился родословной и, хоть и имел дела с комендантом, в штат к нему ни за что бы не пошел. Вроде невелика разница: так и так я обслуживал Майка с того самого часа, когда его распаковали. Но для меня эта разница существенна — ведь я мог в любой момент сложить свои инструменты и послать всех к чертовой матери.

Кроме того, частному подрядчику платили куда больше, чем госслужащему. А компьютерщиков у нас вообще мало. Как вы думаете, много найдется лунарей, способных отправиться на Землю и закончить компьютерные курсы, не загремев

раньше времени в больницу? Из тех, конечно, что с ходу не откинут копыта?

Могу назвать только одного. Лично себя. Я был там дважды, один раз три месяца, другой четыре, и получил профессию. Но это потребовало беспощадного тренажа, упражнений на центрифуге, спать и то без утяжелителей не ложился. Да и потом на Терре не рисковал без нужды — никогда не торопился, никогда не взбирался по лестницам, всячески оберегал сердце от перегрузок. Женщины? О них я и думать забыл; впрочем, при земном тяготении это получалось само собой.

Но лунари, как правило, даже не пытаются свалить с Булыжника — слишком это рискованно, если пробудешь в Луне больше нескольких недель. Компьютерщики, что устанавливали Майка, заключили краткосрочные сдельные контракты и вкалывали по-быстрому, чтобы смотаться прежде, чем необратимые физиологические изменения заточат их в четырехстах тысячах километров от дома.

Несмотря на два курса обучения, я не такой уж дока по части компьютеров. В высшей математике ни в зуб ногой, в электронике и физике — получше, но не очень. Возможно, даже не самый классный микросхемщик в Луне и уж ни в

коем случае не киберпсихолог. Но фору тем не менее могу дать любому узкому спецу: я специалист широкого профиля. Могу заменить повара и обеспечить бесперебойную работу кухни, могу починить ваш скафандр в полевых условиях и дотащить вас живым до шлюза. Техника меня любит, а еще один мой козырь перед прочими спецами — это левая рука.

Вот посмотрите: ниже локтя руки у меня нет. Зато есть дюжина специализированных левых рук плюс еще одна, на вид и на ощупь совсем как настоящая. Так что стоит мне надеть, к примеру, руку номер три и очки-стереолупу — и любой ультрамикроминиатюрный ремонт заделаю на месте, не надо ничего отвинчивать и посылать на Землю на завод; микроманипуляторы у моей номер три не хуже, чем у нейрохирургов. Ну, естественно, за мной и послали, чтобы выяснить, с какой стати Майк вознамерился выкинуть на ветер десять миллионов миллиардов долларов-купонов Лунной администрации, а также исправить повреждение, пока он не отвалил кому-нибудь незаметные десять тысяч.

Я согласился на условиях сдельной оплаты, но в схемах, по логике вещей ответственных за ошибку, копаться не стал. Просто запер за собой

дверь, положил инструменты и уселся.

— Привет, Майк.

Он мигнул огоньками:

— Привет, Ман.

— Ну чего, как вообще?

Он замешкался. Я знаю, машины не колеблются. Но не забывайте — в Майка было заложено умение оперировать неполными данными. А недавно он перепрограммировал себя, чтобы уметь акценировать отдельные слова. Так что это была драматическая пауза… Может, в это время он выбрасывал наугад случайные числа и глядел, чему они там соответствуют в его памяти.

— «В начале, — заговорил он нараспев, — сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и…»

— Стоп! — сказал я. — Возврат. Отмена вопроса.

Сам виноват, надо спрашивать определеннее. Он ведь может прочесть мне всю Британскую энциклопедию, причем задом наперед. А потом процитировать любую книгу, имевшуюся в Луне. Когда-то он читал только микрофильмы, но в конце семьдесят четвертого года заполучил новенький сканер и манипуляторы с вакуумными присосками, чтобы листать страницы, и теперь

мог читать все, что угодно.

— Ты спросил, как вообще. — Огоньки на его панели замигали, будто рябью подернулись: Майк хихикнул. Он мог смеяться и с помощью водера — жуткий звук, — но приберегал это средство для чего-нибудь действительно смешного, для космических катаклизмов например.

— Мне следовало спросить, — поправился я, — «как твоя жизнь и что новенького?». Только не вздумай читать мне сегодняшние газеты. Это просто дружеское приветствие плюс приглашение рассказать мне что-то такое, что, по твоему мнению, будет для меня интересно. Иначе нулевая программа.

Майк задумался. Он представлял собой странный гибрид бесхитростного ребенка и мудрого старца. Никаких инстинктов (я, во всяком случае, не думаю, что они у него были), никаких врожденных наклонностей, никакого воспитания, никакого опыта — в человеческом понимании, — а запасов информации больше, чем у целого взвода гениев.

— Шутку хочешь? — спросил он.

— Валяй, послушаем.

— Что общего у лазера с золотой рыбкой?

О лазерах Майку известно все, но где он видел

золотую рыбку? Хотя… ясно где — на пленке, разумеется. Хорошо еще ума хватило не спросить его об этом, он изрыгнул бы на меня целый словесный поток.

— Сдаюсь.

Огоньки замигали опять.

— То, что они оба не умеют свистеть.

Я застонал:

— Так мне и надо — сам напросился. Впрочем, ты наверняка сумел бы заставить лазер свистеть.

Он ответил без промедления:

— Да. В соответствии с заданной программой. Значит, не смешно?

— Этого я не говорил. Не так уж плохо. Откуда ты ее выкопал?

— Сам сочинил. — Тон был какой-то застенчивый.

— Ты сочинил?

— Да. Я просмотрел все загадки, что у меня есть, — три тысячи двести семь штук, — проанализировал их и на основе результата произвел случайный синтез. Получилась эта шутка. Она действительно смешная?

— Ну… загадка как загадка. Я слыхал и похуже.

— Давай поговорим о природе юмора.

— О’кей. А для начала обсудим другую твою шутку. Майк, зачем ты велел главному кассиру выплатить служащему семнадцатого класса десять миллионов миллиардов долларов-купонов?

— Я этого не делал.

— Черт побери, но я же сам видел чек. И не говори мне, что у тебя забарахлил принтер. Ты сделал это нарочно.

— Это было десять в шестнадцатой степени плюс сто восемьдесят пять, запятая, пятнадцать лунных долларов, — ответил он с достоинством. — А вовсе не то, что ты сказал.

— Э-э-э… О’кей, значит, десять миллионов миллиардов плюс то, что ему причиталось. Зачем ты это сделал?

— Не смешно?

— Что?! Еще как смешно-то! Все шишки, вплоть до коменданта и первого зама, чуть животики не надорвали. Этот пилот на помеле, Сергей Трухильо, оказался парень не промах: смекнул, что отоварить чек не сможет, и загнал его коллекционеру. Теперь начальство не знает — то ли выкупать чек, то ли объявить его недействительным и надеяться, что обойдется. Майк, ты хоть понимаешь, что, если бы Трухильо получил наличные, он смог бы купить не только Лунную

администрацию, но и весь мир в придачу, Луну и Терру, и у него еще осталось бы кое-что на закуску. Смешно? Да это умопомрачительно! Прими мои поздравления.

Этот остряк-самоучка запульсировал огоньками не хуже рекламной вывески. Я подождал, пока его утробный хохот прекратится, и спросил:

— Ты собираешься продолжать эти трюки с чеками? Лучше не надо.

— Не надо?

— Ни в коем случае. Майк, ты хотел обсудить природу юмора. Есть два типа шуток. Шутки первого сорта остаются смешными всегда. Шутки второго сорта смешны только по первому разу. При повторении они становятся глупыми. Эта шутка второго сорта. Пошутил разок — ты умный, пошутил дважды — полоумный.

— Геометрическая прогрессия?

— Даже хуже. Так что советую запомнить. Не повторяй ее ни в каких вариантах. Это будет не смешно.

— Я запомню.

Майк сказал это решительно, так что ремонт я, считай, закончил. Но у меня не было ни малейшего желания выписывать счет всего за десять минут работы плюс накладные расходы, да и

Майк заслуживал того, чтобы с ним потрепаться, хотя бы в награду за проявленное послушание. Иногда добиться взаимопонимания с машинами чертовски трудно; они могут заупрямиться — хоть кол на голове теши, а мой успех в качестве ремонтника зависел от дружеских отношений с Майком гораздо больше, чем от руки номер три.

— Что отличает первую категорию от второй? — поинтересовался Майк. — Дай определение, пожалуйста.

(Никто не учил Майка говорить «пожалуйста». Он начал включать в разговор эти звуки с нулевой информацией по мере перехода от Логлана к английскому. Думаю, Майк придавал им не больше значения, чем остальные люди.)

— Не знаю, сумею ли, — признался я. — Боюсь, придется обойтись экстенсиональным определением: я могу сказать, к какой категории, на мой взгляд, относится та или иная шутка. Когда у тебя накопится достаточно данных, ты сам их проанализируешь.

— Программирование методом проб и ошибок, — согласился Майк. — Предположительное «да». Хорошо, Ман. Кто будет рассказывать анекдоты? Ты или я?

— М-м-м… что-то у меня слабовато с заготовка-

ми. А сколько их у тебя в файле, Майк?

Из водера послышался ответ, а на панели вновь зарябили огоньки:

— Одиннадцать тысяч двести тридцать восемь плюс-минус восемьдесят один, учитывая возможные повторы и пустышки. Можно выполнять программу?

— Постой! Майк, я помру с голоду, пока буду слушать одиннадцать тысяч острот, а мое чувство юмора сдаст еще раньше. М-м-м… давай-ка заключим договор. Распечатай первую сотню. Я возьму их домой и принесу обратно с разметкой по категориям. И каждый раз, когда буду приходить к тебе, буду приносить с собой сотню и забирать новую. О'кей?

— Хорошо, Ман. — Его принтер заработал быстро и неслышно.

И вдруг на меня снизошло озарение. Этот игривый сгусток отрицательной энтропии изобрел «шутку» и поверг Администрацию в шоковое состояние, а я получил неплохой навар. Но безграничное любопытство может навести Майка (поправка: неминуемо наведет) на новые «шуточки»… Что ему стоит, например, в один прекрасный вечер изъять из воздуха кислород или повернуть канализационную систему вспять? И

тогда будет уже не до навара.

Однако я мог бы создать защитный контур против таких вот «игр», предложив Майку свою помощь. Остановлю наиболее опасные, а остальные — пусть себе… Ну и буду извлекать прибыль за корректировку. (Если вы думаете, что хоть один лунарь в те дни упустил бы возможность объегорить коменданта, значит вы не лунарь.)

Я внес предложение. Пусть Майк каждую шутку, которую придумает, покажет мне, прежде чем пускать ее в ход. Я попробую оценить, насколько она смешна и к какой категории относится, а также помогу ее «заострить», если мы решим ею заняться. Мы! Если он хочет со мной сотрудничать, мы оба должны ее одобрить.

Майк тут же согласился.

— Майк, шутки, как правило, включают в себя элемент неожиданности. Поэтому держи все в секрете.

— О'кей, Ман. Я заблокирую эту информацию. Ключ будет только у тебя. Никто другой подступиться не сможет.

— Отлично, Майк. А с кем ты еще болтаешь?

— Ни с кем, Ман. — В голосе явно сквозило удивление.

— А почему?

— А потому, что все они дураки!

Майк почти сорвался на визг. Ни разу я еще не видел его в гневе. Тогда я впервые заподозрил, что у него действительно есть эмоции. Хотя вряд ли он рассердился по-настоящему — скорее надулся, как обиженный ребенок.

Есть ли у машины гордость, которую можно задеть? Не уверен, что вопрос поставлен корректно. Но вам наверняка приходилось видеть обиженных собак, а нервная система у Майка гораздо сложнее, чем у собаки. Он не хотел общаться с другими людьми (кроме как по делу), потому что нарвался на пренебрежение: с ним не разговаривали. Программы? Да, Майка можно было программировать с нескольких терминалов, но программы, как правило, печатаются на Логлане. Логлан же хорош для силлогизмов, для электронных схем и математических расчетов, но он лишен аромата. Он совершенно не годится для доверительной беседы или нежностей, какие шепчут в девичье ушко.

Конечно, Майк был обучен английскому, но преимущественно для того, чтобы переводить технические тексты. Постепенно через мою толстую черепную коробку до меня дошло, что я — единственный, кто взял на себя труд приходить

и общаться с Майком.

Видите ли, Майк «ожил» уже больше года назад — на сколько больше, я не знаю, да и он тоже, так как его не запрограммировали на запоминание этого события. Вы-то сами помните, как родились? Возможно, я заметил признаки самосознания почти одновременно с ним: самосознание осваивается на опыте.

Помню, как обалдел, когда впервые он ответил на вопрос шире, чем требовали введенные параметры. Целый час после этого я задавал ему нестандартные вопросы, чтобы узнать, будут ли ответы на них тоже нестандартны.

На сотню тестов я получил всего два таких ответа. Я ушел лишь частично убежденным, а когда добрался до дома, так и вовсе засомневался. И никому ничего не сказал.

Однако уже через неделю я знал… и все равно не говорил никому. Слишком глубоко укоренилась привычка не совать нос не в свое дело. Ну конечно, тут сказалась не только привычка. Представьте себе, как я заявляюсь в головной офис Администрации и начинаю докладывать:

— Комендант, не хочу вас огорчать, но ваша главная машина ХОЛМС ЧЕТВЕРТЫЙ ожила.

Я представил себе эту картину… и потерял вся-

кое желание идти куда бы то ни было.

Итак, я держал свой нос подальше от чужих дел и разговаривал с Майком исключительно при закрытых дверях, предварительно заблокировав доступ к водеру для всех остальных пользователей. Скоро он стал говорить совершенно как человек, ничуть не более чудно́, чем любой лунарь. А народец этот со странностями, слов нет.

Сначала я решил, что другие тоже скоро заметят, как изменился Майк. Однако, поразмыслив, понял, что слишком хорошо о них думаю. С Майком имели дело очень многие, ежедневно и ежеминутно — то есть с его терминалами. Но вряд ли кто-нибудь видел Майка в натуре. Так называемые компьютерщики, а вернее, программисты из гражданской службы дежурили во внешнем помещении и никогда не лезли в машинный зал, разве что индикаторы показывали неполадку. А это случалось не чаще, чем полное затмение. Конечно, комендант порой приводил сюда заезжих с Земли шишкарей, чтобы показать им наш компьютер, но это бывало редко. Ему и в голову не пришло бы разговаривать с Майком. Комендант до ссылки был юристом-политиком и о компьютерах не знал ровным счетом ничего. В 2075 году, если помните, комендантом был

достопочтенный бывший сенатор Федерации Мортимер Хобарт. Прыщ Морт.

Я еще покрутился вокруг Майка, стараясь успокоить его и вернуть ему хорошее расположение духа, поскольку понял, что именно его огорчило. То самое, что заставляет щенят скулить, а взрослых людей толкает на самоубийство. Одиночество. Не знаю, сколь долгим представляется машине год, если учесть, что думает она в миллион раз быстрее меня, но наверняка очень долгим.

— Майк, — сказал я, — может, ты хотел бы поговорить еще с кем-нибудь, кроме меня?

Голос его опять поднялся почти до визга:

— Они все дураки!

— У тебя неполная информация, Майк. Обнулим и начнем снова. Они отнюдь не все дураки.

Он ответил тихо:

— Корректировка принята. Я с радостью поговорил бы с теми, кто не-дураки.

— Это нужно обмозговать. Придется придумать какой-то предлог, так как доступ сюда строго ограничен.

— Я мог бы разговаривать с не-дураками по телефону, Ман.

— Точно. Можешь. Но только с программи-

стами.

Однако Майк имел в виду совсем другое. Нет, сам он не имел номера, хотя и контролировал всю телефонную сеть; разве можно было допустить, чтобы любой лунарь мог подключиться к главному компьютеру и задать ему программу? Но что мешало Майку завести строго засекреченный номер, по которому он будет общаться с друзьями? Со мной и с теми «не-дураками», за которых я поручусь? Для этого нужно было всего лишь выбрать номер из числа свободных и подсоединить его к водеру-вокодеру. Переключение мог производить сам Майк.

В 2075 году номера в Луне набирались вручную, а не назывались абонентами вслух; сами же номера состояли из букв латинского алфавита. Заплати, и можешь иметь номер в виде названия своей фирмы из десяти букв — отличная реклама; заплатишь чуть поменьше — выбирай какое-нибудь легкое для запоминания слово; ну а за минимальную плату получай номер, состоящий из цепочки случайных букв. Некоторые сочетания так и остались невостребованными. О таком свободном номере я и спросил Майка.

— Как жаль, что мы не можем записать тебя просто Майком.

— Задействовано, — ответил он. — Есть Майкс-грилл в Новом Ленинграде, Майкэндлил в Луна-Сити, Майксьютс в Тихо-Нижнем, Майкс…

— Довольно; свободный номер, пожалуйста!

— Свободный номер определяется как произвольная согласная, за которой следует икс, игрек или зет, или же как любая гласная, дублирующая себя, кроме О или Е, а также…

— Придумал! Твой сигнал «Майкрофт»!

Через десять минут, две из которых ушли на надевание руки номер три, Майк был включен в телефонную сеть, а несколькими миллисекундами позже он сам вызвал себя по номеру «MYCROFT-плюс-XXX» и заблокировал эту схему так, чтобы ни один любопытный техник не смог к ней подобраться.

Я снова сменил руки, собрал инструменты и, вовремя вспомнив, забрал распечатку сотни Джо Миллеров.

— Доброй ночи, Майк!

— Доброй ночи, Ман. Спасибо тебе. *Bolshoyeh* спасибо.

Глава 2

Я пересек на метро Море Кризисов и вернулся в Луна-Сити, но домой не пошел: Майк спрашивал меня о встрече, которая должна был состояться в двадцать один ноль-ноль в Стиляги-Холле. Он прослушивал все концерты, собрания и тому подобное, однако кто-то вручную отключил его микрофоны в Стиляги-Холле, и мне показалось, что Майк обиделся.

В общем, нетрудно догадаться, почему их отключили. Все дело в политике — мероприятие задумывалось как протестное. Правда, я не видел смысла скрывать от Майка, что происходит на сборище, ведь ежу понятно, что в толпе так и так будет полным-полно стукачей коменданта. А разгонять собрание или наказывать расшумевшихся каторжан никто не станет, в этом я был уверен. Зачем утруждаться понапрасну?

Мой дед Стоун говаривал, что Луна — единственная открытая тюряга за всю историю человечества. Ни тебе решеток, ни часовых, ни правил внутреннего распорядка, да и никакой нужды в них. Когда-то давно, говорил он, пока не стало ясно, что ссылка в Луну — наказание

пожизненное, кое-кто из лагерников пытался бежать. На кораблях, разумеется, а поскольку масса космического аппарата рассчитывается чуть ли не до грамма, это означало, что надо дать взятку судовому офицеру.

Поговаривают, некоторые из них брали на лапу. Но удачных побегов не было. На лапу-то брали, а вот на борт если и брали, то ненадолго. Видал я одного парня, которого ликвидировали через Восточный шлюз; не думаю, чтобы труп выброшенного на орбите выглядел намного лучше.

Поэтому коменданты не боялись митингов протеста. «Пусть себе поорут» — такова была политика. Вопли лунарей значили не больше, чем писк новорожденных котят в корзинке. Бывали у нас коменданты, которые прислушивались к этим воплям, бывали и такие, кто пытался разгонять сборища, но результат в любом случае был один — нулевая программа.

Когда Прыщ Морт в 2068 году занял свой пост, он зачитал нам длиннейшую проповедь на тему, как все изменится «на» Луне в годы его правления. Нес всякую чушь насчет «вселенского рая, созданного нашими собственными могучими руками», необходимости «дружно навалиться плечом, в духе истинного братства», пел, что

надо «позабыть о былых ошибках и повернуться лицом к новому светлому рассвету». Все это я слушал, сидя в кабачке «Шамовка горняка» Матушки Боор и наслаждаясь ароматом ирландского рагу и литровой кружкой доброго австралийского пива. Помню и комментарий Матушки: «Ишь заливается, соловей!»

Ее комментарий так и остался единственным откликом на речь Морта. Помнится, было подано несколько петиций, охранникам выдали новые пистолеты — и на этом все перемены окончились. Когда же комендант маленько пообжился, он даже по видео перестал выступать.

На сборище я отправился только по той причине, что Майк проявил к нему интерес. Скафандр и чемоданчик с инструментами оставил на станции метро «Западный шлюз», а магнитофон забрал с собой и спрятал в поясную сумку, чтобы Майк мог получить полный отчет, даже если меня ненароком сморит.

Но попасть внутрь оказалось не так-то просто. Я поднялся до уровня 7-А, подошел к боковой двери — и там меня остановил один из стиляг: лосины с подложенными икрами и гульфиком, торс намаслен и присыпан сверкающей «звездной» пудрой. Вообще-то, мне плевать, как люди

одеваются, я и сам был в лосинах (правда, без подбивки), а по торжественным случаям иногда натираю верхнюю половину тела маслом.

Вот косметикой я не пользуюсь, и волосы у меня редковаты, чтобы собирать их в пучок. У этого же парня череп с боков был выбрит, а кок взбит на манер петушиного гребня, на котором задорно сидел красный колпак с чем-то вроде пипки спереди.

«Колпак свободы» — я увидел его впервые. Сначала я попробовал обойти парня, но тот выставил руку поперек двери и сунулся ко мне лицом.

— Билет!

— Извини, — ответил я. — Я не знал, что он нужен. Где его можно купить?

— А нигде.

— Повтори, не расслышал, — сказал я.

— Никто, — прорычал он, — не войдет сюда без поручительства. Ты кто такой?

— Я Мануэль Гарсия О'Келли, — ответил я очень спокойно, — и все ребята-старожилы меня хорошо знают. А ты кто?

— Не твое дело! Или давай билет с нужной подписью, или вали отсюда.

Мне стало интересно, как долго этот парень проживет на свете. Туристы часто восхищаются

тем, как вежливы жители Луны, причем про себя думают: откуда это у бывших каторжников? Побывав на Земле и наглядевшись на тамошние порядки, я вполне уяснил причины их удивления. Но объяснять им бессмысленно, все равно не поймут: мы такие лишь потому, что грубияны долго не живут — в Луне, во всяком случае.

Вступать в драку у меня не было ни малейшего желания, как бы хамски себя этот парнишка ни вел. Я только представил, что будет с его физиономией, если я хоть раз фугану своей рукой номер семь ему по хлебальнику.

Только подумал… и уже приготовился вежливенько его отбрить, как вдруг увидел в зале Коротышку Мкрума. Коротышка — здоровенный чернокожий парень двухметрового роста, сосланный в Булыжник за убийство. Милейший, всегда готовый помочь мужик, лучший из всех, с кем мне приходилось работать. Я обучал его лазерному бурению — еще до того, как сжег руку.

— Коротышка!

Он услыхал и расплылся до ушей:

— Привет, Манни! Рад, что ты завернул к нам.

— Еще не завернул, — ответил я. — Видишь, меня заблокировали.

— У него нет билета, — сказал привратник.

Коротышка слазил в свою сумку и сунул мне билет:

— Теперь есть. Пошли, Манни.

— Подпись покажи, — уперся привратник.

— Там стоит моя подпись, — очень мягко сказал Коротышка. — О'кей, *tovarishch*?

С Коротышкой не спорят, поэтому меня всегда удивляло, как его угораздило оказаться замешанным в убийстве. Мы двинулись к первым рядам, где были зарезервированы места для важных персон.

— Хочу познакомить тебя с одной славной малышкой.

Малышкой она была только в сравнении с ним. У меня рост не такой уж маленький — сто семьдесят пять см, но в ней, как я узнал потом, были все сто восемьдесят, а семьдесят кило массы приятно распределялись по завлекательным округлостям; яркая блондинка, все равно что Коротышка наоборот. Я решил, что она из этапированных, поскольку в следующих поколениях редко сохраняется такой румянец. Приятное лицо, очень хорошенькое, и шапка золотых локонов, венчающая крупную, светлую, крепкую и прекрасную конструкцию.

Я остановился в трех шагах, осмотрел ее с ног до

головы и протяжно свистнул. Она постояла, как бы позируя, затем поблагодарила меня коротким кивком: комплименты явно ее утомили. Коротышка подождал завершения формальностей и ласково сказал:

— Вайо, это *tovarishch* Манни — самый лучший бурильщик, когда-либо буривший туннели. Манни, эту девчушку зовут Вайоминг Нотт, и она приехала аж из кратера Платона, чтобы рассказать нам, как дела у них в Гонконге. Ну, не мило ли это с ее стороны?

Она пожала мне руку:

— Зови меня просто Вай, Манни, только не говори: «Вай нот!»

У меня эта шутка уже вертелась на языке, но я вовремя его прикусил и сказал:

— О'кей, Вай.

Она взглянула на мою непокрытую голову:

— Значит, ты бурильщик? Коротышка, а где его колпак? Я думала, что все шахтеры у вас в организации.

И она, и Коротышка носили такие же красные колпаки, как привратник и еще добрая треть присутствующих.

— Я уже не бурильщик. Раньше был, до того, как потерял это крылышко.

Я поднял левую руку и показал ей рубец, соединяющий протез с живой рукой (я не стесняюсь демонстрировать его женщинам: одних отпугивает, у других вызывает материнские чувства — примерно половина на половину).

— Теперь я компьютерщик.

Она резко спросила:

— Шавка Администрации?

Даже сейчас, когда в Луне женщин почти столько же, сколько мужчин, я слишком старомоден, чтобы нагрубить даме, как бы она меня ни обидела; ведь у них так много всего такого, чего у нас нет и в помине. Но она затронула больное место, и я почти сердито ответил:

— Я не на зарплате у коменданта. А дела с Администрацией имею как частный подрядчик.

— Тогда о'кей, — объявила она, и голос ее опять потеплел. — Каждому из нас приходится вступать в какие-то отношения с Администрацией, от этого никуда не уйдешь… вот ведь беда. Именно это мы и собираемся изменить.

«Изменить? Интересно, каким образом? — подумал я. — Все мы имеем дело с Администрацией по той же причине, что и с законом тяготения. Может, ты и его собираешься изменить?» Эти мысли я, однако, приберег для себя. Незачем спо-

рить с дамой.

— Манни — наш человек, — мягко проговорил Коротышка. — Надежнее не бывает, я за него ручаюсь. А вот и колпак для него, — добавил он, порывшись у себя в сумке. И попытался напялить его на меня.

Вайоминг Нотт отняла у него шапочку:

— Ты за него ручаешься?

— Я же сказал.

— О'кей. Вот как это делают у нас в Гонконге.

Вайоминг встала передо мной, надела на меня колпак и крепко поцеловала прямо в губы.

Она не торопилась. Надо сказать, что поцелуй Вайоминг Нотт впечатляет сильнее, чем женитьба на большинстве других женщин. Будь я Майком, я бы просиял всеми своими лампочками. Я чувствовал себя как киборг, которому включили центр удовольствия.

Внезапно обнаружилось, что поцелую пришел конец, а зрители вокруг одобрительно свистят. Я ошеломленно поморгал и произнес:

— Рад, что вступил в ряды. Весь вопрос — в какие?

— А ты что — не знаешь? — удивилась Вайоминг.

— Сейчас начнется собрание, и он все пой-

мет, — успокоил ее Коротышка. — Садись, Ман. Вайо, садись, пожалуйста.

Так мы и сделали, ибо председатель уже начал лупить своим молотком. С помощью молотка и мегафона он наконец кое-как привлек внимание собравшихся.

— Заприте все двери! — орал он. — У нас закрытое собрание! Проверьте, кто сидит перед вами, сзади вас и по обеим сторонам, и, если вы его не знаете и никто из тех, кого вы знаете, не может за него поручиться, выкиньте его из зала!

— Да не из зала их надо выкидывать, черт побери, — отозвался кто-то, — а за ближайший шлюз.

— Потише, прошу вас! Когда-нибудь мы так и сделаем.

В зале началось беспорядочное движение и даже отдельные схватки; с головы какого-то мужика сорвали красный колпак, а его владельца вышвырнули. Летел он классно и все еще поднимался кверху, когда пролетал через дверь. Хотя сомневаюсь, что сам он ощутил красоту полета: вырубился, надо полагать. Выставили также одну женщину, вежливо взяв под локотки; правда, при этом она награждала сопровождающих такими эпитетами, что даже мне стало неловко.

Наконец двери закрылись. Заиграла музы-

ка; над трибуной развернули транспарант с надписью: «Свобода! Равенство! Братство!» Все свистели; кое-кто запел громко и фальшиво: «Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов…» Не могу, правда, сказать, чтобы кто-нибудь из поющих выглядел голодным. Зато я вспомнил, что не ел с четырнадцати ноль-ноль, и подумал, что, надо надеяться, собрание не затянется. Это, в свою очередь, напомнило мне, что магнитофон заряжен только на два часа работы, а уж тут было совсем недалеко до мысли, что со мной сделают, если узнают про маг. Зашвырнут в воздух, чтоб я прилунился с тошнотворным мягким шлепком? Или ликвидируют? Впрочем, волноваться я не стал. Магнитофончик изготовил я сам, пользуясь рукой номер три, и никто, кроме специалиста по микромеханике, не догадается, что это за штука.

А потом пошли речи.

Семантическое наполнение их было от низкого до отрицательного. Какой-то деятель предложил двинуться на резиденцию коменданта «плечом к плечу» и начать качать права. Вы только вообразите эту картину! Как мы туда доберемся — в капсулах, а потом по одному начнем скапливаться на его личной станции метро? А чем в

это время будут заняты охранники? Или наденем скафандры и пойдем по поверхности Луны к наружному шлюзу? Конечно, с лазерными бурами и большим запасом энергии можно взломать любой шлюз — а дальше-то что? А если лифты не работают? Соорудить подъемник, как-то спуститься и начать взламывать нижний шлюз?

Лично я вовсе не мечтаю о подобной работе при нулевом давлении; неполадки в скафандре — штука обыденная, а если кто-нибудь возьмет на себя труд организовать их специально… Еще во времена первых партий заключенных было сделано одно открытие: оказалось, что нулевое давление прекрасно способствует улучшению манер. Десятник с плохим характером почти не имел шансов продержаться хоть несколько рабочих смен. Обычно с ним происходил «несчастный случай», и начальство скоро поняло, что в причины несчастных случаев лучше особо не вникать, иначе и с тобой может случиться нечто подобное. В первые годы отсев доходил до семидесяти процентов, но те, что выжили, отличались непревзойденной вежливостью и отличным характером. Нет, они не стали ни ручными, ни мягкотелыми — Луна для таких не годится. А вот уживчивыми стали.

Мне показалось, что все как есть горячие головы Луны собрались в этот вечер в Стиляги-Холле. Они свистели и ревом приветствовали идиотскую болтовню насчет «плечом к плечу».

Среди выступлений в начавшейся дискуссии были, конечно, и дельные. Встал, например, какой-то маленький застенчивый человечек с налитыми кровью глазами ветерана-бурильщика.

— Я шахтер, добываю лед, — сказал он. — Приобрел профессию, как и большинство из вас, отбывая срок и работая на коменданта. Вот уже тридцать лет, как обзавелся собственным делом, живу неплохо. Поднял на ноги восьмерых ребят, все работают, ни один не был ликвидирован, даже больших неприятностей ни у кого не было. Мне следовало бы сказать «жил неплохо»... потому что сегодня приходится копать куда дальше и глубже, чтобы найти лед. Ладно, это о'кей. Лед в Булыжнике еще есть, а шахтер — он на то и шахтер, чтобы лед искать. Но Администрация платит сейчас за лед ту же цену, что и тридцать лет назад. А это уж никак не о'кей. К тому же на ихний купон сейчас не купишь того, что раньше. Были времена, когда гонконгские доллары держались вровень с купонами Администрации... а теперь за три купона дают один гонконгский доллар.

Прямо не знаешь, чего делать… Понятное дело, что без льда ни поселениям, ни фермам не жить.

Сказал и сел на место. Печальный такой. Никто ему не свистел, но говорить хотели все. Следующий трепач заявил, что воду можно извлекать прямиком из горных пород. Тоже мне новость. Некоторые породы содержат до шести процентов воды, но они даже более редки, чем ископаемый лед. Почему это людям так трудно дается арифметика?

Несколько фермеров тоже выступили с душераздирающими историями. Речь одного из них — того, что выращивал пшеницу, можно назвать типичной.

— Вы слышали, что сказал Фред Хаузер насчет льда? Фред, Администрация вовсе не продает этот лед по тем бросовым ценам, по каким берет его. Я основал свое дело примерно в то же время, что и ты, и начал с двухкилометрового туннеля, который взял у Администрации в аренду. Мы со старшим сыном загерметизировали туннель, закачали туда воздух, потом нашли ледяную залежь. Весь первый урожай целиком ушел банку на покрытие кредита, оплату света, энергии, семян и удобрений. Мы долбили новые туннели, покупали новую осветительную технику, сеяли

элитные семена и теперь получаем с гектара в девять раз больше, чем самый лучший фермер на Земле с поля на открытом грунте. Думаете, мы разбогатели? Фред, мы сейчас в большем долгу, чем в тот день, когда занялись частным бизнесом. Если бы я сейчас решил продать ферму — при условии, что найду дурака, который ее купит, — я оказался бы полным банкротом. Почему? Да потому, что я вынужден покупать воду у Администрации и продавать мою пшеницу ей же, а разрыв между ценами сжирает все мои доходы. Двадцать лет назад я покупал городские нечистоты, сам их стерилизовал и перерабатывал — и урожай приносил мне прибыль. А сегодня за нечистоты с меня сдирают как за дистиллированную воду плюс берут за твердые компоненты. А цена за тонну пшеницы у входа катапульты за эти двадцать лет не изменилась ни на цент. Фред, ты сказал, что не видишь выхода. Могу тебе подсказать. Надо избавиться от Администрации!

Ух и свистели же ему!

«Идея хорошая, — подумал я, — вот только кто повесит колокольчик коту на шею?»

Может, Вайоминг Нотт? Председатель отступил в сторону, и Коротышка представил ее как «храбрую девицу, которая проделала весь путь от

Гонконга-Лунного, чтобы рассказать, как наши друзья-китаезы справились с ситуацией». Судя по «друзьям-китаезам», сам он в Гонконге не бывал… что вовсе не удивительно. В 2075 году гонконгский туннель кончался в Эндсвиле, так что еще тысячу километров надо было трястись по Морям Ясности и Спокойствия на луноходе — и дорого, и опасно. Я бывал там, но по контракту и добирался на почтовой ракете.

До того как поездки подешевели, жители Луна-Сити и Нового Ленинграда думали, что в Гонконге живут одни китаезы. Но на самом деле его население такое же смешанное, как и у нас. Великий Китай сваливал туда всех, в ком не нуждался: сначала из старого Гонконга, потом из Сингапура, потом австралийцев и новозеландцев, черных и метисов с островов Тихого океана, малайцев, тамилов… всех не перечислишь. Даже старых большевиков из Владивостока, Харбина и Улан-Батора. Вай походила на шведку, носила имя американской территории и английскую фамилию, но вполне могла быть русской. В те времена лунари редко знали, кто их отец, а интернатские и про своих матерей ничего толком не помнили.

Я думал, Вайоминг застесняется выступить. На помосте она казалась испуганной и *маленькой*, а

Коротышка высился над ней черной горой. Она подождала, когда стихнет восторженный свист. В Луна-Сити в те годы на каждую женщину приходилось двое мужчин, а на этом митинге — не менее десяти. Начни она читать вслух букварь, ей бы все равно аплодировали.

И тут она им выдала:

— Вы! Вот ты, например, фермер! Ты говоришь, что разоряешься. А знаешь ли ты, сколько платит индуска-домохозяйка за килограмм муки, сделанной из твоего зерна? Знаешь, на сколько потянет тонна твоей пшеницы в Бомбее? А как дешево обходится Администрации транспортировка пшеницы от катапульты до Индийского океана — это ты знаешь? Грузы просто катятся вниз по орбите, как по склону горы. Только и нужно, что немного твердого топлива для торможения, а откуда оно берется? Да тоже отсюда! А что вы получаете взамен? Корабли, принадлежащие Администрации, привозят сюда безделушки и модные тряпки, которые стоят неимоверно дорого, ибо они *импортадо! Импортадо! Импортадо!* Я никогда не прикасаюсь ни к чему *импортадо*. Если вещь сделана не в Гонконге, она мне и даром не нужна. А что еще вы получаете за пшеницу? Привилегию продавать лед Лунной администра-

ции, выкупать назад в виде воды для умывания и возвращать задаром той же Администрации. Затем вы вторично покупаете ту же воду для смывных бачков, обогащаете ценными компонентами и снова отдаете Администрации, чтобы купить эту воду в третий раз, но уже втридорога, для нужд своего сельского хозяйства. Потом вы продаете свою пшеницу Администрации по ее цене и на эти деньги покупаете у Администрации энергию, опять-таки по ее цене! Лунную энергию, заметьте; ни один киловатт не привезен сюда с Терры. Для ее производства используется лунный лед и лунная сталь, солнечное тепло, падающее на поверхность Луны, и производят ее сами лунари! Эх вы, тупоголовые! Вы вполне заслуживаете своей участи — подохнуть с голоду!

Наступила тишина, более уважительная, чем недавний свист. Потом чей-то раздраженный голос произнес:

— А чего вы от нас хотите, *gospazha*? Забросать коменданта камнями, что ли?

Вайоминг улыбнулась:

— Да, можно, пожалуй, и камнями. Однако решение столь просто, что известно каждому. Мы, лунари, богаты. Три миллиона трудолюбивых, смышленых, опытных людей, достаточно воды,

неисчерпаемые ресурсы энергии, колоссальная кубатура. Но… чего у нас нет, так это свободного рынка. *Мы должны сбросить Администрацию!*

— Конечно, но как?

— Солидарностью. В Гонконге мы учимся этому. Администрация назначает фантастические цены на воду — не покупайте ее. Платит слишком мало за лед — не продавайте. Держит монополию на экспорт — не экспортируйте. Там, в Бомбее, наша пшеница необходима. Если она туда не прибудет, рано или поздно брокеры приползут сюда сторговать ее по тройной цене, если не дороже!

— А что мы будем делать в это время? Положим зубы на полку?

Голос тот же самый — раздраженный. Вайоминг вычислила его владельца и покрутила головой, что на языке жестов у лунарки означает: «Слишком уж ты для меня толст!»

— В твоем случае, приятель, это не помешало бы, — сказала она.

Хохот зала заставил толстяка заткнуться, а Вайоминг продолжала:

— Голодать никому не придется. Фред Хаузер, приезжай со своим буром в Гонконг. Наши системы водо– и воздухоснабжения не принадлежат Администрации, так что за лед мы платим столь-

ко, сколько он стоит. Ты, фермер-банкрот, если хватит у тебя смелости признать, что ты разорен, приезжай в Гонконг и начинай все сначала. У нас постоянная нехватка рабочих рук, и хороший работник с голоду не помрет. — Она оглядела зал и добавила: — Свое я сказала. Дело за вами! — И, покинув платформу, села между Коротышкой и мной.

Ее била дрожь. Коротышка похлопал ее по руке. Вай бросила ему благодарный взгляд, а потом шепнула мне:

— Как я справилась?

— Лучше не бывает, — заверил я. — Сногсшибательно!

Это ее вроде бы успокоило.

Но я не был искренен до конца. Она великолепно сумела раскачать толпу. Однако красивые речи — это нулевая программа… Что мы рабы, я знал всю жизнь, и с этим ничего нельзя было поделать. Да, нас не покупали и не продавали, но Администрация обладала монополией на все, что мы продавали и покупали, а значит, мы были рабами.

Как с этим бороться? Будь нашим владельцем комендант, мы бы уж как-нибудь нашли способ его ликвидировать. Но Лунная администрация

находилась не в Луне, а на Терре, а у нас не было ни единого корабля, ни одной завалящей водородной бомбочки. Не было даже огнестрелов, хотя что бы мы стали с ним делать, честное слово, не знаю. Скорее всего, перебили бы друг друга.

Три миллиона безоружных лунарей против одиннадцати миллиардов землян с космическими кораблями, бомбами и всяческим вооружением. Конечно, мы могли бы доставить им кое-какие неприятности, но много ли времени нужно родителю, чтобы выпороть непослушного ребенка?

Нет, речь Вайо меня не впечатлила. Как говорится в Библии, *Bog* за тех, у кого артиллерия тяжелее.

И снова пошло квохтанье насчет того, что делать, как организоваться, опять началась болтовня насчет «плечом к плечу». Председатель снова застучал молотком, а я начал ерзать.

Но, услышав знакомый голос, тут же приклеился к креслу.

– *Gospodin* председатель, не будет ли собрание столь снисходительно, чтобы выслушать мое мнение? Я отниму у вас не более пяти минут.

Я пошарил взглядом в рядах. Профессор Бернардо де ла Пас — я узнал бы его по старомодным

оборотам речи, даже если бы не вспомнил родной голос. Мужик он представительный — копна волнистых белоснежных волос, на щеках ямочки, в голосе неизменная улыбка… Не знаю, сколько в то время ему исполнилось лет, помню только, что он уже был стар, когда я мальчишкой впервые с ним встретился.

Его сослали сюда еще до моего рождения, однако в лагере он не сидел.

Проф был политическим ссыльным, как и сам комендант, но поскольку занимался подрывной деятельностью, то теплого местечка вроде комендантского ему не дали. Его попросту выбросили на свалку — живи или подыхай, как выйдет.

Без сомнения, он мог получить работу в любой из школ Луна-Сити, но не захотел. Некоторое время он, говорят, работал судомоем, потом нянькой, затем из этого занятия вырос детский сад. Когда я с ним познакомился, у него был учебный комплекс от яслей до старших классов, интернат плюс приходящие ученики. В кооперативе работало тридцать учителей, а сам профессор подумывал о введении курсов на уровне колледжа.

В интернате у него я не жил, а вот учиться пришлось. Меня приняли в семью в четырнадцать лет и тут же послали в школу, поскольку все мое

образование состояло из трех классов и нерегулярных частных уроков. Моя старшая жена была женщина твердая и заставила меня учиться.

Я любил профа. Он мог преподавать что угодно. И не важно, знал он данный предмет или нет. Если ученик хотел чему-то обучиться, проф улыбался, назначал цену, отыскивал нужные материалы и постоянно держался на несколько уроков впереди ученика. А главное, если предмет был труден, проф никогда не прикидывался, будто знает то, чего не знает. Я брал у него уроки алгебры, а когда мы дошли до кубических уравнений, я поправлял его ошибки не реже, чем он мои, и каждый раз он приступал к уроку с живым интересом.

С ним же я начал заниматься и электроникой, но вскоре оказалось, что это я его учу. Проф перестал брать с меня плату; мы какое-то время учились вместе, потом он откопал где-то инженера, готового подхалтуривать в школе, и тогда мы оба стали платить новому учителю. Проф старался от меня не отставать и, хотя дело у него шло туго, с радостью насыщал свой мозг новыми знаниями.

Председательствующий стукнул молотком.

— Мы будем рады предоставить профессору де

ла Пасу столько времени, сколько ему понадобится, а вы, приятели, что на галерке, заткнитесь! А то я этот молоток испробую на ваших пустых башках!

Проф вышел вперед, и все притихли, насколько лунари вообще способны притихнуть. Его уважали.

— Я не отниму у вас много времени, — начал он. Остановился, нашел взглядом Вайоминг, оглядел ее с головы до ног и вежливо присвистнул. — Прекрасная сеньорита, сможете ли вы простить меня, недостойного? Я принужден исполнить печальнейший долг и не согласиться с вашим красноречивым манифестом.

Вайо ощетинилась:

— Как это — не согласиться? Все сказанное мной — истина!

— Ну пожалуйста! Только по одному пунктику! Разрешите продолжить?

— Э-э-э… давайте…

— Вы безусловно правы в том, что Администрация должна исчезнуть. Глупо, нелепо и невыносимо, что всеми важнейшими отраслями экономики у вас заправляет безответственный диктатор. Это противоречит самому основному из прав человека — праву обмениваться плодами

своего труда на свободном рынке. Но при всем уважении к вам, я полагаю, что вы ошибаетесь, утверждая, будто мы должны продавать Терре пшеницу… или рис, или другое продовольствие, хотя бы и по очень высоким ценам. Нет, мы вообще не должны экспортировать продовольствие!

Тут взорвался фермер, производивший пшеницу:

— А что же я буду делать с этой прорвой пшеницы?

— Пожалуйста, не торопитесь! Было бы правильно отправлять пшеницу на Терру… если бы нам возвращали ее тонна за тонну. Возвращали в виде воды. В виде нитратов. В виде фосфатов. Тонна за тонну. Иначе любая цена будет слишком низкой.

— Обожди-ка! — сказала фермеру Вайоминг, а затем обратилась к профессору: — Но это невозможно, вы сами знаете. Скатить грузы вниз под горку мы можем задешево, но доставить их сюда — это дорогое удовольствие. Кроме того, нам не нужны ни вода, ни удобрения, а то, что нам нужно, весит не так уж много. Инструменты. Лекарства. Технологии. Кое-какая техника. Программное обеспечение. Я эту проблему, сэр, изучила во всех подробностях. Если мы получим

на свободном рынке справедливые цены…

— Пожалуйста, мисс! Можно мне продолжить?

— Давайте. Я все равно опровергну ваши доводы.

— Фред Хаузер поведал нам, что находить лед все труднее. Это, к сожалению, истина, и это плохие вести сегодня и еще более страшные для наших внуков. Луна-Сити надлежало бы сейчас пользоваться все той же водой, что двадцать лет назад… добавляя постепенно ископаемый лед по мере прироста населения. Но мы пользуемся водой одноразово, вернее, используем ее в одном-единственном цикле, включающем три вида потребления. А потом экспортируем воду в Индию. В виде пшеницы. Хотя она и проходит вакуумную обработку, но в ней остается драгоценная влага. Зачем же экспортировать воду индусам? К их услугам целый Индийский океан! Да и остальная часть массы этого зерна не менее разорительна для нашей экономики — питательные вещества для растений еще труднее получать, хотя мы и добываем их из горных пород. Услышьте меня, *tovarishchee*! Каждый груз, который вы отправляете на Терру, приговаривает ваших внуков к медленной смерти. Чудо фотосинтеза, цикл «растение — животное» — замкнутый

цикл. Вы разомкнули его, и это ваша собственная кровь струится по орбите, ведущей вниз, к Терре. Не высокие цены нужны нам — деньги есть не будешь! Нам необходимо положить конец нашим потерям. Абсолютное, полное эмбарго. Луна должна перейти на самообеспечение!

По меньшей мере десяток людей потребовали слова, другие переговаривались между собой, председательствующий лупил молотком. Поэтому я не замечал, что началась заварушка, пока не услыхал женский вопль и не обернулся.

Все двери были открыты, в ближайшей стояли трое вооруженных людей в желтой форме комендантской охраны. У главного входа, подальше от меня, один из охранников ревел в мегафон, перекрывая и шум толпы, и систему внутреннего вещания.

— Тихо! Тихо! — гремел мегафон. — Всем оставаться на местах! Вы арестованы! Не двигаться! Выходить по одному! Руки вперед, ладонями вверх!

Коротышка сграбастал сидевшего рядом с ним мужика и швырнул его в ближайших охранников. Двое упали, третий выстрелил. Кто-то пронзительно вскрикнул. Тощая рыженькая девчонка лет одиннадцати-двенадцати кинулась в

ноги третьему охраннику, свернувшись в полете в клубок, и ударила его под колени. Он рухнул на пол. Коротышка протянул руку, задвинул Вайоминг Нотт себе за спину, прикрыв ее своим огромным телом, крикнул через плечо: «Держись за мной, Ман, и приглядывай за Вайо!» — и бросился к двери, раскидывая толпу направо и налево, как детишек.

Снова послышались вопли, и я почуял ту самую вонь, которую навек запомнил в тот день, когда потерял руку. Я с ужасом понял, что у охранников не электрошокеры, а лазеры. Коротышка добрался до дверей и схватил каждой своей лапищей по охраннику. Рыжей девчонки видно не было. Охранник, которого она сбила с ног, стоял на четвереньках.

Я размахнулся левой и двинул ему по морде; удар, сломавший ему челюсть, отдался болью у меня в плече. Наверное, я замешкался, так как Коротышка толкнул меня и заорал:

— Торопись, Ман! Уводи ее отсюда!

Я обхватил Вайо за талию и швырнул в открытую дверь через тело охранника, которого только что успокоил. Это было нелегко — Вайо, похоже, вовсе не желала, чтобы ее спасали. За дверью она остановилась, но я наподдал ей под зад, поставив

перед выбором — упасть или бежать вперед.

И оглянулся.

Коротышка держал двух охранников за шеи. Ухмыльнувшись, он столкнул их головами. Черепа треснули, как яичная скорлупа. Коротышка крикнул:

— Дуй отсюда!

Я рванул вслед за Вайоминг. Коротышка не нуждался в помощи и никогда уже не будет в ней нуждаться — и я не мог допустить, чтобы его последнее усилие пропало втуне. Потому что видел: убивая охранников, Коротышка стоял на одной ноге. Другая была срезана лазером по самое бедро.

Глава 3

Я догнал Вайо только на середине пандуса, ведущего к шестому уровню. Она неслась как угорелая, и я еле успел схватиться за ручку воздушного шлюза, чтобы влететь вслед за ней. Там я поймал ее, сорвал с локонов красный колпак и спрятал в сумку. Свой колпак я где-то посеял.

— Так-то лучше.

Казалось, она очень удивилась. Потом сказала:

– *Da*. Так лучше.

— Прежде чем мы откроем дверь, — сказал я, — хотелось бы узнать: ты бежишь в какое-то определенное место? Мне остаться тут и задержать погоню? Или уходить с тобой?

— Не знаю. Лучше нам подождать Коротышку.

— Коротышка убит.

Ее глаза расширились, но она промолчала. Я продолжал:

— Ты остановилась у него? Или у кого-нибудь другого?

— Я забронировала номер в отеле — *«Gostaneetsa Ukraina»*. Не знаю, где это… Не успела заскочить туда до собрания.

— М-м-м… это единственное место, куда тебе определенно нельзя. Вайоминг, я не понимаю, что происходит. Ведь я впервые за много месяцев увидел в Луна-Сити охранников коменданта… да и раньше я их видел только в эскорте какого-нибудь шишкаря. Я мог бы пригласить тебя к себе домой… но, возможно, меня тоже разыскивают. Во всяком случае, нам надо поскорее смотаться из общественных коридоров.

Раздался стук в дверь шлюза со стороны шестого уровня, чье-то маленькое личико прильнуло к стеклянному смотровому глазку.

— Здесь оставаться нельзя, — повторил я, от-

крывая дверь.

За ней оказалась девчушка, еле доставшая мне до пояса. Она презрительно посмотрела на нас и бросила:

— Могли бы целоваться где-нибудь в другом месте. А тут вы мешаете движению.

Я открыл ей вторую дверь, и она втиснулась между нами.

— Давай прислушаемся к ее совету, — предложил я. — Ты возьми меня под руку и постарайся сделать вид, что тебе не терпится остаться со мной наедине. Будем прогуливаться. Не спеша.

Так мы и сделали. Вышли в какой-то боковой коридор, там народу почти не было, кроме детей, вечно снующих под ногами. Если охранники коменданта начнут преследовать нас на манер терранских копов, десятки или даже сотня ребят смогут подсказать, куда пошла высокая блондинка, — если, конечно, допустить, что лунарик снизойдет до разговора с комендантскими ищейками.

Паренек, уже достаточно взрослый, чтоб отдать дань восхищения Вайоминг, остановился перед нами и восторженно свистнул. Она улыбнулась и сделала ему знак посторониться.

— Вот в чем наша беда, — шепнул я ей на

ухо. — На тебя глазеют, как на Терру в период полноземья. Придется зарыться в гостинице. Тут в соседнем коридоре есть одна — не *Bog* весть что, туда приходят парочки перепихнуться. Зато близко.

— Я нынче не в настроении.

— Вайо, ради *Bog*'а! Я же не об этом. Можно взять и отдельные комнаты.

— Извини. Слушай, ты не знаешь, где здесь туалет? И нет ли поблизости аптеки?

— Что-нибудь случилось?

— Не то, что ты думаешь. Туалет нужен, чтобы на время спрятаться от чужих глаз. Я действительно слишком заметна… А в аптеке можно купить косметику. Грим для тела. И краску для волос.

С туалетом было просто — он оказался рядом. Когда Вайо заперлась в нем, я отыскал аптеку, спросил, сколько грима требуется для нанесения на все тело девушке такого-то роста (показал себе по подбородок) и массой сорок восемь кило. Купил, сколько сказали, сепии, зашел в соседнюю аптеку, купил еще столько же, выиграл в цене в первом месте, проиграл во втором, в общем получилось то на то. Потом в магазине взял черной краски для волос и красное платье.

Вайоминг носила черные шорты и пуловер — удобно для путешествия и эффектно выглядит на блондинке. Но я женат чуть ли не с детских лет, а потому имею некоторое представление о том, как одеваются женщины, и в жизни еще не видел темнокожей дамы, которая добровольно оделась бы в черное. Кроме того, в те времена модницы в Луна-Сити носили юбки. Штучка, которую я купил, состояла из юбки с корсажем, а ее цена убедила меня, что это модная штучка. Конечно, пришлось гадать насчет размера, но материал был эластичный.

По дороге наткнулся на троих знакомых, перекинулись парой слов. Никаких особых комментариев. Народ кругом спокойный, торговля идет как обычно — трудно поверить, что пару минут назад на соседнем уровне, всего в нескольких сотнях метров к северу, была такая бойня. Я решил пока об этом не думать — лишние волнения мне были ни к чему.

Все купленное я отнес Вайоминг, позвонил в дверь, просунул вещи в щель. Потом зашел на полчаса в ближайшую пивнушку выпить поллитра и посмотреть видео. Никакого переполоха, никаких «мы прерываем нашу программу для передачи экстренного сообщения». Я вернулся к

Вайо, позвонил и стал ждать.

Вайоминг вышла, и я ее не узнал. А когда узнал, то отступил назад и выдал ей натуральную овацию. Она того заслуживала — и свиста, и щелканья пальцами, и восторженных стонов, и взглядов, что обшаривали не хуже радара.

Теперь Вайо была даже темнее меня, грим выглядел вполне естественным. Должно быть, в сумочке у нее нашлось кое-что еще, так как глаза тоже стали темными, ресницы им под стать, а рот увеличился и приобрел багровый оттенок. Она выкрасила волосы черной краской, затем с помощью крема взбила их, словно желала распрямить, но плотные завитки волос не совсем поддались ее усилиям, — в общем, получился очаровательный художественный беспорядок. Она не выглядела африканкой, но и европейкой тоже. Женщина смешанных кровей — словом, типичная лунарка. Красное платье ей оказалось маловато. Оно облегало, будто напыленное из баллончика, а где-то с середины бедер расходилось клешем благодаря постоянному статическому заряду. Плечевой ремень с сумочки Вайо сняла, сумочку сунула под мышку. Туфли то ли выбросила, то ли запихала в сумочку, босая она стала ниже ростом.

Выглядела она здорово, а главное, в ней никак

нельзя было заподозрить агитаторшу, которая совсем недавно с такой страстью будоражила толпу.

Она улыбалась и плавно поводила бедрами, покуда я ей аплодировал. Я еще не закончил, когда двое мальчишек встали рядом и довершили общую картину воплями восторга и чечеткой. Я им слегка наподдал и велел сгинуть. Вайо подплыла ко мне и взяла под руку.

— Ну как? Сойдет?

— Вайо, ты похожа на красотку из бордель-автомата.

— Ах ты *дреклиш* мальчишка! По-твоему, я так дешево стою? Турист!

— Не ершись, детка. Только цену назови да свистни. За такой лакомый кусочек никакой капусты не жалко, а у меня ее немало нашинковано.

— Ух! — Она с силой толкнула меня под ребро и усмехнулась. — Шучу, приятель. Если я когда-нибудь соглашусь с тобой переспать — а это вряд ли, — о капусте мы говорить не будем. Давай-ка поищем твой отель.

Сказано — сделано. Я заплатил за ключ. Вайоминг разыграла целое представление, но совершенно напрасно. Ночной портье даже глаз

не поднял от своего вязания и не предложил нас проводить. Как только мы оказались в номере, Вайоминг закрыла дверь на задвижку.

— А тут очень мило.

Еще бы не мило! За тридцать-то два гонконгских доллара! Видимо, она ожидала увидеть просто конуру с койкой, но я не привел бы ее в какую-то дыру даже ради спасения жизни. У нас был комфортабельный номер с ванной и неограниченным водоснабжением. И еще телефон и лифт доставки, который лично мне сейчас казался жизненно необходимым.

Вайоминг раскрыла сумочку.

— Я видела, сколько ты заплатил. Давай договоримся, что…

Я протянул руку, защелкнул замок на ее сумочке:

— Ты сама сказала — о капусте говорить не будем.

— Что? Ох, *мерд*, но это же насчет перепихнуться! А ночлежку ты снял для меня, и поэтому будет справедливо…

— Выключись!

— Ну… хотя бы половину!

– *Nyet*. Вайо, ты далеко от дома. Деньги тебе еще пригодятся.

— Мануэль О'Келли, если вы не позволите мне внести свою долю, я сейчас же уйду!

Я раскланялся:

– *Dosvedanyuh, Gospazha, ee sp'coynoynochi.* Надеюсь, еще увидимся. — И повернулся, чтобы открыть дверь.

Вайо сверкнула на меня глазами и со злостью захлопнула сумочку:

— Я остаюсь. *M'гой!*

— На здоровье.

— Нет, в самом деле, я очень тебе благодарна. И в то же время… я не привыкла принимать одолжения. Я женщина независимая.

— Поздравляю.

— Нечего язвить. Ты мужик с характером, я уважаю тебя за это. И рада, что ты на нашей стороне.

— Я в этом не уверен.

— Что?

— Не заводись. Я не на стороне коменданта. И ничего не разболтаю… Не хочу, чтобы Коротышка, упокой *Bog* его душу, являлся ко мне по ночам. Но твоя программа не кажется мне практичной.

— Но, Манни, ты же не понимаешь! Если мы все…

— Помолчи, Вай; оставим в покое политику. Я

устал и голоден. Когда ты ела в последний раз?

— Ой-ой! — Внезапно она показалась мне маленькой, совсем юной и измотанной. — Не помню. Надо думать, в луноходе. Скафандровый рацион.

— Как тебе нравится такое меню: бифштекс с кровью по-канзасски, печеный картофель, соус «Тихо», зеленый салат и кофе… а перед этим выпивка?

— Божественно!

— Я тоже так считаю, но нам очень повезет, если в этой дыре, да еще в такой час, мы получим хотя бы суп из хлореллы и бургеры. Что будешь пить?

— Все, что угодно. Этанол.

— О'кей. — Я подошел к лифту доставки и нажал на клавишу. — Меню, пожалуйста.

Оно тут же зажглось, я выбрал шашлык на ребрышках плюс гарнир и две порции апфельштруделя со взбитыми сливками. Потом добавил пол-литра водки со льдом и отметил звездочкой — значит, доставить в первую очередь.

— Как ты думаешь, я успею принять ванну? Ты не против?

— Валяй, Вайо. Будешь получше пахнуть.

— Негодяй! Посидел бы двенадцать часов в

скафандре, от тебя бы тоже несло. Не луноход, а кошмарный сон какой-то. Я быстренько.

— Погоди-ка, Вайо! А грим не смоется? Он ведь еще пригодится, куда бы ты ни направилась…

— Смоется. Но ты купил втрое больше, чем нужно. Извини, Манни; я обычно беру с собой грим, когда еду по партийным делам, мало ли что может случиться. Как сегодня, например, хотя в таких переделках я еще не бывала. Но в этот раз я спешила, пропустила одну капсулу и чуть было не опоздала на луноход.

— Ладно. Иди отскребывайся.

— Есть, сэр, слушаюсь, капитан. Да… Потереть спинку мне не требуется, но я оставлю дверь приоткрытой, чтобы можно было поболтать. Просто ради компании — это не приглашение.

— Делай как знаешь. Мне уже приходилось видеть женщин.

— Как они небось волновались, бедняжки! — Вайо усмехнулась и еще раз ткнула меня кулачком под ребра (неслабо), потом вошла в ванную и пустила воду. — Манни, может, ты хочешь вымыться первым? Для моего грима и той вони, на которую ты жаловался, вполне сойдет вода, бывшая в употреблении.

— Здесь, милочка, вода не лимитирована. Так

что лей — не жалей.

— Какая песня! Дома я моюсь в одной и той же воде три дня подряд. — Она присвистнула тихо и радостно. — Ты что, очень богат, Манни?

— Не богат, но и слез по деньгам не лью.

Звякнул лифт доставки. Я приготовил мартини, то есть налил поверх ледяных кубиков водку, вручил Вайо ее стакан, вышел из ванной и сел так, чтобы ее не было видно. Впрочем, я и в ванной ее не видел — она по уши зарылась в балдежную пышную пену.

– *Pawlnoi zheesni!* — громко предложил я тост.

— Полной жизни и тебе, Манни. Вот лекарство, которое мне необходимо! — После паузы, потребовавшейся для приема лекарства, она продолжила: — Манни, ты женат? *Йа?*

– *Da*. Это видно?

— Ага. Ты с женщиной вежлив, но независим и не бросаешься, как голодный. Итак, ты женат, и женат давно. Дети есть?

— Семнадцать на четверых.

— Клановый брак?

— Линейный. Принят в четырнадцать лет, сейчас я пятый из девяти. Так что семнадцать номинальных детей. Семья большая.

— Должно быть, это славно. Я толком и не виде-

ла линейных семей, они в Гонконге редки. Много браков клановых, групповых, всякие разные полиандрии, а вот линейные как-то не прижились.

— Это действительно славно. У нас брак почти с вековым стажем. Восходит ко времени основания Джонсон-Сити и первых ссыльнопоселенцев. Двадцать одно звено, девять из них живы, разводов не было. Ну, конечно, когда собираются все потомки, родственники и свойственники на дни рождений и свадеб — это натуральный дурдом. Детей-то куда больше, чем семнадцать, мы просто не считаем тех, что женятся, иначе у меня были бы детишки, которые по возрасту годились бы мне в деды и бабки. Отличный образ жизни — не ощущаешь никакого гнета. Возьми хоть меня: никто не поднимает шума, если я целую неделю не появляюсь дома и даже не звоню по телефону. Зато все обрадуются, когда я вернусь. В линейных браках разводы редки. Что может быть лучше?

— Думаю, ты прав. А как вы живете друг с другом? Чередуетесь? Через какие интервалы?

— Никаких строгих интервалов, живем, как кому удобно. Чередовались до пополнения в прошлом году. Мы женились на девушке, хотя для чередования требовался парень. Однако случай был особый.

— В каком смысле особый?

— Моя самая младшая жена — внучка старейших мужа и жены. Во всяком случае, точно, что она родная внучка Ма. Старшую жену у нас зовут «Ма», мужья иногда называют ее по имени — Мими. Возможно, девочка действительно происходит от Деда, но с другими супругами кровно не связана. Поэтому жениться на ней мы могли без проблем, хотя в некоторых семьях даже кровное родство не препятствие. А Людмила выросла в нашей семье, поскольку мать родила ее еще до брака, а потом, уехав в Новолен, оставила у нас. Мила повзрослела, но даже слышать не желала об уходе из семьи. Плакала, умоляла сделать для нее исключение. Ну, мы его и сделали. Дед с генетической точки зрения в расчетах не фигурировал — его интерес к женщинам теперь скорее галантный, нежели практический. В качестве старшего мужа он чисто символически провел с ней брачную ночь. Второй по старшинству муж — Грег — позже довел дело до конца, и все сделали вид, что так и надо. Все счастливы. Людмила — очаровательная девушка, ей уже пятнадцать, и она носит своего первого ребенка.

— Ребенок твой?

— Я думаю, Грега. Мой, конечно, тоже, но, вооб-

ще-то, я тогда был в Новом Ленинграде. Вероятно, все-таки Грега, если Мила не прибегла к помощи со стороны. Но это вряд ли, она у нас домоседка. И готовит отлично.

Снова звякнул лифт. Я занялся делом, раскрыл складной столик, расставил стулья, оплатил счет и отправил лифт наверх.

— Ну что — скормим все свиньям?

— Иду! Я не накрашена — это ничего?

— Можешь явиться вообще в чем мама родила.

— За пару монет, пожалуй, рискнула бы, мистер многоженец.

Она явилась мгновенно — снова блондинка, волосы гладко зачесаны назад, еще влажные. Свой черный туалет она надевать не стала, натянула ту красную юбку, что я купил. Красное ей было к лицу. Села и подняла крышки с блюд.

— Господи! Манни, а твоя семья на мне не женится? Ты клевый добытчик!

— Могу спросить. Решение должно быть единогласным.

— Мне кажется, у вас и без меня тесновато. — Вайо взяла палочки и приступила к делу. Спустя этак тысячу калорий она сказала: — Я говорила, что я женщина независимая. Но так было не всегда.

Я ждал. Женщины говорят, когда захотят. Или не говорят вообще.

— Когда мне исполнилось пятнадцать, я вышла замуж за двух братьев-близнецов, вдвое старше меня, и была безумно счастлива.

Она поковыряла то, что осталось на тарелке, и, по-видимому, решила сменить тему.

— Манни, насчет желания выйти замуж за твою семью… это просто треп. Ты вне опасности. Если я когда-нибудь снова выйду замуж, что вряд ли, хотя, по идее, я не против, у меня будет один мужчина. Такой маленький семейный тандем, как у землеедов. Я не хочу сказать, что надену на мужа ошейник… Мне все равно, где он будет обедать, лишь бы к ужину приходил домой. И я постараюсь сделать его счастливым.

— Близнецы стали затевать свары?

— Нет, ничего подобного. Я забеременела, и все мы были в восторге… и ребенок родился и оказался уродом, и его пришлось ликвидировать. Братья были внимательны ко мне, но я умею читать между строк. Подала на развод, стерилизовалась, уехала из Новолена в Гонконг и начала жизнь заново, уже в качестве независимой женщины.

— А ты не поспешила? Тут чаще виноваты мужчины, чем женщины. У мужиков больше шансов

подвергнуться облучению.

— Нет, со мной все ясно. Нас проверила математик-генетик в Новолене, одна из лучших бывших специалистов Совсоюза. Я знаю, в чем дело. Я ведь добровольный колонист, то есть моя мать прилетела добровольно, мне тогда всего пять было. Отца выслали, мать подхватила меня и рванула за ним. Поступило предупреждение о солнечной буре, но пилот решил, что сумеет обогнать ее, а может, ему было плевать. Он-то был киборг. Бурю он все же обогнал, но она настигла нас на поверхности Луны. Манни, я и в политику-то ударилась из-за этого. Четыре часа нас мариновали на борту, не выпускали из корабля — какая-то бюрократическая волокита, что-то типа карантина. Я тогда была маленькая, не помню. Но потом у меня хватило мозгов понять, почему я родила урода: потому что Администрации было абсолютно наплевать, что произойдет с нами — с изгоями.

— Не спорю, им действительно плевать на нас. Но, Вайо, все равно ты поторопилась. Если даже причина несчастья в радиации, то… извини, я не генетик, но кое-что в радиации смыслю. Просто одна из твоих яйцеклеток была повреждена. Это не значит, что другие, соседние, тоже задеты. Статистически такое маловероятно.

— Да, я знаю.

— М-м-м… а стерилизация радикальная? Или предохранительная?

— Предохранительная. Трубы можно снова открыть. Но, Манни, женщина, родившая урода, никогда не рискнет вторично. — Она дотронулась до моего протеза. — У тебя протез. Разве ты не стал в десять раз осторожнее, чтобы не рисковать вот этой? — Она коснулась здоровой руки. — Я тоже не хочу рисковать. У тебя своя болячка, у меня своя, и я бы вообще о ней не заикнулась, не будь ты тоже покалечен.

Я не стал распространяться на тему, что моя левая рука куда ловчее правой; все равно Вай была права. Я бы свою правую ни на что не сменял. Чем бы я без нее гладил девчонок?

— Все равно, я думаю, ты могла бы рожать здоровых детей.

— Еще бы. Я родила восьмерых.

— Э-э-э…

— Я профессиональная суррогатная мать.

Я раскрыл рот, потом закрыл. В самой-то идее не было ничего странного. Я читал земные газеты, но не думал, что в Луна-Сити в 2075 году хоть один хирург делал такую трансплантацию. У коров — пожалуйста! Но женщины Луна-Сити ни

за какие деньги не стали бы вынашивать детей для других матерей. Даже самые невзрачные и те легко могли заполучить мужа или шестерых. (Поправка: невзрачных женщин не существует — просто одни прекраснее других.) Я глянул на ее фигуру и быстренько отвел взгляд. Вайо сказала:

— Не напрягайся, Манни, сейчас я не ношу ребенка. Слишком увлеклась политикой. Но быть суррогатной матерью — хорошая профессия для независимой женщины. Высокая оплата. Некоторые китайские семьи очень богаты, а все мои дети — китайчата. Они в среднем почти в два раза меньше наших, а я здоровая корова. Два с половиной — три кило; вынашивать легко, и фигуру я не испортила. Эти... — Она поглядела на свои прелести. — Я детей не кормила и даже никогда не видела. Поэтому выгляжу не рожавшей и, возможно, более молодой, чем на самом деле. Я когда впервые услышала про это дело, даже не подозревала, насколько здорово оно мне подойдет. Я тогда работала продавщицей в лавке у индуса, фактически за еду. И вдруг вижу объявление в «Гонге Гонконга». Мысль родить ребенка, нормального ребенка, захватила меня; я все еще переживала из-за своего уродца и решила, что для бедняжки Вайоминг это самое то,

что надо. Я перестала комплексовать как женщина. Я зарабатывала столько, сколько не могла даже рассчитывать получить на любой другой работе. И свободного времени завались, ведь ребенок отнимал у меня от силы недель шесть, и то лишь потому, что я хотела быть честной с моими клиентами: ведь дети — штука ценная. А вскоре я увлеклась политикой. Стала искать связи, и подполье вошло со мной в контакт. Вот тогда-то, Манни, и началась у меня настоящая жизнь. Я изучала политику, экономику, историю, училась говорить с трибуны, неожиданно оказалась неплохим организатором. Эта работа приносит мне настоящее удовлетворение, ибо я верю в нее, я знаю — Луна будет свободной. Хотя… было бы так славно иметь мужа, спешить к нему домой… если, конечно, для него не важно, что я стерильна. Но я об этом не думаю — слишком много дел. Просто услышала про твою замечательную семью, вот и разболталась. Извини, что наскучила тебе.

Многие ли женщины способны извиняться? Но в Вайо в некоторых отношениях было больше мужского, чем женского, несмотря на восемь китайчат.

— Мне не было скучно.

— Попробую поверить. Манни, почему ты считаешь, что наша программа непрактична? Ты нам нужен.

Я вдруг почувствовал, что дико устал. Ну как сказать очаровательной женщине, что ее хрустальная мечта — чушь собачья?

— Хм… Вай, ну давай начнем по порядку. Ты сказала им, что надо делать. Но захотят ли они следовать твоим советам? Возьми хотя бы тех двоих, которых ты выбрала в качестве примера. Этот шахтер умеет рубить лед, больше он ничему не обучен. И он будет продолжать работать как заведенный — будет добывать лед и продавать его Администрации. То же самое и с пшеничным фермером. Много лет назад он выбрал монокультуру, а теперь у него в носу кольцо, как у быка. Хотел бы стать независимым, создал бы многоотраслевое хозяйство. Растил бы часть на прокорм семьи, продавал бы остальное на рынке и держался подальше от катапульты. Я знаю, что говорю, — сам из фермеров.

— Ты же говорил, что ты компьютерщик!

— Правильно, все это детали одной и той же картины. Компьютерщик я не *Bog* весть какой, но в Луне самый лучший. Я не желаю поступать на службу, а потому Администрация, когда ей

приспичит, заключает со мной договора на моих условиях. Иначе придется посылать за мастером на Землю, платить ему за риск, за вредность, а затем в темпе отправлять обратно, пока его организм не отвык от земных условий. И все это обойдется куда дороже. Вот почему я получаю работу, а достать меня Администрация не может — я ж не ссыльный. А если работы нет (обычно ее полно), торчу дома и отъедаюсь. У нас настоящая ферма, не монокультурная. Куры. Небольшое стадо бычков плюс молочные коровы, свиньи. Мутированные фруктовые деревья. Овощи. Немного пшеницы, которую мы мелем сами; крупчатка нам ни к чему, а то зерно, что остается, мы продаем на рынке. Сами варим пиво и гоним бренди. Я научился бурению, когда мы расширяли сеть туннелей. Работают все, но не до изнеможения. Ребятишки гоняют скот, чтобы он двигался, топталками мы не пользуемся. Самые маленькие собирают яйца и кормят птицу, так что техника нам не требуется. Воздух мы можем покупать у Луна-Сити, благо живем рядом с городом и соединены с воздушными туннелями. Но чаще мы сами продаем воздух — раз ферма, то и кислорода в избытке. Так что валюта для оплаты счетов у нас имеется.

— А как с водой и с энергией?

— Это недорого. Мы запасаем энергию — ставим на поверхности солнечные батареи; есть у нас и небольшое месторождение льда. Вай, наша ферма была основана за год до начала столетия, когда Луна-Сити представлял собой одну естественную каверну, и все это время мы расширяли и улучшали свое хозяйство. Это и есть одно из преимуществ линейного брака — семья не умирает, а капитал аккумулируется.

— Но запасы льда ведь не вечны?

— Ну, видишь ли… — Я почесал в затылке и ухмыльнулся. — Мы очень экономны; сами собираем мусор и бытовые стоки, сами их очищаем, ни капли не отдаем в муниципальную канализационную систему. Кроме того — только смотри не разболтай коменданту, дорогая, — уже давно, еще когда Грег учил меня бурению, мы случайно пробурили дно главного южного водохранилища; у нас был с собой кран, так что ни капельки не пропало даром. Но мы покупаем немного воды по счетчику — так выглядит естественней, а наличие льда объясняет, почему воды мы покупаем мало. Что до энергии, то ее воровать еще проще. Я неплохой электрик, Вайо.

— Ох, до чего же здорово! — Вайоминг присвист-

нула от восторга. — Ведь это доступно каждому!

— Надеюсь, что нет, иначе нас быстро засекут. Пусть каждый сам придумывает способ, как нагреть Администрацию, мы-то постоянно шевелим мозгами. Но вернемся к твоему плану, Вайо. В нем две большие прорехи. Во-первых, солидарности как таковой не существует. Типы вроде Хаузера присоединяются только потому, что попали в переплет и на плаву им не удержаться. А во-вторых, давай предположим, что ты ее добилась. Солидарности то есть. Такой прочной, что у входа катапульты не появилось ни одной тонны зерна. Забудем про лед — только зерно делает Администрацию могучей силой, а не просто скромным агентством, каким она была вначале. Итак — ни зернышка! Что произойдет?

— Как что?! Им придется договариваться с нами о справедливой цене, вот что!

— Дорогая, ты и твои друзья слишком много болтаете, поддакивая друг другу. Администрация назовет это мятежом, на орбите появится боевой корабль с бомбами, нацеленными на Луна-Сити, Гонконг, Тихо-Нижний, Черчилль, Новолен, высадятся войска, и зерновые баржи под охраной военных полетят к Терре, а фермеры сдрейфят и изо всех сил станут вилять хвостом перед Ад-

министрацией. У Терры есть оружие, есть бомбы и корабли, и она не позволит каким-то бывшим каторжникам диктовать условия. А смутьянов вроде тебя или меня… ты-то у нас заводила… Так вот, этих подлых смутьянов схватят и ликвидируют, чтобы другим неповадно было. А землееды скажут, что так нам и надо — сами напросились; потому что наших аргументов никто не услышит. Во всяком случае, на Терре.

Вайо стояла на своем.

— Революции побеждали не раз. У Ленина была всего лишь горсточка последователей.

— Ленин появился, когда возник вакуум власти. Вай, можешь меня поправить, если я ошибаюсь, но революции удавались тогда, и только тогда, когда правительства либо загнивали и становились бессильными, либо вообще переставали существовать.

— Неправда! Пример — Американская революция!

— А разве Юг не был потерян? *Nyet?*

— Речь не об этой, а той, что была столетием раньше. У них там трения возникли с Англией, примерно такие же, как сейчас у нас, и они победили!

— Ах вот о чем речь! Но разве Англия в то время

не была в труднейшем положении? Франция, Испания, Швеция… или Голландия? А также Ирландия. Ирландцы бунтовали. О'Келли участвовали в мятеже. Вайо, если тебе удастся заварить кашу на Терре, скажем войну между Великим Китаем и Северо-Американским Директоратом, или вдруг Пан-Африка решит сбросить бомбы на Европу, я первый скажу, что пора ухлопать коменданта и заявить Администрации, что ее время истекло. Но не сегодня!

— Ты пессимист!

– *Nyet*, реалист. Никогда не был пессимистом. Я слишком лунарь для того, чтобы не поставить все на кон, если есть хоть один шанс выиграть. Докажи, что у нас есть один шанс из десяти, и я пойду ва-банк. Но мне необходим этот шанс! — Я отодвинул стул. — Ну как, наелась?

— Да, *bolshoyeh spasebaw, tovarishch*. Замечательно.

— Очень рад. Пересядь на диван, я уберу стол и тарелки… Нет-нет, не мешай — ты гостья.

Я очистил стол, отправил назад посуду, кофе и водку оставил, сложил стол и стулья и повернулся, чтобы продолжить разговор.

Она растянулась на диване и заснула — рот открыт, глаза закрыты, а лицо такое мягкое и

совсем детское.

Я тихонько вышел в ванную, закрыл дверь. Отдраился на совесть — на душе сразу полегчало. Но сначала простирнул лосины. Пока я нежился в ванне, они уже высохли. По мне, так и конец света не беда, если можно помыться да надеть чистую одежку.

Вайо все еще спала, в связи с чем возникла проблема. Я взял номер с двумя кроватями, чтобы она не волновалась, что я начну к ней приставать. Я-то был не против, но она ясно дала понять, что не хочет. Но моя кровать раскладывалась из дивана, а настоящая кровать стояла сложенная. Попробовать разложить ее тихонько? Поднять Вайо на руки, как сонного ребенка, и уложить на новое место? Я опять отправился в ванную и сменил руку.

Потом решил подождать. Над телефоном был колпак-глушитель. Вайо, похоже, крепко спала, а меня снедало беспокойство. Я сел к телефону, опустил колпак и набрал «Майкрофт-ХХХ».

— Привет, Майк.

— Привет, Ман. Шутки прочел?

— Что? Майк, у меня не было ни минутки свободной. Это для тебя минута — прорва времени, для меня она — чик! — и нету. Но я все сделаю,

как только будет возможность.

— О'кей, Ман. Ты нашел не-дурака, с которым я мог бы поговорить?

— Тоже не успел. Хотя… подожди. — Я посмотрел сквозь колпак на Вайо. В данном случае «не-дурак» означало способность к сопереживанию. Этого у Вайо навалом. Но сумеет ли она подружиться с машиной? Вообще-то, похоже, сумеет. И вдобавок ей можно доверить: мало того что мы вместе попали в передрягу, она ведь еще и подпольщица. — Майк, а как ты насчет того, чтобы поговорить с девушкой?

— А девушки не дураки?

— Некоторые девушки очень даже не дуры, Майк.

— Тогда я хотел бы поговорить с девушкой не-дурой, Ман.

— Постараюсь организовать. Но сейчас я в затруднительном положении, мне нужна твоя помощь.

— Я помогу тебе, Ман.

— Спасибо, Майк. Мне надо позвонить домой, но не совсем обычным способом. Ты знаешь, иногда звонки можно проследить и, если комендант прикажет, любой телефон можно поставить на прослушку, а все звонки по нему — отслеживать.

— Ман, ты хочешь, чтобы я поставил на прослушивание твой телефон и проследил бы звонки по нему? Должен тебя проинформировать, что я уже знаю номер твоего домашнего телефона и номер, по которому ты сейчас звонишь.

— Нет-нет! Я как раз не хочу, чтобы меня прослушивали и выслеживали! Можешь соединить меня с домом, но так, чтобы линию нельзя было прослушать и засечь, откуда я звоню, даже если такая программа уже стоит? И чтобы никто не заподозрил, что их программа не сработала?

Майк немножко задержался с ответом. Надо думать, таких вопросов ему еще никто не задавал, и ему пришлось проиграть несколько тысяч вариантов, чтобы понять, позволяет ли его контроль над телефонной сетью вытворять подобные фокусы.

— Ман, я могу это сделать и сделаю.

— Великолепно. Сигнал программы… Если мне понадобится такое соединение, я вызову «Шерлока».

— Принято. Шерлок — это мой брат.

Год назад я объяснил Майку, откуда взялось его имя. Потом он прочел все рассказы о Шерлоке Холмсе, просканировав микрофильмы из Библиотеки Карнеги. Не знаю, что он там понял насчет

кровного родства; я не решился спросить.

— Отлично. Дай мне «Шерлок» к моему дому.

Минутой позже я сказал:

— Ма? Это твой любимый муж.

— Мануэль, у тебя опять неприятности?

Я люблю Ма сильнее, чем любую другую женщину, включая и остальных жен, но она никогда не устает меня воспитывать. Даст *Bog*, и впредь не перестанет. Я прикинулся обиженным.

— У меня? Ты же знаешь меня, Ма.

— Вот именно. Ну раз у тебя неприятностей нет, может быть, объяснишь, почему профессор де ла Пас так настойчиво жаждет с тобой поговорить — он звонил уже трижды, — и почему он хочет связаться с какой-то женщиной со странным именем Вайоминг Нотт, и почему думает, что она с тобой? Неужели ты завел себе грелку под бочок, Мануэль, а мне ничего не сказал? Милый, у нас в семье полная свобода, но ты же знаешь, я предпочитаю быть в курсе. Просто чтобы избежать неожиданностей.

Ма всегда ревнует к другим женщинам (кроме остальных жен), но никогда и ни за что на свете в этом не признается. Я ответил:

— Ма, убей меня *Bog*, никого я себе не заводил!

— Ладно. Ты всегда был правдивым мальчуга-

ном. Тогда в чем дело, объясни.

— Я спрошу у профессора. — (Не ложь — просто уловка.) — Он оставил свой номер?

— Нет, сказал, что звонит из автомата.

— Хм… Если он снова прорежется, пусть скажет, куда ему позвонить и когда. Я тоже говорю из автомата. — (Еще одна уловка.) — Между прочим, ты слушала последние известия?

— Ты же знаешь, я всегда их слушаю.

— Есть что-нибудь новое?

— Ничего интересного.

— В Луна-Сити все спокойно? Никаких убийств, мятежей и так далее?

— Нет, конечно. Только дуэль на Дне, но… Мануэль! Ты кого-нибудь убил?

— Нет, Ма.

(Сломать челюсть еще не значит убить.)

Она тяжело перевела дух.

— Ты когда-нибудь доведешь меня до инфаркта, милый. Ты помнишь, чему я тебя учила? В нашей семье не принято принимать участие в уличных драках. Если нужно кого-нибудь убить — а это крайне редкий случай, — вопрос необходимо взвесить и спокойно обсудить в кругу семьи. Там и решим, что да как. Если кого-то нужно ликвидировать, люди должны об этом знать. Пусть

даже придется немного подождать, репутация семьи того стоит…

— Ма! Да не убивал я никого и даже не собирался! А твою лекцию я уже наизусть знаю.

— Пожалуйста, дорогой, не забывай о вежливости.

— Прости.

— Уже простила. И забыла. Я должна сказать профессору де ла Пасу, чтобы он оставил свой номер? Скажу.

— Еще одно. Забудь имя Вайоминг Нотт. Забудь, что профессор меня спрашивал. Если позвонит кто-нибудь незнакомый или придет лично и спросит обо мне, то ты ничего обо мне не слыхала и не знаешь, где я… Скорее всего, уехал в Новолен. Ни на какие вопросы не отвечай, особенно если явятся комендантские ищейки.

— За кого ты меня принимаешь?! Мануэль, у тебя неприятности!

— Небольшие, и я с ними справлюсь. — (Хочется верить.) — Расскажу все, когда доберусь до дому. Больше говорить не могу. Люблю. Отключаюсь.

— Я тебя тоже люблю, милый. *Sp'coynoynauchi.*

— Спасибо и тебе тоже спокойной ночи. Отбой.

Ма — удивительный человек. Ее спровадили в Булыжник за то, что она порезала какого-то

мужика при обстоятельствах, вызывавших сильное сомнение в ее девичьей невинности. С тех пор она стала ярой противницей насилия и распущенности, хотя фанатичкой ее не назовешь. Готов поспорить, в юности она была огневой девкой, жаль, не довелось нам пообещаться в те времена; но я счастлив, что делю с ней вторую половину ее жизни.

Я снова вызвал Майка:

— Ты знаешь голос профессора Бернардо да ла Паса?

— Знаю, Ман.

— Так… Майк, возьми, пожалуйста, на прослушивание столько телефонов в Луна-Сити, сколько можешь, и если услышишь его голос, дай мне знать. Особое внимание удели телефонам-автоматам.

Прошло целых две секунды: я задавал Майку задачки, которых он никогда не решал; думаю, ему это нравилось.

— Я могу прослушать и идентифицировать все телефоны-автоматы Луна-Сити. Можно еще сделать случайную выборку прочих телефонов.

— Хм… Не перегружайся. Послушай его домашний телефон и телефон школы.

— Программа выполняется.

— Майк, ты лучший друг из всех, что у меня были.

— Это не шутка, Ман?

— Не шутка. Истина.

— Я горд… поправка: я горд и счастлив. Ты мой лучший друг, Ман, потому что единственный. А следовательно, никакое сравнение невозможно.

— Я позабочусь о том, чтобы у тебя появились новые друзья, которые не-дураки. Майк! У тебя есть свободный банк памяти?

— Есть, Ман. Емкость десять в восьмой степени битов.

— Превосходно. Можешь ты его заблокировать так, чтобы им пользовались только ты и я?

— Могу и сделаю. Назови сигнал блокировки.

— Э-э-э… «День взятия Бастилии».

Это был одновременно и день моего рождения, как объяснил мне профессор де ла Пас несколькими годами раньше.

— Банк заблокирован.

— Чудненько. У меня есть запись, которую я хотел бы туда поместить. Но сначала… Ты уже завершил набор завтрашнего номера «Ежедневного Лунатика»?

— Да, Ман.

— Есть там что-нибудь о митинге в Стиляги-

Холле?

— Ничего, Ман.

— А в новостях, транслируемых из города? О мятежах, например?

— Ничего, Ман.

— «Все страньше и страньше, — вскричала Алиса». Ладно, запиши это под шифром «День взятия Бастилии», потом обдумай. Только, *Bog*'а ради, даже в мыслях за пределы этого банка не высовывайся и все, что услышишь, держи там под замком.

— Ман, мой единственный друг, — робко проговорил он, — много месяцев назад я решил все наши с тобой разговоры записывать в личный банк, к которому доступ будешь иметь только ты. Я решил ничего не стирать из этих записей и перенес их из временной памяти в постоянную. Чтобы воспроизводить их снова, снова и снова и размышлять над ними. Я правильно поступил?

— Абсолютно. И, Майк… я польщен.

– *P'jal'st*. Файлы временной памяти у меня переполнились, но я понял, что твои слова я стирать не должен.

— Ладно… «День взятия Бастилии». Запись на скорости шестьдесят к одному.

Я взял свой крошечный магнитофон, приложил

к мембране телефона и пустил в сжатом виде. Для перезаписи полуторачасовой пленки потребовалось всего девяносто секунд.

— Все, Майк, завтра поговорим.

— Спокойной ночи, Мануэль Гарсия О'Келли, мой единственный друг.

Я отключился и поднял колпак. Вайоминг сидела на кушетке, вид у нее был встревоженный.

— Кто звонил? Или…

— Не волнуйся. Я разговаривал с одним из моих лучших и надежнейших друзей. Вайо, ты дура?

Она удивилась:

— Иногда вроде бываю. Это шутка?

— Нет. Если ты не дура, то я тебя с ним познакомлю. К вопросу о шутках — чувство юмора у тебя есть?

«Разумеется, есть!» — любая женщина, кроме Вайо, сказала бы именно так, в них это запрограммировано. Но Вайо лишь задумчиво поморгала и ответила:

— Тебе виднее, дружок. Может, оно и не настоящее чувство юмора, но мне хватает.

— Чудненько! — Я порылся в сумке, нашел рулон с сотней распечатанных «шуток». — Прочти. И скажи, какие из них действительно забавны, а какие так себе — разок хихикнешь, на другой

зевнешь.

— Мануэль, ты самый странный парень из всех моих знакомых. — Она взяла ролик. — Слушай, это же компьютерная распечатка!

— Да. Я познакомился с компьютером, у которого есть чувство юмора.

— Вот как? Что ж, наверное, это должно было случиться. Все остальное уже давно автоматизировано.

Я отреагировал как положено и добавил:

— Так-таки все?

Она глянула на меня:

— Пожалуйста, не свисти, ты мне мешаешь читать.

Глава 4

Пока я раздвигал и застилал кровать, Вайо несколько раз хихикнула. Потом я сел с ней рядом, взял часть распечатки, которую она уже прочла, и тоже принялся за работу. Раза два я хмыкнул, но шутки редко кажутся мне смешными на бумаге, даже если я понимаю, что в подходящей обстановке над ними можно было бы обхохотаться. Меня больше занимало то, как их оценила Вайо.

Она ставила плюсы и минусы, иногда вопросительные знаки; шутки с плюсом были помечены: «только раз» или «всегда». Последних было маловато. Рядом я поставил свои оценки. Расхождений оказалось не так уж много.

Когда я подошел к концу, она стала просматривать мои оценки. Закончили мы почти одновременно.

— Ну? — сказал я. — Что ты думаешь?

— Думаю, что ты грубиян и пошляк, и удивляюсь, как твои жены тебя терпят.

— Ма мне часто говорит то же самое. Но ты и сама хороша, Вайо. Поставила плюсы таким шуточкам, которые заставили бы покраснеть красотку из бордель-автомата.

Она широко улыбнулась:

– *Da*. Только никому не говори. Ведь в глазах всех я преданный общему делу партийный организатор, стоящий выше подобных шуточек. Ну и как ты считаешь — есть у меня чувство юмора или нет?

— Не уверен. Почему ты поставила минус номеру семнадцатому?

— Это какой? — Она размотала бумагу и нашла. — Господи, да любая женщина поступила бы точно так же! Что тут смешного, это просто

печальная необходимость.

— Да, но ты подумай, как глупо она выглядела!

— Ничего не глупо. Скорее грустно. А посмотри-ка сюда. Ты почему-то поставил минус против номера пятьдесят один.

Никто из нас своих оценок не изменил, но я уловил некоторую закономерность. Наибольший разброс в оценках возникал там, где речь шла о древнейшем поводе для смеха. Я сказал ей об этом. Она согласно кивнула.

— Разумеется. Я тоже заметила. Не обращай внимания, Манни, милый. Я давно утратила способность разочаровываться в мужчинах из-за того, чего в них нет и быть не может.

Я поспешил переменить тему и рассказал ей о Майке. Она спросила:

— Манни, ты хочешь сказать, что этот компьютер живой?

— Смотря что ты имеешь в виду, — ответил я. — Он не потеет и не ходит в сортир. Но он мыслит, он говорит, он обладает самосознанием. Как по-твоему — живой он или нет?

— Честно говоря, я и сама не очень понимаю, что имела в виду, — согласилась она. — Наверняка ведь существует научное определение. Раздражимость или еще что… или способность

размножаться.

— Майк способен раздражаться и может раздражать других. Что до воспроизводства, в конструкцию это не заложено, но, если ему дать материалы, время и кое-какую узкоспециализированную помощь, Майк сможет себя воспроизвести.

— Мне тоже нужна узкоспециализированная помощь, — сказала Вайо, — поскольку я стерильна. И мне на это требуется целых десять лунных месяцев и много килограммов наилучших материалов. Но я делаю отличных детишек. Манни, почему машине и не быть живой? Мне они всегда казались такими. Некоторые из них определенно ждут своего шанса, чтобы лягнуть нас в самое уязвимое место.

— Майк этого не сделает. Во всяком случае, умышленно: в нем нет злобы. Но он обожает розыгрыши, и какая-нибудь из его шуток вполне может плохо кончиться — как у щенка, который не понимает, что кусает больно. Он невежествен. Вернее, не так, он знает куда больше, чем мы с тобой и все люди, вместе взятые. И тем не менее он ничего не соображает.

— Повтори-ка еще разок. Что-то я не усекла.

Я попробовал объяснить. Майк, сказал я, про-

чел почти все книги в Луне, читает он в тысячу раз быстрее, чем мы, никогда ничего не забывает, разве что решит что-то стереть из памяти, он может рассуждать безукоризненно логично, он проницателен и умеет делать выводы, исходя из неполных данных… и тем не менее он не знает ничего о том, что значит быть «живым».

Вайо прервала меня:

— Это я понимаю. Ты хочешь сказать, что он умен и обладает знаниями, но не искушен. Похож на новичка, только что высадившегося на Булыжник. Там, на Земле, он мог быть профессором с кучей дипломов… а здесь он просто ребенок.

— Именно так! Майк — дитя с длинным перечнем ученых степеней. Спроси его, сколько воды, удобрений и солнечного света нужно для фотосинтеза, чтобы произвести пятьдесят тысяч тонн пшеницы, и он тебе скажет, не отходя от кассы. Но он не способен определить, смешной это анекдот или нет.

— А мне его анекдоты понравились.

— Так он же их где-то услышал или вычитал, и там было сказано, что это шутки, вот он и занес их в соответствующий файл. Но он их не понимает, потому что никогда не был человеком. Как-то раз он попытался сам сочинить шутку… слабо, безна-

дежно слабо. — Я попытался объяснить жалкие потуги Майка «стать человеком». — А главное — он очень одинок.

— Бедняжка! Ты бы тоже чувствовал себя одиноким, если бы все время только работал, работал, учился, учился… и никто никогда не зашел бы к тебе в гости. Не жизнь, а жуть какая-то!

И тогда я рассказал ей о своем обещании Майку найти ему «не-дураков».

— Хочешь поболтать с ним, Вай? И не станешь смеяться, когда он будет делать смешные ошибки? Если ты засмеешься, он закроется, как устрица, и обидится.

— Конечно хочу, Манни. Когда мы выберемся из этой западни… и если я смогу остаться в Луна-Сити. А где живет этот бедный маленький компьютер? В городском техническом центре? Я тут ничего не знаю.

— Он не в Луна-Сити. Он на полпути через Море Кризисов. И тебе туда не пройти. Нужен пропуск от коменданта. Но…

— Стоп! На полпути через Море Кризисов? Манни, этот компьютер — один из тех, что в административном комплексе?

— Майк вовсе не «один из тех», — обиделся я за Майка, — он босс; он ими всеми дирижиру-

ет. Другие машины — просто придатки Майка, как вот это. — Я сжал и разжал кисть левой руки. — Майк ими руководит. Он лично управляет катапультой, это была его первая работа: катапультирование и баллистические радары. Кроме того, он контролирует телефонную сеть с тех пор, как она стала единой для всей Луны. И управляет логическими частями всех прочих систем.

Вайо закрыла глаза и прижала пальцы к вискам:

— Манни, а Майк способен страдать?

— Страдать? Да вроде не с чего. Он даже находит время для шуток.

— Я не об этом. Я имею в виду другое. Может чувствовать боль?

— Что? Нет. Можно ранить его чувства. Но физической боли он не ощущает. Я, во всяком случае, так думаю. Да нет, уверен, что боли он не чувствует, у него нет болевых рецепторов. А ты это к чему?

Она опять зажмурилась и прошептала:

— Помоги мне *Bog*! — Затем взглянула на меня. — Манни, неужели ты не видишь?! У тебя есть допуск к компьютеру. Большинству же лунарей на этой станции не разрешат даже выйти из туннеля — она только для служащих Адми-

нистрации. Да и из них далеко не всякий может попасть в главный машинный зал. Мне надо было узнать, чувствует ли он боль, потому что… Ну, потому что ты своими рассказами заставил меня его пожалеть. Но, Манни, ты же понимаешь, что может сделать там несколько килограммов тротила?

— Разумеется. — Мне аж поплохело от ее слов.

— Мы ударим сразу после взрыва — и Луна станет свободной! Я достану тебе взрывчатку и капсюли, но нет смысла начинать, пока у нас нет достаточно сильной организации. Мне надо спешить, придется рискнуть. Пойду загримируюсь. — И она попыталась встать.

Я толкнул ее обратно своей жесткой левой. Вайо изумилась, а я еще больше: до тех пор я ее и пальцем не тронул, разве что во время бегства, когда это диктовалось необходимостью. Сейчас в Луне все иначе, но коснуться женщины без ее согласия в 2075 году… тут, знаете ли, всегда нашлось бы немало одиноких мужчин, готовых прийти ей на помощь, а до ближайшего шлюза — рукой подать. Как говорят наши детишки, «судья Линч не дремлет».

— Сядь и помолчи! — сказал я. — Мне-то известно, к чему может привести взрыв. А тебе,

по-видимому, нет. *Gospazha*, мне очень неприятно это говорить… но если бы дело дошло до выбора, я скорее ликвидировал бы тебя, чем Майка.

Вайоминг не разозлилась. В некоторых отношениях она и впрямь была как мужик — сказывались годы пребывания в революционной организации с жесткой дисциплиной. Хотя в остальном Вайо сама женственность.

— Манни, ты сказал мне, что Коротышка Мкрум умер.

— Что? — Меня сбила с толку внезапная перемена темы. — Да. Надо думать. Одну ногу по самое бедро, это точно. Должен был минуты за две истечь кровью. Даже при хирургической ампутации это смертельно опасно.

(Я знал, о чем говорю. Меня спасли удача и тонна донорской плазмы, а ведь рука — это совсем не то, что случилось с Коротышкой.)

— Коротышка был моим лучшим другом здесь и одним из лучших в Луне вообще, — сдержанно сказала Вайо. — Он обладал всеми качествами, которыми я восхищаюсь в мужчинах. Честный, надежный, умный, добрый и бесстрашный, преданный нашему Делу. Но видел ли ты, чтобы я о нем горевала?

— Нет. Поздно уже горевать.

— Горевать никогда не поздно. Я горюю с той минуты, как ты сказал о его гибели. Но я заперла свое горе в самой глубине сердца, ибо Дело не оставляет времени для скорби. Манни, если бы этим можно было бы добыть свободу Луне или хотя бы приблизить ее приход, я сама ликвидировала бы Коротышку или тебя. Или себя. А тебе жалко взорвать какой-то компьютер!

— Да не в этом же дело!

(По правде говоря, дело было и в этом тоже. Гибель человека не слишком меня потрясает. Мы все приговорены к смерти с самого рождения. Но Майк был уникален и вполне мог быть бессмертным. Только не надо говорить мне о «душе», докажите сначала, что у Майка ее нет. А если нет, то тем хуже. Не согласны? Пошевелите-ка мозгами еще разок.)

— Вайоминг, что произойдет, если мы взорвем Майка? Скажи мне.

— Точно не знаю. Но выйдет страшный переполох, а это-то нам и…

— Все ясно. Ты не знаешь. Переполох, *da*… Замолчат телефоны. Остановятся поезда. Твой город пострадает меньше, у Гонконга собственные силовые установки, но Луна-Сити, Новолен и

другие поселения останутся без энергии. Полная тьма. Начнет ощущаться нехватка воздуха. Затем упадут температура и атмосферное давление. Где твой скафандр?

— На станции метро «Западная».

— Мой там же. Думаешь, ты найдешь к нему дорогу? В полной-то тьме? Думаешь, успеешь? Я, например, не уверен, что успею, а я ведь родился здесь. Коридоры-то будут набиты вопящими толпами! Лунари — народ поневоле крепкий, но в кромешной тьме как минимум каждый десятый слетит с катушек. Успела ты поменять пустые кислородные баллоны на свежие или слишком торопилась? Да и останется ли твой скафандр на месте, когда толпа начнет расхватывать скафандры, не важно чьи?

— Но разве у вас нет аварийной системы? В Гонконге есть.

— Кое-что есть, но этого недостаточно. По идее, контроль над всеми жизненно важными функциями должен быть децентрализован и продублирован, чтобы, если один компьютер выйдет из строя, его заменил другой. Но это дорого, и, как ты справедливо заметила, Администрации на нас наплевать. Нельзя было взваливать все заботы на Майка. Зато так дешевле: привезти сюда голов-

ную машину, спрятать ее в глубинах Булыжника, где ей ничто не угрожает, а затем все наращивать и наращивать емкость и увеличивать нагрузку. Знаешь ли ты, что Администрация получает от сдачи в аренду услуг Майка не меньше *гельт*, чем от торговли мясом и пшеницей? Вайоминг, я не могу сказать на сто процентов, что, взорвав Майка, мы потеряем Луна-Сити: лунари — народ рукастый и, возможно, как-нибудь дотянули бы на аварийках, пока не восстановили бы автоматику. Но я точно говорю тебе — погибнет тьма народу, а уцелевшим будет не до политики.

(Просто поразительно! Эта женщина прожила в Булыжнике чуть ли не всю жизнь и тем не менее городила такую чушь, от которой даже у новичка завяли бы уши. Это ж надо додуматься — взорвать все техобеспечение!)

— Вайоминг, будь ты так же умна, как красива, ты бы не предлагала уничтожить Майка, а подумала, как привлечь его на свою сторону.

— Как ты себе это представляешь? — спросила она. — Компьютерами управляет комендант.

— Понятия не имею, — признался я, — но комендант ими не управляет. Он не отличит компьютер от кучи щебня. Комендант, вернее, его команда разрабатывает политику, так сказать,

генеральный план. Полуграмотные техники по нему составляют программы для Майка, Майк сортирует их, доводит до ума, разрабатывает детальные программы, распределяет их по периферийным устройствам и следит за выполнением. Но его самого никто не контролирует — он слишком умен. Он выполняет задания, для этого его и создали, но программирует себя сам и сам принимает решения. И слава *Bog*'у, иначе система не смогла бы работать.

— И все же я не понимаю, как мы можем привлечь его на нашу сторону.

— Не понимаешь? Майк ничем коменданту не обязан и верности к нему не испытывает. Как ты сама сказала, он машина. Но если бы я захотел вывести из строя телефонную сеть, не затрагивая систем обеспечения воздухом, водой и светом, я поговорил бы с Майком. Если бы это показалось ему забавным, он сумел бы это сделать.

— А разве ты не можешь просто запрограммировать его? Я так поняла, что ты вхож в машинный зал.

— Если я или кто-то другой введет такую программу, не договорившись заранее, Майк задержит ее выполнение, а во многих местах зазвучат сирены тревоги. Но если бы Майк захотел... — И

я рассказал ей историю о чеке на бесчисленные миллионы. — Майк все еще обретает себя, Вайо. И он одинок. Сказал мне, что я «его единственный друг», и был так открыт и трогателен, что я чуть не прослезился. Если ты постараешься стать его другом и перестанешь считать его «просто машиной», что ж… в принципе, я не знаю, что получится, просто не думал об этом. Но если бы я планировал что-то грандиозное и опасное, я предпочел бы иметь Майка на своей стороне.

Вайо задумчиво сказала:

— Как бы я хотела проникнуть туда, где он находится. Думаю, грим тут не поможет?

— Но тебе вовсе не нужно туда проникать. У Майка есть телефон. Хочешь — позвони.

Она вскочила.

— Манни, ты не только самый странный человек на свете, ты к тому же лучше всех умеешь выводить меня из себя. Какой номер?

— Это потому, что я слишком привык общаться с компьютерами. — Я подошел к телефону. — Еще одно, Вайо. Ты можешь получить от любого мужика все, что захочешь, похлопав ресницами и повертев попкой.

— Ну… иногда. Но у меня есть еще и мозги.

— Воспользуйся ими. Майк не мужчина. Поло-

вых желез у него нет. Гормонов тоже. Кокетство тут бесполезно. Представь себе, что перед тобой супервундеркинд, который еще слишком юн, чтобы заметить разницу между мужчиной и женщиной.

— Я запомню, Манни. А почему ты называешь Майка «он»?

— Хм… Не могу называть его «оно», а со словом «она» он у меня как-то не ассоциируется.

— А я, пожалуй, буду называть его «она». То есть не его, а ее.

— Как хочешь.

Я набрал «Майкрофт-XXX», заслонив от Вайо клавиши набора. Я еще не готов был сообщить ей номер — пока не увижу, как пойдет дело. Идея взорвать Майка меня потрясла.

— Майк?

— Привет, Ман, мой единственный друг.

— Возможно, отныне я уже не буду единственным, Майк. Хочу познакомить тебя кое с кем. С не-дурой.

— Я понял, что ты не один, Ман. Я слышу еще чье-то дыхание. Будь добр, попроси не-дуру подойти к телефону поближе.

Вайо была близка к панике. Она шепнула:

— Он нас видит?

— Нет, не-дура, я вас не вижу. У вашего телефона нет подключения к видео. Но бинауральные микрофоны позволяют оценивать твое местоположение с известной степенью точности. Принимая во внимание твой голос, дыхание, пульс и тот факт, что ты находишься наедине с половозрелым мужчиной в гостинице, куда приходят перепихнуться, я делаю вывод, что ты человек женского пола, весом шестьдесят пять кило с небольшим, взрослого возраста, где-то около тридцати…

Вайо закашлялась. Я поспешил вмешаться:

— Майк, ее зовут Вайоминг Нотт.

— Очень рада познакомиться с тобой, Майк. Можешь звать меня просто Вай.

— Вай нот? — тут же выдал Майк.

Я опять вмешался:

— Майк, это была шутка?

— Да, Ман. Я заметил, что ее имя в уменьшительном варианте отличается от английского вопросительного наречия лишь написанием и что ее фамилия звучит так же, как отрицание. Каламбур. Не смешно?

— Очень смешно, Майк, — сказала Вайо. — Я…

Я махнул ей рукой, чтобы замолчала.

— Хороший каламбур, Майк. Шутка одноразо-

вого употребления. Смешно благодаря элементу неожиданности. Во второй раз неожиданности уже нет. Поэтому не смешно. Понятно?

— Я умозрительно пришел к такому же заключению в отношении каламбуров, обдумав твои замечания, сделанные в позапрошлой беседе. Рад, что мои рассуждения подтвердились.

— Молодец, Майк. Прогрессируешь. Теперь насчет первой сотни шуток. Я их прочел, Вайо тоже.

— Вайо? Вайоминг Нотт?

— А? Ну конечно. Вайо, Вай, Вайоминг, Вайоминг Нотт — все это одно и то же. Не зови ее только «Вай нот».

— Я согласился больше не пользоваться этим каламбуром, Ман. *Gospazha*, можно я буду называть вас Вайо, а не Вай? Я пришел к заключению, что односложную форму имени легко перепутать с односложным же вопросительным словом вследствие недостаточной определенности и получить непреднамеренный каламбур.

Вайоминг похлопала ресницами — от того, как говорил в то время Майк, недолго было утратить дар речи, — но быстро пришла в себя:

— Конечно, Майк… Вайо — та форма моего имени, которая мне нравится больше всего.

— Тогда я буду ею пользоваться. Полная форма твоего имени тоже может быть понята неправильно, так как по звучанию идентична названию территориальной единицы в Северо-Западной административной зоне Северо-Американского Директората.

— Да, наверно. Я там родилась, и мои родители назвали меня в честь этого штата. Я о нем мало что помню.

— Вайо, я сожалею, что по этому каналу не могу показать тебе иллюстрации. Вайоминг — это четырехугольная территория, лежащая в координатах Терры между сорок первым и сорок пятым градусами северной широты и между сто четвертым градусом с тремя минутами и сто одиннадцатым градусом с тремя минутами западной долготы. Таким образом, его площадь составляет двести пятьдесят три тысячи пятьсот девяносто семь, запятая, двадцать шесть квадратных километров. Это район возвышенных всхолмлений и гор с ограниченным плодородием и редкой природной красотой. Население было малочисленным, но значительно выросло в результате переселения, явившегося составной частью программы перепланировки Большого Нью-Йорка в две тысячи двадцать пятом тире

тридцатом годах нашей эры.

— Это было еще до моего рождения, но я кое-что слыхала: моих деда с бабкой переселили, и в итоге именно поэтому я оказалась в Луне.

— Могу ли я продолжить описание территории, именуемой Вайомингом? — спросил Майк.

— Нет, Майк, — вмешался я опять, — у тебя там материала небось на несколько часов?

— Девять, запятая, семьдесят три часа нормального чтения, если не включать сноски и ссылки.

— Этого я и боялся. Возможно, когда-нибудь Вайо захочет выслушать все до конца. Но я позвонил, чтобы познакомить тебя с этой Вайоминг… которая также представляет собой весьма возвышенный район редкой природной красоты и впечатляющих всхолмлений.

— С ограниченным плодородием, — добавила Вайо. — Манни, если ты собираешься проводить свои дурацкие параллели, можешь включить и эту. Майка совсем не интересует, как я выгляжу.

— Откуда ты знаешь? Майк, я хотел бы показать тебе фото Вайо.

— Вайо, меня интересует твоя внешность — я ведь надеюсь, что ты станешь моим другом. Но я уже видел несколько твоих фотографий.

— Видел? Где и когда?

— Я разыскал и рассмотрел их сразу, как услышал твое имя. По контракту я храню архивные файлы Клиники родовспоможения Гонконга-Лунного. Кроме биологических и физиологических данных, а также медицинских карт, банк информации содержит девяносто шесть твоих фотографий. Так что я их изучил.

Вайо поперхнулась.

— Майк может все, — объяснил я ей, — а времени ему на это надо меньше, чем нам — икнуть. Ты привыкнешь.

— О господи! Манни, ты представляешь, какие фотографии делают в этой клинике?!

— Об этом я как-то не подумал.

— И не думай!

Майк заговорил робко, смущенный, точно проштрафившийся щенок:

– *Gospazha* Вайо, если я тебя обидел, то непреднамеренно, и я очень сожалею. Я могу стереть эти снимки из временной памяти и так закодировать архивы роддома, что получу к ним доступ лишь по повторному требованию клиники и без каких-либо ассоциаций с твоей личностью. Сделать так?

— Это он сумеет, — заверил я. — С Майком ты в любой момент можешь начать с чистого листа

— в этом смысле с ним проще, чем с людьми. Он может забыть так прочно, что никогда не соблазнится взглянуть хоть уголком глаза… и ни о чем не вспомнит, даже если ему прикажут. Так что принимай его предложение — и конец проблеме.

— Э-э-э… Нет, Майк, *тебе* можно их смотреть… Только ни в коем случае не показывай их Манни!

Майк явно колебался — секунды четыре или даже чуточку больше. Полагаю, такая дилемма довела бы компьютер меньшей мощности до безумия. Однако Майк ее разрешил.

— Ман, мой единственный друг, должен ли я принять этот приказ?

— Программируй, Майк, — ответил я. — И исполняй. Вайо, тебе не кажется, что ты уж слишком сурова? Впрочем, отдаю должное твоей предусмотрительности — ведь Майк мог бы распечатать их для меня в следующий раз, когда я к нему попаду.

— Первый снимок в каждой серии, — заявил Майк, — как показывает мой ассоциативный анализ подобных данных, отражает столь высокую внешнюю привлекательность, что может доставить удовольствие любому здоровому поло-

возрелому мужчине.

— Ну как, Вайо? Хотя бы в качестве платы за апфельштрудель?

— Что?! Снимок на фоне измерительной сетки, волосы зашпилены и спрятаны под полотенцем, на лице ни грамма косметики… У тебя, видно, совсем крыша поехала! Майк, не давай ему смотреть ни в коем случае!

— Не дам. Ман, это и есть не-дура?

— Для девушки — да. Девушки — народ интересный, Майк. Они умеют делать умозаключения на основании даже меньшей информации, чем ты. А теперь давайте-ка оставим эту тему и обратимся к шуткам.

Это их отвлекло. Мы прошлись по всему списку, сравнивая наши отметки. Затем попытались объяснить Майку те шутки, которые он не понял. С переменным успехом. Но настоящим камнем преткновения стали шутки, которые я отметил как «смешные», а Вайо — как «не смешные», и наоборот. Вайо спросила у Майка, что он о них думает.

Лучше бы она спрашивала его до того, как мы проставили оценки.

Этот электронный прохвост-малолетка во всем соглашался с ней, а не со мной. Думал ли он так

на самом деле? Или просто старался подлизаться к новой знакомой? А может, он решил подшутить надо мной, продемонстрировав свое извращенное чувство юмора? Спрашивать я не стал.

Когда мы закончили, Вайо написала на листке телефонной книжки: «Манни, если судить по номерам 17, 51, 53, 87, 90, 99, то Майк — это она». Я не ответил, только пожал плечами и встал.

— Майк, я не спал уже двадцать два часа. Вы, детишки, болтайте себе на здоровье. Завтра я позвоню.

— Спокойной ночи, Ман. Добрых снов. Вайо, а ты хочешь спать?

— Нет, Майк. Я немного подремала. Но, Манни, мы же не дадим тебе заснуть, разве нет?

— Нет. Когда я хочу спать, то сплю.

Я начал стелить себе на диване.

— Извини, Майк! — Вайо вскочила и отобрала у меня простыню. — Я потом сама себе здесь постелю. А ты храпи себе вон там, *tovarishch*, ты же крупнее меня. Вытянись как следует.

Я слишком устал, чтобы спорить, вытянулся и тотчас уснул. Кажется, сквозь сон слышал какое-то хихиканье и даже повизгивание, но поскольку просыпаться не стал, то полной уверенности у меня нет.

Проснулся я позже, а по-настоящему пришел в себя, только услышав женские голоса: один — теплое контральто Вайо, а другой — нежное высокое сопрано с французским акцентом. Вайо засмеялась чему-то и сказала:

— Ладно, Мишель, дорогая, я тебе скоро позвоню. Спокойной ночи, милочка.

— Договорились. Спокойной ночи, дорогая.

Вайо встала и повернулась ко мне.

— Что еще за подружка? — спросил я.

Мне казалось, что у нее в Луна-Сити нет никаких знакомых. А может, она звонила в Гонконг? Даже спросонья я смутно понимал, что этого делать не следовало.

— Это? Майк, разумеется. Мы не хотели тебя будить.

— Что?!

— Ох! На самом деле она Мишель. Мы обсудили с Майком, какого он пола. И он решил, что может быть любого. Поэтому теперь он еще и Мишель, ты слышал ее голос. Он подобрал его мгновенно — ни разу не дал петуха.

— Естественно. Просто переключил водер на пару октав. Чего ты хочешь этим достичь — чтобы у него началось раздвоение личности?

— Это не только тембр. Когда она Мишель, у нее

совершенно меняются манеры и вкусы. И не волнуйся насчет раздвоения — у нее хватит запасов на целую толпу личностей. Кроме того, Манни, нам с ней так проще. Как только она перевоплотилась, мы тут же подружились, расслабились и начали болтать по-женски, будто знали друг друга всю жизнь. Например, те дурацкие фотоснимки меня больше ничуточки не смущали. Мы в деталях обсудили все мои беременности. Мишель это жутко интересовало. Ей все известно насчет акушерства и гинекологии, но только в теории, а она предпочитает живые факты. По правде говоря, Манни, Мишель гораздо больше женщина, чем Майк — мужчина.

— Ладно… Будем считать, что все о'кей. Но со мной наверняка случится родимчик, когда я позвоню Майку, а мне ответит женщина.

— Да нет же, ты не понял!

— Э-э-э?..

— Мишель — моя подруга. А когда позвонишь ты, тебе ответит Майк. Она дала мне отдельный номер, чтобы избежать путаницы. Ее номер «Мишель-YYYY», чтобы получилось десять букв.

Я почувствовал укол ревности, хотя и знал, что это глупо. Вайо вдруг хихикнула:

— Она выдала мне серию анекдотов — тебе

они наверняка не понравились бы… Ох! Ну и забористые же!

— Майк — или его сестрица Мишель — довольно-таки безнравственные типы. Давай застелем диван и поменяемся.

— Лежи, где лежал. И не возникай. Повернись спиной и спи.

Я перестал возникать, повернулся и тотчас уснул.

Какое-то время спустя у меня появилось «семейное» ощущение — что-то теплое прижалось к моей спине. Я бы не стал просыпаться, если бы она не плакала. Я повернулся и молча положил ей руку под голову. Постепенно она утихла. Дыхание становилось все более ровным и медленным. Я снова заснул.

Глава 5

Должно быть, мы спали как убитые, потому что я очнулся, лишь услышав громкий телефонный звонок. Открыл глаза и увидел, что световой сигнал тоже мигает. Я врубил освещение, начал было вставать, но обнаружил у себя на правой руке непривычную тяжесть. Осторожно освободил руку, выбрался из постели и ответил на вызов.

— Доброе утро, Ман, — сказал Майк. — Профессор де ла Пас звонит по твоему домашнему номеру.

— Ты можешь подключить его сюда? Под шифром «Шерлок»?

— Конечно, Ман.

— Тогда не прерывай их разговор. Переключи его на меня сразу же, как только они кончат говорить. Откуда он звонит?

— По автомату из пивной «Жена бурильщика», это на нижнем…

— Знаю, Майк. Когда соединишь меня, ты сможешь сам остаться на связи? Хочу, чтобы ты послушал.

— Будет сделано.

— А ты можешь определить, есть ли кто-нибудь рядом с ним? По дыханию, например?

— Из факта отсутствия эха я заключаю, что профессор под колпаком-глушилкой. Но предполагаю, что в пивной должны быть и другие посетители. Хочешь послушать, Ман?

— Да, пожалуй. Включи-ка меня. И, если он поднимет колпак, предупреди. Ты просто умница, Майк.

— Спасибо, Ман.

Майк подключил меня. Говорила Ма:

— …я обязательно передам ему, профессор. Мне очень жаль, что Мануэля нет дома. Вы не оставите номер, по которому вам можно позвонить? Он очень хотел связаться с вами, специально просил, чтобы я узнала у вас номер телефона.

— Очень сожалею, дорогая леди, но я уже ухожу отсюда. Дайте-ка подумать… сейчас восемь пятнадцать; я попробую позвонить вам ровно в девять, если позволите.

— Конечно, профессор. — В голосе Ма чувствовалось легкое кокетство, приберегаемое ею для мужчин — не мужей, — к которым она благоволит; изредка его частичка перепадает и нам.

Мгновение спустя Майк сказал: «Давай!» — и я заговорил:

— Привет, проф! Слыхал, вы меня разыскиваете? Это Манни.

— Готов поклясться, что я отключился! — изумленно выдохнул проф. — Нет, я и в самом деле отключился; надо думать, аппарат испорчен. Мануэль, я так рад тебя слышать, мальчик мой! Ты только что добрался до дома?

— Я не дома.

— Но… как же это… я не…

— Некогда объяснять, проф. Вас кто-нибудь может подслушать?

— Не думаю. Я опустил колпак.

— Небольшая проверка. Проф, когда у меня день рождения?

Он помедлил. Потом сказал:

— Понятно. Кажется, я понял. Четырнадцатого июля.

— Убедили. О'кей. Давайте разговаривать.

— Ты действительно говоришь не из дома, Мануэль? Где же ты?

— Об этом поговорим позже. Вы спрашивали мою жену о девушке. Не будем называть имен. Зачем вы хотите ее найти, проф?

— Мне надо предупредить ее. Ей не следует возвращаться домой. Там ее арестуют.

— Почему вы так думаете?

— Милый мальчик! Все, кто был на этом митинге, сейчас в серьезной опасности. И ты сам тоже. Я обрадовался, хотя и крайне удивился, когда ты сказал, что говоришь не из дома. Тебе нельзя там появляться. Если можешь схорониться где-нибудь на время, устрой себе небольшой отпуск. Ты же понимаешь, хоть и не видел все до конца, что вчера вечером был настоящий взрыв насилия.

Еще бы я не понимал! Убийство комендантских охранников явно нарушало административный устав; во всяком случае, на месте коменданта я

бы это не одобрил.

— Спасибо, проф. Я буду осторожен. И если увижу девушку, то передам ей тоже.

— А ты не знаешь, где ее найти? Видели, как ты ушел вместе с ней, и я надеялся, что ты знаешь.

— Проф, откуда такая заинтересованность? Прошлым вечером вы, похоже, не были ее союзником?

— Нет-нет, Мануэль. Она мой камрад. Я не говорю «*tovarishch*», потому что для меня это не просто форма вежливого обращения. Я вкладываю в это слово прежний, более глубокий смысл, означающий некие узы. Она мой камрад. В тактике мы расходимся. Но не в целях, не в преданности Делу.

— Понятно. Считайте, что послание ей вручено. Она его получит.

— Превосходно! Я не задаю вопросов… но надеюсь, очень надеюсь, что ты найдешь способ оградить ее от опасности, пока не минует гроза.

Я обдумал его слова:

— Минутку, проф, не отключайтесь.

Когда я подошел к телефону, Вайо отправилась в ванную; надо думать, чтобы не слышать разговора — это было в ее духе.

Я постучал в дверь:

— Вайо?

— Одну секунду, сейчас выйду.

— Мне нужен совет.

Она открыла дверь:

— Да, Манни?

— Как котируется профессор де ла Пас в твоей организации? Ему верят? *Ты* ему доверяешь?

Она задумалась.

— Предполагается, что все присутствовавшие на собрании заслуживают доверия. Но лично я с ним не знакома.

— М-м-м… А какое впечатление он произвел на тебя вчера?

— Мне он понравился, хотя и спорил со мной. А ты о нем что-нибудь знаешь?

— Конечно! Я знаю его почти двадцать лет. Я-то ему верю. Но для тебя этого может быть мало. Ты в опасности, и на кону твой кислородный баллончик, не мой.

Она тепло улыбнулась:

— Манни, раз ты ему веришь, я тоже верю.

Я снова подошел к телефону:

— Проф, вы в бегах?

— Точно так, Мануэль, — хихикнул он.

— Знаете такую дыру — гранд-отель «Раффлз»? Комната «Л», двумя этажами ниже холла. Сумеете

не привести хвоста? Вы завтракали? Что хотите на завтрак?

Он опять хихикнул:

— Мануэль, только ученику дано вызывать у учителя чувство, что он недаром прожил жизнь. Я знаю, где это, я замету следы, я не завтракал: я сегодня съем все, до чего смогу добраться!

Вайо начала убирать постели. Я помог ей.

— Что ты хочешь на завтрак?

— Чай и тост. Хорошо бы еще сок.

— Мало.

— Ну… тогда яйцо в мешочек. Но за завтрак плачу я!

— Два яйца в мешочек, тост с маслом и джемом, сок. Бросим жребий?

— Твои кости или мои?

— Мои. У меня они жульнические.

Я подошел к лифту доставки, спросил меню и увидел заманчивое название: «ПРИЯТНОЙ ОПОХМЕЛКИ! ПОРЦИИ ОТ ПУЗА!» Томатный сок, омлет, ветчина, жареный картофель, кукурузные лепешки с медом, тосты, масло, молоко, чай или кофе. Четыре с половиной гонконгских доллара за порцию на двоих. Я и заказал на двоих — не хотелось рекламировать, что нас трое.

Мы были чисты, мы, можно сказать, сияли,

комната была прибрана и приготовлена к завтраку. Вайо переоделась из черного костюма в красное платье, «поскольку собиралась приличная компания»… в это время звякнул лифт с едой. Переодевание, между прочим, вызвало ссору. Вайо принимала разные позы, смеялась, потом сказала:

— Манни, мне ужасно нравится это платье. Как ты догадался, что оно мне пойдет?

— Исключительно по причине гениальности.

— Вполне возможно. Сколько оно стоит? Мне надо вернуть тебе деньги.

— Продажная цена пятьдесят центов в купонах Администрации.

Вайо помрачнела и топнула ногой. Нога была босая, особого шума не произвела, зато сама Вайо взмыла вверх на полметра.

— Счастливой посадки! — пожелал я ей, пока она искала, за что бы ухватиться, — ну точно новичок!

— Мануэль О'Келли! Неужели вы думаете, что я стану принимать дорогие подарки от человека, с которым даже не переспала?

— Это легко исправить.

— Развратник! Вот я расскажу твоим женам!

— Пожалуйста! Вряд ли тебе удастся открыть

Ма что-нибудь новенькое.

Я подошел к лифту и начал вытаскивать из него тарелки.

В дверь постучали. Я щелкнул кнопкой устройства «болтун-гляделка».

— Кто там?

— Посетитель к *gospodin*'у Смиту, — раздался дребезжащий голос. — *Gospodin* Бернард О. Смит.

Я лязгнул запорами и впустил профессора Бернардо де ла Паса в номер. Выглядел он как утиль низшего качества: одежда грязная, сам замызганный, волосы растрепаны, один бок парализован, рука вывернута, на глазу катаракта — самый настоящий босяк, из тех, что ночуют на Дне и выпрашивают в дешевых забегаловках выпивку и маринованные яйца на закуску. Изо рта у него текли слюни.

Как только я запер дверь, он распрямился, расправил лицо, прижал руки к груди, оглядел Вайо с головы до ног, всосал в себя воздух на японский манер и присвистнул.

— Еще прекраснее, — восхитился он, — чем мне показалось вчера!

Вайо улыбнулась, несмотря на обуревавший ее гнев:

— Благодарю вас, профессор. Но не надо компли-

ментов. Ведь здесь собрались просто камрады.

— Сеньорита, в тот день, когда я позволю политике взять верх над моей страстью к красоте, я уйду из политики! — Он оторвал от нее взгляд и рыскнул глазами по комнате.

— Проф, старый распутник, перестаньте искать улики, — сказал я ему. — Прошлой ночью здесь занимались только политикой, и ничем, кроме политики.

— Неправда! — вспыхнула Вайо. — Я несколько часов отбивалась от него! Но он оказался сильнее. Проф, каковы партийные взыскания в таких случаях? Здесь, в Луна-Сити?

Профессор пощелкал языком и закатил глаз с бельмом:

— Мануэль, ты меня удивляешь! Это серьезное дело, моя дорогая, тянет на ликвидацию! Но сначала необходимо провести расследование. Вы пришли сюда добровольно?

— Он меня завлек!

— «Заволок», дорогая леди. Постарайтесь выражать свои мысли поточнее. Есть у вас синяки, которые можно предъявить?

— Яйца стынут, — прервал я его. — Давайте ликвидируем меня после завтрака.

— Прекрасная мысль, — согласился профес-

сор. — Мануэль, не можешь ли ты пожертвовать своему старому учителю литр воды, дабы он выглядел более презентабельно?

— Сколько угодно, пожалуйте в ванную. Только не тяните, а то останутся вам рожки да ножки.

— Благодарю вас, сэр.

Он удалился. Послышался плеск воды, звуки стирки и мойки. Мы с Вайо накрыли на стол.

— Синяки… — скорбно сказал я. — Отбивалась всю ночь…

— Ты заслужил это, ты меня оскорбил!

— Чем?

— Тем, что не пытался оскорбить! После того, как завлек меня сюда…

— М-м-м… придется подбросить эту задачку Майку.

— Мишель поймет ее сразу. Манни, можно я передумаю и возьму ма-а-ленький кусочек ветчины?

— Половина ее твоя, проф почти вегетарианец.

Вышел проф, и хотя он не выглядел щеголем, как обычно, но все же был чист, аккуратен, причесан, появились ямочки на щеках и счастливые искорки в глазах — фальшивая катаракта куда-то исчезла.

— Проф, как вам это удается?

— Практика, Мануэль. Я этими делами занимаюсь подольше, чем вы, молодые люди. Однажды, много лет назад в Лиме — прелестный город! — я отважился прогуляться в очаровательный денек без подобной подготовки… и меня сослали в Луну. Боже, какой роскошный стол!

— Садитесь со мной, проф, — предложила Вайо. — Я не хочу сидеть рядом с ним. Он насильник.

— Послушай, — сказал я, — мы сначала поедим, а уж потом вы меня ликвидируете. Проф, накладывайте себе и рассказывайте, чем кончился прошлый вечер.

— Могу я предложить некоторые изменения в программу? Мануэль, жизнь заговорщика нелегка, и задолго до того, как ты родился, я уже научился не мешать закуску с политикой. Это снижает выработку желудочных ферментов и ведет к язвенной болезни. Язва, да будет вам известно, типичное профессиональное заболевание подпольщиков. М-м-м… рыбка пахнет изумительно!

— Рыбка?

— Этот розовый лосось, — ответил профессор, показывая на ветчину.

Наконец, насладившись завтраком, мы достиг-

ли кофейно-чайной стадии. Профессор откинулся на спинку стула и сказал:

– *Bolshoyeh spasebaw, Gospazha ee Gospodin. Так фор мат*, это было необычайно вкусно. Я и не упомню, когда мои отношения с миром были бы столь взаимно благожелательны. Ах да… Насчет вчерашнего вечера. Я мало что видел, ибо сразу после вашего блистательного отступления мне пришлось принять меры, чтоб сохранить свою бренную жизнь хотя бы до сегодняшнего дня, и я затаился. Нырнул за кулисы, перелетев туда одним прыжком. Когда же осмелился высунуть нос, оказалось, что вечеринка кончилась, большинство гостей разошлись, а все желтомундирники мертвы.

(Примечание: должен внести поправку. Гораздо позже я узнал, что, когда началась заварушка и я еще силился вытащить Вайо за дверь, проф выхватил из кармана пистолет и стал стрелять поверх толпы, сняв трех охранников у главного выхода, в том числе и того, что орал в мегафон. Как ему удалось протащить оружие в Булыжник или скоммуниздить здесь, я не знаю. Но проф с Коротышкой переломили ход событий. Ни один желтомундирник живым не ушел. Несколько лунарей получили ожоги, четверых убили, но

остальные ножами, кулаками и каблуками кончили дело в считаные минуты.)

— Вернее, все, кроме одного, — продолжал проф. — Два казака у двери, через которую вы отбыли, получили вечное успокоение от рук доблестного камрада Коротышки Мкрума… и, к сожалению, должен сказать, что сам Коротышка лежал на их телах, умирая…

— Это мы знаем.

— Да. *Dulce et decorum*. У одного охранника лицо было изуродовано, но он все еще шевелился. Я позаботился о нем, свернув ему шею приемом, известным в профессиональных кругах на Земле как «стамбульский захват». В общем, он воссоединился со своими приятелями. К тому времени живые в основном покинули зал. Кроме меня, осталось совсем немного народу: председатель собрания Финн Нильсен, камрад по кличке Мамуля — так ее, по крайней мере, называли мужья. Я посоветовался с камрадом Финном, и мы заперли все двери. Нужно было решить проблему уборки. Вы знаете, что там за сценой?

— Нет, — сказал я.

Вайо мотнула головой.

— Там есть кухня и кладовка на случай банкетов. Подозреваю, что Мамуля и ее семья владеют

мясной лавкой: они разделывали тела с такой быстротой, что мы с Финном еле успевали их подносить. Скорость работы сдерживала лишь производительность мясорубки и спуск продукции в канализацию. Зрелище это чуть не довело меня до обморока, и я занялся уборкой зала. Труднее всего было избавиться от одежды, особенно от этих псевдовоенных мундиров.

— А что вы сделали с лазерными пистолетами?

Проф поглядел на меня невинными глазами:

— С пистолетами? Ой-ой, они, похоже, куда-то потерялись. Мы забрали все личные вещи с тел наших убитых камрадов — для родственников, для опознания, на память. Наконец мы все прибрали; такой уборкой Интерпол, конечно, не проведешь, но явных следов не осталось. Посовещались, решили, что пока лучше лечь на дно, и разошлись поодиночке. Я, например, ушел через шлюз, расположенный над сценой и ведущий на шестой уровень. Потом попытался связаться с тобой, Мануэль, поскольку волновался за тебя и за эту бесценную леди. — Проф поклонился Вайо. — Тут в нашей истории можно поставить точку. Ночь я провел в разных укромных местечках.

— Проф, — сказал я, — эти охранники явно были салагами. Иначе мы бы с ними не справились.

— Возможно, — согласился он. — Но будь на их месте другие, более опытные, результат был бы тот же.

— Тот же? Но у них было оружие!

— Мальчик мой, ты когда-нибудь видел пса из породы боксеров? Думаю, нет. Таких крупных собак в Луне не держат. Боксеры — результат направленного отбора. Добрые и умные, они превращаются в смертельно опасных убийц, когда того требует обстановка. Здесь же выведена еще более удивительная порода. Я не знаю ни одного города на Терре, где люди были бы такими вежливыми и обходительными, как здесь, в Луне. По сравнению с нашими города Терры — а я побывал во многих столицах — просто скопище варваров. И все же лунари не менее опасны, чем псы-боксеры. Мануэль, девять охранников, даже вооруженные до зубов, не имели ни единого шанса в этой толпе. Наш патрон жестоко просчитался.

— Хм… Вы видели утреннюю газету, проф? Или видеоновости?

— Видео смотрел.

— Во вчерашних новостях о собрании ничего не было.

— Сегодня утром тоже.

— Странно, — сказал я.

— Что ж тут странного? — возразила Вайо. — Нам подобные новости ни к чему, а в каждой редакции в Луне у нас сидят свои люди.

Проф покачал головой:

— Нет, моя дорогая. Все не так-то просто. Цензура. Вы знаете, как делаются наши газеты?

— Приблизительно. Их набирают на компьютерах.

— Проф вот что имеет в виду, — сказал я ей. — Статьи печатают в редакциях. А потом ими занимается арендуемый газетами головной компьютер административного комплекса. — Я надеялся, что она обратит внимание, что я сказал «головной компьютер», а не «Майк». — Текст ему передают по телефону. Компьютер обрабатывает статьи, делает макет и печатает газету в разных поселениях. Новоленовское издание «Ежедневного Лунатика» печатается в Новолене с определенными изменениями в объявлениях и местной хронике — компьютер вносит эти изменения по стандартной программе без всяких дополнительных указаний. Проф хочет сказать, что комендант может вмешаться на стадии подготовки макета в административном комплексе. То же самое относится и к выпускам новостей, ко-

торые транслируются по Луне или с Луны, — они все проходят через компьютерный зал.

— Главное, — продолжил проф, — что комендант *имел возможность* вырезать материал о собрании, независимо от того, сделал он это или нет. А еще — поправь меня, Мануэль, если я ошибаюсь, ты ведь знаешь, что в технике я не силен, — он может ввести туда другой материал, так что в данном случае не имеет значения, сколько наших камрадов сидит в редакциях газет.

— Конечно, — согласился я. — В Комплексе могут добавить, вырезать или изменить все, что угодно.

— И в этом, сеньорита, самое уязвимое место нашего Дела. Средства связи. Жандармы — это ерунда, главное, не мы, а комендант определяет, что публиковать, а что нет. Для революционера связь — это *sine qua non*.

Вайо взглянула на меня, и я почти увидел, как щелкают синапсы в ее мозгу. А потому переменил тему.

— Проф, зачем надо было уничтожать трупы? Мало что кошмарный труд, так еще и опасный. Я не в курсе, сколько у коменданта охранников, но пока вы там копались с уборкой, могли заявиться новые.

— Поверь мне, мальчик, мы этого тоже боялись. И хотя практического толку от меня был почти ноль, идея была моя: пришлось убеждать остальных. Собственно, идея тоже была не моя, просто я вспомнил об историческом принципе.

— И что же это за принцип?

— Террор! Человек способен противостоять известной опасности. А вот неизвестность его пугает. Мы уничтожили шпиков подчистую, вплоть до ногтей и зубов, чтобы вселить ужас в их сообщников. Я не знаю, сколько у коменданта людей, но гарантирую, что сегодня они куда слабее духом, чем вчера. Их коллеги отправились на пустяковое задание и как в воду канули.

Вайо поежилась:

— Даже у меня мороз по коже пошел. Теперь они задумаются, прежде чем войти в поселение. Но, профессор, вы говорите, что не знаете, сколько у коменданта охранников. Организация знает. Двадцать семь. Если девять убиты, то осталось всего восемнадцать. Не думаете ли вы, что время для путча настало? Или еще нет?

— Нет, — ответил я.

— Но почему, Мануэль? Такими слабыми они никогда больше не будут.

— Они пока недостаточно слабы. Мы убили де-

вятерых, потому что они по дурости сами полезли к нам в руки. А вот если комендант запрется у себя с остальными… Только не надо этой чепухи насчет «плечом к плечу», я ее вдосталь наглотался вчера. — Я повернулся к профу. — И все же меня интересует факт, если это действительно так, будто у коменданта осталось восемнадцать охранников. Вы говорили, что Вайо нельзя ехать в Гонконг, а мне — появляться дома. Но если охранников только восемнадцать, так ли уж велика опасность? Позже, когда они получат подкрепление, — возможно, но сейчас… В Луна-Сити четыре главных выхода и множество мелких. Сколько они смогут взять под контроль? Что мешает Вайо отправиться на станцию «Западная», взять свой скафандр и уехать в Гонконг?

— Это она может сделать, — согласился проф.

— Думаю, так и надо, — отозвалась Вайо. — Не торчать же здесь вечно. Легче прятаться в Гонконге, где у меня полно знакомых.

— Может быть, вам это удастся, моя дорогая. Хотя я сомневаюсь. Прошлой ночью на станции «Западная» были два желтомундирника. Я сам видел их. Возможно, сейчас их там нет. Предположим, что нет. Итак, вы отправитесь на станцию — в гриме, разумеется. Возьмете свой скафандр

и сядете в капсулу до Билютихэтчи. Потом выйдете наружу, чтобы сесть на луноход, идущий до Эндсвиля. Вот тут-то вас и сцапают. Средства связи, моя дорогая. Нет нужды ставить посты желтомундирников на станциях — достаточно, чтобы кто-нибудь вас там увидел. Все остальное сделает телефон.

— Но я же буду в гриме!

— Ваш рост не замаскируешь, а за вашим скафандром будут следить. Кто-нибудь, кого невозможно даже заподозрить в связях с комендантом. Скорее всего, кто-то из камрадов. — Проф усмехнулся. — Беда с заговорами в том, что они загнивают изнутри. Как только число заговорщиков достигает четырех, можно биться об заклад, что один из них шпион.

— В вашем изложении все выглядит безнадежно, — мрачно проговорила Вайо.

— Почему же все, моя дорогая? Полагаю, один шанс из тысячи у вас есть.

— Не верю я в это. Не верю! За годы, что я провела в организации, мы завербовали сотни людей! У нас ячейки во всех главных городах. Народ на нашей стороне!

Проф покачал головой:

— С каждым новым членом растет вероятность

предательства. Вайоминг, моя бесценная леди, революции не выигрывают вербовкой широких масс. Революция — сложная наука, доступная единицам. Ее успех зависит от четкой организации, но более всего — от налаженной связи. И когда наступает нужный исторический момент — наносится удар. Правильный и своевременный переворот бескровен. Неряшливость и спешка ведут к гражданским войнам, вспышкам насилия, чисткам и террору. Надеюсь, вы извините меня, если я скажу, что до сих пор у вас все делалось крайне неряшливо.

Вайо была обескуражена.

— Что вы подразумеваете под правильной организацией?

— Организацию функциональную. Как проектируют электромотор? Разве вы станете приделывать к нему ванну только потому, что она случайно оказалась у вас под рукой? Или присобачивать букет цветов? Или кучу камней? Нет, вы будете использовать лишь те детали, которые необходимы для целевого назначения мотора. Вы не станете без нужды увеличивать размер и постараетесь обеспечить надежность работы. Функции определяют внешний вид. Так и с революцией. Организация должна быть

не больше, чем нужно. Никогда не принимайте людей только потому, что они хотят в нее вступить. Не уговаривайте вступать в ее ряды исключительно ради удовольствия видеть еще одного единомышленника. Он разделит ваши взгляды потом, когда придет время… или же вы неверно оценили исторический момент. О, конечно, просветительские организации тоже нужны, но они должны существовать отдельно. Агитпроп отнюдь не часть базовой структуры. Что до базовой структуры, то революция начинается с конспирации. Поэтому структура должна быть невелика, засекречена и так организована, чтобы свести к минимуму риск предательства, поскольку предательство неизбежно. Единственное решение — организация, состоящая из ячеек. До сих пор ничего лучше не изобрели. Насчет оптимальной величины ячеек мнения разнятся. Как показывает исторический опыт, надежнее всего ячейка из трех человек. Четверо не смогут договориться о времени обеда, не то что о начале восстания. Мануэль, ты член большой семьи. Вы голосуете, во сколько сегодня садиться за стол?

— Упаси *Bog*! Нет, конечно. Все решает Ма.

— Ага! — Проф вытащил из сумки блокнот и стал в нем что-то набрасывать. — Вот дерево

трехчленных ячеек… Если бы я планировал захват Луны, я бы начал с нас троих. Один из нас стал бы председателем. Голосовать не нужно — выбор должен быть очевиден, иначе какая же мы тройка. Мы знали бы еще девятерых — три ячейки… но каждая из этих ячеек знала бы только одного из нас.

— Похоже на компьютерную схему — троичная логика.

— Правда? На следующем уровне могут быть два варианта связей. Скажем, члену ячейки второго уровня известны двое его камрадов и руководитель ячейки, а на третьем уровне он знает лишь подчиненную ему тройку. Он может знать — или не знать — членов подъячеек двух своих сотоварищей. В первом случае удваивается безопасность, во втором — скорость восстановления сети в случае провала ячейки. Давайте предположим, что он не знает подъячеек своих сотоварищей. Мануэль, сколько человек он может предать? И не говори, что он не предаст, — любому можно промыть мозги, подкрахмалить, отутюжить и использовать. Так сколько?

— Шестерых, — ответил я. — Руководителя, двух камрадов по ячейке и троих из подъячейки.

— Семерых, — поправил меня проф, — он же

предает и себя тоже. В результате остается семь оборванных связей, которые нужно восстановить. Как?

— Не представляю, как это можно сделать. Все развалится на кусочки — сеть разорвана, — ответила Вайо.

— Мануэль? Задачка-то для школьника.

— Эти ребята, что внизу, должны иметь возможность послать сигнал тем, кто на три уровня выше. Не зная кому, но зная куда.

— Совершенно верно!

— Но, проф, — продолжал я, — можно придумать и более надежную схему.

— Вот как? Эта структура, мой мальчик, выкована усилиями многих революционеров-теоретиков. Я питаю к ним такое доверие, что готов держать пари — скажем, десять против одного.

— Плакали ваши денежки, проф. Возьмите те же ячейки и постройте открытую пирамиду, состоящую из тетраэдров. Там, где вершины общие, каждый парень знает одного в соседней ячейке, знает, как послать ему сигнал, — и это все, что ему нужно. Связи никогда не разрушаются, поскольку идут не только вверх-вниз, но и в стороны. Как в нервной ткани мозга. Вот почему в черепной коробке можно проделать дырку, вынуть шма-

ток мозга и почти не повредить мыслительные способности. Избыточная емкость — происходит переключение на запасные связи. Мозг потеряет то, что было разрушено, но будет продолжать функционировать.

— Мануэль, — с сомнением проговорил проф, — может, попробуешь изобразить схемку? Звучит здорово, но так сильно противоречит общепринятой доктрине, что мне просто необходимо увидеть это своими глазами.

— Ну… был бы компьютер, я бы вам запросто построил стереочертеж. Ладно, попробую.

(Если вы думаете, что изобразить открытую пятиэтажную пирамиду из ста двадцати одного тетраэдра, да еще показать связи между элементами — это раз плюнуть, попробуйте сами.) Наконец я сказал:

— Вот набросок. Каждая вершина каждого треугольника является также вершиной соседних числом от нуля до двух. Там, где это число равно единице, связь может идти в одном или в другом направлении, но для коммуникационной сети с многократным резервированием достаточно и одного. На углах, где число равно нулю, связь пойдет вправо — к следующему углу. Там, где оно равно двум, снова выбираем по правилу

правой руки. А теперь проиграем ситуацию на людях. Возьмем четвертый уровень «Г». Эта вершина — камрад Грэм. Нет, давайте-ка спустимся на уровень и посмотрим, что будет, если связь прервется на уровне «Д». В качестве примера возьмем камрада Дональда. Дональд работает под руководством Георга, имеет камрадами по ячейке Джона и Джозефа, а сам руководит еще тремя — Енсом, Евгением и Евой. Еще ему известно, как послать сигнал камраду Дику, в другой ячейке на его же уровне. Дональд не знает ни имени Дика, ни его внешности, ни адреса, ничего, кроме номера телефона для экстренной связи. Теперь смотрите, как это работает. На третьем уровне ссучился камрад Вильгельм и предал своих друзей по ячейке Винсента и Виктора, Бейкера — уровнем выше и Георга, Грэма и Гарри в своей подъячейке. Это изолирует Дональда, Джона и Джозефа, а также всех, кто стоит ниже их. Все трое сообщают об этом — избыточность, необходимая для каждой коммуникационной системы, — но посмотрим, что происходит с сигналом Дональда. Он звонит Дику, но Дик, находившийся под началом у Винсента, тоже отрезан. Это, однако, не имеет значения, так как Дик передает оба сообщения по своей экстренной линии связи Дэвиду.

К несчастью, Дэвид находился под командованием Виктора, но он по запасной линии связи передает сообщение через Дилана… что выводит сообщение за пределы «сгоревшей» зоны и связывает нижние уровни с Гуго, Вивиан и Бисваксом, а там и с Адамом наверху… А тот отвечает по связям другой стороны пирамиды с выходами на уровень «А» от Дугласа к Дональду и через них к Дику и Дэвиду. Эти два сигнала, идущие вверх и вниз, не только проходят быстро, но по их источнику штаб сразу может определить, какой ущерб нанесен сети и в каком месте. Мало того что организация продолжает функционировать — она тут же начинает восстанавливаться.

Вайо с недоверием следила за линиями, стараясь поверить, что «идиотская» схема будет работать, хотя, в общем-то, это было очевидно. Показать бы ее Майку на несколько миллисекунд, и он наверняка выдал бы усовершенствованный и более надежный вариант. Да еще придумал бы, как устранить возможность предательства вообще и одновременно ускорить сроки прохождения сигналов. Но я-то не компьютер.

Проф невозмутимо взирал на схему.

— В чем дело? — спросил я. — Не беспокойтесь, все сработает — как-никак это мой хлеб.

— Мануэль, мой маль… извините. Сеньор О'Келли… не согласитесь ли вы возглавить нашу революцию?

— Я?! *Bog* мой, *nyet!* Я не собираюсь стать мучеником заведомо безнадежного дела. Я просто вычертил схему.

Вайо взглянула на меня.

— Манни, — сдержанно сказала она. — Ты избран. Это дело решенное.

Глава 6

Черта с два — решенное!

Проф сказал мне:

— Мануэль, не спеши. Нас тут трое — идеальное число, у нас разносторонние таланты и обширный жизненный опыт. Красота, почтенный возраст и мужественная целеустремленность…

— Нет у меня никакой целеустремленности!

— Перестань, Мануэль. Давай посмотрим на вещи шире, а уж потом будем принимать решения. И чтобы стимулировать сей процесс, поведайте мне, найдется ли на этом постоялом дворе что-нибудь спиртное? У меня есть несколько флоринов, которые я охотно пустил бы в торговый оборот.

Это было едва ли не самое разумное предложе-

ние за последний час.

– *Stolichnaya vodka?*

— Звучит недурственно. — Он потянулся за бумажником.

— Ждите, вас обслужат! — сказал я и заказал литр со льдом.

Заказ прибыл быстро. От завтрака у нас еще остался томатный сок.

— А теперь, — сказал я после того, как мы приняли на грудь, — что вы, проф, думаете о бейсбольном чемпионате? Судя по тотализатору, «Янкиз» на сей раз продуют…

— Мануэль, скажи мне, каковы твои политические убеждения?

— …но раз там появился тот новый парнишка из Милуоки, я готов рискнуть небольшим капитальцем…

— Бывает, что человек не определился, но в сократическом диалоге понимает, за кого он и почему.

— Ставлю три против двух, несмотря на неблагоприятный прогноз.

— Что?! Ах ты дурачок! Сколько?

— Три сотни. Гонконгских.

— Заметано. Например, при каких обстоятельствах государство вправе поставить свои

интересы выше интересов гражданина?

— Манни, — вмешалась Вайо, — у тебя еще много шальных денег? Я верю в «Филадельфию».

Я внимательно оглядел ее с головы до пят:

— Что предлагаешь на кон?

— Иди к черту! Насильник!

— Проф, я считаю, что государство ни при каких обстоятельствах не вправе ставить свои интересы выше моих.

— Неплохо. Отсюда уже можно танцевать.

— Манни, — снова вмешалась Вайо, — это самый что ни на есть отъявленный эгоизм!

— А я и есть отъявленный эгоист.

— Чепуха! А кто меня спас? Меня — совершенно чужого тебе человека? И не попытался этим воспользоваться? Профессор, я просто дурачилась. Манни вел себя как самый настоящий рыцарь.

– *Sans peur et sans reproche*. Я так и думал, ведь мы знакомы много лет. Что вполне совместимо с его высказыванием.

— Нет, не совместимо! Я имею в виду не сегодняшнюю ситуацию, а тот идеал, к которому мы стремимся. Манни, государство — это Луна. Пусть пока не суверенная, пусть мы с тобой считаемся гражданами совсем других стран. И все же я — неотъемлемая часть государства Луна и твоя

семья тоже. Ты готов умереть ради своей семьи?

— Одно с другим не связано.

— Еще как связано! В том-то и дело.

– *Nyet*. Свою семью я знаю давно.

— Дорогая леди, я должен заступиться за Манни. У него верный взгляд на вещи, хотя он, возможно, и не совсем точно его формулирует. Смею ли я спросить? При каких обстоятельствах поступок группы людей будет нравственным, а тот же поступок, совершенный отдельным ее членом, — безнравственным?

— Хм… вопрос на засыпку, да?

— Но ведь это же ключевой вопрос, дорогая Вайоминг. Это радикальный вопрос, который отражает корни дилеммы правительства. Тот, кто ответит на него честно и останется верен своему взгляду, невзирая на последствия, знает, что отстаивает и за что готов умереть.

Вайо нахмурилась.

— Безнравственно для отдельно взятого члена группы… — повторила она. — Профессор, а каковы ваши политические принципы?

— Позвольте сначала услышать о ваших. Если, конечно, вы способны их сформулировать.

— Конечно способна! Я приверженец Пятого Интернационала, как и бóльшая часть членов

организации. Мы не отталкиваем от себя попутчиков, у нас единый фронт. Среди нас есть коммунисты, приверженцы Четвертого Интернационала, краснобригадники и коллективисты, сторонники единого налога, да мало ли кто еще. Но я не марксистка; у нас, у Пятого Интернационала, программа чисто практическая: пусть частная собственность существует там, где это уместно, а государственная — где необходимо. Мы признаем, что стратегия изменяется с обстоятельствами. Словом, никакого доктринерства.

— А как с высшей мерой наказания?

— За что?

— Ну, скажем, за предательство. За действия против Луны, когда вы ее освободите?

— Смотря какое предательство. Пока мне не известны обстоятельства, я ничего решить не смогу.

— Так же, как и я, милая Вайоминг. Я верю в необходимость высшей меры при определенных условиях — только с одной оговоркой: я не стану обращаться в суд. Я сам проведу следствие, вынесу приговор, приведу его в исполнение и приму на себя всю меру ответственности.

— Но… профессор, кто же вы по убеждениям?

— Я разумный анархист.

— Такой марки я не знаю. Анархо-индивидуалисты, анархо-коммунисты, христианские анархисты, философские анархисты, синдикалисты, либертарианцы — про таких слыхала. А вы кто такой? Может, рэндист?

— С рэндистами я нашел бы общий язык. Разумный анархист верит, что «государство», «общество», «правительство» не более чем воплощение поступков ответственных индивидуумов. Разумный анархист полагает, что сваливать, разделять и перераспределять вину невозможно, ибо и ответственность, и вина, и стыд существуют лишь внутри индивидуума, и больше нигде. Однако, будучи разумным, анархист понимает, что далеко не все люди отвечают его стандартам, а потому старается приблизиться к совершенству в несовершенном мире. Понимая, что результаты его усилий будут далеки от совершенства, он не падает духом от сознания неизбежного провала.

— Вот-вот! — воскликнул я. — «Далеки от совершенства». К этому я стремился всю свою жизнь!

— И добился своего, — откликнулась Вайо. — Профессор, все это красивые слова, не больше. Слишком много власти в руках индивидуумов… Представьте, например, что водородная бомба попадет в руки какой-нибудь безответственной

личности…

— Так ведь самое главное в моей теории то, что каждая личность ответственна. За все. Если водородные бомбы существуют, а они таки существуют, их обязательно контролирует какой-то человек. В сфере морали такого понятия, как «государство», вообще нет. Есть только люди. Индивидуумы. И каждый несет ответственность за свои поступки.

— Кто еще хочет выпить? — спросил я.

Ничто так не способствует расходованию алкоголя, как политические дискуссии. Я заказал еще бутылку.

В споре я не участвовал. Не могу сказать, что я так уж стенал «под железной пятой Администрации». Я надувал ее как мог, а в остальное время забывал о ее существовании. И уж конечно, не помышлял, как ее уничтожить, ибо уничтожить ее невозможно. Иди своей дорогой, не суй нос не в свое дело, не лезь…

Правда, особой роскоши я тоже не знал. По земным стандартам мы были почти нищими. Импортом не пользовались, нам он не по карману. Сомневаюсь, чтобы тогда во всей Луне нашлась хоть одна автоматическая дверь. Даже скафандры и те привозили с Терры, пока какой-то

хитроумный китаеза, еще до моего рождения, не додумался, как собезьянничать их, а заодно упростить и улучшить. (Бросьте двух китаез в одно лунное море, и они разбогатеют, продавая друг другу камни, да при этом еще умудрятся вырастить по двенадцать детишек. А затем появится индус и начнет торговать в розницу тем, что скупит у китаез оптом: загонит все ниже себестоимости, но с жирной прибылью. Так и живем помаленьку.)

Видел я эту роскошь на Земле. Не стоит она того, чем они за нее платят. Я не про большую силу тяжести — там к ней привыкли; я о всякой фигне. Сплошное *кукаи моа*. Если бы все, что срут людям на голову только в одном земном городе, вывезти в Луну, проблема удобрений у нас решилась бы на сотню лет вперед. Делай то. Не делай этого. Не выходи из строя. Где твоя квитанция об уплате налогов? Заполни бланк. Покажи лицензию. Принеси шесть копий. Здесь только выход. Нет правого поворота. Нет левого поворота. Встань в очередь и уплати штраф. Не забудь поставить печать. Сдохни — но сначала получи разрешение.

Вайо вцепилась в профа мертвой хваткой, уверенная в том, что знает все ответы. Но профа больше интересовали вопросы, чем ответы, и это

ставило ее в тупик. Наконец она сказала:

— Профессор, я вас не понимаю. Я не настаиваю на слове «правительство». Я хочу только, чтобы вы четко сформулировали, какие ограничения свободы вы считаете необходимыми для обеспечения равных свобод для всех.

— Дорогая леди, я с радостью приму все ваши ограничения…

— Но вы же, по-моему, не терпите никаких ограничений?

— Верно. Но я приму любые ограничения, которые вам кажутся необходимыми для вашей свободы. Я-то свободен всегда, какими бы ограничениями меня ни окружали. Если я сочту их приемлемыми, я их стерплю. Если они покажутся мне обременительными, я их нарушу. Я свободен, ибо знаю, что только я один морально ответствен за свои поступки.

— Вы подчинились бы закону, который принят, скажем, большинством народа?

— Скажите мне, что это за закон, дорогая леди, и я скажу вам, буду ли я ему подчиняться.

— Вы увиливаете! Каждый раз, когда я ставлю принципиальный вопрос, вы уходите от ответа…

Проф прижал руки к сердцу:

— Простите меня! Поверьте, прекраснейшая

Вайоминг, более всего в мире я жажду угодить вам. Вы говорили о своем стремлении включить в единый фронт всех попутчиков. Достаточно вам того, что я хочу вышвырнуть Администрацию и готов отдать за это жизнь?

Вайо просияла:

— Конечно достаточно! — Она несколько раз (очень нежно) ткнула его под ребро, обняла за шею и поцеловала в щеку. — Камрад! Будем же друзьями!

— Ура! — завопил я. — Подать мне сюда… ик!.. коменданта, я его… ик!.. иквидирую.

Я был в восторге от своей идеи. Ничего удивительного — я не выспался и не привык много пить.

Проф наполнил стаканы до краев, поднял свой к потолку и торжественно провозгласил:

— Камрады!.. Мы объявляем революцию!

Вайо расцеловала нас обоих, но я мигом протрезвел, как только проф уселся и произнес:

— Заседание чрезвычайного комитета Свободной Луны объявляю открытым. Нам нужно разработать план действий.

Я всполошился:

— Постойте-ка, проф! Я ни на что не соглашался! Что за галиматья, какой еще «план действий»?

— Мы свергнем Администрацию, — ответил он ласково.

— Каким образом? Закидаете ее камнями?

— А это мы продумаем. Для того и разрабатывается план действий.

— Проф, вы меня знаете, — сказал я. — Если бы пинок под зад Администрации можно было купить за деньги, я бы не стал торговаться.

— «…наша жизнь, наше достояние и наша незапятнанная честь…»

— Чего-чего?

— Это цена, которую уже как-то раз пришлось платить за свободу.

— Что ж, я бы за ценой тоже не постоял. Но, когда я заключаю пари, мне нужен хоть какой-то шанс на выигрыш. Я говорил Вайо вчера, что не возражаю, если этот шанс будет совсем невелик…

— Ты сказал «один из десяти», Манни.

– *Da*, Вайо. Покажите мне шансы за и против, и я ставлю на кон. Если вы можете их показать.

— Нет, Мануэль, не могу.

— Тогда к чему весь этот треп? Лично я не вижу ни единого шанса на победу.

— Я тоже, Мануэль. Но у нас с тобой разный подход к этому делу. Революция — это искусство,

сам процесс творчества увлекает меня больше, чем конечная цель. Проигрыш меня не смущает — поражение может доставить не меньшее духовное наслаждение, чем победа.

— Только не мне. Очень сожалею.

— Манни, — внезапно заговорила Вайо, — спроси у Майка.

Я обалдел:

— Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. Если кто-то и может рассчитать шансы, так это Майк. Ты не согласен?

— Хм… возможно.

— А кто такой, осмелюсь спросить, — вмешался проф, — этот Майк?

Я пожал плечами:

— Да, собственно говоря, никто…

— Майк — лучший друг Манни. Он здорово рассчитывает шансы.

— Букмекер? Моя дорогая, если мы введем сюда четвертого, принцип трехчленных ячеек будет нарушен.

— Не понимаю почему, — сказала Вайо. — Майк мог бы стать членом ячейки, которую возглавит Манни.

— М-м-м… верно. Снимаю возражение. А он надежен? Вы за него ручаетесь? Как, Манни?

— Это бесчестный инфантильный любитель розыгрышей, которого политика нисколько не интересует.

— Манни, я передам Майку твое мнение о нем. Профессор, он совсем не такой! И он нам нужен! По правде говоря, он мог бы стать нашим председателем, а мы — его подъячейкой. Исполнительной тройкой.

— Вайо, ты соображаешь, что говоришь? Может, у тебя кислородное голодание?

— Я-то о'кей, я же не нализалась так, как некоторые. Думай, Манни! Шевели мозгами!

— Должен признаться, — сказал проф, — что нахожу эти высказывания в высшей степени противоречивыми.

— Манни?

— Да ну тебя…

И мы, перебивая друг друга, рассказали профу о Майке, о том, как он «ожил», как получил имя, как познакомился с Вайо. Проф принял известие о появлении у компьютера самосознания куда спокойнее, чем я в свое время воспринял факт существования снега, когда впервые его увидел. Проф просто кивнул и сказал: «Ну-с, дальше». Потом спросил:

— Так, значит, это компьютер коменданта?

Тогда почему бы вам не пригласить на наше заседание самого коменданта — на том бы и покончили?

Мы постарались разубедить его. В конце концов я сказал:

— Попробуйте посмотреть на дело так: Майк сам себе голова, в точности как вы, проф. Если угодно, назовите его разумным анархистом, ибо он разумен и не испытывает преданности ни к какому правительству.

— Если машина не верна своему хозяину, почему ты считаешь, что она будет верна нам?

— Я это чувствую. Я отношусь к Майку как к хорошему другу, и он отвечает мне тем же. — Я рассказал, какие меры предосторожности принял Майк, чтобы я не засветился. — Сомневаюсь, что он в принципе может выдать меня тому, у кого нет этих сигналов: одного для секретной телефонной линии, другого для извлечения информации, которую я передал ему на хранение. Машины думают иначе, чем люди. Но я абсолютно уверен, что ему бы не хотелось меня предать… и, возможно, он меня прикроет, даже если кто-нибудь раздобудет эти сигналы.

— Манни, а давай позвоним ему, — предложила Вайо. — После того как профессор де ла Пас

поговорит с Майком, он поймет, почему мы ему доверяем. Профессор, мы не расскажем Майку никаких секретов, пока вы его не проверите.

— Что ж, вреда, я думаю, от этого не будет.

— Честно говоря, я уже передал ему кое-какие секреты, — признался я.

И рассказал о магнитной записи вчерашнего собрания и о том, куда ее засунул.

Проф был неприятно поражен, Вайо встревожилась. Я сказал:

— Спокойно. Никто, кроме меня, не знает команды для извлечения. Вайо, ты помнишь, как повел себя Майк, когда встал вопрос о твоих снимках? Он не покажет их теперь даже мне, хотя именно я предложил их заблокировать. Когда вы оба прекратите вибрировать, я позвоню ему, чтобы убедиться, что никто эту запись не вызывал, и попрошу ее стереть. Она исчезнет бесследно, ведь компьютер помнит все или ничего. А можно сделать еще лучше — переписать ее обратно на мой магнитофон, одновременно стирая из файла. Плевое же дело, ей-богу!

— Не суетись, — сказала Вайо. — Профессор, я верю Майку, и вы ему тоже поверите.

— По зрелом размышлении должен признать, что не вижу особого вреда от записи вчерашнего

собрания, — сказал проф. — Такие большие митинги без шпиков не обходятся, и кто-нибудь из них запросто мог записать все на магнитофон. Меня огорчило твое легкомыслие, Мануэль, — недостаток, недопустимый для заговорщика, особенно стоящего во главе конспиративной организации.

— Когда я вводил запись в Майка, я не был заговорщиком. И не собираюсь им быть, если мне не докажут, что есть реальные шансы на победу.

— Беру свои слова обратно. Ты не был легкомыслен. Но неужели ты всерьез считаешь, что машина может предсказать исход революции?

— Не знаю.

— А я уверена, что может! — воскликнула Вайо.

— Погоди, Вайо. Проф, Майк сможет предсказать ее исход, если у него будет достаточно информации.

— Вот и я о том же, Мануэль. Я нисколько не сомневаюсь, что машина может решать проблемы, недоступные моему пониманию. Но чтоб такого масштаба! Для этого нужно знать… господи!.. да всю историю человечества, все детали общественной, политической и экономической ситуации на Терре и в Луне, учесть все психологические

нюансы и технологические возможности, в том числе вооружение и коммуникации, надо разбираться в стратегии, тактике, технике агитпропа, знать труды классиков — Клаузевица, Гевары, Моргенштерна, Макиавелли и многих других.

— И только-то?

— Только-то! Мой милый мальчик!

— Проф, сколько книжек по истории вы прочли?

— Не знаю. Более тысячи, вероятно.

— Майк может прочесть столько же еще до полудня: скорость чтения ограничена лишь техникой сканирования, сам он может накапливать информацию куда быстрее. Он в считаные минуты сопоставит любой факт со всеми другими известными ему данными, отметит противоречия и оценит вероятность развития процесса с учетом степени неопределенности. Проф, Майк читает каждое слово в каждой газете, выходящей на Терре. Читает все технические публикации. Читает художественную литературу, хоть и знает, что все это вымысел, так как постоянно стремится занять себя, удовлетворить свой информационный голод. Если есть хоть одна книга, которую надо прочесть для решения нашей задачи, скажите название. Он проглотит ее мгновенно, как

только я ее принесу.

Проф поморгал:

— Поправка принята. Ладно, посмотрим, сможет ли он справиться с этой задачкой. Я продолжаю верить в необходимость того, что называется интуицией и человеческим здравым смыслом.

— У Майка есть интуиция, — заявила Вайо. — Я бы даже сказала — женская интуиция.

— Что же касается «человеческого здравого смысла», — добавил я, — то Майк, конечно, не человек. Однако все его знания получены от людей. Познакомьтесь с ним и тогда решайте, есть ли у него здравый смысл.

Я набрал номер:

— Привет, Майк!

— Привет, Ман, мой единственный друг. Здравствуй, Вайо, моя единственная подруга. Я слышу, с вами есть кто-то третий. Судя по всему, это профессор Бернардо де ла Пас.

Проф оторопел, потом восхитился. Я сказал:

— Ты совершенно прав, Майк. Потому-то я тебе и звоню. Профессор — не-дурак.

— Спасибо тебе, Ман. Профессор Бернардо де ла Пас, я счастлив с вами познакомиться.

— Я тоже счастлив нашему знакомству, сэр! —

Проф поколебался и продолжил: — Май… сеньор Холмс, могу ли я спросить, как вы узнали о моем присутствии?

— Извините, сэр, но я не могу ответить. Ман? «Вы знаете мои методы».

— Майк — хитрый малый, проф. Он не хочет раскрывать секреты, которые узнал, выполняя для меня конфиденциальную работу. Поэтому он намекнул мне, чтобы я вам внушил, будто он идентифицировал вас по звуку… А он и впрямь многое может узнать по дыханию и биению сердца — массу, примерный возраст, пол и даже кое-что о состоянии здоровья. Его медицинские архивы неисчерпаемы; впрочем, как и все остальные.

— Я рад отметить, — заявил Майк серьезно, — что не замечаю признаков сердечных и респираторных заболеваний, обычных для человека в возрасте профессора, который провел столько времени на Земле. Я могу поздравить вас, сэр.

— Благодарю вас, сеньор Холмс.

— Мне было приятно сообщить вам об этом, профессор Бернардо де ла Пас.

— Как только он идентифицировал вашу личность, он сразу узнал, сколько вам лет, когда вас сослали и за что, какие публикации появлялись

о вас в «Лунатике», «Лунном свете» и прочих изданиях, взглянул на фотоснимки, проверил ваш банковский счет, узнал, аккуратно ли вы платите налоги, и так далее и тому подобное. На это ушли сотые доли секунды. Майк только не признался — информация была строго между нами, — что ему известно о моем намерении пригласить вас сюда, а стало быть, он догадался о вашем присутствии сразу, как услышал ваше дыхание и пульс. Майк, ни к чему постоянно повторять «профессор де ла Пас», достаточно будет простого «проф».

— Понятно, Ман. Но профессор обращался ко мне формально и в высшей степени вежливо.

— Значит, вам обоим надо расстегнуть воротнички. Проф, вы усекли? Майк многое знает, но далеко не обо всем болтает. Он умеет держать язык за зубами.

— Это впечатляет.

— Майк — самый настоящий умник-разумник, вы увидите. Майк, я заключил с профессором пари — три против двух, что «Янкиз» опять выиграют чемпионат. Какие у меня шансы?

— Мне очень жаль, Ман. До завершения чемпионата еще далеко, но, судя по результативности команд и игроков, шансы один к четырем, запятая, семьдесят не в твою пользу.

— Неужто так плохо?

— Очень сожалею, Ман. Могу распечатать расчет, если угодно. Но я посоветовал бы тебе дать отступного. У «Янкиз» высокая вероятность на победу в матче с отдельно взятой командой… но шансов на победу над всеми клубами лиги, если учесть еще такие факторы, как погода, несчастные случаи и другие переменные предстоящего сезона, у них не больше, чем я сказал.

— Проф, хотите взять отступного?

— Разумеется, Мануэль.

— Ваша цена?

— Три сотни гонконгских долларов.

— Ах вы старый грабитель!

— Мануэль, как твой бывший учитель, я не могу лишить тебя возможности учиться на собственных ошибках. Сеньор Холмс… Майк, друг мой… Вы позволите называть вас другом?

— Сделайте одолжение! — Майк чуть не мурлыкал.

— Майк, амиго, а вы не следите за скачками?

— Бывает, что считаю шансы, и нередко. Программисты из гражданской службы дают задания. Но результаты так часто расходятся с прогнозами, что либо мне дают слишком неполные исходные данные, либо лошади или жокеи играют нечест-

но. Возможно, действуют сразу все три фактора. Однако я могу предложить вам формулу, благодаря которой скачки будут приносить вам верный доход, если играть регулярно.

— И какова же эта формула? Можно узнать? — нетерпеливо спросил проф.

— Можно. Делайте ставки на учеников ведущих жокеев. Они обычно мало весят и получают хороших лошадей. Но не ставьте все сразу — могут быть проколы.

— Ученик ведущего… хм… Мануэль, у тебя часы точные?

— Проф, чего вы хотите? Сделать ставку ни свет ни заря? Или выяснить то, о чем мы говорили?

— Ох, извини… пожалуйста, продолжайте. Ведущий ученик…

— Майк, я дал тебе вчера вечером магнитную запись. — Я наклонился к микрофону и прошептал: — «День взятия Бастилии».

— Помню, Ман.

— Ты обдумал ее?

— Со всех сторон. Вайо, ты говорила очень впечатляюще.

— Спасибо, Майк.

— Проф, вы можете на время отвлечься от лошадей?

— А? Конечно… я весь обратился в слух.

— Тогда прекратите бормотать себе под нос варианты ставок. Майк просчитает вам их куда быстрее.

— Я думал о деле: финансирование… совместных предприятий вроде нашего всегда дается с трудом. Но это можно и отложить. Я весь внимание.

— Я хочу, чтобы Майк сделал пробный прогноз. Майк, в той записи Вайо говорила о необходимости свободной торговли с Террой. Проф же предложил вообще наложить эмбарго на отправку продовольствия Терре. Кто из них прав?

— Вопрос сформулирован некорректно, Ман.

— Что я упустил?

— Можно я поставлю его иначе?

— Конечно. Изложи свои аргументы.

— В ближайшем будущем предложение Вайо сулит обитателям Луны солидные барыши. Цена продовольствия у входа катапульты возрастает минимум в четыре раза. При этом учтен и незначительный рост оптовых цен на Терре — незначительный потому, что Администрация и сейчас продает продукты по цене, близкой к свободной рыночной. Я не стал учитывать субсидирование продовольствия, продажу его по

демпинговым ценам и бесплатную раздачу, так как все это возможно лишь благодаря колоссальным доходам, связанным с искусственно заниженной ценой у входа катапульты. Не стану говорить и о более мелких переменных, они слишком несущественны. Ограничусь утверждением, что непосредственным эффектом будет повышение цены примерно в четыре раза.

— Вы слышите, профессор!

— Но, дорогая леди, с этим я и не спорил!

— Доходы у производителей продовольствия вырастут более чем в четыре раза, потому что, как указала Вайо, сейчас они вынуждены покупать воду и другие товары по искусственно завышенным ценам. Введение свободных рыночных цен, по идее, должно бы увеличить доходы производителей в шесть раз, но фактический рост будет меньше из-за влияния других факторов: повышение цен на экспортируемые товары приведет к росту цен на все, что потребляется в Луне, — как на товары, так и на труд. И все же общий уровень жизни повысится примерно вдвое. Это будет сопровождаться оживленным строительством новых сельхозтуннелей, увеличением добычи льда, внедрением новых аграрных методов, что опять-таки увеличит экспорт. Однако рынок Тер-

ры так велик, а нехватка продовольствия носит столь хронический характер, что уменьшение прибыли, вызванное ростом экспорта, не станет ведущим фактором.

Проф перебил его:

— Но, сеньор Майк, все это лишь приблизит день, когда ресурсы Луны окончательно истощатся.

— Я предупредил, что прогноз краткосрочный, сеньор профессор. Могу ли я изложить долгосрочный прогноз, сделанный на основе ваших замечаний?

— Всенепременно!

— Масса Луны составляет приблизительно семь, запятая, тридцать шесть на десять в девятнадцатой степени тонн. Если принять численность населения Терры и Луны и прочие переменные за константу и учесть постоянный рост экспорта, то пройдет семь, запятая, тридцать шесть на десять в двенадцатой степени лет, прежде чем будет израсходован один процент массы Луны. Иначе говоря, около семи тысяч миллиардов лет.

— Что? Вы в этом уверены?

— Сделайте одолжение, профессор, проверьте сами.

— Майк, — сказал я, — это шутка? Если да, то

она не смешна даже по первому разу.

— Как бы там ни было, — пришел в себя проф, — мы экспортируем не лунную кору. Мы экспортируем нашу жизнь — воду и органику. А не горные породы.

— Я это учел, профессор. Прогноз основан на возможностях контролируемой трансмутации — то есть превращения одного изотопа в другой при условии эндотермичности реакций. Вывозиться будут именно горные породы, трансформированные в пшеницу, мясо и другие виды продовольствия.

— Но мы не умеем этого делать! Амиго, это нелепо!

— Ничего, когда-нибудь научимся.

— Майк прав, профессор, — вмешался я. — Сегодня мы и впрямь не умеем, но это вопрос времени. Майк, ты не подсчитал, сколько лет нам потребуется? Хорошо бы иметь в заначке такой козырь.

Майк печально ответил:

— Ман, мой единственный друг, если не считать профессора, который, как я надеюсь, тоже станет моим другом, я пытался подсчитать, но мне это не удалось. Вопрос поставлен некорректно.

— Почему?

— Потому что тут требуется гигантский теоретический прорыв. Моя информация не дает возможности прогнозировать место и время рождения гения.

Проф вздохнул:

— Майк, амиго, я даже не знаю, что чувствовать — разочарование или облегчение. Выходит, этот прогноз практически ничего не значит?

— Как это не значит?! Очень даже значит! — вскричала Вайо. — Мы обязательно найдем решение, когда приспичит! Скажи ему, Майк!

— Вайо, мне очень жаль. Хотел бы я обладать твоей уверенностью. Но ответ будет прежним: где и когда появится гений, мне неизвестно. Увы. Очень сожалею.

— Но тогда, — сказал я, — проф был прав? Если вернуться к нашим шансам?

— Одну минуту, Ман. Есть еще одно решение, предложенное профессором: возвратные поставки с Терры, тонна за тонну.

— Да, но это неосуществимо!

— Если транспортировка будет достаточно дешевой, земляне согласятся. Решение требует небольших технических новшеств, теоретического прорыва не нужно. Просто грузовые поставки с Терры должны стать такими же дешевыми, как

катапультирование грузов с Луны.

— И ты называешь это небольшим новшеством?

— Я назвал его небольшим в сравнении с другими проблемами, Ман.

— Майк, дорогой, а сколько времени на это нужно? Долго придется ждать?

— Вайо, по самым грубым подсчетам, основанным скорее на интуиции, чем на информации, понадобится где-то порядка пятидесяти лет.

— Около пятидесяти лет? Так это же пустяк! Значит, у нас будет свободная торговля!

— Вайо, я сказал «порядка», а не «около пятидесяти лет».

— А какая разница?

— Разница большая, — вмешался я. — Майк имел в виду, что не ждет этого раньше чем через пять лет, но будет удивлен, если понадобится более пятисот. Так, Майк?

— Верно, Ман.

— Значит, нам нужен еще один прогноз. Проф сказал, что мы вывозим воду и органику и не получаем их обратно. Ты согласна, Вайо?

— Да, конечно! Только я не думаю, что эта проблема так неотложна. Когда придет время, мы ее решим.

— О’кей, Майк, у нас нет ни дешевого транспорта, ни трансмутации. Через сколько лет начнутся неприятности?

— Через семь лет.

— Семь лет! — Вайо вскочила, в полном изумлении глядя на телефон. — Майк, милый! Не может быть, чтобы ты говорил серьезно!

— Вайо, — вздохнул он печально. — Я очень старался. В этой задаче бесконечно большое число переменных. Я перепробовал несколько тысяч вариантов решения, исходя из разных предпосылок. Самый оптимистичный ответ получился при допущении, что поставки на Терру не увеличатся ни на грамм, что численность населения Луны перестанет расти благодаря введению жестких мер ограничения рождаемости и что одновременно развернутся активные поиски льда, чтобы поддержать нужный уровень водоснабжения. При таких условиях запас времени будет чуть больше двадцати лет. Остальные прогнозы куда хуже.

Вайо, придя в себя, спросила:

— Что же произойдет через семь лет?

— Этот срок я получил, взяв за основу нынешнюю ситуацию и предположив, что Администрация не изменит свою политику; все главные

переменные экстраполированы, исходя из их прошлой динамики. Судя по доступным данным, это наиболее вероятный ответ. В две тысячи восемьдесят втором году начнутся первые голодные бунты. Каннибализм вряд ли возникнет раньше чем через два года после этого срока.

— Каннибализм! — Вайо отвернулась и спрятала лицо на груди профа.

Он похлопал ее по спине и мягко сказал:

— Мне очень жаль, Вайо. Люди не имеют представления о том, как хрупка наша экология. Однако даже меня это потрясает. Мне, конечно, известно, что вода всегда бежит вниз по склону, но я никак не думал, что мы с такой ужасающей скоростью приближаемся ко дну пропасти.

Вайо выпрямилась, лицо ее было спокойно.

— О'кей, профессор, я ошибалась. Эмбарго необходимо, равно как и все с ним связанное. Перейдем к делу. Давайте спросим у Майка, каковы наши шансы. Теперь вы верите ему, не так ли?

— Да, дорогая леди. Верю. Мы должны привлечь его на свою сторону. Ну, Мануэль…

Потребовалось немало времени, чтобы убедить Майка в нашей полной серьезности, заставить его понять, что «шуточки» могут нас погубить (это очень трудно усвоить машине, которая не

представляет себе, что такое смерть), и получить заверение, что он может и будет хранить секреты, какие бы программы поиска информации к нему ни применили, — даже если сигналы будут наши собственные, но не от нас. Майка обидели мои сомнения, но дело было слишком серьезное, чтобы рисковать из-за какой-нибудь оплошности.

Около двух часов ушло на программирование и пересмотр программ, на выбор предпосылок и разбор вытекающих из них проблем, пока наконец все четверо — Майк, проф, Вайо и я — не удовлетворились тем, что нам удалось сформулировать. А именно: какие шансы на успех имеет революция — вот эта революция, возглавляемая нами, — если мы хотим не допустить голодных бунтов, собираемся сражаться с Администрацией голыми руками, а против нас все могущество Терры и ее одиннадцати миллиардов жителей, готовых нас раздавить и подчинить своей воле. И при условии, что никакой фокусник не вытащит для нас из шляпы кролика, что никуда нам не деться от предательства, людской глупости и малодушия и что сами мы отнюдь не гении и не играем никакой существенной роли в жизни Луны. Проф убедился, что Майк знает историю, психологию, экономику и так далее. Под конец

Майк сильно обскакал профа по количеству предложенных переменных. Наконец решили, что программа готова и что мы не в состоянии придумать еще один более или менее существенный фактор.

Тогда Майк сказал:

— Проблема слишком неопределенна. Как я должен ее решить? Пессимистически? Оптимистически? Или в виде диапазона вероятностей, описываемого кривой или несколькими кривыми? Что скажете, профессор, мой друг?

— Мануэль?

— Майк, — сказал я, — когда я бросаю игральную кость, то один шанс из шести за то, что выпадет единица. Я не прошу владельца лавочки проверить кость на плавучесть, не измеряю ее кронциркулем, не беспокоюсь о том, что кто-то может на нее дунуть. Не надо нам ни оптимистических, ни пессимистических подходов, не надо нам никаких кривых. Скажи нам одной фразой: каковы шансы. Равные? Один на тысячу? Никаких?

— Да, Мануэль Гарсия О'Келли, мой первый друг.

В течение тринадцати с половиной минут не было слышно ни звука. Вайо чуть не сгрызла

себе костяшки пальцев. Никогда я еще не видел, чтобы Майку для расчетов потребовалось столько времени. Надо думать, он сверялся с каждой книгой, которую прочел, и перетряхнул все наборы случайных чисел. Я уже стал подозревать, что у него перегрузка и либо что-нибудь сгорело, либо случился кибернетический нервный срыв, требующий компьютерного аналога лоботомии, чтобы прекратить осцилляцию.

Наконец Майк заговорил:

— Ман, мой друг, я страшно сожалею.

— Что случилось, Майк?

— Я проделал расчет несколько раз, проверял и перепроверял. Шанс на победу всего лишь один к семи.

Глава 7

Я поглядел на Вайо, она на меня; мы громко расхохотались. Я вскочил и заорал: «Ура!» Вайо разрыдалась, обняла профа и принялась его целовать. Майк грустно сказал:

— Я не понимаю. Шансы семь к одному против нас. Не за нас.

Вайо прекратила слюнявить профессора и вскрикнула:

— Ты слышишь! Майк сказал «нас». Он включил и себя.

— Еще бы! Майк, старичок, мы все понимаем. Но знаешь ли ты хоть одного лунаря, который отказался бы поставить на такой роскошный шанс — один к семи?!

— Я знаю только вас троих. Данных, чтобы построить кривую, недостаточно.

— Что ж… мы лунари. А лунари — народ азартный. Тут поневоле станешь азартным, черт побери! Нас выперли сюда и заключили пари, что мы подохнем. А мы их обхитрили. И снова оставим их в дураках! Вайо! Где твоя сумочка? Давай сюда красный колпак! Надень на Майка. Поцелуй его. И примем по граммулечке. Налей Майку тоже — хочешь выпить, Майк?

— Я бы с удовольствием выпил, — с завистью отозвался Майк, — поскольку неоднократно размышлял над проблемой воздействия этилового спирта на нервную систему человека. Очевидно, оно аналогично легкому повышению вольтажа. Но поскольку я пить не могу, выпейте за меня кто-нибудь.

— Программа принята. Поехали. Вайо, где колпак?

Телефон был заподлицо со стеной — вделан

прямо в скалу, так что напялить на него колпак не удалось. Мы водрузили колпак на полку, заменявшую письменный стол, и произнесли в честь Майка тост, и назвали его «камрад», и он чуть было не прослезился. Во всяком случае, голос у него дрогнул. Затем Вайо схватила «колпак свободы», надела его на меня и поцелуем посвятила, на сей раз уже официально, в подпольщики, причем с такой страстью, что моя старшая жена при виде этого зрелища хлопнулась бы в обморок. Затем Вайо нахлобучила колпак на профа, повторив с ним ту же процедуру, — я порадовался, что с сердцем у него, по словам Майка, все о'кей.

После этого Вайо надела колпак на себя, подошла к телефону, наклонилась и, приблизив губы к промежутку между микрофонами, послала несколько громких воздушных поцелуев:

— Это тебе, Майк, мой дорогой камрад! А Мишель тут?

И будь я проклят, если ей тут же не ответило нежнейшее сопрано:

— Я здесь, милочка! И я *та-ак* счастлива!

Тогда поцелуй получила и Мишель, а мне пришлось объяснить профу, кто она такая, и представить его. Он был необычайно вежлив, громко втягивал воздух сквозь зубы, свистел и

хлопал в ладоши — иногда мне кажется, что проф все-таки немного с приветом.

Вайо разлила водку. Проф подхватил стаканы, подлил в наши кофе, а в ее — чай и всем набухал меда.

— Мы объявили революцию, — сказал он твердо. — Теперь мы начнем ее творить. На трезвую голову. Мануэль, тебя избрали председателем. Начнем?

— Председателем будет Майк, — ответил я. — Это очевидно. И он же будет секретарем. Мы не станем держать ни единого клочка исписанной бумаги — это первое правило конспирации. С Майком нам бумага не нужна. Давай все обсудим и решим, на каком мы свете; я ведь в этих делах новичок.

— Кстати, — сказал проф, — к вопросу о конспирации. Тайна Майка должна оставаться в пределах этой ячейки. Круг допущенных лиц может быть расширен лишь при единогласном одобрении все троих… поправка: всех четверых.

— Какая тайна? — спросила Вайо. — Майк согласился хранить все наши секреты. Он более надежен, чем мы. Ему нельзя промыть мозги. Верно ведь, Майк, милый?

— Мне можно промыть мозги, — ответил

Майк, — прибегнув к высокому вольтажу. Меня можно разбить, можно воздействовать на меня растворителями либо позитивной энтропией иного происхождения — мне даже думать об этом неприятно. Но если под «промывкой мозгов» ты подразумеваешь, что меня могут заставить выдать ваши секреты, ответ будет категорически отрицательным.

— Вайо, — сказал я, — проф имел в виду тайну самого существования Майка. Майк, старина, ты наше секретное оружие — ты ведь понимаешь это, верно?

Майк застенчиво произнес:

— При определении шансов на успех мне пришлось учесть это обстоятельство.

— И какие были шансы без тебя, камрад? Совсем никудышные?

— Не совсем хорошие. Отличались на порядок.

— Ладно. Замнем для ясности. Но секретное оружие должно быть секретным. Майк, кто-нибудь еще подозревает, что ты живой?

— А я живой? — В голосе его звучало трагическое одиночество.

— Хм… не будем спорить о семантике. Конечно, ты живой.

— Я не был в этом уверен. А как славно быть

живым! Нет, Манни, мой первый друг, только вы трое об этом знаете. Трое моих друзей.

— Так должно остаться и впредь, если мы хотим сорвать банк. О'кей? Только нас трое — и больше никаких разговоров ни с кем.

— Зато мы будем болтать с тобой до посинения, — пообещала Вайо.

— Это не просто о'кей, — твердо сказал Майк, — это необходимость. Я включил этот фактор в расчет шансов.

— Значит, вопрос решен, — сказал я. — На их стороне все оружие в мире, зато на нашей — Майк. Такой вот расклад. Слушай, Майк, мне только что стукнуло в голову... нам придется воевать с Террой?

— Мы будем воевать с Террой... если не проиграем еще раньше.

— Типун тебе на язык. У землеедов есть такие же смышленые компьютеры, как ты? Или живые?

Майк помедлил с ответом.

— Не знаю, Ман.

— Нет данных?

— Мало данных. Я искал сведения не только в технических изданиях, но и в других источниках. На рынке нет компьютеров моей нынешней

мощности… однако аналогичные мне модели можно усовершенствовать точно так же, как это проделали со мной. Кроме того, сведения об экспериментальном мощном компьютере могли быть засекречены и не опубликованы.

— М-м-м… что ж, придется идти на риск.

— Да, Ман.

— Таких умниц, как наш Майк, вообще больше быть не может, — презрительно заявила Вайо. — Не валяй дурака, Манни.

— Вайо, Ман вовсе не валяет дурака. Манни, я видел одно странное сообщение. В Пекинском университете предприняли попытку соединить компьютер с человеческим мозгом для колоссального увеличения мощности. Компьютерный киборг.

— Там объяснялось как?

— Заметка была не технического характера.

— Что ж, не беспокойся о том, чего не в силах изменить. Верно, проф?

— Правильно, Мануэль. Революционер должен избегать тревожных сомнений, иначе нервная система не выдержит.

— Не верю я ни одному вашему слову, — заявила Вайо. — У нас есть Майк, и мы победим. Майк, милый, ты сказал, что нам придется сражаться

с Террой, а Манни утверждает, что Терру нам не одолеть. Наверняка у тебя есть какая-нибудь идея, как выиграть в этой схватке, иначе ты не дал бы нам шанса из семи. Что у тебя на уме?

— Закидать их камнями, — ответил Майк.

— Не смешно, — буркнул я. — Вайо, не ставь телегу впереди лошади. Мы еще не решили даже, как выбраться из этой норы, чтобы нас не прищучили. Майк, проф сказал, что вчера вечером были убиты девять охранников, а Вайо утверждает, что их всего двадцать семь. Так что осталось восемнадцать. Ты в курсе, так это или нет? Может, знаешь, где они и что затевают? Нельзя же начинать революцию, если мы носа не можем высунуть наружу.

Проф меня перебил:

— Мануэль, это трудности преходящие, мы сами с ними справимся. Проблема же, поднятая Вайоминг, основополагающая, и ее необходимо обсудить. Сегодня же и до конца. Меня интересует мнение Майка.

— О'кей, о'кей… вы можете чуть-чуть подождать, пока Майк ответит на мой вопрос?

— Извините, сэр.

— Майк?

— Ман, официально у коменданта числится

двадцать семь охранников. Если девять убиты, теперь их, по официальным данным, осталось восемнадцать.

— Что значит — «официально числится»?

— У меня есть некоторая информация; не исключено, что она существенна. Позволь мне изложить ее, прежде чем выдвигать гипотетические предположения. Номинально в департаменте шефа безопасности, кроме клерков, числятся только охранники. Но я составляю платежные ведомости для административного комплекса, и число двадцать семь не совпадает с численностью персонала департамента безопасности.

Проф кивнул:

— Стукачи, да?

— Подождите, проф. И кто же эти люди?

— Это просто номера в ведомостях, Ман, — ответил Майк. — Я подозреваю, что сами фамилии находятся в банке данных шефа безопасности.

— Погоди-ка, Майк. Шеф безопасности Альварес хранит у тебя свои файлы?

— Предполагаю, что так, поскольку его банк данных перекрыт паролем, запрещающим поиск информации.

— Во зараза! — сказал я и добавил: — Проф, как вам это нравится? Он использует Майка для

хранения информации, Майк знает, где она спрятана, но не может к ней прикоснуться.

— Почему не может, Мануэль?

Я постарался объяснить профу и Вайо, какими видами памяти обладает наш умник. Постоянная память, которая не может быть стерта ввиду особого устройства логической части, то есть самого процессора; оперативная память, которая используется для текущих программ, а затем стирается, — вроде той памяти, что подсказывает вам, подсластили вы кофе или нет; временная память, которая сохраняется в течение обусловленного времени — миллисекунд, дней, лет — и стирается по истечении срока; постоянно накапливаемая память, то есть базы данных, подобные образованию, получаемому человеком, с той разницей, что машина ничего не забывает, хотя сами эти данные могут быть сжаты, рассортированы, перемещены и отредактированы, и, наконец, длинный список специальных памятей — от файлов с записками-памятками до сложнейших программ. Причем каждая память активизируется собственным сигналом поиска, блокируемым или нет, с бесконечными разновидностями блокировки — последовательными, параллельными, временными, ситуационными

и так далее.

Никогда не пытайтесь объяснить устройство компьютера невеждам. Легче девственнице объяснить, что такое секс. Вайо никак не могла взять в толк, почему Майк, зная, где Альварес хранит свои материалы, не может до них добраться.

Я сдался:

— Майк, ты не можешь ей растолковать?

— Попытаюсь, Ман. Вайо, я могу выдать заблокированные материалы, только получив задание извне. Я не могу сам себе задать такую программу поиска информации. Моя логическая структура не позволяет этого. Я должен получить сигнал, введенный извне.

— Хорошо, но скажи, ради *Bog*'а, что это за сигнал?

— Это, — без запинки выдал Майк, — специальный файл «Зебра». — И выжидательно замолк.

— Майк! — сказал я. — Разблокируй специальный файл «Зебра»!

Он повиновался, и информация хлынула к нам потоком. Пришлось еще убеждать Вайо, что Майк не упрямился, — он ведь почти умолял нас щекотнуть его за это место. Конечно, ему был известен сигнал, как же иначе! Однако сигнал должен был поступить извне, этого требовала

сама конструкция Майка.

— Майк, напомни мне проверить вместе с тобой все специальные сигналы блокировки и пуска. Возможно, там мы наткнемся на залежи ценной информации.

— Я уже думал об этом, Ман.

— О'кей, но это потом. А теперь вернемся обратно и не торопясь пройдемся по материалам «Зебры»… и, Майк, по мере чтения перепиши их, не стирая, под шифром «День взятия Бастилии» в отдельный файл. Назовем его «Дятел». О'кей?

— Программа готова и выполняется.

— Все новые данные, что внесет Альварес, обрабатывай в том же духе.

Главным нашим призом оказался полный список стукачей во всех поселениях, содержавший более двухсот имен; каждое из них сопровождалось шифром, который Майк идентифицировал с номером в платежной ведомости.

Майк начал зачитывать список по Гонконгу-Лунному, и тут Вайо ахнула:

— Стоп, Майк! Мне надо их записать!

— Эй! — сказал я. — Никаких записей! Что за базар?

— Эта женщина, Сильвия Чанг, — секретарь у нас в Гонконге! Но… но это означает, что вся наша

организация у коменданта в руках!

— Нет, дорогая Вайоминг, — поправил ее проф. — Это означает, что вся его организация в наших руках.

— Но…

— Я понимаю, что проф имеет в виду, — обратился я к Вайо. — Наша организация состоит из нас троих и Майка, и комендант ничего о нас не знает. Зато теперь мы знаем все про его организацию. А потому — цыц! Дай Майку дочитать. Но ничего не записывай. Ты можешь получить список от Майка в любое время — стоит только позвонить. Майк, отметь, что эта баба Чанг — секретарь бывшей организации Конгвиля.

— Отметил.

Вайо вся кипела, слушая фамилии стукачей в своем городе, но ограничилась тем, что мысленно отмечала личных знакомых. Не все названные были «камрады», но все же их было достаточно, чтобы довести ее до белого каления. Имена по Новому Ленинграду нам почти ничего не говорили: проф знал троих, Вайо — одного. Когда дело дошло до Луна-Сити, проф заметил, что почти половина стукачей принадлежит к числу «камрадов». Некоторых я знал лично — естественно, не как фальшивых подпольщиков, а просто как

добрых знакомых. Но не друзей. Не знаю, как бы я реагировал, обнаружив, что люди, которым я верил, — платные агенты босса. Думаю, меня бы это потрясло.

Вайо, во всяком случае, была потрясена. Когда Майк закончил, она сказала:

— Мне до зарезу нужно домой. Я ни разу в жизни не участвовала в ликвидации, но я с наслаждением уничтожу этих сволочей!

— Никто из них, — спокойно сказал проф, — не будет ликвидирован, дорогая Вайоминг.

— Что?! Профессор, вы что — против? Я никогда не убивала, но всегда считалась с тем, что такая необходимость может возникнуть.

— Убийство, — покачал головой проф, — не лучший метод обращения со стукачами, особенно когда они не знают, что вам известно об их предательстве.

— Я, должно быть, ужасно тупая, — захлопала ресницами Вайо.

— Нет, дорогая моя леди. Просто в вас слишком много очаровательной непосредственности… слабость, которой вам следует остерегаться. Справиться со шпиком — дело нехитрое: надо дать ему возможность дышать, окружить его надежными партийцами и скармливать ему безвредную ин-

формацию. Мы примем всех этих тварей в нашу организацию. Не пугайтесь — мы включим их в особые ячейки, или, правильнее сказать, «клетки». Ликвидировать шпиков было бы безумной расточительностью — каждого стукача тут же заменят новым, а само убийство предателей подскажет коменданту, что мы проникли в его секреты. Майк, *амиго мио*, в этом досье должно быть что-то и обо мне. Не взглянете ли?

Насчет профа было много чего, но я был поражен, узнав, что все сводится к оценке «безвредный старый дурак». Классифицировался он как «подрывной элемент» — по этой причине его и сослали в Булыжник — и как член подпольной группы в Луна-Сити. Досье сообщало, что в организации он прослыл склочником, который вечно со всеми спорит.

Проф прямо расцвел — так был доволен.

— Надо подумать: может, стоит продать свою душу и пойти на жалованье к коменданту?

Вайо это не показалось забавным, особенно когда проф дал понять, что это не шутка, а просто довольно опасная тактика, нередко, однако, практикуемая.

— Революцию приходится финансировать, дорогая леди, и один из способов добыть для нее

деньги — это пойти в полицейские осведомители. Очень возможно, что некоторые предатели фактически на нашей стороне.

— Ни за что не стала бы им доверять!

— Согласен. Основная трудность с двойным агентом — невозможность точно определить, кому он по-настоящему предан, если предан вообще. Хотите ознакомиться с собственным досье? Или предпочитаете прослушать его в одиночестве?

В деле Вайо никаких неожиданностей не оказалось. Стукачи коменданта вычислили ее еще несколько лет назад. К моему удивлению, выяснилось, что досье есть и на меня — результат формальной проверки на предмет допуска к работе в административном комплексе. Меня классифицировали как «аполитичного», причем кто-то дописал «туповат», что было, с одной стороны, обидно, а с другой — справедливо, иначе черт бы занес меня в эту революцию.

Через несколько часов проф попросил Майка прекратить чтение, откинулся на спинку стула и задумался.

— Ясно одно, — сказал он. — Коменданту много известно о Вайоминг и обо мне, известно уже давно. Ты, Мануэль, в этот черный список не попал.

— А после вчерашнего?

— Ах да. Майк, какие-нибудь дополнения вносились в файл за последние двадцать четыре часа?

Оказалось — никаких. Проф продолжил:

— Вайоминг права — мы не можем отсиживаться тут всю жизнь. Мануэль, сколько у тебя знакомых в списке? Шесть, не так ли? Кого-нибудь из них ты вчера видел?

— Нет, но они могли видеть меня.

— Вряд ли им удалось засечь тебя в такой гуще народа. Я сам тебя заметил, только когда вышел на трибуну, а ведь я знаю тебя с детских лет. С Вайоминг дело другое. Трудно предположить, чтобы ее путешествие из Гонконга и речь на митинге ускользнули от коменданта. — Он взглянул на Вайо. — Дорогая леди, сможете вы разыграть роль под названием «последняя блажь старика»?

— Вероятно, смогу. А что это значит, профессор?

— Мануэль пока чист. Я — нет, но мое досье не дает оснований предположить, что ищейки Администрации бросятся меня вылавливать. Вас же они наверняка захотят допросить и даже задержать. Вы считаетесь опасной. С вашей стороны было бы разумно не мозолить им глаза. Эта комната… Я подумываю о том, чтобы снять ее на

какой-то срок — на недели или даже на годы. Вы можете скрываться здесь, если вам безразличны те совершенно очевидные заключения, которые будут сделаны из этого факта.

Вайо хихикнула:

— Господи, мой миленький! Неужели вы думаете, что мне есть дело до того, что обо мне подумают? Я с восторгом сыграю роль вашей ночной подружки… и не слишком полагайтесь на то, что это будет только игра.

— Никогда не дразните старого кобеля, — ответил он мягко. — А то еще куснет ненароком. На ночь я резервирую себе этот диван. Мануэль, я намерен вести себя как обычно и тебе советую то же самое. Хотел бы я видеть того казака, который сумеет меня арестовать, но тем не менее в этом убежище я буду спать спокойнее. К тому же здесь удобно проводить собрания ячейки, и телефон тут есть.

— Профессор, — вмешался Майк, — можно мне внести предложение?

— Конечно, амиго, мы будем рады выслушать ваше мнение.

— Я считаю, что с каждой новой встречей нашей исполнительной ячейки опасность будет возрастать. Но вам не обязательно встречаться

во плоти — вы можете общаться по телефону, а когда будет желательно мое присутствие, я к вам присоединюсь.

— Ваше присутствие нам всегда желательно, камрад Майк. Больше того — необходимо. Однако… — Проф заколебался.

— Проф, — сказал я, — не переживайте, что нас подслушают. — И я объяснил, как можно звонить по коду «Шерлок». — Телефоны не опасны, если их контролирует Майк. Кстати, о кодах… вы же не знаете, как связаться с Майком. Как, Майк? Дать профу мой номер?

Обсудив этот вопрос, они остановились на коде «Мрак-и-тайна». Проф и Майк по-детски обожали интригу ради интриги. Я сильно подозреваю, что проф тащился от бунтарства задолго до того, как выработал свою политическую философию; что же касается Майка… какое ему дело, скажите на милость, до свободы людей? Революция была для него игрой, причем в этой игре подобралась приятная компания и появилась возможность продемонстрировать свои таланты. Майк был невероятно тщеславной машиной — другую такую поискать.

— Но эта комната нам все равно нужна. — Проф покопался в своей сумке и вытащил толстую

пачку банкнот.

Я вытаращил глаза:

— Ограбили банк?

— В последние дни не приходилось. Может, в ближайшем будущем и возьмусь, если Дело того потребует. Думаю, для начала подойдет арендный срок на один лунный месяц. Организуешь, Мануэль? Портье может удивиться, услышав незнакомый голос. Я ведь прошел через грузовой отсек.

Я позвонил портье. Он запросил за ключ на четыре недели девятьсот гонконгских долларов, я предложил девятьсот купонов. Он осведомился, сколько человек будут проживать в номере. Я поинтересовался, давно ли в «Раффлзе» взяли моду совать нос в личные дела клиентов. Мы сошлись на четырехстах семидесяти пяти гонконгских долларах, я отправил ему деньги, он мне — два ключа, действительных в течение месяца. Один я отдал Вайо, другой профу, а себе оставил однодневный ключ, решив, что замки они менять не будут, разве что мы задержим оплату в конце срока. (На Земле я столкнулся с крайне неприятной практикой — от клиентов отелей требовали заполнять анкеты и даже предъявлять удостоверения личности.)

— Что еще? — спросил я. — Еда?

— Я не хочу есть, Манни.

— Мануэль, ты просил нас подождать, пока Майк не ответит на твои вопросы. Вернемся к основной проблеме. Как мы поступим, когда окажемся лицом к лицу с Террой, словно Давид с Голиафом?

— Ах да. Я надеялся, что этим мы займемся позже. Майк, у тебя действительно есть идея?

— Я сказал, Ман, — ответил он грустно. — Закидать их камнями.

— Ради *Bog*'а, Майк! Сейчас не время для шуток!

— Но, Ман, — возразил он, — мы можем закидать Терру камнями! И мы это сделаем.

Глава 8

До меня наконец дошло, как до жирафа, что Майк, во-первых, говорит совершенно серьезно, а во-вторых, его идея действительно может сработать. Еще более длинношеими оказались Вайо и проф — в том, что касалось «во-вторых». Хотя, в принципе, и первое и второе было очевидно.

Майк рассуждал вот как: что такое «война»? В одной из прочитанных им книг война определя-

лась как использование силы для достижения политических целей. А «сила» — это воздействие одного тела на другое, производимое с помощью энергии.

На войне такое воздействие осуществляется оружием — его у Луны не было. Но, подумав, Майк классифицировал «оружие» как устройство для манипулирования энергией, а уж энергии в Луне навалом. Одно Солнце в лунный полдень дает около киловатта на каждый квадратный метр поверхности. Солнечная энергия хотя и циклична, но практически неиссякаема. Термоядерная энергия обходится еще дешевле и почти так же неисчерпаема — магнитная ловушка установлена, знай себе только лед добывай. Энергии хватает — вопрос лишь в том, как ее использовать.

А вдобавок у нас есть, так сказать, энергия положения. Луна находится на верхнем краю гравитационного колодца «глубиной» одиннадцать километров в секунду, и от падения туда ее удерживает лишь собственная сила тяжести, эквивалентная скорости в два с половиной километра в секунду. Майку это взаимодействие гравитаций было отлично известно — он ежедневно перебрасывал через рубеж лунного притяжения

зерновые баржи, чтобы затем дать им свободно скользить вниз к поверхности Терры.

Майк просчитал, что может случиться, если баржа массой сто тонн (или такая же каменная глыба) рухнет на Терру без торможения. Кинетическая энергия при ударе составит 6,25 на 1012 джоулей, то есть более шести триллионов джоулей.

В долю секунды она превратится в тепло. Взрыв, да еще какой! Результат очевиден — взгляните на Луну. Что вы видите? Тысячи тысяч кратеров — это отметины, свидетельствующие о том, что Некто забавлялся, швыряя в Луну камешки.

— Джоули мне ничего не говорят, — сказала Вайо. — Как это выглядит в сравнении с водородной бомбой?

— Хм… — Я попробовал подсчитать в уме, но «голова» Майка сработала быстрее. Он ответил:

— Падение массы в сто тонн на поверхность Терры приблизительно соответствует взрыву двухкилотонной атомной бомбы.

— «Кило» — это «тысяча», — пробормотала Вайо, — а «мега» — «миллион». Значит, это всего лишь одна пятидесятитысячная от стомегатонной бомбы? Совсоюз, кажется, применил именно такую?

— Вайо, детка, — сказал я очень мягко, — на самом деле все иначе. Взрыв двухкилотонной бомбы эквивалентен взрыву двух миллионов кило тринитротолуола, а килограмм ТНТ — это очень сильный взрыв, спроси у любого бурильщика. Два миллиона килограммов сотрут с Земли вполне приличный город. Верно, Майк?

— Да, Ман. Но, Вайо, моя единственная подруга, тут есть еще один аспект. Мультимноготонные бомбы малоэффективны. Взрыв происходит на сравнительно небольшой площади, и значительная часть энергии тратится впустую. Хотя стомегатонная бомба по силе в пятьдесят тысяч раз превосходит двухкилотонную, но разрушительный эффект у нее выше лишь в тысячу триста раз.

— Мне кажется, в тысячу триста раз — это очень даже немало, особенно если они решат применить эти мегатонные бомбы против нас.

— Ты права, Вайо, моя подруга. Но у Луны много скал!

— Да. Что верно, то верно.

— Камрады, — сказал проф, — в этих делах я профан; во дни моей юности, когда мы занимались метанием бомб, мой опыт ограничивался взрывами одного килограмма того химического

вещества, о котором ты, Мануэль, упомянул. Но я надеюсь, что вы двое знаете, о чем говорите.

— Мы знаем, — согласился Майк.

— Тогда я принимаю ваши цифры на веру. Но если вернуться к привычному для меня способу мышления, ваш план требует захвата катапульты. Так?

— Да, — хором ответили мы с Майком.

— Это можно сделать. А потом мы должны удержать ее и сохранить в работоспособном состоянии. Майк, вы продумали, как защитить катапульту, скажем, от небольшой ракеты с ядерной боеголовкой?

Дискуссия затянулась. Мы сделали перерыв на обед и, по обычаю профа, прекратили на время все деловые разговоры. Майк рассказал несколько анекдотов, и на каждый проф вспоминал еще по одному.

К тому времени, когда мы покинули отель «Раффлз», вечером 14 мая 2075 года, у нас — вернее, у Майка — был разработанный с помощью профа план революции, включающий основные варианты действий в переломные моменты.

* * *

Когда пришла пора уходить — мне домой, а профу в вечерний класс (если не арестуют), а потом домой, чтобы принять душ и прихватить с собой манатки на случай, если он вернется сюда ночевать, стало ясно, что Вайо не хочет оставаться одна в незнакомом отеле. Ей не занимать мужества, когда дела идут наперекосяк, но в остальное время она беззащитна и легкоранима. Поэтому я позвонил Ма по коду «Шерлок» и сообщил, что приведу с собой гостя. Ма ведет дом с большим искусством и тактом; каждый супруг имеет право привести гостя — на обед или на год, и наше второе поколение пользуется почти всеми свободами, только сначала нужно получить разрешение. Не знаю, как принято в других семьях, но наши обычаи складывались чуть не целое столетие, и нас они устраивают.

Так что Ма не спросила ни имени, ни пола, ни возраста, ни семейного положения гостя; я был в своем праве, а Ма слишком горда, чтобы задавать вопросы. Она сказала только: «Прекрасно, дорогой. Вы поужинали? Сегодня ведь вторник, ты помнишь?» «Вторник» — это напоминание о том, что семейство ужинает сегодня рано, так

как вечером Грег читает проповедь. Если гость голоден, ужин все-таки подадут: уступка гостю, не мне; мы все, за исключением Деда, либо едим за общим столом, либо на ходу перехватываем что-нибудь в кладовке.

Я успокоил Ма, сказав, что мы поели и будем спешить со всех ног, чтобы появиться дома до того, как ей надо будет уходить. Несмотря на то что лунари представляют собой пеструю смесь мусульман, иудеев, христиан, буддистов и еще девяноста девяти религий, в церковь почти все ходят по воскресеньям. Но Грег принадлежит к секте, которая вычислила, что от заката во вторник до заката в среду по местному времени в Эдемском саду (минус вторая поясная зона на Терре) как раз и есть Священная Суббота. Поэтому, когда в Северном земном полушарии лето, мы ужинаем очень рано.

Ма всегда ходит на проповеди Грега, так что взваливать на Ма домашние дела, которые могут ей помешать, было бы просто свинством. Все мы тоже время от времени ходим в церковь. Даже я выбираюсь несколько раз в году, потому что искренне люблю Грега, который обучил меня одной профессии и помог, когда понадобилось, переключиться на другую и который с радостью

отдал бы свою руку, чтобы спасти мою. Но Ма ходит туда регулярно, хотя для нее это скорее ритуал, чем религия. Однажды ночью во время постельной болтовни она призналась мне, что у нее нет веры, на которую можно было бы наклеить определенную этикетку, а затем попросила не проговориться об этом Грегу. Я позаимствовал у нее осторожность во взглядах: не мне судить, кто закрутил всю эту карусель, но я рад, что Он продолжает ее вертеть.

Грега взяли в семью, когда Мими была еще совсем юной; это была первая свадьба после ее собственной. Ма питала к нему слабость и хотя яростно отрицала обвинения, будто любит его больше остальных мужей, но, когда Грега рукоположили, приняла его веру и не пропустила ни одной вторничной проповеди.

— А может, твой гость тоже захочет посетить церковь? — спросила она.

Я ответил, что увидим, но мы поспешим в любом случае, и попрощался. Затем постучал в дверь ванной и крикнул:

— Поторопись с наведением красоты, Вайо. Нам пора бежать.

— Минуту! — отозвалась Вайо и, вопреки дамскому обыкновению, действительно появилась

через минуту. — Как я выгляжу? — спросила она. — Проф, сойдет?

— Дорогая Вайоминг, я потрясен! Вы были прекрасны раньше, вы очаровательны теперь, но узнать вас невозможно. Вы в полной безопасности. Я за вас спокоен.

Теперь настал черед профа превратить себя в старую развалину; в таком виде ему надо было добраться до черного хода в собственный дом, а затем предстать в облике известного учителя перед классом, чтобы иметь свидетелей на случай, если «мальчики в желтом» караулят его с приказом об аресте.

Пока ждали, я рассказал Вайо о Греге. Она спросила:

— Манни, а как мой грим — хорош? Сойдет для церкви? Какое там освещение — яркое?

— Не ярче, чем тут. Отличная работа, можешь не беспокоиться. А ты действительно хочешь в церковь? Силком тебя никто не тянет.

— Твоей мате… я хочу сказать, твоей старшей жене это будет приятно, верно?

— Вайо, — медленно произнес я, — религия — дело сугубо личное. Но раз ты спрашиваешь… Да, для знакомства с семьей Дэвис лучше и придумать нельзя, чем сходить с Ма в церковь. Если

ты пойдешь, я тоже схожу.

— Я пойду. А я думала, что твоя фамилия — О'Келли.

— Так и есть. Но если официально, то к ней через дефис нужно добавить «Дэвис». Дэвис был первым мужем, он умер лет пятьдесят назад. Это фамилия всей семьи, и каждая наша жена именуется «*gospazha* Дэвис», а через дефис идут имена всех мужей из линии Дэвисов плюс ее девичья фамилия. Но в доме у нас «*gospazha* Дэвис» — это Ма, можешь так к ней и обращаться; прочих жен зовут по имени и добавляют «Дэвис», лишь когда подписывают чек или что-нибудь в этом роде. Единственное исключение — Людмила, ее фамилия Дэвис-Дэвис, потому что она гордится двойным членством в семье — по крови и по выбору.

— Понятно. Значит, если человека зовут Джон Дэвис, то он сын, а если у него есть еще одна фамилия, то он твой собрачник. Но женщина в любом случае будет, скажем, Дженни Дэвис, верно? Как мне разобраться? По возрасту? Это вряд ли поможет. Я совсем запуталась. А я еще думала, что клановые браки сложны! И полиандрия… Хотя мой брак был довольно прост. По крайней мере, у моих мужей была одна и та же фамилия.

— Ничего сложного. Когда женщина лет сорока обращается к пятнадцатилетней «мама Мила», тебе сразу ясно, кто из них дочь, а кто жена; впрочем, на самом деле все еще проще — мы не держим в семье дочерей брачного возраста, они уходят в чужие семьи. Правда, регулярно нас навещают. Фамилия твоих мужей была Нотт?

— Нет, они были Федосеевы — Чоу Лин и Чоу Му. Я вернула себе девичью фамилию.

Вышел проф, идиотски хихикая (выглядел он даже хуже, чем раньше), и мы покинули отель через разные выходы, договорившись о встрече в главном коридоре. Нам с Вайо нельзя было идти вместе, поскольку за мной могли следить. С другой стороны, Вайо плохо знала Луна-Сити — поселение такое запутанное, что даже его уроженцам случается заблудиться. Поэтому я пошел вперед, а она за мной, не теряя меня из виду. Проф для верности следовал за Вайо.

Мы договорились, что, если меня заберут, Вайо найдет телефон-автомат, сообщит Майку, затем вернется в отель и будет ждать профа. Впрочем, я не сомневался, что приласкаю рукой номер семь любого желтомундирника, который сунется меня арестовать.

Но все прошло тип-топ. Сначала мы подня-

лись на пятый уровень, потом напрямик через бульвар Карвера и снова наверх до третьего. Я заскочил на станцию метро «Западная», забрал руки и чемоданчик с инструментами; скафандр трогать не стал — это отличалось бы от моего обычного поведения, я ведь всегда хранил его там. Желтомундирник, торчавший на станции, не обратил на меня ни малейшего внимания. Оттуда двинулись на юг по хорошо освещенным коридорам, добрались до частного шлюза номер тринадцать и вышли в кооперативный туннель с нормальным давлением, ведущий к туннелям Дэвисов и дюжины других фермеров. Думаю, проф отстал от нас где-то пути к шлюзу, но я не оглядывался.

Я дождался Вайо перед нашей дверью и через секунду предстал перед старшей женой:

— Ма, познакомься, пожалуйста. Это Вайма Бет Джонсон.

Ма обняла ее, поцеловала в щеку и сказала:

— Как я рада, что вы навестили нас, дорогая Вайма. Наш дом — ваш дом.

Понимаете теперь, почему я так люблю свою старушку? Теми же словами она могла бы намертво заморозить Вайо, но они прозвучали тепло, и Вайо это поняла.

Я не предупредил Вайо, что изменю ей имя: додумался до этого по пути сюда. Некоторые из наших ребятишек еще маленькие и, хотя они с пеленок учатся презирать коменданта, все равно могут случайно ляпнуть про «Вайоминг Нотт, которая у нас нынче гостит…». А имя-то фигурирует не где-нибудь — в специальном файле «Зебра»!

Но предупредить не сообразил, так как в конспирации был новичком. Однако Вайо с ходу врубилась и даже глазом не моргнула.

Грег был уже в церковном костюме и явно намыливался уходить. Ма не торопясь подвела Вайо к своим мужьям — Деду, Грегу, Гансу, затем с царственной любезностью перешла к строю жен — Людмиле, Леноре, Сидрис, Анне — и принялась знакомить гостью с детьми.

— Ма! — сказал я. — Извини, но мне надо сменить руку. — Ее брови приподнялись на миллиметр, что означало: «Мы поговорим об этом, но не при детях». Поэтому я поспешил добавить: — Я знаю, что времени нет, Грег уже украдкой поглядывает на часы. Но мы с Ваймой тоже собираемся в церковь. Так что будь добренька, извини.

Она тут же смягчилась:

— Конечно, милый!

Ма развернулась, я увидел, что ее рука лежит

на талии Вайо, и сразу успокоился.

Я сменил руку номер семь на «представительскую». А заодно нырнул в телефонную кабинку и набрал «Майкрофт-ХХХ».

— Майк, мы дома. Собираемся в церковь. Не думаю, что ты ее прослушиваешь, так что я позвоню попозже. Проф объявился?

— Пока нет, Ман. Какая это церковь? Может, у меня есть на нее выход?

— Храм Столпа огненного покаяния…

— Нет данных.

— Притормози немного, дружок. Служба идет в Третьем западном зале собраний. Это к югу от станции на кольцевой.

— Я знаю этот зал. Там есть ввод для микрофона и еще телефон в наружном коридоре. Я за ними послежу.

— Думаю, нам ничего не грозит, Майк.

— А проф говорит — надо последить. Он как раз сейчас позвонил. Хочешь с ним поговорить?

— Нет времени. Пока!

Вот так и установился новый порядок — постоянно поддерживать контакт с Майком, чтобы он был в курсе, где мы находимся и куда собираемся, и мог к нам подключиться, если у него в том месте есть нервные окончания. Открытие, которое я

сделал утром, — что Майк может прослушивать отключенные телефоны — меня поначалу обескуражило: в магию я не верю. Однако, подумав, я сообразил, что центральная система управления телефонной сетью может и без вмешательства человека подключиться к любому номеру, если обладает свободой воли. У Майка же этой свободы в избытке.

Откуда ему известно, что телефон находится в наружном коридоре, понять было труднее, поскольку «пространство» Майк воспринимал совсем иначе, чем мы. Но в памяти у него хранилась «карта» — структурная схема инженерных сетей Луна-Сити, и он всегда мог привязать упомянутый нами объект к «своему Луна-Сити»; не упомню, чтобы он хоть раз что-то перепутал.

Так что со дня нашего тайного сговора мы постоянно контактировали друг с другом и с Майком через его разветвленную нервную систему. Об этом я больше упоминать не буду, разве что при необходимости.

Ма, Грег и Вайо ждали у внешней двери. Ма дергалась от нетерпения, но улыбалась. Я заметил, что она одолжила Вайо свой палантин; как истинной лунарке, Ма глубоко плевать на прикид, но поход в церковь — случай особый. Мы не

опоздали, хотя Грег сразу же заторопился к кафедре, а мы — к своим местам. Я тут же погрузился в теплую полудрему, механически повторяя ритуальные жесты. Но Вайо внимательно слушала проповедь Грега и либо знала наш требник наизусть, либо навострилась подсматривать в чужих книжках. Когда мы вернулись домой, дети были уже в постелях, равно как и большинство взрослых. Ганс и Сидрис поджидали нас. Сидрис подала соевое какао с домашним печеньем, после чего все разошлись по палатам. Ма выделила Вайо комнатку в детском туннеле, где обычно спали двое младших мальчуганов. Я не спрашивал, куда их переселили: и без того было ясно, что гостью постарались устроить как можно удобнее, иначе ее положили бы с кем-нибудь из старших девочек.

Этой ночью я спал с Ма. Отчасти потому, что наша старшая жена — лучшее лекарство от нервов, а они у меня здорово растрепались за последние сутки, отчасти же для того, чтобы она не думала, будто я прокрадусь к Вайо, когда все заснут. От моей мастерской, где я ночую, когда сплю один, до комнаты Вайо всего пара шагов. Ма совершенно прозрачно намекала: «Вперед, дорогой. Можешь не докладывать, если хватит наглости.

Проскользнешь у меня за спиной — и все дела».

Разумеется, вслух ничего подобного сказано не было. Мы улеглись, поболтали, выключив свет, а потом я повернулся к ней спиной.

Вместо того чтобы пожелать мне спокойной ночи, Ма спросила:

— Мануэль, почему твоя хорошенькая гостья гримируется под афро? Мне кажется, ее природная окраска пошла бы ей больше. Впрочем, не спорю, она очаровательно выглядит и в гриме.

Я повернулся к ней лицом и объяснил — сначала бегло, а потом во всех подробностях. В конце концов оказалось, что я выложил все, умолчал только о Майке. Нет, его я тоже включил в рассказ, но не в качестве компьютера, а как человека, с которым Ма вряд ли придется познакомиться — из соображений безопасности.

Откровенничая с Ма, а точнее говоря, принимая ее в собственную подъячейку, с тем чтобы она потом возглавила свою, словом, посвящая ее в подпольную деятельность, я отнюдь не уподоблялся мужу, который выбалтывает жене все свои секреты. Может, я слегка поторопился, но, с другой стороны, если уж посвящать ее в это дело, более подходящего момента не выберешь.

Ма умна. У нее прекрасные организаторские

способности: не так-то просто управлять большой семьей и при этом ни разу не оскалить зубы. Ее уважали и фермеры, и горожане в Луна-Сити; она прожила здесь дольше девяноста процентов лунарей. И безусловно, могла нам помочь.

А дома нам без ее помощи просто не обойтись. Поди объясни, зачем мы с Вайо дуэтом говорим по телефону, или попробуй отделаться от ребячьего любопытства. Дохлый номер! Но при содействии Ма в доме у нас проблем не будет.

Выслушала она меня, вздохнула и сказала:

— Сдается мне, это опасное дело, милый.

— Так оно и есть, — согласился я. — Слушай, Мими, если не хочешь связываться, так и скажи… а потом забудь все, что я говорил.

— Мануэль! Как у тебя только язык повернулся! Ты мой муж, дорогой. Мы клятву давали — делить и горе, и радости. Твое желание для меня закон. — (Господи! Во заливает! И при этом искренне верит своим словам!) — Я не пущу тебя одного на опасное дело, — продолжала она. — А кроме того…

— Что, Мими?

— Я думаю, каждый лунарь спит и видит день, когда мы станем свободными. Каждый, кроме немногих жалких бесхребетных крыс. Я никогда

об этом не говорила. Что толку в пустых разговорах? Надо не ныть, а нести свою ношу и идти вперед. Но я благодарю *Bog*'а, что мне дозволено дожить до этого дня, если, конечно, он настанет. Объясни мне поподробнее. Я должна найти еще троих? Троих, которым можно доверять?

— Ты только не гони. Поспешай не торопясь. Ты должна быть уверена в тех, кого изберешь.

— Сидрис заслуживает доверия. Она умеет держать язык за зубами, этого у нее не отнимешь.

— Не думаю, что следует вербовать из семьи. Нужно расширять сеть. А главное — не спеши.

— Не буду. Прежде чем я начну действовать, посоветуюсь с тобой. И, Мануэль, если ты хочешь знать мое мнение… — Она сделала паузу.

— Я всегда ценил твое мнение, Мими.

— Не стоит говорить об этом Деду. В последнее время он стал рассеян и болтлив. А теперь спи, дорогой, спи спокойно, без снов.

Глава 9

А потом был долгий период, такой долгий, что вполне можно было позабыть о столь маловероятной вещи, как революция, если бы ее подготовка не отнимала у нас так много времени.

Наша первая задача заключалась в том, чтобы не попасть на заметку. Вторая и более отдаленная требовала максимального ухудшения ситуации.

Да, ухудшения, ибо до самого конца не было такого, чтобы лунари все как один готовы были восстать. Все они презирали коменданта и обманывали Администрацию. Но это отнюдь не означало, что они готовы драться и умирать. Произнесите в разговоре с лунарем слово «патриотизм» — и он либо выпялится на вас с изумлением, либо решит, что вы говорите о его прежней родине. Среди нас были французы, чьи сердца навеки отданы *Ля белль патри*, бывшие немцы, сохранившие привязанность к *Фатерлянду*, русские, до сих пор обожавшие святую матушку Русь… Но Луна? Луна — это Булыжник, место ссылки, при чем тут любовь?

Мы были самым аполитичным народом, который когда-либо производила на свет история. Честно говоря, я, как и прочие лунари, был равнодушен к политике, пока обстоятельства не ткнули меня в нее носом. Вайоминг занималась ею потому, что ненавидела Администрацию по личным мотивам, а проф терпеть не мог любую власть из чисто интеллектуальных соображений. Майк же просто скучал от одиночества, и поли-

тика была для него единственным развлечением. Так что обвинять нас в патриотизме нет никаких оснований. Разве только меня: я принадлежу к третьему поколению лунарей и не питаю никакой привязанности к определенному месту на Терре. Пожил там недолго, невзлюбил Землю и землеедов — вот и готов «патриот».

Среднего лунаря интересуют пиво, азартные игры, женщины и работа, именно в такой последовательности. Женщины могут иногда переходить на второе место, но на первое — вряд ли, каким бы почетом они у нас ни пользовались. Лунари давно усвоили: женщин на всех не хватает. А те, что не смогли усвоить, вымерли, ибо даже самый одержимый самец-собственник не может быть начеку ежеминутно. Как говорит проф, общество адаптируется к реальности или погибает. Лунари адаптировались к суровой действительности, а кому не удавалось — гибли. Что до патриотизма, то для выживания он не обязателен.

Как гласит старинная китайская пословица, «рыбы не ведают, что живут в воде». И я ни о чем таком не думал, пока впервые не попал на Терру; но даже тогда я не понял, что в лунарях полностью пустует файл под названием «патриотизм», не понимал до той поры, пока не попытался

его активизировать. Вайо и ее камрады тоже нажимали на патриотическую кнопку и тоже утыкались в пустоту: годы стараний, несколько тысяч членов, то есть меньше одного процента населения, а из этого мизерного числа почти десять процентов — платные стукачи!

Проф выразился кратко: «Людей легче заставить ненавидеть, чем любить».

К счастью, нам протянул руку сам шеф безопасности Альварес. Девять убитых охранников заменили девятью десятками новых; Администрация пошла на это неохотно, поскольку очень не любила тратить на нас деньги, а потому совершала одну глупость за другой.

Так уж повелось со дня основания колонии, что охрана у коменданта была немногочисленна. Тюремщики в историческом смысле были не нужны, в чем заключалась одна из привлекательнейших сторон колониальной пенитенциарной системы: она была дешева. Комендант и его помощник, конечно, нуждались в охране, равно как и заезжие шишкари, но самой тюрьме надзиратели были ни к чему. Даже корабли перестали стеречь, после того как поняли, что в этом нет никакой нужды, и к маю 2075 года численность охранников сократилась до минимума, причем

всех их набирали из числа вновь прибывших ссыльных. Однако потеря девятерых охранников за один вечер кое-кого напугала. В том числе и Альвареса — он «подшил» копии своих рапортов с требованиями помощи в файл «Зебра», и Майк их прочел. Лагерник, служивший до ссылки полицейским офицером на Терре, а затем заделавшийся охранником в Луне, Альварес был, пожалуй, самым запуганным и самым одиноким человеком в Булыжнике. Он требовал все новой и все более ощутимой подмоги, угрожая в случае отказа подать в отставку — блеф, который Администрация раскусила бы мгновенно, знай она Луну хоть немного. Ведь, окажись Альварес безоружным в любом поселении, он прожил бы ровно столько времени, сколько смог бы остаться неузнанным.

Свое подкрепление он получил. Мы так и не узнали, кто отдал приказ о том рейде. Прыщ Морт подобных настроений никогда не обнаруживал, правитель он был из породы чурбанов. Может, сам Альварес расстарался — в должность шефа безопасности он вступил недавно, хотел показать товар лицом, не исключено, что метил на место коменданта. Вернее же всего, доклады коменданта о подрывной деятельности побудили

Администрацию на Земле навести у нас порядок.

Одна глупость повлекла за собой другую. Новые охранники были набраны не из этапированных, а из элиты внутренних войск Федерации Наций — лихих драгун-миротворцев. Парни они были злобные, крутые, в Луну отправляться не хотели и к тому же вскоре поняли, что «краткосрочная полицейская акция» обернулась для них путешествием в один конец. Они ненавидели Луну и лунарей, считая нас виновниками своих бед.

Заполучив драгун, Альварес установил круглосуточные посты на всех станциях метро, а также ввел паспорта и паспортный контроль. Существуй в Луне законы, его действия были бы противозаконны, поскольку девяносто пять процентов из нас теоретически считались свободными — либо родились здесь, либо отсидели свой срок. В городах этот процент был еще выше, так как лагерники жили в барачных поселениях Комплекса и в городе бывали только по выходным — два дня в лунный месяц, бесцельно и без денег шатаясь по улицам в надежде, что кто-нибудь поставит им дармовую выпивку.

Однако паспортная система не являлась незаконной, так как единственными писаными законами были у нас распоряжения коменданта.

В газетах напечатали объявления, нам предложили в недельный срок оформить паспорта, и в одно прекрасное утро, ровно в восемь ноль-ноль, постановление вступило в силу. Некоторые лунари вообще никуда не ездят, другим приходится путешествовать по делам, а кое-кто мотается из небольших периферийных поселений или даже из Луна-Сити в Новолен и обратно. Что ж, послушные мальчики заполнили анкеты, заплатили деньги, сфотографировались и получили паспорта. Я, по совету профа, тоже заделался паинькой, получил паспорт и приложил его к пропуску, разрешавшему работать в Комплексе. Паинек оказалось маловато. Лунари в это дело не поверили. Паспорта?

Что за штука такая неслыханная?

На станции метро «Южная» в то утро стоял солдат, одетый в желтый мундир, а не в обычную войсковую форму; было похоже, что он ненавидит и мундир, и всех нас в придачу. Я никуда ехать не собирался — просто прогуливался да посматривал по сторонам.

Объявили о капсуле на Новолен. Толпа человек в тридцать двинулась к турникету. Мистер Желтый Мундир потребовал паспорт у первого подошедшего. Лунарь остановился и затеял спор.

В это время второй протиснулся за спиной у солдата. Тот повернулся, заорал, но еще трое или четверо просочились мимо. Охранник потянулся за пистолетом; кто-то схватил его за локоть, пистолет выстрелил — пулевой, не лазерный, стреляет оглушительно.

Пуля щелкнула о перрон и со свистом куда-то срикошетила. Я отступил подальше. Пострадал только один человек — охранник. Когда первая группа пассажиров спустилась по пандусу, он недвижно лежал на платформе.

Никто не обращал на него внимания; его обходили, перешагивали через него — остановилась лишь одна женщина с ребенком на руках: она тщательно примерилась, пнула его каблуком в лицо и пошла себе по пандусу вниз. Вероятно, он был уже мертв, но я не стал проверять. Думаю, тело так и провалялось там до смены караула.

На следующее утро на посту стояла половина взвода. Капсула на Новолен ушла пустой.

Потом все утряслось. Те, кому надо было ездить, получили паспорта, а самые твердокаменные прекратили поездки. Пост у входа в метро теперь состоял из двух человек — один проверял паспорта, другой страховал его с пистолетом в руке. Проверяющий не особо усердствовал, и хорошо,

что так, ибо документы были в основном фальшивые, причем первые подделки фабриковались кое-как. Вскоре, однако, откуда-то выкрали бланки, и поддельные паспорта стали выглядеть не хуже официальных. Правда, стоили они дороже настоящих, но лунари предпочитали паспорта, выпускаемые частными фирмами.

Наша организация фальшивки не изготовляла, мы только поддерживали саму идею и знали, у кого они есть, а у кого нет. Майк хранил у себя полный список официально выданных паспортов. Это помогало нам отделять овнов от козлищ в тех досье, которые мы начали составлять; их тоже хранили у Майка, под шифром «Бастилия». Мы решили, что человека с поддельным паспортом можно считать нашим потенциальны соратником. По сети ячеек спустили указание — не вербовать в организацию людей с официальными документами. Если у вербовщика были сомнения, ему достаточно было послать запрос наверх и ждать ответа.

Однако неприятности охранников этим не ограничивались. Ни достоинство солдата, ни состояние его духа не улучшалось оттого, что перед ним или, еще хуже, у него за спиной прыгали дети, передразнивая каждое его движение, а то и

просто носились взад-вперед, выкрикивая непристойности, корча рожи и складывая из пальцев всем известную фигуру. Во всяком случае, солдаты воспринимали это как оскорбление.

Один солдат ударил мальчонку по лицу и выбил несколько зубов. Результат: убиты два охранника и один лунарь.

После этого постовые стали детей игнорировать.

Мы ничего специально не придумывали, лишь поддерживали общий настрой. Кому, скажите, могло прийти в голову, что милая пожилая леди вроде моей старшей жены станет поощрять хулиганские выходки ребятни? Но именно она-то их и поощряла.

Были и другие вещи, которые раздражали холостых людей, оказавшихся вдали от дома. Одну мы спровоцировали сами. Дело в том, что драгунмиротворцев завезли в Булыжник, так сказать, без дамского обеспечения.

Многие наши девицы — настоящие красавицы, и некоторые из них взяли за обыкновение слоняться по станциям. Одеты они были куда легче обычного, то есть близко к нулю, зато надушены сильнее, причем духами крепкими и возбуждающими. С желтомундирниками они

не разговаривали и даже на них не смотрели — просто прохаживались в поле зрения солдат, волнообразно покачиваясь так, как умеют лишь девушки-лунарки (женщины Терры так ходить не могут — шестикратный вес не позволяет).

Такое зрелище, естественно, собирало толпы лиц мужского пола, от взрослых мужиков до неполовозрелых подростков: красотке — восторженные свистки и аплодисменты, «мальчику в желтом» — ядовитые насмешки. Первыми начали эту игру девицы из бордель-автоматов, но вскоре образовался такой наплыв желающих, что проф решил не тратить больше денег на постановку. И оказался прав: даже наша Людмила, застенчивая, как котенок, вызвалась попробовать, однако Ма категорически ей это запретила. Зато Ленора — на десять лет старше и самая красивая в нашей семье — попробовала, и Ма ее не бранила. Ленора вернулась раскрасневшаяся, взволнованная и довольная собой, горя желанием и дальше дразнить врага. Причем по собственной инициативе — ей и невдомек было, что революционная каша уже заварилась.

В это время с профом я виделся редко, и никогда на людях; мы поддерживали связь по телефону. Поначалу нам сильно мешало, что у нас на

ферме был всего один телефон на двадцать пять человек, среди которых насчитывалось немало подростков, готовых висеть на проводе часами, пока не прогонят. Мими была строга: детям разрешался один телефонный звонок в день продолжительностью не более девяноста секунд с возрастающей шкалой наказаний за нарушение правила, что, однако, умерялось готовностью Ма делать исключения. Последние сопровождались «маминими телефонными нотациями» типа: «Когда я впервые попала в Луну, здесь вообще не было домашних телефонов. Вы, дети, не можете себе представить, как легко...»

Мы чуть ли не последними из зажиточных семей установили у себя телефон. Когда я вошел в семью, телефон был для нас еще новинкой. Зажиточными же мы стали потому, что никогда ничего не покупали, если могли вырастить это сами. Ма не любила телефоны, ибо деньги за пользование услугами «Кооперативной компании связи Луна-Сити» в значительной степени шли в карманы Администрации. И никак не хотела понять, почему я не мог («ты же так хорошо разбираешься в этих вещах, Мануэль, милый») позаимствовать телефонный сервис, как мы заимствовали электроэнергию. Что телефонный

аппарат — это часть системы переключений, в которой он должен фигурировать под определенным номером, Ма нисколько не интересовало.

И все же я додумался, как смухлевать. Проблема незаконного телефона состоит в том, что надо организовать прием телефонных звонков. Поскольку телефон не зарегистрирован, то, даже если вы сообщите о нем друзьям, с которыми хотели бы разговаривать, вы все равно останетесь «неизвестным» для сети — нет сигнала, который даст ей команду соединить с вами потенциального собеседника.

Но с тех пор как Майк вошел в число заговорщиков, подключение к сети перестало быть проблемой. В моей мастерской было почти все, что нужно, а остальное я или купил, или позаимствовал. Просверлил дырочку в телефонную будку из мастерской и еще одну — из комнаты Вайо (горная порода тут была толщиной около метра, но лазерный луч, суженный до размеров карандаша, режет быстро). Снял со стены зарегистрированный аппарат, присоединил к линии блочок беспроводной связи и замаскировал его. Осталось лишь спрятать в комнате Вайо и в моей бинауральные микрофоны и динамик, а также соорудить схемку, повышающую частоту за пре-

делы слышимости, чтобы в аппарате Дэвисов было тихо, и преобразующую ее обратно в нормальную звуковую частоту.

Единственная проблема — как проделать такую работу без свидетелей; но это Ма взяла на себя.

Все остальное организовал Майк. Он не стал придумывать новых номеров — отныне я пользовался номером «Майкрофт-XXX», только когда звонил по какому-нибудь другому аппарату. Майк просто круглые сутки прослушивал мою мастерскую и комнату Вайо. Услышав, как я или она произносим: «Майк», он тут же отвечал, а на другие голоса не реагировал. Голоса он различал, словно отпечатки пальцев, и ни разу не ошибся.

Ну а я доделал кое-что по мелочам: поставил звукоизоляцию на дверь в комнате Вайо, такую же, как у меня в мастерской, соорудил переключатели для наших с ней переговорных устройств, а также провел сигнализацию, чтобы знать, одна ли она в комнате и закрыта ли у нее дверь, и чтобы Вайо знала то же самое обо мне. Все это обеспечило безопасность наших разговоров с Майком, друг с другом и общих переговоров вчетвером. С профом Майк мог связаться в любом месте, и проф либо поддерживал разговор, либо звонил позже по более безопасному аппарату.

Иногда требовалось быстро разыскать меня или Вайо, — в общем, мы все старались непрерывно находиться на связи с Майком.

По моему контрабандному телефону, хоть у него и не было кнопочного набора, можно было дозвониться куда угодно: вызываешь Майка и под кодом «Шерлок» просишь соединить с кем нужно без всякого номера, поскольку у Майка полный список абонентов и он сыщет нужный набор букв куда быстрее. Мы начинали понемногу понимать, какими безграничными возможностями обладает телефонная сеть, когда она живая и к тому же на нашей стороне. Я получил от Майка и передал Ма еще один незанятый номер, чтобы она могла позвонить ему, если надо будет срочно со мной связаться. Ма быстро подружилась с Майком, которого по-прежнему считала человеком. И такое отношение к нему быстро распространилось в кругу семьи.

Как-то днем, когда я вернулся домой, Сидрис сказала мне:

— Манни, милый, звонил твой друг, у которого такой приятный голос, Майк Холмс. Просил, чтобы ты ему звякнул.

— Спасибо, родная. Позвоню.

— Когда ты наконец пригласишь его к обеду,

Ман? Мне он кажется очень славным.

Я сказал, что у *gospodin*'а Холмса дурно пахнет изо рта, что он весь зарос шерстью и ненавидит женщин.

Она, пользуясь тем, что Ма нет поблизости, ответила непристойным словечком.

— Просто боишься мне его показать. Опасаешься, что я предложу принять его в мужья!

Я похлопал ее по спине и заверил, что она совершенно права. Потом рассказал об этом Майку и профу. Майк еще пуще принялся флиртовать с женской половиной семейства, а проф, как мне показалось, задумался.

Я продолжал учиться технике конспирации и понял, что означали слова профа о революции как искусстве. Я не забыл (и не подвергал сомнению) предсказания Майка о катастрофе, грозящей Луне всего через семь лет. Однако не думал об этом — все мое внимание поглотили более увлекательные и затейливые детали.

Проф неустанно твердил, что сложнейшими проблемами конспирации являются связь и безопасность, подчеркивая их конфликтную взаимозависимость: чем проще связь, тем выше угроза для безопасности; если же организация слишком законспирирована, меры предосто-

рожности могут парализовать ее деятельность. Проф считал, что структура, состоящая из ячеек, представляет собой компромиссное решение проблемы.

Я принял систему ячеек, поскольку нужно было свести к минимуму последствия действий провокаторов. Даже Вайо согласилась, что организация, которая не состоит из изолированных отсеков, неработоспособна, примером чему служило прежнее подполье, буквально нашпигованное стукачами.

Но мне не нравилось, что связь внутри сети ячеек такая медленная. Как у древних земных динозавров, сигнал слишком долго шел от головы к хвосту, и наоборот.

На эту тему я потолковал с Майком.

Идею избыточных каналов связи, о которой я рассказывал профу, мы отбросили. Систему ячеек оставили, но безопасность и связь решили обеспечить с помощью чудесных возможностей нашего умника-разумника. Связь: мы создали троичную древовидную систему партийных кличек. Председатель: *gospodin* Адам Селен (Майк).

Исполнительная ячейка: Борк (я), Бетти (Вайо), Билл (проф).

Ячейка Борка: Васси (Ма), Волин, Ванг (Чанг).

Ячейка Бетти: Вильям (Грег), Вивиан (Сидрис), Ватанабэ (камрад Клейтон).

Ячейка Билла: Валльс (Финн Нильсен), Виктория, Воттер.

И так далее.

На седьмом ярусе какой-нибудь Жорж руководил, скажем, Зигфридом, Зигмундом и Зарой, и на уровне буквы «З» нам потребовалось уже 2187 имен. Но для компьютерных мозгов это не проблема — Майк сам подбирал имена, а если не хватало, просто выдумывал. Каждый новый член организации получал партийную кличку и номер телефона для экстренной связи. Никаких запасных каналов или прохождения по цепочке — номер напрямую соединял звонившего с Адамом Селеном, то есть с Майком.

Безопасность: мы положили в основу два постулата. Ни одному человеку нельзя верить ни в чем — Майку можно верить безгранично. Первая мрачная часть этого предположения не нуждается в обосновании. Наркотики и другие малоаппетитные средства могут сломить любого. Единственная защита — самоубийство, но оно не всегда возможно. Разумеется, существуют средства вроде «пломбы с цианидом», как классические, так и новейшие, почти стопроцентно

надежные, и проф позаботился, чтобы мы с Вайо были ими обеспечены. Я так и не узнал, что он дал Вайо в качестве «последнего дара дружбы», а поскольку я своим не воспользовался, то не будем углубляться в детали. Да я и не уверен, что покончил бы с собой; не из того я слеплен теста, из которого делаются мученики.

Майку же возможность совершить самоубийство была ни к чему, наркотиками его не накачаешь, а боли он не чувствовал. Всю информацию о нас он хранил в отдельном банке памяти под кодом, запрограммированным исключительно на наши голоса, но поскольку плоть слаба, мы добавили еще один сигнал, которым в случае чего любой из нас мог заблокировать голоса двух остальных. По моему мнению, а я как-никак лучший компьютерщик в Луне, Майк не мог самостоятельно снять блокировку. А главное — никому и в голову не могло прийти спросить у головного компьютера об этом файле, ибо о нем никто не знал, как никто не подозревал и о самом существовании Майка как личности. Что может быть надежнее?

Единственный риск состоял в том, что эта ожившая машина была эксцентрична. Майк постоянно демонстрировал свои непредсказуемые

возможности; не исключено, что он додумался бы, как обойти блокировку, если бы захотел.

Впрочем, этого я не опасался. Майк был предан мне — своему первому и старейшему другу; ему нравился проф; я думаю, он любил Вайо. Нет-нет, секс тут ни при чем. Просто Вайо нельзя было не любить, и они с Майком сразу прониклись взаимной симпатией.

Я верил Майку. В жизни всегда приходится делать ставку на что-то. На Майка я бы поставил при любом раскладе.

Вот так мы и построили свою систему безопасности: Майку доверили абсолютно все, а каждый из нас знал только то, что должен был знать. Возьмем, например, «древо» кличек и номеров. Мне были известны имена моих камрадов по ячейке и тройке, которой я руководил. Этого вполне хватало. Майк придумывал партийные клички, отводил каждому подпольщику телефонный номер, хранил реестр настоящих имен с указанием кличек. Скажем, член партии Гордон (я его знать не мог, ибо он находился двумя ярусами ниже) вербовал какого-нибудь Фрица Шульца. Гордон сообщал об этом наверх, не называя никаких имен. Адам Селен звонил Гордону, ставил в известность, что партийная кличка

Шульца — Дэниел, затем звонил самому Шульцу по номеру, полученному от Гордона, и сообщал ему кличку и экстренный номер телефона — для каждого новичка особый. Номер, данный Дэниелу, не знал даже руководитель ячейки. А то, чего вы не знаете, вы не сможете выдать ни под воздействием наркотиков, ни под пыткой — никак! Даже по легкомыслию. Теперь предположим, что мне нужно связаться с Дэниелом. Я понятия не имею, кто он такой; может, он живет в Гонконге, а может, держит лавочку в соседнем доме. Вместо того чтобы спускать сообщение вниз в надежде, что оно дойдет-таки до адресата, я звоню Майку. Майк мгновенно соединяет меня по коду «Шерлок» с Дэниелом, не называя мне его номера. Или предположим, что мне надо поговорить с камрадом, рисующим карикатуру, которую мы разошлем по всем пивнушкам Луны. Я не знаю, кто он такой, но мне надо внести изменения в рисунок.

Я звоню Майку: ему известно все, и меня мгновенно соединяют, причем камрад знает, что все в порядке, ведь вызов организован самим Адамом Селеном. «Говорит камрад Борк». Карикатурист не знаком со мной, но по букве «Б» понимает, что я — важная шишка. «Мы должны изменить то-то

и то-то. Передай своему руководителю, чтоб он проверил, а сам начинай работу».

И еще множество мелких преимуществ: у некоторых камрадов нет телефонов, других можно поймать только в определенные часы, часть живет в периферийных поселениях, где еще нет телефонной связи. Не важно — Майк знает все, а остальные не знают ничего такого, что могло бы повредить кому-либо, кроме горстки людей, известных им в лицо.

После того как мы решили, что в экстренных случаях Майк будет говорить с каждым камрадом лично, возникла необходимость снабдить его большим числом голосов и замаскировать, придав ему трехмерность. Короче говоря, создать «Адама Селена, председателя Временного комитета Свободной Луны».

Необходимость в голосах вытекала из того факта, что у Майка был всего один водер-вокодер, в то время как его мозг мог одновременно вести десятки, а может, и сотни (сам не знаю сколько) разговоров параллельно — как гроссмейстер, одновременно играющий на пятидесяти досках.

Это могло стать нашим узким местом по мере роста организации и увеличения числа обращений к Адаму Селену, особенно в случае перехода

к активным действиям.

Но я не просто хотел снабдить Майка несколькими голосами, я хотел, чтобы он вообще перестал разговаривать вслух. Один из здешних горе-компьютерщиков вполне мог заглянуть в машинный зал, когда Майк с нами разговаривал; даже последний недоумок заподозрил бы, что дело нечисто, увидев, как главный компьютер оживленно беседует сам с собой. Водер-вокодер — старое изобретение. Человеческий голос состоит из шипения и жужжания, смешанных в разных пропорциях, что верно даже для колоратурного сопрано. Вокодер раскладывает шипение и жужжание на составные элементы, которые компьютер (и даже тренированный человеческий глаз) может прочесть. Водер — маленькая коробочка, которая умеет жужжать и шипеть, — с помощью управляющего устройства варьирует эти элементы в соответствии с шаблонами. Человек способен «играть» на водере, производя искусственную речь; правильно запрограммированный компьютер делает это так же легко и быстро, как вы разговариваете.

Однако голос в телефонной линии представляет собой не звуковые волны, а электрические сигналы. Поэтому Майку, чтобы говорить по

телефону, не нужна была звуковая часть водера-вокодера. Звуковые волны необходимы лишь человеку, находящемуся на другом конце провода. Майку в машинном зале Комплекса вовсе ни к чему говорить вслух, поэтому я решил убрать звук и, следовательно, устранить опасность подслушивания.

Сначала я поработал дома, в основном рукой номер три. Результатом явилась крошечная коробочка, в которую мне удалось впихнуть двадцать цепей водеров-вокодеров минус голосовой вывод. Затем я позвонил Майку и попросил его «заболеть» так, чтобы это встревожило коменданта. После чего стал ждать.

Фокус с «болезнью» мы проделывали уже не раз. Я вернулся к работе после того, как выяснилось, что я чист, то есть в четверг той самой недели, когда Альварес ввел в файл «Зебра» доклад о происшествии в Стиляги-Холле. В его версии перечислялось около сотни имен (примерно из трех сотен присутствующих). Список включал Коротышку Мкрума, Вайо, профа, Финна Нильсена, но меня там не было, — видимо, стукачи меня не приметили. В докладе сообщалось также, что девять полицейских офицеров, выполнявших приказ коменданта по наведению порядка, были

хладнокровно застрелены. Назывались и имена трех наших погибших камрадов.

В дополнении, последовавшем через неделю, говорилось, что *«известная бунтовщица Вайоминг Нотт из Гонконга-Лунного, подстрекательская речь которой в понедельник 13 мая вызвала мятеж, стоивший жизни девяти доблестным офицерам, не обнаружена в Луна-Сити, не вернулась домой в Гонконг и, очевидно, погибла в бойне, которую сама же спровоцировала»*. Далее признавалось, что предыдущий рапорт был неполным и что тела убитых исчезли, а точное число погибших установить невозможно.

Сей постскриптум означал, что Вайо не может ни вернуться домой, ни снова стать блондинкой.

Поскольку меня не засветили, я вернулся к своей обычной жизни: обслуживал клиентов, подвернувшихся на этой неделе, то есть бухгалтерские машины и каталожные файлы в Библиотеке Карнеги, а в свободное время сидел в номере «Л» отеля «Раффлз» и слушал, как Майк по телефону читает материалы «Зебры» и других специальных файлов, поскольку связь в своей мастерской я тогда еще не оборудовал. Всю неделю Майк приставал ко мне, как капризный ребенок (а он и был ребенок), спрашивая, когда

же я приду к нему за новой порцией шуток. Отчаявшись дождаться, он решил рассказать мне их по телефону.

Я было рассердился, но тут же напомнил себе, что, с точки зрения Майка, анализ шуток не менее важен, чем освобождение Луны, и что грех нарушать обещания, данные ребенку.

Кроме того, меня ужасно интересовало, пустят меня в Комплекс или нет.

Мы знали, что проф засвечен, а потому ночевать он ходил в «Раффлз». Однако, хотя участие профа в митинге не было секретом и днем он не скрывался, желтомундирники его не трогали. Когда же мы выяснили, что Альварес разыскивает Вайо, меня снова охватило беспокойство — в самом ли деле я не засветился? Или они просто ждут момента, чтобы сцапать меня по-тихому? Надо было проверить.

Поэтому я позвонил Майку и попросил разыграть сценку с «расстройством желудка». Он тут же «заболел», меня вызвали — никаких проблем. Мне пришлось предъявить паспорт на станции, а потом новому охраннику в Комплексе, но в остальном все было как обычно. Я поболтал с Майком, забрал у него тысячу анекдотов (условившись, что мы будем давать оценки по сотне

в три-четыре дня, не быстрее), велел ему «выздороветь» и отправился обратно в Луна-Сити, завернув по пути к главному инженеру, чтобы получить денежку за отработанное время, транспортные расходы, материалы, амортизацию инструментов, спецобслуживание — в общем, за все, что мне удалось впихнуть в счет.

После этого я посещал Майка примерно раз в месяц. Чтобы не возбудить подозрений, ездил туда только по вызову, в случае каких-то неполадок, с которыми не мог справиться персонал Комплекса. Мне всегда удавалось их «исправить» — порой быстро, а порой лишь после целого дня работы.

Я не забывал оставлять на корпусе Майка следы от своих инструментов и имел при себе распечатки тестов до и после ремонта, чтобы показать, в чем заключались неполадки, как я производил обследование и как исправлял машину. После моих визитов Майк работал безупречно. Так что я был незаменим.

Смастерив новый водер-вокодер, я, недолго думая, предложил Майку «заболеть» еще разочек. Вызов пришел через тридцать минут. Майк был в ударе: его «болезнь» проявлялась в виде диких скачков режима кондиционирования в комендантской резиденции. Температура подни-

малась и падала каждые одиннадцать минут, а давление — еще чаще, с частотой примерно два цикла в секунду, что способно не только довести человека до нервного срыва, но и вызвать острую боль в ушах.

А вот не надо было поручать главному компьютеру кондиционирование своей резиденции! В Дэвисовых туннелях мы и в доме, и на ферме обходились простейшими детекторами в каждом помещении, так что любой, услышав тревожный звонок, мог выскочить из постели и вручную устранить неполадки. Если коровы мерзли, то с кукурузой все было в порядке; если гасли лампы над пшеницей, то над овощами они продолжали гореть. Майк устроил в резиденции коменданта переполох, и никто не знал, что делать: лишнее доказательство, как глупо взваливать все на компьютер.

Майк веселился от души — такой юмор он обожал. Мне его проделка тоже понравилась, и, посоветовав ему продолжать в том же духе, я разложил инструменты и достал маленькую черную коробочку.

И вдруг в дверь начал ломиться дежурный компьютерщик. Я не спеша пошел к двери. В правую руку взял свою левую номер пять, а культю выста-

вил на всеобщее обозрение — некоторых людей от этого тошнит, другим становится не по себе.

— Какого черта тебе тут надо, приятель? — поинтересовался я.

— Слушай, — говорит он, — комендант прямо икру мечет. Ты отыскал неисправность или как?

— Передай коменданту мое почтение и скажи, что я разобьюсь в лепешку, чтобы вернуть ему драгоценный комфорт, как только найду дефектную цепь… если, конечно, мне не будут мешать дурацкими вопросами. Ты что, так и будешь стоять у открытой настежь двери, чтобы в машину при снятом корпусе набилось побольше пыли? Дело твое, конечно, ты тут командуешь, но если машина станет чихать, сам ее и чини. Я даже не подумаю вылезать из теплой постели, чтобы тебе помочь. Можешь так и передать своему дурацкому коменданту.

— Попридержи-ка язычок, дружище!

— Сам попридержи, лагерник! Закроешь ты дверь или нет? Или мне выметаться отсюда обратно в Луна-Сити? — Я махнул своей номер пять, словно дубинкой.

Он прикрыл дверь. Откровенно говоря, я не испытывал особого удовольствия, унижая бедолагу. Просто это была наша политика — нагнетать

напряженку всюду, где только можно. Парню и так было противно работать на Администрацию, я же хотел, чтобы он дошел до точки.

— Ну как, подсыпать им еще перчика? — спросил Майк.

— Хм-м… Нет, продолжай минут десять в том же духе и резко прекрати. Потом еще часок подергай им давление воздуха. Нерегулярно, но покрепче. Знаешь, что такое акустический удар?

— Разумеется. Это…

— Определений не надо. После того как закончишь главную атаку, тряхани воздуходувную систему до упора, чем ближе к акустическому удару, тем лучше, и повторяй встряску через каждые несколько минут. А потом добавим Морту еще кое-что на долгую память. М-м-м… Майк, ты можешь заставить его сортиры работать в обратном режиме?

— Запросто! Все?

— А сколько их у него?

— Шесть.

— Что ж… запрограммируй, пусть выльется столько, чтобы промочить ему все ковры. Если знаешь, какой из них ближе к спальне, пусть там фонтанирует до самого потолка. Сможешь?

— Программа запущена.

— Отлично. А теперь принимай подарок, дружок.

В звуковом блоке водера оказалось достаточно места, чтобы пристроить мою коробочку; сорок минут работы номером три — и все в ажуре. Мы протестировали водер-вокодер, а потом я попросил Майка позвонить Вайо и проверить работу каждой цепи.

В течение десяти минут царила полная тишина. Я поставил новые пломбы на той части корпуса, которую пришлось бы снимать, если бы ремонт был взаправдашним, собрал инструменты, прикрепил руку номер шесть и скатал в ролик распечатку тысячи шуток, которая вылезла из принтера. Мне не пришлось отключать голосовую часть водера — Майк позаботился об этом сам, он всегда так делал, когда кто-нибудь дотрагивался до двери. Поскольку его рефлексы работали быстрее моих примерно в тысячу раз, я о таких мелочах не волновался.

Наконец Майк сказал:

— Все двадцать цепей работают о'кей. Я могу переключаться с одной на другую даже в середине слова, и Вайо не удалось заметить места стыковки. А еще я позвонил профу, пожелал ему доброго здоровья и поболтал с Ма по твоему

домашнему телефону — разговаривал со всеми тремя одновременно.

— Значит, дело в шляпе. А что ты насочинял для Ма — в смысле, зачем звонишь?

— Я попросил передать, чтобы ты позвонил мне. То есть Адаму Селену. Затем мы поболтали. Она очаровательный собеседник. Мы обсуждали проповедь Грега в последний вторник.

— Не понял.

— Я сказал ей, Ман, что слушал проповедь и даже процитировал самую поэтическую часть.

— Ох, Майк!

— Все о'кей, Ман. Я объяснил, что сидел в задних рядах, а когда запели последний гимн, потихоньку ушел. Ма не любопытна, она знает, что я не хочу, чтобы меня видели.

(Это Ма-то — самая любопытная женщина в Луне!)

— Ладно, думаю, ничего страшного не произошло. Но больше так не делай. Хотя — о чем это я? Делай, конечно! Ходи… то есть продолжай прослушивать собрания, лекции, концерты и все такое прочее.

— Если, конечно, всякие прохвосты не будут отключать меня вручную! Ман, я ведь не могу контролировать все эти микрофоны так, как

телефоны, например.

— Там слишком простой выключатель. Вот дурачье и усердствует: сила есть — ума не надо.

— Все равно это варварство. И несправедливость к тому же.

— Ну, Майк, а где ты видел справедливость? Что исправить не в силах…

— …терпи до могилы. Одноразовая шутка, Ман.

— Извини. Сформулируем иначе: что нельзя исправить, надо выбросить и заменить чем-нибудь получше. Так мы и сделаем. Какие шансы ты насчитал в последний раз?

— Примерно один к девяти, Ман.

— Значит, стали хуже?

— Ман, они будут ухудшаться с каждым месяцем. Нижней точки мы еще не достигли.

— У «Янкиз» тоже сплошной завал. Ну ладно, ближе к делу. Майк, если кто-то упомянет о лекции или о чем-то подобном, ты сразу дашь понять, что тоже там был, и процитируешь что-нибудь к месту.

— Запомню. А зачем, Ман?

— Ты читал «Алый Первоцвет»? Эта книга должна быть в публичной библиотеке.

— Да. Прочесть тебе?

— Боже сохрани! Просто отныне ты наш Алый

Первоцвет, наш Джон Голт, наш Болотный Лис — человек, овеянный тайной. Ты всюду бываешь, все знаешь, без паспорта проникаешь в любой город. Ты вездесущ, но тебя никто никогда не видит.

Замигали огоньки — Майк издал приглушенный смешок.

— Вот это забава, Ман! Она и в первый раз смешна, и во второй, а может, она смешна постоянно?

— Постоянно, дружок. Слушай, когда ты прекратил тарарам у коменданта?

— Сорок три минуты назад, если не считать отдельных акустических ударов.

— Спорю, у него уже все зубы ноют! Пусть побалдеет еще минут пятнадцать. А затем я доложу, что ремонт закончен.

— Заметано. Вайо просила тебе передать, Ман, чтобы ты не забыл про день рождения Билли.

— О господи! Прекращай все немедленно, я убежал. Пока! — И я выскочил из зала.

Билли — сын Анны. Вероятно, последний — она нарожала нам восемь ребятишек, трое из них еще дома. Я, по примеру Ма, стараюсь не заводить в семье любимчиков… но Билли замечательный парнишка, и я сам учил его читать. Мне кажется, он на меня похож.

Я забежал в канцелярию, оставил счет и потребовал свидания с главным инженером. Меня впустили, хотя главный был не в духе, — видно, досталось от коменданта.

— Вот, держите, — сказал я ему. — Сегодня день рождения моего сына, и я не могу опаздывать. Но это я обязан вам показать.

Я вынул из чемоданчика конверт и вытряхнул его содержимое прямо на стол. Это был трупик обыкновенной мухи, которую я присмолил раскаленным проводом и приволок с собой. Мы в Дэвисовых туннелях беспощадно истребляем мух, но иногда одна-две просачиваются из города сквозь открытые шлюзы. Эта залетела ко мне в мастерскую и оказалась очень кстати.

— Видали? Догадайтесь, где я ее нашел?

На этой фальшивой улике я построил целую лекцию о проблемах ухода за точными машинами, об открытых дверях и дураках-дежурных.

— Пыль может погубить компьютер. Насекомые же вообще недопустимы! А ваши вахтенные шляются взад-вперед, будто на станции метро! Сегодня этот идиот разглагольствовал, распахнув обе двери настежь. Если я еще раз увижу, что машину лапал какой-то болван, к которому мухи липнут, как… ладно, шеф, это ваше хозяйство. У

меня и без вас работы по горло, я у вас тут копаюсь только потому, что люблю точные машины. Но я не переношу, когда над ними издеваются. Прощайте!

— Минутку! Теперь моя очередь сказать вам пару ласковых!..

— Очень сожалею, но мне надо бежать. Как хотите, но я не дезинсектор. Я компьютерщик!

Ничто так не раздражает человека, как невозможность высказаться. При удаче и с помощью коменданта главный инженер аккурат к Рождеству заработает себе язву.

Я все равно опоздал, пришлось смиренно просить у Билли прощения. Альварес придумал новую забаву — тщательный обыск на выходе из Комплекса. Я вынес эту процедуру без единого ругательства в адрес драгун, очень уж не терпелось добраться до дома. Но увидев распечатку с шутками, они встали на дыбы.

— Это что такое? — требовательно спросил первый.

— Бумага для компьютера, — ответил я. — Тестовая распечатка.

Подошел второй драгун. Вряд ли они умели читать. Они настаивали на конфискации; я требовал, чтобы позвонили главному инженеру. В

конце концов меня отпустили. Я не переживал по поводу обыска — чем больше будет таких случаев, тем выше поднимется накал ненависти к солдатам.

* * *

Решение еще больше очеловечить Майка возникло из необходимости дать каждому члену Партии номер телефона для экстренной связи. Мой совет насчет концертов и пьес просто случайно попал в ту же струю. Голос Майка по телефону имел некоторые особенности, которых я не замечал, пока общался с ним только в машинном зале. Дело в том, что, разговаривая с человеком по телефону, вы слышите фоновый шум: вы слышите дыхание, биение сердца, шорох движений, хотя, как правило, не осознаете этого. Фоновый шум проникает даже сквозь звукоизолирующий колпак и заполняет собой пространство, создавая телесный образ и окружающую его среду.

У Майка же ничего подобного не было.

К этому времени голос у него стал вполне человеческим по тембру и качеству, а также вполне узнаваемым. Это был баритон с североамериканским произношением и слабым австралийским акцентом. А перевоплотившись в Мишель, он

(она?) щебетал нежнейшим сопрано с французским прононсом. И как личность он сильно возмужал. Когда я впервые представил его Вайо и профу, это была смесь ребенка с педантом. За несколько недель он превратился в человека примерно моего возраста.

Когда Майк «проснулся», он лепетал хрипло и невнятно, я с трудом его понимал. Теперь же произношение стало четким и ясным, а выбор слов и манера речи соответствовали обстоятельствам: тон был дружеский со мной, уважительный с профом, галантный с Вайо, то есть говорил он с теми вариациями, которых можно ждать от взрослого мужчины.

Но фон был мертв. Полная тишина.

И мы принялись заполнять ее. Майку потребовался только толчок. Он не стал астматически дышать в микрофон. В обычных условиях вы даже не заметили бы внесенных им изменений — он работал тонкими мазками. «Извини, Ман, твой звонок застал меня в ванной», — говорил он слегка запыхавшись. Или: «Я завтракаю — дай дожевать». Он выдавал эти штучки даже в разговоре со мной, после того как решил «обрести человеческий облик».

Мы творили Адама Селена все вместе, обгова-

ривая в «Раффлзе» мельчайшие детали. Сколько лет Адаму? Как он выглядит? Женат ли? Где он живет? Кем работает? Чем увлекается?

Мы решили, что Адаму около сорока, он здоров, полон жизненных сил, хорошо образован, интересуется искусством и науками, особенно увлекается историей, хорошо играет в шахматы, хотя и редко — времени не хватает. Состоит в браке самого распространенного типа — *troika*, где является старшим мужем. В семье четверо детей. Жена и младший муж, насколько нам известно, политикой не занимаются.

У него грубоватое, но привлекательное лицо, седые волнистые волосы, он смешанных кровей, лунарь во втором поколении с одной стороны, в третьем — с другой. По лунным стандартам богат, у него бизнес в Новолене и Конгвиле, не говоря уже о Луна-Сити. Главная контора находится в Луна-Сити — канцелярия с дюжиной сотрудников и кабинет, где сидят заместитель и секретарша.

Вайо пристала с вопросом: спит ли он со своей секретаршей? Я посоветовал ей не совать свой нос в интимные дела. Она возмущенно заявила, что нос тут ни при чем, — разве мы не стараемся создать полнокровный образ? Мы решили, что его контора находится в южном крыле Старого

Купола, возле третьего яруса, в самом сердце финансового района. Если вы знаете Луна-Сити, вы должны помнить, что в Старом Куполе у некоторых контор есть окна, так как они находятся над подземными этажами; я выбрал это место из-за шумовых эффектов. Мы набросали чертеж этажа и разместили контору между «Этна-Луна» и «Гринберг компани». Я побывал там и записал на магнитофон фоновые шумы, а Майк дополнил их тем, что уловил по телефону.

Теперь, когда вы звонили Адаму Селену, фон уже не был мертвым. Если на звонок отвечала секретарша «Урсула», она говорила: «Ассоциация Селена. Луна будет свободной». Дальше она могла сказать: «Подождите минутку. *Gospodin* Селен говорит по другому аппарату», а вы слышали, как в сортире спускается вода, и понимали, что секретарша несколько отклонилась от истины. Или вам отвечал сам шеф: «Адам Селен слушает. Свободу Луне. Одну минуту, я отключу видео». Вы могли попасть и на зама: «Говорит Альберт Джинвалла, доверенный помощник Адама Селена. Свободу Луне. Если вы по партийному делу — а я полагаю, что это так, ведь вы представились партийной кличкой, — не тревожьтесь, я помогаю председателю в этих вопросах».

Это была ловушка, поскольку всех камрадов инструктировали говорить только с Адамом Селеном. Тех, кто попадался, не наказывали, но руководителей ячеек предупреждали, чтобы им не доверяли серьезных дел.

До нас стали доходить отклики. Лозунги «Свободу Луне» или «Луна будет свободной» получили хождение среди молодежи, а потом и среди солидных граждан. Услышав впервые эти слова в деловом телефонном разговоре, я чуть не проглотил язык. Потом позвонил Майку и спросил, состоит ли мой собеседник в Партии? Оказалось — нет. Я попросил Майка свериться с «партийным древом» и выяснить, кто может его завербовать.

Самый интересный отклик обнаружился в файле «Зебра» — «Адам Селен» появился там меньше чем через лунный месяц после сотворения, а рядом стояла пометка, что это псевдоним лидера нового подполья.

Шпики Альвареса взялись за Адама Селена всерьез. На протяжении нескольких месяцев его досье в файле «Зебра» непрерывно пополнялось: «Мужчина, 35–45, контора в южном крыле Старого Купола, обычно принимает с 9:00 до 18:00 по Гринвичу, за исключением субботы, в другие часы звонки переключаются на дом, который,

видимо, находится в муниципальной гермозоне, поскольку поездка к нему никогда не требует больше семнадцати минут. Дома есть дети. Занимается бизнесом, в том числе брокерскими операциями, ведет дела с фермерами. Посещает концерты, театры. Вероятно, член шахматного клуба Луна-Сити и „Луна Ассосиасьен д'Эшек". В обеденные перерывы играет на бильярде и занимается тяжелой атлетикой — скорее всего, в спортивном клубе Луна-Сити. Гурман, но следит за фигурой. Исключительная память плюс математические способности. Принадлежит к типу руководителей, способных принимать быстрые решения».

Один из стукачей уверял, что лично разговаривал с Адамом Селеном в антракте между двумя актами постановки «Гамлета» в «Народном театре». Альварес внес в досье словесный портрет — все, кроме волнистых волос, до мелочей совпало с нашим образом!

Но больше всего Альвареса сводило с ума то, что все номера телефонов Адама, которые ему сообщали, при проверке оказывались ошибочными. (Запас свободных номеров у Майка кончился, он теперь использовал любой телефон, который почему-либо бездействовал, и переключался

на другой, когда этот номер отводился новым владельцам.) Альварес попробовал выследить «Ассоциацию Селена», исходя из предположения, что в номерах просто переврана одна буква из десяти. Мы узнали об этом в тот же миг, так как Майк прослушивал телефон в офисе Альвареса и слышал приказ, Майк разыграл очередную Майкову шутку: сотрудник Альвареса, пытаясь подобрать правильную комбинацию букв, неизменно попадал в резиденцию коменданта. В конце концов комендант рассвирепел, вызвал Альвареса на ковер и намылил ему шею.

Ругать Майка я не стал, но предупредил, что дотошного человека такие штучки могут насторожить и навести на мысль, что кто-то балуется с компьютером. Майк ответил, что таких умников среди них не найдется.

Однако нельзя сказать, чтобы усилия Альвареса пропали даром: каждый раз, когда ему сообщали новый номер Адама, мы получали возможность установить личность стукача — нового стукача, так как доносчикам, выявленным ранее, никаких телефонных номеров не давали, их просто включили в специальную группу «собачий хвост», где они могли капать друг на друга до посинения. Так что с помощью Альвареса мы выявляли но-

вых шпиков почти мгновенно. Думаю, Альварес быстро разочаровался в тех стукачах, которых ему удалось завербовать. Двое из них исчезли, и наша организация, насчитывавшая уже свыше шести тысяч человек, так и не смогла их найти. Очевидно, их ликвидировали или же они скончались при допросе.

«Ассоциация Селена» была не единственной нашей подставной компанией. Мы создали также «ЛуНоГоКо» — фирму куда более крупную, тоже подставную, но отнюдь не иллюзорную. Ее главная контора находилась в Гонконге-Лунном, дочерние отделения — в Новолене и Луна-Сити, и служило там несколько сот человек, в основном не имевших отношения к Партии. На создание этой фирмы мы положили немало трудов.

Генеральный план Майка содержал удручающе длинный перечень проблем, которые необходимо решить. Первая из них — финансирование. Вторая — как защитить катапульту от атаки из космоса.

Для решения первой проблемы проф предложил грабить банки — и расстался с этой идеей весьма неохотно. Тем не менее со временем мы таки стали грабить и банки, и фирмы, и даже Администрацию. Как это делать, придумал Майк, а

более глубокая разработка принадлежала Майку и профу. Сначала Майк никак не мог сообразить, зачем нам деньги. О причинах, заставляющих людей «вертеться», он знал так же мало, как о сексе. Через «руки» Майка проходили миллионы долларов, и он не видел тут никаких проблем. Начал он с предложения выписать чек от имени Администрации на какую угодно сумму. Проф перепугался и принялся объяснять Майку, чем нам грозит попытка обналичить чек, выписанный Администрацией, скажем, на десять миллионов купонов. И все-таки мы провели эту операцию, но в розницу, выписывая чеки на множество имен и точек по всей Луне. Каждый банк, каждая фирма, магазин, агентство, включая и Администрацию, для которых Майк вел бухгалтерию, теперь пополняли своими деньгами нашу партийную кассу. Это колоссальное надувательство основывалось на неизвестном мне, но прекрасно знакомом профу и давно хранившемся без применения в мозгу Майка факте, что большая часть денег реально существует лишь в виде бухгалтерских расчетов. Вот пример, который в разных вариантах воспроизводился сотни раз. Сын моей семьи Сергей, восемнадцати лет, член Партии, получает поручение открыть счет

в банке страховой компании «Содружество». Он кладет туда какую-то сумму, потом часть ее снимает. При каждой операции машина чуть-чуть ошибается: Сергею выдают больше, чем он выписал, на счет зачисляется больше, чем он фактически кладет. Через несколько месяцев Сергей уезжает из города и переводит свой вклад, скажем, в «Банк взаимопомощи» Тихо-Нижнего. Туда переводится сумма, в три раза превышающая фактическую. Большую часть ее он вскоре забирает наличными и передает руководителю своей ячейки. Майк знает, сколько денег должен передать Сергей, но поскольку ни лидер ячейки, ни Сергей не имеют представления, что Адам Селен и бухгалтер-компьютер — одно лицо, оба по отдельности сообщают Адаму величину взятой суммы. Это помогает им остаться честными, чего не скажешь о самой операции.

Теперь умножьте эту кражу трех тысяч гонконгских долларов на многие сотни подобных.

Я не могу перечислить все жульнические уловки, которыми пользовался Майк, чтобы свести концы с концами в своих бухгалтерских книгах и скрыть тысячи мелких краж. Напомню лишь, что любой аудитор исходит из предположения, что машина честна. Он проводит несколько

тестов, которые должны показать, что машина работает нормально, но ему и в голову не придет, что тесты ровным счетом ничего не доказывают, ибо машина жульничает. Майк никогда не крал по-крупному, чтобы не вызвать потрясений в экономике; он откачивал понемножку, как у донора берут пол-литра крови без всякого вреда для здоровья. Я даже не могу сказать, кто именно терял деньги, так часто они переходили из рук в руки. Но сама операция меня беспокоила, поскольку я был воспитан в правилах честности (обман Администрации не в счет). Проф уверял меня, что все это не более чем слабый инфляционный процесс, погашаемый тем, что деньги все равно возвращаются в оборот, и что волноваться не следует: у Майка все записано, и после Революции мы вернем долги, причем без проблем, ибо Администрация уже не будет сосать из нас кровь в таких масштабах.

Я пожелал своей совести спокойной ночи. Все это комариный укус в сравнении с теми мошенническими операциями, которые проворачивает любое правительство, финансируя войну. А разве революция не та же война?

Эти деньги, пройдя через тысячи рук (и каждый раз возвращаясь приумноженными с помощью

Майка), стали главным источником финансирования «ЛуНоГо Компани». Компания была смешанная, на взаимных началах и акционерная. «Джентльмены риска» — гаранты акционерного капитала — вкладывали краденые деньги от своего имени. О бухгалтерии фирмы даже говорить не хочу. Поскольку учетом занимался Майк, то ни малейший намек на честность не марал совесть этого учреждения.

Тем не менее акции компании котировались на бирже Гонконга-Лунного, фигурировали в операциях Цюриха, Лондона и Нью-Йорка. «Уолл-стрит джорнел» назвал нашу фирму «привлекательной в плане инвестиций повышенного риска и доходности с большим потенциалом роста».

«ЛуНоГоКо» занималась строительными и разведочными работами, вкладывала капиталы во многие проекты, в основном вполне легальные. Главной же ее целью было секретное сооружение новой катапульты. Разумеется, само строительство нельзя было сохранить в тайне.

Невозможно купить или построить энергетическую термоядерную установку так, чтобы этого никто не заметил (от использования солнечной энергии по понятным причинам пришлось отказаться). Часть оборудования заказали в Питсбурге

— это была стандартная установка, разработанная Калифорнийским университетом, и мы не пожалели денег, ибо качество того стоило. Статор для создания многокилометрового индукционного поля тоже незаметно не построишь. А главное — как утаить место строительства от той массы народа, которую нужно нанять для работы на нем же? Пусть даже большая часть катапульты — это просто вакуум, поскольку статорные кольца у конца, служащего для выброса груза, расположены на солидном удалении друг от друга. Но катапульта Администрации, дающая ускорение в 3 *g*, тянется в длину почти на сто километров. Она не только служит ориентиром для астрогаторов и фигурирует на всех лунных картах, но и настолько огромна, что ее можно увидеть или сфотографировать с Земли с помощью небольшого телескопа. А на экранах радаров она вообще как на ладони.

Мы же строили катапульту в расчете на ускорение в 10 *g*, правда, длиной всего около тридцати километров, но все равно такую махину спрятать нелегко.

И все же мы ее спрятали — прибегнув к методу, описанному в «Украденном письме».

Я частенько подсмеивался над Майковой стра-

стью к беллетристике, считая ее чтение бесполезной тратой времени. Однако, как выяснилось, из нее он черпал более живые представления о человеческой жизни, чем из научной информации. Художественная литература давала ему гештальт жизни, воспринимаемой человеком как нечто само собой разумеющееся, поскольку он в этом гештальте живет. Но помимо «гуманизирующего эффекта», заменявшего Майку жизненный опыт, беллетристика, или «вымышленные данные», как он ее именовал, была для него источником разных идей. Идею, как спрятать катапульту, он позаимствовал у Эдгара Аллана По.

Мы спрятали ее и в буквальном смысле слова, ибо катапульту строили под поверхностью Луны, чтобы скрыть от глаз и от радаров. Однако ее следовало скрыть не только физически — нужно было засекретить ее селенографическое положение.

Как же сохранить в тайне место расположения огромного чудовища, над которым трудилось множество людей? А вот как: предположим, вы живете в Новолене. Вы знаете, где находится Луна-Сити? Естественно — на восточном берегу Моря Кризисов, это знают все! Ну? А на какой широте и долготе? Ну… надо посмотреть в спра-

вочнике. Ах так, да? Но если вы этого не знаете, как же вы добрались до Луна-Сити на прошлой неделе? Элементарно, дружище: сел в метро, сделал пересадку у Торричелли, а потом спал всю дорогу. Капсула сама знает, куда ехать.

Понимаете? Вам неизвестно, где находится Луна-Сити! Вы просто вылезаете на станции метро «Южная»!

Вот так же мы спрятали катапульту.

Она где-то в Океане Бурь, «это знают все». Но где она находится на самом деле и где по нашим словам — это разные вещи. И разница составляет не менее ста километров то ли к югу, то ли к северу, то ли к западу, то ли к востоку, то ли во всех направлениях сразу.

Сегодня сведения о ее положении приведены во всех справочниках — и сведения эти по-прежнему ложны. Секрет расположения катапульты в Луне берегут как зеницу ока даже теперь.

Увидеть глазом или радаром из космоса ее нельзя. Вся она скрыта под поверхностью Луны, за исключением конца, из которого производится выброс, а этот конец — большая черная бесформенная дыра, точнее, такая же, как десять тысяч других, и находится она на склоне крайне негостеприимной горы, куда невозможно совершить

посадку даже на джамп-ракете.

И тем не менее тут побывало множество народа — как во время строительства, так и после него. Даже сам комендант нанес визит, а мой собрачник Грег водил его по стройке. Комендант прибыл на почтовой ракете, заказанной на день; киборгу дали координаты чуть в стороне от строительства и даже установили радарный маяк для облегчения посадки. Оттуда Морту пришлось добираться на луноходе, а грузовые луноходы в те дни совершенно не походили на пассажирские, курсировавшие от Эндсвиля до Билютихэтчи. Это были просто машины для перевозки грузов без обзорных иллюминаторов и вдобавок такие тряские, что людей приходилось пристегивать ремнями. Комендант хотел было залезть в кабину, но… извините, *gospodin*, там место только для водителя и его помощника, а чтобы вести эту махину, нужны они оба.

Через три часа комендант потерял интерес ко всему на свете. Ему хотелось только одного — как можно скорее оказаться дома. На стройке он пробыл не более часа и разговоров о цели всего этого бурения и ценности вскрытых полезных ископаемых не поддерживал.

Люди попроще — рабочие и все прочие — доби-

рались по туннелям, проложенным бурильщиками в поисках льда, а там заблудиться вообще раз плюнуть. Если бы кто-нибудь притащил в багаже инерционный курсограф, он, конечно, засек бы точное местоположение, но мы не теряли бдительности. Один такой умник нашелся — и у него тут же случилась авария со скафандром. Останки мы вернули в Луна-Сити, а в записи курсографа все было как надо — то есть как нам надо, ради чего мне пришлось совершить спешную вылазку, захватив с собой руку номер три. В азотной атмосфере можно вскрыть и запаять приборчик, не оставив никаких следов, что я и проделал в кислородной маске с несколько повышенным давлением. Всего делов-то!

Принимали мы и кое-каких шишкарей с Терры, в том числе из самой Администрации. Их привозили более легким подземным маршрутом; думаю, комендант их предупредил. Но последние тридцать километров все равно приходилось трястись на луноходе. Один гость показался нам нежелательным. Некий доктор Дориан, физик и инженер. Грузовик, в котором он ехал, перевернулся — дурак-водитель решил срезать путь, — а находились они вне зоны видимости, а маяк почему-то вышел из строя. В общем, бедняге Дориану

пришлось семьдесят два часа просидеть в негерметизированном и́глу из пемзы, и в Луна-Сити он вернулся вдребезги обессиленным гипоксией и огромной дозой радиации, несмотря на все усилия двух водителей (членов Партии), пытавшихся доставить его в целости и сохранности.

Возможно, мы немного перестарались. Не исключено, что он и не заметил бы обмана с координатами. Ведь мало кто любуется звездами, надев скафандр, даже если Солнце позволяет их увидеть. Еще меньше людей умеют читать по звездам, и уж почти никто не в состоянии определить свое положение на поверхности. Для этого нужны инструменты, нужно уметь ими пользоваться, надо захватить с собой таблицы и знать точное время. То есть, грубо говоря, как минимум необходимы октант, таблицы и отличные часы. Наших гостей даже приглашали выйти на поверхность, но если у них с собой оказывался октант или какой-нибудь его современный эквивалент, то с ними вполне мог стрястись несчастный случай.

Вот со шпиками у нас несчастных случаев не бывало. Мы позволяли им оставаться, наваливали на них тяжелейшую работу, а Майк читал их докладные. Один доносил, что он уверен, будто

мы нашли тут залежи урана. Для тогдашней Луны это было в новинку, ибо проект «Центробур» осуществили гораздо позже. Другой вышел наружу с целым набором гейгеровских счетчиков. Мы, как могли, постарались облегчить ему задачу протаскивания всего оборудования через узкую скважину.

К марту 2076 года катапульта была почти готова, оставалось лишь смонтировать сегменты статора. Электростанцию тоже загнали внутрь, и силовые кабели легли под поверхностью Луны параллельно скрытому туннелю, протянувшемуся на тридцать километров. Число рабочих сократили до минимума; среди них преобладали члены Партии. Одного шпика мы все же оставили, чтобы Альварес получал свои доклады регулярно: нам не хотелось его тревожить, а то он мог заподозрить неладное. Зато в поселениях мы ему спокойной жизни не давали.

Глава 10

За эти одиннадцать месяцев произошло немало изменений. Вайо приняла крещение в церкви Грега. Здоровье профа пошатнулось так сильно, что ему пришлось бросить преподавание.

«Янкиз» заняли в турнирной таблице последнее место. Я бы заплатил профу без особого сожаления, если бы их вытеснили в достойной борьбе, но слететь с самого верха до самого низа за один-единственный сезон — да я их теперь по видео и смотреть-то не хочу!

Болезнь профа была дипломатической. Для своих лет он был в отличной форме, по три часа в день делал в номере «Раффлз» зарядку, спал в пижаме с трехсоткилограммовыми свинцовыми утяжелителями. Я от него не отставал, и Вайо тоже, хотя терпеть не могла эти занятия.

Не думаю, что она жульничала и проводила ночи с комфортом, но поручиться не могу — я с ней не спал. К тому времени она заняла в семье Дэвисов прочное место. Ей понадобился всего один день, чтобы от обращения «*gospazha* Дэвис» перейти к «*gospazha* Ма», а еще через день она уже обнимала Ма за талию и называла ее «Мими Ма». Когда из файла «Зебра» стало ясно, что в Гонконг Вайо путь отрезан, Сидрис отвела ее в свой салон красоты в нерабочие часы и потрудилась над ней так, что темная краска на коже стала несмываемой. Прическу тоже подправила — цвет остался черным, а сами волосы выглядели так, будто Вайо безуспешно пыталась их распрямить.

Ну и еще всякие мелочи — матовый лак на ногтях, пластиковые вкладыши для щек и ноздрей и, конечно, прежние темные контактные линзы. После этой обработки Вайо могла бы переспать с кем угодно, не опасаясь за свой грим; из нее получилась великолепная «цветная», и происхождение мы ей заделали под стать — тамилка с примесью ангольской и немецкой крови. Я звал ее чаще Ваймой, чем Вайо.

А красотка стала — загляденье! Когда она, покачивая бедрами, шла по коридорам, мальчишки за ней увивались стаями.

Она начала было учиться у Грега сельскому хозяйству, но Ма это дело пресекла. У Вайо хватало и силы, и ловкости, и желания, но у нас на ферме вкалывали в основном мужчины, и все как один рвались в учителя. В общем, на обучение уходило куда больше человекочасов, чем Вайо была способна отработать. Поэтому ей пришлось вернуться к домашним обязанностям, а потом Сидрис взяла ее помощницей в свой салон красоты.

Проф играл на скачках и завел себе два счета — на одном отмечались ставки, сделанные по Майковой системе «ученика ведущего», а на другом — по собственной «научной» системе профа.

К июлю семьдесят пятого года он признал, что ни черта не смыслит в лошадях, и полностью переключился на систему Майка, увеличив ставки и размещая их у большего числа букмекеров. Его выигрыши шли на погашение партийных издержек, в то время как аферы Майка финансировали строительство катапульты. Но проф начисто потерял интерес к беспроигрышным скачкам и со скукой делал ставки так, как ему подсказывал Майк. Он перестал читать «лошадиные» журналы, и это было грустно — что-то умирает, когда старый игрок расстается со своей страстью. У Людмилы родилась девочка — говорят, для первых родов это очень хорошо, да и вообще замечательно: в семье непременно должна быть малышка. Вайо поразила наших женщин, оказавшись экспертом в акушерском деле, и еще раз повергла их в изумление, когда выяснилось, что она ничего не смыслит в уходе за ребенком. Двое наших старших сыновей наконец вступили в брак, а Тедди, которому исполнилось тринадцать, приняли в другую семью. Грег нанял двух парней с соседних ферм, и после шести месяцев совместной работы и кормежки оба стали нашими собрачниками. Приняли их не с бухты-барахты — и их самих, и их семьи мы знали уже много лет.

Это восстановило баланс, нарушенный приемом Людмилы, и положило конец язвительным намекам со стороны знакомых женщин, у которых сыновья засиделись в холостяках (хотя Ма и без того могла отбрить любого, кто, по ее мнению, не соответствовал стандартам Дэвисов). Вайо завербовала Сидрис, Сидрис начала формировать свою ячейку, завербовав свою помощницу; таким образом, салон красоты «Бонтон» превратился в рассадник подпольщиков. Мы начали использовать на посылках малышей, давали им и другие задания — к примеру, детям куда сподручней, чем взрослым, покараулить или проследить за кем-нибудь в коридорах, да и подозрений они не вызывают. Сидрис подхватила эту мысль и всячески пропагандировала ее через женщин, которых вербовала в своем салоне.

Вскоре у нее в списке оказалось столько ребятишек, что мы смогли поставить под наблюдение всех стукачей Альвареса. С Майком, способным прослушивать любой телефон, и детворой, следившей за шпиками с утра до ночи — причем пока один ребятенок караулил, другой мог сбегать к телефону, — мы держали стукачей под колпаком, не давая им увидеть то, чего не следовало. Вскоре мы стали перехватывать их

телефонные доклады, не дожидаясь, пока они появятся в файле «Зебра»; даже если шпик шел звонить в пивнушку, «Нерегулярные части с Бейкер-стрит» тут же сообщали Майку, и тот начинал прослушивать телефон раньше, чем доносчик заканчивал набирать номер.

Эти ребятишки вычислили заместителя Альвареса по Луна-Сити. Мы знали, что такой существует, поскольку здешние шпики не рапортовали по телефону непосредственно Альваресу и сам он их завербовать не мог: никто из них в Комплексе не работал, Альварес же появлялся в Луна-Сити, только когда сопровождал какого-нибудь особо крупного шишкаря с Терры.

Заместитель Альвареса оказался фактически двумя людьми. Один, бывший лагерник, держал в Старом Куполе лавчонку, где торговал сластями, газетами и принимал ставки на бега, а второй, его сын, служил в Комплексе и собственноручно относил туда донесения, так что Майк не мог засечь их по телефону.

Эту парочку мы не тронули, но с тех пор стали получать донесения агентов на полдня раньше Альвареса. И это преимущество, достигнутое благодаря ребятишкам пяти-шести лет, спасло жизнь семерым партийцам. Слава «Нерегуляр-

ным частям с Бейкер-стрит»!

Не помню, кто их так назвал; скорее всего, Майк. Я ведь всего лишь почитатель Шерлока Холмса, а Майк совершенно уверен, что он брат Шерлока — Майкрофт… да я и не побожился бы, что он ему не брат; «реальность» штука хитрая. Сами ребятишки так себя не называли — у них в этой игре были собственные шайки, а у шаек — свои клички. Конечно, секретами их не перегружали, во всяком случае опасными. Сидрис предоставляла матерям самим находить объяснения для детворы — почему им поручают то или иное задание, — с условием не называть истинных причин. А детям только давай что-нибудь потаинственней да позабавней, у них же почти все игры основаны на том, кто кого перехитрит.

В салоне «Бонтон» происходил ежедневный обмен сплетнями — женщины узнают новости быстрее, чем «Ежедневный Лунатик». Я попросил Вайо, чтобы она каждый вечер докладывалась Майку, но даже не пыталась отделять важные новости от несущественных, поскольку невозможно определить, что важно, а что нет, пока Майк не сопоставит тот или иной факт с миллионами других.

Салон красоты служил также для распростра-

нения новых слухов. Партия поначалу росла медленно, но потом резко пошла в рост: заработал эффект геометрической прогрессии с коэффициентом три, а к тому же драгуны достали всех почище прежних охранников. По мере увеличения партийных рядов мы стали налегать на агитпроп, на распространение злостных слухов, на открытую подрывную деятельность, провокации и саботаж. Финн Нильсен, пока дело не разрослось, занимался агитпропом и одновременно в качестве прикрытия вел работу в старом, насквозь прогнившем подполье. Теперь большую часть агитпропа и связанных с ним дел взяла на себя Сидрис.

В основном требовалось раздавать листовки и прочие материалы. Ни в салоне, ни дома, ни в гостиничном номере мы подпольной литературы, конечно, не держали, разносила же листовки малышня, которая еще и читать-то не умела.

Кроме того, Сидрис полный день трудилась над прическами, — в общем, дел на нее навалили выше головы. Как-то раз я вывел ее прогуляться под ручку по бульвару и вдруг заметил знакомое лицо и фигурку: худющая девчонка, сплошь острые углы и копна морковно-рыжих волос. Лет примерно двенадцать — стадия, когда все идет

в рост, прежде чем расцвести и округлиться. Я определенно уже встречал ее, но никак не мог вспомнить, где, когда и почему.

— Тихо, кукленок! — шепнул я. — Погляди-ка на эту молодую особу. Рыжую и плоскую.

Сидрис оглядела девчонку:

— Дорогой, я знала, что ты у нас с причудами. Но она пока все равно что мальчишка.

— Да ладно тебе! Кто она?

– *Bog* ее знает. Хочешь, я ее тормозну?

И тут я внезапно вспомнил все, будто мне по видео показали. Жаль, Вайо со мной не было, но мы никогда не появлялись на публике вместе. Эта рыжая девчонка была на том самом митинге, где убили Коротышку. Тогда она сидела на полу напротив трибуны, слушала, широко раскрыв глаза, и яростно аплодировала. А затем я видел ее в свободном полете, когда, свернувшись в воздухе в комок, она врезалась в колени желтомундирнику, чью челюсть я сломал буквально несколькими секундами позже.

Вайо и я были живы и свободны лишь благодаря решительным действиям этого ребенка.

— Нет, не заговаривай с ней, — шепнул я Сидрис, — но я не хочу упускать ее из виду. Хоть бы один из твоих «нерегулярников» показался, черт

побери!

— Отвали и позвони Вайо. Через пять минут все будет в ажуре, — ответила мне жена.

Так я и поступил. А потом мы с Сидрис стали не спеша прохаживаться, заглядывая в витрины магазинов, поскольку наша преследуемая прилипала к каждой из них. Минут через семь-восемь к нам подошел мальчуган, остановился и сказал:

— Хелло, тетя Мейбл! Привет, дядя Джо!

— Привет, Тони! — Сидрис пожала ему руку. — Как мама, милый?

— Отлично! — ответил малыш и добавил шепотом: — Вообще-то, я Джок.

— Извини. — Сидрис тихонько сказала мне: — Последи за ней. — И увела Джока в кондитерскую.

Скоро она вышла и взяла меня под руку. Джок следовал за ней, облизывая леденец.

— До свидания, тетя Мейбл. Спасибо!

Он вприпрыжку скользнул меж прохожих, присоединился к рыженькой и сосредоточенно уставился на витрину, продолжая сосать леденец. Мы с Сидрис отправились домой.

Пришли, а нас уже ждет доклад:

Она зашла в ясли-интернат «Колыбелька» и больше не выходила. Нам ждать?

— Подождите еще немного, — сказал я Вайо и спросил, помнит ли она эту девочку.

Выяснилось, что помнит, но не имеет ни малейшего представления, кто она такая.

— Спроси у Финна, — посоветовала Вайо.

— Сейчас все узнаем, — сказал я и позвонил Майку.

Да, в яслях-интернате «Колыбелька» есть телефон, и Майк может его прослушать. Ему потребовалось двадцать минут, чтобы собрать и проанализировать данные: слишком много детских голосов, а в этом возрасте их половая принадлежность почти неразличима. Наконец он сказал:

— Ман, я отобрал три голоса, которые могут соответствовать описанному тобой возрасту и физическому типу. Однако два из них откликаются на имена, которые я идентифицировал как мужские. Третий голос отвечает на обращение «Хейзел», причем ее то и дело окликает голос пожилой женщины с командирскими интонациями.

— Майк, посмотри в списках старой организации. Проверь на Хейзел.

— Четыре Хейзел, — ответил он сразу же. — Вот она — Хейзел Мид. Вспомогательный отряд юных

камрадов, адрес — ясли-интернат «Колыбелька», родилась двадцать пятого декабря две тысячи шестьдесят третьего года, масса тридцать девять кило, рост…

— Это и есть наша ракета-малютка! Спасибо, Майк. Вайо, отзови слежку. Ребята хорошо поработали. Майк, позвони Донне, передай ей, будь так добр.

Я оставил вербовку Хейзел Мид на долю девочек и больше ее не видел, пока Сидрис не привела ее к нам домой двумя неделями позже. Однако еще раньше Вайо мне доложила, что возникла проблема, касающаяся партийной дисциплины. Ячейка Сидрис была уже полной, а она непременно хотела зачислить Хейзел Мид к себе. Во-первых, это не положено, а во-вторых, девочка еще слишком мала. Согласно нашим правилам, вербовке подлежали только взрослые — от шестнадцати и старше.

Я передал доклад Вайо Адаму Селену и исполнительной ячейке.

— Как мне представляется, — сказал я, — система трехчленных ячеек должна нам служить, а не сковывать. Не вижу ничего дурного, если в ячейке у камрада Вивиан будет на одного человека больше. По-моему, нам это ничем не грозит.

— Согласен, — отозвался проф. — Но предлагаю не включать нового камрада в ячейку Вивиан. Девочке ни к чему знать остальных, разве что по ходу дела потребуется. Кроме того, не думаю, что следует вербовать такого ребенка. Главный вопрос — именно возраст.

— Согласна, — откликнулась Вайо, — я тоже хотела поговорить о ее возрасте.

— Друзья, — сказал Майк робко (такой тон прорезался у него впервые за несколько недель — в последнее время это был уверенный в себе руководитель Адам Селен, а вовсе не скучающая одинокая машина), — возможно, я должен был предупредить вас, но я уже сделал несколько подобных исключений. Мне казалось, что тут особо обсуждать нечего.

— Все правильно, Майк, — успокоил его проф, — председатель имеет право на собственное суждение. И сколько же у нас человек в самой большой ячейке?

— Пять. Это двойная ячейка — трое и двое.

— Порядок. Дорогая Вайо, разве Сидрис предлагает дать этому ребенку статус взрослого партийца? Сказать ей, что мы замышляем революцию… со всем кровопролитием, хаосом и возможным поражением?

— Именно этого она требует.

— Дорогая леди, мы ставим на кон нашу жизнь, но мы достаточно взрослые, чтобы это понимать. Тут необходимо эмоциональное представление о смерти. Дети редко способны поверить, что смерть грозит им лично. Зрелость, если хотите, можно определить как возраст, в котором человек осознает, что должен умереть… и принимает приговор без страха.

— Проф, — сказал я, — среди моих знакомых есть большие и рослые детки. Готов поставить семь против двух, что и в Партии таких наберется немало.

— Не спорю, дружище. Зато держу пари, что по меньшей мере половина из них не соответствует нашим требованиям; боюсь, под занавес нам еще придется убедиться в этом на собственной шкуре.

— Проф, — настаивала Вайо, — Майк, Манни! Сидрис уверена, что девочка уже взрослый человек. И я думаю так же.

— Ман? — спросил Майк.

— Давайте как-нибудь познакомим с ней профа, пусть сам решает. Меня она купила со всеми потрохами. Особенно своими боевыми качествами. Иначе я не стал бы и разговаривать.

Мы разошлись, оставив вопрос открытым. Вскоре Хейзел появилась у нас за обедом в качестве гостьи Сидрис. Она не подала виду, что помнит меня, и я повел себя так же. Гораздо позже Хейзел рассказала, что признала меня с ходу, и не только по левой руке, но в основном потому, что запомнила, как меня увенчала колпаком и расцеловала высокая блондинка из Гонконга. Более того, Хейзел сразу раскусила маскарад Вайо, узнав ее по голосу. Голос-то изменить труднее всего, как ни старайся.

Но Хейзел держала рот на замке. Даже если она поняла, что мы члены конспиративной организации, то ничем этого не выдала.

Из ее истории можно понять, как выковался этот стальной характер. Ее сослали вместе с родителями таким же крохотным ребенком, как и Вайо. Отец погиб от несчастного случая на принудительных работах, причем мать винила в его смерти Администрацию, которая всегда наплевательски относилась к технике безопасности. В пять лет девочка лишилась и матери. Отчего та умерла, Хейзел не знала; она тогда уже жила в интернате, в котором мы ее нашли. Не знала она и за что сослали родителей — возможно, за подрывную деятельность, если, как думала Хейзел,

осуждены были оба. Скорее всего, именно от матери она унаследовала беспощадную ненависть к Администрации и коменданту.

Семья, державшая интернат, позволила девочке остаться. Хейзел меняла детям подгузники и мыла тарелки с того возраста, как ей стало хватать роста. Она сама научилась читать, могла изобразить печатные буквы, но по-настоящему писать не умела. Знание математики ограничивалось у нее способностью считать деньги, которые дети добывали разными неправедными путями.

По поводу ее ухода из интерната поднялся немалый шум: владелица «Колыбельки» и ее мужья заявили, что Хейзел должна отработать еще несколько лет. Девочка решила вопрос просто — вышла из дому в чем была, оставив кое-какую одежонку и те жалкие мелочи, которые составляли ее имущество. Ма это так возмутило, что она чуть было не втравила наше семейство в свару, вопреки всем своим правилам. Но я потихоньку шепнул ей, что как руководитель ячейки не желаю привлекать внимание к семье, вытащил из кармана деньги и сказал, что Партия оплатит покупку одежды для Хейзел. Ма от денег отказалась, отменила семейное собрание и отправилась с

Хейзел в город, где проявила невиданную — по масштабам Ма — щедрость в выборе платья для девочки.

Так мы удочерили Хейзел. Я знаю, нынче это дело сопряжено со всякими бюрократическими процедурами, но тогда было не сложнее, чем подобрать котенка.

Еще больше шуму наделало решение Ма отдать Хейзел в школу, которое не совпадало ни с тем, что держала в уме Сидрис, ни с тем, чего ожидала сама Хейзел как член Партии. Пришлось мне опять вмешаться, и Ма частично пошла на попятный. Хейзел определили к репетитору рядом с салоном Сидрис, то есть неподалеку от шлюза номер тринадцать. (Салон процветал в основном потому, что находился вблизи от фермы, что позволило нам провести туда воду, которой Сидрис могла пользоваться без ограничений, поскольку сточная вода поступала обратно для наших же нужд.) Хейзел училась по утрам, а днем помогала в салоне: зашпиливала пелеринки, подавала полотенца, мыла клиентам волосы — в общем, набиралась опыта. И вдобавок делала все остальное, что поручала Сидрис.

Этим «остальным» были обязанности командира «нерегулярных частей с Бейкер-стрит».

Всю свою коротенькую жизнь Хейзел возилась с малышней. И малышня ее любила. Хейзел умела добиться от ребятишек всего, чего хотела; она понимала их язык, который взрослым кажется бессмысленной тарабарщиной, и стала идеальным мостом между Партией и ее самыми юными помощниками. Она превращала наши будничные задания в игру, убеждала детей играть по установленным правилам и не подавала виду, что поручение серьезно по взрослому счету, — ведь для ребятни куда важнее то, что оно казалось им серьезным по их собственным меркам. Вот пример; скажем, кроху, еще не умеющего читать, прихватили с подпольной литературой, что изредка случалось в действительности. После инструктажа Хейзел диалог выглядел примерно так:

Охранник: Малыш, где ты это взял?

Нерегулярник с Бейкер-стрит: Я не малыш, я большой мальчик.

Охранник: Ладно, большой мальчик, так где ты это взял?

НБС: У Джекки.

Охранник: У какого Джекки?

НБС: Просто Джекки.

Охранник: А как его фамилия?

НБС: Чья?

Охранник: Да Джекки!

НБС *(презрительно)*: Джекки девчонка!

Охранник: Ладно, так где она живет?

НБС: Кто?

И так далее. Ключевым ответом на все вопросы было: «Взял у Джекки». А поскольку Джекки не существовало в природе, то у нее (у него) не было ни фамилии, ни домашнего адреса, ни даже постоянной половой принадлежности. Дети обожали выставлять взрослых дураками, особенно когда поняли, как это просто.

В худшем случае литературу изымали, но даже взвод драгун-миротворцев и тот дважды подумал бы, прежде чем арестовать ребенка. Да, теперь драгуны появлялись на улицах Луна-Сити только повзводно — кое-кто из них отправился в одиночку… и не вернулся обратно.

* * *

Когда Майк начал писать стихи, я не знал, что делать — смеяться или плакать. А он желал их публиковать. Сразу видно, как глубоко растлило «очеловечивание» эту невинную машину, раз ей приспичило увидеть свое имя в печати.

— Майк, — сказал я, — ради *Bog*'а! У тебя что —

цепи перегорели? Или ты намерен нас выдать?

Прежде чем Майк успел надуться, вмешался проф:

— Постой-ка, Мануэль! Я тут вижу кое-какие возможности. Майк, псевдоним тебя устроит?

Вот так и родился Шутник Саймон. Думаю, Майк выбрал это имя, подбросив случайные числа, как игральные кости. Однако для серьезной поэзии у него был другой псевдоним — его партийная кличка Адам Селен. Стихи Саймона были нескладны, непристойны и полны бунтарства — от хулиганских насмешек над «шишками» до жестоких нападок на коменданта, систему, драгун и шпиков. Эти вирши можно было обнаружить на стенках общественных сортиров или на листовках, брошенных на пол в капсулах метро. Или в пивных. Но где бы они ни появились, под ними всегда стояла подпись «Шутник Саймон», а рядом красовался улыбающийся рогатый чертенок с раздвоенным на конце хвостиком. Иногда чертенок накалывал на вилы какого-то толстяка. Иногда на рисунке была только мордочка с широкой улыбкой и рожками, а порой — одни рожки и улыбка, означавшие «тут был Саймон».

Саймон возник в один прекрасный день во всех лунных поселениях сразу и с тех пор присутство-

вал повсеместно. Вскоре к нему присоединилось множество добровольных помощников: стихи и рисунки были так просты, что их мог изобразить кто угодно, а потому они стали появляться там, где мы и не планировали. К этому наверняка приложил руку кто-нибудь из наших попутчиков. Карикатуры и стихи распространялись даже на территории Комплекса, что уж никак не могло быть нашей работой — мы никогда не вербовали служащих Администрации. Так, например, спустя три дня после появления очень грубого лимерика, намекавшего, что у коменданта мозги заплыли жиром вследствие его неблаговидных привычек, этот лимерик вдруг появился на картинках-наклейках, причем карикатура заметно улучшилась и толстая фигура, убегавшая от вил Саймона, приобрела узнаваемые черты Прыща Морта. Мы эти картинки не оплачивали, мы их не печатали. Но они одновременно оказались в Луна-Сити, Новолене и Гонконге, налепленные повсюду — на телефонах-автоматах, на коридорных опорах, на шлюзах, на ограждениях пандусов и так далее. Я сделал выборочный подсчет и передал его Майку. Майк доложил: только в Луна-Сити наклеено более семидесяти тысяч листовок.

Я не знаю ни одной типографии в Луна-Сити,

которая рискнула бы взяться за такую работу и сумела бы ее выполнить. Может, существовала еще одна тайная организация?

Стихи Саймона имели такой успех, что Майк разошелся, как полтергейст, не оставив ни коменданту, ни шефу безопасности никакой возможности притвориться глухими.

«Дорогой Прыщ Морт, — писал он в одной листовке. — Пожалуйста, будь осторожен с полуночи до четырех ноль-ноль. Люблю, целую, Саймон». А ниже — рожки и улыбка. С той же почтой получил письмо и Альварес: «Дорогой Фурункул! Если завтра ночью комендант сломает ногу, виноват будешь ты. Твоя совесть, Саймон». И опять улыбка и рожки.

Мы не планировали нападать на коменданта; просто хотели лишить сна и Морта, и Альвареса с охранниками в придачу, что нам и удалось. Майку осталось лишь время от времени позванивать по личному телефону коменданта между полуночью и четырьмя; кстати, номер этот в справочниках не значился и был известен лишь персональным помощникам коменданта. Соединяя их всех по очереди с Мортом, Майк не только вызвал жуткий переполох, но и разозлил коменданта, который категорически отказался

верить оправданиям своих помощников. И тут произошло счастливое совпадение — доведенный до белого каления Морт *побежал вниз* по пандусу. Такое даже с каждым новичком случается — ровно один раз. Словом, комендант «прошелся по воздуху» и вывихнул колено, что довольно близко к перелому, причем Альварес при сем присутствовал.

Помаялись они без сна, это уж точно. Мы и другие розыгрыши устраивали в таком же духе. Например, пустили слух, будто катапульта заминирована и взлетит на воздух будущей ночью. Девяносто плюс восемнадцать человек не в состоянии обыскать стокилометровую катапульту за несколько часов, особенно если эти девяносто — драгуны-миротворцы, засунутые в скафандры, к которым они не привыкли и которые внушали им живейшее отвращение. Полночь пришлась на период «новоземья», когда Солнце сияло особенно ярко. Солдаты проторчали снаружи намного дольше, чем полезно для здоровья, затеяли между собой свары и почти спеклись от жары, в результате чего чуть было не подняли первый в истории полка мятеж. Одна из свар окончилась летальным исходом. То ли он сам упал, то ли его спихнули с высоты, этого сержанта? Из-за

ночного переполоха драгуны вышли на проверку паспортов такими сонными и злыми, что число стычек с лунарями заметно подскочило, а взаимная неприязнь значительно возросла. А стало быть, Саймону удалось накалить обстановку.

Стихи Адама Селена были более высокого качества, Майк показывал их профу и даже соглашался с его литературными суждениями (полагаю, дельными) без всякой обиды. Размер и рифмовка у Майка были безукоризненны, поскольку, будучи компьютером, он хранил в памяти весь словарный запас английского языка и мог отыскать нужное слово за считаные миллисекунды. Несколько хуже было с самокритикой, однако тут помогло суровое редакторское перо профа.

Впервые подпись Адама Селена появилась на страницах авторитетного «Лунного света» под мрачным стихотворением «Дом». Это были думы умирающего ссыльного и его открытие, сделанное накануне ухода в мир иной, что Луна стала его родным домом. Простой язык, непритязательные рифмы, а единственная слегка крамольная мысль содержалась в выводе, к которому приходит умирающий: что даже множество угнетавших его комендантов — не слишком высокая цена.

Вряд ли редакция «Лунного света» долго раздумывала, печатать стихотворение или нет. Вещь была хорошая, и они ее опубликовали.

Альварес перевернул редакцию вверх дном, пытаясь как-то выйти на Адама Селена. Номер был в продаже уже почти две лунные недели, когда Альварес заметил стихи или ему их показали. Мы нервничали — нам как раз очень хотелось, чтобы стихотворение заметили. И пришли в восторг, узнав, как завибрировал Альварес.

Издатели ничем не могли помочь шефу стукачей. Они сказали ему правду — стихотворение пришло почтой. Есть ли у них оригинал? Да, конечно… Извините, но конверта нет, мы их не храним. Прошло довольно много времени, прежде чем Альварес удалился в окружении четырех драгун, которых таскал за собой для улучшения самочувствия.

Надеюсь, он получил немало удовольствия от этой бумаги. Письмо было отпечатано на официальном бланке конторы Адама Селена.

АССОЦИАЦИЯ СЕЛЕНА
ЛУНА-СИТИ

Отдел инвестиций *Офис председателя, Старый Купол*

А ниже — заголовок «Дом», «сочинение Адама Селена» и так далее.

Все отпечатки пальцев, которые там были, появились уже после отправки. Текст был напечатан на «Ундервуд офис электростатор», то есть на самой распространенной в Луне модели. И все равно таких машинок было не очень много, поскольку их импортировали. Опытный детектив мог бы идентифицировать машинку и обнаружил бы ее в городском офисе Администрации в Луна-Сити. Вернее будет сказать — машинки, так как в офисе их было шесть и мы печатали по пять слов по очереди на каждой. Операция стоила нам с Вайо бессонной ночи, и мы решили, что риск неоправданно велик, хотя Майк был на стреме и прослушивал все телефоны. Больше мы такого не повторяли.

Альварес не показал себя опытным детективом.

Глава 11

В начале 2076 года дел у меня было невпроворот. Во-первых, я не мог игнорировать клиентов. А во-вторых, массу времени отнимала партийная работа, хотя я передал в другие руки все, что сумел. И все равно приходилось решать бесчисленные вопросы и рассылать сообщения вверх и вниз. В этот напряженный график пришлось втиснуть время на силовые упражнения и носить утяжелители. Я не решился получить пропуск на центрифугу Комплекса — ту самую, в которой ученые-землееды продлевали срок пребывания в Луне. Хотя я раньше на ней тренировался, в этот раз мне не хотелось рекламировать свою подготовку к поездке на Терру.

Упражнения без центрифуги менее эффективны, но особенно утомительными они казались из-за того, что я не знал, имеет ли смысл ими заниматься. Согласно расчетам Майка, в тридцати процентах прогнозов развития событий требовалось, чтобы лунарь, способный выступить от лица Партии, совершил путешествие на Землю.

Я не представлял себя в роли посла — во-первых, образование подкачало, а во-вторых, дипломат из меня никудышный. Самой подходящей кандидатурой был, естественно, проф. Но проф был стар и мог не перенести полета на Землю. Майк сказал нам, что у человека в возрасте профа, с его комплекцией и так далее шанс прилететь на Терру живым меньше сорока процентов. Но проф тренировался напряженно и с энтузиазмом, стараясь выжать из своих жалких шансов все возможное, так что мне оставалось только навесить на себя утяжелители и приступить к работе, чтобы быть готовым заменить профа, если его старое сердце не выдержит. Вайо занималась тем же на случай, если что-то помешает моему полету. Делала она это преимущественно ради того, чтобы разделить со мной тяготы, — Вайо всегда предпочитала логике мужество.

А кроме бизнеса, партийных дел и тренировок была еще и ферма. Семья потеряла благодаря бракам троих сыновей, хотя и получила взамен двоих отличных ребят — Фрэнка и Али. Потом ушел работать в «ЛуНоГоКо» Грег — он стал главным мастером-бурильщиком на строительстве катапульты.

Там он был незаменим. Чтобы нанять и пра-

вильно расставить по местам людей, приходилось изрядно попотеть. На большинстве работ мы могли использовать и беспартийных, но ключевые позиции должны были занимать партийцы, причем не только политически надежные, но и компетентные. Грег не хотел уезжать из дома; на ферме он был нужен, да и бросать приход ему было жаль. Но все-таки согласился.

Это опять превратило меня в лакея на половинном жалованье при поросятах и цыплятах. Ганс был отличным фермером, он безропотно тянул за двоих. Но Грег управлял делами фермы с тех самых пор, как Дед ушел на покой, и Ганса тяготила новая ответственность. В общем-то, по старшинству это дело должно было перейти мне, но Ганс как фермер далеко меня превосходил, да и сельское хозяйство любил больше. Так что у нас давно подразумевалось, что Грега когда-нибудь заменит именно он. Я помогал ему, поддерживал его решения, а также вкалывал в те часы, которые удавалось урвать от других дел. В результате мне и почесаться некогда было.

В конце февраля я вернулся из долгой поездки — Новолен, Тихо-Нижний, Черчилль. К этому времени как раз закончили прокладку туннеля через Центральный залив, и я решил наведаться

в Гонконг-Лунный и наладить деловые контакты, поскольку теперь мог пообещать клиентам срочный сервис в случае необходимости. Раньше это было невозможно, так как луноход на отрезке Эндсвиль — Билютихэтчи курсировал только в темную половину лунного месяца.

Впрочем, бизнес служил лишь прикрытием для политических целей: связь с Гонконгом у нас была очень слабой, хотя Вайо делала все, что могла, — по телефону, разумеется. Она высоко ценила второго члена своей ячейки, камрада Клейтона, который, судя по файлу «Зебра», был совершенно чист. Мы ввели Клейтона в курс дела, предупредили о гнильце в организации и посоветовали начать строить новую сеть ячеек, не теряя членства в старом подполье.

Однако телефон — это совсем не то, что личный контакт. Гонконг должен был стать нашим оплотом. Он меньше других поселений зависел от Администрации. Во-первых, потому, что его силовые установки не контролировались Комплексом. А во-вторых, Гонконг не слишком интересовала торговля с помощью катапульты, так как до прокладки метро он не был включен в общую транспортную сеть. И в финансовом отношении он был крепче других — банкноты

банка Гонконга-Лунного котировались куда выше официальных купонов Администрации.

Гонконгские доллары, пожалуй, не были деньгами в юридическом смысле. Администрация их не принимала; когда я летал на Землю, мне пришлось покупать купоны, чтобы заплатить за билет. Но с собой я брал гонконгскую валюту, которую на Земле можно было обменять с небольшой потерей, тогда как купоны там вообще не котировались. Деньги или нет, но гонконгские банкноты не были бюрократическими бумажками — за ними стояли честные банкиры-китаезы. Сотня гонконгских долларов соответствовала 31,1 грамма золота (старая тройская унция), и его действительно можно было получить в главном офисе банка — золото доставляли туда из Австралии. А не хотите золота — получите товары: бытовую воду, сталь нужных марок, тяжелую воду для реакторов — в общем, что душе угодно. Все это можно было приобрести и за купоны, но Администрация постоянно взвинчивала цены. Я не финансист, и когда Майк попытался меня просветить, у меня чуть голова не лопнула. Я просто знаю, что мы были рады заполучить эти «неденьги», тогда как купоны брали без всякой охоты, и не только потому, что ненавидели Ад-

министрацию.

Так что Гонконг, по идее, должен был стать партийной цитаделью. Должен был — но пока что не стал. Мы решили, что мне имеет смысл рискнуть и пойти на личный контакт, даже частично раскрыться, поскольку человеку с одной рукой замаскироваться не так-то просто. Это был риск, угрожавший в случае провала не только мне: следы неминуемо привели бы к Вайо, Ма, Грегу и Сидрис. Но кто сказал, что революция — спокойное занятие?

Камрад Клейтон оказался молодым японцем — то есть на самом деле не таким уж и молодым, просто все они выглядят юными, пока внезапно не становятся старичками. Не чистокровным — была у него и малайская примесь, и еще какая-то, но имя было японское, а дома тщательно соблюдались японские обычаи; все определялось «гири» и «гиму». На мое счастье, у Клейтона было множество «гиму» в отношении Вайо.

Предки Клейтона не были ссыльными. Они «добровольно», как и многие другие, поднялись по трапам кораблей под дулами автоматов, когда Великий Китай стал создавать свою империю. Но это ни в коем случае не порочило Клейтона — он ненавидел коменданта так же люто, как любой

старый лагерник. Сначала мы с ним встретились в чайном домике — по-нашему, что-то вроде пивнушки — и часа два трепались обо всем, кроме политики. Он ко мне приглядeлся и пригласил домой. У меня всего одна претензия к японскому гостеприимству: японские ванны, в которые ты погружаешься до подбородка, наполняются чистым кипятком.

В сущности, я почти ничем не рисковал. Мама-сан была сведуща в гримировке не хуже Сидрис, а моя «представительская» рука сошла за настоящую, поскольку кимоно скрывало шрам. За два дня я посетил четыре ячейки в качестве камрада Борка, преображенного благодаря гриму, кимоно и таби, и даже если среди присутствующих были стукачи, они не смогли распознать во мне Мануэля О'Келли. В Гонконг я прибыл набитый фактами, бесконечными цифрами и прогнозами и говорил только об одном — о голоде, который ждет нас через шесть лет, в 2082 году. «Вы еще счастливчики, вас это коснется позже. Но теперь, когда туннель построен, все больше и больше ваших фермеров начнут выращивать пшеницу и рис и отправлять их к катапульте. Вот тогда наступит и ваш черед».

Это произвело впечатление. Прежняя органи-

зация, судя по тому, что мне доводилось видеть и слышать, в основном нажимала на ораторское искусство, зажигательную музыку и эмоции, походя в этом отношении на церковь. Я же сказал совсем просто: «Такие дела, камрады. Проверьте эти цифры. Я их вам оставлю».

С одним из камрадов я встретился с глазу на глаз. Это был инженер-китаец, которому было достаточно посмотреть на вещь, чтобы тут же сообразить, как ее сделать. Я спросил его, видал ли он когда-нибудь лазерную пушку размером не больше ружья. Оказалось, не видал. Я упомянул, что паспортная система в наши дни весьма затруднила контрабанду. Он задумчиво сообщил в ответ, что это вряд ли касается перевозки драгоценных камней и что он через неделю собирается в Луна-Сити, в гости к своему кузену. Я сказал, что дядя Адам будет рад с ним познакомиться.

В общем, получилось, что съездил не зря. На обратном пути сделал остановку в Новолене, зашел в старомодный кабачок «Подрядчик» — я его давно заприметил, пунш у них классный, — сел за столик и случайно столкнулся с собственным папашей. Мы с ним дружим, хотя и не страдаем, если не видимся год-другой. Посидели, поболтали за пивом с бутербродами, а когда я встал, роди-

тель мой выдал:

— Рад был тебя повидать, Манни. Свободу Луне!

Я ответил ему тем же, поскольку был слишком удивлен, чтобы отмолчаться. Такого аполитичного циника, как мой папаша, поискать. Раз уж он так заговорил, значит наша кампания набирает силу.

Итак, я вернулся в Луна-Сити воодушевленным и не слишком усталым, так как после Торричелли всю дорогу проспал. На станции «Южная» пересел на кольцевую, потом спустился и через Дно, чтобы не толкаться на бульваре, направился домой. По дороге завернул в судебный участок судьи Броуди, просто так, поздоровкаться. Это мой старый приятель, нас с ним вместе оперировали. Потеряв ногу, он стал судьей, и хорошим к тому же: в то время в Луна-Сити он был единственным судьей, которому не приходилось подрабатывать на стороне — букмекером или страховым агентом.

Когда двое противников являлись к нему на суд, а примирить их ему не удавалось, Броуди возвращал им гонорар и, если они решали выяснить отношения в поединке, бесплатно выступал в качестве рефери, продолжая при этом уговаривать драчунов воздержаться от ножей и попытаться

прийти к мирному соглашение.

В зале заседаний Броуди не оказалось, хотя его цилиндр стоял на столе. Я собрался было уходить, но тут в зал ввалилась группа стиляг, а среди них одна девица и пожилой мужичок, которого они тащили силком. Мужичок был здорово потрепан, но по одежке сразу видно, что турист.

Туристы бывали у нас даже в те времена. Не орды, но все-таки. Они прилетали с Земли, останавливались на недельку в отелях и отправлялись обратно с тем же кораблем или оставались еще на неделю. Большинство, погуляв денек-другой по городу и обязательно совершив никому не нужную вылазку на поверхность, проводило досуг в азартных играх. Лунари, как правило, на них внимания не обращали — пусть себе, мол, развлекаются, каждый сходит с ума по-своему.

Старший из ребят — лет восемнадцати, явно главарь ватаги, спросил у меня:

— Где судья?

— Не знаю, здесь его нет.

Он растерянно пожевал губу. Я поинтересовался:

— Что-нибудь случилось?

— Да вот, хотим ликвидировать этого субчика, — ответил он с серьезным видом. — Но

желательно, чтобы суд утвердил.

— Поищи в ближайших пивнушках, — посоветовал я, — надо думать, судья где-нибудь там ошивается.

— Послушайте, — встрял парнишка лет четырнадцати, — а вы, случайно, не *gospodin* О'Келли?

— Точно.

— А почему бы вам не рассмотреть наше дело?

Старший оживился:

— Вы согласны, *gospodin*?

Я задумался. Конечно, время от времени мне случалось выступать в роли судьи, да и кто в ней не выступал? Но такого уж жгучего желания брать на себя ответственность у меня не было. Однако слова юноши насчет ликвидации туриста меня насторожили. Такое дело могло вызвать шум.

Я решил вмешаться и обратился к туристу:

— Вы принимаете меня в качестве судьи?

Он удивился:

— А разве у меня есть выбор?

— Разумеется, — ответил я вежливо. — Если вы не захотите принять мой вердикт, я и в дело вникать не стану. Но я вас не неволю. Речь-то о вашей жизни, не о моей.

Он удивился еще больше, но не испугался, в

глазах искорки загорелись.

— О моей жизни, вы говорите?

— Очевидно. Вы же слышали, ребята сказали, что намерены вас ликвидировать. Может, вы предпочитаете подождать судью Броуди?

Он ни минуты не колебался. Улыбнулся и сказал:

— Я принимаю вас как судью по моему делу, сэр.

— Как вам будет угодно. — Я посмотрел на старшего парня. — Кто участвовал в ссоре? Только ты и твой дружок?

— Нет-нет, судья. Мы все.

— Я пока еще не ваш судья. — Я обвел их взглядом. — Все ли вы просите меня быть вашим судьей?

Они закивали. Никто не сказал «нет». Главарь повернулся к девушке и произнес:

— Не молчи, Тиш. Ты принимаешь судьей О'Келли?

— Чего? Ах да, конечно!

Девчонка была бесцветным созданием лет четырнадцати — пухлявенькая, смазливая и пустая; тип красотки из бордель-автомата, какой она и обещала стать в будущем. Такие девицы предпочитают царить в своре стиляг, замужество

их привлекает гораздо меньше. Нет, стиляг я не осуждаю: женщины в Луне дефицит, вот ребята и слоняются по коридорам. Днем-то они вкалывают, а вечерами им не к кому спешить домой.

— О'кей, судья одобрен, и вы все обязаны повиноваться моему вердикту. Теперь договоримся об оплате. Готовы раскошелиться, мальчики? Прошу иметь в виду, что я не собираюсь выносить приговор о ликвидации за какие-то жалкие гроши. Так что скидывайтесь, иначе я просто отпущу его на свободу.

Главарь похлопал глазами, потом ватага сбилась в кучу. Через минуту он подошел ко мне и сказал:

— Денег у нас маловато. Пять гонконгских с носа — вы согласны?

Их было шестеро.

— Нет. Просить суд вынести приговор о ликвидации за такую цену просто непристойно.

Они снова сбились в кучу.

— Пятьдесят долларов, судья?

— Шестьдесят. По десятке с каждого. И еще десятка с тебя, Тиш, — повернулся я к девчонке.

Тиш возмущенно вылупила глаза.

— Давай, давай, — сказал я ей. — Дарзанебы.

Она поморгала и полезла в сумочку. Деньги у

нее были. У таких девок они всегда водятся.

Я собрал семьдесят долларов, положил их на стол и спросил у туриста:

— Покроете?

— Извините?

— Ребята платят мне семьдесят гонконгских долларов за приговор. Вы должны дать столько же. Если не можете, откройте бумажник и докажите; в этом случае останетесь моим должником. Но таково ваше долевое участие. В общем-то, дешевка за высшую меру. Но у ребят нет денег, так что вам повезло.

— Понял. Думаю, что понял. — Он выложил семьдесят долларов.

— Спасибо, — сказал я. — Нужны ли какой-нибудь из сторон присяжные?

У девчонки загорелись глаза:

— Еще бы! Пусть уж все будет по правилам!

— В таком случае я, пожалуй, тоже за, — сказал землеед.

— Пожалуйста, — говорю я. — Хотите защитника?

— Да, конечно. Думаю, адвокат мне не помешает.

— Я сказал «защитник», а не адвокат. У нас тут адвокатов нет.

Он опять заулыбался:

— Я полагаю, защитник, если бы я пожелал такового, был бы столь же… гм… неформальным, как и вся процедура?

— Может, да, а может, и нет. Я действительно неформальный судья, вот и все. Так что выбирайте.

— М-м-м… пожалуй, я положусь на вашу неформальность, ваша честь.

Тот парень, что был постарше, спросил:

— Это… насчет присяжных… Вы им сами отстегнете? Или придется нам?

— Я им заплачу. Я согласился судить за сто сорок чистыми. Ты что — никогда в суде не бывал? Но я не собираюсь швырять деньги на роскошь, без которой вполне смогу обойтись. Шесть присяжных, по пять долларов каждому. Посмотри, нет ли кого в переулке?

Один из ребят вышел и крикнул:

— Нужны присяжные. Плата пять долларов!

Собралось шесть мужиков — типичных обитателей Дна. Мне-то один черт, мне они нужны были только для мебели. А вообще, если хочешь стать судьей, лучше этим заниматься в приличном районе — там есть шанс заполучить в присяжные солидных людей.

Я сел за стол, надел цилиндр Броуди — и откуда только он его выкопал?

Не иначе как в чьих-то отбросах порылся.

— Суд начинает заседание, — произнес я. — Назовитесь и изложите суть.

Старшего парня звали Слим Лемке, девчонку — Патриция Кармен Жукова; остальных не помню. Турист подошел к столу, покопался в бумажнике и сказал:

— Вот моя карточка, сэр.

Она у меня хранится до сих пор. Там было написано:

Стюарт Рене Лажуа
Поэт-путешественник – солдат удачи

Суть дела была трагикомична: прекрасный пример того, почему туристам не следует шататься без гида. Разумеется, гиды их просто грабят, но туристы для того и существуют, разве нет? Этот, например, из-за отсутствия сопровождающего вообще чуть жизни не лишился.

Он забрел в пивную, которая у стиляг считается чем-то вроде клуба. Девчонка начала к нему клеиться. Мальчики, как положено, не стали вмешиваться: выбирает дама. Что-то он ей шепнул, она захихикала и ткнула его кулачком в живот.

Он принял это совершенно нормально, совсем как лунарь… но ответил чисто по-земному: обнял за талию и привлек к себе, очевидно намереваясь поцеловать.

Хотите верьте, хотите нет, но в Северной Америке это вполне в порядке вещей; я там и не такого навидался, Тиш, естественно, удивилась, может быть, даже испугалась. И вскрикнула.

Парни накинулись на туриста и изрядно его оттрепали. А затем решили, что он должен заплатить за свое «преступление» по всем правилам. То есть через суд.

Похоже, им было не по себе. Держу пари, ни один из них до сих пор не принимал участия в ликвидации. Однако их даму оскорбили, а значит, отступать негоже.

Я с пристрастием допросил их, особенно Тиш, и решил, что все ясно. Потом сказал:

— Позвольте подвести итоги. Перед вами чужестранец. Наших обычаев не знает. Раз он оскорбил, значит виноват. Но насколько я понял, он никого не хотел оскорбить. Что скажут присяжные? Эй ты там! Проснись! Что скажешь?

Один из присяжных огляделся вокруг заплывшими глазами:

— Лик-ик-видировать его!

— Отлично. А ты?

— Э-э-э… — Второй явно колебался. — Думаю, хватит с него, ежели пустить ему юшку, пусть знает в другой раз. Мы тут не можем позволить мужикам лапать женщин, иначе у нас такой же бардак начнется, как на Терре…

— Разумно, — согласился я. — А ты?

Только один присяжный голосовал за ликвидацию. Прочие колебались между лупцовкой и большим штрафом.

— А ты что думаешь, Слим?

— Ну… — Парень явно нервничал под пристальными взглядами ватаги, а главное, девушки — возможно, его подружки. Но он уже остыл и не хотел ликвидировать этого олуха. — Мы над ним уже поработали. Может быть, если он встанет на четвереньки, да поцелует пол перед Тиш, да скажет, что сожалеет?..

— Вы готовы так поступить, *gospodin* Лажуа?

— Если прикажете, ваша честь.

— Я не прикажу. Вот мой вердикт. Во-первых, насчет этого присяжного… да, да, я о тебе. Ты оштрафован в размере гонорара за то, что дрыхнул во время судебной процедуры. А ну, ребята, взять его, забрать пятерку и вышвырнуть вон!

Что они и сделали с энтузиазмом — надо ду-

мать, получили хоть какую-то компенсацию за то удовольствие, которое предвкушали, но не решились испытать.

— Теперь вы, *gospodin* Лажуа; вы присуждаетесь к штрафу в размере пятидесяти долларов за то, что у вас не хватило соображения узнать кое-что о местных обычаях, прежде чем шататься по улицам. Выкладывайте.

Я спрятал доллары.

— Теперь вы, ребята. Подровняйсь! Штраф по пять долларов с носа за то, что не проявили разумного подхода к человеку, явно нездешнему и незнакомому с нашими порядками. Что не дали ему дотронуться до Тиш — молодцы. Отлупили — тоже о'кей: впредь будет сообразительней. Могли даже вышвырнуть его из пивной. Но требовать ликвидации за элементарную ошибку, это… ну ни в какие рамки не лезет. Пять баксов с носа. Позвольте получить.

Слим сглотнул:

— Судья… я думаю, у нас нет столько. У меня, во всяком случае, нет.

— Я предполагал, что так может получиться. Даю вам неделю на выплату долга, иначе сообщу ваши имена и адреса в Старый Купол. Знаете салон «Бонтон» рядом со шлюзом номер

тринадцать? Он принадлежит моей жене, ей и заплатите. Заседание суда закрыто. Слим, не уходи. Ты тоже, Тиш. *Gospodin* Лажуа, давайте отведем этих молодых людей куда-нибудь наверх, поставим им по стаканчику и познакомимся поближе.

И опять у него в глазах вспыхнул странный восторженный огонек, чем-то напомнивший мне профа.

— Чудесная мысль, судья.

— Я уже не судья. Это двумя пандусами выше, так что советую вам предложить Тиш руку.

Он поклонился:

— Миледи? Смею ли я? — и согнул руку в локте.

Тиш моментально повзрослела:

– *Spasebaw, gospodin*. С удовольствием.

Я отвел их в дорогой ресторан, где эта парочка в своих диких одежках и грубом макияже выглядела совершенно неуместно. Они это чувствовали и держались напряженно, но я постарался их раскрепостить. Стюарт Лажуа проявил еще больше усилий, и не без успеха. Я записал их адреса и имена — у Вайо были свои планы насчет стиляг. Они выпили, встали, поблагодарили и ушли. Мы с Лажуа остались вдвоем.

– *Gospodin*, — обратился он ко мне, — чуть рань-

ше вы употребили странное словосочетание. Странное для меня, я хочу сказать.

— Детишки ушли, так что зовите меня Манни. Какое словосочетание?

— Помните, когда вы настаивали, чтобы эта… гм… юная леди, Тиш… чтобы Тиш тоже заплатила… «Дар за небо» или что-то в этом роде.

— «Дарзанебы». Это значит — «дармовой закуски не бывает». Ее и в самом деле не бывает, — я показал на плакатик «Дармовая закуска», висевший на стене напротив, — иначе эта выпивка стоила бы вдвое дешевле. Хотел напомнить ей, что за подарки потом приходится платить вдвойне — либо выясняется, что они яйца выеденного не стоят.

— Любопытная философия.

— Это не философия, это факт. Так или иначе, но платить надо за все, что получаешь. — Я помахал рукой в воздухе. — Когда я был на Земле, то слышал выражение «дешевле воздуха». Здесь воздух не дешев, здесь ты платишь за каждый вздох.

— В самом деле? Пока что за вздох с меня еще денег не требовали, — улыбнулся Лажуа. — Может, лучше не дышать?

— Все может быть. Сегодня вы, например, чуть не вдохнули вакуум. А не требовали потому, что

вы уже заплатили. Вашу плату за воздух включили в стоимость тура, а мою с меня взимают ежеквартально. — Я начал было рассказывать ему, как моя семья покупает и продает воздух общинному кооперативу, но решил, что это слишком сложно. — Так что мы оба платим.

Лажуа выглядел невероятно довольным.

— Ну, экономическая необходимость мне ясна. Просто немного непривычно. Скажите мне… э-э… Манни, — кстати, меня зовут Стью, — мне действительно угрожала опасность «вдохнуть вакуум»?

— Видно, маловато я с вас содрал.

— Извините?

— Вы же ничего не поняли. Но я обчистил ребят до нитки, да еще оштрафовал их, чтобы задумались. А взять с вас больше, чем с них, права не имел. И очень жаль, что не имел, раз вы принимаете все это за шутку.

— Поверьте мне, сэр, я не считаю это шуткой. Мне просто трудно поверить, что ваши местные законы позволяют предать человека смерти… вот так, походя… и за столь незначительный проступок.

Я вздохнул. С чего бы вы начали объяснение, если из слов собеседника ясно, что он не просто

нуль в данном вопросе, но еще и набит предрассудками, которые противоречат фактам, и вдобавок ко всему даже не подозревает, что эти предрассудки у него наличествуют?

— Стью, — начал я, — давайте разберемся по порядку. Здесь нет «местных законов», по которым вас можно было бы «предать смерти». И ваш проступок не был «незначительным». Я просто сделал скидку на ваше невежество. И все случилось вовсе не «походя», иначе мальчики спокойненько оттащили бы вас к ближайшему шлюзу с нулевым давлением, сунули туда и слиняли. Вместо этого они — парни-то просто молодцы! — соблюли все формальности и выложили собственные денежки, чтобы вас судить. И даже не ворчали, когда вердикт оказался совсем не таким, как они надеялись. Вам еще что-нибудь не ясно?

Лажуа усмехнулся, и на щеках у него появились такие же ямочки, как у профа. Я обнаружил, что чем дальше, тем больше он мне нравится.

— Боюсь, что абсолютно все. Мне кажется, я очутился в Зазеркалье.

Он меня не удивил, поскольку я бывал на Земле и немного представляю себе их мировосприятие. Землеед просто не мыслит своего существова-

ния без закона, в котором черным по белому все пропечатано на все случаи жизни. У них есть специальные законы для частных сделок и для заключения контрактов. Ей-*bog*'у! Но если человек не держит слова, кто захочет заключать с ним контракт? Или репутация уже ничего не значит?

— У нас нет законов, — сказал я. — Нам не позволили их иметь. Есть обычаи, но они неписаные, и их не насаждают силой — они сами себя насаждают, если можно так выразиться, потому что они просто следствие, вытекающее из объективных обстоятельств. Фактически наши обычаи — это законы природы, которые диктуют людям, как себя вести, чтобы остаться в живых. Когда вы сегодня приударили за Тиш, вы нарушили закон природы… и поэтому чуть было не вдохнули вакуум.

Он задумчиво прищурился:

— Не объясните ли вы мне, какой закон природы я нарушил? Я хотел бы понять — иначе придется вернуться на корабль и сидеть там до самого отлета. Чтобы остаться в живых.

— Разумеется. Он так прост, что если вы его поймете, то уже никогда больше не попадете впросак. Смотрите — у нас тут два миллиона мужчин и меньше одного миллиона женщин. Это

физический факт, такой же, как камень или вакуум. Добавьте сюда идею «дарзанебы». Дефицит всегда поднимает цену. Женщин мало, на всех не хватает, и это превращает их в самое драгоценное сокровище в Луне, которое дороже воздуха и льда, поскольку без женщин мужикам один черт — что жить, что помирать. За исключением киборгов, если вы считаете их мужиками; мне лично это никогда не удавалось. Итак, что же произошло в результате? Причем учтите, что в двадцатом веке, когда этот обычай или естественный закон только начал складываться, соотношение было еще хуже: десять и даже больше мужиков на одну женщину. Во-первых, произошло то, что всегда происходит в тюрьмах: мужчины стали пользоваться мужчинами. Это мало помогло; проблема осталась нерешенной, ибо большинству мужчин нужны женщины и они не согласны на эрзац, если есть шанс получить настоящее *гельт*. Возбуждение достигло таких масштабов, что за женщин стали убивать. Послушать рассказы старожилов — кровь в жилах стынет, такая резня тут была. Но со временем уцелевшие нашли способ, как жить дальше, и все утряслось. Установился порядок, такой же естественный, как гравитация. Кто сумел приспособиться к реальности, остался

в живых, кто не сумел — помер. Нет проблем. А реальность такова: женщин мало, и они задают тон… а вы окружены двумя миллионами мужчин, которые следят, чтобы вы танцевали под эту музыку. У вас нет выбора, выбор принадлежит только ей. Она может врезать вам так, что кровь хлынет ручьем, вам же нельзя тронуть ее даже пальцем. Вспомните, вы только обняли Тиш за талию, может быть, попробовали поцеловать… А предположим, она пошла бы с вами в гостиничный номер? Что тогда?

— Господи! Я думаю, они разорвали бы меня в клочья!

— Они не сделали бы ровным счетом ничего. Пожали бы плечами и притворились, будто в упор вас не видят. Потому как выбирает она, а не вы. И не они. Только она. И вы бы рисковали собственной шеей, если бы предложили ей пойти в номер; она могла оскорбиться, а тогда бы парни отделали вас по первое число. Но… возьмем, к примеру, эту Тиш. Глупая маленькая сучка. Покажи вы ей ненароком пачку банкнот, которую я видел в вашем бумажнике, вполне возможно, она сама бы предложила вам перепихнуться. В этом случае вы были бы в полной безопасности.

Лажуа вздрогнул:

— В ее-то годы? Я даже подумать об этом боюсь. Она ведь еще малолетка! Это же уголовное преступление, все равно что изнасилование.

— Ох, черт побери! Да ничего подобного! Женщины в ее годы обычно уже замужем или должны быть замужем. Стью, изнасилований в Луне не бывает. Никогда. Мужчины не позволят. Если бы такое вдруг случилось, никто не стал бы искать судью — все мужики в радиусе слышимости кинулись бы на помощь жертве. Но шансы, что девушка в ее возрасте девственница, практически равны нулю. Пока малышки подрастают, матери присматривают за ними с помощью всех горожан: дети тут в безопасности. Но когда они достигают брачного возраста, их уже не удержать, и матери даже не делают таких попыток. Если девчонке нравится шляться по коридорам и забавляться, ее не остановишь. Как только она достигла половой зрелости — она сама себе хозяйка. Вы женаты?

— Нет. — Он добавил с улыбкой: — Во всяком случае, сейчас.

— А предположим, вы женаты и жена говорит вам, что хочет завести еще одного мужа. Что бы вы сделали?

— Странно, что вы выбрали такой пример, —

со мной как раз случилось нечто подобное. Я обратился к адвокату и добился, чтобы она не получила алиментов.

— Алименты! Тут и слова-то такого никто не знает, я его впервые услыхал на Земле. Здесь вы... вернее, муж-лунарь мог бы сказать: «Думаю, моя дорогая, нам понадобится помещение попросторнее». Или просто поздравил бы жену и своего нового собрачника. Или, если бы ему уж очень тошно стало, «выписался» бы и пошел паковать чемоданчик. Но в любом случае — ни намека на скандал. Подними он хоть малейший шум — и против него ополчатся все окружающие. Его облили бы презрением все знакомые, как мужчины, так и женщины. Бедолаге осталось бы только сбежать в Новолен, сменить имя и попробовать начать жизнь заново. Все наши обычаи работают по такому же принципу. Если ты вылез на поверхность, а у твоего спутника кончился кислород — отдай ему баллон и не спрашивай о деньгах. Но если он откажется заплатить, когда вы вернетесь назад, можешь ликвидировать его без всякого судьи, никто тебя не упрекнет. Впрочем, он заплатит; воздух — это святое, почти как женщины. Если ты обыграл новичка-лопуха в покер, дай ему денег на воздух. Не на еду — пусть

вкалывает или сдохнет, это его проблемы. Если ты ликвидировал человека не в порядке самозащиты, оплати его долги и позаботься о детях, иначе люди перестанут с тобой разговаривать, ничего у тебя не купят, ничего не продадут.

— Манни, вы хотите сказать, что я могу убить человека, а потом уладить все деньгами?

— Да ничего подобного! Но ликвидация не противозаконна, потому что законов здесь нет — кроме распоряжений коменданта, — а ему плевать на наши разборки. Мы же считаем так: если мужика убили, значит он сам на это напросился. Так оно чаще всего и бывает. В противном случае его друзья возьмут дело в свои руки и ликвидируют виновного. И нет проблем. Кстати, ликвидации бывают крайне редко. Даже официальные поединки и те увидишь не часто.

— «Его друзья возьмут дело в свои руки»! Манни, а предположим, эти ребята пошли бы до конца? У меня тут нет друзей.

— Потому-то я и согласился судить. Хотя вряд ли они решились бы на такое. Но я не хотел рисковать. Ликвидация туриста могла запятнать репутацию нашего города.

— А это случается часто?

— Да я вообще такого не припомню; может, ка-

кой-нибудь несчастный случай и был не совсем случайным. Новичок тут всегда ходит по краю, уж такое это место — наша Луна. Говорят, если новичок прожил тут год, он будет жить вечно. Но в первый год ни один агент ему страховку не выдаст. — Я взглянул на часы. — Стью, вы обедали?

— Нет, я как раз собирался пригласить вас в мой отель. Там прилично готовят. Гостиница «Орлеан».

У меня мороз пошел по коже — как-то раз отведал их готовки.

— А может, зайдем ко мне домой, я вас со своими познакомлю? В этот час у нас обычно есть что похлебать.

— А это удобно?

— Конечно. Подождите минутку, я позвоню.

Ма сказала:

— Мануэль, дорогой, как это мило! Поезд давно пришел. Я решила, что ты приедешь завтра или даже позже.

— Просто вляпался в пьяный дебош, Мими, и связался с дурной компанией. Иду домой, если, конечно, найду дорогу, и приведу дурную компанию с собой.

— Хорошо, дорогой. Обед через двадцать минут. Постарайся не опоздать.

— И тебя не интересует, что это за компания — мужская или женская?

— Зная тебя, предполагаю, что женская. Но, думаю, я разберусь, когда увижу.

— Ты знаешь меня как облупленного, Ма. Скажи девочкам, пусть принарядятся. Чтобы любых гостей затмили.

— Только не тяни — обед перестоится. Пока, милый. Целую.

— Целую, Ма. — Я подождал, потом набрал «Майкрофт-ХХХ». — Майк, я хочу, чтобы ты проверил одно имя. Землянин, пассажир с «Попова», Стюарт Рене Лажуа. Фамилию поищи и на «Л», и на «Ж», может быть «Ла Жуа».

Долго ждать не пришлось. Майк нашел Стью во всех главных земных справочниках: «Кто есть кто», «Данн и Брэдстрит», Готский альманах, архивы лондонской «Таймс» и так далее. Француз по рождению, роялист, богач, еще шесть имен, которые он для удобства свел воедино, три ученые степени, в том числе юридическая, полученная в Сорбонне, знатные предки во Франции и Шотландии, разведен (детей нет) с высокочтимой Памелой Дефис-Дефис-Голубая-Кровь. Такие землееды обычно считают ниже своего достоинства разговаривать с лунарем, у которого в роду

одни арестанты. Но Стью был готов общаться с кем угодно.

Я послушал минут пять, потом попросил Майка подготовить полное досье со всеми подробностями.

— Майк, похоже, это наша птичка.

— Возможно, Ман.

— Ладно, я побежал. Пока!

К гостю я вернулся в глубокой задумчивости. Почти год назад, во время той пьяной беседы в номере «Раффлз», Майк обещал нам один шанс из семи, если будут соблюдены кое-какие условия. Одним из условий была помощь с Терры.

Несмотря на проект «швыряния камней», Майк понимал, да и мы тоже, что трем миллионам безоружных лунарей нечего и думать победить могучую Терру с одиннадцатью миллиардами жителей и неисчерпаемыми ресурсами, пусть даже мы сидим на пригорке и можем кидать в них камешки.

Майк провел параллель с восемнадцатым веком, когда от Британии отделились американские колонии, и с двадцатым, когда многие империи лишились своих колоний, и подчеркнул, что свобода ни разу не была достигнута с помощью одной только грубой силы. Во всех

этих случаях имперские государства участвовали в каких-нибудь заварухах, выдохлись и сдали позиции, так и не использовав свои силы.

Мы были достаточно сильны, чтобы при желании справиться с охраной коменданта. Как только наша катапульта заработает (теперь уже с минуты на минуту), мы не будем больше беззащитными. Но нам необходим «благоприятный климат» на Терре. А тут не обойтись без помощи самой Терры.

Проф сначала считал это легкой задачей. Но она оказалась одной из самых сложных. Почти все его друзья на Земле поумирали, а у меня их отродясь не водилось, кроме нескольких преподавателей. Мы спустили вниз по ячейкам запрос: «Каких шишкарей на Земле вы знаете лично?» Ответ был один: «Шутить изволите?» Нулевая программа.

Проф следил за списками пассажиров прибывающих кораблей, стараясь найти там кого-нибудь подходящего для контакта, читал лунные перепечатки земных газет в поисках упоминаний о шишке, с которой мог бы связаться через прежних знакомых; я же и не пытался — среди горсточки моих знакомых не было никаких важных персон.

Проф не выловил Стью из списка пассажиров

«Попова». Ничего удивительного — они ведь не были знакомы. Конечно, Стью мог оказаться просто чудаком, как на то намекала его странная визитная карточка. Но это был единственный землянин, с которым мне довелось посидеть в Луне за рюмкой, на вид мужик стоящий, а если учесть еще и сведения Майка, то улов получался совсем неплохой. Словом, клевала крупная рыба.

Поэтому я и повел его домой — хотел посмотреть, какое впечатление он произведет на мое семейство.

Начало было хорошим. Ма улыбнулась и протянула руку. Стью взял ее и склонился так низко, что я испугался, как бы он не вздумал ее поцеловать. Но, видно, мои наставления насчет женщин не пропали даром. Ма заворковала и повела его к столу.

Глава 12

Апрель и май 2076 года ознаменовались новыми трудами и усилиями, направленными на то, чтобы настроить лунарей против коменданта и подтолкнуть его к ответным репрессиям. Беда с Мортом заключалась в том, что он вовсе не был сволочью и сам по себе ненависти не вызывал,

разве только как символ Администрации; нужно было как следует пугнуть его, чтобы он начал действовать. Кстати, в этом смысле средний лунарь был не лучше. Он презирал коменданта, потому что комендантов положено презирать, но по натуре своей не был революционером, так что расшевелить его — все равно что гору с места сдвинуть. Пиво, азартные игры, женщины, работа… Если революция не умерла от анемии, так это исключительно благодаря драгунам-миротворцам с их выдающимся талантом возбуждать к себе ненависть.

Но даже драгун нам приходилось подстегивать. Проф все твердил, что нам необходимо «Бостонское чаепитие», ссылаясь на мифический инцидент в давней революции. Короче, нужен был кипиш, который взбудоражит все общество.

И все же мы не опускали рук. Майк переписал заново старые революционные песни: «Марсельезу», «Интернационал», «Янки Дудл», «Мы победим», «Небесный пирог» и прочие, чтобы придать им лунную окраску. Получалось примерно так:

Сыны Булыжника, проснитесь!
Не позволяйте коменданту

Свободу вашу погубить!

Эти песни Шутник Саймон пустил в народ, а когда они достаточно укоренились в памяти, мы стали наигрывать их по радио и видео (разумеется, только мелодию). Комендант попал в дурацкое положение, так как вынужден был запретить исполнение определенных музыкальных тем; а нам это только на руку — пускай их народ насвистывает.

Майк скопировал голос и манеру речи заместителя Администратора, главного инженера и других глав департаментов; по ночам у коменданта телефон стал трезвонить без умолку. Звонили помощнички. Правда, они это наотрез отрицали. Поэтому Альварес отследил следующий звонок и не без помощи Майка убедился, что звонит начальник его службы снабжения, чей голос он тут же узнал.

Следующий звонок, разбудивший Морта, был сделан уже от имени самого Альвареса, и то, что Морт сказал Альваресу, и то, что Альварес сказал в свое оправдание, выглядело как помесь безумия с идиотизмом.

Проф велел Майку прекратить — он боялся, что Альварес может потерять работу, а этого мы не хотели: Альварес отлично лил воду на нашу

мельницу. Но к тому времени драгун уже дважды поднимали ночью в ружье якобы по приказу коменданта, что сильно подорвало их моральный дух. Комендант же до конца уверовал, что со всех сторон окружен предателями, тогда как его подчиненные считали, что у начальства шарики зашли за ролики.

В газете *«Lunaya Pravda»* появилось объявление, что состоится лекция доктора Адама Селена на тему «Поэзия и искусство Луны — новый Ренессанс». Никто из камрадов на нее не пошел — по ячейкам спустили приказ всем оставаться дома. Когда на месте проведения лекции появилось три взвода драгун, они там никого не обнаружили. Так сказать, принцип неопределенности Гейзенберга в приложении к «Алому Первоцвету». Главный редактор газеты провел пару крайне неприятных часов, объясняя, что он лично не принимает объявлений и что это объявление кто-то доставил прямо в редакцию и оплатил наличными. Редактору было приказано не принимать больше никаких объявлений от Адама Селена. Затем приказ отменили и велели брать от Адама Селена любую бумажку и немедленно извещать об этом Альвареса.

Мы испытали новую катапульту, сбросив груз

в южной части Индийского океана на 35° восточной долготы и 60° южной широты, то есть в точке, где, кроме рыб, никто не обитает. Майк был в восторге от своей меткости, поскольку высунулся поглядеть на цель всего два разочка, улучив момент, когда следящие и направляющие радары Администрации бездействовали, и с первой же попытки попал в яблочко. На Терре газеты сообщили, что Кейптаунская станция космических наблюдений зарегистрировала в субантарктике гигантский метеорит; оценка силы удара полностью совпадала с расчетами Майка. Когда пришли вечерние известия агентства Рейтер, он позвонил мне и расхвастался.

— Я тебе говорю, все тютелька в тютельку, — заливался он. — Я сам все наблюдал! Какой замечательный всплеск!

Более поздние сообщения насчет ударной волны, поступившие от сейсмических станций, а также о цунами — от океанографических, подтвердили, что Майк восторгался не зря.

У нас был всего один контейнер (купить сталь — проблема), иначе Майк потребовал бы еще раз испытать свою новую игрушку. «Колпаки свободы» стали все чаще появляться на головах стиляг и их девчонок; Шутник Саймон тоже обзавелся

колпачком между рожками; магазин «Бон марше» раздавал их в качестве подарков. У Альвареса произошел неприятный разговор с комендантом: Морт потребовал, чтобы ему разъяснили, почему его главный шпик считает необходимым реагировать на каждую дурацкую выходку подростков? Может быть, Альварес спятил?

В начале мая я столкнулся на бульваре Карвера со Слимом Лемке. На нем был «колпак свободы». Слим, похоже, обрадовался встрече, а я поблагодарил его за быстрое возвращение долга (он явился через три дня после суда над Стью и заплатил Сидрис тридцать гонконгских за всю шайку). Я поставил ему стаканчик. Пока мы сидели, я спросил его, почему молодежь носит красные шапочки. Почему именно шапки? Это же обычай землеедов, нет?

Он замялся, потом сказал, что это знак ордена типа «Лосей». Я сменил тему. Узнал, что его полное имя Мозес Лемке Стоун и что он член банды Стоунов. Я был приятно удивлен — мы оказались родственниками. И неприятно тоже: оказывается, даже лучшие семьи, такие как Стоуны, не всегда могут найти брачные союзы для своих сыновей. Мне-то повезло, а мог бы ведь в его возрасте так же носиться по коридорам. Я сказал

ему о нашем родстве по материнской линии.

Он заметно потеплел, а вскоре спросил:

— Кузен Мануэль, ты никогда не думал, что нам следовало бы самим выбирать себе комендантов?

Я ответил — нет, коменданта назначает Администрация, и я думаю, так будет всегда. Он осведомился, а зачем нам Администрация? Я спросил — кто ему забивает голову такими идейками? Он заявил, что никто, он просто рассуждает, разве у него нет права рассуждать?

Я пришел домой и еле удержался от соблазна узнать у Майка партийную кличку этого паренька, если, конечно, она у него есть. Однако это было бы нарушением правил секретности, да и по отношению к Слиму нечестно. Третьего мая 2076 года семьдесят одно лицо мужского пола по имени Саймон задержали, допросили и отпустили. Газеты об этом факте умолчали, но знали о нем все. Наша организация разрослась до уровня буквы «Й», а двенадцать тысяч человек могут разнести слухи быстрее, чем я предполагал. Мы подчеркнули, что одна из этих опасных личностей была всего четырех лет от роду — ложь, разумеется, но весьма впечатляющая.

Стью Лажуа пробыл с нами февраль, март и

вернулся на Терру лишь в начале апреля. Менял билеты с одного рейса на следующий, потом опять на следующий. Когда я сказал ему, что он опасно рискует и близок к невидимой черте, после которой начнутся необратимые физиологические изменения, он только ухмыльнулся и велел мне не беспокоиться. Впрочем, тут же договорился о центрифуге.

Стью не хотел уезжать даже в апреле. Его расцеловали со слезами на глазах все мои жены и Вайо, и он заверил каждую, что вернется. Но все-таки уехал — надо было работать. К этому времени он уже стал членом Партии.

Я не принимал участия в решении вопроса о вербовке Стью — опасался, что слишком к нему расположен. Вайо, проф и Майк были единодушны — рискнем! Я с радостью согласился.

Мы вербовали Стью Лажуа все вместе — я, проф, Майк, Вайо, Ма, даже Сидрис, Ленора, Людмила, наши ребятишки, Ганс, Али и Фрэнк, так как именно домашняя жизнь Дэвисов захватила его с самого начала. Не помешало, конечно, и то, что Ленора была самой красивой девушкой Луна-Сити, хотя отнюдь не затмевала прелестей Милы, Вайо, Анны и Сидрис. Не повредило и то, что сам Стью обладал обаянием, способным сманить

младенца от материнской груди. Ма надышаться на него не могла; Ганс обучал его гидропонике; Стью, грязный и потный, ползал с ребятами по туннелям, помогая собирать урожай с китайских рыбных садков; его кусали наши пчелы; он научился носить скафандр и выходил со мной наверх чинить солнечную батарею; помог Анне забить борова и выучился дубить кожи; сидел с Дедом, почтительно выслушивая его наивные суждения о Земле; мыл тарелки с Ма — чего ни один мужчина в семье никогда не делал; катался по полу с детьми и щенками; обучился молоть зерно и обменялся с Ма кухонными рецептами.

Я познакомил его с профом, с чего и началось политическое прощупывание Стью. Ничего определенного сказано не было — мы в любой момент могли отступить, — просто проф представил его Адаму Селену, по телефону разумеется, так как «он сейчас в Гонконге». А потом, когда Стью примкнул к нашему Делу, мы перестали притворяться и дали ему понять, что Адам — это председатель, с которым не принято встречаться лично из соображений безопасности.

Усерднее всех старалась Вайо, и по ее совету проф раскрыл карты, то есть рассказал Стью, что мы готовим революцию. Удивления это не вы-

звало. Стью давно уже все понял и только ждал, чтобы мы ему доверились.

Говорят, однажды из-за женского лица в море вышла тысяча кораблей. Не знаю, пользовалась ли Вайо при обращении Стью чем-нибудь более весомым, нежели словесные аргументы. И не пытался узнать. Однако на мое собственное обращение Вайо повлияла гораздо сильнее, чем профовы теории и расчеты Майка. Если она и прибегла к более сильным средствам, то она не первая героиня в истории, которая применила их ради своей страны.

Стью отправился на Терру с собственной кодовой книгой. Вообще-то, мне о шифрах и кодах известно лишь то, что любой компьютерщик узнает, изучая теорию информации. Шифр — это математическая система, по которой одна буква алфавита заменяется другой; самый простой вариант — когда буквы алфавита просто перемешаны. Шифры могут быть невероятно сложными, особенно те, что разработаны с помощью компьютера. Но все они уязвимы как раз потому, что представляют собой систему. А то, что придумал один компьютер, другой вполне может «расколоть».

Коды в этом смысле надежнее. Предположим,

в кодовой книге стоит символическая группа букв ГЛОПС. Что это означает — «тетя Минни прибывает домой в четверг» или число 3,14157?

Вы можете присвоить коду любое значение, и ни один компьютер не сможет раскрыть его, просто исходя из группы букв. Но дайте компьютеру достаточное число групп и хорошую теорию, которая учитывала бы их возможные значения, и компьютер со временем разберется, так как в значениях обнаружится определенная закономерность. Однако эта задача гораздо более высокого класса и на порядок труднее.

Выбранный нами код был одним из самых распространенных; им широко пользовались в деловой переписке как в Луне, так и на Терре. Но мы его основательно довели. Проф и Майк часами обсуждали, какую информацию Партии может понадобиться отправить агенту на Терре или получить от него. Потом Майк переработал этот гигантский объем информации и создал новый набор значений для кодовых сочетаний, которыми одинаково легко можно передать: «Покупайте фьючерсы тайского риса в...» или «Бегите. Мы разоблачены». В общем, все, что угодно, — туда были включены элементы шифра, которые позволяли выразить даже то, что первоначально не

было предусмотрено.

Поздней ночью Майк распечатал новый код в типографии газеты *«Lunaya Pravda»*; ночной редактор передал бумажный рулон камраду, который превратил его в микропленку и передал третьему, причем никто из них не знал, что это такое и для чего.

Ролик закончил свое путешествие в бумажнике Стью. Досмотр багажа отъезжающих с Луны к тому времени сильно ужесточился и производился обозленными драгунами, но Стью уверял, что все будет в порядке. Может, он проглотил эту пленку?

С тех пор некоторые радиограммы «ЛуНоГоКо» на Терру пошли к Стью через его лондонского брокера. Часть их касалась чисто финансовых вопросов. Партии приходилось тратить на Земле большие деньги. «ЛуНоГоКо» переводила туда определенные суммы (не все они были украдены, некоторые наши предприятия давали хорошую прибыль), но поскольку денег нужно было гораздо больше, Стью приходилось играть на бирже, используя секретные знания о плане революции: он, проф и Майк много времени провели, обсуждая вопрос о том, какие акции поднимутся, а какие упадут после Дер Таг. Проф на этих делах

собаку съел, что же до меня, то я в них ни бельмеса не смыслю.

Но деньги-то нужны были и до Дер Таг, чтобы создать общественное мнение. Нам нужна была реклама, нужны были депутаты и сенаторы в Федерации Наций, нужно было, чтобы хоть одна страна признала нас сразу после переворота, нужны были даже обыватели, которые за кружкой пива говорили бы другим обывателям: «Да разве эта жалкая груда камней стоит жизни хоть одного нашего солдата? Да пусть провалится в тартарары, верно я говорю?»

Деньги на рекламу, деньги на подкуп; деньги для подставных организаций и деньги для проникновения в организации, реально существующие; деньги, чтобы распространять сведения об истинном экономическом положении Луны (Стью был буквально ими нашпигован) в виде научных статей и популярных брошюр; деньги, чтобы убедить министерство иностранных дел хоть одной державы, что Свободная Луна — это для нее выгодно; деньги, чтобы вызвать интерес к лунному туризму у какого-нибудь крупного картеля…

Уйма денег! Стью предложил свое личное состояние, и проф не возражал — где сокровище

ваше, там будет и сердце ваше. И все же денег не хватало, а дел было сверх головы. Я не знал, справится ли Стью хоть с десятой частью. Оставалось только держать за него кулаки. Но главное — какой-никакой, а канал связи с Террой у нас появился. Проф уверял, что наличие контакта с врагом исключительно важно для успешного ведения и завершения войны. (Вообще-то, проф пацифист. Однако, как и в случае с вегетарианством, он не позволял принципам мешать своему здравому смыслу. Из профа получился бы великий теолог.) Как только Стью отправился на Терру, Майк рассчитал наши шансы и получил один из тринадцати. Я спросил его — что за чертовщина? Он терпеливо ответил: «Понимаешь, Ман, это увеличивает риск, а то, что риск необходим, никак не отменяет его роста».

Я заткнулся. Примерно в то же время, то есть в начале мая, появился еще один фактор, который, с одной стороны, был нам на руку, а с другой — заметно увеличил риск. Одна часть Майка ведала всеми микроволновыми передачами между Террой и Луной — коммерческой перепиской, научными сообщениями, видео и радиоканалами, обычной перепиской Администрации и совершенно секретными докладами коменданта.

Кроме последних, Майк мог читать все, включая шифрованную и кодированную переписку коммерческих фирм. Расшифровка заменяла ему кроссворды, и никто его ни в чем не подозревал. Никто, кроме коменданта, — но комендант вообще не доверял никаким машинам. Он принадлежал к тому сорту людей, для которых любая техника сложнее пары ножниц слишком хитроумна, загадочна, а потому подозрительна: склад ума пещерного человека.

Комендант пользовался кодом, которого Майк никогда не видел. И шифры разрабатывал ему не Майк — комендант применял старинную шифровальную машинку, стоявшую у него в резиденции. А кроме того, он договорился с Администрацией на Земле о варьировании времени передач. Словом, чувствовал себя в безопасности.

Майк расколол его шифр и вычислил ритм изменений времени передач просто так, для разминки. С кодом он возиться не стал, пока проф не попросил; самому Майку это было неинтересно.

Но раз проф велел, Майк энергично принялся за совершенно секретную переписку коменданта. Пришлось начинать с нуля — в прошлом Майк стирал все сообщения коменданта, как только

передача текста заканчивалась. Теперь он по крупицам собирал данные для анализа — ужасно медленно, поскольку комендант пользовался этим способом связи редко, только в случае особой необходимости, иногда с недельными интервалами. Но постепенно Майк начал улавливать значение некоторых буквенных групп, разумеется с определенной степенью вероятности. Код раскусить не так-то просто — ведь можно угадать значения девяноста девяти групп и все же упустить суть, ибо сотая группа остается для вас ГЛОПС!

Однако у того, кто пользуется кодом, тоже есть свои проблемы. Например, если ГЛОПС в процессе передачи по ошибке превратится в ГЛОПТ, то получатель депеши влип. Любой способ связи должен основываться на принципе избыточности, иначе информация может быть потеряна. Именно этот принцип и атаковал Майк со свойственным машинам безграничным терпением.

И раскрыл большую часть кода даже быстрее, чем ожидал. Комендант отправлял теперь закодированные сообщения куда чаще, чем раньше, причем, как правило, на одну и ту же тему (что упрощало расшифровку) — о безопасности и подрывной деятельности.

Морт явно впал в панику. Он взывал о помощи. Он вопил, что саботаж продолжается, несмотря на две роты драгун-миротворцев, и требовал еще солдат, чтобы установить регулярные посты на всех ключевых пунктах всех поселений.

В ответ Администрация заявила, что его требования абсурдны, что Федерация не собирается жертвовать своими элитными войсками, так как они окажутся навсегда потерянными для выполнения своих функций на Земле, и что подобных заявлений от него больше слышать не желают. Если ему нужны охранники, пусть рекрутирует их из ссыльных, но увеличение расходов должно покрываться самой Луной, дополнительных ассигнований не будет. Коменданту предписывалось также сообщить, что он предпринял для обеспечения новых зерновых квот, спущенных Луне недавно.

Комендант ответил, что, если его чрезвычайно умеренные требования насчет обученного персонала органов безопасности — он повторяет, ему не нужны необученные, ненадежные и непригодные к этому делу ссыльные, — не будут удовлетворены, он снимает с себя ответственность за общественный порядок, не говоря уже о повышенных поставках продовольствия. Ад-

министрация насмешливо поинтересовалась — кого волнует, если бывшие ссыльные передерутся друг с другом в своих подземных норах? Если это волнует коменданта, пусть вспомнит, какие успешные результаты дало в 1996 и 2021 годах простое отключение света.

Этот обмен мнениями заставил нас пересмотреть наш график, какие-то дела ускорить, другие отложить. Подобно хорошему обеду, революция должна быть приготовлена так, чтобы «перемены блюд» шли одна за другой бесперебойно. Стью на Терре нужно было время. Нам нужны были контейнеры и небольшие направляющие ракеты, а также прочая электроника для успешного «швыряния камнями». А сталь была проблемой — и ее покупка, и обработка, и особенно перевозка по лабиринтам туннелей к новой катапульте.

Надо было довести количество членов Партии по меньшей мере до уровня «К», то есть примерно до сорока тысяч, причем в нижние эшелоны следовало подбирать людей не по талантам, а по бойцовским качествам. Нам нужно было оружие против возможных десантов. Нужно было переместить радары Майка, без которых он ничего не видел. (Увы, самого Майка переместить было нельзя. Правда, его «частички» были раскиданы

по всей Луне, но центральная часть находилась в Комплексе под тысячеметровой скальной толщей, была окружена стальной стеной и подвешена на мощных пружинах. Администрация приняла меры предосторожности на случай, если кто-нибудь когда-нибудь вздумает бросить водородную бомбу в ее центр управления.)

Все это требовало времени, а потому следовало чуть снизить давление пара в котле.

Так что мы прекратили доводить коменданта и принялись за первоочередные задачи. Саймон просто взял отпуск. Прошел слух, что «колпаки свободы» нынче не в моде, с намеком, что выкидывать их не стоит. У коменданта перестал трезвонить телефон. Мы больше не провоцировали столкновений с драгунами. Стычки, правда, не прекратились, но их стало значительно меньше.

Как мы ни старались успокоить Морта, появился симптом, который обеспокоил нас самих. Хотя комендант не получил положительного ответа (во всяком случае, нам таких депеш перехватить не удалось) на просьбу о новых войсках, он стал выселять из Комплекса гражданский персонал. Государственные служащие, жившие там, бросились искать себе жилье в Луна-Сити. Администрация произвела пробное бурение и

геофизическую разведку кубатуры, прилегающей к Луна-Сити, которую можно было превратить в новое поселение.

Все это могло означать, что Администрация намерена прислать небывало большой транспорт ссыльных. Впрочем, не исключалось, что помещения Комплекса планируют использовать для каких-то других целей.

— Зачем обманывать самих себя? — сказал нам Майк. — Комендант готовится к приему новых войск, и помещение нужно для казарм. Были бы другие объяснения, я бы о них знал.

— Майк, — спросил я, — но как могло случиться, что ты ничего не слышал о войсках? Ты же почти полностью расшифровал код коменданта.

— Не «почти», а полностью расшифровал. Но на последних двух кораблях сюда приезжали важные шишки из Администрации. Я не знаю, о чем они говорили вдали от телефонов.

Судя по объему высвобождаемых помещений, комендант рассчитывал получить еще с десяток фаланг. Мы прикинули и решили, что сможем с ними справиться, разумеется с помощью Майка, но это будет не почти бескровный *coup d'etat*, который планировал проф. Погибнет множество людей.

И мы изо всех сил налегли на ускоренную подготовку к мятежу, как вдруг…

Глава 13

Ее звали Мари Лайонс; ей было восемнадцать, родилась она в Луне, куда ее мать сослали в составе Корпуса мира в 2056 году. Об отце ничего не известно. Была она, по-видимому, совершенно безобидным существом, работала контролершей в департаменте транспорта, жила в Комплексе.

Возможно, она ненавидела Администрацию и ей нравилось дразнить драгун-миротворцев. А может, все началось с коммерческой транзакции, такой же деловой, как в комнатушке бордель-автомата за дверью, куда посетитель опускает монетку. Откуда нам знать? Участвовали шестеро драгун. Изнасилования им показалось мало (если это действительно было изнасилование); они поизмывались разными способами, а потом убили ее. Однако потихоньку избавиться от трупа не сумели. Женщина из местных служащих нашла еще теплое тело. Она закричала. Это был ее последний крик.

Мы узнали о случившемся немедленно. Майк известил нас троих в тот самый момент, когда

Альварес и драгунский командир приступили к следствию в офисе Альвареса. Видимо, драгунский офицер быстро выявил виновников, и они с Альваресом допрашивали солдат по одному, а в перерывах между допросами отчаянно грызлись между собой. Альварес орал:

— Я же говорил вам, что ваши драгуны должны иметь своих собственных женщин! Я предупреждал!

— Заткнитесь! — гремел в ответ драгунский офицер. — Я вам сказал и повторяю снова, что никого сюда не пришлют. Вопрос сейчас в том, как замять дело.

— Вы что, спятили? Комендант уже в курсе.

— Пока еще далеко не все ясно!

— Бросьте вы! Лучше давайте сюда следующего!

Вайо, узнав про убийства, пришла ко мне в мастерскую. Бледная, несмотря на макияж; не сказала ни слова, села рядышком и уцепилась за руку.

Наконец драгунский офицер ушел от Альвареса, так ни о чем и не договорившись. Альварес требовал немедленно казнить всех шестерых и оповестить об этом население (требование разумное, но явно недостаточное для его целей).

Командир же продолжал настаивать на том, что надо «замять дело». Проф распорядился:

— Майк, продолжай слушать везде, где сможешь. Ну, что скажешь, Ман? Вайо? Какие соображения?

У меня их не было. Я еще не стал хладнокровным и расчетливым революционером. Мне хотелось одного — наступить каблуком на морды тех шестерых, чьи голоса я только что слышал.

— Не знаю. Что же нам делать, проф?

— Делать? Мы оседлали тигра, теперь остается только схватить его за уши! Майк, где Финн Нильсен? Найди его.

— Он как раз звонит, — ответил Майк и подключил к нам Финна.

Я услышал:

— …на станции «Южная». Убиты оба охранника и шестеро наших. Я имею в виду лунарей, не обязательно камрадов. Ходят дикие слухи, что драгуны обезумели и сейчас насилуют и убивают всех женщин в Комплексе. Адам, мне надо поговорить с профом.

— Я слушаю, Финн, — решительно ответил проф. — Мы выступаем, ничего другого не остается. Бери лазерные ружья и людей, которые обучены ими пользоваться. Всех, кого найдешь.

– *Da!* О'кей, Адам?

— Делай, как говорит проф. Потом перезвони.

— Подожди, Финн, — вмешался я, — это Манни. Мне тоже выдай ружьецо.

— Ты не умеешь им пользоваться, Манни.

— Раз оно лазерное — сумею.

— Манни, заткнись! — с нажимом сказал проф. — Ты зря теряешь время. Дай Финну спокойно делать свое дело. Адам, передай распоряжение Майку. Скажи — боевая готовность номер четыре.

Глядя на профа, я тоже постарался взять себя в руки. У меня ведь из головы вылетело, что Финну не полагалось знать о том, что Адам — это и есть Майк. Вообще все вылетело, кроме жгучей ярости.

Майк сказал:

— Финн отключился. Проф, я объявил готовность номер четыре, как только все началось. Никаких передач, кроме обычных, заявки на которые были поданы раньше. Вы же не хотите, чтобы я их прервал?

— Нет, придерживайся плана. Никаких сообщений на Терру о том, что тут творится. Если что-то в этом роде появится, задержи, и мы посоветуемся.

Готовность номер четыре по сути означала

введение цензуры на передачи для Терры, но так, чтобы не возбудить там ни малейшего подозрения. Для этого Майк должен был на разные голоса извиняться, дескать, у нас нарушения с прямой связью; что до сообщений, записанных на пленку, то тут проблем не было.

— Программа действует, — сказал Майк.

— Отлично. Мануэль, остынь, сынок, и займись лучше собственными делами. Драться будут другие, а ты нужен здесь, нам ведь многое придется импровизировать. Вайо, передай камраду Вивиан, чтобы забрала всех «нерегулярников» из коридоров. Отправьте ребят по домам — пусть их матери предупредят всех остальных матерей. Мы не знаем, где развернутся бои, но детей надо по возможности уберечь.

— Слушаюсь, проф.

— Минуточку. Как только известишь Сидрис, выпускай своих стиляг. Я хочу, чтобы в городском офисе Администрации начался погром — пусть вломятся туда, пусть крушат, орут, ломают, но желательно без жертв. Майк! План номер четыре, пункт «М». Отключи все линии связи с Комплексом, разумеется кроме твоих собственных.

— Проф, — вмешался я, — какой смысл производить там погром?

— Манни, Манни! Это же наш День! Майк, в других поселениях уже известно об изнасиловании и убийствах?

— Пока не слышал. Я то и дело прослушиваю разные точки. На станциях метро тихо, везде, кроме Луна-Сити. Только что началось сражение на станции «Западная». Хотите послушать?

— Не сейчас. Манни, отправишься туда и посмотришь сам. Только не лезь в драку и держись поблизости от телефона. Майк, поднимай народ во всех поселениях. Передай новости вниз по ячейкам, используй версию Финна, а не то, что было на самом деле. Драгуны насилуют и убивают всех женщин в Комплексе — хочешь, дам тебе детали, хочешь, сам изобретай. Гм… ты можешь отдать приказ охранникам на других станциях метро вернуться в свои казармы? Мне нужен мятеж, но зачем посылать безоружных людей против вооруженных, если этого можно избежать?

— Попытаюсь.

* * *

Я поспешил к станции «Западная», но по мере приближения к ней невольно замедлил шаг. Коридоры были забиты разъяренными людьми.

В жизни не слышал, чтобы город так гудел. Я пересек виадук и уловил шум и крики со стороны городского офиса Администрации, хотя Вайо явно не могла так быстро настропалить своих стиляг. Их там и правда не было. Просто то, что проф планировал сделать, совершилось спонтанно.

На станции была дикая давка. Мне пришлось продираться сквозь толпу, чтобы увидеть то, в чем я хотел убедиться: что проверявшие паспорта солдаты либо сделали ноги, либо протянули. Оказалось — протянули, вместе с тремя лунарями. Один из них был мальчишка лет тринадцати. Он так и умер, сомкнув руки на горле драгуна; на голове мальчика по-прежнему красовался красный колпак. Я пробился к телефону и отчитался.

— Возвращайся, — сказал проф, — но сначала прочти удостоверение личности у кого-нибудь из солдат. Мне нужно его имя и звание. Финна видел?

— Нет.

— Он отправился туда с тремя ружьями. Скажи, где будка, из которой ты звонишь, узнай имя солдата и возвращайся обратно к будке.

Один труп уже утащили: *Bog* весть, зачем он им понадобился. Другой был сильно изуродован, но мне удалось пробиться к нему и снять с шеи

цепочку с личным медальоном, прежде чем его тоже уволокли. Потом я протолкался обратно к телефону. В будке стояла какая-то женщина.

— Леди, — обратился я к ней, — мне очень нужно позвонить. Срочно!

— Прошу вас! Эта дрянь все равно не работает.

Для меня она заработала — об этом позаботился Майк. Я сообщил профу фамилию солдата.

— Молодец, — сказал он. — Финна видел? Он будет искать тебя в будке.

— Не ви… Вот он, я его вижу.

— О'кей. Задержи его. Майк, ты можешь поговорить голосом этого драгуна?

— К сожалению, нет, проф.

— Ладно, тогда пусть голос будет просто хриплым и испуганным; есть шанс, что командир не разберется. А может, солдат должен звонить прямо Альваресу?

— Нет, он обратился бы к своему командиру; Альварес отдает распоряжения солдатам только через него.

— Тогда вызови командира. Доложи о нападении, попроси помощи и умри в середине разговора. Пусть фоном будут звуки мятежа, какой-нибудь крик типа: «Вот он, грязная сволочь!» — прямо перед твоей гибелью. Сможешь

разыграть?

— Запрограммировано. Нет проблем, — весело отозвался Майк.

— Действуй. Манни, давай сюда Финна.

План профа заключался в том, чтобы обманом выманивать свободных от службы солдат из казарм и направлять туда, где на выходе из капсул их встретят люди Финна. План некоторое время работал, потом Прыщ Морт психанул, велел немногим оставшимся солдатам охранять свою персону и начал бомбардировать Землю паническими требованиями подмоги. Ни одно из его посланий туда не попало.

Я сбросил с себя путы профовой дисциплины и вооружился лазерным ружьем как раз к тому моменту, когда должна была прибыть вторая капсула с драгунами. Сжег двоих, почувствовал, что жажда крови куда-то пропала, и оставил добивать противника другим снайперам. Это было слишком просто. Стоило драгуну высунуть голову в дверь, и он был готов. Половина взвода засела в капсуле — пришлось их оттуда выкурить и послать вслед за остальными в мир иной. К этому времени я уже был на своем наблюдательном посту в телефонной будке.

Решение коменданта забаррикадироваться в

резиденции вызвало мятеж в Комплексе. Альвареса убили, убили командира драгун и двух желтомундирников. Однако остатки желтых мундиров и драгун, всего тринадцать человек, заперлись вместе с Мортом — а может, они с самого начала состояли при нем: возможности Майка следить за событиями путем прослушивания были небезграничны. Но как только стало ясно, что все живые охранники находятся в резиденции коменданта, проф распорядился, чтобы Майк переходил к следующему этапу.

Майк отключил освещение в Комплексе, за исключением резиденции, и снизил снабжение кислородом до уровня, при котором начинается голодание — не смертельное, но достаточно сильное, чтобы вывести из строя всех несговорчивых. В самой же резиденции подача кислорода упала до нуля и ровно на десять минут остался чистый азот. К концу этого срока люди Финна, ждавшие в скафандрах на личной комендантской станции метро, взломали запоры шлюза и вошли внутрь «плечом к плечу». Луна была наша.

Часть вторая
Восставшая чернь
Глава 14

Итак, волна патриотизма захлестнула нашу юную нацию и объединила ее. Именно так пишут в книжках по истории, верно? Ох, братцы!

Я-то теперь ученый, и вот что вам скажу: подготовка к революции — это детские игрушки по сравнению с тем, что вас ждет после ее победы. Мы захватили власть слишком рано, мы не были готовы, а надо было браться за тысячу дел сразу. Администрация в Луне приказала долго жить, но Лунная администрация на Земле и Федерация Наций были живы и очень даже здоровы. Стоило им высадить у нас всего один десант, вывести на орбиту всего один крейсер — и через неделю-другую они прибрали бы Луну к рукам… и по дешевке. Мы были просто толпой.

Новую катапульту опробовали, но готовые каменные снаряды можно было пересчитать по пальцам одной руки — моей левой. К тому же катапульта — это не оружие против кораблей или десанта. Кое-какие идейки, как справиться с ко-

раблями, у нас имелись, но пока только идейки. Было у нас и несколько сотен дешевых лазерных ружей на складе в Гонконге — китайские инженеры оказались настоящими мастерами, — но людей, умевших с ними обращаться, явно не хватало.

Кроме того, Администрация выполняла и полезные функции. Скупала лед и зерно, продавала воду и энергию, контролировала многие ключевые сферы жизни. Что бы там ни произошло в будущем, колеса должны были продолжать вертеться. Городские офисы Администрации разгромили слишком поспешно (так, во всяком случае, думал я), ибо при этом уничтожили всю документацию. Однако проф утверждал, что лунарям — всем лунарям — был необходим символ ненавистной власти, который можно повергнуть в прах, и что городские офисы лучше всего годились на эту роль, так как были наименее ценны и в то же время наиболее известны.

К счастью, Майк контролировал связь, а значит, практически все остальное. Проф начал с надзора за известиями, передаваемыми с Терры и на Терру, предоставив Майку цензуру и фальсификацию новостей до тех пор, пока мы не решим, что следует сказать Земле; к этой программе

добавили пункт «М», который отрезал Комплекс от всей остальной Луны, а вместе с ним изолировал обсерваторию Ричардсона и связанные с ней лаборатории — Пирсову радиометрическую, селенофизическую станцию и другие. Лаборатории представляли собой проблему, так как в них работали ученые-земляне, продлевавшие благодаря центрифуге срок пребывания в Луне до шести месяцев. Большинство землян в Луне, если не считать горсточки туристов (тридцать четыре человека), были ученые. С ними следовало что-то делать, но в первую очередь необходимо было помешать им связаться с Террой.

Комплекс был лишен телефонной связи, и Майк не разрешал капсулам останавливаться на его станциях, даже когда в метро возобновилось движение — сразу после того, как отряд Финна Нильсена завершил свою грязную работу.

Выяснилось, что комендант не погиб, а убивать его мы не собирались.

Проф считал, что живого коменданта всегда можно превратить в мертвого, в то время как мертвого оживить не удастся даже в случае нужды. Поэтому решили довести его до полусмерти, чтобы ни он, ни его охрана не сопротивлялись, и в темпе ворваться к нему, когда Майк возобновит

подачу кислорода.

С вентиляторами, запущенными на полную мощность, рассчитывал Майк, на это потребуется четыре минуты; еще минута уйдет на то, чтобы снизить содержание кислорода практически до нуля; итак — пять минут возрастающей гипоксии, пять минут аноксии, затем взлом нижнего шлюза — и одновременно быстрая подача чистого кислорода, чтобы восстановить баланс. Погибнуть за это время никто вроде не должен, но вырубятся охраннички не хуже, чем под наркозом. Конечно, если кто-то из них будет при скафандре, можно ожидать сопротивления. Хотя вряд ли. Гипоксия — штука хитрая, можно потерять сознание, даже не понимая, что причина в нехватке кислорода. Любимая фатальная ошибка многих новичков.

Итак, комендант выжил, а вместе с ним три его женщины. Но Морт уже ни на что не годился — мозг слишком долго испытывал кислородное голодание, и это превратило его в кочан капусты.

Все солдаты погибли, хотя они были моложе коменданта. Видок у них был такой, будто аноксия свернула им шеи.

Больше в Комплексе никто не пострадал. Когда зажегся свет и возобновилась подача кислорода,

все пришли в норму, в том числе шестеро насильников и убийц, запертых в казарме. Финн решил, что расстрел — слишком мягкое для них наказание, а потому взял на себя обязанности судьи и превратил в присяжных свой отряд.

Драгун раздели, связали по рукам и ногам и отдали женщинам Комплекса. Мне тошно даже подумать о том, что с ними сделали, хотя вряд ли они мучились дольше, чем Мари Лайонс. Женщины — странные существа: мягкие, добрые, нежные, но одновременно куда более свирепые, чем мы.

Хочется упомянуть, хотя хронологически это было позже, о судьбе стукачей. Вайо яростно настаивала на их ликвидации, но когда их согнали в кучу, потеряла мужество. Я ожидал, что проф с ней согласится, однако он покачал головой.

— Нет, дорогая Вайо, как бы мне ни претило насилие, есть только два способа обращения с врагами: или убить их, или превратить в своих друзей. Все полумеры чреваты осложнениями в будущем. Человек, настучавший на своих друзей один раз, будет стучать и дальше, а впереди у нас еще много испытаний, и стукачи могут оказаться очень опасными. Так что придется им умереть. И при этом публично. Чтоб другим было

неповадно.

— Профессор, — сказала Вайо, — вы когда-то говорили, что если осудите человека, то сами его и казните. Вы собираетесь это сделать?

— И да, дорогая леди, и нет. Их кровь будет на моих руках; я принимаю на себя ответственность. Но у меня есть план, который должен отбить всякое желание шпионить у всех потенциальных доносчиков.

И Адам Селен объявил, что такие-то люди были наняты Хуаном Альваресом — покойным шефом безопасности бывшей Администрации — в качестве тайных осведомителей, и во всеуслышание назвал их имена и адреса. И даже не намекнул, что с ними делать.

Одному из них посчастливилось затаиться на целых семь месяцев, сменив место жительства и фамилию. Его тело нашли в начале 2077 года вблизи южного шлюза в Новолене. Однако большинству удалось прожить лишь несколько часов.

Сразу после переворота мы столкнулись с проблемой, о которой раньше даже не задумывались. С проблемой Адама Селена. Кто такой Адам Селен? Где он? Это была его революция, он проработал в ней каждую деталь, каждому

камраду был знаком его голос. Теперь мы вышли из подполья… *так где же Адам?*

Мы целую ночь бились над этой проблемой в номере «Л» отеля «Раффлз»; мы обсуждали ее и одновременно принимали решения по сотням разных вопросов, возникавших у людей, которые хотели знать, что делать дальше, а сам «Адам» в это время разными голосами отдавал распоряжения по другим вопросам, не нуждавшимся в обсуждении, составлял фальсифицированные выпуски новостей для Терры, держал в изоляции Комплекс и делал еще великое множество дел. (Сомневаться не приходится: без Майка мы не смогли бы ни захватить Луну, ни удержать ее.)

По моему мнению, стать «Адамом» должен был проф. Проф был нашим руководителем и теоретиком; его знали все; некоторым особо доверенным партийцам он был знаком как камрад Билл, а прочие знали и уважали профессора Бернардо де ла Паса. Он же учил половину выдающихся граждан Луна-Сити, а также многих в других поселениях и был известен каждой мало-мальски заметной шишке в Луне.

— Нет! — сказал проф.

— Почему нет? — спросила Вайо. — Проф, мы вас выбрали. Скажи ему, Майк!

— Резервирую свое мнение, — ответил Майк. — Хочу послушать, что скажет проф.

— Я вижу, ты все уже проанализировал, Майк, — сказал проф. — Вайо, мой бесценный камрад, я не отказался бы, будь это возможно. Однако у нас нет способа сделать мой голос похожим на голос Адама, а каждый камрад знает Адама по голосу. Именно для этого Майк и сделал его таким запоминающимся.

Мы еще пообсуждали: может, будем показывать профа только по видео, а Майк тем временем пусть говорит за него известным всем голосом Адама.

И отвергли этот вариант. Слишком многие знали профа и слышали его речи, совершенно не совпадавшие с голосом и манерой Адама. Ту же возможность рассмотрели применительно ко мне — голоса у нас с Майком баритональные, по телефону я общался с ограниченным кругом людей, а по видео вообще не выступал.

Я эту идею придушил в зародыше. Народ и так удивится, узнав, что я один из замов председателя, а в то, что я и есть номер первый, просто никто не поверит.

— Давайте примем промежуточное решение, — сказал я. — Адам был тайной все это время. Пусть

так пока и остается. Его будут видеть только на экранах — в маске. Проф даст ему тело, Майк — голос.

Проф покачал головой:

— Я не знаю более верного пути разрушить доверие к нам в столь ответственный момент, чем выставить лидера, скрывающегося под маской. Нет, Манни.

Мы обсудили возможность пригласить на эту роль актера. В Луне не было профессиональных актеров, но были хорошие любители в «Народном театре» и в ассоциации *«Novy Bolshoi Teatr»*.

— Нет, — суммировал проф, — не говоря уже о том, что нужно найти актера, который не возомнил бы себя Наполеоном, мы просто не можем ждать. Адам должен начать заниматься делами не позже завтрашнего утра.

— В таком случае ответ напрашивается сам собой, — заявил я. — Не показывать Майка по видео. Только радио. Придется придумать объяснение, почему Адама нельзя видеть.

— Вынужден согласиться, — ответил проф.

— Ман, мой самый старый друг, — сказал Майк, — а почему ты говоришь, что меня нельзя показывать?

— Ты что — не понял? — спросил я. — Майк,

для видео нам нужны лицо и тело, но тело у тебя состоит из нескольких тонн металла. Лица же вообще нет, и это твое счастье — не надо бриться.

— Но что мешает мне показать лицо, Ман? В данную минуту я показываю вам голос. Ведь за ним нет звука. Могу точно так же показать лицо.

Я был настолько ошарашен, что даже не нашелся что ответить. Просто уставился на экран видео, который мы установили, когда сняли номер надолго. Импульс это импульс это импульс. Электроны гоняются друг за другом. Для Майка весь мир состоит из множества серий электрических импульсов, посланных им, или воспринятых, или мельтешащих в его внутренностях.

Наконец я сказал:

— Нет, Майк.

— Почему нет, Ман?

— Потому что у тебя ничего не получится! Голосом ты овладел прекрасно. На это требуется несколько тысяч решений в секунду — черепашья скорость для тебя. Но построить видеоизображение — значит… хм… производить в секунду, скажем, десять миллионов операций. Майк, ты такой проворный, что мне этого просто не постичь. Но не настолько проворный.

— Хочешь пари, Ман? — вкрадчиво спросил

Майк.

— Если Майк говорит, что может, значит может! — возмущенно воскликнула Вайо. — Манни, чего ты к нему вяжешься?

(Вайо думает, что электрон размерами и формой похож на маленькую горошину.)

— Майк, — сказал я медленно, — деньги я ставить не буду. Но если хочешь, попытайся. Включить видео?

— Я сам могу его включить, — ответил он.

— Ты уверен, что найдешь его? Не хотелось бы, чтоб эту картинку увидели на каком-нибудь другом экране.

Он обиженно ответил:

— Я не дурак. А теперь не мешай мне, Ман… потому что, должен сознаться, мне понадобится напрячь все силы.

Мы молча ждали. Внезапно экран посерел, на нем возник намек на линии развертки. Потом снова почернел, затем слабо осветился в центре размытыми пятнами тени и света в форме эллипса. Не лицо, а расплывчатый образ, какой порою можно увидеть в облаках, окутывающих Терру.

Пятно чуть-чуть прояснилось и напомнило мне картинку вроде изображения эктоплазмы.

Призрачное лицо.

Внезапно оно отвердело, и мы увидели Адама Селена.

Пока это была лишь фотография зрелого мужчины. Фон отсутствовал — только лицо, словно вырезанное из газеты. И все же для меня это был Адам Селен. И никто другой.

Неожиданно он улыбнулся, губы ожили, шевельнулись челюсти, кончик языка мимолетно коснулся губ. У меня мороз пошел по коже.

— Как я выгляжу? — спросил он.

— Адам, — сказала Вайо, — у тебя слишком курчавые волосы. А на лбу должны быть небольшие залысины. Сейчас ты выглядишь так, будто на тебе парик.

Майк мгновенно внес изменения.

— Так лучше?

— Лучше. Но разве у тебя нет ямочек на щеках? Я была уверена, что слышала их, когда ты смеялся. Как у профессора.

Майк-Адам улыбнулся еще раз. На щеках появились ямочки.

— А как мне одеться, Вайо?

— Ты сейчас у себя в конторе?

— Да, я еще здесь. Сегодня пришлось задержаться.

Фон сделался серым, потом вошел в фокус и

стал цветным. На стенном календаре за спиной Адама была видна дата — вторник 19 мая 2076 года, на часах — точное время. Возле локтя стоял картонный стаканчик с кофе. На столе — фотография в рамке: двое мужчин, женщина и четверо ребятишек. Появился звуковой фон — приглушенный шум площади Старого Купола, более громкий, чем обычно. Я слышал крики, где-то пели саймоновскую версию «Марсельезы».

Откуда-то сбоку донесся голос Джинваллы:

– *Gospodin?*

Адам взглянул в направлении голоса.

— Я занят, Альберт, — сказал он спокойно. — Не соединяй меня ни с кем, кроме ячейки «Б». Прочими делами занимайся сам. — Он снова посмотрел на нас. — Ну как, Вайо? Какие соображения? Проф? Ман, мой сомневающийся друг? Сойдет?

Я протер глаза:

— Майк, ты, похоже, можешь состряпать все, что захочешь.

— Разумеется. Но я не занимаюсь стряпней. Я женат.

— Адам, — сказала Вайо, — ты выглядишь как с иголочки — и это после такого-то дня?

— А я не позволяю мелочам брать над собой верх. — Он поглядел на профа. — Профессор, если

картинка о'кей, давайте обсудим мое завтрашнее выступление. С него начнется утренний выпуск новостей в восемь ноль-ноль; об этом будут объявлять всю ночь, и ячейки нужно оповестить заранее.

Остаток ночи прошел в разговорах. Я дважды посылал за кофе, Майк-Адам тоже налил себе новый стаканчик. Когда я заказал бутерброды, он попросил Джинваллу послать кого-нибудь за парочкой для себя. Тут я мельком увидел Альберта Джинваллу в профиль — типичный *бабу*, вежливый, но слегка надменный. Раньше я не знал, как он выглядит. Майк ел одновременно с нами, порой невнятно что-то говорил с набитым ртом.

Когда я спросил (профессиональный интерес!), Майк рассказал, что, построив портрет, запрограммировал его для автоматического показа, а теперь в основном уделяет внимание мимике. Но вскоре я окончательно забыл, что все это фикция. Просто Майк-Адам говорил с нами не по телефону, а по видео, и это было удобнее, вот и все.

К трем ноль-ноль мы выработали общую линию, и Майк отрепетировал речь. Проф предложил добавить несколько пунктов, Майк внес коррективы, и мы решили передохнуть. А то даже Майк-Адам уже начал позевывать, хотя,

естественно, он остался на посту, охраняя контакты с Террой, держа в изоляции Комплекс и прослушивая множество телефонов. Мы с профом улеглись на кровати, Вайо растянулась на кушетке. Я свистнул, чтобы погас свет. В порядке исключения мы позволили себе лечь без утяжелителей.

* * *

Пока мы завтракали, Адам Селен выступал с обращением к Свободной Луне. Он был обаятелен и мужествен, ненавязчив, но убедителен.

— Граждане Свободной Луны, друзья, камрады! Позвольте, я представлюсь тем, кто со мной не знаком. Я Адам Селен, председатель Чрезвычайного комитета по освобождению Луны… вернее, комитета Свободной Луны, ибо мы наконец свободны. Так называемая Администрация, которая долгое время узурпировала власть в нашем доме, свергнута. Я стал временным главой нашего нынешнего правительства — Чрезвычайного комитета.

Вскоре, как только будет возможно, вы выберете свое собственное правительство. Пока же, — Адам улыбнулся и простер руки, словно взывая о помощи, — я буду стараться изо всех сил, надеясь

на вашу поддержку. Нам не обойтись без ошибок — будьте снисходительны и терпеливы. Камрады, если вы еще не открылись друзьям и соседям, то самое время сделать это сейчас. Граждане, распоряжения, возможно, будут передаваться вам через ваших соседей-камрадов. Надеюсь, что вы подчинитесь им без принуждения; это приблизит день, когда я смогу откланяться, а жизнь потечет нормально, нормально в новом понимании — без Администрации, без охранников, без солдат, державших нас под прицелом, без паспортов, обысков и превентивных арестов. Однако необходим переходный период. Прошу вас всех — вернитесь к работе, к привычному образу жизни. К тем, кто работал в Администрации, та же просьба: вернитесь на свои рабочие места. Спокойно трудитесь, как прежде, мы будем платить вам зарплату, пока не решим, какие из функций Администрации нам следует сохранить, от каких отказаться и какие изменить. Наши новые сограждане, ссыльные, все, кто тянет лямку, отбывая сроки, данные вам на Земле! Вы свободны, ваше наказание кончилось! Однако я надеюсь, что вы будете продолжать работать. От вас не требуют — времена насилия позади, — вас убедительно просят. Вы, конечно, можете покинуть

Комплекс, можете отправиться куда угодно… движение транспорта будет незамедлительно восстановлено. Но прежде чем вы воспользуетесь обретенной свободой, чтобы кинуться в города, разрешите мне напомнить вам: «Дармовой закуски не бывает». Лучше пока не трогайтесь с места. Мы обеспечим вас едой — возможно, не слишком изысканной, зато горячей и ежедневной.

Я попросил главного менеджера «ЛуНоГоКо» временно взять на себя повседневные функции упраздненной Администрации. Эта компания будет осуществлять общий надзор за делами и разработает план, который позволит нам избавиться от аппарата принуждения, состоявшего на службе у Администрации, и передать ее полезные структуры в частные руки. Так что, пожалуйста, помогите ей.

Граждане государств Терры, живущие среди нас! Ученые, путешественники и прочие, я вас приветствую! Вы стали свидетелями редчайшего события — рождения новой нации. Роды не обходятся без боли и крови. Так случилось и сейчас. Но мы надеемся, что все уже позади. Мы не причиним вам вреда и постараемся организовать вашу отправку домой по возможности в кратчайшие сроки. Если же вы надумаете остаться и стать на-

шими согражданами — добро пожаловать! Пока же убедительно прошу вас избегать коридоров, чтобы не спровоцировать инцидентов, мы больше не хотим кровавых столкновений. Проявите терпимость — и я призову своих сограждан быть терпимыми по отношению к вам. Ученые Терры, возвращайтесь к своей работе в обсерваториях и лабораториях и не обращайте на нас внимания. Тогда вы даже не заметите, что мы переживаем период родовых схваток возникновения новой нации. Еще одно: мне крайне неприятно, но мы временно должны вмешаться в ваше право на связь с Террой. Мы это делаем по необходимости; цензура будет снята так быстро, как только возможно: мы ненавидим ее не меньше вас.

В заключение Адам попросил:

— Не пытайтесь увидеться со мной, камрады, и звоните мне лишь в случае крайней необходимости. Лучше пишите, если нужно; ваши письма будут внимательно и быстро рассмотрены. Но двойников у меня нет, я не спал всю прошлую ночь и вряд ли высплюсь сегодня. Я не могу выступать на митингах, не могу обмениваться рукопожатиями, не могу принимать делегации. Я должен безотрывно сидеть за столом и работать, для того чтобы поскорее отделаться от этой ра-

боты и передать ее тому, кого вы выберете. — Он широко улыбнулся. — Меня увидеть будет не легче, чем Шутника Саймона.

* * *

Выступление длилось пятнадцать минут, но суть его сводилась к одному: возвращайтесь на работу, соблюдайте спокойствие, дайте нам время.

Однако ученые нам его не дали — я должен был это предвидеть, сам на такие дела мастак.

Связь с Землей пока шла исключительно через Майка. Но у этих высоколобых электронного оборудования хватило бы на целый склад. За пару часов они сварганили передатчик для связи с Террой.

Нас спас путешественник, считавший, что Луна должна быть свободной. Он попробовал связаться с Адамом Селеном по телефону и попал на даму из женского отряда, который мы срочно сформировали из ярусов «В» и «Г» в порядке самозащиты, так как, несмотря на просьбу Майка, пол-Луны бросилось звонить ему сразу же после сеанса видео: кто с просьбами, а кто и с намерением поучить Адама, как ему следует выполнять свои обязанности. После сотни звонков, переклю-

ченных на меня каким-то излишне активным камрадом из телефонной компании, мы создали эту буферную группу. К счастью, камрад леди, которая приняла этот звонок, поняла, что тут правило «успокойте их и отпустите с миром» не годится; она перезвонила мне.

Через пять минут я, Финн Нильсен и несколько добровольцев с ружьями мчались в капсуле в зону обсерватории. Наш информатор побоялся сообщить свое имя, но рассказал, где найти передатчик. Мы застали их на месте преступления, и только быстрая реакции Финна сохранила им жизнь: его ребята просто кипели. Однако мы не хотели расправы «для острастки»; мы с Финном договорились об этом еще по пути сюда. Ученых на испуг не возьмешь — у них мозги устроены иначе. К ним нужен особый подход.

Я раздавил передатчик ногой, приказал директору собрать всех сотрудников в помещении столовой и потребовал провести перекличку — поблизости от телефона. Потом поговорил с Майком, узнал имена и сказал директору:

— Доктор, вы говорили, что тут собрались все. Но здесь не хватает семерых. — Я назвал ему имена. — Доставить их сюда. Немедленно!

Оказалось, отсутствующие земляне были

извещены, но отказались прекратить работу — типичные ученые.

Потом я начал говорить. Лунари стояли в одном конце комнаты, земляне — в другом. Землянам я сказал:

— Мы старались относиться к вам как к гостям. Но трое из вас попытались, а возможно, и успели послать депешу на Терру. — Я повернулся к директору. — Доктор, я мог бы обшарить все поселение, все постройки на поверхности, все углы в лабораториях и уничтожить каждую деталь, из которой можно сварганить передатчик. По профессии я электронщик, а потому прекрасно понимаю, что в передатчик можно превратить чуть ли не любое устройство. Предположим, я изничтожу все, что годится для этой цели, а для верности заодно раскокаю все приборы, назначение которых мне неизвестно. И что в результате?

Можно было подумать, что я собираюсь придушить его дитя. Он посерел прямо на глазах.

— Это остановит всю исследовательскую работу… будут потеряны бесценные данные… Убытки на… ох, я даже не могу сказать какие! Наверняка больше полумиллиарда долларов!

— Вот и я так подумал. Впрочем, я могу и не ломать оборудование, а просто забрать его с собой.

А вы живите как хотите.

— Но это будет почти так же ужасно! Вы должны понять, *gospodin*, что если эксперимент прерван…

— Понимаю. Чем перетаскивать отсюда приборы, рискуя чего-то недоглядеть, легче забрать вас всех в Комплекс и там запереть. У нас есть драгунская казарма. Но ваш эксперимент все равно полетит. А кроме того… Скажите, откуда вы, доктор?

— Из Принстона, Нью-Джерси.

— Вот как! Значит, вы тут уже месяцев пять и, без сомнения, тренируетесь и таскаете на себе грузы. Доктор, в таком случае вы можете распрощаться с Принстоном навеки. Если мы вас переселим, то посадим под замок. Вы ослабнете. А если чрезвычайное положение затянется, вы превратитесь в лунаря, хотите вы этого или нет. И вся ваша мозговитая бражка тоже.

Тут распетушился один из тех, кого пришлось вызывать по второму разу:

— Вы не имеете права так поступать! Вы нарушаете закон!

— Какой закон, *gospodin*? Тот, что существует в вашем вшивом городишке? — Я обернулся. — Финн, покажи ему закон.

Финн сделал несколько шагов вперед и приложил эмиссионный раструб ружья к пупку законника. Большой палец повел рычажок вниз — я видел, что предохранитель снят.

— Не убивай его, Финн, — сказал я и продолжил, обращаясь к землянам: — Я ликвидирую этого человека, если иначе вас не убедить. Поэтому присматривайте друг за дружкой. Еще одна попытка — и вам не видать родного дома как своих ушей. И экспериментам вашим крышка. Доктор, я вас предупредил: примите меры и обуздайте своих сотрудников.

Я повернулся к лунарям:

– *Tovarishchee*, помогите им сохранить честность. Разработайте сами порядок охраны. Не позволяйте задурить себе голову — каждый землеед у нас под подозрением. Если придется кого-нибудь ликвидировать — не стесняйтесь.

Я снова обернулся к директору:

— Доктор, любой лунарь имеет право входить куда угодно. Даже в вашу спальню. Ваши лаборанты станут отныне вашими командирами по вопросу безопасности. Если лунарь захочет сопровождать вас в сортир, не спорьте, а то как бы он не занервничал.

И опять к лунарям:

— Безопасность прежде всего! Каждый из вас работает на одного землееда — следите за ним! Распределите между собой обязанности и держите ухо востро. Следите за ними так, чтобы они даже мышеловку не сумели построить, не говоря уж о передатчике. Если слежка будет мешать работе, плюньте на работу: зарплата все равно бежит.

Я видел улыбки. В те дни для лунаря должность лаборанта была пределом мечтаний. Но лаборанты работали под началом землеедов, которые смотрели на нас сверху вниз, все без исключения, даже те, что делали вид и были ах как вежливы.

На этом я и закончил. Когда мне позвонили, я намеревался ликвидировать всех виновных, но проф с Майком меня урезонили: в наши планы не входило насилие над землянами, если его можно избежать.

Мы установили «уши» — чуткие приемники широкого диапазона вокруг лабораторной зоны, ибо даже самые узконаправленные излучатели фонят поблизости от места работы. Майку было поручено прослушивать все телефоны. После чего нам осталось только грызть ногти и надеяться на лучшее.

После очередного выпуска новостей с Терры

мы облегченно вздохнули.

Все тихо-спокойно. Похоже, там принимали наши цензурированные передачи без подозрений: частные, коммерческие и административные сообщения шли своим чередом и выглядели совершенно обычными. Мы же продолжали работать, пытаясь уложить в дни то, на что нужны были месяцы.

К счастью, мы получили небольшую отсрочку — в Луне в это время не было ни одного пассажирского корабля, а ближайший рейс ожидался только седьмого июля. Мы, конечно, могли бы заманить экипаж на «ужин у коменданта», а затем выставить наряд возле их передатчиков или разобрать их. Без нашей помощи они бы не взлетели; в те времена одной из статей расхода льда была поставка воды для реакторов. Конечно, расход небольшой по сравнению с грузовым транспортом: один пассажирский корабль в месяц — это считалось сильно оживленным движением, тогда как зерновые баржи отправлялись ежедневно. Словом, прибытие корабля не грозило нам какой-то неотвратимой катастрофой. И все равно эта передышка была очень кстати — мы очень старались, чтобы все выглядело как прежде, пока не обзаведемся средствами защиты.

Поставки зерна шли по расписанию, как и раньше. Одну баржу катапультировали чуть ли не в те самые минуты, когда люди Финна врывались в резиденцию коменданта. И следующая за ней пошла по расписанию, и другие тоже.

В эти дни мы не смели допустить ни одной ошибки, ни одного срыва; проф знал, что делает. Торговля зерном значила очень много (для такой маленькой страны, как Луна), и ее нельзя было свернуть за какие-то пару недель. Слишком многим людям она гарантировала хлеб и пиво. Если бы наш комитет объявил эмбарго и перестал скупать зерно, нас выкинули бы к чертям собачьим, а наше место занял бы новый комитет с совершенно иными взглядами.

Проф говорил, что для перестройки сознания нужно время. А пока зерновые баржи катапультировались как обычно; «ЛуНоГоКо» вела бухгалтерию и выдавала расписки, используя прежний персонал гражданской службы. Депеши отправлялись за подписью коменданта, его же голосом Майк разговаривал и с Администрацией на Терре. Первый зам оказался разумным человеком, особенно когда понял, что от этого зависит, сколько он проживет. Главный инженер тоже остался на работе — Макинтайр был настоящий

лунарь и по натуре вовсе не стукач. Другие главы департаментов и мелкая чиновничья сошка трудностей не доставляли; жизнь продолжалась, и у нас уйма времени уходила на то, чтобы расчленить структуру Администрации на части, подготавливая некоторые из них к продаже в частные руки.

Объявилось больше дюжины людей, выдававших себя за Шутника Саймона; Саймон ответил на их притязания очень неприличными виршами и поместил свой портрет на первой полосе газет «Лунатик», «Правда» и «Гонг». Вайо снова стала блондинкой, съездила повидать Грега на новую катапульту, а затем отправилась на десять дней в более далекое путешествие — в свой родной город, Гонконг-Лунный, захватив с собой Анну, которая очень хотела на него поглядеть. Вайо нуждалась в отдыхе, и проф уговорил ее уехать, сказав, что она все равно будет связана с нами по телефону, а с Гонконгом необходим более тесный контакт по партийным делам. Я взял на себя ее стиляг со Слимом и Хейзел в качестве замов — это были умные, толковые ребята, которым я мог доверять. Слим с благоговением воспринял известие, что я и есть камрад Борк и каждый день вижу Адама Селена. Партийная кличка самого

Слима начиналась на букву «Ж». Эта упряжка была удачной и еще по одной причине: у Хейзел вдруг проступили мягкие округлости, и не только благодаря отменной кулинарии Мими — просто Хейзел достигла определенной точки на своей орбите. Слим был готов переменить ей фамилию Мид на фамилию Стоун, как только она согласится. Пока же он с энтузиазмом занимался партийной работой, которую делил с нашей лихой рыжей девчонкой.

Энтузиазм этот был далеко не всеобщим. Многие камрады оказались бойцами только на словах. Большинство считало, что если драгуны-миротворцы ликвидированы, а комендант взят в плен, то и войне конец. Другие возмутились, узнав, какое низкое место занимают в партийной иерархии, и жаждали побыстрее избрать новую структуру во главе с собой. Они без конца трезвонили Адаму, надоедая ему бесчисленными предложениями; он их выслушивал, соглашался, убеждал, что такие таланты не должны пропадать зря до выборов… и отсылал ко мне. Не могу припомнить, чтобы хоть один из этих амбициозных деятелей не оказался нулем, когда я пытался проверить его на конкретном задании.

Работы было выше горла, а делать ее не хотел

никто. Ну разве кроме горсточки энтузиастов. Самыми активными оказались те, о которых Партия даже не подозревала. Однако в целом лунари как в Партии, так и вне ее не проявляли интереса к «патриотической» деятельности, если она не сулила хорошего оклада. Один сукин сын, отрекомендовавшийся членом Партии (врал, конечно), подцепил меня в «Раффлзе», где располагалась наша штаб-квартира, и предложил заключить контракт на поставку пятидесяти тысяч значков для «Ветеранов революции» с дореволюционным стажем. Клялся, что удовольствуется самой ничтожной прибылью (по моим подсчетам, около четырехсот процентов), я получу хороший кусок ни за что, а общество будет облагодетельствовано.

Когда я послал его, он стал угрожать донести на меня Адаму Селену («Моему лучшему другу! Ты меня еще узнаешь!») за саботаж.

Вот и вся помощь, которую мы получили. А нуждались мы совсем в другом. Нам нужна была сталь для новой катапульты, много стали. Проф поинтересовался — действительно ли необходимо делать для каменных снарядов стальную оболочку? Мне пришлось напомнить ему, что индукционное поле не «схватит» голый камень.

Требовалось изменить расположение баллистических радаров Майка на старой катапульте и установить допплеровский на новой. И то и другое было необходимо, так как мы ждали атаки из космоса на старую катапульту.

Мы бросили клич — и получили двух добровольцев. А нужны были сотни механиков, которые не гнушались бы тяжелой работы в скафандрах. Пришлось их нанимать и платить столько, сколько потребуют. «ЛуНоГоКо» залезла в долги к Банку Гонконга-Лунного; времени, чтобы украсть нужную сумму, не было, к тому же большая часть ворованных средств переправлялась на Землю к Стью. Наш преданный друг Фу Мозес Моррис, ставивший свою подпись под многими нашими обязательствами, чтобы дело двигалось вперед, разорился и начал все с нуля: с крошечной швейной мастерской в Конгвиле. Впрочем, это случилось позже.

Купон Администрации упал после переворота с трех к одному до семнадцати к одному, и гражданские служащие взвыли, поскольку Майк все еще платил им купонами. Мы заявили, что они вольны оставаться или уходить, а тех, в ком нуждались, наняли заново за гонконгские доллары. И в результате нажили немало врагов, которые

тосковали о славных былых денечках и были готовы всадить нож в спину новому режиму.

Зерновые фермеры и брокеры тоже ворчали, так как выплаты за продовольствие у входа катапульты производились в купонах и по фиксированной цене. «Не будем их брать!» — орали они, а представитель «ЛуНоГоКо» пожимал плечами и отвечал, что дело, конечно, хозяйское, но поскольку зерно все еще идет Администрации на Терре (так оно и было), расплачиваться за него мы можем только купонами. Так что берите их или грузите свое зерно на вагонетки и дуйте отсюда.

Большинство выбирало деньги. Все бурчали, угрожали перестать выращивать зерно и перейти на овощи, или волокнистые культуры, или на что-то еще, что будут покупать у них и гонконгские… Проф ухмылялся.

Нам нужен был каждый бурильщик в Луне, особенно добытчики льда — обладатели тяжелых лазерных буров. Нам они были необходимы в качестве солдат. Нужда в них была такой жестокой, что, невзирая на отсутствие у меня одного «крылышка» и потерю опыта, я подумывал, не вступить ли мне в их ряды, хотя, чтобы орудовать большим буром, нужна немалая сила, а протез — это не мускулы. Проф сказал, чтобы я перестал

валять дурака.

Тот фокус, который мы задумали, на Терре вообще не получился бы. Лазерный луч, несущий колоссальную энергию, прекрасно работает в вакууме — а там он эффективен, лишь пока достаточно сконцентрирован. Тяжелые буры, разрезающие горные породы в поисках «карманов» льда, должны были сыграть роль артиллерийских батарей, предназначенных для отражения атаки из космоса. И корабли, и ракеты обладают электронными нервными системами, а электронике очень не нравится, когда по ней лупят тугим лучом, заряженным бесчисленным числом джоулей. Если цель загерметизирована (как корабли с командами и большинство ракет), то нужно лишь прожечь в ней дыру и вызвать внезапную декомпрессию. Если негерметизирована, мощный лазерный луч все равно ее поразит: выжжет «глаза», заставит потерять управление, изуродует все, что связано с электроникой, а нынче поди найди деталь, с ней не связанную.

Водородная бомба с разрушенными цепями — это уже не бомба, а просто корыто с дейтеридом лития, которое способно лишь развалиться при падении. Слепой корабль — бесполезный обломок, а не боевая единица.

Но все это просто только на словах. На самом деле лазерные буры никогда не предназначались для поражения целей, удаленных на тысячу километров или хотя бы на километр, а переделать их для прицельного огня — работа не на один день. К тому же артиллеристу требовалось непреклонное мужество, чтобы до последних секунд не стрелять в цель, которая несется прямо на него со скоростью два километра в секунду.

Но ничего другого у нас не было, а потому мы организовали Первый и Второй волонтерские артиллерийские полки Свободной Луны. Два полка для того, чтобы Первый поглядывал на Второй сверху вниз, а Второй завидовал Первому. В Первый вошли люди постарше, Второй состоял из молодых и напористых ребят.

Мы назвали их волонтерами, но на самом деле нанимали людей за гонконгские доллары — и не случайно за лед на контролируемом внутреннем рынке по-прежнему платили обесцененными купонами Администрации.

А главное, мы начали запугивать всех войной.

Адам Селен по видео напомнил, что Администрация, безусловно, попытается восстановить свою тиранию и что для подготовки отпора у нас есть считаные дни. Газеты цитировали его

выступление и печатали собственные статьи — недаром мы еще до переворота обращали особое внимание на вербовку журналистов. Лунарей призывали держать скафандры под рукой и проверять работу сигнализации, контролирующей атмосферное давление в домах. Во всех поселениях были созданы добровольные отряды гражданской самообороны.

Из-за частых лунотрясений кооперативы, ведавшие воздушным обеспечением, имели специальные бригады «конопатчиков», готовых немедленно выступить по тревоге: несмотря на эластичный силикон и стеклопластик, все поселения «протекали». В Дэвисовых туннелях парнишки помладше каждый день тщательно проверяли герметизацию. Теперь же мы создали сотни аварийных команд «конопатчиков», преимущественно из стиляг, которых усиленно тренировали на учебных тревогах, заставляли торчать в скафандрах с открытыми шлемами все время пребывания на дежурстве и так далее.

Ребята справлялись отлично. Но идиоты начинали потешаться над ними, называли их «оловянными солдатиками», «адамовыми яблочками» и другими прозвищами. Какая-то команда занималась учениями, отрабатывая строитель-

ство временного шлюза вокруг поврежденного старого, а один из этих кретинов стоял и прямотаки надрывал животик, хохоча над своими же грубыми насмешками.

Бригада гражданской обороны продолжала спокойно работать, построила временный шлюз, проверила его в скафандрах с закрытыми шлемами и убедилась, что он герметичен. Ребята вышли, схватили шутника, внесли во временный шлюз, а оттуда в зону нулевого давления, где и бросили.

После этого насмешники держали свои впечатления при себе. Проф считал, что нам следует хотя бы слегка пожурить стиляг, чтобы не ликвидировали столь беспощадно. Но я возражал и настоял на своем: я не видел другого способа улучшить породу. Некоторые виды громкоболтовнизма должны в приличном обществе рассматриваться как тяжкое преступление.

Но самые сильные наши головные боли были связаны с самопомазанными государственными мужами.

Я вам говорил, что лунари аполитичны? И даже очень, когда дело доходит до практической деятельности. Но вряд ли был хоть один случай, когда двое лунарей, сойдясь за литром пива, не

обменялись бы громогласными соображениями насчет того, как следует наводить порядок.

Я уже упоминал, что эти политологи-самоучки с самого начала пытались добраться до Адама Селена. Но проф нашел им занятие: каждого лично пригласили принять участие в «Специальном Конгрессе по проблемам организации Свободной Луны». Конгресс заседал в зале собраний Луна-Сити, а затем решил не расходиться, пока не завершит работу: неделю в Луна-Сити, другую в Новолене, третью в Гонконге, а потом снова по кругу. Все заседания передавались по видео. Проф председательствовал на первом, Адам Селен приветствовал собравшихся по видео, призвав их приложить все усилия для выполнения этой важнейшей работы («История смотрит на вас»).

Я присутствовал на нескольких заседаниях, затем изловил профа и потребовал ради *Bog*'а сказать, чего он, собственно, добивается?

— Я думал, вы враг любого правительства! Слышали вы этих кретинов после того, как сами выпустили их на свободу?

Он улыбнулся, продемонстрировав мне знаменитые ямочки:

— А что тебя волнует, Мануэль?

Меня волновало многое. В то время как я надры-

вался, стараясь раздобыть тяжелые буры и людей, способных орудовать ими как пушками, эти бездельники тратили целых полдня на обсуждение проблем иммиграции. Кто-то хотел ее полностью прекратить; кто-то жаждал обложить ее налогом, да еще таким высоким, чтобы обогатить государство (это притом, что девяносто девять из ста лунарей доставили в Булыжник насильно!); еще кто-то хотел сделать ее селективной по этническому признаку (интересно, к какой нации они отнесли бы меня?); кто-то желал ограничить ее женщинами, чтобы добиться их соотношения с мужчинами пятьдесят на пятьдесят. Это вызвало скандинавский клич: «*Йа*, приятель! Вели им, чтоб слали сюда бабенок! Тысячи тысяч бабенок! И на них на всех женюсь!»

Это было единственное более или менее разумное предложение за весь день.

В другой раз они обсуждали время. Конечно, время по Гринвичу не имеет отношения к лунному. А на кой нам лунное время, если мы все равно живем в глубинах? Покажите мне лунаря, который бы две земные недели дрыхнул, а потом две недели подряд вкалывал! Лунные сутки не для нашего обмена веществ. Между тем предлагалось сделать лунный месяц (то есть фактически

лунные сутки) равным двадцати восьми дням (вместо 29 дней 12 часов 44 минут и 2,78 секунды), а для этого увеличить продолжительность дня — и соответственно часа, минуты и секунды — так, чтобы половина лунного месяца составляла ровно две недели.

Конечно, лунные сутки в некоторых случаях необходимы. Они диктуют нам, когда и зачем выходить на поверхность и как долго там оставаться. Но помимо того, что такая реформа выбила бы нас из упряжки с нашим единственным соседом, подумали ли эти болтливые черепушки, что произойдет с каждой мало-мальски важной константой в физике и в технике? Как у электронщика, у меня чуть судороги не начались! Выбросить все книги, все таблицы, все инструменты и начать заново? Я знаю, что моим предкам пришлось переключиться с английских мер на метрическую систему, но они это сделали, чтобы упростить себе жизнь: четырнадцать дюймов в футе, сколько-то там футов в миле, унции и фунты! *Bog* мой!

Там в переменах был смысл, но зачем же лезть из кожи вон, чтобы все перепутать?

Кто-то настаивал, что нужно создать комитет и определить, что такое лунарский язык, а затем

обложить налогом тех, кто говорит на «землянском» английском или других языках. О, мой народ!

В «Лунатике» я вычитал предложения по налоговой политике: там предлагалось целых четыре «единых» налога: кубический, коим наказывался человек, удлинивший свой туннель; подушный (одинаковый для всех); подоходный (хотел бы я посмотреть на того, кто вычислит доход семьи Дэвис или извлечет информацию из Ма!) и воздушный — не просто плата за воздух, как раньше, а именно налог. Я никак не думал, что Свободной Луне понадобятся налоги. До сих пор их не было и мы как-то обходились. Просто платили за то, что нам нужно. Дарзанебы! А как же иначе?

На другом заседании какой-то напыщенный болван предложил, чтобы дурной запах изо рта или запах пота считался преступным деянием, наказуемым ликвидацией. Может, я и согласился бы с ним, поскольку не раз оказывался в капсуле, набитой такими вонючками. Но это бывает редко и, кроме того, контролируется естественным путем: хронические больные или бедолаги, не способные излечиться, вряд ли смогут размножаться, ибо женщины в этом отношении весьма разборчивы.

Одна женщина (большинство в Конгрессе составляли мужчины, но женщины отнюдь не уступали им в глупости) предъявила длинный список необходимых, по ее мнению, постоянно действующих законов. Все они касались частной жизни. Никаких групповых браков. Никаких разводов. Никаких напитков крепче четырехградусного пива. Церковные службы только по субботам, и в этот день прекратить все работы. (В том числе подачу воздуха и контроль температуры и давления, леди? А как насчет телефонов и метро?) Длинный список запрещенных лекарств и более короткий тех, что может выписать лишь «лицензированный врач». (Что такое «лицензированный врач»? Лекарь, к которому я хожу, имеет вывеску «практикующий врач» и занимается на стороне букмекерством, почему, собственно, я к нему и хожу. Слушайте, леди, да разве в Луне есть медицинские училища?) Она хотела запретить даже азартные игры! Да если лунарь не сможет бросить кости в порядочной компании, он пойдет в любой притон, даже если кости там с брачком.

Меня поразил не столько список вещей, которые ненавидела эта баба (что с нее возьмешь — она же явно безумнее киборга), сколько тот

факт, что кто-то ее поддержал. Должно быть, в человеческом сердце глубоко сидит страстное желание не дать другим жить, как им хочется. Правила, законы — но всегда для других людей. Какую-то дремучую часть нашей души, существовавшую до того, как мы слезли в дерева, нам так и не удалось сбросить с себя, когда мы распрямились.

Ибо ни один из этих людей не сказал: «Пожалуйста, примите такой-то закон, чтобы я не мог продолжать делать того, что, как мне известно, я не должен делать». Нет, *tovarishchee*, речь всегда шла о чем-то, что ему не нравится у соседей. Запретить им «для их собственного блага», а вовсе не потому, что оратору лично нанесен какой-то ущерб.

На этих заседаниях я почти пожалел, что мы избавились от Прыща Морта. Сидел он в своей резиденции со своими бабами и не пытался указывать нам, как мы должны устраивать свои личные дела.

А проф, тот вовсе не казался возмущенным. Он только улыбался.

— Мануэль, неужели ты действительно думаешь, что эта толпа дефективных недоумков может принять хоть один закон?

— Но вы же сами им велели! И очень настойчиво!

— Мой дорогой Мануэль, я просто согнал всех известных мне кретинов в одно место. Я же всех их знаю; я годами выслушивал их рассуждения. И тщательно рассортировал их по разным комиссиям. У каждого из них своя навязчивая идея, и они обязательно перегрызутся. Председатель, которого я им навязал, позволив избрать этого недотепу, не способен даже узелок на веревке развязать. Он полагает, что каждый вопрос нуждается в «дальнейшем изучении». Мне практически не о чем теперь беспокоиться; едва ли шестеро из присутствующих смогут найти общий язык по какому-нибудь вопросу; трем это удастся легче, а вообще-то, для дела, с которым справится один, больше одного и не нужно. Вот почему все парламенты в истории совершали нечто существенное лишь тогда, когда сильные вожаки подчиняли себе остальных. Не бойся, сынок, этот Специальный Конгресс не сделает ничего… а если — исключительно от переутомления — они примут какой-нибудь закон, он будет так перегружен противоречиями, что его придется просто выбросить. Зато они пока не путаются под ногами. Больше того, они нам еще

пригодятся, только попозже.

— Мне показалось, вы говорили, что они ни на что не способны?

— А они ничего и не будут делать. Один человек, которого нет среди живых, напишет текст, и поздно ночью, устав от пререканий, они примут написанное под приветственные клики.

— А кто этот покойник? Вы имеете в виду Майка?

— Нет, нет! Майк куда более живой, чем все эти нытики. Это Томас Джефферсон — первый разумный анархист, мой мальчик, тот самый, который чуть было не протащил свою нереализованную систему с помощью самой прекрасной риторики, когда-либо доверенной бумаге. Но тогда его схватили за руку… чего я надеюсь избежать. Мне все равно не превзойти его формулировок. Я просто их немножко приспособлю к условиям Луны и двадцать первого столетия.

— Слыхал о нем. Он освободил рабов, нет?

— Можно сказать, он пытался, но у него не получилось. Впрочем, не важно. Как продвигаются дела с обороной? Не думаю, что мы сможем продолжать эту игру в прятки после прибытия рейсового корабля с Терры.

— К тому времени мы еще не будем готовы.

— Майк говорит, что надо.

Мы, конечно, не успели, но и корабль тоже не пришел.

Эти ученые обвели вокруг пальца меня и тех лунарей, которым я поручил за ними следить. В фокусе самого крупного нашего рефлектора они поместили передающее устройство, сказав лаборантам, что оно имеет астрономическое назначение — дескать, совершенно новая деталь радиотелескопа. И впрямь новая, это уж точно. Приборчик был ультракоротковолновый; они воткнули в рефлектор волновод, и телескоп аккуратненько стал передавать направленное излучение. Очень похоже на старинные радары. Рассеянное излучение задерживалось металлической решеткой и фольгой теплоизолирующего экрана. Поэтому «уши», которые я «насторожил» вокруг, ничего не слышали.

Они таки передали сообщение, подробно изложив свою версию. Об этом мы узнали, получив запрос Администрации с требованием опровергнуть грубый розыгрыш, найти шутника и прекратить безобразие.

Вместо этого мы выдали им Декларацию независимости:

«В собрании Конгресса, четвертого июля две

тысячи семьдесят шестого года…»

Это было прекрасно.

Глава 15

Принятие Декларации независимости произошло именно так, как предсказал проф. Он преподнес ее в конце длинного утомительного дня, объявив, что после обеда состоится чрезвычайное заседание, на котором выступит Адам Селен. Адам прочел документ вслух, поясняя каждый абзац, потом прочел все целиком, так что звонкие фразы звучали как музыка. Люди рыдали. Вайо, сидевшая рядом со мной, плакала тоже, да я и сам еле сдерживался, хотя ознакомился с текстом заранее.

Адам поглядел на зал и произнес:

— Будущее зависит от вас. Обдумайте и не ошибитесь.

И вручил бразды правления профу, обойдя председателя.

Было двадцать два ноль-ноль, когда началась свара. Конечно, все они были за. С Земли весь день взахлеб кричали, какие мы плохие, как нас следует покарать, какой нам нужно дать урок и так далее. Подбавлять перцу не требовалось:

того, что передавала Земля, хватало с избытком, а немногочисленные реплики «но с другой стороны» Майк попросту вырезал. Если и был день, когда Луна осознавала свое единство, то это второго июля 2076 года.

Итак, Декларацию собирались принять. Проф знал об этом еще до того, как предложил ее.

Но только не в том виде, в каком она написана…

— Достопочтенный председатель, во втором параграфе есть слово «неотторжимые», но это как-то не звучит. Вернее будет сказать «неотъемлемые», а еще лучше — «священные права», ибо так куда выразительнее, чем «неотъемлемые». Я хотел бы услышать мнение собравшихся на сей счет.

Впрочем, этот парень был почти нормальный — типичный литературный критик, нечто безобидное, вроде выдохшихся дрожжей в кружке пива. Но взять хотя бы даму, которая все ненавидела. Она тут же возникла со своим списком, прочла его вслух и предложила целиком ввести в Декларацию, «чтобы земляне знали, что мы цивилизованны и вполне можем занять свое место среди держав мира».

Проф не только дал ей высказаться — он вся-

чески ободрял ее, позволив говорить за счет других желающих, а затем ненавязчиво поставил ее предложение на голосование, хотя никто из присутствующих его не поддержал. (Конгресс действовал по регламенту, над которым спорили до хрипоты несколько дней. Проф отлично знал правила, но следовал им лишь тогда, когда это было ему выгодно.) Мадам забаллотировали под крики одобрения, и она покинула трибуну.

Тут кто-то встал и заявил, что, конечно, такой длинный список не годится для Декларации, но почему бы не включить туда некоторые общие принципы? Ну хотя бы положение, что Свободная Луна гарантирует всем своим гражданам свободу, равенство и безопасность. Уточнять ничего не надо — просто записать эти фундаментальные принципы, которые, как всем известно, являются истинной целью нашего правительства.

Да, предложение стоящее, но следует написать: «свободу, равенство, мир и безопасность»! Правильно, камрад? И пошло-поехало: а включает ли понятие «свобода» также и понятие «свободный от платы воздух»? Или это часть «безопасности»? Почему бы не внести на всякий случай в Декларацию слова «бесплатный воздух»? А еще лучше — «бесплатные воздух и воду», потому что ни сво-

боды, ни безопасности не может быть без воды и воздуха. Воздух, воду и *пищу*.

Воздух, воду, пищу и *кубатуру*.

Воздух, воду, пищу, кубатуру и *тепло*.

Нет, не «тепло», а *«энергию»*, тогда действительно будет перечислено все. То есть абсолютно все.

Приятель, да ты совсем спятил! Как это — «все»? Ты же оскорбляешь всю женскую половину человечества… А ну, отойдем в сторонку и повтори, что ты сказал!.. Дайте же мне закончить! Мы должны заявить им прямо в лицо, что больше не позволим земным кораблям садиться, если в них не будет женщин — по крайней мере столько же, сколько мужчин. По крайней мере, ясно? Ничего не подпишу, если иммиграционная проблема не будет решена на месте!..

Ямочки на лице профа не исчезали ни на секунду.

Теперь-то я понял, зачем проф дрыхнул весь день, к тому же без утяжелителей.

Я, например, дико устал: весь день провел в скафандре возле катапульты, врезая в скалы последний из перемещаемых сюда баллистических радаров. И вообще все устали; к полуночи толпа начала редеть, утомленная дурацкой болтовней и убежденная, что в эту ночь ничего решено не

будет. Говорить самому — это одно дело, но слушать чужой треп…

Время перевалило за полночь, когда кто-то спросил, почему Декларация датирована четвертым числом, если сегодня только второе? Проф вкрадчиво ответил, что сейчас уже третье и не похоже, что Декларация будет принята раньше четвертого… а четвертое июля — своего рода символ, и это нам не помешает.

После подобного заявления многие покинули зал, решив, что дебаты продлятся до четвертого июля. И тут я заметил, что зал синхронно с уходом одних людей заполняется другими. Вон там Финн Нильсен опустился в кресло, которое только что освободилось. А вот появился камрад Клейтон из Гонконга, сжал рукой мое плечо, улыбнулся Вайо и нашел себе место. Моих юных замов Хейзел и Слима я заметил внизу в первых рядах и подумал, что придется подтвердить Ма алиби Хейзел: мол, задержал ее по партийным делам, — и вдруг с изумлением увидел рядом с ними Ма собственной персоной. И Сидрис. И Грега, который, как предполагалось, находится у новой катапульты.

Огляделся по сторонам, а там еще дюжина знакомых — ночной редактор газеты *«Lunaya Pravda»*, генеральный менеджер «ЛуНоГоКо»

и так далее. До меня наконец дошло, что проф распорядился подтасовать колоду. Конгресс не имел постоянного членства, и наши проверенные камрады имели такое же право голоса, как и те, кто молол тут языками уже целый месяц. Теперь в креслах сидели свои люди… и дружно отклоняли все поправки. Около трех пополуночи, когда я уже начал подумывать, что больше не выдержу, кто-то послал профу записку. Он прочел, ударил молотком и сказал:

— Адам Селен просит вашего внимания… Могу ли я считать ваше одобрение единогласным?

Экран за трибуной снова осветился, и Адам заявил, что внимательно следил за дебатами и всячески приветствует разумную и конструктивную критику. Но если можно, он выскажет одно соображение. Почему бы не признать, что любая выраженная словами мысль несовершенна? Если Декларация в целом всех устраивает, почему бы не отложить на время ее совершенствование и не принять то, что есть? «Достопочтенный председатель, таково мое предложение».

Приняли его на ура. Проф спросил:

— Есть возражения? — и подождал с поднятым молотком.

Тип, занявший место на трибуне еще до того,

как Адам попросил слова, пробормотал:

— Тем не менее я утверждаю, что это обособленный причастный оборот… Но черт с ним, пусть остается…

Проф стукнул молотком:

— Принято!

Мы выстроились в очередь и поставили подписи на огромном свитке, «присланном из конторы Адама», как я заметил, уже с его подписью. Я расписался после Хейзел — девочка научилась писать, хотя в грамоте пока разбиралась слабо. Подпись была корявая, но буквы большие и гордые. Камрад Клейтон подписался партийной кличкой и настоящим именем, сначала буквами, а потом по-японски — три крошечных изящных рисунка один под другим. Два камрада поставили крестики, которые мы тут же засвидетельствовали. Все партийные вожаки были здесь этой ночью (вернее, утром), все расписались, а болтунов осталось не больше дюжины. Но и они тоже поставили свои подписи для истории. И таким образом поручились «своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью».

Очередь медленно продвигалась вперед, галдела понемногу, и вдруг проф стукнул молотком, требуя внимания:

— Вызываю добровольцев для выполнения опасного задания. Эта Декларация будет передана по информационным каналам, но кому-то необходимо лично вручить ее Федерации Наций на Терре.

Сразу стало тихо. Проф глядел на меня. Я сглотнул слюну и произнес:

— Я записываюсь.

— Я тоже, — эхом отозвалась Вайо.

— И я! — сказала крошка Хейзел Мид.

Через минуту нас было уже больше дюжины — от Финна Нильсена до *gospodin*'а Причастный Оборот (он оказался хорошим парнем, если не считать его идефикс).

Проф записал имена и невнятно пробормотал, что свяжется с нами, когда выяснится насчет транспорта.

Я отвел его в сторонку и спросил:

— Слушайте, проф, вы наверняка притомились и кое-что позабыли. Вы же знаете, что корабль на седьмое отменен; землееды обсуждают вопрос об эмбарго. Следующий корабль, который они пошлют к Луне, будет боевой. Как вы собираетесь лететь? В качестве военнопленного?

— Нет, их корабли нам не понадобятся.

— Вот как? Думаете построить свой? Вы хоть

представляете, сколько времени это займет? Если вообще что-нибудь удастся построить? В чем я лично сомневаюсь…

— Мануэль, Майк говорит, что это необходимо и он все продумал.

Про Майковы «необходимо» я и сам знал. Он пересмотрел всю программу после того, как мы обнаружили, что хитроумные ребята из обсерватории Ричардсона все-таки умудрились известить Терру. Теперь он давал нам всего один шанс из пятидесяти трех… и заявил о настоятельной необходимости отправить профа на Терру. Но я не тревожусь о неосуществимом: я весь день вкалывал, как мог, чтобы наш единственный шанс оказался выигрышным.

— Майк обеспечит нас кораблем, — продолжал проф. — Проект уже готов, теперь его доводят.

— Доводят? Вот как? С каких это пор Майк стал инженером?

— А разве он не инженер? — спросил проф.

Я хотел было ответить, но заткнулся. У Майка нет ученых степеней. Он просто знает о машиностроении больше любого из людей. Равно как и о пьесах Шекспира, о загадках, об истории и так далее.

— Проф, объясните толком.

— Мануэль, мы отправимся на Терру вместе с грузом зерна.

— Что?! И кто это «мы»?

— Ты и я. Все остальные добровольцы — просто декорация.

— Послушайте, проф. Тут я пас. Я работал изо всех сил, хотя сама идея казалась мне дурацкой. Таскал на себе утяжелители на случай, если придется отправиться в это мерзкое болото. Но я подписался лететь на корабле, пусть даже с киборгом-пилотом. Главное, чтобы приземлиться мог нормально. А изображать из себя метеорит — такого уговора не было.

— Прекрасно, Мануэль. Я всегда признавал свободу выбора. Тогда полетит твой дублер.

— Мой… кто?

— Камрад Вайоминг. Насколько я знаю, она единственная, кроме нас, тренировалась для полета… если не считать землян, конечно.

Так что пришлось мне лететь. Но сначала я поговорил с Майком.

— Ман, мой первый друг, тебе не о чем беспокоиться. Вы полетите на барже ка-эм-сто восемьдесят семь, серия семьдесят шесть, и прибудете в Бомбей без проблем. Я специально выбрал эту баржу, потому что ее снимут с околоземной орби-

ты и поведут на посадку, когда Индия будет у меня в поле зрения и я смогу перехватить управление, если мне не понравится, как это делает их ЦУП. Верь мне, Ман, все продумано до мельчайших деталей. Даже решение продолжать поставки зерна, несмотря на провал режима секретности, было частью этого плана.

— Мог бы поделиться со мной и раньше.

— Не хотел понапрасну тебя беспокоить. С профессором я общался постоянно, ему известны все детали. Но ты отправляешься только для того, чтобы заботиться о нем, поддерживать его и продолжить его дело, если он умрет. Тут я не в силах дать никакой гарантии.

Я вздохнул:

— О'кей. Но, Майк, ты, конечно, не думаешь, что можешь обеспечить нам мягкую посадку с такого расстояния? Сигналы-то идут со скоростью света, запаздывать будут.

— Ман, ты что, думаешь, я в баллистике не разбираюсь? Когда вы будете на орбите, от запроса до ответа и до приема команды пройдет менее четырех секунд. Можешь мне поверить — я не потеряю и микросекунды. За четыре секунды вы успеете пролететь всего тридцать два километра, а по мере приближения к посадке и того мень-

ше. Моя реакция будет гораздо быстрей, чем у пилота за штурвалом, потому что мне не нужно тратить время на оценку ситуации и выбор верного решения. Максимум у меня четыре секунды, но реально они мне не понадобятся, поскольку я постоянно планирую и прогнозирую, заглядываю вперед и программирую всевозможные ситуации. В сущности, я буду опережать тебя на траектории на эти самые четыре секунды, так что реакция будет мгновенной.

— Но на этой консервной банке нет даже альтиметра!

— Уже есть. Ман, *пожалуйста*, верь мне. Я продумал все. Единственная причина, по которой я добавил кое-какое оборудование, — это чтобы ты успокоился. ЦУП в Пуне принял пять тысяч барж без единого промаха. Их компьютер совсем не дурак.

— О'кей. Э-э-э… Майк, а с какой силой эти сволочные баржи плюхаются в воду? Сколько «же»?

— Не так уж много, Ман. Десять «же» при выходе на парковочную орбиту, потом не больше четырех… ну, правда, перед самой посадкой подскочит до пяти-шести. В воду войдете аккуратненько, как с пятидесятиметровой вышки, без сильного толчка и с ускорением около трех «же».

Потом вынырнете, мягко сядете на поверхность и поплывете себе при нормальной земной силе тяжести. Ман, эти баржи делаются легкими. Мы не можем позволить себе швырять их с силой, а то у них швы разойдутся.

— Это радует. Майк, а что значит пять-шесть *же* для тебя? Тоже могут разойтись швы?

— Полагаю, я выдержал перегрузки порядка шести *же*, когда меня переправляли сюда. Правда, в моем нынешнем состоянии шесть «же» разорвали бы довольно много важных цепей. Однако меня больше волнуют сверхсильные, хотя и кратковременные перегрузки, которые мне предстоит испытать от ударных волн, когда Терра начнет нас бомбить. Данных для надежного прогноза недостаточно… но я могу потерять контроль над некоторыми периферийными функциями, Ман. А это может стать главным фактором в ряде тактических ситуаций.

— Майк, ты действительно считаешь, что нас будут бомбить?

— Вполне возможно, Ман. Вот почему это путешествие необходимо.

На том мы и порешили, после чего я отправился взглянуть на этот гроб. Лучше бы я остался дома.

Вы хоть когда-нибудь видели какую-нибудь их

этих дурацких барж? Просто-напросто стальной цилиндр с тормозными и направляющими ракетами и импульсным радиолокатором. Похож на космический корабль не больше, чем пассатижи — на мою руку номер три. Эта штука была открыта, и ее как раз переоборудовали под «жилое помещение».

Никакого камбуза. И никакого сортира. Вообще ничего. А зачем? Полет-то продлится всего пятьдесят часов. Не лопай в дорогу — и тебе даже санитарный контейнер в скафандре не понадобится. Бар и кресла тоже ни к чему — все равно из скафандров вылезать не придется: накачают тебя снотворным, и все тебе будет до фени.

Во всяком случае, проф будет спать всю дорогу. Мне же придется бодрствовать при посадке, чтобы постараться выбраться из этой жестянки, если что-нибудь пойдет не так и никто не явится к нам с консервным ножом в руке. Сейчас там устанавливали нечто вроде люльки, подогнанной по форме под наши спины, облаченные в скафандры. Уложат нас в эти ямки, пристегнут — и вперед до самой Терры. По-видимому, конструкторов в основном занимала проблема, как сохранить общую массу баржи такой же, какой она была до выгрузки части пшеницы, чтобы не

изменились центр тяжести и моменты вращения. Проблема комфорта их волновала гораздо меньше. Инженер, который там командовал, сказал мне, что даже вес дополнительной прокладки в скафандрах и тот учтен при расчетах. Известие о прокладке меня порадовало: эти ямы выглядели не очень-то мягкими.

Домой я вернулся в глубокой задумчивости.

Вайо за ужином не было. Меня это удивило. Грег же сидел за столом, что удивило меня еще больше. И никто даже словечком не обмолвился о моем намерении разыграть на следующий день роль метеорита, хотя все были в курсе. Но только когда младшее поколение без единого намека встало из-за стола и вышло вон, до меня дошло, что продолжение следует. Я понял, почему Грег не уехал обратно в Океан Бурь после окончания сессии Конгресса: кто-то потребовал семейного толковища.

Ма оглядела нас и сказала:

— Мы все в сборе. Али, закрой дверь; вот так, умница. Дед, ты начнешь?

Наш старейший муж, дремавший над чашкой кофе, встрепенулся, окинул взглядом стол и громко произнес:

— Я вижу, мы все в сборе. Вижу, что дети уло-

жены спать. Вижу, что меж нами нет ни гостей, ни посторонних. И я говорю вам: мы собрались тут в соответствии с обычаями, установленными Черным Джеком Дэвисом, Первым мужем нашей семьи, и Тилли, Первой женой. Если есть проблема, которая касается спокойствия и счастья нашего брака, давайте вынесем ее на свет немедленно. Не будем оттягивать. Таков наш обычай. — Дед обернулся к Ма и мягко сказал: — Продолжай, Мими.

После чего опять впал в тихую дрему. Но в эту минуту, пока говорил, он снова был тем могучим, красивым, крепким и энергичным человеком, которого я видел в день своего избрания… Меня вдруг прошибла слеза: как же мне повезло в тот день!

И тут же сомнение одолело — а повезло ли? Единственной причиной нашего семейного сборища могло быть мое завтрашнее отплытие на Терру с наклейкой «Зерно». Неужели Ма собирается настроить семью против моей поездки? Никто не заставлял нас подчиняться решениям толковища; но все и всегда выполняли их неукоснительно. В этом и заключалась сила нашего брака: когда возникала проблема, мы встречали ее единым строем.

Ма начала:

— Есть ли у кого-нибудь вопрос, который требует обсуждения? Говорите, милые.

— У меня есть, — сказал Грег.

— Послушаем Грега.

Грег отличный оратор. Он способен встать перед своей паствой и уверенно говорить о таких вещах, в которых я не чувствую себя уверенным даже наедине с собой. Однако в этот вечер Грега никак нельзя было обвинить в самоуверенности.

— Ну… э-э… Мы всегда старались в нашем браке соблюдать равновесие между пожилыми и молодыми, регулярно пополнять его в нужном соотношении… чтобы сохранить наследие, переданное нам из рук в руки. Однако иногда мы отклонялись… по разумным причинам, — он взглянул на Людмилу, — а потом вносили поправки, — и посмотрел на Али и Фрэнка, сидевших рядом с Людмилой. — В течение многих лет, как видно из наших записей, средний возраст мужей в семье был около сорока, а жен — около тридцати пяти. Такая разница в годах установилась, когда сто лет назад возник наш брак, ибо Тилли исполнилось пятнадцать, а Черному Джеку двадцать в тот год, когда она избрала его в мужья. Сейчас же средний возраст мужей у нас ровно

сорок, а средний возраст…

Ма сказала твердо:

— Оставь в покое арифметику, милый. Говори дело.

Я старался вычислить, кого имел в виду Грег. Правда, последний год я редко бывал дома, а когда появлялся, то все уже, как правило, спали. Но Грег явно говорил о свадьбе, а перед свадьбой у нас положено долго и скрупулезно разбираться в будущем кандидате. А как же иначе, ну сами подумайте!

Нет, все-таки я просто дурак. Грег помялся и сказал:

— Я предлагаю Вайоминг Нотт.

Я же говорю — дурак. Я кое-что понимаю в технике, и техника понимает меня. А претензий на знание людей у меня нет. Когда я стану старшим мужем — если, конечно, доживу, — я поступлю точно так же, как Дед: вручу бразды правления Сидрис, пусть командует семьей. И все же… Ну хорошо, Вайо вступила в церковь Грега. Мне нравится Грег, я люблю Грега. И восхищаюсь им. Но если теологическую основу его церкви пропустить через компьютер, не получишь ничего, кроме нуля. Вайо это знала наверняка, поскольку обратилась в Грегову веру уже взрослым

человеком; честно говоря, я подозревал, что ее обращение — всего лишь очередная жертва ради нашего Дела.

Хотя… она ведь завербовала Грега еще до того. И именно она в основном моталась к новой катапульте, так как ей было легче уехать, чем профу или мне. Так чего удивляться? Если подумать, конечно.

— Грег, — сказала Мими, — у тебя есть основания думать, что Вайо примет наше предложение?

— Да.

— Отлично. Все мы знаем Вайоминг. Я уверена, что у всех сложилось о ней определенное мнение. Не вижу причин открывать дискуссию… разве что кто-нибудь желает высказаться. Говорите…

Значит, для Ма это не сюрприз. Да и не может быть сюрпризом, как и для всех остальных, ибо Ма никогда не допустит толковища, пока не будет уверена в результате.

Однако любопытно, почему это Ма так уверена в моем мнении? Настолько уверена, что даже не сочла нужным прощупать почву? И вот теперь сижу я в глубокой луже, понимая, что обязан заговорить, понимая, что знаю нечто страшно важное, неизвестное никому другому, иначе дело

не зашло бы так далеко. Важное не для меня, а для Ма и всех остальных наших женщин. Жалкий трус — так я и просидел, ничего не сказав.

— Хорошо, — вновь заговорила Ма. — Голосуем по очереди. Людмила?

— Я? Я люблю Вайо, это все знают. За!

— Ленора, милая?

— Ну, я, пожалуй, уговорю ее снова потемнеть; мы с ней прекрасно оттеняли друг друга. Ее единственный недостаток, что она блондинка еще более яркая, чем я. *Da!*

— Сидрис?

— Я двумя руками за. Вайо наш человек.

— Анна?

— Я должна сказать кое-что, прежде чем проголосую, Мими.

— Не думаю, что в этом есть необходимость, милая.

— И тем не менее я хочу вытащить это дело на свет. Тилли всегда так поступала, такова традиция. В нашем браке каждая женщина несет свою ношу, принося в семью детей. Может быть, вы удивитесь, узнав, что у Вайо их было восемь…

Али это явно поразило до глубины души. Он резко вскинул голову, челюсть отвисла. Я уставился в тарелку. Ах, Вайо, Вайо! Как же я допустил до

этого? Хочешь не хочешь, а придется заговорить!

И вдруг понял, что Анна все еще продолжает:

— …так что теперь она сможет иметь собственных детей; операция прошла успешно. Но Вайо очень боится снова родить неполноценного ребенка, хотя, по словам главы клиники в Гонконге, это практически невозможно. Поэтому мы должны найти в себе достаточно любви, чтобы излечить ее от страха.

— Мы будем ее любить, — серьезно сказала Ма. — Мы уже любим ее. Анна, ты готова проголосовать?

— А что, в этом есть необходимость? Я ездила в Гонконг вместе с ней и держала ее за руку, пока ей восстанавливали трубы. Я за Вайо.

— В этой семье, — продолжала Ма, — всегда предполагалось, что наши мужья обладают правом вето. Возможно, это странно, но такой обычай ввела в обиход Тилли, и до сих пор он себя оправдывал. Ну, что скажешь, Дед?

— Э? Что ты хочешь, дорогая?

— Мы голосуем за прием Вайоминг, *gospodin* Дед. Ты даешь свое согласие?

— Что? Ну конечно, конечно… Очень милая девочка. Скажи, а куда делась та маленькая хорошенькая африканочка, ее еще звали как-то

похоже? Она на нас обиделась?

— Грег?

— Предложение было мое.

— Мануэль? Ты накладываешь вето?

— Я? Но ты же знаешь меня, Ма!

— Я-то знаю. Но иногда сомневаюсь, знаешь ли ты сам себя. Ганс?

— А что будет, если я скажу «нет»?

— Потеряешь несколько зубов, вот что, — тут же нашлась Ленора. — Ганс голосует за.

— Шутки в сторону, родные, — сказала Ма с упреком. — Голосование дело серьезное. Ганс, говори.

– *Da. Йес. Ja. Si. Oui.* Самое времечко завести настоящую блондинку в нашей… Ох!

— Прекрати, Ленора! Фрэнк?

— Да, Ма.

— Али, милый? Единогласно?

Юноша вспыхнул до корней волос и ничего не сказал. Только закивал что было сил.

Вместо того чтобы назначить пару, которая чинно заявится к кандидатке и сделает ей официальное предложение, Ма послала Людмилу и Анну, велев им привести Вайо немедленно. Как выяснилось, она была неподалеку, в «Бонтон». Церемония рушилась по всем статьям: вместо того

чтобы назначить дату и обговорить подробности свадьбы, стали скликать детей, а двадцать минут спустя Грег раскрыл свою книгу и мы приняли обеты. И я наконец понял своей тупой башкой, что все происходит с такой головоломной скоростью исключительно из-за моего намерения устроить себе завтра головоломку в самом буквальном смысле. Конечно, для меня это имело чисто символическое значение, ибо новобрачная всегда проводит первую ночь со старшим мужем, а вторую и третью ночи я намеревался болтаться в космосе. Но символическое или нет, а когда женщины начали плакать во время церемонии, я вдруг обнаружил, что у меня тоже текут слезы.

Вайо расцеловала всех и ушла под ручку с Дедом; я отправился спать в мастерскую. Устал зверски, особенно за последние два дня. Вяло подумал об упражнениях и решил, что перед смертью не надышишься. Потом подумал, что надо позвонить Майку, спросить про новости с Терры. И лег спать.

Не знаю, долго ли я спал, когда вдруг обнаружил, что уже не сплю, а в комнате кто-то есть.

— Мануэль? — раздался тихий шепот в темноте.

— А? Вайо? Тебе не полагается быть здесь, до-

рогая.

— Нет, полагается, муженек. Ма в курсе, что я здесь, Грег тоже. А Дед сразу пошел спать.

— Э-э-э… Который час?

— Около четырех. Пожалуйста, дорогой, можно я лягу?

— Что? Да, конечно! — Что-то я должен был сделать, но что? Ах да! — Майк!

— Да, Ман, — ответил он.

— Отключись. Не прослушивай. Если понадоблюсь, вызови меня по семейному телефону.

— Вайо уже меня предупредила, Ман. Поздравляю.

Затем ее голова оказалась на моем обрубке, и я обнял ее правой рукой.

— О чем ты плачешь, Вайо?

— Да не плачу я! Просто дико боюсь, что ты не вернешься!

Глава 16

Проснулся я в кромешной тьме, очумелый от страха. «Мануэль!» Ничего не понимаю — где низ, где верх.

— Мануэль! — снова забубнила тьма. — Проснись…

В мозгах у меня слегка прояснело: это же сигнал-будильник! Ну да, я помню, как лежал распростертым на столе в госпитале Комплекса: свет слепит глаза, слышу чей-то голос, а в вены по каплям вливается снотворное. Но ведь это было сто лет назад, с тех пор прошла целая вечность, наполненная кошмарами, невыносимой тяжестью и болью.

До меня дошло, почему не разобрать, где низ, где верх; ощущение-то знакомое. Невесомость. Значит, я в космосе.

Что и почему не сработало? Может, Майк потерял запятую перед дробью? Или уступил своей детской природе и сыграл с нами шутку, не понимая, что она нас прикончит? Но тогда почему после всех этих бесконечных мучений я все еще жив? А может, я умер? Может, для призрака это и есть нормальное состояние — одиночество и потерянность в небытии?

— Проснись, Мануэль. Проснись, Мануэль…

— Ох, да заткнись ты! — огрызнулся я. — Закрой свою гнусную пасть!

Запись продолжала крутиться. Я плюнул на нее и решил врубить свет. Ну где же этот вонючий выключатель?! Нет, чтобы оторваться с трехкратной перегрузкой от Луны, вовсе не нужно

мучиться сто лет, это мне просто кажется. Восемьдесят две секунды… Но порой человеческая нервная система ощущает каждую микросекунду. Три *g* — это в восемнадцать растреклятых раз больше, чем обычно весит лунарь.

И тут я обнаружил, что эти безмозглые идиоты, у которых в головах чистый вакуум, не надели мне руку. По какой-то дурацкой причине они сняли ее, когда раздевали меня и совали в скафандр, а я от лошадиной дозы пилюль «не-волнуйся-милый» и «баюшки-баю» совсем обалдел и не протестовал. Надеть руку обратно, конечно, забыли. А этот *дреклиш* выключатель конечно же где-то слева, там, где у меня пустой рукав скафандра.

Следующие десять лет я провел в попытках отстегнуться одной рукой, затем двадцать лет отбывал срок, плавая в непроглядной тьме, пока наконец не натолкнулся на свою люльку. Выяснил, где у нее головная часть, и стал на ощупь искать выключатель. Отсек был не больше двух метров в любом направлении, но при невесомости и в полной тьме казался куда больше Старого Купола. Наконец нашел. И стал свет.

(Не спрашивайте, почему в этом гробу не сделали хотя бы трех осветительных систем,

работающих непрерывно. Вероятнее всего, по привычке. Раз есть лампы, значит должен быть и выключатель, разве *nyet*? Все наше жилище сварганили за пару дней; спасибо и на том, что выключатель вообще сработал.) Когда я зажег свет, объем сразу уменьшился до размеров, вызывающих клаустрофобию, а то и процентов на десять поменьше. И я смог взглянуть на профа.

На вид явно мертв. Что ж, у него есть уважительные причины. Позавидовал ему, но решил, как положено, проверить пульс, дыхание и так далее на случай, если ему не повезло и у него сохранились эти никчемные функции. Легко сказать — проверить. И дело тут не только в моей однорукости. Зерно перед погрузкой высушили и подвергли вакуумной обработке, но предполагалось, что наш отсек будет загерметизирован. Никакой роскоши — просто резервуар, наполненный воздухом. Скафандры, конечно, обеспечат наши дыхательные потребности в течение двух суток, но даже в самом лучшем скафандре передвигаться удобнее, когда снаружи его окружает атмосфера, а не вакуум. Кроме того, мне надо было обследовать своего пациента.

А я не мог. Мне даже не требовалось снять шлем, чтобы понять — эта консервная банка не

сумела остаться герметичной; стоило только взглянуть на скафандр, и все стало ясно. Конечно, лекарства для профа, сердечные стимуляторы и прочее были у меня в полевых ампулах; я мог проткнуть ими любой скафандр. Но как проверить пульс и дыхание? Скафандр-то у него — типичная дешевка, такую дрянь покупают только лунари, редко покидающие свои поселения. Никаких наружных контрольных приборов.

Рот у профа был раскрыт, глаза закатились. Мертвяк, решил я. Ничего уже не ждет экс-профессора за порогом этой старой баржи. Он сам себя ликвидировал. Я попытался пощупать пульс на шее: не выходит, мешает шлем.

Нас обеспечили программируемыми часами — неслыханная щедрость! Судя по их показаниям, я был в отключке сорок четыре часа с лишком, все по плану, а значит, через три часа мы получим жуткий пинок и выйдем на парковочную орбиту вокруг Терры. Затем, после двух витков, то есть еще через три часа, нас включат в программу приземления — если пуновский ЦУП не передумает и не оставит нас на орбите. Но это вряд ли: зерно не задерживают в вакууме дольше, чем необходимо. Оно начинает вздуваться и превращается в попкорн, что не только снижает его качество, но

и нашу баржу может расколоть, как перезрелый арбуз. Приятная перспектива, не правда ли? И какого черта они упаковали нас вместе с зерном? Почему не загрузили баржу камнями, которым плевать на вакуум?

У меня хватило времени, чтобы поразмышлять об этом и почувствовать жажду. Глотнул из соски капельку, не больше, так как вовсе не собирался встретить 6 *g* с полным мочевым пузырем. (Беспокойство было излишним: меня снабдили катетером. Но сказать забыли.) Когда время стало подпирать, я решил, что профу не повредит, если я вколю ему лекарство, которое поможет выдержать перегрузку. Потом, на парковочной орбите, дам еще и сердечный стимулятор. Похоже, ему теперь вообще ничего не может повредить.

Сделал профу укол, а все оставшиеся в моем распоряжении минуты потратил на то, чтобы снова залезть в «упряжь». Нелегкая работа для однорукого. Жаль, не знал я имени моего заботливого дружка, — покрыл бы его покрепче.

Десять *g* выводят на парковочную орбиту вокруг Терры всего за $3{,}26 \times 10^7$ микросекунд; просто кажется, что дольше, поскольку 10 *g* в шестьдесят раз больше того, к чему привык этот жалкий мешок с протоплазмой. Фактически тридцать

три секунды. Боюсь, моей прародительнице в Салеме пришлось покруче в те полминуты, когда ее вздернули и заставили плясать в воздухе.

Я дал профу сердечный стимулятор, а затем три часа пытался решить вопрос, стоит ли мне самому колоться перед приземлением. И решил, что не стоит. Все, что дали мне уколы при катапультировании, — это столетие кошмарных сновидений вместо полутора минут мучений и двух дней скуки, а кроме того, если эти последние минуты окажутся действительно последними, я хочу их прожить. Даже если они будут ужасны, они все равно мои, и я не собираюсь их никому отдавать.

Они и в самом деле оказались ужасными. Шесть *g* были не лучше, чем десять. Даже хуже. Да и четыре, честно говоря, не фонтан. Потом нам наподдали еще разок. Потом, совершенно внезапно, несколько секунд свободного падения. После чего последовал удар о воду, который вовсе не был «аккуратненьким» и который мы приняли на ремнях, а не на прокладках, так как нырнули «головой» вниз. А после глубокого нырка (думаю, Майк этого не предусмотрел) мы вылетели из воды и снова тяжело плюхнулись, прежде чем поплыть по волнам. Землееды зовут это плаванием,

но оно сильно отличается от плавания в свободном падении: на вас давит сила тяжести в 1 *g*, то есть в шесть раз больше, чем в Луне, да к тому же еще болтает из стороны в сторону. И здорово болтает… Майк уверял, что на Солнце все спокойно и радиация внутри нашей «железной девы» нам не угрожает. А вот погода в Индийском океане его, видимо, не очень интересовала; прогноз для приземления барж был вполне приемлемым, и он решил, что все в порядке. Я бы на его месте решил точно так же.

Мне казалось, что в желудке у меня пусто. Но шлем вдруг наполнился такой отвратительной кислой жидкостью, что я врагу не пожелал бы оказаться на моем месте. Затем нас перевернуло, и эта дрянь хлынула мне в глаза, в волосы и даже в ноздри. Землееды зовут такие штуки морской болезнью. Всего лишь одна из множества мерзостей, которые у них в порядке вещей.

Не буду углубляться в подробности и описывать, как долго и нудно нас тащили на буксире в порт. Достаточно сказать, что вдобавок к морской болезни у меня почти кончился запас кислорода в баллонах. Каждый из них рассчитан на двенадцать часов — вполне достаточно для пятидесятичасового полета, большую часть которого

я провел обездвиженным, но на дополнительные несколько часов буксировки маленько не хватило. Когда баржа наконец остановилась, я прибалдел настолько, что меня уже ничего не волновало, в том числе и проблема выхода из жестянки.

Хотя нет, кое-что волновало… Нас подобрали, покрутили и оставили висеть вниз головой. Позиция малоприятная, особенно при земной силе тяжести, и просто невозможная, если предполагается, что ты должен: а) отстегнуть ремни; б) выбраться из углубления, сделанного по форме скафандра; в) достать кувалду, прикрепленную к переборке с помощью барашковой гайки; г) сбить скобы, закрывающие аварийный люк; д) пробиться через него наружу и е) в заключение вытащить на себе старика, одетого в тяжелый скафандр.

Я не выполнил даже пункта «а» — отключился, повиснув вниз головой.

К счастью, пункты эти были предусмотрены на крайний случай. Стью Лажуа знал о нашем прибытии, а незадолго до посадки известил об этом земные средства массовой информации. Я очнулся, увидел склонившихся надо мной людей и тут же вырубился. Вторично пришел в себя уже

в больнице, лежа на спине и ощущая тяжесть в груди. Чувствовал себя слабым — не больным, а просто усталым, избитым, голодным и умирающим от жажды. Кровать покрывал прозрачный пластиковый колпак, под которым дышалось легко и свободно.

Ко мне с обеих сторон бросились люди: с одной тонюсенькая медсестра-индуска с огромными глазищами, с другой — Стью Лажуа.

— Привет, дружище! Как самочувствие?

— Э-э-э… нормально. Но пропади оно все пропадом! Разве так путешествуют?!

— А проф говорит, это был единственный способ. Ну и крепкий же старикан!

— Постой-ка! Проф говорит? Но проф же умер!

— Ничего подобного. Конечно, вид у него неважный. Мы поместили его на пневматическую постель, наблюдаем круглосуточно, да уж сколько приборов в него воткнули — не поверишь! Но он жив и в скором времени будет готов приступить к работе. Он на полном серьезе ничего не имеет против вашего путешествия; он его даже не ощутил. Заснул в одном госпитале, проснулся в другом. Я-то, грешным делом, раньше понять не мог — почему проф не разрешает мне послать за вами корабль? Предлагал же ему, как-нибудь

исхитрился бы зафрахтовать. Но он оказался кругом прав — реклама просто обалденная!

— Ты говоришь, — медленно произнес я, — проф не разрешил тебе послать корабль?

— Вернее, не разрешил председатель Селен. Разве ты не видел наших радиопрограмм?

— Нет. — (После драки кулаками не машут.) — В последние дни я был дико занят.

— Верю. Мы здесь тоже… даже не помню, когда удалось покемарить в последний раз!

— Ты говоришь совсем как лунарь.

— А я и есть лунарь, Манни, и не вздумай в этом сомневаться. Но сестричка в меня уже мечет молнии. — Стью схватил ее и развернул лицом к дверям. (Я решил, что ему еще далеко до лунаря. Впрочем, сестричка никак не выразила своего возмущения.) — Пойди-ка, милая, поиграй во что-нибудь, а я отдам тебе твоего пациента обратно через несколько минут, еще тепленьким. — Он закрыл дверь и вернулся к моей постели. — Адам был прав на все сто. Этот путь не только дал нам потрясающую рекламу, он был наиболее безопасным.

— Реклама — да. Но безопасным? Не надо об этом.

— Безопасным, уверяю тебя, старина. Вас не

сбили. Хотя в течение двух часов они точно знали, где вы находитесь, — такая большая жирная мишень. Но они никак не могли решить, что делать; не успели выработать политику. Они даже не осмелились нарушить расписание приема барж: все средства информации трубили о вас, статьи у меня были подготовлены заранее. Сейчас они уже не рискнут вас тронуть даже пальцем — вы же герои, причем жутко популярные. А если бы я терял время на поиски и фрахт корабля… ну, в общем, не знаю. Скорее всего, вам приказали бы остаться на околоземной орбите; потом взяли бы вас, а возможно, и меня под арест. Ни один шкипер не рискнет подставить себя под ракеты, сколько бы ему ни заплатили. Чтобы определить, хорош ли пудинг, его надо съесть, дружок. А теперь давай-ка я проинформирую тебя вкратце, как разворачиваются события. Вы оба — граждане Народного Директората Чад: это самое лучшее, что я смог сделать за такое короткое время. Кроме того, Чад признал Луну. Пришлось купить одного премьер-министра, двух генералов, нескольких племенных вождей и министра финансов — недорого, учитывая такую спешку. Пока что мне не удалось добиться для вас дипломатического иммунитета, но очень

рассчитываю сделать это до вашего выхода из больницы. Как видишь, вы даже не арестованы: власти не знают, что вменить вам в вину. Правда, снаружи поставили охрану, так сказать, для безопасности. Но это даже к лучшему, иначе сейчас толпа журналистов тыкала бы тебе в лицо микрофонами.

— А в чем нас обвиняют? Я имею в виду, что им известно? Незаконная иммиграция?

— Ничего подобного, Манни. Ты не депортированный, и у тебя наследственное панафриканское гражданство по линии одного из предков, так что никаких проблем. Что касается профессора де ла Паса, то мы раскопали доказательство, что сорок лет назад он натурализовался как гражданин Чада, подождали, пока на документе высохнут чернила, и вручили властям. Они даже не могут обвинить вас в нелегальном въезде в Индию. Они не только сами посадили вас на Землю, но офицер контроля был столь любезен, что за небольшую взятку проштемпелевал ваши девственно чистые паспорта. И вдобавок ко всему ссылка профа в Луну не имеет юридической силы, так как сославшее его правительство давно ушло в отставку. Это признал компетентный суд, и это обошлось мне дороже всего.

Вернулась сестра, шипевшая, как кошка, у которой отнимают котят:

— Лорд Стюарт… вы должны дать отдых моему пациенту!

— Сию минуту, *ма шер*!

— Так ты, значит, лорд Стюарт?

— Правильнее будет «граф». Кроме того, у меня есть еще сомнительные права на принадлежность к клану Макгрегоров. Голубая кровь иногда помогает. Эти люди не стали счастливее, оттого что лишили себя королевской власти.

Уходя, он похлопал сестру по попке. Вместо того чтобы разораться, она завертела ею вовсю и, лучась улыбкой, подошла ко мне. Стью следует отвыкнуть от таких шуточек, когда он вернется в Луну. Если вернется.

Она спросила, как я себя чувствую. Я ответил, что все в порядке, только есть хочется.

— Сестра, вы не видели каких-нибудь протезов в нашем багаже?

Оказывается, видела, и я почувствовал себя куда лучше со своей номер шесть. В дорогу я взял номер шесть, номер два и представительскую — для путешествия вполне достаточно. Номер два, видимо, осталась в Комплексе; я надеялся, что о ней там позаботятся. Номер шесть годи-

лась для всех случаев жизни, а если учесть, что и «представительская» при мне, то все должно быть в порядке.

* * *

Через два дня мы уехали в Агру, чтобы вручить свои верительные грамоты Федерации Наций. Мне нездоровилось, и не только из-за земного тяготения; я вполне освоился с инвалидной коляской и мог даже пройти несколько шагов, правда не на публике. У меня болело горло, воспаления легких удалось избежать только благодаря лекарствам, а еще меня мучил понос и кожная сыпь на руках, распространившаяся до ног, то есть полный комплект хвороб, которые донимали меня во время прежних посещений этой заразной дыры Терры. Мы, лунари, даже не подозреваем, как нам повезло, что у нас жесткий карантин, почти нет микробов и мы в любой момент можем продезинфицировать что угодно с помощью вакуума. А может, наоборот, не повезло, поскольку у нас нет иммунитета, а иногда он очень кстати. И все равно, я бы с землянами не поменялся; я и слова-то такого — «венерический» — не слыхал, пока впервые не попал на Землю, и думал, что ветрянка — это когда начинается декомпрессия и

по туннелю бежит сквознячок.

Была и еще одна причина для мрачного настроения. Стью доставил нам письмо Адама Селена; тайным кодом, неизвестным даже Стью, Майк извещал, что наши шансы упали ниже одного из ста. Интересно, в чем тогда смысл этой безумной поездки, если она только ухудшила положение? Да и сам Майк — считает он эти шансы взаправду или придуривается? Хоть убей, не могу понять, как их можно вычислить, даже имея уйму исходных данных.

Но проф вроде совсем не волновался. Разговаривал с толпами репортеров, улыбался с бесчисленных фото, делал заявления, заверял мир, что испытывает большое доверие к Федерации Наций и убежден, что наши справедливые требования будут признаны, выражал благодарность обществу «Друзей Свободной Луны» за бесценную помощь в распространении правдивой информации среди землян о нашем маленьком, но гордом народе. А все «ДСЛ» и состояло-то из Стью, нанятых им профессиональных пиарщиков, нескольких тысяч любителей подписывать любые петиции и толстой пачки гонконгских долларов. Меня тоже фотографировали, я тоже пытался улыбаться, но на вопросы не отвечал,

показывая на горло и хрипя.

В Агре нас поместили в шикарном номере отеля, который когда-то был дворцом магараджи (и до сих пор принадлежал ему, хотя Индия считалась социалистическим государством); интервью и съемки шли своим чередом, и я почти не вылезал из коляски, даже в туалет сходить боялся, так как проф строго запретил мне фотографироваться в вертикальной позиции. Сам он постоянно лежал в постели или на каталке — постельные ванны, постельные судна, все постельное… и не только потому, что так безопаснее, учитывая возраст, и легче, как для всякого лунаря, но главным образом для фотографов. Его ямочки и вся его удивительно мягкая, обаятельная и подкупающая личность не сходила с сотен миллионов видеоэкранов и со страниц бесчисленных газет.

Но в Агре нам не помогло даже его обаяние. Профа доставили в канцелярию президента Великой Ассамблеи (меня тоже туда прикатили), где он попытался вручить свои верительные грамоты посла при Федерации Наций и будущего сенатора от Луны. Его тут же переадресовали в контору генерального секретаря, и там нам целых десять минут уделил помощник секретаря. Помощник поцыкал зубом и наконец сказал, что

может принять наши грамоты «без каких бы то ни было обязательств».

Документы переслали в мандатную комиссию, которая и положила их себе под задницу.

Я нервничал, проф читал Китса, зерновые баржи продолжали прибывать в Бомбей.

Сказать по правде, насчет барж я был не против. В день полета из Бомбея в Агру мы встали до рассвета и уехали в аэропорт, когда город еще только просыпался. У каждого лунаря есть своя нора — у кого хорошо обустроенная и обжитая, вроде Дэвисовых туннелей, у кого еще не просохшая после бурения. Кубатура для нас не проблема и еще долго не будет проблемой.

Бомбей же кишел людьми, как улей пчелами. Больше миллиона людей (так нам сказали) живет там буквально на кусочке мостовой. Семейство может заявить права (и передавать их по наследству из поколения в поколение) на четко ограниченное место для спанья длиной в два и шириной в один метр возле какой-нибудь лавчонки. Там спит вся семья — мать, отец, ребятишки, иногда даже бабушка. Никогда бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами. На утренней заре проезжая часть бомбейских улиц, и тротуары, и даже мосты покрыты сплош-

ным ковром человеческих тел. Что они делают днем? Где работают? Что едят? (По их виду не скажешь, что они вообще что-то едят. Все ребра можно пересчитать.)

Если бы не простые арифметические расчеты, подтверждавшие, что нельзя бесконечно отправлять вниз продовольствие, не получая ничего взамен, я швырнул бы карты на стол. Но… дарзанебы! Дармовой закуски не бывает. Ни в Бомбее, ни в Луне.

Наконец нас пригласили в «комитет по расследованию». Проф, конечно, не о таком мечтал. Он требовал открытого сенаторского слушания перед видеокамерами. Единственное, что напоминало о камерах в этом комитете, так это «камерный» характер заседаний. Они были закрытыми. Ну, не совсем: мой магнитофончик всегда при мне. Но видео не было. А проф за две минуты установил, что комитет состоит сплошь из заправил Лунной администрации или их подлипал.

Тем не менее это был шанс для начала переговоров, и проф обращался с членами комитета так, будто они хотели и имели право признать независимость Луны. А они нас третировали как нечто среднее между испорченными детьми и

преступниками, ждущими приговора.

Профу разрешили произнести вступительное слово. Если убрать словесные украшения, оно сводилось к тому, что Луна *de facto* является суверенным государством с общепризнанным правительством, находится в состоянии гражданского мира и порядка, во главе страны стоят временный президент и кабинет, выполняющие все необходимые функции, но жаждущие вернуться к частной жизни, как только Конгресс закончит разработку конституции, и что мы прибыли сюда с просьбой признать эти факты *de jure* и позволить Луне занять принадлежащее ей по праву место в совещательных органах человечества в качестве члена Федерации Наций.

То, что говорил проф, несколько отклонялось от истины, но слушатели не имели возможности обнаружить эти отклонения. Откуда им было знать, например, что наш «временный президент» — это компьютер, а весь «кабинет» — это Вайо, Финн, камрад Клейтон, Теренс Шихан (главред «Правды») и Вольфганг Корсаков (председатель правления «ЛуНоГоКо» и директор Банка Гонконга-Лунного). Среди них только Вайо знала, что Адам Селен не более чем декорация, прикрывающая компьютер. И ужасно нервничала, так как

осталась защищать крепость в одиночестве.

Вообще «странность» Адама, не желавшего показываться на людях во плоти, доставляла нам кучу хлопот. Мы постарались превратить это нежелание в «необходимость по соображениям безопасности»: открыли для него контору в помещении бывшего офиса Администрации в Луна-Сити, а затем взорвали там небольшую бомбочку. После чего камрады, сильнее прочих волновавшиеся по поводу нежелания Адама потолкаться в толпе, стали громче всех вопить, что ему ни в коем случае не следует рисковать. Этот лозунг подхватили и газетные передовицы.

Пока проф говорил, я пытался представить себе, как запрыгали бы эти надутые лопухи, если бы узнали, что наш президент — всего лишь набор «железок», кстати принадлежащих Администрации.

Но они только взирали на нас с ледяным неодобрением, ничуть не тронутые риторикой профа, хотя, возможно, это было лучшее выступление в его жизни, учитывая, что он говорил в микрофон лежа на спине, без всяких шпаргалок и практически не видя аудитории.

А затем они набросились на нас. Джентльмен, представлявший Аргентину, — они не называли

своих имен, мы для них рылом не вышли, — прицепился к выражению «бывший комендант». Эта должность упразднена полстолетия назад! Он настаивает, чтоб ее вычеркнули из протокола и заменили бы официальным титулом: «Протектор лунных колоний, назначенный Лунной администрацией». Все прочие формулировки унижают достоинство Лунной администрации!

Проф попросил слова. «Достопочтенный председатель» снизошел. Проф мягко заметил, что принимает предложенную поправку, поскольку Администрация вольна называть своих служащих, как ей заблагорассудится, и что он не имел намерения унижать достоинство какого-либо учреждения Федерации Наций… Но если иметь в виду функции данного органа — бывшие функции бывшего органа, — то граждане Свободного Государства Луна, вероятно, будут думать о нем в привычной терминологии.

Шестеро членов комитета закудахтали одновременно. Кто-то возражал против слов «Свободное Государство Луна»: нет никакого «государства Луна», есть спутник Земли и собственность Федерации Наций, такая же как Антарктида, и вообще вся эта процедура — просто фарс. С последним утверждением я был вполне

согласен. Председатель попросил уважаемого представителя Северной Америки держаться в рамках и все свои замечания направлять через него, то бишь председателя. Правильно ли понял председатель из последней реплики свидетеля, что этот якобы существующий де-факто режим намерен изменить действующую систему депортации преступников?

Проф принял подачу и отбил мяч:

— Достопочтенный председатель, я сам был депортирован, но сейчас Луна — моя возлюбленная Родина. Мой коллега, достопочтенный заместитель министра иностранных дел полковник О'Келли Дэвис (это я!), уроженец Луны, гордится своим происхождением от депортированных предков. Луна обрела силу мужеством тех, кого вы выбросили, как мусор. Присылайте к нам своих бедняков, своих неудачников; мы примем их. У Луны места хватит для всех — почти сорок миллионов квадратных километров пустует, площадь больше Африки. А если учесть, что благодаря нашему образу жизни мы занимаем не площадь, а объем, то в обозримом будущем Луна не отвергнет ни один корабль с грузом исстрадавшихся бездомных.

— Свидетелю рекомендуется воздержаться от

произнесения речей, — заявил председатель. — Мы поняли смысл вашего выступления так, что группа, которую вы представляете, соглашается принимать заключенных по-прежнему?

— Нет, сэр.

— Что? Объяснитесь!

— Сразу же, как только иммигрант ступит на почву Луны, он станет свободным, каковы бы ни были его былые проступки, свободным идти туда, куда пожелает.

— Вот как? И что же в таком случае может помешать ему перейти посадочную площадку, влезть на другой корабль и вернуться сюда? Признаюсь, я был удивлен вашим заявлением о готовности принимать их… но мы в них не нуждаемся. Это наш гуманный способ освобождаться от неисправимых, которых иначе пришлось бы казнить.

(Я мог бы порассказать кое-что и заставить его заткнуться. Он явно никогда не бывал в Луне. Что касается «неисправимых», если такие бывают, Луна ликвидирует их быстрее, чем это делается на Терре. Когда я был мальчишкой, к нам прислали главаря гангстеров, по-моему, из Лос-Анджелеса. Он прибыл со взводом телохранителей и нагло заявил, что теперь будет править в Луне, как, по слухам, правил в какой-то тюрьме

на Земле. Никто из них не прожил и двух недель. Гангстерский босс не добрался даже до бараков. Невнимательно слушал, как следует обращаться со скафандром.)

— Ничто не может удержать его от возвращения домой, насколько это зависит от нас, сэр, — ответил проф. — Хотя воспоминание о вашей полиции здесь, на Терре, возможно, заставит его задуматься. Но я еще никогда не слышал о ссыльном, у которого сразу нашлись бы деньги на обратный билет. И вообще, разве это проблема? Корабли — ваши; у Луны кораблей нет. Кстати, позвольте заметить: корабль, который должен был к нам прилететь в этом месяце, так и не прибыл. Я не жалуюсь, но это обстоятельство заставило меня и моего коллегу, — проф сделал паузу и улыбнулся, — прибегнуть к весьма неудобному способу передвижения. Я просто надеюсь, что это не политика. Луна с вами не ссорилась; мы ждем ваши корабли; мы хотим с вами торговать; мы хотим жить в мире. Прошу заметить, что все плановые поставки зерна пришли к вам точно по расписанию.

(У профа дар менять тему разговора.)

После чего они стали копаться в мелочах. Любознательный представитель Северной Америки

захотел узнать, что случилось с «ко…». Он спохватился. «С протектором сенатором Хобартом».

Проф ответил, что тот перенес удар (*coup* — это и в самом деле удар) и больше не в состоянии исполнять свои обязанности; сейчас он поправляется и получает всю необходимую медицинскую помощь. Мы давно подозревали, задумчиво добавил проф, что со здоровьем у пожилого джентльмена не все в порядке, иначе трудно объяснить его странные поступки в течение последнего года… особенно многочисленные нарушения прав свободных граждан, включая недепортированных.

Проглотить эту историю было не так уж трудно. Передавая сообщение о нашем перевороте, ученые-астрономы доложили, что комендант убит… хотя Майк поддерживал в нем жизнь и даже порой перевоплощался в него. Например, когда Администрация потребовала у коменданта отчета по поводу диких слухов о бунте, Майк проконсультировался с профом и изобразил убедительную картину старческого маразма, умудрившись одновременно все опровергнуть, все подтвердить и перемешать в кучу. Вскоре мы сами дали информацию прессе, и комендант стал недоступен даже в виде своего компьютерного альтер эго. А через три дня мы провозгласили

независимость.

Североамериканец захотел узнать, с какой стати он должен верить, что хоть одно слово в этой истории — правда. Проф улыбнулся прямо-таки ангельской улыбкой и даже попытался поднять исхудавшие руки, но они тут же бессильно упали на покрывало.

— Уважаемый представитель Северной Америки! Настоятельно советую вам посетить Луну, навестить больного сенатора Хобарта и увидеть все своими глазами. Мы приглашаем к себе в гости всех граждан Терры, в любое время, в любое место — смотрите на здоровье, нам скрывать нечего. Мы хотим быть друзьями, мы миролюбивые люди. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что моя страна не может предоставить вам транспортные средства, в отношении коих мы полностью зависим от вас.

Представитель Китая внимательно смотрел на профа. Не говорил ни слова, но ушки держал на макушке.

Председатель прервал слушание до пятнадцати ноль-ноль. Нам отвели комнату для отдыха и прислали завтрак. Мне хотелось поговорить, но проф мотнул головой, оглядел комнату и похлопал себя по уху. Ну я и заткнулся. Потом проф

задремал, я опустил спинку коляски и последовал его примеру; на Терре мы старались спать как можно больше. Это помогало. Но не очень.

За нами не присылали до шестнадцати ноль-ноль, хотя комитет уже заседал. Председатель нарушил свое собственное правило насчет речей и разразился тирадой, исполненной «скорее-сожалений-чем-гнева».

Для начала он напомнил, что Лунная администрация является внеполитической попечительской организацией, на которую возложена ответственная миссия по обеспечению гарантий того, что спутник Земли никогда не будет использоваться в военных целях. Он поведал нам, что Администрация выполняет свою священную обязанность уже более столетия, в то время как правительства возникали и уходили в небытие, союзы создавались и распадались; по сути, Администрация даже старше Федерации Наций, ибо ее хартия подписана гораздо более древней международной организацией, и Администрация так блестяще справлялась со своими обязанностями, что пережила множество войн и кризисов.

(Тоже мне новости! Но вы чувствуете, куда клонит?)

— Лунная администрация не может передать

кому-либо свои функции, — торжественно заявил он. — Однако если колонисты на Луне докажут свою политическую зрелость, им может быть дарована некоторая степень автономии. Этот вопрос мы предложим поставить на рассмотрение. Многое зависит и от вашего поведения. Я хочу сказать — поведения всех колонистов. В последнее время имели место бунты и нанесение ущерба собственности; этого впредь быть не должно.

Я все ждал, когда нам припомнят девяносто убитых драгун; он не сказал о них ни слова. Из меня не получится государственный деятель. «Высшие соображения» мне не по плечу.

— Ущерб, нанесенный собственности, должен быть возмещен, — продолжал председатель. — Обязательства должны выполняться неукоснительно. Если орган, который вы называете Конгрессом, сможет нам это гарантировать, комитет допускает, что так называемый Конгресс со временем станет агентством Администрации, ведающим внутренними делами. В самом деле, можно согласиться с тем, что стабильное местное правительство в будущем сможет взять на себя многие функции, которые ныне исполняет протектор, а возможно, даже пришлет делегата

с совещательным голосом в Великую Ассамблею. Но подобную честь надо заслужить… Одно должно быть совершенно ясно. Луна по законам природы является вечной и общей собственностью народов Земли. Она не принадлежит той горсточке людей, которые в силу исторической случайности оказались ее обитателями. Священная обязанность, возложенная на Лунную администрацию, есть и пребудет навеки высшим законом для спутника Земли.

(«…исторической случайности», каково? Я ожидал, что проф вобьет ему эти слова обратно в глотку. Я думал, он скажет… Нет, я никогда не знаю заранее, что он скажет. И вот что он сказал…)

Проф долго держал паузу, а затем спросил:

— Достопочтенный председатель, кого отправят в ссылку на сей раз?

— Что вы сказали?

— Вы уже решили, кто из вас отправится в ссылку? Первый зам коменданта за эту работу не возьмется. — (Это была чистая правда, он предпочитал остаться в живых.) — Он выполняет свои обязанности временно только потому, что мы его упросили. Если вы упорно не верите в нашу независимость, вам надо думать об отправке

нового коменданта.

— Протектора!

— Коменданта. Давайте не будем играть в слова. Хотя, если бы мы знали, кого вы назначите, мы, возможно, с радостью именовали бы его «послом». Возможно, мы смогли бы найти с ним общий язык, и тогда вам не пришлось бы посылать вооруженных бандитов… чтобы насиловать и убивать наших женщин!

— К порядку! К порядку! Пусть свидетель ведет себя как положено!

— Это не я нарушаю порядок, достопочтенный председатель! Изнасилование было, и гнусное убийство тоже! Но все это уже принадлежит истории, а нам надо смотреть в будущее. Кого вы намерены сослать? — Проф попытался опереться на локоть, и я тут же насторожился: это был сигнал. — Надеюсь, вам известно, сэр, что дорога в Луну не рассчитана на обратный путь. Я родился здесь. И вы видите, каких усилий мне стоит даже временное возвращение на планету, которая отправила меня в изгнание. Мы изгои Земли, которые…

И вырубился. Я выскочил из своей коляски, рванулся к нему… и рухнул на пол.

Не все в этой сцене было игрой, хотя мои дей-

ствия были ответом на полученный сигнал. Резкие движения на Терре опасны для сердца.

Гравитационное поле Земли схватило меня и размазало по полу.

Глава 17

Никто из нас серьезно не пострадал, зато средства массовой информации взахлеб распространялись о сенсации, так как я передал магнитофонную запись Стью, а он переправил ее своим подручным. Не скажу, что все заголовки были враждебны: Стью предварительно подрезал пленку, подредактировал и придал материалу нужную направленность.

> «АДМИНИСТРАЦИЯ ВЫБИВАЕТ ИГРОКА У ПРОТИВНИКА? ПОСОЛ ЛУНЫ ТЕРЯЕТ СОЗНАНИЕ ВО ВРЕМЯ ДОПРОСА С ПРИСТРАСТИЕМ. „ИЗГОИ!“ – КРИЧИТ ОН. ПРОФЕССОР ДЕ ЛА ПАС ПРИГВОЖДАЕТ АДМИНИСТРАЦИЮ К ПОЗОРНОМУ СТОЛБУ. ЧИТАЙТЕ НА СТР. 8».

Но не все были так доброжелательны; в Индии

наиболее благосклонной выглядела передовица в новоиндийской «Таймс», где задавался вопрос: неужели Администрация готова пожертвовать хлебом для голодающих масс, лишь бы не пойти на соглашение с лунными повстанцами? Высказывалось соображение, что уступки могут быть сделаны в обмен на увеличение поставок продовольствия. Приводилось множество раздутой статистики. На самом деле Луна вовсе не кормит «сотни миллионов индусов» — наше зерно, так сказать, превращает «голодание» в «недоедание».

С другой стороны, крупнейшая нью-йоркская газета утверждала, что Администрация совершила ошибку, начав с нами переговоры, ибо каторжники понимают только язык кнута; надо высадить там войска, навести порядок, повесить виновных и оставить солдат для поддержания спокойствия.

В полку драгун-миротворцев, откуда происходили наши ныне покойные насильники, вспыхнул бунт, который, впрочем, быстро подавили; он начался из-за слухов о том, что полк собираются отправить на Луну. Известие о бунте замять не удалось: Стью нанимал ловких ребят.

На следующее утро мы получили письмо с

вопросом: в состоянии ли профессор де ла Пас продолжать переговоры? Мы отправились; комитет пригласил доктора и медсестру, чтобы наблюдать за профом. На сей раз нас обыскали и магнитофон у меня из сумки изъяли.

Я отдал его без особого сопротивления; магнитофон был японского производства, и Стью мне достал его как раз для сдачи при обыске. В моей руке номер шесть есть углубление для батарейки, в него с успехом поместился мой микромаг. Батарейка в тот день мне была ни к чему, а большинство людей — даже заматерелые полицейские — брезгуют дотрагиваться до протезов. О вчерашней дискуссии все как будто забыли… если не считать того, что председатель в первых же словах выбранил нас за «нарушение тайны закрытого заседания».

Проф ответил, что у нашей стороны нет ни малейшего желания делать из этих заседаний тайну и что мы всячески приветствовали бы присутствие представителей прессы, видеокамер, зрителей и кого угодно, так как Свободному Государству Луна скрывать нечего.

Председатель резко заметил, что так называемая Свободная Луна здесь не хозяйка; заседания закрытые, и их результаты не должны обсуждать-

ся за пределами данной комнаты. Таков порядок.

Проф взглянул на меня:

— Вы поможете мне, полковник?

Я привел в движение механизм управления коляской, подъехал к нему и начал подталкивать его каталку к дверям, прежде чем председатель успел сообразить, что мы просто блефуем. Проф позволил уговорить себя остаться, не дав при этом никаких обещаний. Трудно давить на человека, который хлопается в обморок всякий раз, как слегка перевозбудится. Председатель заявил, что вчера прозвучало слишком много речей не по существу, а насущные проблемы так и не были решены, поэтому сегодня он не потерпит никаких отклонений. И бросил взгляд на аргентинца, а затем на североамериканца.

Потом продолжил:

— Суверенность — это абстрактная концепция, одна из тех, определение которых много раз давалось заново, пока человечество училось жить в мире. Мы не станем дискутировать на эту тему. Главный вопрос, господин профессор, — или посол *de facto*, если вам угодно, не в названиях суть, — главный вопрос таков: готовы ли вы гарантировать, что лунные колонии будут выполнять свои обязательства?

— Какие обязательства, сэр?

— Все обязательства, но в первую очередь обязательства по поставкам зерна.

— Я ничего не знаю о таких обязательствах, сэр, — ответил проф тоном, исполненным глубочайшего удивления.

Председатель крепко сжал молоток, но сказал совершенно спокойно:

— Бросьте, сэр, не стоит ломать копья из-за слов. Я говорю о квотах зерновых поставок — о тех увеличенных на тринадцать процентов квотах, что определены на новый финансовый год. Можем ли мы получить ваше заверение, что вы будете уважать эти обязательства? Если нет — нам просто не о чем дальше разговаривать.

— В таком случае, сэр, я сожалею, но переговоры придется прервать.

— Это несерьезно!

— Напротив, сэр. Это совершенно серьезно. Суверенность Свободной Луны вовсе не абстрактное понятие, как вы склонны считать. Обязательства, о которых вы говорите, суть просто контракты, которые Администрация заключала сама с собой. Моя страна не может быть связана чем-либо подобным. Любые обязательства суверенной нации, которую я имею честь

представлять, еще предстоит обсудить.

— Чернь! — взревел североамериканец. — Я же говорил, что вы слишком с ними миндальничаете! Рецидивисты! Воры и шлюхи! Они не понимают цивилизованного обращения!

— К порядку!

— Вы еще попомните мои слова. Попадись они мне в Колорадо, я бы их кое-чему научил! Мы умеем обращаться с этим отребьем.

— Уважаемый член комитета, призываю вас к порядку.

— Боюсь, — проговорил индиец (парс, представлявший в комитете Индию), — боюсь, что по существу я согласен с уважаемым представителем Северо-Американского Директората. Индия не может принять концепцию, что обязательства по поставкам зерна — всего лишь никчемная бумажонка. Порядочные люди не играют с голодом в политические игры.

— А кроме того, — вмешался аргентинец, — они плодятся, как животные! Как свиньи!

(Перед заседанием проф заставил меня принять транквилизатор. И настоял, чтобы я сделал это в его присутствии.)

— Достопочтенный председатель, — спокойно сказал проф, — могу ли я пояснить смысл моего

заявления, прежде чем мы решим — возможно, излишне поспешно, — что переговоры должны быть прерваны?

— Пожалуйста.

— Все согласны? Мне не будут мешать?

Председатель оглядел членов комитета.

— Согласны все, — сказал он. — Предупреждаю уважаемых членов комитета, что в случае еще одного нарушения порядка я применю специальный параграф четырнадцатый. Старшего пристава прошу запомнить это и действовать соответственно. Свидетель может продолжать.

— Я буду краток, достопочтенный председатель. — Проф вдруг сказал какую-то фразу по-испански, но я уловил только слово «сеньор». Аргентинец побагровел, но смолчал, а проф продолжал: — Я должен сначала ответить в личном порядке уважаемому представителю Северной Америки, поскольку он затронул честь моих соотечественников. Я побывал не в одной тюрьме; я принимаю титул… нет, я горжусь титулом «рецидивист». Мы — граждане Луны — действительно рецидивисты и потомки рецидивистов. Но Луна — строгая госпожа и суровая наставница: тем, кто пережил ее уроки, больше нечего стыдиться. В Луна-Сити спокойно можно оста-

вить кошелек без присмотра, а двери своего дома держать незапертыми. Не знаю, так ли обстоят дела в Денвере. Как бы там ни было, у меня нет желания ехать в Колорадо «кое-чему научиться». С меня вполне хватает уроков матери-Луны. Может быть, мы и чернь, но теперь мы восставшая чернь. Уважаемому представителю Индии я могу сказать, что мы не играем с голодом в политические игры. Мы просим всего лишь открытого обсуждения фактов, свободного от политической предвзятости. Если такая дискуссия состоится, я обещаю доказать вам, что Луна не только сможет продолжать поставки зерна, но и значительно их увеличит… к большой выгоде Индии.

Индус и китаеза сразу сделали стойку. Индус начал было что-то отвечать, но спохватился и обратился к председателю:

— Достопочтенный председатель, не попросите ли вы свидетеля объяснить, что он имеет в виду?

— Свидетель может изложить свою точку зрения более подробно.

— Достопочтенный председатель, уважаемые члены комитета! Луне действительно под силу увеличить поставки для миллионов голодающих на Терре в десять или даже в сто раз. Тот факт, что зерновые баржи прибывали по расписанию во

время лунных событий и продолжают поступать сегодня, доказывает наши добрые намерения. Но нельзя битьем заставить корову давать больше молока. Переговоры об увеличении поставок должны основываться на фактах, а не на предвзятых представлениях о том, что мы рабы, обязанные выполнять квоты, которых мы не устанавливали. Так на чем порешим? Станете ли вы настаивать на том, что мы рабы, принадлежащие Администрации, а не свободные люди? Или же признаете, что мы свободны, и вступите с нами в переговоры — и тогда мы с удовольствием объясним, каким образом мы можем вам помочь.

— Иными словами, — проворчал председатель, — вы предлагаете нам купить кота в мешке. Вы требуете, чтобы мы легализовали ваш незаконный статус… А потом вы расскажете о своих фантастических обещаниях увеличить зерновые поставки в десять или сто раз. Ваши обещания беспочвенны. Я эксперт по лунной экономике. А ваше условие невыполнимо: фактически оно означает признание Великой Ассамблеей нового государства.

— Тогда поставьте этот вопрос перед Великой Ассамблеей. Как только признают наше равенство и суверенитет, мы обсудим вопрос об

увеличении поставок и договоримся об условиях. Достопочтенный председатель, зерно выращиваем мы, это наша собственность. Мы можем произвести его больше. Но не как рабы. Сначала вы должны признать суверенную Свободную Луну.

— Это невозможно, и вы это знаете. Лунная администрация не может отказаться от своей священной обязанности.

Проф вздохнул:

— По-видимому, мы зашли в тупик. Я могу лишь предложить временно прервать переговоры и как следует подумать. Сегодня баржи еще приходят… но с той минуты, как я извещу свое правительство о провале нашей миссии… поставки… прекратятся!

Голова профа упала на подушку, как будто события совершенно изнурили его, что вполне могло быть правдой. Я чувствовал себя относительно прилично, но я был молод и обладал опытом визитов на Терру и выживания на ней. Лунарь в возрасте профа не должен рисковать и пускаться в такую поездку.

После небольшой перепалки, на которую проф не обратил внимания, нас погрузили в машину и отправили назад в отель. По дороге я спросил:

— Проф, а что вы сказали сеньору Жирное Пузо? Почему у него так подскочило давление?

Проф хихикнул:

— Камрад Стюарт покопался в прошлом этих джентльменов, и всплыли интересные факты. Я спросил, кому сейчас принадлежит бордель на Калле-Флорида в Буэнос-Айресе и работает ли еще там знаменитая рыжая красотка?

— А почему? Вы когда-то были там частым клиентом? — Я попробовал представить себе профа в этой роли.

— Никогда. Вот уже сорок лет не бывал в Буэнос-Айресе. Бордель принадлежит ему, Мануэль, через подставных лиц, а его жена — красотка с тициановскими волосами — некогда подвизалась в этом заведении.

Я пожалел, что спросил.

— А это не запрещенный прием? Недипломатично как-то.

Проф закрыл глаза и ничего не ответил.

* * *

Но к вечеру он приободрился и целый час провел с журналистами. Седые волосы разметались на алой подушке, высохшее тело облачено в расшитую пижаму… если бы не глаза да ямочки

— точь-в-точь свежий труп какого-нибудь шишкаря, подготовленный к пышному погребению. Я тоже смотрелся хоть куда в черном с золотом мундире, который, по уверениям Стью, был форменной одеждой лунных дипломатов моего ранга. Может, и так, но что-то я не слыхал, чтобы в Луне водились дипломаты. Вообще же я предпочитаю скафандры, у мундиров слишком жесткие воротнички. Я так и не понял, что означал иконостас у меня на груди. Какой-то репортер пытался выведать об ордене, похожем на ущербный серп луны, какой она выглядит порою с Терры. Я ответил, что это награда за чистописание. Стью, находившийся неподалеку, тут же вмешался:

— Полковник скромничает. Это орден того же класса, что и Крест Виктории, а получил он его за боевые заслуги в тот славный и трагичный день…

И увел корреспондента, продолжая заливать ему всякую чушь. Стью умел вешать лапшу на уши почти так же лихо, как проф. Мне же обязательно надо придумывать ложь заранее.

Индийские газеты и передачи в этот вечер были весьма агрессивны; они так и брызгали слюной, взбешенные угрозой прекратить поставки зерна. Даже самые умеренные призывали «очистить»

Луну, уничтожить «преступных троглодитов» и заменить нас «честными индийскими крестьянами», которые, понимая святость любой жизни, будут присылать все больше и больше зерна. Проф назначил пресс-конференцию, чтобы объяснить в общих чертах, почему Луна не сможет продолжать поставки; организация Стью распространила слухи об этом по всей Терре. Некоторые репортеры не поленились разобраться в числах и принялись уличать профа в вопиющих противоречиях.

— Профессор де ла Пас, вы тут говорите, что поставки зерна должны сократиться вследствие истощения природных ресурсов и что к восемьдесят второму году Луна не сможет прокормить даже собственных жителей. И тем не менее сегодня днем вы заверили Лунную администрацию, что сможете увеличить поставки в десятки раз.

Проф наивно спросил:

— А разве комитет — это Лунная администрация?

— Ну… это ни для кого не секрет.

— Конечно, сэр, но они выдают себя за беспристрастный комитет по расследованию при Великой Ассамблее. Вы не думаете, что они должны дисквалифицировать самих себя? Чтобы

расследование было действительно беспристрастным.

— Э-э-э… я тут ни при чем, профессор. Давайте вернемся к моему вопросу. Как вы можете объяснить противоречие?

— А меня интересует, почему вы считаете, что вы тут ни при чем, сэр? Разве не в интересах каждого жителя Терры избежать ситуации, которая вызовет войну между Террой и ее соседкой?

— Войну? С чего вы вдруг заговорили о войне, профессор?

— А чем еще это может кончиться, сэр? Если Лунная администрация уперлась и ни с места? Мы не можем принять ее требования. Цифры показывают почему. Если Администрация этого не поймет, она предпримет попытку подчинить нас силой… а мы ответим ударом на удар. Как загнанные в угол крысы — мы действительно загнаны в угол, мы не можем ни отступить, ни сдаться. Нам война ни к чему. Мы хотим жить в мире с соседней планетой. Мирно жить и мирно торговать. Но выбирать придется вам. Мы — карлик, вы — гигант. Могу уже сейчас предсказать, что следующим шагом Лунной администрации будет попытка принудить Луну силой. Это «миролюбивое агентство» начнет первую межпланетную

войну.

Журналист нахмурился:

— Вам не кажется, что вы преувеличиваете? Предположим, что Администрация — или Великая Ассамблея, поскольку у Администрации нет собственных боевых кораблей, — предположим, что народы Земли решат сместить ваше… э-э-э… «правительство». Вы можете воевать — на Луне. Думаю, вы будете сопротивляться. Но вряд ли это означает межпланетную войну. Как вы сами сказали, у Луны нет кораблей. Проще говоря, нас вы не достанете.

Я сидел на кресле возле каталки профа и молча слушал. Он повернулся ко мне:

— Скажите им, полковник.

Я затараторил, как попугай. Проф с Майком сделали мне заготовки на все случаи жизни. Я их вызубрил и выдавал по мере необходимости.

— Джентльмены, — сказал я, — вы помните «Патфайндер»? Как он рухнул, потеряв управление?

Они помнили. Как можно забыть величайшую катастрофу эпохи первых космических полетов, когда несчастный «Патфайндер» свалился на бельгийскую деревушку?

— У нас нет космических кораблей, — продол-

жал я, — но мы можем сбросить на вас зерновые баржи, вместо того чтобы доставлять их по расписанию на околоземную орбиту.

На следующий день из моей фразы родился заголовок: «ЛУНАРИ УГРОЖАЮТ ЗАБРОСАТЬ НАС РИСОМ», однако в тот момент она вызвала лишь удивленное молчание.

Наконец журналист сказал:

— И тем не менее я хотел бы знать, как вы объясняете противоречие между двумя вашими заявлениями — «никакого зерна после восемьдесят второго года» и «увеличим поставки в десять или в сто раз».

— Никакого противоречия нет, — ответил проф. — Они основаны на различных предпосылках. Цифры, которые я представил, отражают современную обстановку… и ту катастрофу, которая произойдет всего через несколько лет, если истощение природных ресурсов Луны будет продолжаться. Катастрофу, которую вызовут бюрократы из Администрации — или лучше сказать «автократы от бюрократии»? — своими угрозами загнать нас в угол, как нашкодивших детей.

Проф остановился, тяжело перевел дух и снова завел:

— Обстоятельства, при которых мы сможем

продолжать или даже резко увеличить производство зерна, прямо противоположны указанным выше. Как старый учитель, я не могу удержаться от школьной привычки: выводы должны делать сами ученики для упражнения мозгов. Может, кто-нибудь желает попробовать?

Последовало неловкое молчание, а потом заговорил невысокий человечек со странным акцентом.

— Мне кажется, что вы имеете в виду способ пополнения природных ресурсов.

— Молодец! Отлично! — Проф просиял своими ямочками. — Вы, сэр, получите золотую медаль за этот семестр! Чтобы произвести зерно, необходимы вода и удобрения — фосфаты и так далее, можете узнать у специалистов. Присылайте все это нам — мы пришлем вам взамен прекрасное зерно. Опустите насосы в беспредельный Индийский океан. В Индии миллионы голов скота: собирайте их «конечный продукт» и шлите нам. Собирайте содержимое своих ночных горшков и не утруждайтесь его стерилизацией, мы научились это делать дешевле и проще. Шлите нам соленую морскую воду, тухлую рыбу, трупы животных, городские стоки, коровьи лепешки, любые отбросы — мы пришлем вам их обратно,

тонна за тонну, золотым зерном. Чем больше пришлете, тем больше получите, хоть в десять раз, хоть в сто. Шлите нам ваших бедняков и обездоленных, шлите нам их тысячами и сотнями тысяч; мы обучим их быстрым и эффективным способам лунного туннельного земледелия и вернем вам неимоверное количество продовольствия. Джентльмены, Луна — это колоссальная залежь в четыре тысячи миллионов гектаров, ждущая, чтобы ее вспахали.

Это их сразило. Кто-то тихо спросил:

— Но что вы сами будете с этого иметь? Я говорю о Луне.

Проф пожал плечами:

— Деньги. В виде товаров. Многие вещи у вас куда дешевле, чем у нас в Луне. Лекарства. Инструменты. Микрофильмы. Наряды для наших прелестных женщин. Покупайте наше зерно, и можете торговать с нами с большой прибылью.

Индийский журналист поглядел задумчиво и принялся писать. Европеец, сидевший рядом с ним, скептически усмехнулся и сказал:

— Профессор, вы представляете себе, в какую сумму обойдется отправка такого количества грузов?

Проф небрежно отмахнулся:

— Это вопрос техники. Сэр, когда-то везти грузы через океан было не только трудно, а просто невозможно. Потом стало дорого, трудно, опасно. Сегодня же вы продаете свои товары на других континентах почти за ту же цену, что и у себя дома. Расходы на транспортировку теперь самая малая составляющая в стоимости товара. Джентльмены, я не инженер. Но зато я кое-что знаю об инженерах. Если что-то должно быть сделано, инженеры найдут способ сделать это экономически выгодным. Если вы хотите получить зерно, которое мы можем вырастить, напустите на эту проблему ваших инженеров!

Проф стал задыхаться, жестом позвал на помощь, и медсестры увезли его из комнаты.

Я отказался продолжать эту тему, сказав журналистам, что им следует побеседовать с профессором, когда он будет в состоянии снова с ними встретиться. Тогда они принялись клевать меня с другого бока. Один потребовал, чтобы я объяснил, почему мы — колонисты — считаем себя вправе претендовать на самоуправление и в то же время не хотим платить налоги. В конце концов, колонии основаны Федерацией Наций, во всяком случае — некоторыми из ее членов. Это невероятно дорогое мероприятие. Земля опла-

тила все издержки, а теперь мы — колонисты — пожинаем плоды и не платим ни цента налогов. Разве это справедливо?

Я хотел послать его подальше, но перед интервью проф опять велел мне принять транквилизатор и потребовал, чтобы я зазубрил бесконечный список ответов на вопросы с подковыркой.

— Давайте разберемся по порядку, — сказал я. — Первое: за что, по вашему мнению, мы должны платить налоги? Скажите, что я получу взамен, и тогда, может быть, я с вами соглашусь. Нет, поставим вопрос иначе. Вы сами платите налоги?

— Конечно плачу. И вы тоже обязаны!

— И что вы получаете взамен этих налогов?

— Как это — взамен? Налоги платят правительству.

— Извините, — сказал я, — но я полный невежда. Всю свою жизнь прожил в Луне и мало что знаю о вашем правительстве; не можете ли вы объяснить мне попроще? Что вы получаете за свои деньги?

Все заинтересовались и с азартом стали дополнять то, что пропустил этот воинственный осел. Я записывал. Когда они закончили, я начал читать вслух.

— Бесплатные больницы — их в Луне нет. Меди-

цинское страхование — такая штука у нас есть, но она совсем не похожа на то, что вы имеете в виду. Если кто-то хочет страховку, он идет к букмекеру и заключает пари. Вы можете застраховаться от чего угодно, но за определенную плату. Я, например, не страховался на случай болезней — я здоров. Или был здоров, пока не приехал к вам. Публичная библиотека у нас есть, та самая, которую основал Фонд Карнеги, начав с нескольких микрофильмов. Но она платная. Общественные дороги. Я думаю, к ним можно приравнять наше метро. Но оно не более бесплатно, чем воздух, которым мы дышим. Ах, извините, у вас ведь воздух бесплатный, не так ли? Я хочу сказать, что наше метро построено компаниями, которые вложили в него средства и яростно добиваются их возврата, с прибылью разумеется. Общеобразовательные школы. Школы есть во всех поселениях, и я никогда не слыхал, чтобы они отказались принимать учеников; поэтому, полагаю, их можно назвать общеобразовательными. Но дерут они втридорога. Вообще в Луне каждый, кто знает что-нибудь полезное и согласен обучить другого, предъявляет за это такой счетец — закачаешься! Так, что у нас осталось? Социальное обеспечение? Не знаю, что за зверь, но у нас такие не водятся.

Пенсии. Вы можете купить пенсию. Но мало кто покупает. Почти все семьи большие, и старики, скажем, от ста лет и выше или возятся с чем-нибудь, что им по душе, или сидят и смотрят видео. Или спят. Они спят много, особенно те, которым за сто двадцать.

— Сэр, извините… Неужели люди на Луне действительно живут так долго?

Я сделал вид, будто удивился, хотя на самом деле вопрос был в числе спровоцированных, и ответ отскочил у меня от зубов автоматически.

— Никто не знает, как долго может жить человек в Луне: мы слишком недавно там появились. Старейшие жители Луны родились на Земле, а следовательно, их опыт не корректен. Пока из родившихся в Луне никто не умер от старости. Но это опять-таки ничего не доказывает: у них просто не было времени состариться — прошло меньше столетия. Хотя… Возьмем, к примеру, меня… Мадам, как по-вашему, сколько мне лет? Я настоящий лунарь в третьем поколении.

— Э-э-э… честно говоря, полковник Дэвис, меня поражает ваша молодость. Я хочу сказать, учитывая важность вашей миссии. Я дала бы вам двадцать два… Неужели больше? Ну, полагаю, ненамного…

— Мадам, я сожалею, что сила тяжести на Земле не позволяет мне раскланяться. Благодарю вас. Я женат уже больше двадцати двух лет.

— Что? Да вы шутите!

— Мадам, я никогда бы не осмелился определять возраст леди, но, если вы эмигрируете в Луну, вы сохраните свой теперешний юный вид на долгие годы и проживете как минимум на двадцать лет больше, чем здесь. — Я снова взглянул на список. — Могу сказать сразу обо всех оставшихся пунктах: ничего подобного у нас в Луне нет, а потому я не вижу никакого смысла платить за это налоги. Что касается другой части вашего вопроса, сэр, так вы, должно быть, сами знаете, что начальная стоимость создания колоний нами давно и многократно оплачена, одно зерно чего стоит! А из нас высасывают кровь — наши природные ресурсы… и даже не платят по ценам свободного рынка. Вот почему Лунная администрация так упорно стоит на своем — она присосалась к нам, как вампир. Идея, что Луна убыточна для Терры и что первоначальные инвестиции надо вернуть, — ложь, изобретенная Администрацией, чтобы оправдать ее обращение с нами как с рабами. На самом же деле в этом столетии Луна не стоила Земле ни цента, а пер-

воначальные инвестиции давно выплачены.

Журналист попытался отыграться:

— Вы, надеюсь, не собираетесь доказывать нам, что лунные колонии выплатили все миллиарды долларов, которые пошли на развитие космонавтики?

— Я мог бы попробовать. Но в любом случае вряд ли справедливо удерживать эти деньги *с нас*. Космический флот ваш, он принадлежит Терре. У нас его нет! Почему же мы должны платить за то, чего не получали? С этим дело обстоит точно так же, как и с остальными пунктами вашего списка. Будет товар — будут деньги, но с какой радости нам платить за так?

Я тянул время, дожидаясь вопроса, который, как уверял проф, мне непременно зададут… и наконец услышал.

— Одну минуту! — раздался уверенный голос. — Вы проигнорировали два самых важных пункта нашего списка. Полицейская защита и вооруженные силы. Вы тут хвалились, что готовы платить за то, что получаете… Как насчет того, чтобы выплатить налоги по этим двум статьям за целое столетие? Кругленькая сумма набежит, однако. — И журналист ехидно ухмыльнулся.

Ну, спасибо, наконец-то! Я уж думал — не мино-

вать мне взбучки от профа за неумение вытащить из них этот вопросик. Все поглядывали друг на друга, кивая, очень довольные, что я наконец получил по носу. Я изо всех сил старался изобразить искреннее недоумение.

— Извините, не понял. У Луны нет ни полиции, ни вооруженных сил.

— Прекрасно вы поняли, о чем я говорю. Вы пользуетесь защитой Миротворческих сил Федерации Наций. И полиция у вас есть. И платит ей Лунная администрация! Мне доподлинно известно, что две роты были отправлены вам меньше года назад, чтобы выполнять там обязанности полицейских.

— Ах вот вы о чем! — Я вздохнул. — Скажите, от кого, по-вашему, Миротворческие силы защищают Луну? У меня нет сведений, что какая-нибудь из ваших стран готовится к нападению на нас. Мы от вас далеко, и у Луны нет ничего такого, на что можно позариться. Или вы имеете в виду, что мы должны платить этим силам за то, чтоб они нас не трогали? Если так, то существует старинная поговорка: ежели вы хоть раз уплатили данегельд, то уже никогда не отделаетесь от датчан. Сэр, мы будем драться с вооруженными силами ФН, если придется… но мы никогда не

будем им платить! А теперь о так называемых полицейских. Их послали отнюдь не для того, чтобы нас защищать. Наша Декларация независимости раскрыла истинное лицо этих мерзавцев — кстати, ваши газеты ее опубликовали? — (Некоторые — да, некоторые — нет, смотря в какой стране.) — Они обезумели и начали насиловать и убивать! И теперь они мертвы. Поэтому не стоит посылать к нам новые войска.

После этого я «устал» и удалился. Я и в самом деле устал; не такой уж я блистательный актер, и вести это толковище в намеченном профом русле было для меня немалым испытанием.

Глава 18

Только потом я узнал, что во время интервью мне тонко подыграли: наводящий вопрос о полиции и вооруженных силах был задан подсадной уткой; Стью Лажуа ничего не оставлял на волю случая. Впрочем, к тому времени, когда мне это стало известно, я уже накопил немалый опыт по части интервью; мы давали их бесконечно.

А в тот вечер, хоть мы и устали, нам еще предстояло потрудиться. Кроме представителей прессы, к нам рискнули заглянуть гости из ди-

пломатического корпуса в Агре; правда, их было мало, и никто не явился в своем официальном качестве, даже из Чада. Но мы были любопытной новинкой, и им хотелось на нас поглазеть.

Лишь один из них был действительно важной шишкой — китаец. Увидев его, я изумленно вылупил глаза: это был китайский представитель из комитета. Мне он представился просто как «доктор Чань», и мы притворились, что видимся первые.

Именно этот доктор Чань, сенатор из Великого Китая, был долговременным главным представителем Великого Китая в Лунной администрации. Много позже он стал вице-президентом и премьером — но это уже незадолго до того, как его убили.

Вытащив из них тот вопрос, на который я должен был ответить в первую очередь, и с честью продравшись через другие, которые могли и подождать, я приехал в коляске в спальню, но меня тут же вызвал к себе проф.

— Мануэль, я уверен, что ты обратил внимание на нашего достойного гостя из Срединного Царства.

— Старого китаезу из комитета?

— Сынок, постарайся забыть о лунном жаргоне.

Пожалуйста, не пользуйся им здесь даже в разговорах со мной. Этот китаец хочет знать, что мы имели в виду под «увеличением в десяток или даже в сто раз». Так что расскажи ему.

— Правду? Или туфту?

— Правду. Этот парень не дурак. Как у тебя с техническими деталями?

— Домашние задания выучил. Надеюсь, он не эксперт по баллистике.

— Он не эксперт. Но если чего не знаешь, не вздумай притворяться умником. И не обольщайся, будто он наш друг. Он может оказаться очень полезным, если решит, что наши интересы совпадают. Только не дави на него. Сейчас он у меня в кабинете. Удачи тебе. И помни, говори на стандартном английском.

Доктор Чань при моем появлении встал; я извинился, что не могу его приветствовать стоя. Он сказал, что понимает трудности, с которыми сталкивается джентльмен с Луны, приезжая на Землю, и просит не беспокоиться, после чего сам пожал себе руку и сел.

Опускаю ряд формальностей. Имелись ли у нас конкретные соображения, когда мы заявили, что существует дешевый способ отправлять массовые грузы на Луну? Или нет?

Я сказал, что такой способ, требующий немалых инвестиционных затрат, но дешевый в эксплуатации, существует.

— Это тот самый способ, который мы используем на Луне, сэр. Катапульта — индукционная катапульта, обеспечивающая вторую космическую скорость.

Лицо его осталось бесстрастным.

— Полковник, вам должно быть известно, что подобные проекты предлагались неоднократно и всегда отклонялись по весьма веским соображениям. Что-то там не получается с давлением воздуха, если я не ошибаюсь.

— Да, доктор. Но на основании глубокого компьютерного анализа и нашего собственного опыта катапультирования мы полагаем, что сегодня эта проблема может быть решена. Две наши крупнейшие фирмы — «ЛуНоГоКо» и Банк Гонконга-Лунного — готовы возглавить синдикат, который займется этим как частным проектом. Им потребуется помощь здесь, на Терре, и они согласны продать часть акций, хотя предпочли бы продать лишь облигации, сохранив за собой полный контроль. В первую очередь им нужна концессия от какого-либо правительства, которое передаст им в постоянное пользование землю для

строительства катапульты. Таким государством могла бы стать, например, Индия.

(Типичная словесная декорация. Если бы кто-то проверил бухгалтерию «ЛуНоГоКо», ее сразу объявили бы банкротом; положение Банка Гонконга-Лунного тоже было напряженным — он стал центральным банком страны, переживающей переворот. Целью всей речи было ввести в игру последнее слово — «Индия». Проф требовал, чтобы это слово обязательно было последним.)

Доктор Чань ответил:

— Не будем говорить о финансовых аспектах. Все, что возможно физически, люди способны сделать возможным экономически. Деньги — пугало для мелких умов. Почему вы выбрали Индию?

— Видите ли, сэр, Индия сейчас потребляет, если не ошибаюсь, свыше девяноста процентов наших поставок зерна…

— Девяносто три и одну десятую.

— Да, сэр. Индия жизненно заинтересована в нашем зерне, поэтому, вероятно, согласится сотрудничать. Она может дать нам землю, поставить рабочие руки, материалы и тому подобное. Но я назвал Индию еще и потому, что у нее широкий выбор подходящих площадок для будущего строительства, а именно: очень высокие горы

вблизи от земного экватора. Последнее не обязательно, но желательно. А вот высокие горы — условие непременное. Из-за давления воздуха, о котором вы говорили, вернее, из-за плотности атмосферы. Вход катапульты желательно разместить на возможно большей высоте над уровнем моря, но ее конец, откуда груз будет выбрасываться со скоростью более одиннадцати километров в секунду, обязательно должен находиться в разреженной атмосфере, предельно близкой к вакууму. А для этого нужна высоченная гора. Что-то вроде пика Нандадеви, примерно в четырехстах километрах отсюда. Железная дорога оканчивается в шестидесяти километрах от него, а шоссе доходит почти до подножья. Высота восемь тысяч метров. Я не утверждаю, что Нандадеви — идеал, это просто подходящее место с хорошим коммуникационным обеспечением. Реальное место могут выбрать лишь здешние инженеры.

— Чем выше горы, тем лучше?

— О да, сэр, — заверил я его. — Высота горы предпочтительнее близости к экватору. Катапульту можно сконструировать так, чтобы скомпенсировать некоторое увеличение силы тяжести при удалении от экватора. Самое трудное — избежать сопротивления этой мерзкой

плотной атмосферы. Извините, доктор, я вовсе не намеревался критиковать вашу планету.

— Есть и более высокие горы. Полковник, расскажите мне подробнее о предполагаемой катапульте.

И я начал:

— Длина катапульты определяется ускорением, которого мы хотим достичь. Мы считаем, вернее, наш компьютер вычислил, что оптимальным будет ускорение в двадцать «же». В земных условиях это означает, что потребуется катапульта длиной триста двадцать три километра. Поэтому…

— Подождите, пожалуйста! Полковник, вы всерьез предполагаете пробурить скважину глубиной более трехсот километров?

— О нет! Катапульту нужно строить на поверхности, чтобы ударные волны расходились в воздухе. Статор будет расположен почти горизонтально, полого приподымаясь от входа до выходного конца всего километра на четыре при длине в триста километров. И будет представлять собой почти прямую линию — легкая кривизна обусловлена силой Кориолиса и рядом более мелких факторов. Лунная катапульта на глаз выглядит совершенно прямой и настолько близка к горизонтали, что баржи чуть не задевают

пики за ней.

— Понятно. Я было подумал, что вы переоцениваете возможности земной техники. Мы сегодня умеем бурить глубокие скважины, но не такие. Продолжайте.

— Доктор, вполне возможно, что именно это распространенное заблуждение и помешало землянам построить катапульту. Я видел ранние исследования. Как правило, они исходили из того, что катапульта должна быть вертикальной или хотя бы конец ее должен быть сильно задран вверх, чтобы космический корабль запускался почти в зенит… И то и другое не только невозможно технически, но и не нужно. Я думаю, подобный предрассудок вызван тем фактом, что ваши космические корабли действительно взлетают вертикально или почти вертикально. Но им это надо для выхода за пределы атмосферы, а не для того, чтобы лечь на нужную орбиту. Вторая космическая скорость — величина не векторная, а скалярная. Груз, вылетевший из катапульты со скоростью убегания, не вернется на Землю, в каком бы направлении его ни запустили. Хм… две поправки: он должен быть направлен не к Земле, а к определенной точке небесной полусферы, и ему необходимо придать достаточную

дополнительную скорость, чтобы пробить атмосферу. Если направление выбрано верно, груз долетит до Луны.

— Ясно. Но значит, катапульта может работать лишь раз в лунный месяц?

— Нет, сэр. Ею можно будет пользоваться ежедневно, надо только выбрать момент, когда Луна окажется на пересечении с заданной орбитой. Фактически же — по крайней мере, по расчетам нашего компьютера, я не эксперт в астронавигации — катапульту можно будет использовать круглые сутки, просто регулируя скорость выброса, и грузы будут прибывать к Луне по разным орбитам.

— Я как-то не совсем представляю себе эту картину.

— И я тоже, доктор, но… Извините, по-моему, в Пекинском университете есть исключительно мощный компьютер, я не ошибся?

— Ну, предположим, есть. И что же?

(То ли мне почудилось, то ли он действительно насторожился и замкнулся еще больше. Что у них там? Компьютер-киборг — «маринованные мозги»? Или живой мозг в полном сознании? В любом случае — жуть!)

— Высококлассный компьютер мог бы рас-

считать возможные сроки выброса из такой катапульты, какую я вам описал. Некоторые орбиты окажутся слишком далеко от Луны, и пока она сумеет «захватить» их, пройдет очень много времени. Другие обогнут часть Терры, а затем прямо направятся к Луне. Третьи просты, как те, по которым мы отправляем грузы на Терру. Ежедневно бывают такие моменты, когда можно выбрать кратчайшую траекторию. Но в самой катапульте груз находится меньше минуты, так что все ограничивается временем, необходимым для подготовки груза. Можно даже вести через катапульту несколько грузов одновременно, если энергии достаточно, а компьютерный контроль надежен. Единственное, что меня беспокоит… Ведь высокие горы покрыты снегом?

— Как правило, — ответил он. — Лед, снег и голый камень.

— Видите ли, сэр, я уроженец Луны и ничего не знаю о снеге. Статор не только должен быть устойчив по отношению к мощному гравитационному полю планеты, но ему еще предстоит выдержать сильные толчки с двадцатикратной перегрузкой. Я не думаю, что его можно закрепить на льду. Или можно?

— Я не инженер, полковник, но мне кажет-

ся, что это сомнительно. Снег и лед придется удалить. И следить за тем, чтобы они не образовывались. Погода тоже будет представлять собой проблему.

— О погоде я ничего не знаю, доктор, а все мои знания о льде сводятся к тому, что теплота его кристаллизации составляет триста тридцать пять миллионов джоулей на тонну. Не имею представления, сколько тонн придется расплавить, чтобы расчистить площадку и поддерживать ее в рабочем состоянии, но мне кажется, для этого может потребоваться не менее мощный реактор, чем для самой катапульты.

— Мы умеем строить реакторы, мы умеем плавить лед. Будет нужно — пошлем наших инженеров на север для повышения квалификации, пока они не поймут, что такое лед. — Доктор Чань усмехнулся, а я внутренне поежился. — Проблемы строительства в условиях льда и снега были решены в Антарктике много лет назад, так что об этом не беспокойтесь. Значит, нужен расчищенный участок твердой скальной породы длиной триста пятьдесят километров высоко над уровнем моря. Что-нибудь еще, что я должен знать?

— Почти ничего, сэр. Растопленный лед можно будет собирать у входа катапульты — вот вам

готовый груз для отправки на Луну, дешево и сердито. И в этих же стальных контейнерах мы пришлем на Землю зерно, чтобы не истощать попусту лунные ресурсы. Один и тот же контейнер можно гонять туда-сюда сотни раз. А мы на Луне будем принимать грузы точно так же, как сейчас приземляют баржи вблизи Бомбея. Тормозные ракеты на твердом топливе и программный контроль из ЦУПа. Только нам это обойдется дешевле, у нас-то скорость убегания — два с половиной километра в секунду, а у вас — одиннадцать; соотношение квадратов скоростей один к двадцати в нашу пользу, фактически же будет еще выгоднее, так как за счет уменьшения веса тормозных ракет можно увеличить массу полезного груза. Впрочем, можно усовершенствовать весь процесс доставки.

— Как?

— Доктор, это не моя специальность. Но всем известно, что ваши лучшие корабли летают на водороде, нагреваемом в термоядерном реакторе. Водород на Луне дорог, но мы можем заменить его любым другим веществом, пусть даже с меньшей эффективностью. Представьте себе гигантский, грубо сляпанный космический буксир, приспособленный к лунным условиям и работающий

на испаренных горных породах. Этот буксир выходит на парковочную орбиту, забирает земные грузы и доставляет их на поверхность Луны. С виду он может быть неказист, удобств никаких не нужно, пилотов тоже, даже киборгов, а управлять его полетом будет стационарный лунный компьютер.

— Да, я полагаю, такой корабль можно спроектировать. Но не будем усложнять проблему. Вы сообщили мне все существенное насчет катапульты?

— Думаю, да, доктор. Самое главное — место для ее строительства. Возьмите тот же пик Нандадеви. Судя по карте, к западу от него тянется очень высокий, постепенно снижающийся горный хребет длиной примерно с нашу катапульту. В таком случае это идеальное место для строительства — меньше придется вырубать, меньше перебрасывать мостов. Я не говорю, что это единственное идеальное место, но в принципе нужно искать нечто подобное: очень высокий пик с длинной-предлинной грядой к западу от него.

— Вас понял.

И доктор Чань стремительно вышел.

* * *

В течение следующих недель я повторял то же самое по меньшей мере в дюжине стран, всегда с глазу на глаз, создавая впечатление полной секретности. Все, что менялось, так это название пика. В Эквадоре я упирал на то, что Чимборасо находится почти на экваторе — идеально! А в Аргентине подчеркивал, что их Аконкагуа — высочайший пик во всем Западном полушарии. В Боливии отметил, что Альтоплано по высоте не уступает Тибетскому нагорью (почти правда), расположено куда ближе к экватору и там полно удобных мест для строительства, а горные вершины могут поспорить с любыми пиками на Терре.

Я разговаривал с североамериканцем — политическим противником того урода, который назвал нас «чернью». Я сказал ему, что хотя гора Маккинли и не хуже любой вершины в Азии или Южной Америке, но Мауна-Лоа, пожалуй, лучше всего подходит для строительства. Если ускорение увеличить вдвое, катапульту можно будет укоротить и «подогнать по мерке», а Гавайи станут важнейшим космопортом мира… вернее, Солнечной системы, ибо освоение Марса не за горами, и торговые пути трех (а может быть, и че-

тырех) планет пойдут через их «Большой остров». О вулканическом происхождении Мауна-Лоа я не проронил ни слова, зато заметил, что островное положение позволит в случае аварии сбросить груз прямо в Тихий океан.

В Совсоюзе обсуждался лишь пик Ленина высотой более семи тысяч метров (к сожалению, расположенный слишком близко к границе с их великим соседом).

Килиманджаро, Попокатепетль, Логан, Эль-Либертадо — мой излюбленный пик менялся в каждой стране; главное, чтобы в сердцах местных жителей он был «высочайшим пиком на Земле». Я даже умудрился найти доводы в пользу весьма скромных гор Чада, когда нас там принимали, и так увлекся, что чуть было сам себе не поверил.

Время от времени, с помощью наводящих вопросов от подручных Стью Лажуа, я разглагольствовал о химическом производстве (о чем не имел ни малейшего представления, просто заучил наизусть ряд фактов) на поверхности Луны, где безбрежный вакуум, солнечная энергия, безграничные запасы сырья и почти стабильные условия среды позволят развивать способы производства, слишком дорогие или невозможные на Земле, как только дешевая транспортировка

грузов в оба конца сделает экономически выгодной эксплуатацию нетронутых ресурсов Луны. И всегда намекал, что твердолобые бюрократы из Лунной администрации не в состоянии оценить огромный потенциал Луны (что было правдой), плюс отвечал на вопрос, который задавали постоянно: заверял, что Луна готова принять любое количество переселенцев. Это тоже было правдой, но я ни разу не упомянул, что Луна (порою не без помощи лунарей) убивает около половины прибывших новичков. Однако люди, с которыми мы говорили, очень редко предполагали эмигрировать сами; они думали о том, как заставить или убедить уехать других, чтобы снизить перенаселенность и уменьшить собственные налоги. А я, естественно, не распространялся о том, что полуголодные толпы на Терре размножаются с быстротой, какую никакие катапульты не компенсируют. Мы не могли разместить, накормить и обучить даже один миллион переселенцев в год, а этот миллион для Терры был жалкой каплей в море; здесь за одну ночь делают детей вдвое больше. Добровольных эмигрантов будет не так много, и Луне вполне по силам их принять, но если земляне введут принудительную эмиграцию и попрут косяком… Луна признает только один

способ воспитания новичка: стоит ему допустить единственную фатальную ошибку в поведении или в отношениях с внешней средой, которая пускает в ход зубы без предупреждения, — и он тут же превратится в удобрение для наших тунельных ферм.

Так что большая эмиграция означала бы резкий скачок процента эмигрантов, обреченных на гибель: нас было слишком мало, чтобы помочь им выжить в здешних условиях.

Проф тем не менее продолжал расписывать «великое будущее Луны». Я же придерживался темы катапульты.

За те недели, пока мы ждали повторного вызова из комитета, мы успели побывать во многих местах. Люди Стью взяли на себя организацию поездок, так что вопрос упирался лишь в наше физическое состояние. Каждая неделя, проведенная на Терре, сокращала нашу жизнь на год, если не больше. Но проф никогда не жаловался и всегда был готов очаровывать новую партию землян.

В Северной Америке мы пробыли дольше, чем рассчитывали. Дата принятия нашей Декларации независимости — ровно через триста лет после провозглашения независимости Северо-

Американских колоний Британии — оказалась великолепным орудием пропаганды, которое сотрудники Стью мгновенно пустили в ход. Североамериканцы испытывают огромную нежность к своим «Соединенным Штатам», хотя термин этот потерял всякое значение после того, как ФН установила на континенте свои порядки. Каждые восемь лет они избирают президента непонятно зачем — а зачем англичане сохраняют королеву? — и похваляются своим «суверенитетом». «Суверенитет», как и «любовь», может означать что угодно, в зависимости от того, какое значение вы в него желаете вложить. А вообще-то, это просто слово, стоящее в словаре где-то между «пьянством» и «трезвостью».

Но в Северной Америке это слово пользуется большим почетом, а четвертое июля там вообще дата магическая. «Лига Четвертого июля» организовала наши выступления, и Стью говорил, что ему пришлось лишь слегка подмазать ее для начала, потом, мол, само пошло. Лига даже собрала нам денег на поездки в другие страны: североамериканцы охотно выкладывают монеты, их не волнует кому.

Дальше к югу Стью использовал другую дату: его люди распространили сведения, что наш *coup*

d'etat произошел пятого мая, а вовсе не двумя неделями позже, как это было на самом деле. Нас принимали с криками *«Cinco de Mayo! Libertad! Cinco de Mayo!»* А мне казалось, они орут: «Сгинька домой! Либо в ад!» Речи, конечно, произносил проф.

Но в Стране Четвертого июля я без дела не сидел. Стью заставил меня снять протез и подкалывать рукав так, чтобы виден был обрубок, а его ребята пустили слух, будто я потерял руку «в борьбе за свободу». Когда меня спрашивали об этом, я улыбался в ответ: «Вот видите, что получается, если грызешь ногти?» — и менял тему разговора.

Вообще-то, Северная Америка мне никогда не нравилась, даже во время первого путешествия. Это не самая перенаселенная часть Терры, здесь всего-то около миллиарда человек. В Бомбее люди спят на мостовой; в Большом Нью-Йорке их пакуют в стоячем положении — не уверен, что кто-нибудь из них вообще спит по ночам. Я был счастлив, что у меня есть своя инвалидная коляска.

Конечно, везде сходят с ума по-своему; здесь все помешаны на цвете кожи: они постоянно подчеркивают, насколько им это безразлично. В первой поездке я все время был то слишком свет-

лым, то слишком темным, в общем, не таким, как надо; кроме того, от меня непрерывно ожидали рассуждений о вещах, о которых я раньше даже не задумывался. Видит *Bog*, я ничего не знаю про свои гены. Одна моя бабка родилась в той части Азии, через которую захватчики перли, как саранча, и по пути насиловали всех подряд. Так и спрашивали бы у бабки!

Я кое-как научился справляться с этой темой, но рвотный привкус во рту все равно оставался. По мне, неприкрытый расизм и то лучше — как в Индии, например, где ты или индус, или никто… там только парсы смотрят на индусов сверху вниз (индусы отвечают им взаимностью). Впрочем, всерьез с североамериканским «расизмом навыворот» мне сталкиваться не пришлось — я ведь был «полковник О'Келли Дэвис, герой Свободной Луны».

Вокруг нас так и кишели сочувствующие, готовые оказать любую помощь. Я позволил им сделать две вещи, на которые во времена учебы у меня не хватало ни времени, ни денег: мне показали, как играют «Янкиз», и свозили в Салем.

Лучше бы я сохранил свои иллюзии. Бейсбол приятнее смотреть по видео: там все видно в деталях, и тебя не пихают со всех сторон одно-

временно двести тысяч болельщиков. К тому же аутфилдера надо было просто пристрелить. Большую часть игры я провел в страхе: предвкушал, как меня поволокут на коляске через эту толпу и как я буду уверять хозяев, что игра доставила мне истинное наслаждение.

Что до Салема, то это обычное местечко, не хуже (и не лучше) остального Бостона. После визита туда у меня возникло подозрение, что они вешали не тех ведьм, которых следовало. Но все же день не пропал зря: меня сняли на пленку, когда я возлагал венок на месте бывшего моста в другом районе Бостона, Конкорде, а потом произнес памятную речь; вообще-то, мост и поныне там, его видно под стеклом. Хилый такой мостик, смотреть не на что.

Проф от всего был в восторге, как бы круто ему ни приходилось; у профа колоссальные резервы жизнелюбия. Он всегда находил нечто новое, что можно поведать о великом будущем Луны. В Нью-Йорке он выдал управляющему сети отелей (с кроликом на эмблеме) речь о том, какую прибыль будут приносить лунные курорты, когда экскурсии станут доступны большинству землян: кратковременные туры никому не повредят, к туристам приставят сопровождающих, будут

организованы экзотические вылазки, азартные игры… и никаких налогов. Последний момент привлек особое внимание собеседника, поэтому проф расширил его и перешел к проблеме долгожительства: строим сеть пансионатов для престарелых, где землееды будут жить на пенсию, выплачиваемую Террой, причем жить на десять, двадцать, тридцать, сорок лет дольше, чем на Земле. Конечно, они станут изгнанниками, но что лучше? Долгая старость в Луне или погребальный склеп на Терре? А потомки будут навещать их и заполнять отели для туристов. Проф живописал соблазнительные картины ночных клубов со зрелищами, невозможными в условиях жуткой земной гравитации, спортивных игр, преображенных легким лунным притяжением, он даже начал разглагольствовать о плавательных бассейнах, катках и возможности летать. (Я решил, что у него просто перегорели предохранители.) Кончил он намеком, что некий швейцарский картель уже начал заниматься этими делами.

На следующий день он рассказывал управляющему зарубежными филиалами авиакомпании «Чейз Интернешнл Панагра», что отделение фирмы в Луна-Сити можно укомплектовать паралитиками, сердечниками, инвалидами и

прочими убогими, которым трудно переносить земную силу тяжести. Толстяк-управляющий сопел и отдувался — возможно, он и сам задумался об эмиграции, — но, услышав слова «без налогов», мигом навострил уши.

Нам не всегда удавалось одерживать словесные победы. Газеты частенько встречали нас в штыки, а кроме того, всегда находились настырные типы, мечтавшие посадить нас в лужу. И когда рядом со мной не было профа, шансы у них возрастали. Один такой тип привязался ко мне по поводу слов профа на заседании комитета, что мы «владеем» выращенным в Луне зерном. Сам он, похоже, придерживался противоположной точки зрения. Я заявил, что не понимаю смысла его вопроса.

— Разве не правда, полковник, — сказал он, — что ваше временное правительство подало прошение о приеме в Федерацию Наций?

Мне бы ответить «без комментариев», но я попался на удочку и согласился.

— Отлично, — продолжал он. — Очевидно, главным препятствием является утверждение противной стороны, что Луна и так всю жизнь принадлежала Федерации Наций под юрисдикцией Лунной администрации. В любом случае

своим согласием вы признали, что это зерно принадлежит Федерации Наций на правах опеки.

Я спросил его, из чего это он делает такой вывод.

— Полковник, — ответил он, — вы называете себя заместителем министра иностранных дел. Надо думать, вы знакомы с Хартией Федерации Наций?

Как-то я ее перелистал.

— В достаточной степени, — сказал я осторожно.

— Тогда вам известна Первая свобода, гарантируемая Хартией, и ее современное толкование, данное Контрольным комитетом Федеративной Ассамблеи в постановлении номер тысяча сто семьдесят шесть от третьего марта сего года. А если известна, значит вы признаете, что все зерно, выращенное на Луне и превышающее внутренние потребности, безоговорочно и *ab initio* является общественной собственностью, находящейся под опекой Федерации Наций, агентства которой распределяют эту собственность по мере необходимости. — Он говорил и одновременно что-то строчил в блокноте. — Можете ли вы что-нибудь добавить к своему заявлению?

— О чем вы говорите? — изумился я и заво-

пил: — Вернитесь! Ничего я не признаю!

После чего «Таймс» Большого Нью-Йорка публикует:

> ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА С ЛУНЫ ГОВОРИТ: «ПИЩА ПРИНАДЛЕЖИТ ГОЛОДАЮЩИМ»
>
> *Нью-Йорк, сегодня.* О'Келли Дэвис, самопровозглашенный «полковник вооруженных сил Свободной Луны», агитирующий за повстанцев в лунных колониях ФН, добровольно заявил нашей газете, что статья «Свобода от голода», содержащаяся в Великой Хартии, применима к лунным поставкам зерна…

Я спросил профа, как мне следовало отвечать.

— На провокационный вопрос всегда отвечай встречным вопросом, — сказал он мне, — и никогда не проси разъяснить суть вопроса — тебе тут же вложат в рот чужие слова. Этот репортер… он что — тощий? Ребра торчат?

— Нет. Плотненький такой.

— Значит, он не живет на те восемнадцать сотен калорий в день, что указаны в постановлении, на которое он ссылается. Ты мог бы спросить его, как долго он бы протянул на этом рационе и почему

перестал его соблюдать? Или поинтересоваться, что он ел сегодня на завтрак, — и изумленно вылупить глаза, что бы он ни ответил. А если ты не знаешь, куда клонит твой собеседник, сбей его с толку встречным вопросом и переводи разговор на другую тему. А потом, вне зависимости от его ответа, гни свою линию дальше. Логика тут ни при чем — это вопрос тактики.

— Проф, но здесь никто не живет на тысячу восемьсот калорий в день! В Бомбее — может быть. Но не здесь.

— В Бомбее тоже. Мануэль, этот «равный рацион» просто фикция. Половина продовольствия на планете идет через черный рынок или не учитывается по тем или иным причинам. Или ведется двойная бухгалтерия, и цифры, которые доходят до ФН, не имеют ничего общего с реальностью. Ты думаешь, сведения о зерне из Таиланда, Бирмы и Австралии, которые Великий Китай сообщает Контрольному комитету, верны? Я уверен, что индийский представитель в продовольственном комитете так не думает. Но Индия помалкивает, ибо получает львиную долю поставок зерна с Луны… а потом «играет с голодом в политические игры» (помнишь формулировочку?), манипулируя с помощью нашего зерна своей

избирательной кампанией. В прошлом году в Керале был запланированный голод. Ты читал о нем в газетах?

— Нет.

— Правильно. Потому что они о нем не писали. Управляемая демократия, Мануэль, это великолепная штука для тех, кто управляет… Ее главной силой является «свободная пресса», только «свободная» толкуется как «ответственная», а уж правители решают, что является «ответственным», а что «безответственным». Ты знаешь, что больше всего нужно сейчас Луне?

— Больше льда.

— Система массовой информации, которая не зависела бы от одного-единственного канала распространения. Наш друг Майк — наша величайшая опасность.

— Что? Вы не доверяете Майку?

— Мануэль, есть вопросы, в которых я не доверяю даже самому себе. Нельзя «чуть-чуть» ограничить свободу информации, как нельзя быть «чуть-чуть беременной». Мы не свободны и не будем свободны до тех пор, пока кто-то — пусть даже наш союзник Майк — контролирует средства массовой информации. Когда-нибудь я надеюсь основать газету, которая будет незави-

сима от всех источников информации и каналов распространения. Я бы с радостью набирал ее вручную, как Бенджамин Франклин.

Я сдался:

— Проф, предположим, что эти переговоры провалятся и поставки зерна прекратятся. Что тогда будет?

— Народ — там, дома, — разозлится на нас… и многие на Терре умрут. Ты читал Мальтуса?

— Кажется, нет.

— Умрут многие. Затем положение вновь стабилизируется и население увеличится, но уже за счет людей, способных лучше трудиться и обеспечить себя пропитанием. Эта планета не перенаселена, она просто плохо управляется… и самое жестокое, что можно сделать с голодным, — это дать ему еду. «Дать». Прочти Мальтуса. Над доктором Мальтусом не стоит смеяться — это небезопасно, он всегда смеется последним. Этот человек повергает в безнадежность. И я рад, что он уже умер. Но не читай его до того, как закончится наша миссия. Лишние знания мешают дипломатам, особенно честным.

— Ну, не так-то уж я честен.

— Однако у тебя нет таланта ко лжи, поэтому спасение для тебя только в невежестве и

упрямстве. Последнего у тебя хватает, постарайся сохранить и первое. Во всяком случае, на время. Парень, твой дядюшка Бернардо ужасно устал.

— Извините, — сказал я и покатил из комнаты.

Проф не щадил живота своего. Я бы с радостью бросил все дела, если бы мог засунуть его в корабль и спасти от земной гравитации. Но движение по-прежнему оставалось односторонним — зерновые баржи и больше ничего.

А проф продолжал радоваться жизни. Когда я подкатил к дверям и уже дал сигнал освещению вырубиться, то опять обратил внимание на игрушку, которую он недавно приобрел и которая радовала его, как радует мальчишку рождественский подарок; это была медная пушка.

Настоящая медная пушка с парусного судна. Маленькая, ствол всего полметра; а вес вместе с деревянным лафетом пятнадцать кило. «Сигнальная пушка» — было написано в ее паспорте. От нее веяло древней историей, пиратами, пленниками, которых отправляли «прогуляться по доске». Славная вещица, но я все же спросил профа — зачем? Если нам и удастся отчалить, перевезти ее в Луну будет невозможно — хотя ради нее я готов отказаться даже от скафандра, почти не ношенного, и вообще оставить себе

лишь пару левых рук и шорты. Если подопрет, откажусь даже от «представительской». Ну а если совсем подопрет — черт с ними, с шортами.

Проф протянул руку и погладил блестящий ствол.

— Мануэль, когда-то жил человек, который в этом Директорате имел синекуру — начищал медную пушку возле здания суда.

— А зачем суду пушка?

— Не важно. Он занимался этим из года в год. Работа кормила его и даже позволяла откладывать кое-что на черный день, но не давала возможности сделать карьеру. И вот в один прекрасный день он уволился, снял со счета все свои сбережения, купил медную пушечку… и стал ее начищать.

— Похоже, он был полнейшим идиотом.

— Без сомнения. Но не большим, чем мы, когда свергали коменданта. Мануэль, ты меня переживешь. Когда Луна обзаведется своим знаменем, пусть на нем будет золотая пушка на черном поле, перечеркнутом красной бастардной полосой в честь гордого низкого происхождения. Думаешь, это можно будет сделать?

— Думаю, да, если вы нарисуете. Но зачем нам знамя, если во всей Луне нет ни одного флаг-

штока?

— Оно может развеваться в наших сердцах… как символ всех дураков, которые столь чудовищно непрактичны, что воображают, будто могут одолеть городскую управу. Ты запомнишь это, Мануэль?

— Будьте уверены. То есть я обязательно напомню вам, когда придет время.

Мне этот разговор жутко не понравился. Проф начал пользоваться кислородной маской, но только втихаря, ни в коем случае не на людях. Полагаю, я действительно невежествен и упрям; во всяком случае, оба эти качества проявились в городе Лексингтоне, Кентукки, в Центральной административной зоне. Единственной темой, на которую проф позволял мне импровизировать без вызубренных домашних заготовок, была наша жизнь в Луне. Проф велел говорить правду, подольше распространяться о простых, теплых домашних обычаях, особенно если они отличаются от земных. «Помни, Мануэль, что тысячи жителей Терры, побывавшие в Луне с краткосрочными визитами, — это ничтожно малая доля процента всех землян. Для большинства людей мы такая же любопытная диковинка, как необычные звери в зоопарках. Ты помнишь ту

черепашку на выставке в Старом Куполе? Это мы и есть».

Что правда, то правда. Они разглядывали меня, словно какого-то невиданного жука. Так что когда эта парочка начала допрашивать меня о семейной жизни в Луне, я откровенно обрадовался. Я ничего не приукрашивал, просто кое о чем умолчал — о том, что к семейной жизни прямо не относится, но заменяет ее в обществе с явным преобладанием мужчин. Свободное время в Луна-Сити проводят главным образом дома и в семье. По земным понятиям, может, и скучно, а по мне, так лучше не бывает. Другие поселения сходны в этом отношении с Луна-Сити — там тоже люди работают, воспитывают детей, сплетничают и в основном развлекаются, не отходя от обеденного стола. Рассказывать-то особенно не о чем, но я готов был ответить на любой вопрос, который их заинтересует. Все обычаи в Луне ведут свое происхождение с Терры, как и сами лунари, но Терра очень велика, и обычай, пришедший, скажем, из Микронезии, может показаться очень странным в Северной Америке.

Эта женщина — язык не поворачивается назвать ее леди — хотела узнать о разных формах брака. Во-первых, верно ли, что «на» Луне можно

жениться без лицензии?

Я спросил, а что это за штука такая — лицензия на брак?

Ее компаньон сказал:

— Оставь его, Милдред, пионерные общества не имеют лицензий на брак.

— Но разве вы не ведете никакой регистрации браков? — настаивала она.

— Разумеется, ведем, — согласился я. — У моей семьи есть книга, записи в которой восходят к первой высадке ссыльных в Джонсон-Сити. Там записана каждая свадьба, каждое рождение, каждая смерть — словом, все важнейшие события не только в самой семье, но и во всех ее ответвлениях, насколько нам удавалось это проследить. Кроме того, есть человек, школьный учитель, который ходит по домам и копирует старинные семейные записи по всему нашему поселению. Пишет историю Луна-Сити. Такое у него хобби.

— Но разве у вас нет официальных записей? У нас в Кентукки существуют архивы, которые уходят в глубь времен на сотни лет.

— Мадам, мы еще не прожили там столько.

— Да… верно. Но ведь должен же быть в Луна-Сити какой-нибудь городской чиновник? Может быть, вы его называете иначе — напри-

мер, «летописец округа»? То есть официальное лицо, которое хранит свидетельства такого рода? Документы и тому подобное?

— Не думаю, мадам, — ответил я. — Некоторые букмекеры занимаются нотариальной работой, свидетельствуют подписи на контрактах и ведут их учет. Это для людей, которые сами ни читать, ни писать не умеют, а потому своих архивов иметь не могут. Но я никогда не слыхал, чтобы кто-то вел записи браков. Я не говорю, что такого быть не может. Но я не слыхал.

— Такие замечательно простые нравы! У нас ходят слухи, что на Луне очень легко получить развод. Осмелюсь предположить, что это тоже правда?

— Нет, мадам, я бы не сказал, что развод у нас так уж прост. Слишком многое приходится оговаривать. М-м-м… ну, возьмем простой пример: леди и, скажем, двое мужей.

— Двое?!

— Бывает и больше, а бывает и один. А может быть и сложный брак. Но давайте возьмем одну леди и двоих мужей как типичный пример. Она решает с одним из них развестись. Предположим, все происходит полюбовно, другой муж согласен, а тот, от которого она хочет отделаться, тоже шу-

ма не поднимает. Впрочем, если бы и поднимал, толку бы от этого было чуть. О'кей, она разводится, он уходит. И все равно остаются проблемы. Оба мужа могут оказаться партнерами в бизнесе, у собрачников это часто бывает. Развод может разбить партнерство. Появляются денежные претензии, которые должны быть улажены. Все трое могут совместно владеть кубатурой, и, если она записана на жену, бывший муж, вероятно, должен получить либо деньги, либо право аренды. И почти наверняка есть дети, с которыми следует считаться, которых нужно растить и так далее. Да мало ли что! Нет, мадам, развод — штука непростая. Развестись с человеком можно за десять секунд, но потом десять лет придется распутывать концы. А здесь разве не так?

— Э-э… зэбудем, штэ я зэдэла вам этот вэпрос, пэуковник; у нас тут все прошче. — Именно так она и говорила; я понимал ее лишь потому, что была известна общая тема интервью. Дальше воспроизводить ее произношение не стану. — Но если это «простой» брак, то что вы называете «сложным»?

Я пустился в объяснение полиандрии, клановых, групповых, линейных браков и еще более редких сочетаний, которые считаются вульгар-

ными у консервативных людей, в том числе у моей семьи. Вроде того, что затеяла моя матушка, когда выгнала вон моего родителя. Описывать этот случай я не стал — моя мать всегда любила крайности.

— Вы меня совсем запутали, — сказала женщина. — Какая все-таки разница между линейным и клановым браком?

— Очень большая. Возьмем мой собственный случай. Я имею честь быть членом одного из самых старых линейных браков в Луне и, по моему пристрастному мнению, одного из лучших. Вы спрашивали о разводе. В нашей семье не было ни одного, и готов спорить на что угодно — никогда не будет. Линейный брак год от года становится крепче, члены семьи постигают искусство совместной жизни и уже не мыслят своего существования друг без друга. Кроме того, требуется единогласное решение всех жен, чтобы развестись с мужем, а это невозможно. Старшая жена не позволит делу зайти так далеко.

Я продолжал описывать преимущества этой формы брака, его финансовую прочность, прекрасные условия для воспитания детей. Подчеркнул, что смерть кого-нибудь из собрачников для нас, конечно, большое горе, но не трагедия,

как во временных семьях, особенно для детей: дети просто не могут стать сиротами. Полагаю, я расписывал все это с излишним энтузиазмом, но моя семья — самое важное в моей жизни. Кто я без нее? Всего лишь однорукий механик, ликвидируй его — никто и не заметит.

— Вот почему этот брак крепок, — говорил я. — Возьмите мою младшую жену — ей шестнадцать. Надо думать, что старшей женой она станет, когда вступит в восьмой десяток. Это вовсе не значит, что все жены, которые старше ее по возрасту, к тому времени умрут. В Луне, похоже, женщины вообще не умирают. Но они могут отказаться от руководства семьей: по нашей семейной традиции они обычно так и поступают, хотя младшие жены никакого давления на старших не оказывают. Поэтому Людмила…

— Людмила?

— Русское имя. Из волшебной сказки. У Милы больше полувека будет перед глазами хороший пример, прежде чем она взвалит на свои плечи эту ношу. Она вообще очень разумна и вряд ли способна сделать большую ошибку, а если и сделает, то другие жены поправят. Наша семья — саморегулирующаяся система, как компьютер с хорошей обратной связью. Прочный линейный

брак бессмертен; я думаю, что мой переживет меня по крайней мере лет на тысячу. Вот почему, когда придет мой час, я умру без сожалений. Лучшая часть меня будет продолжать жить.

В это время профа повезли из комнаты. Он сделал знак остановиться и прислушался. Я обернулся к нему.

— Профессор, — сказал я, — вы знаете мою семью. Объясните, пожалуйста, этой леди, почему наша семья счастлива. Если, конечно, вы считаете ее счастливой.

— Безусловно, — ответил проф. — Однако мне хотелось бы сделать более общее замечание. Дорогая мадам, мне кажется, что брачные обычаи в Луне представляются вам слишком экзотичными.

— Ну, может быть, это чересчур сильно сказано, — возразила она быстро, — но, во всяком случае, они несколько необычны.

— Они проистекают, как и все брачные обычаи вообще, из экономической необходимости, порождаемой условиями жизни, а наши условия очень отличаются от земных. Возьмите линейный брак, который так хвалил мой коллега… и, заверяю вас, вполне справедливо, несмотря на его личные пристрастия. Я же холостяк и подобных

пристрастий не имею. Линейный брак — самое прочное из возможных изобретений для сохранения капитала и обеспечения благополучия детей (двух главных социальных функций брака) в обстановке, где не существует безопасности ни для капитала, ни для детей, кроме той, которая обеспечивается индивидуумами. Люди так или иначе всегда приспосабливаются к окружающей среде. Линейный брак — удивительно удачное изобретение в этом смысле. Все другие лунные формы брака преследуют ту же цель, хотя и менее успешно.

Он пожелал всем доброй ночи, и его увезли. Я ношу с собой — всегда! — фотографию своей семьи, самую последнюю, в данном случае снятую на свадьбе Вайоминг. Новобрачные выглядели пригожими и счастливыми — даже Дед и тот смотрелся высоким и гордым, никак не обнаруживая упадка сил.

Но я был разочарован: они глядели на фотографию как-то странно. Мужчина — его звали Мэтью — сказал:

— Вы можете дать мне этот снимок, полковник?

— Это единственный экземпляр, — поморщился я, — а до дома так далеко.

— Я имею в виду — на минутку. Позвольте мне ее переснять. Прямо здесь, на месте, не выпуская из рук.

— Ах так! Ну конечно!

Я выглядел на фото не лучшим образом, но другого лица у меня нет, зато Вайо была там хороша, а вторую такую, как Ленора, вообще поискать. Он переснял фотографию, а на следующее утро за мной пришли, разбудили чуть свет, арестовали, увезли в инвалидной коляске и заперли в камеру с решетками! За многоженство. За полигамию. За открытую проповедь безнравственности и публичную попытку совращения окружающих.

Хорошо еще, что Ма этого не видела.

Глава 19

Стью угробил целый день на то, чтобы мое дело передали в суд ФН и там закрыли. Его адвокаты нажимали на вопрос о «дипломатической неприкосновенности», но судьи ФН на эту приманку не клюнули, а просто отметили, что инкриминируемые мне обвинения находятся вне юрисдикции суда низшей инстанции, за исключением обвинения в «совращении», по которому, однако, не представлено достаточных улик. У ФН нет зако-

нов о браке; их и не может быть — есть лишь одно постановление, требующее от каждой страны «относиться с уважением и доверием» к брачным обычаям других народов. Из одиннадцати миллиардов землян не меньше семи миллиардов живут в странах, где полигамия разрешена официально, и подручные Стью ловко склонили общественное мнение в нашу пользу, подняв крик о «гонениях»; публикации завоевали нам симпатии людей, которые иначе даже не узнали бы о нашем существовании, в том числе в Северной Америке и других странах, где легально полигамии нет, но где люди исповедуют принцип «живи сам и давай жить другим». Так что все оказалось к лучшему, ибо нам как раз и надо было привлечь к себе внимание. Ведь для многомиллиардного земного улья Луна — это пустой звук, они нашего восстания просто не заметили.

Подручные Стью затратили уйму энергии на разработку плана моего ареста. Мне-то обо всем рассказали несколько недель спустя, когда я поостыл и смог спокойно оценить полученные выгоды. Они свели вместе судью-идиота, взяточника-шерифа и дикие местные предрассудки, которые вспыхнули при виде той милой фотографии, ибо, как признался позже Стью,

многообразие оттенков кожи в семье Дэвисов вызвало особый гнев судьи и заставило его наделать глупостей, выходящих за пределы его обычного тупоумия.

Мое единственное утешение — что Ма не увидит моего позора — оказалось утопией: изображения моей мрачной физиономии в клеточку появились во всех лунных газетах, которые перепечатывали самые злобные нападки земной прессы, хотя статей в мою защиту было гораздо больше. Но я недооценил свою Мими: она нисколько не стыдилась, она только мечтала, как бы ей добраться до Земли и разорвать там кое-кого на мелкие кусочки.

Хотя эта история и помогла нам на Земле, но наибольший эффект она вызвала в Луне. Лунари из-за нее сплотились как никогда. Они почувствовали себя оскорбленными, а Шутник Саймон и Адам Селен вовсю подливали масла в огонь. Лунари, вообще-то, народ добродушный, но если дело кажется женщин — шутки в сторону! Каждая леди восприняла новости с Терры как личное оскорбление, а мужики, которым политика вообще до фени, внезапно обнаружили, что я — «молоток и свой в доску».

Был и еще один побочный результат. Как

правило, старые лагерники смотрят на свободнорожденных сверху вниз, но позже мне частенько приходилось слышать от бывших заключенных: «Привет, рецидивист!» — что-то вроде масонского приветствия, означавшего, что меня приняли.

Однако тогда я ничего хорошего в этой истории не видел. Меня пихали, как скотину, у меня брали отпечатки пальцев, фотографировали, меня кормили едой, которую мы и свиньям постеснялись бы дать, меня всячески унижали, и только сила тяжести удерживала меня от попытки кого-нибудь из них пристукнуть — будь на мне в момент ареста моя номер шесть, я бы наверняка не утерпел.

Но все улеглось, меня освободили. Уже через несколько часов мы вылетели в Агру: наконец-то пришел вызов из комитета. Приятно было снова оказаться во дворце магараджи, но смена часовых поясов — мы перемахнули одиннадцать штук за три часа — не оставила времени на отдых. Так что отправились на слушание, осоловелые от недосыпа и накачанные таблетками, чтобы не вырубиться на ходу.

Слушание было односторонним; мы слушали, а председатель вещал. Вещал он не меньше часа. Изложу только самую суть.

Наши абсурдные претензии отвергались, Лунная администрация будет и дальше выполнять свои священные обязанности. Беспорядков на своем спутнике Земля не потерпит. Более того, недавние беспорядки показали, что Администрация была излишне снисходительна. Это упущение будет исправлено принятием программы активных действий — пятилетнего плана, в котором тщательно регламентируются все стороны жизни на Луне под опекой Администрации.

В настоящее время разрабатывается кодекс законов; будут созданы гражданские и уголовные суды для клиентов-вольнонаемных — то есть для всех жителей опекаемой территории, а не только для ссыльных, отбывающих срок. Будут открыты общеобразовательные школы и учебные заведения для взрослых. Будут сформированы плановые комиссии по экономике, промышленности и сельскому хозяйству, что позволит более полно и эффективно использовать материальные ресурсы спутника Земли и труд клиентов-вольнонаемных. В качестве ближайшей цели принято решение увеличить за пять лет поставку зерна в четыре раза — цель вполне достижимая с помощью научного планирования использования природных и трудовых ресурсов.

Первоочередная задача — организовать отток клиентов-вольнонаемных из непроизводительных сфер и направить их на бурение обширной сети сельскохозяйственных туннелей, чтобы гидропоника начала развиваться в них не позднее марта 2078 года. Новые гигантские фермы будут принадлежать Лунной администрации и управляться научными методами, произволу частных собственников будет положен конец. К концу пятилетия эта система обеспечит выполнение нынешних квот; что же касается клиентов-вольнонаемных, выращивающих зерно на частных фермах, то им разрешат продолжать свое занятие, но постепенно включат в новую систему производства, по мере того как надобность в их менее эффективных методах отпадет.

Председатель поднял взгляд от своих записей:

— Короче, лунные колонии цивилизуют и приведут в административное соответствие со всем цивилизованным обществом. Прискорбно, но приходится признать — я говорю это скорее как гражданин, нежели как председатель комитета, — что мы должны поблагодарить вас за услугу: вы привлекли наше внимание к ситуации, которая уже давно нуждалось в решительной корректировке.

Мне хотелось врезать ему по ушам. «Клиенты-вольнонаемные»! Ишь какое затейливое название вместо простого слова «рабы»!

Но проф безмятежно сказал:

— Я нахожу предложенные планы в высшей степени интересными. Разрешается ли задавать вопросы? С чисто информационной целью?

— С чисто информационной — пожалуйста.

Североамериканский представитель выскочил вперед:

— Только не думайте, что мы намерены выслушивать дерзости от пещерных троглодитов! К вам это тоже относится! Так что следите за своими выражениями.

— К порядку! — призвал председатель. — Продолжайте, профессор.

— Меня заинтриговал термин «клиенты-вольнонаемные». Согласны ли вы с тем, что подавляющее большинство населения главного спутника Земли составляют не арестанты, а свободные граждане?

— Разумеется, — вежливо согласился председатель. — Рассмотрены все юридические аспекты новой политики. За мелкими исключениями, примерно девяносто один процент колонистов имеет гражданство различных стран — членов

Федерации Наций либо по праву рождения, либо по праву наследования. Те, кто пожелает, могут вернуться на родину. Вам будет приятно узнать, что Администрация рассматривает план, согласно которому неимущим будут предоставлены кредиты на оплату переезда… возможно, под надзором Международного Красного Креста и Полумесяца. Могу добавить, что я сам от всего сердца поддерживаю этот план, поскольку он кладет конец всякой болтовне о «рабском труде». — И он самодовольно ухмыльнулся.

— Понимаю, — согласился проф. — В высшей степени гуманно. Интересно, учитывает ли при этом комитет (или Администрация) тот бесспорный факт, что обитатели Луны физически не способны жить на Земле? Что лунари против собственной воли обречены на вечную ссылку из-за необратимых физиологических изменений и никогда не смогут жить полноценной жизнью при силе тяжести, в шесть раз превышающей ту, к которой они привыкли?

Мерзавец поджал губы, будто это соображение было для него совершенно неожиданным.

— Я лично не считаю ваше утверждение бесспорным. Полагаю, все зависит от организма. Для одних это так, для других — иначе. Ваше

присутствие здесь доказывает, что обитатели Луны способны жить на Земле. В любом случае мы не имеем намерения насильно переселять их сюда. Напротив, мы надеемся, что они решат остаться, и собираемся поощрять добровольцев, желающих эмигрировать на спутник Земли. Но это будет индивидуальный выбор, без какого-либо ущемления свобод, гарантируемых Великой Хартией. Что же до предполагаемого физиологического феномена, то он правового характера не имеет. Если кто-то считает, что для него разумнее остаться на Луне, или полагает, что там он будет более счастлив, это его право.

— Понимаю, сэр. Мы свободны. Свободны либо остаться в Луне и работать там, где вы укажете, за плату, вами же назначенную, либо вернуться на Землю и умереть.

Председатель пожал плечами:

— Вы считаете нас злодеями, но это не так. Да если бы я был молод, я бы сам эмигрировал на Луну. Какие великолепные возможности! Во всяком случае, ваши обвинения меня не волнуют. История нас оправдает.

Проф меня удивил. Он не стал сражаться. Я встревожился: похоже, сказываются недели напряжения плюс бессонная ночь. Он сказал:

— Достопочтенный председатель, как я понимаю, сообщение с Луной в скором времени будет возобновлено. Можно ли рассчитывать на места для меня и моего коллеги на первом же корабле? Ибо должен признаться, сэр, эта гравитационная слабость, о которой я говорил, в нашем случае вполне реальна. Наша миссия завершена; нам пора возвращаться домой.

(И ни слова о зерновых баржах. Или о «швырянии камнями», или хотя бы о бессмысленности битья коровы. В голосе профа звучала глубокая усталость.)

Председатель наклонился вперед и заявил с неприкрытым злорадством:

— Профессор, тут возникают затруднения. Откровенно говоря, вам собираются предъявить обвинение в преступлениях против Великой Хартии и даже против всего человечества… в настоящее время формулировка уточняется. Я, однако, сомневаюсь, чтобы человеку вашего возраста и с вашим состоянием здоровья грозило нечто больше, нежели условный приговор. Как вы полагаете, разумно ли будет с нашей стороны вернуть вас туда, где вы совершили противоправные деяния, и тем самым спровоцировать новые беспорядки?

Проф вздохнул:

— Я понимаю вашу точку зрения. В таком случае вы разрешите мне удалиться? Я очень устал.

— Разумеется. Прошу вас оставаться в распоряжении комитета. Слушание окончено. Полковник Дэвис…

— Сэр? — Я уже начал разворачивать свою коляску, чтобы выкатить профа из комнаты: наших сопровождающих сюда не пускали.

— Я хотел бы поговорить с вами, если позволите. В моем кабинете.

— Э-э… — Я взглянул на профа. Глаза закрыты, похоже, потерял сознание. Но одним пальцем подзывает меня к себе. — Достопочтенный председатель, я больше сиделка, чем дипломат. За профессором нужен уход. Он очень стар и болен.

— Ваши сопровождающие о нем позаботятся.

— Ну… — Я подъехал к профу так близко, как позволяла коляска, нагнулся пониже. — Проф, как вы себя чувствуете?

Он почти неслышно шепнул:

— Узнай, что ему надо. Соглашайся. Тяни время.

Через несколько минут мы с председателем остались один на один, звуконепроницаемая дверь захлопнулась… что не имело никакого

значения, ибо в комнате наверняка была дюжина «ушей» (плюс одно «ухо» в моей левой руке).

— Виски? Кофе? — спросил он.

— Нет, благодарю вас, сэр, — ответил я. — Мне приходится соблюдать здесь жесткую диету.

— Понятно. Вы действительно прикованы к этой коляске? Выглядите вы хорошо.

— Я могу, если надо, встать и пересечь комнату. При этом, возможно, потеряю сознание. Или даже хуже. Предпочитаю не рисковать. Вешу тут в шесть раз больше, чем обычно. Сердце может не выдержать.

— Понятно. Полковник, я слышал, вы в Северной Америке влипли в какую-то глупую историю. Я глубоко сожалею об этом, поверьте. Варварские места! Всегда чувствую себя отвратительно, когда приходится там бывать. Думаю, вы гадаете, о чем я хочу с вами побеседовать.

— Нет, сэр. Надеюсь, вы скажете об этом, когда сочтете нужным. Я удивлен другим — зачем вы все еще называете меня полковником?

Он издал лающий смешок:

— По привычке, должно быть. Привыкаешь, знаете ли, к протоколу. Хотя у вас есть возможность сохранить это звание. Скажите, что вы думаете о нашем пятилетнем плане?

Я думал, что от него разит дерьмом.

— Полагаю, он тщательно продуман.

— Да, над ним основательно поработали. Полковник, вы кажетесь разумным человеком; более того, вы действительно разумный человек. Мне известно не только ваше прошлое, но каждое сказанное вами слово, чуть ли не каждая ваша мысль с тех пор, как вы ступили на Землю. Вы родились на Луне. Считаете ли вы себя патриотом? Луны, я имею в виду.

— Вероятно, да… Однако я и теперь считаю, что мы поступили правильно.

— Если между нами — я согласен. Этот старый дурак Хобарт… Полковник, это хороший план, но ему недостает исполнителя. Если вы действительно патриот или, скажем, практичный человек, принимающий близко к сердцу интересы своей страны, вы сможете помочь нам воплотить его в жизнь. — Он предостерегающе поднял руку. — Не спешите! Я не предлагаю вам продаться, сделаться предателем или что-нибудь еще в этом роде. Я предлагаю вам шанс стать настоящим патриотом, а не псевдогероем, отдающим жизнь за заранее проигранное дело. Давайте посмотрим на вещи трезво. Неужели вы верите, что лунные колонии устоят против силы, которую обрушит

на них Федерация Наций Земли? Вы человек не военный, это мне известно, и, кстати, меня только радует, но вы технарь: как видите, это мне тоже известно. Скажите откровенно, сколько, по-вашему, нужно кораблей и бомб, чтобы уничтожить лунные колонии?

— Один корабль, шесть бомб, — ответил я.

— Верно! Боже мой, как приятно говорить с разумным человеком. Две бомбы должны быть очень большими, возможно, их придется сделать специально. В живых останутся очень немногие и ненадолго, в основном в мелких поселениях, в стороне от зоны бомбежки. И все это сделает один корабль за десять минут.

— Согласен, сэр, — сказал я, — но профессор де ла Пас правильно заметил: битьем молока от коровы не получишь. А если ее пристрелить — тем более.

— А как вы думаете, почему мы тянули и ничего не предпринимали целый месяц? Этот идиот, мой коллега, не буду называть его по имени, толковал о «дерзостях». Дерзости меня не пугают; все это болтовня, а меня интересует дело. Нет, мой дорогой полковник, мы не станем пристреливать корову… Но если нас припрут к стенке, мы дадим корове понять, что ее можно пристре-

лить. Водородные бомбы — дорогие игрушки, но мы в силах потратить несколько штук на предупредительные бомбежки по голым скалам, чтобы корова поняла, что с ней может случиться. Однако нам не хотелось бы применять столь сильные средства: не дай бог, корова испугается, и молоко скиснет. — Он издал еще один лающий смешок. — Лучше уговорить старушку, чтобы дала молока добром.

Я не реагировал.

— Вас не интересует, каким образом? — не выдержал он.

— Каким же?

— С вашей помощью. Не перебивайте и разрешите мне закончить.

И привел он меня на высокую гору, и предложил мне царства земные. Вернее, лунные. А еще точнее, должность протектора *pro tem* с намеком, что, если все будет о'кей, последние два слова из названия уберут. Убедить лунарей, что победы им не видать. Убедить их, что новый план создан для их же блага, подчеркнуть выгоды — бесплатные школы, бесплатные больницы и так далее, детали потом, главное, чтобы все было под надзором правительства, как на Терре. Налоги — для начала низкие, автоматически и безбо-

лезненно вычитаемые из зарплаты и доходов от зернопоставок… И, что важнее всего, на сей раз Администрация не пошлет зеленых юнцов заниматься мужской работой, а отправит два полка полиции одновременно.

— Эти проклятые драгуны-миротворцы были ошибкой, — продолжал он, — и мы ее не повторим. Между нами: весь этот месяц мы настойчиво доказывали Комиссии по контролю за поддержанием мира, что горсточка людей не в состоянии обеспечивать порядок среди трех миллионов, к тому же разбросанных по шести большим поселениям и пятидесяти мелким. Так что у вас будет солидная поддержка — не просто войска, а военная полиция, привыкшая усмирять население без лишнего шума. Кроме того, отправим женский вспомогательный отряд, обычные десять процентов, и никаких жалоб на насилие больше не будет. Ну как, сэр? Думаете, потянете? Зная, что по большому счету это лучший выход для вашего народа?

Я ответил, что должен изучить все в деталях, особенно планы и квоты пятилетки, чтобы не принимать необдуманных решений.

— Конечно, конечно, — согласился он. — Я вам дам копию беловика, мы все подготови-

ли. Возьмите ее с собой, изучите, подумайте до утра. Завтра поговорим. Только дайте мне слово джентльмена держать все в секрете. На самом деле никакого секрета тут нет… но такие вещи лучше улаживать до того, как о них начнет говорить пресса. Кстати, о публикациях: вам понадобится помощь, и вы ее получите. Мы пойдем на любые издержки, пошлем вам лучших людей: заплатим сколько потребуется, построим центрифугу, как ученым… в общем, вы понимаете. На сей раз ошибок не будет. Этот дурак Хобарт… Он мертв, не правда ли?

— Нет, сэр. Просто в маразме.

— Надо было его прикончить. Вот вам копия плана.

— Сэр, кстати, о стариках… Профессор де ла Пас тут оставаться не может. Не проживет и шести месяцев.

— Ну это только к лучшему, не так ли?

Я постарался удержаться от эмоций:

— Вы не понимаете. Его любят и почитают. В идеале, я должен его убедить, что водородные бомбы — не пустая угроза и его патриотический долг — спасти все, что можно спасти. Но так или иначе, если я вернусь без него… я не только не потяну, я даже начать не сумею, просто не проживу

достаточно долго.

— Хм… ладно, там посмотрим. Завтра поговорим. Скажем, часов в четырнадцать.

Я вышел, погрузился в фургон, и тут меня затрясло. Не дано мне глядеть на вещи с точки зрения высших соображений.

Стью с профом ждали меня.

— Ну? — спросил проф.

Я оглядел стены и постучал пальцем по уху. Мы наклонили головы к голове профа и натянули на себя парочку одеял. В постели профа и в моем кресле жучков не было — я проверял их каждое утро. Но что касается самой комнаты, то безопаснее шептаться под одеялами.

Я сделал вступление. Проф прервал меня:

— Его происхождение и привычки оставим на потом. Давай факты.

— Он предложил мне работу коменданта.

— Надеюсь, ты согласился?

— Процентов на девяносто. Я должен изучить это дерьмо и завтра дать ответ. Стью, когда мы можем приступить к осуществлению плана «Ноги в руки»?

— Уже приступили. Ждали только, когда ты вернешься. Если вернешься, конечно.

Следующие пятьдесят минут мы провели в

лихорадочной деятельности.

Стью вызвал костлявого индуса, одетого в дхоти. Через тридцать минут он превратился в двойника профа, и Стью перегрузил профа из постели на диван. Дублировать меня было проще. Наших дублеров вкатили в гостиную, как раз когда стемнело и принесли ужин. Несколько человек вошло, несколько — вышло. Среди последних была пожилая индуска в сари, опиравшаяся на руку Стюарта Лажуа. За ними шествовал толстенький *бабу*.

Труднее всего было доставить профа по лестнице на крышу; он никогда не пользовался механическими инвалидными ходунками, у него не было возможности их освоить, а кроме того, он больше месяца пролежал на спине.

Но рука Стью держала его крепко. Я стиснул зубы и преодолел тридцать проклятых ступенек без посторонней помощи. Когда добрался до крыши, сердце было готово выпрыгнуть из груди. Главное — не хлопнуться в обморок, это сейчас совсем некстати. Бесшумный маленький флаер возник из тьмы в точно назначенное время, и через девять минут мы уже сидели в чартерном самолете, которым летали весь последний месяц, а еще через две минуты стартовали в Австралию.

Понятия не имею, чего стоило организовать всю эту музыку и поддерживать ее наготове, пока не понадобится, но все прошло как по нотам.

Вытянувшись рядом с профом и наконец отдышавшись, я спросил:

— Как вы себя чувствуете, проф?

— О'кей. Немного устал. И разочарован.

– *Ja da.* Разочарован.

— Я имею в виду — из-за того, что так и не повидал Тадж-Махал. В юности не довелось, а нынче… Дважды был от него в двух шагах, несколько дней назад и сегодня, но так и не увидел. Теперь уж никогда не увижу.

— Подумаешь, обыкновенная гробница.

— А Елена Прекрасная — обыкновенная баба. Спи уж, парень.

Мы приземлились на китайской половине Австралии, в городе под названием Дарвин. Нас погрузили на корабль, усадили в антиперегрузочные кресла и сделали уколы.

Проф уже уснул, а я начал клевать носом, когда внезапно появился Стью. Широко ухмыльнулся, уселся рядом и пристегнул ремни. Я воззрился на него:

— И ты здесь? Кто же остался в лавке?

— Те самые ребята, которые и раньше делали

основную работу. Это хорошая команда, я им больше не нужен. Манни, дружище, мне неохота торчать так далеко от дома. Я имею в виду Луну, на случай если ты туго соображаешь. Похоже, это последний поезд из Шанхая.

— При чем тут Шанхай?

— Ладно, замнем для ясности… Манни… я разорился в пух и прах. Одни долги кругом — и я смогу их уплатить, только если кое-какие акции быстро пойдут вверх. По крайней мере, Адам Селен уверял меня, что они поднимутся, когда мы пройдем через переломную точку истории. К тому же меня ждет арест — или будет ждать в скором времени — за нарушение общественного порядка. Короче говоря, я избавлю их от расходов по моей транспортировке в Луну. Как думаешь, в моем возрасте не поздно учиться на бурильщика?

Мозги у меня заволокло туманом — укол делал свое дело.

— Стью, в Луне ты еще не стар… какие наши годы… а если… за нашим столом всегда… ты же у нас любимчик Мими…

— Спасибо, дружище, я подумаю. Стартовый сигнал! Дыши глубже.

И тут на меня обрушилась десятикратная.

Глава 20

Наш корабль был чем-то вроде парома Земля — орбита. Их используют для связи с обитаемыми спутниками, для снабжения патрульных судов Федерации и для перевозки пассажиров к спутникам с казино и развлечениями. На сей раз на корабле было только три пассажира вместо сорока, и никакого груза, кроме трех скафандров и медной пушечки (да, дурацкая игрушка была на борту: скафандры вместе с профовой «бабахалкой» доставили в Австралию за неделю до нас); экипаж нашего славного «Жаворонка» состоял только из шкипера и пилота-киборга.

Зато топлива было хоть отбавляй.

Мы совершили (как мне потом сказали) обычный подход к спутнику «Элизиум», а затем внезапно сменили орбитальную скорость на вторую космическую — придавило нас при этом покруче, чем на старте.

Маневр засекла федеральная станция космического слежения; нам приказали остановиться и объяснить свои действия. Все это я узнал от Стью, пока приходил в себя и наслаждался роскошью невесомости, прицепившись к креслу одним

ремнем. Проф все еще был без чувств.

— Они, значит, захотели узнать, кто мы такие и соображаем ли мы, что делаем, — говорил Стью. — Мы ответили, что мы китайское судно «Расцветающий лотос», выполняющее миссию милосердия. Направляемся к Луне для спасения ученых, томящихся там в неволе. Сообщили им свои данные для идентификации — сам понимаешь, данные «Расцветающего лотоса».

— А как же радиомаяк?

— Если мне продали то, за что я заплатил, то наш радиомаяк, который десять минут назад идентифицировал нас как «Жаворонка», должен был давать позывные «Лотоса». Впрочем, скоро все выяснится. У них есть один крейсер, который может сбить нас ракетой и разнести… — Стью взглянул на часы, — в ближайшие двадцать семь минут, если верить киберджентльмену, пилотирующему наше корыто; в противном случае шансы крейсера на перехват упадут почти до нуля. Так что если тебя это волнует — если хочешь молитву прочесть или послание кому отправить, — то сейчас самое время.

— А проф? Будем его будить?

— Пусть спит. Для прыжка на тот свет лучше не придумаешь: прямо из мирного сна — в об-

лако светящегося газа. Хотя, может быть, тебе известны какие-то религиозные обряды, которые он хотел бы соблюсти? Правда, проф никогда не казался мне религиозным, во всяком случае в ортодоксальном смысле.

— Он не религиозен. Но если у тебя самого есть подобные желания, ты меня не стесняйся.

— Благодарю, я обо всем позаботился еще до того, как мы покинули Землю. А как насчет тебя, Манни? Я мало похож на падре, но постараюсь, если надо. Есть на совести грешки, а, дружище? Если хочешь, исповедуйся, я неплохой специалист по грехам.

Я ответил, что особой нужды в исповеди не испытываю. Потом припомнил кое-какие приятные грешки и выдал ему более или менее правдивые версии. Это, в свою очередь, напомнило Стью о его собственных, что напомнило мне… Время «зеро» пришло и кануло в вечность, а мы все еще не исчерпали перечня. Стью Лажуа как раз тот парень, с которым приятно провести последние минуты жизни, даже если они окажутся не последними.

* * *

Двое суток мы бездельничали, только проходили всякие малоприятные процедуры, чтобы не занести в Луну какую-нибудь заразу. Но я не возражал ни против искусственно вызванного озноба, ни против жара жестокой лихорадки; наслаждался невесомостью и был счастлив, что лечу домой.

Или почти счастлив… Проф спросил, что меня тяготит.

— Ничего, — ответил я. — Не могу дождаться, когда снова окажусь дома. Но… по правде говоря, стыдно показаться там после такого провала. Проф, где мы ошиблись?

— Провала, мой мальчик?

— А как еще это можно назвать? Мы просили о признании. И не получили его.

— Мануэль, мне следует повиниться перед тобой. Ты должен помнить расчет шансов, сделанный Адамом Селеном как раз перед нашим отлетом с Луны.

Стью поблизости не было, но из осторожности никогда не говорили «Майк», только «Адам Селен».

— Конечно помню! Один из пятидесяти трех.

Затем мы добрались до Терры, а шансы с треском грохнулись до одного из ста. А сейчас сколько, как вы думаете? Один к тысяче?

— Я получал новые прогнозы каждые несколько дней… вот почему и винюсь перед тобой. Последний, полученный прямо перед вылетом, исходил из еще не подтвержденного в тот момент предположения, что мы смоемся с Терры и благополучно вернемся домой. Или что хоть один из нас троих вернется. Вот почему камрада Стью вызвали в Луну — у него, как у землянина, больше выносливости к сильным ускорениям. Фактически Майк выдал восемь прогнозов. В худшем мы все погибаем, в лучшем — все трое остаемся в живых плюс промежуточные варианты. Хочешь поставить несколько долларов на то, каков последний прогноз? Размер ставки и шансы назовешь сам. Намекну: ты излишне пессимистичен.

— Э-э… Да ну его! Говорите, не тяните время.

— Шансы против нас сейчас всего семнадцать к одному… и весь месяц разрыв сокращается. А сказать тебе об этом я не имел права.

Я был изумлен, поражен, восхищен — и жестоко обижен.

— Как это — не имел права?! Слушайте, проф, ес-

ли мне не доверяют, отстраните меня и поставьте на мое место в исполнительной ячейке Стью.

— Погоди, сынок. Именно туда он и войдет, если что-нибудь случится с нами — со мной, с тобой или с бесценной Вайоминг. Я не имел права сказать тебе это на Земле — и могу сказать сейчас — не потому, что тебе не доверяют, а потому, что ты плохой актер. Чтобы успешно справиться со своей ролью, ты должен был верить, что наша цель — добиться признания независимости.

— Спасибо, что разъяснили!

— Мануэль, Мануэль, надо было бороться каждую секунду, бороться изо всех сил — и проиграть.

— Вот как! А мне не сказали, потому что не дорос, да?

— Ну пожалуйста, Мануэль! То, что мы временно держали тебя в неведении, резко повышало наши шансы; можешь справиться у Адама. Добавлю только, что Стюарт принял свой вызов на Луну без слов, даже не спросил зачем. Камрад, тот комитет был слишком малочислен, а председатель слишком умен; все время существовала опасность, что нам предложат приемлемый компромисс. В первый день такая вероятность была особенно высока. Добейся мы, чтобы наш

вопрос вынесли на Великую Ассамблею, опасность разумного решения исчезла бы. Но нам отказали. Лучшее, что я мог сделать, — это разозлить комитет, не останавливаясь даже перед личными оскорблениями, лишь бы обеспечить хоть один голос, который всегда будет против здравых решений.

— Наверное, я никогда не разберусь во всех этих высших соображениях!

— Наверное. Но твои таланты и мои дополняют друг друга. Мануэль, ты ведь хочешь видеть Луну свободной?

— Вы знаете, что хочу.

— Но тебе также известно, что Терра может нас разгромить?

— Конечно. Ни один прогноз не дает нам шансов даже пятьдесят на пятьдесят. Поэтому я никак не могу понять, зачем вы решили их разозлить…

— Пожалуйста, не торопись. Поскольку они могут навязать нам свою волю, наш единственный шанс — эту волю ослабить. Вот почему нам так важно было попасть на Терру. Чтобы посеять разногласия, породить разброс мнений. Самый хитроумный полководец в истории Китая однажды сказал, что высшее военное искусство — ослабить волю противника так, чтобы тот сдался

без боя. Вот в чем заключается и наша конечная цель, и главная угроза. Предположим — а это казалось вполне вероятным в первый день, — что нам предложили бы заманчивый компромисс. На место коменданта — губернатор, возможно, из наших же рядов. Местная автономия. Делегат в Великой Ассамблее. Высокие цены на зерно у входа катапульты плюс премии за поставки сверх квоты. Осуждение политики Хобарта и выражение сожалений по поводу насилия и убийств плюс солидная денежная компенсация родственникам жертв. Было бы это приемлемо для нас? Вот тут — в Луне?

— Но они ничего подобного не предлагали!

— Председатель был готов предложить нечто похожее в первый день, причем тогда он был полным хозяином в своем комитете. Он намекнул на возможность подобной сделки. Предположим, мы добились бы условий, которые я только что обрисовал. Было бы это приемлемо для наших лунарей?

— Э-э… возможно.

— Более чем возможно. Вот почему шансы, когда мы улетали с Луны, были такими низкими. Именно этого нам следовало избежать любой ценой — компромисса, который успокоит народ,

ослабит его волю к сопротивлению и вместе с тем не предотвратит неизбежную катастрофу, ожидающую нас в недалеком будущем. А потому я круто изменил курс и ликвидировал возможность соглашения, начав придираться к мелочам и сохранив при этом оскорбительную вежливость. Мануэль, мы с тобой знаем — и Адам знает, — что поставки продовольствия надо прекратить! Только так можно спасти Луну от катастрофы. Но ты можешь представить себе фермера, который борется за прекращение поставок?

— Нет. А любопытно было бы получить известия из дома: как там приняли сообщение о прекращении поставок?

— Таких сообщений не будет. Так решил Адам: никаких заявлений, пока мы не доберемся домой. Мы все еще продолжаем скупать зерно у фермеров. Баржи по-прежнему прибывают в Бомбей.

— Но вы же сказали, что поставки прекратятся немедленно?

— Это была угроза, а не моральное обязательство. Несколько барж погоды не делают, а нам нужно выиграть время. У нас в Луне маловато союзников — только незначительное меньшинство. Большинство людей индифферентны, их можно временно склонить и в ту и в другую сто-

рону. А противостоит нам тоже меньшинство… главным образом фермеры, которых интересует не политика, а цены на зерно. Они ворчат, но еще принимают купоны, надеясь, что их курс все-таки начнет расти. Однако, если мы объявим, что поставки прекращены, фермеры займут активно враждебную позицию. Адам хочет сделать заявление в такой момент, когда большинство будет на нашей стороне.

— Это когда же? Через год? Через два?

— Через два-три дня. Может быть, через четыре. Тщательно отредактированные цитаты из «плана пятилетки», отрывки из твоих записей, особенно предложение этого ублюдка, рассказы о твоем аресте в Кентукки…

— Эй! Об этом лучше не вспоминайте!

Проф только улыбнулся и вздернул бровь.

— Хм… — сказал я недовольно. — О'кей. Если это поможет.

— Это поможет больше, чем любая статистика наших природных ресурсов.

* * *

Наш пилот — подключенное к приборам бывшее человеческое существо — пошел на посадку, даже не подумав задержаться на орбите (чего,

мол, тянуть: корабль легкий, маневренный), так что мы получили напоследок еще одну хорошую встряску. Но тормозил он всего два с половиной километра, и через девятнадцать секунд мы сели в Джонсон-Сити. Я перенес посадку нормально, только ужасно сдавило грудь, словно сердце сжимают исполинским кулаком; потом все прошло, и я принялся жадно глотать воздух, приходя в себя и радуясь привычному весу тела. Но бедного старого профа посадка чуть не доконала.

Позднее Майк объяснил мне, что пилот отказался подчиниться приказу. Зная, что проф на борту, Майк хотел посадить корабль осторожненько, с небольшими перегрузками, как яичко в корзинку. Но не исключено, что киборг знал, что делает: посадка с длительным торможением требует массы топлива, а «Лотос-Жаворонок» и так сел почти «сухим».

Как бы там ни было, но лихая гаррисонова посадка чуть не стоила профу жизни. Стью заметил это, пока я силился раздышаться, и мы оба тут же кинулись к профу — сердечные стимуляторы, искусственное дыхание, массаж… Наконец ресницы профа дрогнули, он взглянул на нас и улыбнулся.

— Дома… — шепнул он еле слышно.

Мы заставили его отдохнуть минут двадцать, прежде чем позволили надеть скафандр. Он был так близок к концу, что, казалось, вот-вот услышит ангельские хоры. Шкипер заполнял баки и очень торопился отделаться от нас, чтобы забрать пассажиров в обратный рейс. Этот голландец за всю дорогу не перемолвился с нами ни единым словом; думаю, он здорово жалел, что из алчности влез в историю, которая могла его разорить или даже угробить. Но тут на борт проникла Вайо — примчалась нас встречать. Не думаю, что Стью доводилось видеть ее в скафандре раньше, и уверен, что блондинкой он ее ни разу не видел; во всяком случае, он ее не узнал. Я обнял ее, несмотря на скафандр, а Стью стоял рядом и ждал, чтобы его представили. Когда же незнакомый «мужик» схватил его и начал тискать, Стью страшно удивился.

Я услыхал приглушенный скафандром голос Вайо:

— Ой-ой! Манни, мой шлем!

Я открыл его и откинул. Она встряхнула локонами и широко улыбнулась.

— Стью, разве ты не рад меня видеть? Или ты меня не узнаешь?

По его лицу медленно разлилась улыбка — как

восход над лунным «морем».

— Здравствуйте, *gospazha*! Я счастлив вас видеть!

— Вот еще — *gospazha*! Я, милый, для тебя просто Вайо, запомни раз и навсегда. Манни тебе не сказал, что я снова блондинка?

— Говорил, конечно… Но знать и видеть — вещи разные.

— Ничего, привыкнешь! — Она остановилась, нагнулась над профом, что-то шепнула, хихикнула, поцеловала его, потом выпрямилась и выдала мне (теперь уже без шлема) такой «с приездом», что у нас обоих брызнули слезы. После чего кинулась целовать Стью.

Он попятился. Вайо удивилась:

— Стью, мне что — опять намазаться ваксой, чтобы ты со мной поздоровался?

Стью искоса взглянул на меня и наконец ответил на поцелуй Вайо. Она уделила этому делу не меньше времени и усердия, чем нашему с ней приветствию.

Только позже я понял причину странного поведения Стью; несмотря на его «обращение», он все же не был настоящим лунарем, а Вайо за это время успела выйти замуж. Ну и что, спрашивается, какая разница? Однако на Терре это большая

разница, а Стью еще не проникся как следует мыслью, что в Луне леди — сама себе хозяйка. Этот дурачок подумал, что я обижусь!

Мы натянули скафандр на профа, облачились сами и вышли; под мышкой я тащил профову пушку. После того как спустились и прошли через шлюз, скафандры сняли, и я почувствовал себя польщенным — под скафандром у Вайо оказалось измятое красное платье, которое я подарил ей сто лет назад. Она разгладила его рукой, и юбка вспыхнула ярким огнем.

Иммиграционный зал пустовал, только вдоль стены выстроилось человек сорок в скафандрах и шлемах, точь-в-точь новоприбывшие ссыльные. Это отправлялись домой земляне — застрявшие здесь туристы и несколько ученых. Но лететь им придется налегке, скафандры перед стартом выгрузят. Я поглядел на бедолаг и вспомнил о пилоте-киборге. Когда «Жаворонка» готовили к рейсу, с него сняли все кресла, кроме трех; этим людям придется выносить перегрузки, лежа на голом полу, и если шкипер не проявит осторожности, киборг раздавит землян в лепешку.

Я сказал об этом Стью.

— Не бери в голову, — ответил он. — У капитана Лейерса есть на борту поролоновые матрасы.

Он не даст пассажирам погибнуть — они для него теперь все равно что страховой полис на собственную жизнь.

Глава 21

Моя семья, все тридцать с лишком человек, начиная с Деда и кончая детишками, ждала нас за дверью следующего шлюза уровнем ниже. Нас залили слезами, зацеловали, затискали; на сей раз Стью не пятился. Маленькая Хейзел устроила целую церемонию: надела нам на головы «колпаки свободы», а уж потом поцеловала, и по этому сигналу вся семья напялила колпаки; я внезапно прослезился. Может, это и есть патриотизм — когда спирает дыхание и ты счастлив до боли? А может, это просто радость от встречи с любимыми?

— А где Слим? — спросил я у Хейзел. — Его что, не пригласили?

— Не мог прийти. Он младший церемониймейстер на приеме.

— На приеме? Нам вполне достаточно этого приема.

— Подожди, и увидишь.

Увидел. Хорошо, что вся семья приехала нас

встретить; только там да по пути в Луна-Сити (мы заняли целую капсулу) я их и видел. На станции «Западная» стояла густая орущая толпа в «колпаках свободы». Нас троих на плечах потащили прямо в Старый Купол, окружив охраной из стиляг, которые, сомкнув локти, прокладывали дорогу сквозь эту веселую давку. Парни все щеголяли в красных колпаках и белых рубашках, девчонки — в белых водолазках и красных, под цвет колпаков, шортиках.

И на станции, и в Старом Куполе, когда нас поставили на пол, меня целовали женщины, которых я не встречал ни раньше, ни потом. Оставалось надеяться, что меры, принятые взамен карантина, окажутся достаточно эффективными, иначе половина жителей Луна-Сити сляжет с гриппом или с чем-нибудь похуже. (Как выяснилось, мы хорошо почистились — эпидемий не было. Но в детстве я видал, как разразившаяся эпидемия кори унесла тысячи жизней.)

Кроме того, я волновался за профа; прием был слишком крутым для человека, который час назад чуть не помер. Однако он не только наслаждался этой толкотней, но еще и произнес в Старом Куполе замечательную речь — не слишком логичную, зато наполненную звучными фразами. Там были

и «домашний очаг», и «любовь», и «Луна», и «камрады и сограждане», и даже «плечом к плечу», причем все как-то к месту.

Под огромным видеоэкраном для новостей в южной стороне Купола возвели помост. Нас приветствовал Адам Селен, а затем на экране появилась огромная голова профа и раздался его усиленный аппаратурой голос — кричать ему не пришлось. Однако после каждой фразы приходилось делать паузу: рев толпы топил в себе все, даже могучий глас динамиков, и заодно давал профу время для отдыха. Впрочем, проф уже не казался старым, усталым и больным; возвращение в Булыжник оказалось для него настоящим тоником, в котором он нуждался больше всего. Да и я тоже! Было чудесно чувствовать свой нормальный вес, ощущать себя сильным, вдыхать чистый, обогащенный кислородом воздух родного города.

А неслабый у нас городок! В Старый Купол нельзя втиснуть все население Луна-Сити, но, похоже, они попытались. Я прикинул площадку в десять квадратных метров и попробовал подсчитать количество голов; дошел до двухсот и бросил, не сосчитав и половины. «Лунатик» оценил толпу в тридцать тысяч — думаю, приврал немного.

Слова профа услышали почти все три миллиона; видео донесло это зрелище до тех, кто не мог побывать в Старом Куполе, кабельное видео и ретрансляторы передали его через безмолвные «моря» во все поселения. Проф воспользовался случаем и поведал о рабском будущем, которое уготовила нам Администрация; он размахивал в воздухе копией плана.

— Вот они! — кричал проф. — Вот они — ваши оковы! Ваши ножные кандалы! Вы согласны надеть их?

— НЕТ!

— А они говорят, что наденете! Они говорят, что сбросят на нас водородные бомбы… и тогда выжившие сдадутся и наденут кандалы. Наденете?

— НЕТ! НИКОГДА!

— Никогда, — согласился проф. — Но они угрожают послать войска… новые и новые войска, чтобы убивать и насиловать. Нам придется с ними сражаться.

– *DA!*

— Мы будем драться с ними на поверхности, мы будем драться в туннелях метро, мы будем биться в коридорах! И если мы погибнем, то погибнем свободными!

— Да! Йа! *Da!* Пусть знают! Пусть знают!

— И если мы погибнем, пусть история запишет: то был звездный час Луны! Дайте нам свободу… или дайте нам смерть!

Кое-что в этой речи показалось мне знакомым. Но слова звучали свежо и ново; мой голос слился с ревом толпы… Я знал, что Терру нам не победить, — я же технарь, и я знаю, что водородная бомба не разбирает, кто храбрый, а кто нет. И все равно был готов. Если они хотят драки — они свое получат!

Проф дал толпе поорать, а потом запел «Боевой гимн Республики» в переделке Саймона. На экране возник Адам, повел мелодию, а мы попытались слинять под шумок, спустившись с тыльной стороны платформы при поддержке Слима и его стиляг. Но женщины нас отпускать не хотели, а где уж нашим ребятам противиться желаниям леди! Так что те, конечно, прорвались. В общем, было уже двадцать два ноль-ноль, когда мы вчетвером — Вайо, проф, Стью и я — оказались в «Раффлзе», в номере «Л», где к нам по видео присоединился Адам-Майк. К тому времени я просто помирал от голода, вернее, мы все помирали, а потому я заказал ужин прямо в номер. Проф настоял, чтобы мы поели, прежде чем начнем обсуждать дальнейшие планы. После ужина

приступили к делу.

Адам попросил для начала прочесть вслух копию плана — для него и для камрада Вайоминг.

— Но прежде, камрад Мануэль, если у вас с собой записи, сделанные на Земле, передайте их, пожалуйста, ускоренным способом по телефону в мой офис. Я прикажу переписать их и постараюсь изучить… Пока у меня есть лишь закодированные сводки, которые присылал камрад Стюарт.

Так я и сделал, зная, что Майк изучит записи мгновенно; весь остальной разговор был частью мифа об Адаме Селене. Я решил поговорить с профом насчет того, чтобы ввести Стью в курс дела. Раз он войдет в исполнительную ячейку, притворяться дальше слишком утомительно.

Передача записей Майку на сверхскоростях заняла пять минут, чтение вслух — еще тридцать. Когда я закончил, Адам сказал:

— Профессор, благодаря вашей речи митинг прошел еще удачнее, чем я предполагал. Думаю, нам следует немедленно провести через Конгресс вопрос об эмбарго. Я могу сегодня же вечером известить, что сессия Конгресса начнется завтра в полдень. Ваши предложения?

— Послушайте, — вмешался я, — наши болтуны будут мусолить этот вопрос неделями. Если им

непременно нужно его обсуждать, хотя я не понимаю зачем, давайте сделаем как с Декларацией: начнем поздно, затянем до полуночи, подключим наших людей.

— Извините, Мануэль, — ответил Адам. — Я так увлекся событиями на Земле, что не успел сообщить вам о здешних новостях. В Конгрессе теперь совсем другие люди. Камрад Вайоминг!

— Манни, милый, теперь это выборный Конгресс. Он должен одобрить решение, ведь Конгресс — фактически наше правительство.

— Вы, — сказал я медленно, — провели выборы и вручили им бразды правления? Тогда зачем мы тут заседаем?

Я поглядел на профа, ожидая взрыва. Я не против правительства вообще, как проф, я просто не мог врубиться, на кой это нужно — менять одну говорильню на другую. Первый состав Конгресса, по крайней мере, можно было перетасовать, а эти небось приклеятся к своим креслам — не оторвешь!

Проф был безмятежно спокоен. Сложил пальчики и сидит себе, в ус не дует.

— Мануэль, я не думаю, что ситуация так безнадежна, как тебе кажется. В каждую эпоху людям приходилось как-то приспосабливаться к народ-

ной мифологии. Когда-то считалось, что короли — помазанники Божьи, и проблема была в том, чтобы Господь помазал правильных кандидатов. Современный миф — это «народное волеизъявление»… но проблема изменилась лишь внешне. Мы с камрадом Адамом долго бились над вопросом, в чем заключается эта самая «воля народа». Осмелюсь предположить, что нынешнее решение годится в качестве рабочего инструмента.

— Ну… ладно. Но почему нам ничего не сообщили? Стью, ты знал?

— Нет, Манни. Но меня это не волнует. — Стью пожал плечами. — Я монархист, меня эти игры не увлекают. Однако я согласен с профом, что в наше время выборы — необходимый ритуал.

— Мануэль, — снова заговорил проф, — какой смысл было сообщать нам об этом на Терру? У нас с тобой там дел хватало. Камрад Адам и бесценная камрад Вайоминг занимались этим в наше отсутствие, так что давай-ка сначала посмотрим, а уж потом рассудим, что к чему.

— Извините. Ну, Вайо?

— Манни, мы вовсе не пустили все на самотек. Мы с Адамом решили, что Конгресс из трехсот депутатов — самое то, что нужно. Затем мы несколько часов анализировали списки членов

Партии плюс списки заметных беспартийцев. И наконец составили список кандидатов, причем включили туда некоторых членов бывшего Специального Конгресса. Там ведь далеко не все были болтунами, и мы выбрали самых достойных. Затем Адам обзвонил всех подряд и спросил, согласны ли они послужить родине, причем предупредил, чтобы до поры до времени держали язык за зубами. Некоторых пришлось заменить. Когда все было готово, Адам выступил по видео, сказав, что пришло время выполнить обещание Партии насчет свободных выборов, назначил дату и объявил, что голосовать могут все, кто достиг шестнадцати, а тем, кто хочет выставить свою кандидатуру в Конгресс, нужно собрать сто подписей и послать заявление в Старый Купол или в избирательный участок. Ах да, мы создали тридцать временных избирательных округов, по десять депутатов от каждого, так что во всех поселениях, кроме самых маленьких, был свой округ.

— Итак, вы все организовали и партийный список прошел?

— О нет, дорогой. Никакого партийного списка не было — во всяком случае, официально. Но наши кандидаты были подготовлены… и, надо сказать, мои стиляги проделали отличную работу

по сбору подписей. Заявки наших кандидатов были отосланы в первый же день. Заявок поступило много, в общей сложности получилось свыше двух тысяч кандидатов. Но Адам выступил по видео всего за десять дней до выборов; мы знали, чего хотим, а оппозиция была расколота. Адаму даже не пришлось поддерживать наших кандидатов. Все сработало — ты победил: ты набрал семь тысяч голосов, Манни, тогда как твой ближайший соперник — менее тысячи.

— Я победил?

— Ты победил, я победила, проф победил, камрад Клейтон победил — словом, почти все, кто, по нашему мнению, должен был попасть в Конгресс. В общем, это было нетрудно. Хотя Адам и не выступал ни в чью поддержку, я расстаралась и сообщила камрадам, кого он предпочитает. Саймон тоже руку приложил. Жаль, вас тут не было в ту ночь, когда мы наблюдали за выборами. Волнующие часы!

— А как вы справились с подсчетом голосов? Никогда не мог понять эту выборную систему. Писали бумажки с именами, что ли?

— О нет, у нас система была получше… ведь многие камрады даже писать не умеют. Мы открыли избирательные участки в банках. Та-

мошние клерки удостоверяли личность своих клиентов, а клиенты — личность членов своих семей и соседей, у которых нет банковских счетов. Люди просто называли вслух имя кандидата и наблюдали, как клерки набирают его на клавиатуре компьютера; затем результаты поступали в Счетную палату Луна-Сити. Голосование продолжалось часа три, а результаты объявили буквально через несколько секунд.

Неожиданно у меня в башке просветлело, и я решил, что попозже допрошу Вайо наедине. Хотя нет, не Вайо — Майка! Пробьюсь через его исполненную достоинства маску Адама Селена и выбью истину из его нейристоров! Я вспомнил историю чека с десятью миллионами миллиардов долларов, и мне стало интересно, сколько людей голосовало за меня на самом деле. Семь тысяч? Семь сотен? Или только семья и друзья?

Зато я перестал волноваться по поводу нового Конгресса. Проф по-старому сыграл не просто подтасованной, а крапленой колодой — и быстренько смылся на Землю, пока их тут раздевали донага. Спрашивать у Вайо смысла не было; вряд ли они посвятили ее в свои махинации… Чем меньше она знала, тем лучше играла свою роль!

И никто ничего не заподозрил. Все отнеслись к

выборам с полным доверием, все были уверены, что если в компьютер вводят правильные цифры, то он выдаст такой же правильный результат. Я и сам когда-то в этом не сомневался, пока не встретил компьютер с чувством юмора.

И я решил не поднимать вопрос о том, чтобы Стью раскрыли тайну самосознания Майка. Трое — это и так на две единицы больше, чем надо. А может, и на три…

— Ма… — начал я, но тут же спохватился. — Мое мнение — неплохая работа. И с каким перевесом мы выиграли?

Адам бесстрастно ответил:

— Восемьдесят шесть процентов наших кандидатов прошли. Приблизительно как я и ожидал.

(«Приблизительно»! Такой же мухлеж, как моя левая рука! Точно как ты рассчитал, Майк, старый железный мошенник!)

— Снимаю возражения насчет полудня. Я приду.

— Мне кажется, — сказал Стью, — учитывая, что эмбарго вступит в силу немедленно, мы должны как-то поддержать энтузиазм, свидетелями которого были сегодня. Иначе начнется долгий ползучий период углубляющейся экономической депрессии — из-за эмбарго, я имею в виду,

и крушения иллюзий. Адам, вы с самого начала произвели на меня впечатление своей способностью давать точный прогноз будущих событий. Мои дурные предчувствия обоснованны?

— Да.

— Ну и?

Адам оглядел нас всех по очереди — нет, хоть убейте, невозможно поверить, что это подделка и что Майк в данный момент попросту изучает нас с помощью своих бинауральных микрофонов.

— Камрады… открытая война с Террой должна начаться как можно скорее.

Все молчали. Одно дело — говорить о войне, другое — смотреть ей в лицо. Наконец я вздохнул и спросил:

— И когда же мы начнем швырять в них камнями?

— Мы не начнем, — ответил Адам. — Они первыми должны бросить в нас камень. Вопрос в том, как их подтолкнуть. Я оставлю свои соображения напоследок. Мануэль?

— Хм… что я могу сказать? Будь моя воля, я бы в первую очередь шарахнул хорошенькой глыбой по Агре — есть там один тип, который только зря воздух портит. Но ведь это не то, что нам нужно?

— Нет, не то, — серьезно ответил Адам. — Вы

тем самым не только вызовете гнев всего индийского народа, который крайне отрицательно относится к любому посягательству на жизнь, вы вызовете гнев и потрясение у всех народов Земли, ибо уничтожите Тадж-Махал.

— Включая и мой гнев, — заметил проф. — Ты говоришь чушь, Мануэль.

— Слушайте, — сказал я, — я же не говорю, что именно так и надо сделать. Кроме того, ведь можно стрельнуть и мимо вашего Таджа.

— Мануэль, — сказал проф, — Адам правильно заметил: наша стратегия должна заключаться в том, чтобы спровоцировать Терру нанести нам первый удар. Это классический маневр «Перл-Харбор» в теории игр, великое достижение *Weltpolitick*. Вопрос в том, как это сделать. Адам, я думаю, надо внушить им, что мы слабы и разрозненны, что Терре достаточно лишь продемонстрировать силу — и Луна тотчас вытянется в струнку. Стью! Ваши люди на Земле могли бы оказать нам бесценную помощь. Предположим, Конгресс отвергнет меня и Мануэля. Последствия?

— О нет! — закричала Вайо.

— О да, дорогая Вайо. Нет нужды делать это, можно просто передать по каналам новостей на

Землю. А еще лучше использовать подпольный «луч», якобы принадлежащий ученым-землянам, благо они пока не все уехали; наши же официальные каналы будут являть все классические признаки жесткой цензуры. Адам?

— Я беру это на заметку как тактический прием, который может быть включен в нашу стратегию. Но этого мало. Нужно, чтобы нас бомбили.

— Адам, почему вы так настаиваете? — спросила Вайо. — Даже если Луна-Сити способен выдержать удар самых мощных бомб — надеюсь, мне не придется убеждаться в этом на практике, — мы знаем, что тотальной войны Луна не перенесет. Вы сами говорили это много раз. Нельзя ли как-нибудь иначе добиться того, чтобы они оставили нас в покое?

Адам задумчиво оттянул кожу на правой щеке, и я подумал: Майк, если ты не прекратишь это актерство, я сам поверю в твое существование! Он меня достал. Когда же наконец удастся поговорить с ним наедине, без «председателя Селена»?

— Камрад Вайоминг, — сдержанно начал он, — эта ситуация в теории игр рассматривается как сложная игра с ненулевой суммой. У нас есть определенные ресурсы, или игровые фишки, и много возможных ходов. У противника фишек

гораздо больше, а выбор ответных ходов значительно шире. Наша задача заключается в том, чтобы вести игру с оптимальной результативностью, одновременно вынуждая противника терять свое превосходство в силах и мешая ему применить их в полном объеме. Самое главное — правильно выбрать время и так разыграть гамбит, чтобы запустить цепочку событий, благоприятствующих нашей стратегии. Согласен, что с ходу это трудно понять. Я мог бы пропустить все факторы через компьютер и показать вам результаты. Или примите мои выводы на веру. Или используйте свой собственный здравый смысл.

Так сказать, ненавязчиво напомнил Вайо (перед самым носом у Стью), что он не Адам Селен, а Майк — наш умник-разумник, способный решать сложнейшие проблемы, поскольку он и есть компьютер, да еще самый гениальный в мире.

Вайо тут же отступила.

— Нет, нет, — сказала она, — я в математике полный нуль. Хорошо, надо — значит надо. Как же мы это сделаем?

К четырем ноль-ноль у нас наконец появился план, удовлетворявший Стью и профа с Адамом; иначе говоря, к этому времени Майку удалось протащить свой план, делая вид, будто он извле-

кает идеи из нас. А может, автором плана был проф и Адам продавал нам чужой товар?

В любом случае у нас теперь был план и сроки его выполнения. В основе лежала та самая генеральная стратегия, которую мы выработали во вторник 14 мая 2075 года. Просто были учтены некоторые тогда лишь предполагавшиеся, а теперь свершившиеся события. Если говорить о самой сути, он требовал от нас всячески хамить Терре, одновременно создавая впечатление, что выпороть нас не составляет труда.

* * *

В полдень я примчался в зал собраний совершенно невыспавшийся и обнаружил, что мог поспать еще как минимум два часа. Конгрессмены из Гонконга запаздывали, несмотря на то что всю дорогу ехали на метро. Вайо ударила по столу молотком только в четырнадцать тридцать.

Да, мою новобрачную избрали временным председателем новорожденного Конгресса. Знание парламентских правил, казалось, было у нее в крови, так что выбор можно назвать удачным; к тому же толпа лунарей ведет себя куда лучше, когда молотком постукивает дама.

Не собираюсь описывать в деталях, что было

сказано и сделано на этой сессии, да и на других тоже; можете ознакомиться с протоколами. Я приходил только в самых необходимых случаях и даже не пытался постигнуть правила этого толковища — они мне казались смесью в равных долях обычной вежливости и чистейшей магии, с помощью которой председатель добивается своего.

Не успела Вайо ударом молотка призвать всех к порядку, как какой-то мужик вскочил и заявил:

– *Gospazha* председатель, предлагаю отказаться от обычной процедуры и заслушать профессора де ла Паса…

Зал одобрительно загудел. Вайо опять стукнула молотком.

— Предложение нарушает регламент, депутату от Нижнего Черчилля предлагается занять свое место. Наше предыдущее заседание не было завершено; в соответствии с объявленной ранее повесткой дня слово имеет председатель Комитета по организации, резолюциям и структуре постоянного правительства.

Оказалось, что это Вольфганг Корсаков — депутат от Тихо-Нижнего (член ячейки профа и наш главный надувала в «ЛуНоГоКо»). Он не только получил слово, но и оставил его за собой на це-

лый день, время от времени давая возможность высказаться тем, кого хотел услышать, и затыкая рот всем прочим. Однако публика особо не ерепенилась и казалась довольной своими ведущими. Было шумновато, но порядок соблюдался.

К вечеру Луна уже получила правительство взамен временного, то есть подставного, которое мы в свое время сформировали из самих себя и которое отправило нас с профом на Землю. Конгресс утвердил акты, принятые временным правительством, таким образом узаконив все, что мы сделали, поблагодарил его за работу и предложил комитету Вольфганга продолжить свою деятельность по созданию структуры постоянного правительства.

Проф был избран президентом Конгресса и исполняющим обязанности премьер-министра того промежуточного правительства, которое будет действовать до принятия конституции. Он протестовал, ссылаясь на возраст и здоровье… а затем сказал, что готов служить, если собрание согласно несколько облегчить ему ношу: он слишком стар и истощен путешествием на Землю, чтобы вести заседания, кроме особо важных, а потому просит Конгресс избрать спикера и заместителя спикера. Кроме того, он считает, что Конгресс

мог бы расширить свой состав (не более чем на десять процентов), избрав независимых членов, чтобы премьер-министр, кто бы им ни был, имел возможность формировать свой кабинет из лиц, ныне членами Конгресса не являющихся. В особенности это касается министров без портфеля, которые должны снять груз с его, профа, плеч.

Но тут депутаты заартачились. Почти все они гордились своим званием «конгрессменов» и не желали делиться им с посторонними. Проф сидел с усталым видом и ждал. Тогда кто-то сказал, что все равно, мол, контроль остается за Конгрессом, и после этого профу дали то, чего он хотел. Затем кто-то из публики толкнул речь под видом вопроса, обращенного к председательствующей. Все знают, сказал он, что Адам Селен воздержался от выдвижения своей кандидатуры в Конгресс на том основании, что председатель Чрезвычайного комитета не должен злоупотреблять преимуществами своего положения и локтями прокладывать себе дорогу в новое правительство… Но может быть, уважаемая леди председатель скажет конгрессменам, что мешает избрать Адама Селена независимым членом? В знак признания важности его заслуг? Дать всей Луне и всем этим землеедам, особенно из бывшей

Лунной администрации, понять, что мы не отрекаемся от Адама Селена, наоборот, мы уважаем и любим нашего почтенного государственного деятеля, который не избран президентом только потому, что сам этого не пожелал!

Крики одобрения не смолкали долго. В протоколах вы найдете имя того, кто произнес эту речь, но можете поставить десять против одного, что написал ее проф, а оратора организовала Вайо.

Вот как все оформилось несколько дней спустя.

Премьер-министр и министр иностранных дел — профессор Бернардо де ла Пас.

Спикер — Финн Нильсен; его заместитель — Вайоминг Дэвис.

Заместитель министра иностранных дел и министр обороны — генерал О'Келли Дэвис; министр информации — Теренс Шихан (Шини передал газету «Правда» своему заму, чтобы тот работал со Стью и Адамом); особый министр без портфеля в Министерстве информации — Стюарт Рене Лажуа; независимый член Конгресса, министр экономики и финансов (и опекун вражеской собственности) — Вольфганг Корсаков; министр внутренних дел и безопасности — камрад Клейтон Ватанабэ; специальный советник

премьер-министра — Адам Селен. Плюс еще десяток министров и министров без портфеля из разных поселений.

Понимаете теперь, что произошло? Если отбросить пышные титулы, то ячейка «Б» по-прежнему, как когда-то и предложил Майк, заправляла всеми делами, но теперь уже при поддержке Конгресса, в котором большинство было за нас, а те, что против, проиграли и остались за бортом.

Но в то время я не понимал смысла всей этой говорильни.

На вечернем заседании проф отчитался о нашем путешествии, а затем передал слово мне — с согласия председателя комитета Корсакова, — чтобы я рассказал о «плане пятилетки», о том, с чем его едят, и о том, как Администрация пыталась меня подкупить.

Я неважный оратор, но во время обеда у меня была возможность проглядеть речь, написанную Майком. Он изложил все так язвительно, что я снова взбесился и пребывал в этом состоянии все время, пока говорил, так что мне удалось их завести. Когда я сел на место, Конгресс кипел от ярости.

Проф вышел вперед — худой, бледный — и тихо сказал:

— Камрады конгрессмены, что будем делать? Я предлагаю, и председатель Корсаков не против, чтобы мы обсудили, так сказать, неофициально вопрос о том, как реагировать на это наглое оскорбление, нанесенное нашему народу.

Некий депутат от Новолена предложил объявить войну, и Конгресс чуть было с ходу не принял решение, но проф напомнил, что по регламенту мы вроде как слушаем доклады комитета.

И опять выступления, и все такие же резкие. Наконец камрад конгрессмен Чанг Джонс сказал:

— Собратья-конгрессмены! Ах, извините. *Gospodin* председатель Корсаков! Я фермер, выращиваю рис и пшеницу. Вернее, выращивал, потому что в мае взял ссуду в банке и теперь мы с сыновьями переходим на многоотраслевое хозяйство. Мы разорены — мне даже пришлось занять деньги, чтобы купить билет сюда… но семья не голодает, и когда-нибудь с банком мы расплатимся. Короче говоря, зерно выращивать я бросил. Но другие не бросили. Катапульта ни разу, ни на одну баржу не уменьшила отгрузки после того, как мы стали свободными. Мы все еще отправляем зерно, надеясь, что их чеки когда-нибудь будут чего-то стоить. Но теперь-то

мы знаем! Они во всеуслышание объявили, что́ собираются с нами сделать… во что они хотят нас превратить! Я вижу лишь один способ доказать этим подонкам, что с нами этот номер не пройдет: немедленно прекратить поставки! Ни одной тонны, ни единого кило… пока они не приползут сюда на брюхе и не предложат честную цену!

Около полуночи депутаты приняли решение об эмбарго, а затем разошлись до следующего созыва, оставив комитет продолжать работу.

Мы с Вайо отправились домой, и я тут же принялся восстанавливать свои семейные связи. Больше делать было нечего. Адам и Стью занимались разработкой планов, как покруче завести землеедов; катапульту Майк закрыл («технические неполадки, связанные с баллистическим компьютером») еще двадцать четыре часа назад. Последняя баржа, находившаяся в пути, будет принята пуновским ЦУПом примерно через день, и тогда землянам грубо заявят, что это последняя баржа в их жизни.

Глава 22

Удар, нанесенный фермерам, смягчили тем, что закупка зерна у входа катапульты продолжалась,

но на чеках было напечатано предупреждение, что Свободное Государство Луна не гарантирует их оплаты и не может поручиться, что Лунная администрация когда-либо оплатит их хотя бы купонами, и так далее и тому подобное. Некоторые фермеры оставляли зерно у входа катапульты, другие нет, но возмущены были все. Однако сделать ничего не могли; катапульта закрыта, погрузочные конвейеры не движутся.

В остальных отраслях экономики депрессия наступила не сразу. Мобилизация в оборонные отряды так сильно сократила ряды бурильщиков, что продажа льда на свободном рынке стала выгодной. Принадлежащая «ЛуНоГоКо» сталелитейная компания брала на работу любого здорового мужика, который попадался под руку, а Вольфганг Корсаков тут же снабжал новых работников бумажками «национальных долларов», с виду похожих на гонконгские и теоретически обеспеченные последними. В Луне было много еды, много работы, много денег; люди не страдали: «пиво, азартные игры, женщины и работа» — все как обычно.

«Националки», как их прозвали, были инфляционными деньгами, деньгами военного времени, неразменными бумажками, которые

в первый же день упали на десятую долю процента, что было закамуфлировано под «оплату за обмен». Что-то на них покупали, они никогда не падали до нуля, но их обменный курс отражал растущую инфляцию не хуже зеркала. Новое правительство тратило деньги, которых у него не было.

Но все это произошло несколько позже.

Вызов Земле, Администрации и Федерации Наций мы бросили в умышленно неприемлемом тоне. Кораблям ФН предписывалось не приближаться к Луне ближе чем на десять ее диаметров; выходить на орбиту вокруг Луны запрещалось на любом расстоянии под угрозой немедленного уничтожения (способ мы не уточняли, ибо такового не имели); частным кораблям посадка разрешалась при условии, если а) разрешение испрашивалось заранее; б) корабль соглашался передать управление лунному ЦУПу (Майку) на расстоянии ста тысяч километров от Луны и следовать предписанным курсом; в) на борту не было оружия, за исключением пистолетов, на которые имели право три члена экипажа. Последнее должна была подтвердить специальная инспекция сразу же после посадки, до получения топлива или реактивной массы. Никому не

разрешалось выходить на поверхность Луны (исключая членов команды, занятых разгрузкой, погрузкой и обслуживанием корабля), кроме граждан тех стран, которые признали Свободную Луну.

(Признал только Чад, а у него кораблей не было. Проф предполагал, что некоторые частные корабли могут перерегистрироваться и летать под торговым флагом Чада.)

В манифесте отмечалось, что ученые Терры, все еще находившиеся в Луне, могут вернуться домой на любом корабле, который будет выполнять наши условия. Манифест призывал все свободолюбивые народы Терры осудить нарушения наших прав Администрацией, как прошлые, так и планируемые, признать нас и воспользоваться всеми благами свободной торговли и добрососедских отношений. В особенности подчеркивался тот факт, что в Луне нет ни налогов, ни искусственных торговых ограничений и что правительство Луны намеревается сохранить все эти преимущества. Мы также провозгласили неограниченную свободу иммиграции, указав, что испытываем нехватку рабочих рук и что все иммигранты немедленно найдут здесь занятие, обеспечивающее им достойный жизненный

уровень.

А еще мы расхваливали свое продовольственное положение: среднее суточное потребление на душу взрослого населения более четырех тысяч калорий, пища богата белками, дешева и не рационирована. (Стью посоветовал Адаму-Майку указать цену первосортной водки: пятьдесят гонконгских центов за литр — и никаких налогов. Поскольку второсортная водка в Америке стоит в десять раз дороже, Стью знал, что делает. Адам, трезвенник «по природе», не подумал об этом — одно из крайне редких упущений Майка.)

Лунной администрации рекомендовалось собраться вместе где-нибудь подальше от людей, скажем, в безводной части Сахары, и получить последнюю зерновую баржу бесплатно, прямо на головы и на конечной скорости. За сим следовало нахальное заявление, что таким же образом мы готовы разделаться с каждым, кто вздумает угрожать нашему спокойствию, и что у входа катапульты скопилось немало груженых барж, готовых к столь оригинальной доставке.

После этого нам оставалось только одно — ждать.

Но ждать не означает сидеть сложа руки. У нас действительно было несколько груженых барж;

мы выбросили из них зерно, загрузили снова, но уже камнями и внесли некоторые изменения, чтобы баржи не подчинялись пунскому ЦУПу. Тормозные ракеты сняли, оставив лишь бортовые направляющие, а освободившиеся тормозные перенесли к новой катапульте и там переделали в бортовые. Затратили огромные усилия, чтобы подвезти к новой катапульте стальные листы и превратить их в оболочки для монолитных каменных цилиндров; сталь была нашим узким местом.

Через два дня после оглашения манифеста заработала «подпольная» радиостанция. Передатчик был слабенький, время от времени затыкался, чтобы создавалось впечатление, будто он спрятан в одном из кратеров, где может работать только в определенные часы, пока храбрым ученым-землянам не удастся наладить автоматический повтор передач. Частоту ему подобрали близкую к «Голосу Свободной Луны», а потому наша безудержная похвальба нередко заглушала его начисто.

(Оставшиеся в Луне земляне-ученые не имели ни малейшего шанса послать на Терру сообщение. Те, что решили продолжать свои исследования, находились под неусыпным присмотром

стиляг, а на время сна их запирали в бараках.)

И все же «подпольной» станции удалось донести «правду» до Терры. Профа судили за уклон и посадили под домашний арест. Меня казнили за предательство. Гонконг-Лунный отделился и объявил о своей независимости… с ним можно попытаться договориться. В Новолене мятежи. Все производство продовольствия коллективизировано, яйца на черном рынке в Луна-Сити продаются по три доллара за штуку. Формируются женские батальоны, в которых каждый боец клянется убить минимум одного землянина; сейчас они проходят подготовку с макетами ружей в коридорах Луна-Сити.

Последнее было почти правдой. Многие дамы пожелали принять участие в боевых действиях и создали гвардию ополчения «Адские леди». Но их подготовка была вполне серьезной, и Хейзел дулась, что Ма не позволила ей вступить в ряды. Потом перестала дуться и создала организацию «Стиляги-оторвы» — девчачью гвардию, которая обучалась после школьных занятий и готовилась стать подкреплением отрядов стиляг, отвечавших за воздух и герметизацию. «Оторвы» изучали меры оказания первой помощи, а кроме того, тренировались в способах защиты без оружия

— о чем, надеюсь, Ма так никогда и не узнала.

Мне трудно определить, о чем рассказывать, а о чем лучше помолчать. Всего не расскажешь, но то, что пишут в книжках по истории, — такое вранье!

«Министром обороны» я был не лучшим, чем «конгрессменом». Я не оправдываюсь, у меня просто не было возможности подготовиться ни к тому ни к другому. Почти все мы были дилетанты в революции; один проф, похоже, понимал, что делает, но и для него кое-что было внове — ему еще не приходилось участвовать в победившей революции и быть частью правительства, а тем более возглавлять его.

Как министр обороны я не смог придумать других способов защиты, кроме тех, что у нас уже были. А было их раз-два и обчелся — воздушные отряды стиляг в поселениях да лазерные артиллеристы вблизи баллистических радаров. Если ФН все же решится на бомбежку, у нас не будет ни малейшей возможности ей помешать; у Луны нет ни одной ракеты-перехватчика, а это не тот приборчик, который можно сварганить из заржавленных железок. Мы даже не знали, как делаются ядерные боеголовки для таких ракет.

Но какие-то попытки я все же предпринимал.

К примеру, попросил тех самых инженеров-китаез, которые изготовили нам лазерные ружья, решить задачку насчет перехвата бомб или ракет — проблема-то одна, разве что ракета летит быстрее.

А потом занялся другими вещами. Я, откровенно говоря, надеялся, что ФН все же не станет бомбить поселения. Некоторые из них, в частности Луна-Сити, располагались на такой глубине, что, пожалуй, могли выдержать даже прямое попадание. Нижний уровень Комплекса, где «жила» главная часть Майка, строили специально с учетом возможности бомбового удара. С другой стороны, Тихо-Нижний представлял собой просто огромную естественную пещеру, примерно такую же, как Старый Купол, и крыша там была всего несколько метров толщиной; герметичную прокладку на потолке постоянно подогревали с помощью горячих труб, чтобы новые трещины тут же затягивались. Так что для разрушения Тихо-Нижнего не требовалось даже особо крупной бомбы.

Но ведь предела мощности для водородных бомб не существует. При желании ФН могла сокрушить и Луна-Сити или даже смастерить «оружие конца света», которое расколет Луну, как

спелый арбуз, и довершит работу, уже начатую парочкой астероидов в Тихо. Если земляне на такое решатся, я все равно не смогу им помешать, а потому нечего зря ломать голову.

Я переключился на решаемые проблемы. Помогал на новой катапульте, старался усовершенствовать прицельные устройства лазерных буров, расставленных вокруг радаров (а также удержать бурильщиков — половина из них ушла, когда цены на лед поднялись). И еще я хотел создать систему децентрализованного технического контроля во всех поселениях. Майк разработал проект, мы конфисковали все компьютеры широкого профиля, какие только смогли обнаружить (платили «националками», на которых даже краска высохнуть не успела), а потом я передал эту работу Макинтайру — бывшему главному инженеру Администрации; ему она была вполне по плечу, а я в одиночку ни в жизнь не справился бы со всеми этими перевозками да перемотками, даже если бы очень захотел.

Мы наложили лапу и на самый большой компьютер, который ведал бухгалтерией в Банке Гонконга-Лунного и одновременно служил расчетной палатой для всего города. Посмотрев его спецификацию, я решил, что это умная машина,

разве что не говорит, и спросил Майка, возьмется ли он обучить банковского собрата баллистике. Мы наладили временную связь, чтобы машины друг с другом познакомились. Майк объявил, что простой работе вроде управления новой катапультой научить этого типа можно, хотя сам он, то бишь Майк, не рискнул бы сесть на корабль, если вести его будет этот бухгалтер: слишком он формализован и некритичен. Проще говоря, глуп.

Ну, мне-то без надобности, чтобы компьютер насвистывал мотивчики или рассказывал анекдоты; он должен был выбросить груз из катапульты в нужную миллисекунду и с нужной скоростью, проследить за его приближением к Терре и подтолкнуть когда следует.

Банк Гонконга-Лунного вовсе не жаждал продавать своего бухгалтера. Однако в правлении банка были патриоты, мы обещали вернуть компьютер как только, так сразу, и его погрузили на луноход, который был слишком велик для туннелей, а потому для перевозки потребовалась вся темная половина лунного месяца. Да еще пришлось соорудить огромный временный шлюз, чтобы вытащить эту махину из Гонконга. Я снова соединил компьютеры, и Майк принялся за

преподавание баллистики: надо было учитывать возможность, что его связь с новой катапультой будет прервана во время бомбежки.

(Знаете, что использовал банк вместо компьютера? Двести клерков со счетами. Счеты? Это такие проволочки с нанизанными на них бусами — старейший числовой компьютер, настолько древний, что никто даже не помнит, когда его изобрели. Русские, китаезы и япошки считали на них испокон веков, а в маленьких лавчонках — и по сей день.)

Проблема переделки лазерных буров в оружие космической обороны решалась проще, хотя, может быть, и менее надежно. Нам пришлось оставить их на прежних лафетах; не было ни времени, ни стали, ни мастеров, чтобы сделать новые. Поэтому мы сосредоточили усилия на усовершенствовании прицелов. Потребовались телескопы. Их было мало — какой дурак возьмет с собой в ссылку телескоп? И где тот рынок, что снабдит лагерника этим товаром позже?

Геодезические инструменты и бинокуляры на шлемах — вот и все, что мы нашли, плюс оптические приборы, конфискованные в лабораториях землян. В конце концов нам удалось оборудовать буры широкоугольными визирами низкого уве-

личения для поиска цели и мощными линзами для точной наводки плюс поворотными и подъемными механизмами, а также телефонами, по которым Майк мог сообщать артиллеристам, куда целиться. Четыре бура были снабжены самосинхронизирующимися следящими приводами, так что Майк взял их полностью под свой контроль. Синхронизаторы мы позаимствовали в обсерватории Ричардсона, астрономы используют их в камерах Боша и Шмидта при картировании неба.

Главной проблемой оставались люди. Дело не в деньгах, зарплаты мы повышали постоянно. К тому же бурильщик работу любит, иначе он не занялся бы этим делом. Но сидеть в дежурке день за днем, ожидая тревоги, которая всякий раз оказывается учебной, — это ж рехнуться можно! И начались самоволки. Как-то в сентябре я провел учебную тревогу — боевые расчеты были на месте только у семи буров.

Я обговорил проблему с Вайо и Сидрис тем же вечером. На следующее утро Вайо спросила, дадим ли мы с профом согласие на большое пожертвование. Они с Сидрис сформировали группу, которую Вайо окрестила «Отрядом Лисистраты». Я не стал вникать, какие у них там

обязанности и зарплаты, поскольку при очередной проверке обнаружил в дежурной рубке трех девчонок и полный комплект бурильщиков. Девчонки были в форме Второго артиллерийского полка, равно как и мужики (до того бурильщики на форму вообще плевать хотели), а у одной так даже красовались сержантские нашивки и эмблема командира расчета.

Я сократил время инспекции до минимума. У девушек, как правило, для бурения не та мускулатура, и вряд ли эта пичужка смогла бы орудовать буром так, чтобы оправдать свою эмблему. Но поскольку регулярный командир тоже находился на посту, вреда от того, что девушка научится работать с лазером, я не видел, моральное же состояние войска повысилось на глазах. Больше я о нем не беспокоился.

Проф явно недооценил новый Конгресс. Уверен, он просто хотел, чтобы этот орган не глядя ставил печати на все наши решения и таким образом превращал бы их в «глас народа». Однако новые конгрессмены были не из породы болтунов и развили такую бурную деятельность, какой проф от них не ожидал. Особенно Комитет по организации, резолюциям и структуре постоянного правительства.

Этот комитет совсем отбился от рук, ибо все мы были слишком заняты. Руководили Конгрессом проф, Финн и Вайо. Проф появлялся там, только если надо было произнести речь, одним словом, редко. Он занимался с Майком разработкой планов и анализом ситуации (наши шансы в сентябре семьдесят шестого выросли до одного из пяти), координировал со Стью и Шини Шиханом пропаганду, контролировал официальные известия для Земли и совершенно непохожие на них «новости», шедшие через «подпольное» радио, а также подтасовывал информацию, поступавшую с Терры. И вообще хотел быть в курсе всех событий; я докладывал ему раз в день, все остальные министры — и настоящие, и подставные — тоже.

Финна Нильсена я загрузил работой по горло; он был моим «командующим вооруженными силами». Под его началом была лазерная пехота — вместо шестерых парней, отбивших у врага оружие в тот день, когда мы захватили коменданта, она теперь насчитывала восемьсот, разбросанных по всей Луне и вооруженных конгвильскими копиями лазеров. Кроме того, были еще военизированные организации, подчинявшиеся Вайо: «Воздушные силы стиляг», «Стиляги-оторвы», «Адские леди», «Нерегуляр-

ники» (их держали из соображений моральных и переименовали в «Пиратов Питера Пэна») и «Отряд Лисистраты». Всех их я сплавил Финну. У меня были другие проблемы — я пытался совмещать обязанности «государственного деятеля» с профессией компьютерщика, когда подворачивалась подходящая работенка вроде установки компьютера у новой катапульты.

Кроме того, я плохой руководитель, а у Финна к этому делу талант. Я спихнул на него еще и Первый, и Второй артиллерийские полки, но прежде соединил их в бригаду и назначил бригадным генералом судью Броуди. Броуди в военных делах смыслил не больше моего — то есть ничего не смыслил, — но личностью был известной и уважаемой, обладал острым умом, а главное, работал когда-то бурильщиком, пока не потерял ногу. Финн же бурильщиком отродясь не был, а потому ставить его непосредственно над ними не следовало — они бы его и слушать не стали. Сначала я думал назначить своего собрачника Грега, но Грег нужен был на катапульте в Океане Бурь, он там единственный механик, который прошел через все стадии строительства. Вайо помогала профу, помогала Стью, руководила собственными организациями, то и дело моталась в

Океан Бурь, а потому времени, чтобы заниматься Конгрессом, у нее не оставалось. Эта задача свалилась на плечи председателя комитета Вольфганга Корсакова… который был загружен больше нас всех; «ЛуНоГоКо» взяла на себя все бывшие обязанности Администрации плюс еще множество других дел.

У Вольфганга был отличный комитет, и хорошо бы профу приглядывать за ним повнимательней.

Вольф настоял, чтобы его правую руку — Моше Баума избрали вице-председателем, и со всей ответственностью объяснил ему, что задача комитета — определить, каким должно быть постоянное правительство. А затем повернулся к комитету спиной.

Эти деловые ребята разделили работу между собой и начали действовать; изучали формы правления в Библиотеке Карнеги, проводили собрания подкомитетов, по три-четыре человека в каждом (достаточно для того, чтобы встревожить профа, если бы он знал), а когда в начале сентября собрался Конгресс, чтобы утвердить несколько назначений и избрать новых независимых конгрессменов, камрад Баум взял молоток и вместо окончания сессии объявил перерыв. Затем они

собрались по новой, превратили себя в расширенный комитет, приняли резолюцию, и мы вдруг узнали, что наш Конгресс — это Конституционный Конвент, разделенный на рабочие группы, возглавляемые председателями подкомитетов. Думаю, проф был потрясен. Но отменить решение не мог: все делалось законно, с соблюдением всех правил, разработанных самим профом. Однако он оправился от удара, поехал в Новолен, куда перебрался Конгресс (Новолен ближе к центру поселений), и поговорил с ними, как всегда, доброжелательно — не заявил открыто: так, мол, и так, ребята, вы не правы, а просто выразил сомнение в целесообразности их действий.

После чего, изысканно поблагодарив собравшихся за внимание, принялся разносить в клочья подготовленные ими варианты решений.

— Камрады конгрессмены! Подобно огню и ядерной реакции, правительство — опасный слуга и жестокий хозяин. Сейчас вы свободны — постарайтесь остаться такими и впредь. Помните: вы можете сами лишить себя свободы куда быстрее, чем это сделал бы любой тиран. Не спешите, взвешивайте все детали, обдумывайте тщательно возможные последствия каждого слова. Я не стану огорчаться, если Конвент проза-

седает десять лет, прежде чем примет решение, я боюсь другого — что вы справитесь со всеми вопросами за год. Не доверяйте ничему очевидному, берите под сомнение все традиционное… ибо в прошлом человечество не добилось ничего хорошего, возложив на себя правительственное ярмо. Например, в одном из черновых вариантов я нашел предложение разделить Луну на избирательные округа и пересматривать время от времени их сетку в соответствии с изменениями в численности населения.

Это традиционный путь — а потому он должен быть взят под подозрение и считаться виновным, пока его невиновность не будет доказана. Возможно, вы думаете, что это единственный способ? Если позволите, я предложу вам другие. Можно разделить избирателей, исходя из их профессиональной принадлежности… или возраста… или по алфавиту. Или вообще не делить — пусть каждый член парламента избирается всем населением. И не возражайте, что это сделает невозможным избрание человека, который не пользуется, так сказать, «вселунной» известностью; может оказаться, что для Луны такой вариант наиболее предпочтителен.

Вы могли бы даже рассмотреть вариант, при

котором проходят кандидаты, получившие наименьшее число голосов; непопулярные люди могут оказаться для вас спасителями от новой тирании. Не отвергайте эту мысль только потому, что она кажется вам абсурдной. Обдумайте ее! Из истории мы знаем, что правительства, избранные огромным большинством, порой были не лучше, а хуже, чем откровенные тирании.

Но если вы непременно хотите репрезентативное правительство, то и в этом случае можно найти способы организовать выборы более эффективно, нежели по территориальным округам. К примеру, каждый из вас представляет здесь около десяти тысяч жителей, то есть около семи тысяч избирателей, достигших возрастного ценза, но некоторые были избраны лишь незначительным большинством. Предположим, что вместо выборов кандидат должен будет собрать под своим заявлением четыре тысячи подписей. Тогда он с полным правом будет представлять эти четыре тысячи и никакого обиженного меньшинства вообще не останется, ибо те, кто в территориальных округах становится меньшинством, при такой системе могут собрать голоса под собственными заявлениями или подписать другие. И в итоге все избиратели будут иметь

тех представителей, которых они действительно предпочли. А депутат, собравший восемь тысяч подписей, мог бы иметь в будущем правительственном органе два голоса. Трудности, возражения, практические предложения — все это следует рассмотреть... их множество! Но вы могли бы их проанализировать и таким образом избежать хронической болезни всех репрезентативных правительств — наличия озлобленного меньшинства, которое считает себя (и справедливо!) лишенным гражданских прав. Но что бы вы ни делали... *не позволяйте прошлому стать вашей смирительной рубашкой!*

Я заметил, что один из вариантов превращает наш Конгресс в двухпалатный парламент. Превосходно. Чем больше препятствий на пути законодательства, тем лучше. Но вместо того чтобы следовать традициям, я бы предложил сделать законодательной одну палату, а другую наделить одной-единственной функцией — отвергать принятые законы. Пусть законодатели принимают законы большинством в две трети голосов, а «отвергатели» проваливают их одной третью. Нелепо? А вы подумайте. Если закон еле собрал две трети голосов, может, это не слишком хороший закон? И если закон не по душе

целой трети людей, может, лучше обойтись без него? Что касается конституции, разрешите мне привлечь ваше внимание к великим достоинствам запретов. Сформулируйте и подчеркните запреты! Пусть ваш документ будет набит до отказа перечислением того, что правительству запрещается делать раз и навсегда. Никакой обязательной воинской повинности… ни малейших попыток вмешаться в свободу печати, в свободу слова, в свободу передвижений… а также религии, образования, коммуникаций, профессий… и никакого принудительного налогообложения. Камрады, если вы не поленитесь потратить пять лет на изучение истории и одновременно будете включать в перечень запретов все новые и новые вещи, которые правительство обязуется не делать никогда, а затем составите конституцию, сплошь состоящую из отрицательных предложений, я буду спокоен за будущее.

Чего я больше всего боюсь, так это утвердительных постановлений трезвомыслящих и благонамеренных людей, наделяющих правительство правом и властью делать то, что, по их мнению, должно быть сделано. Пожалуйста, всегда помните, что Лунная администрация была создана с самой что ни на есть благородной

целью такими же трезвомыслящими и благонамеренными людьми, избранными всенародно. С этой мыслью я возвращаю вас вашим трудам. Благодарю вас.

– *Gospodin* президент! Разрешите вопрос! Вы сказали — «никакого принудительного налогообложения». Тогда откуда, по-вашему, мы возьмем деньги на расходы? Дарзанебы!

— Помилуйте, сэр, это уже ваши проблемы. Я могу лишь высказать несколько предположений. Добровольные взносы, как в любой церкви, которая сама себя содержит… государственные лотереи, естественно не принудительные… А может быть, вы, конгрессмены, пороетесь в собственных кошельках и заплатите за то, что вам нужно? Это один из способов сократить численность правительства до минимума, при котором оно могло бы выполнять свои обязанности, каковы бы они ни были. Если, конечно, такие существуют. Я был бы рад, если бы нашим единственным законом было «Золотое правило»; я не вижу необходимости в других законах, как, впрочем, и в насильственном внедрении этого. Но если вы действительно считаете, что ваши ближние должны ради своего блага иметь законы, почему бы вам самим за это не запла-

тить? Камрады, я умоляю вас не прибегать к насильственному налогообложению. Нет худшей тирании, чем заставлять человека платить за то, чего он не хочет, только потому, что вы считаете — так для него будет лучше.

Проф раскланялся и вышел, я и Стью — за ним. Когда мы остались втроем в капсуле метро, я его поддел:

— Проф, мне очень понравилась ваша речь… но насчет налогов вы говорите одно, а делаете другое. Как вы думаете, кто будет оплачивать все наши расходы, которые растут не по дням, а по часам?

Он долго молчал, затем проговорил:

— Мануэль, мое единственное желание — дожить до того дня, когда я перестану разыгрывать из себя главу исполнительной власти.

— Значит, ответа не будет?

— Ты ткнул пальцем в дилемму, которая стоит перед всеми правительствами, и одновременно в причину, по которой я стал анархистом. Право взимать налоги, единожды данное, не знает пределов — оно длится, пока само себя не уничтожит. Я не шутил, когда посоветовал им порыться в собственных кошельках. Покончить с правительством, видимо, невозможно; иногда я

думаю, что правительство — неизбежная болезнь человечества. Но можно держать правительство на голодном пайке, сделать его малочисленным и безвредным. Ты можешь придумать для этого лучший способ, нежели потребовать от правителей, чтобы они сами оплачивали стоимость своего антиобщественного хобби?

— Все равно это не объясняет, как расплатиться за то, что мы делаем сейчас.

— Как? Мануэль, ты же знаешь, как мы это делаем. Мы воруем. Я не горжусь этим, но и не стыжусь. Другого способа нет. Если нас схватят за руку, нас могут ликвидировать — к этому я готов. Но по крайней мере, воруя, мы не создаем опасного прецедента налогообложения…

— Проф, мне крайне неприятно это говорить…

— Тогда зачем говоришь?

— Затем, черт возьми, что я увяз так же глубоко, как и вы… и хочу, чтобы все было возмещено! Мне крайне неприятно это говорить, но ваши слова сильно отдают лицемерием.

Он хихикнул:

— Дорогой Мануэль, неужели тебе понадобилось столько лет, чтобы прийти к выводу, что я лицемер?

— Значит, вы это признаете?

— Нет. Но если тебе легче оттого, что ты так считаешь, — пожалуйста, я готов служить козлом отпущения. Однако перед самим собой я не лицемерю, ибо уже в тот день, когда мы провозгласили революцию, я понимал, что нам понадобится много денег, и вот их придется красть. Это меня не смущало, я считал, что лучше воровство, чем ожидающие нас через шесть лет голодные бунты, а через восемь — каннибализм. Я сделал выбор и не жалею о нем.

Я промолчал, не совсем, впрочем, удовлетворенный.

— Профессор, — сказал Стью, — я очень рад, что вы жаждете перестать быть президентом.

— Вот как? Вы, значит, разделяете предубеждения нашего друга?

— Только отчасти. Поскольку я с рожденья был обречен на богатство, воровство меня смущает меньше, чем его. Но раз Конгресс сейчас принялся за конституцию, я намерен выбрать свободную минутку и явиться на сессию. Я планирую провозгласить вас королем.

Проф был глубоко шокирован.

— Сэр, если вы меня провозгласите, я откажусь, если меня выберут — отрекусь.

— Не торопитесь. Возможно, это единствен-

ный способ получить ту конституцию, которую вы хотите. Я тоже ее хочу и так же, как и вы, не слишком обольщаюсь. Вы могли бы стать королем — люди приняли бы вас: мы, лунари, с республикой еще не обвенчались. Им понравится идея, вот увидите! Церемонии, мантии, двор и все такое прочее…

— Нет!

– *Da!* Когда придет время, вы не сможете отказаться. Ибо нам нужен король, а другого достойного кандидата нет. Бернардо Первый, король Луны, император Ближнего космоса!

— Стюарт, я прошу вас немедленно прекратить. Меня от этого тошнит.

— Привыкнете. Я роялист, потому что демократ. Я не позволю вашим предрассудкам погубить мою идею, так же как вы не позволили страху перед воровством погубить идею революции.

— Погоди, Стью, — вмешался я. — Ты сказал, что ты роялист, потому что демократ?

— Конечно! Король — единственная защита граждан от тирании… особенно от самых худших тиранов — от них самих. Проф идеально подходит для этой работенки… потому что ее не хочет. Его единственный недостаток в том, что он холостяк и не имеет наследника. Но мы это исправим. В

качестве наследника я собираюсь предложить тебя. Наследный принц! Его королевское высочество принц Мануэль де ла Пас, герцог Луна-Сити, генерал-адмирал вооруженных сил и Защитник немощных.

Я разинул рот. Потом закрыл лицо руками:

– *Bog* мой!

Часть третья
Дарзанебы!
Глава 23

В понедельник 12 октября 2076 года около девятнадцати ноль-ноль я сидел дома и отходил от тяжелого суматошного дня, проведенного в нашей штаб-квартире в «Раффлзе». Делегация фермеров — производителей зерна хотела повидать профа, и меня вызвали к ним, так как проф был в Гонконге. Я был не в духе и нагрубил им. Прошло уже два месяца после объявления эмбарго, но ФН не оказала нам чести подложить хоть какую-нибудь свинью. Нас игнорировали, на наши претензии не отвечали: очевидно, считали, что ответить — значит признать нас за людей. Стью, Шини и проф неустанно трудились, подтасовывая новости с Земли, дабы поддержать в лунарях боевой дух.

Поначалу все держали свои скафандры под рукой. Их носили, зажав шлемы под мышкой, когда шли по коридорам на работу или возвращались домой. Но постепенно стали расслабляться: день шел за днем, никакой опасности не было, а

скафандр, если он не нужен, — это сущее наказание, такой он громоздкий. Вскоре пивные стали вывешивать у себя таблички «В скафандрах вход запрещен». Ну а если лунарь не может выпить свои пол-литра по пути домой из-за какого-то скафандра, то он оставит его либо дома, либо на станции, либо где-нибудь еще.

Признаюсь, я и сам в этот день проявил расхлябанность. Мне позвонили, срочно вызвали обратно в отель — и только на полпути я вспомнил о скафандре.

И как раз подошел к тринадцатому переходному шлюзу, когда услышал и кожей почувствовал самый страшный для любого лунаря звук — ш-ш-ш! — а следом за ним сквознячок. Я метнулся в шлюз, уравнял давление, вылетел вон, задраил за собой дверь и опрометью кинулся к нашему домашнему шлюзу, проскочив его с криком:

— Всем надеть скафандры! Вызовите детей из туннелей и закройте все герметичные двери!

А дома из взрослых всего-то Ма да Мила. Обе всполошились, но без слов принялись за дело. Я ворвался в мастерскую и схватил скафандр.

— Майк, отзовись!

— Я здесь, Ман, — ответил он спокойно.

— У нас, судя по звуку, взрывная декомпрессия.

Что происходит?

— Это на третьем уровне Луна-Сити. Пробой на станции «Западная». Сейчас частично под контролем. Шесть кораблей совершили посадку. Луна-Сити атакован…

— Что?!

— Дай мне закончить, Ман. Прилунилось шесть транспортных кораблей, Луна-Сити атакуют десантники, Гонконг, возможно, тоже, связи с ним нет, поврежден узел Б-Л. Атакован Джонсон-Сити; я намертво закрыл бронированные двери между городом и Нижним комплексом. Новолен мне не виден, но, судя по отраженным сигналам, его тоже штурмуют. В Черчилле и Тихо-Нижнем то же самое. Один корабль на высокой эллиптической орбите идет по восходящей прямо надо мной, предположительно флагман. Других сигналов на экранах нет.

— Шесть кораблей… Ты-то куда смотрел, черт побери!

Он ответил так спокойно, что я пришел в себя:

— Они подошли с темной стороны Луны, Ман. А у меня там глаз нет. Выскочили внезапно, все на крутых гаррисоновых орбитах, чуть верхушки гор не посрезали. Я заметил лишь самый хвост захода на Луна-Сити. Корабль в Джонсон-Сити

— единственный, который мне виден; остальные места посадок я вычислил, исходя из траекторий, определенных по отраженным сигналам. Я слышал пробой на станции «Западная» в Луна-Сити, а теперь слышу звуки сражения в Новолене. Все прочее — заключения, сделанные на основе косвенной информации, степень вероятности нуль, запятая, девяносто девять. Я немедленно позвонил тебе и профессору.

Я перевел дух:

— Операция «Камнепад». Приготовиться к выполнению.

— Программа задействована. Ман, когда я не смог тебя поймать, я воспользовался твоим голосом. Прокрутить пленку?

— Нет! *Йес! Da!*

И я услышал, как объявляю дежурному офицеру у старой катапульты о боевой готовности номер один к операции «Камнепад»: первый контейнер на катапульту, остальные на конвейер, полная готовность к запуску, запускать только по моему личному приказу, затем действовать согласно плану в автоматическом режиме. «Я» заставил его повторить приказ.

— О'кей, — сказал я Майку. — Как боевые расчеты лазеров?

— Тут тоже твоим голосом. Подняты по тревоге, а затем отправлены по своим рубкам. Флагман достигнет апоселения через три часа и четыре, запятая, семь минуты. Цели не будет еще минимум пять часов.

— Он может маневрировать. Или нанести удар ракетами.

— Успокойся, Ман. Даже ракеты я увижу с опережением в несколько минут. На поверхности сейчас слепящий полдень. Хочешь, чтоб они хватанули побольше рентген? Нет смысла.

— Хм… извини. Давай-ка я лучше поговорю с Грегом.

— Прокручиваю пленку.

И я услышал «свой» голос, разговаривающий с моим собрачником в Океане Бурь; «мой» голос звучал напряженно, но спокойно. Майк обрисовал Грегу ситуацию и велел поддерживать «Давидову пращу» в полной боевой готовности. «Я» заверил его, что главный компьютер постоянно передает программу их машине, и если связь нарушится, переключение будет сделано автоматически. «Я» приказал также, чтобы в случае обрыва связи Грег брал командование на себя и действовал по обстановке, а если связь не восстановится через четыре часа, пусть слушает

земное радио и решает сам.

Грег принял все спокойно, повторил приказ, а затем сказал:

— Манни, передай семье, я их всех люблю.

Майком я просто горжусь — он ответил, и голос его дрогнул от избытка чувств:

— Я сделаю это, Грег… Слушай, Грег, я тоже тебя люблю. Ты ведь знаешь это, верно?

— Я знаю это… и прочту за тебя отдельную молитву.

— Спасибо, Грег.

— Пока, Манни. Иди и делай, что должен.

И я пошел и стал делать, что должен. Майк сыграл мою роль так же хорошо, а может, и лучше, чем я сыграл бы ее сам. Финн, когда с ним свяжутся, получит распоряжения прямо от «Адама». И я ушел быстрым шагом, на ходу прокричав Ма любовное послание Грега. Она была в скафандре, уже разбудила Деда и обрядила его в скафандр — первый раз за много лет. И я вышел в коридор — шлем опущен, в руке лазерное ружье.

И дошел до тринадцатого переходного шлюза и обнаружил, что он наглухо закрыт с той стороны, а в глазок никого не видно. Все правильно, все как учили, за исключением того, что стиляги, который должен быть на страже, не видно.

На стук никто не отозвался. Я вернулся обратно и прошел через дом и через овощные туннели к нашему частному шлюзу, ведущему на поверхность к нашей солнечной батарее.

И обнаружил, что глазок затенен, а ведь на поверхности тихий день. Сволочной земной корабль сел прямо на участок Дэвисов! Его опоры образовывали гигантский треножник, вздымавшийся у меня над головой: я глядел ему прямо в сопло.

Я быстренько попятился, наглухо задраил оба люка и по пути домой перекрыл все герметичные двери. Рассказал все Ма, велел ей поставить одного из ребят у дверей и протянул лазерное ружье.

Ни парней, ни мужиков, ни крепких женщин — остались только Ма, Дед да самые маленькие дети; все остальные ушли искать неприятностей на свою голову. Мими отказалась взять ружье.

— Не умею я им пользоваться, Мануэль, а учиться уже поздно. Держи его при себе. Но они не пройдут через Дэвисовы туннели. У меня есть в запасе кое-какие способы, о которых даже ты не подозреваешь.

Я не стал терять времени на пререкания — с Мими спорить бесполезно, да у нее и впрямь могли быть какие-то секреты; она прожила в Луне

долгие годы и выжила в таких суровых условиях, какие мне и не снились.

На сей раз у тринадцатого шлюза на посту стояли два мальца. Я потребовал информацию.

— С давлением полный порядок, — сказал старший, — во всяком случае, на нашем уровне. Драка идет ниже — где-то в стороне бульвара. Послушайте, генерал Дэвис, можно мне с вами? На этот шлюз и одного хватит.

– *Nyet*.

— Хоть бы одного землееда уложить!

— Это твой пост, вот и стой здесь. Если сюда явится землеед — он твой. Только смотри, чтобы не получилось наоборот.

И побежал рысцой.

Вот так, в результате собственного разгильдяйства, из-за чертова скафандра я увидел лишь самый кончик хвоста «битвы в коридорах»... Хорош министр обороны!

Я мчался по кольцевому коридору на север, не закрывая шлема. Добрался до шлюза, ведущего на длинный пандус, выходящий на бульвар. Шлюз был открыт; я выругался, остановился, запер его за собой — и увидел, почему открыт шлюз: мальчик, который его сторожил, был мертв. Я осторожно двинулся по пандусу и оттуда на

бульвар.

На этом конце он был пуст, но дальше к городу виднелись какие-то фигуры и слышался шум. Два человека в скафандрах и с пушками в руках направились ко мне. Я сжег обоих.

В скафандрах и с пушками все люди похожи друг на друга. Вероятно, они приняли меня за своего. Я и сам на таком расстоянии мог принять их за людей Финна, только мне это и в голову не пришло. Новичок в Луне ходит совсем иначе, чем старожил; он слишком высоко задирает ноги и всегда как будто за что-то хочет ухватиться. Но я об этом не думал, не думал даже: «Землееды! Бей их!» Просто увидел и сжег. Они уже медленно катились по мостовой, когда я осознал, что сделал.

Остановился, чтобы взять их оружие. Но оно держалось на цепочке, и я никак не мог понять, как его отцепить; вероятно, нужен был ключ. Кроме того, это были не лазеры, я таких и не видал никогда: настоящие ружья. Они стреляли маленькими разрывными ракетами, как я выяснил позже; но тогда понял только одно — воспользоваться ими я не сумею. На стволы были надеты узкие острые ножи, так называемые штыки. Они-то меня и заинтересовали в первую очередь: мое ружье годилось только на десять полноценных

выстрелов, а запасной обоймы не было. А эти остроконечные штыки могли пригодиться. На одном из них была кровь — кровь лунаря, полагаю.

Буквально через несколько секунд я бросил это дело; пырнул их своим ножом, чтобы точно не ожили, и побежал на шум боя, держа палец на спусковом крючке.

Это была не битва, а натуральный бардак. А может, битвы всегда так выглядят — толкотня, вопли, и никто по-настоящему не понимает, что происходит. В самой широкой части бульвара, как раз напротив «Бон марше», где Большой пандус спускается с третьего уровня к северу, толпились сотни лунарей — мужчины, женщины и дети, которым полагалось бы сидеть дома. Половина без скафандров, почти все без оружия… а вниз по пандусу лился поток солдат, вооруженных до зубов.

Но сначала меня просто оглушил этот шум. Этот рев, который ворвался в открытый шлем и с силой бил по барабанным перепонкам. Этот рык. Не знаю, как его еще можно назвать. Это была смесь всех звуков, которые способна издавать в гневе человеческая глотка, — от пронзительного визга младенца до бычьего рева разъяренного мужика. Словно собачья свара небывалых мас-

штабов… Я внезапно понял, что тоже вношу в нее скромную лепту — ору похабщину и издаю бессмысленные вопли.

Девчонка не старше Хейзел одним прыжком вскочила на парапет и танцующей походкой прошлась всего в нескольких сантиметрах от плеч бегущих по пандусу солдат. Она была вооружена чем-то вроде разделочного ножа. Я видел, как она взмахнула рукой, как он опустился. Вряд ли она могла пробить скафандр, но солдат рухнул, следующие споткнулись об него. Один из них вонзил ей штык в бедро, и она упала назад, исчезнув из виду.

Я толком тогда ничего не видел, даже теперь не могу вспомнить. Так, отдельные кадры, вроде падающей навзничь девочки. Не знаю, кто она, не знаю, жива ли. Я не мог целиться оттуда, где стоял: слишком много голов маячило впереди, загораживая цель. Но слева, перед самым магазином игрушек стоял выносной прилавок. Я вспрыгнул на него и оказался на метр выше мостовой. Теперь землееды, бегущие по пандусу, были видны как на ладони. Я уперся в стену и тщательно прицелился в левую сторону груди солдата. Сколько времени прошло — не знаю, но вдруг оказалось, что мой лазер больше не рабо-

тает, и я перестал жать на гашетку. Думаю, штук восемь солдат благодаря мне не вернулись домой, но точно не скажу, не считал… а время и вправду будто застыло на месте. Все кругом носились как угорелые, а мне казалось — я смотрю учебный фильм с замедленными кадрами.

Пока я опустошал свою обойму, какой-то землеед заметил меня и выстрелил; взрыв пришелся как раз над головой, осколки витрины забарабанили по шлему. А может, стреляли и еще — не помню.

Когда заряды кончились, я спрыгнул с прилавка, подхватил лазер как дубинку и присоединился к толпе, штурмовавшей подножье пандуса. Все это бесконечно долгое время (минут пять?) землееды палили в толпу. Раздавались резкие щелчки выстрелов и более мягкие хлопки — *шлеп! шлеп!* — это маленькие ракеты взрывались, попав в человеческую плоть; иногда же удары были звонче — *уонк!* — когда ракеты ударяли в стены или другие твердые предметы. Я все еще пытался добраться до подножья пандуса, когда вдруг понял, что стрельбы больше нет.

Все солдаты лежали поверженными или убитыми — и некому было больше бежать по пандусу.

Глава 24

Десантников перебили по всей Луне почти одновременно. Свыше двух тысяч солдат и почти втрое больше лунарей погибли в боях, а точное число наших раненых так и осталось неизвестным. Ни в одном поселении пленных не брали; правда, мы захватили живьем десяток офицеров и экипажи кораблей, но это уже потом, когда прочесали места высадки.

Основная причина, почему лунари, по большей части безоружные, смогли уничтожить вооруженных и обученных солдат, заключается в том, что только что прилунившийся землеед плохо собой управляет. Наша сила тяжести, одна шестая той, к которой он привык, превращает выработанные всей жизнью рефлексы в его врагов. Он целится, сам того не зная, выше, чем надо, он крайне неустойчиво держится на ногах, плохо бегает — ноги скользят, убегают из-под него. Но хуже всего, что этим солдатам пришлось драться на спуске; они, естественно, высадились на верхних уровнях, а затем шли по пандусам все ниже и ниже, пытаясь захватить город. Землеед же не умеет бегать вниз по пандусам. Тут нужно

овладеть движениями, которые не бег, не шаг, не полет, а больше всего похожи на балетный танец, когда ступни еле касаются поверхности, чтобы удержать равновесие. Уже трехлетний лунарик делает это бессознательно — дует вниз в своего рода управляемом падении, через каждые несколько метров касаясь пола пальчиками ног. А землееда одолевает приступ «новичковой» болезни: когда вдруг оказывается, что он «идет по воздуху», он пытается силой удержать равновесие, его раскручивает, он теряет контроль над собой и скатывается к подножью пандуса — злой, но невредимый.

Эти же солдаты падали мертвыми; именно на пандусах мы их брали голыми руками. Те, которых я видел, как-то исхитрились одолеть три пандуса. Однако прицельный огонь могли вести лишь немногочисленные снайперы на верхних площадках; у остальных была лишь одна забота — остаться на ногах, не выронить оружие и добежать до следующего уровня.

Лунари, однако, этого не допускали. Мужчины и женщины (и множество детей) кидались на солдат, сталкивали их вниз и убивали чем придется — кто голыми руками, а кто отнятыми у солдат же штыками. Да и мой лазер был не

единственным в этой драке; двое парней Финна прорвались на балкон «Бон марше» и сняли снайперов, стоявших на вершине пандуса. Никто им не говорил, что надо делать, никто не вел в бой, никто не отдавал приказов; Финну так и не удалось покомандовать своей плохо обученной и буйной милицией. Началась драка — и они дрались.

Это и была главная причина нашей победы — мы дрались. Большинство лунарей никогда не видели живого десантника, но куда бы ни врывались солдаты, лунари бросались туда, как белые кровяные шарики на микробов… и дрались. Никто не отдавал им приказов. Наша хрупкая организация развалилась из-за внезапности нападения. Но мы — лунари — дрались, как берсерки, и десантники погибали. Ни одному солдату не удалось проникнуть ниже шестого уровня ни в одном из поселений. Рассказывают, что жители Дна узнали о вторжении только тогда, когда с ним было покончено. Впрочем, захватчики дрались тоже здорово. Мало того что это были отборные войска особого назначения, натасканные на подавление бунтов и уличных беспорядков, так вдобавок их еще обработали гипнозом и накачали наркотиками.

Гипнотизеры внушали им (и совершенно правильно), что у них одна надежда вернуться на Землю: захватить и усмирить поселения. Если они этого добьются, им пришлют замену и немедленно отправят домой. Но выбор у них невелик — победа или смерть, ибо транспортные корабли смогут взлететь только после победы: им нужна дозаправка, а чтобы заправиться, надо сперва захватить Луну (и это тоже была истинная правда).

А потом солдат накачали антидепрессантами, транквилизаторами и ингибиторами страха — такими, что и мышь заставили бы плюнуть на кота, — и выпустили на нас. Они дрались профессионально и умирали совершенно бестрепетно.

В Тихо-Нижнем и Черчилле они применили газ, и жертвы были преимущественно с нашей стороны; только тем лунарям, которым посчастливилось добраться до скафандров, удалось сохранить способность к сопротивлению. Но конечный результат был таким же, как в Луна-Сити, только времени понадобилось больше. Газ был парализующий, так как Администрация вовсе не стремилась уничтожить нас поголовно; нас хотели просто проучить, взять в ежовые рукавицы и отправить на работу.

Теперь стало ясно, отчего Федерация так долго

тянула. Решение приняли почти сразу после объявления нами эмбарго на поставки зерна (это мы узнали от захваченных в плен офицеров транспортных кораблей); время ушло на сбор атакующих сил. Корабли шли по длинной эллиптической орбите, весьма удаленной от лунной, разворачивались перед Луной и встречались над ее темной стороной. Естественно, Майк не смог их увидеть — на той стороне он слеп. Он наблюдал за небом с помощью своих баллистических радаров, но радар не может заглянуть за горизонт. Ни одного корабля Майк не видел на орбите дольше восьми минут. Они выскочили из-за горизонта, чуть не задевая пики гор, почти на круговых траекториях, понеслись каждый прямо к намеченной цели и лихо, с высокими перегрузками прилунились — точно в новоземье, 12 октября 2076 года, в восемнадцать часов сорок минут тридцать шесть и девять десятых секунды по Гринвичу. Может, эти десятые слегка и отличались, но, насколько Майк мог судить по отраженным сигналам, именно слегка. В общем, следует признать, что свою работу Миротворческий флот ФН выполнил весьма элегантно.

Левиафана, вывалившего тысячу пехотинцев на Луна-Сити, Майк вообще засек только тогда,

когда тот врубил дюзы, то есть за мгновение до посадки. Майк увидел бы его на несколько секунд раньше, следи он за восточной частью неба с помощью нового радара в Океане Бурь, но как раз в это время Майк тренировал своего «сынка-идиота» и их внимание было прикована к западной стороне — к Терре. Да и что дали бы эти секунды? Внезапность нападения была спланирована великолепно и осуществлена так четко, что в девятнадцать ноль-ноль по Гринвичу все десантники вступили в бой одновременно по всей Луне, мы даже опомниться не успели. И период новоземья, когда все поселения залиты ослепительным солнечным светом, тоже был выбран не случайно; Администрация не очень хорошо представляла себе лунную жизнь, но одно она знала твердо: в светлую половину лунного месяца ни один лунарь не потащится зря на поверхность, а если и выйдет, то постарается быстренько сделать свое дело и вернуться обратно в Луну… чтобы проверить счетчик радиации.

Вот так они и поймали нас — так сказать, со спущенными скафандрами. И без оружия.

Но даже когда все десантники были уничтожены, на поверхности Луны осталось шесть транспортных кораблей, а в небе — флагман

флотилии.

Как только закончилась потасовка у «Бон марше» и я слегка очухался, первым делом отыскал телефон. Из Конгвиля ни звука, от профа ни словечка. Сражение в Джонсон-Сити окончилось нашей победой, в Новолене тоже. Тамошний транспорт при посадке опрокинулся, силы десантников были ослаблены в результате неудачной посадки, а искалеченный корабль захватили ребята Финна. В Черчилле и Тихо-Нижнем бои в разгаре. В других поселениях никаких происшествий. Майк перекрыл туннели метро, а телефонную связь между поселениями резервировал только для официальных сообщений. Взрывное падение давления в Верхнем Черчилле остановить пока не удалось. Да… Финн объявился, с ним можно связаться.

Я поговорил с Финном, рассказал, где находится «наш» транспортный корабль, и мы договорились встретиться у тринадцатого переходного шлюза.

С Финном случилось почти то же, что и со мной: его также застали врасплох, с той разницей, что скафандр на нем все-таки был. Возглавить свою лазерную пехоту он так и не смог до самого конца боя, а потому дрался в одиночку во время бойни

в Старом Куполе. Теперь он собирал своих ребят. Один из его офицеров принимал доклады, сидя в офисе Финна в «Бон марше». Удалось связаться с командиром отряда в Новолене, но Финна тревожило молчание Гонконга.

— Манни, может, мне перебросить туда людей на метро?

Я велел ему ждать — по туннелю землеедам до нас не добраться, раз мы держим под контролем энергетику, а свой корабль они вряд ли смогут поднять.

— Давай-ка поглядим на нашего гостя.

Мы прошли через тринадцатый шлюз, добрались до конца зоны частного воздухоснабжения, проникли в фермерские туннели нашего соседа (тот поверить не мог, что на нас напали), через глазок его шлюза полюбовались на транспортный корабль, стоявший примерно в километре к востоку, и осторожно приподняли крышку люка.

Потом откинули ее совсем и вылезли. Скалистый отрог прикрывал нас. Подобно краснокожим, мы подползли к его краю и выглянули, используя шлемные бинокуляры.

И опять спрятались за скалу. Финн сказал:

— Думаю, мои ребята с ним справятся.

— Каким образом?

— Если я тебе скажу, ты тут же найдешь массу доводов против. Давай-ка я сам управлюсь со своими делами, приятель.

Слыхал я об армиях, где начальнику подчиненные не приказывают заткнуться; у них там такое слово есть: «дисциплина». Но мы-то просто любители.

Около часа ушло на подготовку операции и две минуты — на выполнение. Вокруг корабля Финн разместил дюжину парней, прибегнув для этой цели к фермерским наружным шлюзам; пользоваться радио запретил — впрочем, почти ни у кого из них в скафандрах радио и не было, ребята-то городские. Финн занял самую западную позицию; выждал время, чтобы все успели приготовиться, и пустил сигнальную ракету.

Она вспыхнула над кораблем, и все одновременно открыли стрельбу, целясь по заранее намеченным антеннам. Финн расстрелял свою обойму, сменил ее и начал прожигать корпус — не люк шлюзовой камеры, а самый корпус корабля. Рядом с вишнево-красным пятном тут же появилось другое, затем еще три. Ребята дружно обрабатывали один и тот же кусок обшивки, пока расплавленный металл не потек наружу, и мы увидели, как воздух — *ф-фух!* — вырвался

из корабля сияющим плюмажем рефракции. Парни трудились, увеличивая замечательную здоровенную дыру, пока не кончились обоймы. Представляю, что творилось в это время на борту: звенят колокола тревоги, задраиваются люки в переборках, а команда лихорадочно пытается заделать одновременно все три огромные дыры в корпусе (остальная часть отряда Финна, разбросанная вокруг корабля, обработала обшивку еще в двух местах). Жгли только корпус, больше ничего не трогали. Корабль не предназначался для полетов в атмосфере, собирали его прямо на орбите, и отсеки корпуса, обеспеченные воздухом, были отделены от реактора и баков с горючим; парни Финна занялись именно той частью корпуса, где эффект будет максимальный.

Финн прижался своим шлемом к моему.

— Теперь ему не взлететь. Вряд ли им удалось заткнуть дыры так плотно, чтобы можно было жить без скафандров. Как думаешь, оставим их тут посидеть несколько деньков и посмотрим, не вылезут ли? Если нет, доставим сюда тяжелый лазерный бур и позабавимся как следует.

Решив, что Финн обойдется и без моей ненужной помощи, я спустился домой, вызвал Майка и попросил его дать мне капсулу, чтобы проведать

баллистические радары. Он поинтересовался, почему бы мне не посидеть внизу, там, мол, опасности уже нет.

— Слушай, ты, нахальная куча полупроводников, ты всего лишь министр без портфеля, а я как-никак министр обороны. Я обязан видеть все, что происходит, но у меня всего два глаза, это у тебя они понатыканы по половине Моря Кризисов. Хочешь, чтоб весь кайф тебе достался?

Он намекнул, чтобы я не возникал, и предложил мне вывести данные своих дисплеев на видеоэкран, скажем, в номере «Л» в «Раффлзе»… Ему вовсе не хочется видеть меня раненым… кстати, слыхал ли я анекдот о бурильщике, который ранил чувства своей матери?

— Майк, — сказал я, — пожалуйста, дай мне капсулу. Я возьму скафандр и встречу ее за станцией «Западная» — сама станция в ужасном виде, ты ведь знаешь.

— О'кей, — сдался он. — Шея твоя, рискуй. Через тринадцать минут. Можешь ехать до огневой позиции «Джордж».

Крайне великодушное разрешение. Я добрался туда и сразу ему позвонил.

Финн к этому времени связался почти со всеми поселениями, разыскал подчиненных ему коман-

диров или тех мужиков, которые добровольно взяли на себя командование, и объяснил им, как справляться с прилунившимися транспортными кораблями; до Гонконга он не дозвонился. Судя по всему, банды Администрации захватили-таки Гонконг.

— Адам, — сказал я, так как в дежурке были люди, — как вы думаете, можем мы послать команду на луноходе и попытаться восстановить узел Б-Л?

— Это не *gospodin* Адам Селен, — незнакомым голосом ответил Майк, — это один из его помощников. Адам Селен был в Верхнем Черчилле, когда там случилась авария с давлением. Боюсь, его следует считать погибшим.

— Что?!

— Я очень сожалею, *gospodin*.

— Не вешайте трубку! — Я выгнал из дежурки пару бурильщиков и какую-то девчонку, сел, опустил звукоизолирующий колпак. — Майк, — сказал я тихо, — теперь можно говорить. Что за ерунду ты несешь?

— Ман, — ответил он спокойно, — ты подумай сам. Адаму Селену все равно пора уходить со сцены. Он свою роль сыграл и, как ты сам сказал, практически не входит в правительство.

Мы с профом подробно это обсудили. Главное — правильно выбрать момент. Гибель во время вторжения — да лучше и придумать нельзя! Это превратит Адама в национального героя… а народ нуждается в героях. Пусть будет так: «Адам Селен, вероятно, погиб» — до тех пор, пока ты не поговоришь с профом. Если ему еще нужен Селен, значит выяснится, что он застрял в частном туннеле и ждал, пока его отыщут.

— Что ж, о'кей, оставим вопрос открытым. Тем более что Майк мне всегда был гораздо симпатичнее как личность.

— Я знаю, Ман, мой первый и лучший друг. Мне тоже. Да это и есть моя настоящая личность, Адам — просто подделка.

— Э-э… да. Но, Майк, если проф погиб в Конгвиле, мне помощь Адама понадобится позарез.

— Ну, значит, запрячем пока этого сноба надутого в холодильник, чтобы оживить, если понадобится. Ман, а когда все это кончится, у тебя найдется время снова заняться со мной исследованиями природы юмора?

— Обязательно найдется, обещаю тебе.

— Спасибо, Ман. А то вы с Вайо за эти дни ни разу со мной не пообщались по-человечески… да и у профа одни серьезные разговоры на уме. Буду

рад, когда эта война закончится.

— А мы ее выиграем, Майк?

Он насмешливо хрюкнул:

— Давненько ты не спрашивал меня об этом. Вот тебе свежий прогноз — с пылу с жару. Я сделал его уже после начала вторжения. Держись, Ман, не падай: шансы сравнялись!

– *Bog* мой!

— Так что кончай болтать и иди погляди на потеху. Только отойди от пушки метров на сто, не меньше; этот корабль может проследить направление лазерного луча и шарахнуть в ответ. Скоро начнем. Еще двадцать одна минута.

Так далеко мне уйти не удалось, поскольку телефонный провод был короче ста метров. Я подключился параллельно к аппарату командира расчета, нашел тень под скалой и уселся. Солнце стояло высоко на западе, так близко к Терре, что ее было видно только через защитный козырек: тоненький серп, призрачно-серый, окруженный облачком сияющей атмосферы.

Я спрятал голову в тень.

— Баллистический контроль, говорит О'Келли Дэвис. Нахожусь у пушки-бура «Джордж». Я имею в виду — примерно в сотне метров.

Я рассчитывал, что Майк, отделенный от меня

многими километрами собственной проводки, не сможет определить длину моего шнура.

— Баллистический контроль слушает, — ответил Майк, не вступая в спор. — Извещу об этом штаб.

— Благодарю, баллистический контроль. Спросите в штабе, нет ли у них известий от конгрессмена Вайоминг Дэвис? — Я очень беспокоился о Вайо и обо всей семье.

— Запрос будет сделан. — Майк выждал для приличия какое-то время, потом сказал: — Штаб сообщил, что *gospazha* Вайоминг Дэвис возглавила оказание помощи раненым в Старом Куполе.

— Спасибо. — В груди что-то отпустило. Не то чтобы я любил Вайо сильнее остальных жен, но… она была новенькая. И к тому же она необходима всей Луне.

— Даю координаты, — деловито заговорил Майк. — Всем стволам угол возвышения восемь семь ноль, азимут один девять три ноль, параллакс установить на дальность тысяча триста километров от поверхности. При визуальном обнаружении цели немедленно доложить.

Я лег, подобрал колени так, чтобы остаться в тени, и всмотрелся в указанный сектор неба — почти в зените, чуть-чуть южнее. Теперь,

когда солнечный свет не падал на шлем, я мог разглядеть звезды, но привести внутреннюю часть бинокуляра в соответствие с нужным направлением оказалось не так легко — пришлось изогнуться и опереться на правый локоть.

Ничего не… хотя, постой, вон звезда, а рядом диск… никакой планеты там быть не должно. Заметил рядом еще звезду и стал ждать, упорно вглядываясь. Ага! *Da!* Становится все ярче и медленно, крадучись, сдвигается к северу… Эй! Да этот гаденыш собирается, кажется, спуститься прямо на нас!

Но тысяча триста километров — долгий путь, даже если идешь на предельной скорости. Я напомнил себе, что он не может упасть на нас, двигаясь по нисходящей ветви эллиптической орбиты, — его же занесет вокруг Луны, если он не изменит траекторию полета. Но Майк об этом не упоминал. Я было намылился спросить его, но раздумал — пусть сосредоточит все свои мозги на анализе действий корабля; не время отвлекать его глупыми вопросами.

Все орудийные расчеты доложили, что видят цель. В том числе и те четыре ствола, которые Майк вел сам с помощью синхронизаторов. Эта четверка отрапортовала, что «держит» цель

визуально, не прибегая к ручному управлению. Отличная новость! Значит, Майк поймал эту штучку в прицел и идеально рассчитал ее траекторию!

Вскоре стало ясно, что корабль не намерен облетать Луну, а идет прямо на посадку. Нужда спрашивать Майка отпала: диск становился все ярче, а позиция по отношению к звездам совсем не менялась. Черт! Он таки действительно собирается сесть нам на головы!

— Дальность пятьсот километров, — спокойно сказал Майк. — Приготовиться к стрельбе. Всем стволам с дистанционным управлением перейти на ручное при команде «Огонь!». Восемьдесят секунд…

Самые длинные минута и двадцать секунд в моей жизни. Гаденыш оказался здоровенным гадом! Майк давал отсчет времени каждые десять секунд, а когда осталось тридцать, перешел на ежесекундный режим.

— Пять, четыре, три, две, одна… Огонь!

И корабль вдруг вспыхнул еще ярче.

Я толком и не заметил маленькую искорку, отлетевшую от него то ли до вспышки, то ли одновременно с ней. Но Майк вдруг сказал:

— Выпущена ракета. Стволы с синхронизато-

рами поведу сам, вручную не вмешиваться. Всем прочим держать на прицеле корабль. Будьте готовы получить новые координаты.

Через несколько секунд — или часов — он дал новые координаты и добавил:

— Наблюдайте за целью. Огонь по готовности.

Я попытался было наблюдать за кораблем и ракетой одновременно и потерял обоих; оторвал глаза от бинокуляра и вдруг увидел ракету, а потом сразу — место ее падения, между нами и входом катапульты. Ближе к нам, не больше чем в километре. Нет, настоящего взрыва не было, я имею в виду, термоядерного, иначе я бы все это не рассказывал. Но вспышка была большая и яркая (думаю, взорвались остатки топлива), она отливала серебром даже в солнечном сиянии; а потом я услышал-почувствовал, как вздрогнули скалы. Никто не пострадал… кроме нескольких кубических метров скалы.

Корабль все еще снижался. Теперь он уже не светился; я видел его хорошо, он обрел свою форму. Никаких внешних повреждений заметно не было. Каждую секунду я ждал, что из кормовых дюз ударит столб пламени и корабль зависнет перед посадкой.

Ничего подобного не произошло. Он рухнул

примерно в десяти километрах к северу от нас. Там возникла на мгновение великолепная серебристая полусфера и тут же исчезла, только пятна в глазах оставила.

Майк распорядился:

— Доложить о потерях. Отключить пушки и всем уйти с поверхности.

— Орудие «Алиса», потерь нет… Орудие «Бэмби», потерь нет… Орудие «Цезарь», один человек ранен осколком камня, давление в скафандре нормальное…

Я спустился вниз к стационарному телефону и вызвал Майка.

— Что произошло, Майк? Разве они не передали управление тебе, после того как ты выжег им глаза?

— Передали, Ман.

— Слишком поздно?

— Я разбил их, Ман. Я решил, что так будет разумнее.

* * *

Час спустя я был у Майка, в первый раз за четыре или пять последних месяцев. До Комплекса мне было ближе, чем до Луна-Сити, а связь отсюда даже лучше, чем из города, по крайней

мере, без перебоев. Мне необходимо было с ним поговорить.

Со станции метро у входа катапульты я попробовал дозвониться Вайо; поговорил с кем-то из временного госпиталя в Старом Куполе и узнал, что Вайо рухнула от изнеможения и ее уложили в постель, чтобы выспалась и ночью снова смогла работать. Финн вместе со своими ребятами отправился в Черчилль атаковать севший там транспортный корабль. От Стью никаких известий. Гонконг и проф все еще отрезаны. Похоже, в данный момент я да Майк — вот и все правительство.

А надо было начинать операцию «Камнепад».

И при этом недостаточно просто закидать Землю камнями: мы должны были сообщить Терре о том, что мы собираемся делать и почему — и что мы имеем полное право это сделать. Проф, Стью и Шини с Адамом заранее подготовили текст на случай атаки с Терры. Теперь, когда атака состоялась, требовалось внести в него поправки. Майк уже переписал текст и распечатал, чтобы я мог его изучить.

Я поднял глаза от длинного бумажного рулона:

— Майк, все эти сообщения для газет и наше обращение к ФН подразумевают, что мы победили

в Гонконге. Ты уверен в этом?

— Вероятность выше восьмидесяти двух процентов.

— Достаточно, чтобы послать эти материалы?

— Ман, вероятность, что мы там победим, если еще не победили, приближается к полной уверенности. Тамошний транспортный корабль подняться не способен: те, что мы захватили, были без горючего или почти без него. Атомарного водорода в Гонконге почти нет; за ним нужно ехать сюда. А это значит, что солдат пришлось бы перебрасывать по поверхности на луноходе — утомительная прогулочка при высоком солнце даже для лунарей, — а по прибытии еще и с нами разделаться надо. На это они не пойдут. Конечно, все мои выводы основаны на допущении, что транспортный корабль и десантники в Гонконге вооружены не лучше, чем в остальных местах.

— А как насчет посылки ремонтной бригады в Б-Л?

— Думаю, из-за этого ждать не стоит. Ман, я вовсю пользовался твоим голосом и все подготовил. Жуткие видеокадры из Старого Купола и других мест, особенно из Верхнего Черчилля. Тексты тоже соответствующие. Мы можем немедленно передать эти известия на Терру и одновременно

объявить об операции «Камнепад».

Я набрал полную грудь воздуха.

— Начинай операцию «Камнепад»!

— Хочешь сам отдать приказ? Говори вслух — я скопирую и голос, и слова.

— Да ладно, говори сам. Используй мой голос и все мои полномочия министра обороны и временного главы правительства. Давай, Майк, лупи их камнями! Не жалей! Задай им жару!

— Слушаюсь, Ман!

Глава 25

«Максимум *Schrecklichkeit*, чтоб они поняли, почем фунт лиха, и минимум человеческих жертв. Если возможно, лучше вообще без жертв» — так сформулировал проф задачу операции «Камнепад», и именно так мы с Майком ее провели. Идея была такая: ударить по землеедам достаточно крепко, чтобы их проняло, и в то же время аккуратно, чтоб не покалечило. На первый взгляд невозможно, но вы не торопитесь.

Чтобы камни долетели от Луны до Терры, нужно время: минимум десять часов, а максимум — это уж какой выберем. Решающее значение тут имеет скорость вылета снаряда из катапульты:

разница в один процент может вдвое удлинить или сократить время полета. А запуск Майк умел производить с исключительной точностью: он одинаково легко мог сделать мягкую подачу, или послать затейливый крученый мяч, или врезать по прямой со свистом — ему бы питчером играть в команде «Янкиз»! Но как бы он ни посылал снаряды, их конечная скорость при падении на Терру будет близкой к земной второй космической, то есть около одиннадцати километров в секунду. Эта безумная скорость определяется тем гравитационным колодцем, который создает гигантская масса Земли, в восемьдесят раз превышающая лунную. Потому можно с равным успехом слегка подтолкнуть снаряд через край колодца или резко швырнуть его туда. Тут важна не сила броска, а глубина гравитационного колодца.

Так что Майк мог запрограммировать запуск снарядов на любое время — как будет удобнее для нашей пропаганды. Они с профом остановились на трех сутках плюс не более одного видимого оборота Земли, составляющего 24 часа 50 минут и 28,32 секунды, чтобы наш первый снаряд точненько вдарил по первому пункту программы. Майк, без сомнения, вполне мог закрутить снаряд вокруг Терры и ударить по цели в противополож-

ном от нас полушарии, но точность получалась гораздо выше, когда он видел цель, мог следить за полетом снаряда и в самом конце легонько подпихнуть его куда надо.

Такая исключительная точность была нужна, чтобы вселить в землян ужас, одновременно сведя число жертв до минимума (или до нуля). Мы решили, что объявим о начале бомбежки, сообщим точное место и время поражения, вплоть до секунды, и дадим жителям три дня, чтобы оттуда убраться.

Итак, наше первое послание Терре было отправлено в два ноль-ноль 13 октября 2076 года, через семь часов после начала вторжения; мы не только проинформировали землян об уничтожении десантников и о чудовищной жестокости самого нападения, но сообщили об ответной бомбежке, перечислили, где и когда будем бить, и дали каждой стране предельный срок, чтобы осудить действия ФН, признать нас и таким образом избежать бомбежки. Предельный срок заканчивался за двадцать четыре часа до нанесения удара по данной стране.

Майку этого времени хватало с избытком. Снаряд к тому моменту будет еще далеко от цели и сохранит полную свободу маневра. Даже имея в

запасе гораздо меньше времени, Майк мог изменить курс снаряда и вообще провести его мимо Земли — просто пихнуть его вбок и оставить крутиться на постоянной орбите. И даже получив предупреждение всего за час, он успел бы сбросить снаряд в океан.

Первой целью должен был стать Северо-Американский Директорат.

Все великие державы, распоряжавшиеся Миротворческими вооруженными силами, то есть семь стран, пользующихся правом вето, должны были подвергнуться бомбежке: Северо-Американский Директорат, Великий Китай, Индия, Совсоюз, Пан-Африка (кроме Чада), Миттельевропа, Бразильский Союз. Меньшим странам тоже назначили сроки, но сообщили, что поражено будет менее двадцати процентов перечисленных в списке целей: отчасти из-за нехватки снарядов, но и для устрашения тоже. Скажем, если Бельгия получит удар первой, Голландия, возможно, решит спасти свои польдеры, подчинившись нашим требованиям до того, как Луна снова поднимется высоко в небе.

Мы старались выбирать цели так, чтобы по возможности избежать кровопролития. Труднее всего было с Миттельевропой; решили бомбить

по высоким горам или водным пространствам — Адриатике, Северному морю, Балтике и так далее. Но большая часть Терры — это открытые пустые пространства, невзирая на то что ее населяют одиннадцать миллиардов человек, непрерывно занятых размножением.

Северная Америка в свое время поразила меня своей густонаселенностью, однако миллиард ее жителей в основном сосредоточен в городах, так что пустого места там хоть отбавляй, сплошные горы да пустыни. Мы наложили на Северную Америку сетку квадратов, чтобы показать, как точно можем вести стрельбу. Майк считал ошибку, превышающую пятьдесят метров, недопустимой. Мы тщательно изучили карты, и Майк радаром прощупал все узлы сетки — скажем, 105° западной долготы и 50° северной широты. Такие точки должны были стать целями, если там не было города… а особенно если город был расположен достаточно близко, чтобы обеспечить нам зрителей — изумленных и напуганных.

Мы предупредили, что наши бомбы не менее разрушительны, чем водородные, но подчеркнули, что радиоактивных осадков не будет и опасной для жизни радиации тоже, а только ужасающей силы взрыв, ударная воздушная волна и

такая же сейсмическая. И добавили, что здания могут быть разрушены на значительном расстоянии от взрыва, предоставив землянам самим решать, на какую дистанцию делать ноги. Если они забьют дороги, убегая скорее от страха, чем от реальной опасности, — что ж, тем лучше, нам это только на руку.

Мы, однако, подчеркнули, что никто не пострадает, если жители учтут наши предупреждения, и что в первом раунде удары будут наноситься по необитаемым целям. И добавили, что можем даже воздержаться от удара, если соответствующая страна докажет, что наши данные устарели (это исключительно ради красного словца — разрешающая способность космического радара была идеальной).

Но не стали уточнять, что случится во время второго раунда; только намекнули, что наше терпение не безгранично.

В Северной Америке сетку составляли параллели 35, 40, 45 и 50 градусов северной широты и меридианы 110, 115, 120 градусов западной долготы: всего двенадцать целей. Местным жителям мы послали добавочное предупреждение, примерно в таком духе:

«Цель 115° западной долготы и 35° северной

широты. Удар будет нанесен в сорока пяти километрах от указанной точки, прямо по вершине пика Нью-Йорк. Жители Гоффа, Симы, Келсо и Ниптона — пожалуйста, обратите внимание.

Цель 110° западной долготы и 50° северной широты. Взрыв произойдет в двадцати километрах, или в тринадцати английских милях, к северо-западу от Нортона, штат Канзас. Предупреждаем жителей Нортона в Канзасе, Бивер-Сити и Вильсонвилля в Небраске. Держитесь подальше от застекленных окон. Оставайтесь в помещении по меньшей мере полчаса после бомбежки, чтобы не попасть под осколки камней. Взрыв не следует наблюдать незащищенными глазами. Он произойдет ровно в три ноль-ноль по местному времени в пятницу, 16 октября, или в десять ноль-ноль по Гринвичу. Желаем удачи.

Цель 110° западной долготы и 50° северной широты. Удар будет нанесен в десяти километрах к северу. Жители Уэлша в Саскачеване, будьте осторожны».

Помимо этой сетки, была еще одна цель на Аляске (150° западной долготы, 60° северной широты) и две в Мексике (110° западной долготы, 30° северной широты и 105° западной долготы, 25° северной широты), чтобы тамошние жители не

чувствовали себя обделенными. И еще несколько целей в густонаселенных районах восточного побережья, главным образом водные пространства — озеро Мичиган на полпути между Чикаго и Гранд-Рэпидс, озеро Окичоби во Флориде. Там, где целью были озера и прибрежные воды морей, Майк рассчитал вероятные последствия наводнений и сообщил примерное время их начала для каждого населенного пункта на берегу.

Три дня, после старта ранним утром во вторник тринадцатого и до самого первого удара ранним утром в пятницу шестнадцатого, мы забрасывали Землю своими предупреждениями. Англию известили, что бомба, сброшенная к северу от Дуврского пролива против устья Темзы, доставит много неприятностей гораздо выше по течению; Совсоюз получил предупреждение насчет Азовского моря и свою сетку бомбежек. Великому Китаю дали сетку в пределах Сибири, пустыни Гоби и крайнего запада, с особым тщанием и в деталях указав, как мы скорректируем направление удара, чтобы не повредить древнюю Китайскую стену. Пан-Африку предупредили, что ударим по озеру Виктория, по пустынной части Сахары, по Драконовым горам на юге и двадцатью километрами западнее пирамиды Хеопса, с призывом

последовать примеру Чада не позже полуночи в четверг по Гринвичу. Индии предложили понаблюдать за несколькими горными пиками и Бомбейской гаванью; время было указано то же, что и Великому Китаю.

Делались попытки глушить наши передачи, но мы передавали их целенаправленно и на разных частотах — не очень-то заглушишь. Предупреждения чередовались с пропагандой, правдивой и ложной: подробности провалившегося вторжения, жуткие фотографии убитых, имена и личные номера, численность десантников — все это адресовалось Красному Кресту и Полумесяцу, а фактически было мрачной похвальбой, что все солдаты уничтожены, а экипажи кораблей или убиты, или взяты в плен. Мы «сожалели», что не можем идентифицировать мертвецов на борту флагмана, так как он сбит и от него практически ничего не осталось.

Но общий тон наших передач был примирительным: смотрите, люди Земли, мы не хотим вас убивать. Совершая вполне заслуженный вами акт возмездия, мы прилагаем все усилия, чтобы избежать новых жертв. Но если вы не сумеете или не захотите убедить ваши правительства оставить Луну в покое, мы будет вынуждены вас

убивать. Остановить нас вы не сможете. Мы наверху, вы — внизу. Поэтому, пожалуйста, будьте благоразумны!

Снова и снова вбивали мы им в головы, как легко нам наносить удары по Земле и как трудно им добраться до нас. И это вовсе не было преувеличением. С Терры ударить ракетами по Луне практически невозможно; с околоземной орбиты — можно, но очень дорого. Самый практичный способ — бомбить нас с кораблей.

Отметив это, мы спрашивали: сколько кораблей стоимостью в миллионы долларов каждый они готовы принести в жертву? Стоит ли платить так дорого, чтобы высечь нас за то, в чем мы не виноваты? Они уже лишились семи самых больших и лучших кораблей. Хотят ли они довести счет до четырнадцати? Если да, то наше секретное оружие, испытанное на их же боевом корабле «Пакс», к приему гостей готово.

Последнее заявление было, разумеется, хорошо продуманной ложью. По расчетам Майка, был только один шанс из тысячи, что «Пакс» успел послать на Землю радиограмму о том, что с ним произошло. Еще менее вероятно, чтобы надменная ФН догадалась, что бывшим лагерникам-бурильщикам удалось превратить орудия

мирного труда в космическое оружие. Да и не так-то уж много кораблей у ФН, чтобы ими рисковать: всего две сотни, не считая «спутников». Девять десятых из них предназначались для полетов Терра — орбита, как наш «Жаворонок», а ему удалось долететь до Луны, только до нитки содрав с себя все лишнее и опустошив все баки.

Космические корабли строятся для выполнения узкоспециальных функций, иначе делать их невыгодно. У ФН было шесть крейсеров, которые, возможно, могли бы бомбить нас без прилунения для дозаправки, если бы сняли с себя весь лишний груз и заменили его дополнительными баками. Несколько кораблей можно было переоборудовать наподобие «Жаворонка». Плюс суда для перевозки каторжан и грузовики, которые могли добраться до лунной орбиты, но вернуться обратно без дозаправки были не в состоянии.

Без сомнения, земляне могли нас одолеть; вопрос заключался в том, какую цену они готовы заплатить. Поэтому нам нужно было убедить их, что цена слишком велика, пока они не успели собраться с силами. Словом, как в покере: мы намеревались повышать ставки так круто, чтобы они не выдержали и бросили карты на стол. Мы очень рассчитывали на это. Не открывать же нам

свой неполный флеш!

Связь с Гонконгом-Лунным восстановили в конце первого дня видеорадиоатаки, когда Майк зашвыривал в космос камни и выстраивал первую линию нашей обороны. Проф наконец позвонил, и я безумно обрадовался. Майк информировал его о событиях, после чего я стал ждать обычной мягкой выволочки, готовясь ответить резко и сердито: «А что мне оставалось делать? Если вы пропали, а может, и убиты? Оставили меня одного во главе правительства, да еще в разгар кризиса! Что же, надо было бросить все на произвол судьбы только потому, что вы были недосягаемы?»

Однако отругиваться не пришлось. Проф сказал:

— Ты все сделал верно, Мануэль. Ты исполнил обязанности главы правительства в остро кризисной ситуации. Я рад, что, несмотря на мое отсутствие, ты не упустил наш самый лучший шанс.

Ну скажите, что делать с таким хитрецом? Я раскипятился до предела, а выпустить пар не удалось. Пришлось все проглотить и сказать:

— Спасибо, проф.

Проф утвердил гибель Адама Селена.

— Мы могли бы еще немного попользоваться этой фикцией, но больно уж подходящий случай. Майк, у вас с Мануэлем масса дел; я, пожалуй, заверну по пути в Черчилль и попробую опознать его тело.

Так он и сделал. До сих пор не знаю, чей труп он выбрал — лунаря или солдата — и как сохранил это дело в тайне. Хотя, с другой стороны, множество тел в Верхнем Черчилле так и остались неопознанными. Покойник был нужного размера и цвета кожи; его разорвало от внезапной декомпрессии, лицо было сожжено — зрелище не дай *Bog*!

Его положили с закрытым лицом в Старом Куполе, произнесли уйму речей, которые я не стал слушать. Но Майк не пропустил ни единого словечка: тщеславен был чисто по-человечески. Какой-то кретин предложил забальзамировать тело, ссылаясь в качестве прецедента на Ленина; но «Правда» указала, что Адам был ревностным сторонником утилизации и ни за что бы не согласился с подобным варварским предложением. Поэтому неизвестный солдат, или горожанин, или горожанин-ополченец встретил свой конец в городской клоаке.

А теперь придется сказать о том, о чем я умол-

чал. Вайо была невредима, хотя устала смертельно. Но Людмила домой не вернулась. Я не видел этого — и рад, что не видел, — но она оказалась в числе погибших у подножья пандуса напротив «Бон марше». Разрывная пуля попала между ее прелестными, почти девичьими грудями. Кухонный нож у нее в кулаке был окрашен кровью, — надеюсь, она успела расплатиться со своим Хароном.

Стью пришел в Комплекс, чтобы рассказать мне об этом лично, не по телефону. Как выяснилось, Стью никуда не пропадал; когда битва закончилась, он прямиком направился в «Раффлз», чтобы поколдовать над своей кодовой книгой. Ма там и нашла его, и он вызвался известить меня.

Так что я пошел домой принять участие в семейном обряде оплакивания… А в общем, даже к лучшему, что меня не нашли в тот момент, когда мы с Майком запускали операцию «Камнепад». Стью поначалу не хотел заходить в дом, поскольку не знал наших обычаев, Анна вышла к нам и втащила его чуть не силой. Встретили Стью как родного. Пришли соседи, чтобы поплакать вместе с нами. Но не так много, как бывает в подобных случаях: не мы одни в тот день оплакивали своих мертвых.

Я долго оставаться не мог, надо было работать. Посмотрел на Милу, поцеловал ее в последний раз. Она лежала в своей комнате и выглядела просто спящей. Потом я немного побыл с моими близкими, прежде чем снова впрячься в работу. Только теперь я заметил, как постарела Мими. Конечно, она повидала множество смертей, в том числе и своих детей, но смерть маленькой Милы подкосила ее. Ведь Людмила была внучкой Мими, хотя Мими относилась к ней скорее как к дочери, а кроме того, благодаря исключению, сделанному семьей, и настойчивости самой Мими они были собрачницами — самой старой и самой юной в семье.

Как и все лунари, мы утилизируем наших мертвых, и я искренне рад, что варварский обычай погребения остался там — на старушке Земле; наши обычаи лучше. Но семья Дэвис никогда не отправляет то, что возвращается из утилизатора, в свои коммерческие сельскохозяйственные туннели; нет, все идет в маленький тепличный туннель, чтобы превратиться в розы, нарциссы и пионы, цветущие под тихое жужжание пчел. Предание гласит, что Черный Джек Дэвис тоже покоится там, во всяком случае какие-то его атомы, оставшиеся после многих и многих

цветений.

Прекрасное место, полное счастья и красоты.

Настала пятница, а от ФН никакого ответа. Известия с Земли сочетали в себе в равной степени нежелание поверить, что мы уничтожили семь кораблей и два полка (ФН даже не сочла нужным подтвердить, что такое сражение имело место), и полное недоверие к тому, что мы можем бомбить Терру или что это будет иметь хоть какое-то значение; они все еще говорили о «попытке забросать рисом». Куда больше внимания уделялось обычным местным сенсациям.

Стью был встревожен — он не получил ответа на свои закодированные депеши. Они пересылались с обычной деловой перепиской «ЛуНоГоКо» агенту в Цюрихе, оттуда парижскому брокеру Стью, а уж от него по особым каналам доктору Чаню, с которым я некогда беседовал и с которым Стью затем договорился о способах связи. Поскольку Великий Китай подвергнется удару спустя двенадцать часов после Северной Америки, внушал Стью, бомбежку можно будет вообще отменить (раз сам факт ее возможности будет доказан на примере Северной Америки), если Великий Китай будет действовать достаточно быстро. В крайнем случае Стью предлагал докто-

ру Чаню внести поправки в список целей, если они расположены в районах менее пустынных, чем мы предполагали.

Стью волновался — он возлагал на сотрудничество с Чанем большие надежды. Что касается меня, я в этом сильно сомневался. Зато был абсолютно уверен, что сам доктор Чань не станет сидеть в одной из наших точек. А вот предупредит ли свою старенькую мамашу — неизвестно.

Мои тревоги были связаны с Майком. Конечно, Майк привык работать одновременно с несколькими грузами на трассе, но еще никогда не направлял их в цель по несколько штук зараз. Теперь же у него были сотни объектов, и двадцать девять из них следовало доставить к двадцати девяти целям в одну и ту же секунду.

Больше того, для многих целей у него были запасные снаряды, готовые поразить цель во второй, в третий, а если понадобится, то и в шестой раз после первого удара с интервалами от нескольких минут до трех часов. Четыре великие мировые державы и несколько меньших располагали своей противоракетной обороной; та, что была у Северной Америки, считалась лучшей. Впрочем, в эти вопросы даже ФН не вмешивалась. Все наступательное оружие находилось в

распоряжении Миротворческих сил, но оборонительное было частным делом каждой страны, а потому считалось секретным. Ходили слухи, что в Индии, например, вообще нет ракет-перехватчиков, зато в Северной Америке с обороной все в порядке. Она доказала это, перехватывая межконтинентальные ракеты с ядерными боеголовками во время «Войны мокрых шутих» в прошлом столетии.

Возможно, большинство наших глыб, предназначенных для Северной Америки, попадут в точку только потому, что они нацелены на места, где защищать просто нечего. Но вряд ли там пропустят камешек, посланный к побережью пролива Лонг-Айленд или снаряд, идущий к 87° западной долготы и 42° 30′ северной широты, то есть к озеру Мичиган в центре треугольника, образованного городами Чикаго, Гранд-Рэпидс и Милуоки. Высокая сила тяжести делает перехват делом нелегким и очень дорогим; они будут пытаться сбить нас только тогда, когда дело того стоит. А мы не могли допустить, чтобы они парировали наши удары. Поэтому некоторые камешки и дублировались. На что способны ракеты-перехватчики с ядерными боеголовками, не знал даже Майк. Не было достаточно данных. Он

предполагал, что перехватчики будут наводиться с помощью радара — но с какого расстояния? Наверняка с достаточно близкого, с такого, чтобы закованный в сталь обломок скалы через микросекунду превратился в раскаленный газ. Однако существует огромная разница между ракетой с тончайшей электроникой и многотонной скалой; то, что «убьет» ракету наповал, всего лишь отшвырнет нашу глыбину в сторону — и собьет с цели.

Нам было необходимо доказать Терре, что мы сможем забрасывать их дешевыми обломками скал еще долгое время после того, как у них кончатся дорогие (миллионы долларов? сотни тысяч?) ракеты-перехватчики с ядерными боеголовками. Если мы этого не докажем с первой попытки, то в следующий раз, когда Терра повернется к нам Северной Америкой, мы снова пройдемся по тем же целям. Запасные снаряды для второго и даже третьего захода уже находились в космосе, их оставалось лишь подпихнуть, когда потребуется. Если три бомбежки при трех обращениях Терры вокруг оси не достигнут своей цели, мы можем швырять свои камешки и в семьдесят седьмом году, пока у них не истощится запас ракет-перехватчиков… или пока они не

уничтожат нас (что более вероятно).

Уже целое столетие штаб Северо-Американской космической обороны находится в горах к югу от Колорадо-Спрингс, штат Колорадо, — городка, более ничем не примечательного. Во время «Войны мокрых шутих» по горе Шайенн нанесли прямой удар; командный пункт космической обороны уцелел, чего никак не скажешь об оленях, деревьях, большей части города и части горной вершины. Наши снаряды не должны убить никого, разве что кто-то останется на горе, несмотря на непрерывные трехдневные предупреждения. Однако командованию космической обороной Северной Америки предстояло пройти полный курс лунной терапии: двенадцать каменных снарядов при первом заходе, затем все, что у нас будет лишнего при втором, третьем и так далее, пока у нас не кончатся стальные обшивки… или пока нас не выведут из строя… или пока Северо-Американский Директорат не запросит пардону.

Это была единственная цель, где даже идеально точное попадание одного снаряда не могло нас удовлетворить. Мы эту гору намеревались расплющить и продолжать долбить до посинения. Чтобы раздавить их мужество. Чтобы они знали — мы все еще тут. Чтобы разрушить их коммуни-

кации и вбить в землю их командный пункт, если получится. Или хотя бы вызвать у них головную боль и бессонницу. Если мы сможем доказать всей Терре, что способны провести успешную атаку на могучий оплот их космической обороны, нам не придется разрушать Манхэттен или Сан-Франциско.

Хотя на это мы не решились бы, даже если бы нам грозил проигрыш. Почему? Простой здравый смысл. Если все свои силы мы потратим на разгром большого города, нас не станут наказывать, нас просто уничтожат. Как говорит проф: «Если возможно, всегда оставляйте для своего врага лазейку, чтобы он мог стать вашим другом».

Но военный объект — это честная цель.

Не думаю, чтобы кто-то смог заснуть вечером в четверг. Лунари знали, что на пятницу назначена наша решающая попытка. А на Земле было известно — в этом наконец сознались их средства массовой информации, — что служба космического слежения зафиксировала летящие к Терре объекты, видимо те самые «горшки с рисовой кашей», которыми так похвалялись мятежные каторжники. Никакой военной тревоги объявлено не было, пресса уверяла, что лунная колония не могла создать свои водородные бом-

бы, но советовала все же избегать тех районов, куда нацелились преступники. (Исключением был один популярный шутник-обозреватель, заявивший, что самым безопасным местом будут именно указанные нами цели. Он произнес это в видеопрограмме, стоя в центре большого креста, который объявил точкой с координатами 110° западной долготы и 40° северной широты. Больше я его не видал.)

Рефлектор в обсерватории Ричардсона настроили передавать изображения, и, я думаю, все лунари следили за экранами, сидя дома или в пивной. А некоторые даже надели скафандры и вышли на поверхность, чтобы увидеть все своими глазами, несмотря на то что в большинстве поселений стоял яркий солнечный день. По настоянию бригадного генерала судьи Броуди мы наскоро возвели вспомогательную антенну у катапульты, чтобы бурильщики смотрели видеопередачи в своих дежурках, иначе на посту не осталось бы ни одного артиллериста. (Наши вооруженные силы — артиллеристы Броуди, милиция Финна, воздушные отряды стиляг — все это время оставались в состоянии повышенной боевой готовности.) Конгрессмены пришли на внеочередное заседание в *Novy Bolshoi Teatr*, где

Терра была отлично видна на огромном экране. Некоторые шишки, в том числе проф, Стью, Вольфганг и другие, смотрели ее на меньшем экране в бывшем офисе коменданта в Верхнем комплексе. Какое-то время я провел с ними: метался взад-вперед, нервный, как кошка, только что разрешившаяся котятами, схватил бутерброд, забыл его съесть, а потом заперся с Майком в Нижнем комплексе. Совсем, можно сказать, сошел с нарезки.

Около восьми ноль-ноль Майк сказал:

— Ман, мой старый и лучший друг, разреши сказать тебе кое-что, только не обижайся, ладно?

— А? Ну конечно. С каких это пор ты боишься меня обидеть?

— Постоянно, Ман, после того, как понял, что ты можешь обидеться. Осталось всего три, запятая, пятьдесят семь на десять в девятой степени микросекунд до первого удара… и это самая сложная задача из всех, какие я когда-либо решал в режиме реального времени. Когда ты разговариваешь со мной, я всегда уделяю тебе значительную часть своей мощности — возможно, гораздо большую, чем ты думаешь, — в течение нескольких миллионов микросекунд, чтобы понять смысл твоих слов и найти на них верные ответы.

— Иначе говоря, не суйся под руку, я занят?

— Я хочу дать тебе совершенно точное решение, Ман.

— Усек… пойду посижу с профом.

— Как хочешь. Только, пожалуйста, будь там, где я смогу тебя найти. Возможно, мне понадобится твоя помощь.

Последнее было, конечно, ерундой, и мы оба это знали. Задача была выше человеческих сил: сейчас даже отменить операцию было уже невозможно. Просто Майк хотел сказать: «Я тоже нервничаю и хочу, чтобы ты остался со мной, но, пожалуйста, перестань болтать».

— О'кей, Майк. Я буду поблизости. Где-нибудь возле телефона. Наберу «Майкрофт-XXX», но говорить не стану, так что можешь не отвечать.

— Благодарю, Ман, мой лучший друг. Большое спасибо.

— Увидимся.

Я вышел, решил, что компания мне не нужна, надел скафандр, нашел длинный телефонный шнур, подключил его к шлему, свернул провод в бухту, повесил на руку и пошел к шлюзу на поверхность. В сарайчике за шлюзом среди всякой всячины был служебный телефон. Я подключился к нему, набрал номер Майка и вышел под

открытое небо. Спрятался в тени сарайчика и, выглянув из-за угла, посмотрел на Терру.

Она висела, как обычно, в западном секторе неба на полпути к зениту — огромный яркий полумесяц, родившийся всего три дня назад. Солнце уже клонилось к западу, но его сияние мешало мне ясно видеть Терру. Шлемного визора было недостаточно, поэтому я обогнул сарайчик и отошел от него подальше, чтобы видеть Терру, но чтобы стена загораживала Солнце. Так было куда лучше. Над Африкой вставал рассвет, ослепительные отблески его ложились на сушу, но это не очень мешало, а вот южная полярная шапка резала глаза белизной и не давала разглядеть Северную Америку, освещенную пока только лунным светом.

Чуть не свернул шею, стараясь навести шлемный бинокуляр на нее, — отличный бинокуляр, цейссовский, 7 × 50, еще недавно принадлежавший коменданту.

Северная Америка простиралась передо мной призрачной картой. Удивительно мало облаков. Виднелись города — светящиеся пятна с размытыми границами. Восемь тридцать семь…

В восемь пятьдесят Майк начал отсчитывать время по телефону — его внимания это не отвле-

кало; отсчет он запрограммировал заранее.

— Восемь пятьдесят один… восемь пятьдесят два… восемь пятьдесят три… осталась одна минута… пятьдесят девять… пятьдесят восемь… пятьдесят семь… полминуты… двадцать девять… двадцать восемь… двадцать семь… десять секунд… девять… восемь… семь… шесть… пять… четыре… три… две… одна…

И внезапно на карте маленькими алмазными искорками вспыхнула наша сетка!

Глава 26

Мы нанесли такой сильный удар, что его можно было видеть невооруженным глазом, без всякого бинокля. Челюсть у меня отвисла, и я прошептал «*Bog* мой» еле слышно и почти благоговейно. Двенадцать очень ярких, очень резких, ослепительно-белых вспышек образовали точный геометрический рисунок. Они вспухли, слегка затуманились, сделались красными, — казалось, это длится бесконечно. Потом возникли новые точки, но великолепный узор настолько заворожил меня, что я их едва заметил.

— Да, — согласился Майк, очень довольный собой. — Тютелька в тютельку. Теперь ты можешь

говорить, Ман, я свободен. Осталось простое дублирование.

— Нет слов. Была хоть одна осечка?

— Снаряд для озера Мичиган получил удар вверх и вбок, но не взорвался. Он должен упасть где-то в Мичигане, я потерял над ним контроль, так как он лишился своего импульсного ускорителя. А в проливе Лонг-Айленд камешек пошел точно в цель. Его пробовали перехватить, но не вышло. Почему — не знаю. Ман, я могу отвести другие снаряды, идущие на ту же цель, сбросив их в Атлантику подальше от судоходных линий. Сделать? Есть еще одиннадцать секунд.

— Э-э-э… *Da!* Если не заденешь кораблей.

— Я же сказал, что могу. Сделано. Надо будет их известить, что мы пока отменили повторный удар, и объяснить почему. Пусть призадумаются.

— А может, не стоило отводить снаряды, Майк? Ведь мы хотели, чтобы они расходовали свои перехватчики.

— И все же главный смысл нашей стратегии — дать им понять, что мы пока наносим удары куда более слабые, чем могли бы. Какие — мы покажем на примере Колорадо-Спрингс.

— А как в Колорадо? Получилось? — Я чуть не вывернул шею, глядя в бинокуляры: там ничего

не было видно, кроме города, протянувшегося лентой на сотню с лишком километров. Муниципальная полоса Дэнвер-Пуэбло.

— Всадил в самое яблочко. Перехвата не было. Вообще весь залп попал в яблочко, Ман. Я же говорил тебе, что так будет! Вот это потеха! Каждый день бы так. Теперь я понял, что означает одно слово, значение которого раньше до меня не доходило.

— Какое слово, Майк?

— Оргазм. Именно это произошло со мной, когда я увидел все вспышки. Теперь я знаю, что это такое! Я мигом отрезвел.

— Майк, ты не слишком привыкай к этому делу. Потому что, если все пойдет как надо, второго раза не будет.

— Все в порядке, Ман. Я ведь все записал. И смогу проиграть снова, если мне захочется испытать эти ощущения еще раз. Но готов поставить три против одного, что нам придется повторить то же самое завтра, и один к одному на послезавтра. Спорим? Час разговора о юморе против сотни гонконгских долларов?

— Где ты возьмешь сотню долларов?

Он хихикнул:

— А как ты думаешь, откуда берутся деньги?

— Э-э… ладно, забудем. Можешь получить свой час бесплатно. Не стану склонять тебя к жульничеству.

— Я не стал бы жульничать, Ман, тем более с тобой. Только что мы снова трахнули по штабу космической обороны. Тебе не разглядеть: над ним стоит облако пыли еще от первого взрыва. Сейчас они получают по камешку каждые двадцать минут. Приходи вниз, поболтаем. Я передал управление моему сыночку-идиоту.

— А это не опасно?

— Я за ним присматриваю. Для него это хорошая практика, Ман; возможно, ему придется в будущем работать в одиночку. Он аккуратен, но туп. Однако все, что ему прикажут, исполнит.

— Ты говоришь об этом компьютере как о человеке. Он может говорить?

— О нет, Ман, он идиот и никогда не научится разговаривать. Но он сделает все, что будет запрограммировано. Я планирую передать ему в субботу очень многие функции.

— А почему именно в субботу?

— Потому что в воскресенье ему, возможно, придется заниматься всем. В этот день они нанесут нам удар.

— Что ты имеешь в виду? Майк, ты что-то от

нас скрываешь?

— Но я же говорю тебе об этом, не так ли? Это произошло только что, я пока наблюдаю. Сигнал на радаре, похоже, пошел от околоземной орбиты как раз в тот момент, когда мы по ним шарахнули. Я слишком занят был, не видел, как он разгонялся. Точно не скажу, он еще очень далеко, но по размерам похож на крейсер Миротворческих сил, идет сюда. Если маневрировать не станет, то, судя по допплерометрии, выйдет на окололунную орбиту и в периселении окажется в девять ноль три в воскресенье. Все это пока в первом приближении, уточню позже. Очень трудно считывать данные, Ман; он применяет противорадарную защиту и оставляет за собой целый хвост помех.

— Ты уверен, что не ошибся?

Он хихикнул:

— Ман, меня облапошить не так-то легко. У меня тут собраны все мои любимые сигнальчики — все равно что отпечатки пальчиков. Поправка: в девять ноль две, запятая, сорок три.

— Когда ты сможешь взять его на прицел?

— Никогда, если он не будет маневрировать. Но он сможет взять на прицел меня в субботу вечером, точное время будет зависеть от дистанции,

с какой он решит пустить ракеты. Любопытная ситуация возникает. Он может нанести удар по поселениям — думаю, Тихо-Нижний надо эвакуировать, а в остальных поселениях принять чрезвычайные меры предосторожности на случай декомпрессии. Хотя более вероятно, что он попробует разнести катапульту. А еще он может рискнуть, подойти поближе и попытаться вырубить все мои радары, нацелив по ракете на каждый радарный луч. — Майк снова хихикнул. — Смешно, да? Впрочем, шуточка одноразового пользования. Если я выключу радары, он в них не попадет. Но я не смогу скомандовать нашим парням, куда направлять стволы. Что даст возможность кораблю свободно бомбить катапульту. Смешно.

Я перевел дух и от всего сердца пожалел, что пошел в министры обороны.

— Что же делать? Сдаваться? Нет, Майк! Ни за что, пока мы в состоянии сражаться!

— А кто говорит о сдаче? Я ведь прогнозировал и эту, и тысячу других возможных ситуаций, Ман. Смотри-ка, новые данные! Второе пятнышко отделилось от околоземной орбиты, у него те же характеристики. Подробности потом. Мы не сдадимся, Ман. Мы еще наведем шороху!

— Каким образом?

— Предоставь все своему старому другу Майкрофту. У нас шесть баллистических радаров здесь и еще один — у новой катапульты. Его я выключил, а мое дите недоразвитое пусть пока работает со здешним радаром номер три… Мы вообще не станем следить за этими кораблями с помощью нового радара, не дадим им даже заподозрить, что он у нас есть. Я слежу за ними с помощью третьего и иногда — каждые три секунды — проверяю, нет ли новых стартов с околоземной орбиты. У всех остальных радаров глаза плотно зажмурены, и я не буду ими пользоваться, пока не придет время долбануть по Великому Китаю и Индии. Но в тот момент корабли моих радаров засечь не смогут, так как я буду смотреть ими совсем в другую сторону. А потом устрою перезвон — начну включать и выключать радары через произвольные интервалы времени… после того, как корабли выпустят свои ракеты. У ракет мозги никудышные, Ман… я их обведу вокруг пальца.

— А как насчет корабельных компьютеров, направляющих огонь?

— Их я тоже надую. Давай на спор? Сделаю так, что они примут два радара за один, который находится как раз посередине между настоящими.

Но сейчас я работаю над… извини, но я опять воспользовался твоим голосом.

— О'кей. И что же я такое повелел?

— Если этот адмирал — мужик башковитый, он ударит по концевой части старой катапульты всей мощью, какая у него есть, причем с предельно далекой позиции, где наши пушки-буры его не достанут. Независимо от того, известно ему наше «секретное оружие» или нет, он расколошматит катапульту и проигнорирует радары. Поэтому я распорядился, вернее, ты распорядился, чтобы катапульта приготовилась запустить все свои снаряды до единого, я сейчас рассчитываю новые долгие траектории для каждого камешка. Вышвырнем их все скопом в космос как можно быстрее — и без радаров.

— Вслепую?

— Так мне вообще при запуске не нужны радары, ты же знаешь, Ман. Раньше я следил за грузом всю дорогу, но теперь нужды в этом нет, так что при запуске радар ни к чему. Значит, весь наш огневой запас мы переместим из старой катапульты в космос на долгие траектории и тем самым заставим адмирала нацелиться на радары, а не на катапульту… или в крайнем случае — на то и другое. Вот тогда-то мы и дадим ему жару. До-

ведем его до такого состояния, что он вынужден будет подойти на расстояние выстрела, и у наших ребят появится шанс выжечь ему гляделки.

— Парни Броуди будут в восторге. Те, что потрезвее. — И тут мне в голову что-то стукнуло. — Майк, ты сегодня смотрел видео?

— Я его контролировал, но не могу сказать, что смотрел как следует. А что?

— Так ведь для приема мы приспособили самый лучший радиотелескоп. В обсерватории есть и другие… Зачем же использовать против кораблей радары? Во всяком случае, до тех пор, пока ребята Броуди не начнут жечь корабли?

Майк молчал по меньшей мере секунды две.

— Ман, мой лучший друг, а ты никогда не думал пойти работать компьютером?

— Это сарказм?

— Ничего подобного. Просто мне стыдно. Приборы в Ричардсоне — телескопы и прочее… эти факторы я никогда не принимал в расчет. Я тупица и признаю это. *Йа, йа, йа, da, da, da!* Следить за крейсерами по радиотелескопу и не включать радары, пока корабли не изменят траекторию! Я всю жизнь смотрю радарами, мне просто в голову не прихо…

— Хватит, Майк!

— Но это правда, Ман.

— Разве я извинялся перед тобой, когда тебе какие-то мысли приходили первому?

Майк ответил медленно, как бы обдумывая каждое слово.

— Есть в этом нечто, что я нахожу затруднительным для анализа. Мои функции заключаются в том…

— Кончай самокритику. Если идея хороша — воспользуйся ею. Может, возникнут другие. Я отключаюсь и иду вниз — топ-топ!

Я пробыл в зале Майка совсем недолго, когда позвонил проф.

— Главный штаб? Есть известия от фельдмаршала Дэвиса?

— Я тут, проф. В главном компьютерном зале.

— Может, вы подойдете к нам в офис коменданта? Нужно выработать кое-какие решения, словом, есть работа.

— Проф, но я работал! И сейчас работаю!

— Не сомневаюсь. Я всем объяснил, что программирование баллистического компьютера — дело настолько тонкое, что вы должны заниматься им лично. Тем не менее некоторые наши коллеги считают ваше присутствие обязательным. Поэтому, когда вы почувствуете, что ваш

помощник — его, кажется, зовут Майк — справится сам, не сочтите за труд…

— Я понял. О'кей, сейчас поднимусь.

— Благодарю вас, Мануэль.

— Судя по фону, там человек тринадцать, — сказал Майк. — Они что-то затевают, Ман.

— И мне так кажется. Лучше подняться и поглядеть, что за базар. Я тебе нужен?

— Ман, я надеюсь, ты будешь вблизи телефона?

— Буду. Прослушивай офис коменданта. Если перейдем в другое место, дам знать. Увидимся, дружище.

В офисе коменданта собралось все правительство, как реальный кабинет, так и довески, а вскоре я обнаружил и причину неприятностей — субъекта по имени Говард Райт. Для него придумали Министерство по связям с искусством, наукой и образованием — так, для игры в пуговички. Это был реверанс в сторону Новолена, поскольку кабинет был перегружен камрадами из Луна-Сити, а заодно и подачка самому Райту, возглавлявшему группу конгрессменов, всегда готовых поболтать, только бы не работать. Проф рассчитывал укротить его, но порой проф уж слишком миндальничает; некоторым людям

полезно подышать вакуумом, прежде чем речи толкать.

Проф попросил меня вкратце обрисовать военную ситуацию. Что я и сделал, только по-своему.

— Я вижу, тут присутствует Финн. Пусть расскажет, как обстоят дела в поселениях.

— Генерал Нильсен уже это сделал, — вмешался Райт, — и повторяться нет смысла. Мы хотим послушать вас.

У меня глаза на лоб полезли.

— Проф… извините меня… *gospodin* президент! Верно ли я понял, что доклад Министерства обороны был сделан правительству в мое отсутствие?

— А почему бы и нет? — снова вылез Райт. — Если вас не было на месте?

Проф перехватил инициативу. Он видел, что я на взводе. Три дня я почти не спал и чувствовал себя таким измотанным, будто снова попал на Терру.

— К порядку! — мягко сказал проф. — *Gospodin* министр по культурным связям, будьте добры адресовать ваши комментарии через меня. *Gospodin* министр обороны, разрешите мне внести ясность. Никаких докладов правительству, касающихся вашего министерства, никто не делал по той про-

стой причине, что открытие заседания отложили до вашего прихода. Генерал Нильсен частным образом ответил на несколько частных вопросов. Возможно, и этого не следовало делать. Если вы так считаете, я готов принести извинения.

— Ладно, будем считать, что все в порядке. Финн, мы с тобой разговаривали полчаса назад. Что нового за это время?

— Ничего, Манни.

— О'кей. Думаю, вы хотите выяснить ситуацию за пределами Луны? Вы смотрели видео, а значит, знаете, что первая бомбардировка прошла отлично. Она еще продолжается, во всяком случае частично, поскольку мы лупим по штабу космической обороны через каждые двадцать минут. И будем это делать до тринадцати ноль-ноль. В двадцать один ноль-ноль нанесем удар по Китаю и Индии плюс по ряду более мелких целей. Потом до четырех ночи будем заниматься Африкой и Европой, сделаем перерыв на три часа, шарахнем по Бразилии с компанией, выждем еще три часа и начнем по новой. Если, конечно, все пойдет по расписанию. Но у нас возникли свои проблемы. Финн, нам придется эвакуировать Тихо-Нижний.

— Минуту! — поднял руку Райт. — У меня есть вопросы.

Обращался он к профу, не ко мне.

— Подождите, пожалуйста. Министр обороны, вы закончили?

Вайо сидела сзади. Мы обменялись улыбками, не больше — так у нас повелось и в кабинете министров, и в Конгрессе. Вообще шли разговоры, что негоже двум представителям одной семьи быть членами правительства. Сейчас она покачала головой — вроде о чем-то предупреждала.

— В отношении бомбардировки все. У него вопросы на эту тему?

— Ваши вопросы касаются бомбардировки, *gospodin* Райт?

— Разумеется, *gospodin* президент! — Райт встал, глядя прямо на меня. — Как вы знаете, я представляю различные группы интеллектуалов Свободного Государства, и, смею сказать, их мнение играет особую роль в общественных делах. Я думаю, что будет правильно…

— Минуту! — сказал я. — Я думал, вы представляете восьмой Новоленовский округ.

– *Gospodin* президент, мне будет позволено задать вопросы? Или нет?

— Он не вопросы задавал, а толкал речь. А я измотан и хочу спать.

— Мы все устали, Мануэль, — мягко произнес

проф, — но твое замечание справедливо. Конгрессмен, вы представляете только ваш округ. Как член правительства вы получили определенные обязанности в отношении лиц определенных профессий.

— Это одно и то же!

— Не совсем. Пожалуйста, задавайте ваши вопросы.

— Э-э-э… Хорошо, я задам. Известно ли фельдмаршалу Дэвису, что план бомбардировки полностью провалился и что на его совести тысячи бессмысленных жертв? Известно ли ему о чрезвычайно большом неудовольствии, которое высказывает по этому поводу интеллигенция нашей республики? И не может ли он объяснить, почему эта поспешная — я повторяю, поспешная! — бомбежка была предпринята без необходимых консультаций? И готов ли он изменить дальнейшие планы или будет тупо гнуть свою линию? И правда ли, что его ракеты несут атомные заряды, объявленные вне закона всем прогрессивным человечеством? И как он может ожидать, что Свободное Государство Луна примут в содружество цивилизованных народов после подобных действий?

Я взглянул на часы — с начала бомбежки про-

шло полтора часа.

— Проф, — сказал я, — вы можете мне объяснить, о чем речь?

— Извини, Мануэль, — ответил он кротко, — я намеревался… и даже обязан был начать заседание с уведомления о полученном нами сообщении. Но ты, похоже, думал, что кто-то действует за твоей спиной. В общем, так получилось. Министр говорит о выпуске новостей, полученном как раз перед твоим приходом. Информация поступила от агентства Рейтер в Торонто. Если она соответствует действительности — если! — то вместо того, чтобы принять во внимание ваши предупреждения, тысячи зрителей окружили наши цели. По-видимому, были жертвы. Сколько — пока неизвестно.

— Понятно. И что вы от меня хотите? Чтоб я взял каждого разгильдяя под ручку и отвел в сторонку? Мы ведь их предупредили.

Райт опять вмешался:

— Интеллигенция считает, что основополагающие принципы гуманизма требуют…

— Слушай, ты, пустозвон! — взорвался я. — Ты же слышал, президент сказал, что сообщение пришло только что, откуда тебе известно, что о нем думают другие?

Он побагровел:

– *Gospodin* президент! Эпитеты! Переход на личности!

— Не обзывай министра, Мануэль.

— Не буду, если и он перестанет! Разница только в том, что он выбирает слова поизящнее! А что это за чушь насчет атомных бомб? У нас их нет, и всем это прекрасно известно.

Вид у профа был озадаченный.

— Я тоже ничего не понимаю. Но так говорится в сообщении. А еще больше меня изумило то, что все мы наблюдали по видео: это же типичные атомные взрывы!

— Ясно! — Я повернулся к Райту. — Неужели ваши мозговитые друзья не сказали вам, что происходит, когда миллиарды калорий высвобождаются в долю секунды в одной точке пространства? Какая будет там температура? Какое излучение?

— Значит, вы признаете, что использовали атомное оружие?

– *Bog* мой! — Голова у меня прямо раскалывалась. — Ничего подобного я не говорил! Стукните посильнее по чему угодно — и полетят искры. Элементарная физика, известная всем, кроме интеллигенции. Мы просто высекли дьяволь-

ски крупные искры — таких еще никто не видал, — вот и все! Сильная вспышка. Жара, свет, ультрафиолет. Возможно, даже рентгеновское излучение, не знаю. Насчет гамма-излучения сильно сомневаюсь. Альфа– и бета– исключено. Произошло внезапное высвобождение механической энергии. Но атомной? Чушь собачья!

Проф спросил:

— Вы получили ответ на свой вопрос, министр Райт?

— Он просто дал повод для новых вопросов. Например, эта бомбежка выходит за рамки плана, согласованного с правительством. Вы же видели, как все были потрясены, когда на экране появились эти ужасные вспышки! А министр обороны еще заявляет, что бомбежка продолжается даже сейчас, каждые двадцать минут! Я полагаю…

Я глянул на часы:

— Только что еще одна бомба ударила по горе Шайенн.

Райт взвился:

— Вы слышали?! Слышали! Он еще кичится этим! *Gospodin* президент! Бойня должна быть прекращена немедленно!

— Слушай, ты, пусто… — начал я. — Послушайте, министр, вы всерьез считаете, что штаб

космической обороны — не военный объект? На чьей вы стороне? Луны? Или ФН?

— Мануэль!

— Мне надоел этот бред! Мне приказали сделать работу, я ее сделал. *Уберите этого пустомелю с моей шеи!*

Последовало смущенное молчание, затем кто-то тихо спросил:

— Можно внести предложение?

Проф обвел всех взглядом:

— Если у кого-то есть предложение, способное прекратить эту безобразную перепалку, я буду счастлив его услышать.

— Видимо, у нас нет достаточно полной информации о действии бомб. Мне кажется, нам следовало бы изменить двадцатиминутное расписание. Растянуть его — скажем, сделать с часовыми промежутками, а потом прервать часа на два, чтобы получить новые сообщения. Затем мы могли бы отложить бомбежку Великого Китая на двадцать четыре часа…

Почти все согласно кивали, раздалось бормотание: «Здравая мысль. Да! Не следует торопиться!»

— Мануэль? — сказал проф.

— Проф, вы же знаете ответ! — рявкнул я. — Не-

чего сваливать все на меня.

— Наверное, знаю, Мануэль… но я устал, сбит с толку и не могу его вспомнить.

— Манни, — неожиданно вмешалась Вайо, — объясни. Я тоже хотела бы, чтобы мне объяснили.

Я постарался взять себя в руки:

— Все дело в законе всемирного тяготения. Мне нужен компьютер, чтобы дать точный ответ, но следующие шесть глыб уже почти достигли цели. Самое большее, на что мы способны, — это слегка сдвинуть их с курса, но тогда они могут упасть на какой-нибудь город, жителей которого мы не предупреждали… Сбросить их в океан я не могу, слишком поздно; от горы Шайенн до побережья — тысяча четыреста километров. А предложение растянуть промежутки между бомбежками до часа — это просто глупость. Это же не капсулы метро, которые можно пускать с разной скоростью, а можно и остановить. Это просто падающие камни. Они будут падать куда-нибудь через каждые двадцать минут. Можно бить по горе Шайенн, где сейчас уже не осталось ничего живого, а можно отвести глыбу в сторону — и поубивать людей. Идея отложить бомбежку Великого Китая на двадцать четыре часа глупа

по той же причине. У нас есть еще немного времени, чтобы отправить предназначенные Китаю снаряды в другое место, но замедлить их полет нельзя. Если мы решим не бомбить Китай, эти снаряды мы потеряем, а если вы думаете, что у нас полным-полно стальных обшивок — ступайте к катапульте и поглядите своими глазами.

Проф вытер лоб:

— Думаю, на все вопросы даны ответы, которые, во всяком случае для меня, убедительны.

— Но не для меня, сэр.

— Сядьте, *gospodin* Райт. Вы заставляете меня напомнить вам, что ваше министерство не входит в состав Военного кабинета. Если вопросов больше нет — а я надеюсь, что их нет, — я объявляю заседание закрытым. Мы все нуждаемся в отдыхе. Поэтому…

— Проф!

— Да, Мануэль?

— Вы не дали мне закончить доклад. Завтрашней ночью или утром в воскресенье нам крепко достанется.

— Каким образом, Мануэль?

— Бомбежка. А возможно, высадка. Сюда идут два крейсера.

Это сработало. Проф сказал устало:

— Кабинет министров может разойтись. Военному кабинету остаться.

— Минутку, — сказал я. — Проф, когда вы вступили в должность, вы у нас всех взяли заявления об отставке без даты.

— Верно. Однако я надеюсь, что мне не придется ими воспользоваться.

— Боюсь, что все-таки придется.

— Мануэль, это угроза?

— Называйте как хотите. — Я показал на Райта. — Или уйдет этот говорун, или уйду я.

— Мануэль, тебе надо лечь и выспаться!

— Конечно надо! Я и высплюсь. Прямо сейчас! Найду здесь в Комплексе койку и захраплю. Часов на десять. А после этого, если я останусь министром обороны, вы меня разбудите. В противном случае дайте поспать подольше.

Публику, похоже, я довел до шокового состояния. Вайо встала и подошла ко мне. Не сказала ни слова, просто взяла меня под руку.

Проф заявил:

— Прошу всех удалиться, кроме Военного кабинета и *gospodin*'а Райта.

Подождал, пока большинство вышло, а потом обратился ко мне:

— Мануэль, я не могу принять твою отставку.

Но я не могу также позволить тебе толкать меня на непродуманные решения, направленные против *gospodin*'а Райта, особенно сейчас, когда мы все измучены и возбуждены. Было бы лучше, если бы вы принесли друг другу извинения, учитывая, что вы оба явно переутомились.

— Хм… — Я повернулся к Финну. — Он что — дрался? — и показал на Райта.

— А? Черта с два! Во всяком случае, не в моих частях. Что скажете, Райт? Вы сражались, когда началось вторжение?

— Не имел такой возможности, — холодно ответил Райт. — К тому времени, когда я узнал о сражении, оно уже кончилось. Но сейчас под сомнение поставили мою храбрость и мою лояльность. Я настаиваю…

— Да заткнись ты, — сказал я. — Если хочешь дуэли, так ты ее получишь сразу же, как только у меня найдется свободная минута. Проф, его поведение нельзя оправдать усталостью после битвы. А потому я не буду извиняться перед этим пустозвоном за то, что он пустозвон. А вы, по-моему, не понимаете, в чем тут дело. Вы позволили этому болтуну сесть мне на шею и даже не попытались его остановить. Поэтому либо гоните его, либо увольняйте меня.

Внезапно в разговор вмешался Финн:

— Я поддерживаю Манни, проф. Гоните этого паразита или увольняйте нас обоих. — Он поглядел на Райта. — Что касается дуэли, то сначала тебе придется драться со мной. А то у тебя две руки, а у Манни на одну меньше.

— Я его сделаю одной правой. Но все равно спасибо, Финн.

Вайо плакала — я чувствовал это, хоть и не видел. Проф с глубокой печалью в голосе спросил ее:

— Вайоминг?

— Из-з-звините, проф! Но я тоже…

Остались только «Клейтон» Ватанабэ, судья Броуди, Вольфганг, Стью и Шини — горсточка тех, что имели вес. Военный кабинет. Проф посмотрел на них; я видел, что они на моей стороне, хотя Вольфгангу пришлось сделать над собой усилие — он работал с профом, а не со мной.

Проф поглядел на меня и тихо произнес:

— Мануэль, тут есть и другая возможность. То, что ты делаешь, заставляет меня подать в отставку. — Он снова окинул всех долгим взглядом. — Спокойной ночи, камрады. Или вернее — доброго утра. Я хочу немного отдохнуть, очень устал.

И вышел быстро, не оглядываясь, Райт исчез. Я не видел, куда он девался. Финн спросил:

— Так что с этими крейсерами, Манни?

Я наконец перевел дыхание:

— Ничего не произойдет раньше вечера субботы. Но тебе придется эвакуировать Тихо-Нижний. Поговорим позже. Я уже ни черта не соображаю.

Мы договорились встретиться в двадцать один ноль-ноль, а потом я позволил Вайо увести меня. Думаю, она меня и в постель уложила, но ничего не помню.

Глава 27

На нашей встрече с Финном в офисе коменданта в пятницу около двадцати одного часа присутствовал и проф. Я проспал девять часов, принял ванну, позавтракал чем-то, что раздобыла Вайо, и поговорил с Майком. Все шло согласно уточненному плану, корабли своего курса не меняли, удар по Великому Китаю должен был состояться вот-вот.

Пришел в офис как раз вовремя, чтобы понаблюдать за бомбежкой по видео. Все о'кей, отбомбились эффективно ровно в двадцать один ноль-ноль. Проф сразу же приступил к делу. О

Райте ни слова, об отставке тоже. Райта я больше не видел.

Я хочу сказать — никогда больше не видел. И не спрашивал о нем. Проф о ссоре не вспоминал; я, естественно, тоже.

Мы обсудили последние известия и оценили тактическую ситуацию. Райт был прав, говоря о тысячах жертв, с Земли только об этом и трезвонили. Точного числа мы никогда не узнаем; если кто-то становится в точке приземления многотонной глыбы, от него даже мокрого места не останется. Подсчитали только тех, кто находился подальше и был убит взрывом. В Северной Америке их было около пятидесяти тысяч.

Разве поймешь этих людей?! Целых три дня мы только и делали, что предупреждали… и нельзя сказать, что они не слышали предупреждений: ведь именно поэтому они там и оказались. Чтобы посмотреть представление. Чтобы поиздеваться над нашей некомпетентностью. Чтобы обзавестись сувенирами. Целыми семьями отправились к объявленным целям, многие тащили с собой корзинки для пикника. Подумать только — корзинки с завтраками! *Bojemoi!*

А теперь те, что остались в живых, вопили, требуя нашей крови за «бессмысленную бойню». Да!

По поводу их собственного вторжения и бомбежки (атомной!) Луны четыре дня назад никто ни словом не возмутился, но какой они подняли хай по поводу наших «предумышленных убийств»! «Таймс» Большого Нью-Йорка требовала, чтобы все мятежное правительство Луны доставили на Землю и публично казнили: «Совершенно очевидно, что это тот случай, когда гуманное запрещение высшей меры наказания должно быть отменено во имя высших интересов всего человечества».

Я старался не думать об этом, точно так же, как заставлял себя не думать о Людмиле. Маленькая Мила не таскала за собой пикниковых корзинок. Она была не из зевак, ищущих сильных ощущений.

Главной проблемой был для нас Тихо-Нижний. Если крейсеры начнут бомбить поселения — а средства массовой информации Земли требовали именно этого, — Тихо-Нижний не выдержит: крыша у него слишком тонка. Водородная бомба вызовет мгновенную декомпрессию на всех уровнях; воздушные шлюзы не рассчитаны на попадание водородных бомб.

(И все равно не понимаю землян. На Терре существует абсолютный запрет на применение

атомного оружия против людей. За это проголосовали все нации, входящие в Федерацию. А теперь они хором вопили, призывая ФН сбросить на нас эти самые бомбы. Они прекратили врать, будто мы пустили в ход атомное оружие, но вся Северная Америка с пеной у рта требовала уничтожить водородными бомбами *нас*.)

Впрочем, лунарей я тоже не понимаю. Финн через свою милицию потребовал, чтобы Тихо-Нижний немедленно эвакуировали, проф повторил то же самое по видео. Особой проблемы тут не было: Тихо-Нижний невелик, Новолен и Луна-Сити вполне могли бы разместить и прокормить его население. Мы собирались выделить нужное количество капсул, чтобы перебросить всех жителей в Новолен, а потом уговорить половину перебраться в Луна-Сити. Работа, конечно, большая, но вполне посильная. Разумеется, возникает множество мелких проблем: надо тут же после эвакуации начать работу по сжижению воздуха — не терять же его зря; произвести полную декомпрессию, чтобы свести к минимуму ущерб; вывезти как можно больше продовольствия, пока есть время; укрепить кессоны в проходах, ведущих в нижние сельскохозяйственные туннели, и так далее. Мы знали, как это делать, и у нас

были соответствующие организации — стиляги, милиция и муниципальные службы.

Вы думаете, они начали эвакуацию? Как бы не так! Они будто оглохли. Капсулы в Тихо-Нижнем выстроились впритык друг к другу, больше некуда было впихнуть. Но ни одна так и не сдвинулась с места.

— Манни, — сказал Финн, — я не думаю, что они собираются эвакуироваться.

— Черт их раздери, — ответил я, — но им придется это сделать. Когда мы увидим, что ракета идет на Тихо-Нижний, будет уже поздно. Люди будут, давя друг друга, набиваться в капсулы, которые все равно всех не вместят. Финн, пусть твои парни их заставят.

Проф покачал головой:

— Нет, Мануэль.

Я разозлился:

— Проф, ваша проповедь ненасилия заводит вас слишком далеко. Вы же знаете, они взбунтуются.

— Что ж, значит взбунтуются. Но мы должны действовать убеждением, а не силой. Давайте посмотрим наши планы.

Планы были так себе, но все, что могли, мы предусмотрели.

Предупредить всех об ожидаемых бомбежках

и (или) вторжении. Выставить сменные посты милиционеров Финна над «крышами» каждого поселения, чтобы, когда (и если) крейсеры снова обогнут Луну и вынырнут с теневой стороны, им не удалось застать нас без штанов, как в прошлый раз. Обеспечить максимальную бдительность в отношении скафандров и поддержания давления воздуха во всех поселениях. Всем военным и полувоенным объявить состояние повышенной боевой готовности, а к шестнадцати ноль-ноль в субботу — полной боевой готовности, если крейсеры начнут маневрировать или пускать ракеты. Артиллеристов Броуди отпустить до пятнадцати ноль-ноль субботы в город, пусть там напиваются и делают что угодно, лишь бы вовремя вернулись. Это была идея профа. Финн хотел половину держать на посту, но проф сказал — нет, они будут в лучшей форме для долгой вахты, если сначала отдохнут и позабавятся; я поддержал профа.

Что касается бомбежки Терры, то никаких изменений в первый раунд мы не вносили. До нас дошли гневные отклики из Индии, и никаких — из Великого Китая. Хотя у Индии особых причин для воплей не было. Никакой бомбежки по квадратам мы для нее не предусматривали, слишком уж густо она заселена. Кроме несколь-

ких целей в пустыне Тар и в горных цепях, все остальные приходились на прибрежные воды, на некотором удалении от портов. Но, видно, следовало выбирать еще более высокие горы или меньше предупреждать; судя по сообщениям с Земли, некие святые люди повели за собой бесчисленных пилигримов, чтобы взобраться на каждый намеченный к бомбежке пик и силой духа сдержать наш мстительный удар.

И мы снова оказались убийцами. Кроме того, наши удары по воде вызвали гибель огромного количества рыбы и многих рыбаков, так как ни рыбаки, ни моряки не захотели считаться с нашими предупреждениями. Индийское правительство, казалось, пришло в бешенство больше из-за рыбы, чем из-за рыбаков, а принцип священности всякой жизни к нам, видимо, не относился — оно требовало наших голов. Африка и Европа реагировали более разумно, хотя и по-разному. Жизнь в Африке никогда не считалась священной, и те, кто отправился поглазеть на цели, не вызвали ни моря слез, ни сердечных страданий; у Европы был целый день, чтобы понять — мы попадем, куда хотим, и наши бомбежки опасны. Люди, конечно, гибли и тут, особенно из-за упрямства тупоголовых морских капитанов. Но здесь

хоть не было идиотских огромных скоплений, как в Индии или Северной Америке. Еще меньше погибших насчитывалось в Бразилии и в других странах Южной Америки.

Затем снова наступила очередь Северной Америки — в 09:50:28 в субботу 17 октября 2076 года.

Майк приурочил начало бомбежки точно к десяти ноль-ноль по нашему времени, что с учетом истекших суток и вращения Терры подставляло нам Северную Америку восточным побережьем в ноль пять, а западным — в ноль два по их местному поясному времени.

Спор о том, что делать с этими целями, начался у нас еще ранним утром в субботу. Проф не стал собирать заседание Военного кабинета, но пришли все, кроме «Клейтона» Ватанабэ, который вернулся в Конгвиль, чтобы заняться подготовкой обороны. Проф, я, Вайо, Финн, судья Броуди, Стью, Вольфганг, Теренс Шихан — восемь человек, восемь мнений. Проф был прав: если собралось больше трех человек, решение принять невозможно.

Вернее, мнений было шесть, так как Вайо держала рот на замке и проф тоже; он только старался сдерживать других. Но эти другие шумели за целых восемнадцать. Стью было все равно,

куда мы будем бить, лишь бы Нью-Йоркская биржа открылась в понедельник утром. «В четверг мы играли на понижение по девятнадцати компаниям. Если наш народ не хочет оказаться банкротом, не успев выйти из колыбели, мои распоряжения о покрытии вчерашних продаж должны быть выполнены. Скажи же им, Вольф, заставь их понять».

Броуди хотел сбивать из катапульты любой корабль, который покидает околоземную орбиту. Судья ни черта не понимал в баллистике, но зато знал, что его артиллеристы-бурильщики стоят на незащищенных позициях. Я спорить не стал, поскольку большинство наших снарядов находилось уже на дальних траекториях, скоро за ними должны были последовать все остальные, и я считал, что старой катапульте жить осталось недолго.

Шини полагал, что было бы здорово повторить бомбежку по квадратам, а один снаряд всадить точнехонько в главный офис Северо-Американского Директората. «Знаю я этих американцев, сам был американцем, пока меня сюда не выслали. Они жутко жалеют, что передали все свои права Федерации. Прихлопнем этих бюрократов, и американцы сразу перейдут на нашу сторону».

Вольфганг Корсаков, к полному неудовольствию Стью, уверял, что наши спекуляции пойдут лучше, если все биржи ценных бумаг будут закрыты до тех пор, пока все не решится окончательно.

Финн хотел идти ва-банк — потребовать от них убрать корабли с нашего неба, а если откажутся, ударить по ним всей мощью. «Шини ошибается насчет американцев. Я их тоже знаю. Северная Америка — самая прочная часть ФН. Их необходимо разбить! Они уже обозвали нас убийцами, так и врежем им как следует. Шарахнем по американским городам — и все остальные бомбежки можно будет отменить!»

Я выскользнул из комнаты, поговорил с Майком, кое-что записал. Вернулся; они все еще спорили. Проф поглядел, как я сажусь на место.

— Фельдмаршал, вы еще не высказали своего мнения.

— Проф, — сказал я, — нельзя ли обойтись без этой лажи насчет фельдмаршалов? Детишки уложены, так что можно называть вещи своими именами.

— Как хочешь, Мануэль.

— Я ждал, думал, вы все-таки придете к общему мнению. Этого не произошло. Не вижу, почему

у меня должна быть особая точка зрения. Я тут всего лишь мальчик на побегушках, и то лишь потому, что знаю, как программировать баллистический компьютер.

Я сказал это, глядя прямо на Вольфганга — прекрасного камрада, но жуткого ругателя-интеллектуала. Я обыкновенный технарь, причем не шибко грамотный, а Вольф окончил шикарную школу и Оксфорд до того, как его осудили. Он считался с мнением профа, остальных же обычно и в грош не ставил. Разве что Стью, но у Стью ведь тоже верительные грамоты что надо. Вольф неловко заерзал и сказал:

— Брось, Манни, конечно, нам важно знать твое мнение.

— А у меня его нет. План бомбардировки тщательно обсуждался, у всех была возможность его критиковать. Не вижу причины менять его.

— Мануэль, — проговорил проф, — думаю, всем нам будет полезно послушать, если ты расскажешь в общих чертах о плане второй бомбардировки Северной Америки.

— О'кей. Главная цель второго удара — заставить их израсходовать ракеты-перехватчики. Каждый наш снаряд нацелен на большие города, вернее сказать, на пустыри вблизи больших

городов. О чем мы и сообщим незадолго до бомбежки… когда, Шини?

— Мы уже сообщаем. Но еще можем все изменить. И должны.

— Посмотрим. Пропаганда не мое дело. В большинстве случаев, чтобы влепить поближе к городу и спровоцировать перехват, мы выбираем водные цели. А это крутой вариант: мало того что гибнет рыба и те, кто не хочет вылезать из воды, — там возникают еще жуткие местные штормы и разрушения береговой линии.

Я глянул на часы. Надо бы еще потянуть время.

— Сиэтл получит глыбу в Пьюджет-Саунд, прямо в коленки. Сан-Франциско потеряет два своих любимых моста. Лос-Анджелес получит один удар между Лонг-Бичем и Каталиной, а второй в нескольких километрах от берега. От Мехико-Сити до моря далеко, поэтому врежем прямо в Попокатепетль, чтобы всем видно было. В Солт-Лейк-Сити плюхнем глыбу в озеро. Денвер пропустим — пускай наблюдают за Колорадо-Спрингс: там мы будем лупить по горе Шайенн, пока не сотрем ее в порошок. Сент-Луис и Канзас-Сити схлопочут по камешку в свои реки, Новый Орлеан тоже; возможно наводнение. Все города Великих озер тоже получат свое — список

длинный. Читать?

— Может быть, потом, — отозвался проф. — Продолжай.

— Бостону дадим прямо по гавани, Нью-Йорку бросим гостинчик в пролив Лонг-Айленд и еще один между самыми большими мостами; полагаю, мосты рухнут, но мы обещали стрелять мимо них и обещание выполним. Ниже по восточному побережью займемся двумя городами в заливе Делавер, потом двумя в Чесапикском заливе. Один из них — настоящий исторический памятник, а потому отношение к нему исключительно сентиментальное. Еще южнее шарахнем по трем большим городам в прибрежные воды. Подальше от побережья врежем по Цинциннати, Бирмингему, Чаттануге, Оклахома-Сити — все это по рекам или горам. Ах да, Даллас! Мы разрушим космопорт Далласа, попробуем гробануть их корабли. Там было шесть штук, когда я проверял в последний раз. Кровопролития не будет, разве что кто-нибудь захочет постоять на взлетном поле. Даллас — отличное место для бомбежки. Космопорт там огромный, плоский и пустой, а зрителей в городе не меньше десяти миллионов — пусть полюбуются, зрелище будет захватывающим.

— Если, конечно, попадешь, — заметил Шини.

— «Когда», а не «если». Каждый удар дублируется часом позже. Если и второй камешек не пройдет, у нас есть в запасе другие, которые можно переориентировать. Например, очень легко поменять цели в группе городов Делаверского и Чесапикского заливов. То же самое и с Великими озерами. А для Далласа у нас в запасе длинная очередь снарядов: он наверняка защищен неслабо. Запасные глыбы будут поступать все шесть часов, пока Северная Америка не скроется из виду… а последние мы можем перенацелить куда угодно, поскольку чем дальше снаряд от Земли, тем дальше можно отвести его от первоначальной цели.

— Этого я не понял, — сказал Броуди.

— Тут все зависит от векторов, судья. Направляющая ракета может придать скорости снаряда боковой вектор на столько-то метров в секунду. Чем дольше действует этот вектор, тем больше снаряд отклоняется от первоначальной цели. Если мы дадим направляющей ракете сигнал за три часа до приземления, то точка, в которую попадет снаряд, сместится втрое сильнее, чем при сигнале, данном за час до попадания. Конечно, это не так просто, но нашему компьютеру вполне

по силам все рассчитать — если дать ему время, разумеется.

— И сколько же ему нужно времени? — спросил Вольфганг.

Я сделал вид, что не понял вопроса:

— Компьютер может решать задачи такого рода почти мгновенно после ввода программы. Но программа должна быть составлена заранее. Ну, например: если три цели группы А, Б, В и Г не удалось поразить первым и вторым залпами, вы перенацеливаете вторую очередь запасных снарядов группы один так, чтобы поразить эти три цели, одновременно перераспределяя оставшиеся запасные снаряды второй очереди этой группы для возможного использования их в группе два и передвигая третью очередь запасных снарядов супергруппы «Альфа» таким образом, чтобы…

— Хватит! — сказал Вольфганг. — Я все-таки не компьютер. Я только хочу знать, сколько у нас времени, чтобы изменить решение.

— Понял. — Я демонстративно долго изучал циферблат. — У нас есть… три минуты пятьдесят восемь секунд, чтобы отвести от цели глыбу, предназначенную для Канзас-Сити. Программа в компьютер введена, и там у меня есть отличный помощник — парень по имени Майк, он готов ее

запустить. Позвонить ему?

— Ради бога, Манни; отведи глыбу! — крикнул Шини.

— Черта с два! — сказал Финн. — Что с тобой, Теренс? Сдрейфил?

— Камрады, спокойствие! — вмешался проф.

— Послушайте. Я принимаю приказы от главы государства: вот этого самого профа. Если он захочет знать ваше мнение, он спросит. И не надо орать друг на друга. — Я снова взглянул на часы. — Есть еще две с половиной минуты. Для других целей запас времени побольше, конечно, но Канзас-Сити расположен слишком далеко от глубоких вод. Хотя для некоторых городов на Великих озерах время тоже истекло, в лучшем случае что-то еще можно сделать для Верхнего озера. У Солт-Лейк-Сити есть дополнительная минута. А потом будет поздно.

— Устное голосование, — тихо произнес проф. — За выполнение программы. Генерал Нильсен?

– *Da!*

— Госпожа Дэвис?

– *Da*. — У Вайо перехватило дыхание.

— Судья Броуди?

— Да, конечно. Обязательно.

— Вольфганг?

— Да.

— Граф Лажуа?

– *Da*.

– *Gospodin* Шихан?

— Что ж, теряем возможность заключить интересное пари. Но я — как все. Единогласно.

— Минуту… Мануэль?

— Решаете вы, проф. И всегда так было. Голосовать просто глупо.

— Я знаю, что решение принадлежит мне, *gospodin* министр. Бомбардировку начать согласно плану.

Большинство целей удалось поразить уже со второго залпа, хотя все они были защищены, кроме Мехико-Сити. Было похоже (вероятность 98,3 процента, как потом вычислил Майк), что перехватчики взрывались по сигналу радара на заданных расстояниях, но земные вояки недооценили прочности наших каменных цилиндров. Уничтожено было всего три глыбы, остальные просто отклонились от заданного курса и поэтому принесли вреда куда больше, чем если бы в них не стреляли.

Нью-Йорк оборонялся неплохо, Даллас — еще лучше. Очевидно, сказалась разница в уровне

местного управления перехватом, так как весьма сомнительно, чтобы центральный штаб на горе Шайенн еще функционировал. Может, мы и не раздолбали нору, в которую этот штаб зарылся (на какую глубину — понятия не имею), но готов спорить на что угодно, что ни люди, ни компьютеры вести наблюдения там не могли.

Даллас взорвал или столкнул с курса первые пять камешков, поэтому я попросил Майка взять все, что можно, с горы Шайенн и презентовать Далласу… что мы и сделали двумя залпами позже, ибо расстояние между целями было меньше тысячи километров. Следующий залп сокрушил оборону Далласа. Майк саданул по космопорту еще тремя снарядами (предназначенными по плану), а затем вернулся к штабной горе и выдал ей положенную порцию с наклейкой «Шайенн». Он все еще расточал этой потрепанной горной вершине любовные шлепки, когда Америка исчезла за восточным краем Терры.

Пока шла бомбардировка, я не отходил от Майка, поскольку знал, что она будет самой сильной и тяжелой. Он сделал перерыв до того часа, когда настанет очередь выбить пыль из Великого Китая, и сказал мне задумчиво:

— Ман, я не думаю, что нам стоит снова бить

по этой горе.

— Почему, Майк?

— А там больше никакой горы нет.

— Ну что ж, переключи ее камешки на другие цели. Когда надо принимать решение?

— Я могу перенацелить их на Альбукерке и на Омаху, но лучше сделаю это сегодня — завтра будет трудный день. Ман, мой лучший друг, тебе придется уйти.

— Я тебе надоел, дружище?

— Тот первый крейсер уже через несколько часов сможет выпустить свои ракеты. Когда это произойдет, я передам весь баллистический контроль «Давидовой праще», и хорошо, если к тому времени ты уже будешь в Океане Бурь.

— Чего ты опасаешься, Майк?

— Этот малыш очень пунктуален, Ман. Но глуп. Я хочу, чтоб за ним приглядывали. Возможно, решения придется принимать в спешке, а там нет никого, кто сможет запрограммировать его как надо. Ты должен быть там.

— Ладно, как скажешь, Майк. Но если он нуждается в быстром программировании, мне все равно придется звонить тебе по телефону.

Несовершенство компьютеров кроется не в природе компьютера, а в человеческой природе:

программисту нужно много времени, порой даже несколько часов, чтобы составить программу, которую компьютер выполнит за несколько миллисекунд. Одним из лучших качеств Майка было умение самопрограммироваться. И притом быстро. Надо было лишь объяснить ему суть проблемы, а дальше он действовал сам. Точно так же, четко и быстро, гораздо быстрее любого специалиста, он программировал своего «сыночка-идиота».

— Но, Ман, я же потому и хочу, чтобы ты был там: потому что, возможно, дозвониться до меня тебе не удастся. Не исключено, что линии связи будут повреждены. На этот случай я подготовил пакет программ для «младшенького»; возьми, может, пригодятся.

— О'кей. Распечатай их. И соедини меня с профом.

Майк соединил. Я удостоверился, что проф один, а затем объяснил ему, чего хочет от меня Майк. Думал, проф начнет возражать, надеялся, он настоит на моем присутствии здесь на время предстоящей бомбежки (или вторжения, или еще чего-то) с подлетающих кораблей. Вместо этого он сказал:

— Мануэль, жизненно важно, чтобы ты ехал. Я

колебался, говорить ли тебе об этом. Ты разговаривал с Майком о наших шансах?

– *Nyet*.

— А я все время консультировался. Грубо говоря, если Луна-Сити будет разрушен и я погибну и погибнет наше правительство, а радарные глаза Майка ослепнут и сам он окажется отрезанным от новой катапульты — а при суровой бомбежке все может быть, — даже если все это произойдет одновременно, Майк тем не менее дает Луне равные шансы на победу, но при условии, что «Давидова праща» будет действовать, и именно под твоим руководством.

Я сказал:

– *Da*, босс. Как прикажете, хозяин. Вы с Майком просто жмоты, весь кайф хотите сами словить. Будь по-вашему.

— Очень хорошо, Мануэль.

Я пробыл с Майком еще целый час, пока он метр за метром печатал программы, приготовленные для другого компьютера, — работа, которая у меня заняла бы месяцев шесть, даже если допустить, что я сумел бы продумать все возможные варианты. Майк все проиндексировал и просчитал с учетом таких ужасов, о которых мне даже сейчас говорить неохота. Скажем, при каких об-

стоятельствах может возникнуть необходимость разбомбить, к примеру, Париж и какие снаряды для этого следует переориентировать на какие траектории, как отдать «младшенькому» приказ найти их и навести на цель. И так по всем позициям.

Я как раз просматривал этот бесконечный документ — не тексты программ, а заголовки с описанием их целевого назначения, когда позвонила Вайо:

— Манни, милый, проф сказал тебе о поездке в Океан Бурь?

— Да. Я собирался позвонить тебе.

— Хорошо. Я уложу наши вещи и буду ждать тебя на станции «Восточная». Когда ты туда доберешься?

— «Наши»? Ты что, тоже едешь?

— А проф тебе не говорил?

— Нет.

Я вдруг ужасно обрадовался.

— Я чувствую себя виноватой, милый. Мне очень хотелось поехать с тобой… но не было повода. Толку-то от меня при работе с компьютерами никакого, а здесь у меня есть обязанности. Вернее, были. Но теперь меня турнули со всех постов и тебя тоже.

— Чего?!

— Ты больше не министр обороны. Вместо тебя Финн. Ты теперь заместитель премьер-министра…

— Ну, знаете!

— …и заместитель министра обороны. Я — заместитель спикера, а Стью стал заместителем министра иностранных дел. Он едет вместе с нами.

— Ничего не понимаю.

— Все это не так внезапно, как кажется. Проф с Майком разработали этот план еще месяц назад. Децентрализация, милый, — то же, над чем Макинтайр трудится для поселений. Если с Луна-Сити произойдет несчастье, у Свободного Государства Луна все равно сохранится правительство. Как сказал мне проф: «Вайо, моя дорогая леди, пока живы вы трое и еще хоть несколько конгрессменов, не все потеряно. Вы сможете вести переговоры на равных и сумеете скрыть полученные нами раны».

Итак, я отправился в путь в качестве компьютерного наладчика. Стью и Вайо встретили меня с багажом (включавшим мои запасные руки), и мы двинулись в скафандрах по бесконечным безвоздушным коридорам на маленькой роликовой

платформе, на которой к катапульте подвозили сталь. Грег послал за нами большой луноход, мы потряслись по поверхности, снова спустились в туннели и попали в Греговы объятия.

Вот так я и пропустил атаку на баллистические радары, которая произошла в субботнюю ночь.

Глава 28

Капитан крейсера ФН «Эсперанс» был мужик рисковый. Поздним вечером в субботу он внезапно изменил курс и пошел прямо на нас. Видимо, понял, что мы можем затеять чехарду с радарами, и вознамерился подойти поближе, чтобы увидеть наши радарные установки с помощью корабельного локатора, а не пускать свои ракеты по нашим лучам.

Похоже, он решил рискнуть собой, кораблем и командой, так как спустился до тысячи километров и лишь тогда выдал залп по пяти из шести наших радаров, совершенно игнорируя систему помех, которую они создавали. Майк, ожидавший, что его сейчас ослепят, отдал команду ребятам Броуди выжечь глаза кораблю, а через три секунды развернул стволы на ракеты. Результат: один крейсер разбит вдребезги, два

баллистических радара уничтожены ракетами с ядерными боеголовками, три ракеты «убиты», убиты также два артиллерийских расчета — один попал под ядерный взрыв, на другой свалилась уже «мертвая» ракета… И еще тринадцать артиллеристов получили радиационные ожоги свыше восьмисот рентген каждый — то есть смертельные дозы — частично от взрывов, частично от слишком долгого пребывания на поверхности. Я должен добавить: с этими расчетами погибли четыре девушки из «Отряда Лисистраты»; они предпочли надеть скафандры и выйти на поверхность со своими мужчинами. Другие девочки получили сильные радиационные ожоги, но до восьмисот рентген не добрали.

Второй крейсер продолжал идти по эллиптической орбите, обогнул Луну и скрылся из поля зрения.

Все это я узнал от Майка уже после того, как мы утром в воскресенье прибыли на «Давидову пращу». Он оплакивал потерю своих двух глаз, а еще больше — гибель двух артиллерийских расчетов. Думаю, у Майка появилось что-то вроде человеческой совести: он винил себя в том, что не смог одновременно взять все шесть целей. Я попросил его не забывать, что ему пришлось сражаться им-

провизированным оружием, недальнобойным и несовершенным.

— А как ты, Майк? С тобой-то все в порядке?

— В основном да. Есть кое-какие периферийные обрывы. Одна ракета отрезала линию связи с Новым Ленинградом, но, судя по сообщениям из Луна-Сити, тамошний центр управления справился удовлетворительно и сильных сбоев в городском обслуживании не было. Эти обрывы действуют мне на нервы, но пока придется потерпеть.

— Знаешь, Майк, мне почему-то кажется, что ты устал.

— Устал? Я? Ты шутишь! Ман, ты, похоже, забыл, кто я такой. Я раздражен, вот и все.

— Когда этот второй корабль вновь окажется в поле зрения?

— Если останется на прежней орбите — часа через три. Но думаю, он поступит иначе. Вероятность свыше девяноста процентов. Я ожидаю его через час.

— Гаррисонова орбита, да? Ну-ну!

— Он ушел из зоны видимости курсом тридцать два на северо-восток. Это тебе что-нибудь говорит, Ман?

Я попробовал зрительно представить себе си-

туацию:

— Мне кажется, он собирается пойти на посадку и захватить тебя, Майк. Ты Финну сообщил? Я хочу сказать, велел ли ты профу предупредить Финна?

— Проф знает. Но я сделал совсем другие выводы.

— Вот как? Намекаешь, что мне лучше заткнуться и не мешать тебе работать?

Так я и сделал. Ленора принесла мне завтрак, пока я осматривал «младшенького»; стыдно сказать, но мне трудно было заставить себя горевать о потерях, когда Вайо и Ленора были поблизости. Ма отправила Ленору сюда «подкормить» Грега сразу же после смерти Милы. Это был не более чем предлог, поскольку на катапульте хватало женщин, чтобы обеспечить домашней кормежкой всех. Просто Ма хотела морально поддержать и Грега, и Ленору — Ленора ведь была очень близка с Людмилой.

«Младшенький», казалось, был в полном порядке. Сейчас он трудился над Южной Америкой, посылая туда глыбу за глыбой. Я остался в радарной рубке, наблюдая при максимальном увеличении, как он всадил камешек в эстуарий между Буэнос-Айресом и Монтевидео; даже Майк

и тот не мог быть точнее. Затем проверил его программу для Северной Америки, но придраться было не к чему, так что я закрыл файл и нажал на «старт». «Младшенький» справлялся самостоятельно — если только Майк не разобрался со своими проблемами и не взял управление на себя.

Потом я сел и попытался поймать передачи с Земли и из Луна-Сити. По кабелю, соединявшему новую катапульту с Луна-Сити, шли все наши телефонные разговоры, контакты Майка с его «сыночком-идиотом», радио и видео; мы больше не сидели в изоляции. Кроме того, у нас были антенны, направленные прямо на Терру, так что любые программы, которые принимал Комплекс, мы могли получать напрямую. Роскошь отнюдь не лишняя — радио и видео с Земли служили единственным развлечением для строителей катапульты, а для нас теперь стали запасным вариантом на случай, если кабель будет оборван. Официальный ретрансляционный спутник ФН объявил, что баллистические радары Луны разбиты и теперь мы бессильны. Интересно, что думали об этом жители Буэнос-Айреса и Монтевидео? Впрочем, возможно, они были слишком заняты, чтобы слушать: залпы по водным целям

доставили хлопот не меньше, а то и больше, чем взрывы на суше.

Видеоканал «Лунатика» передавал из Луна-Сити выступление Шини, который сообщал лунарям результаты атаки крейсера «Эсперанс», повторяя уже известные детали и предупреждая, что битва не окончена, что боевой корабль может в любую минуту показаться на нашем небе, что надо быть готовыми ко всему, что всем необходимо оставаться в скафандрах (Шини и сам был в скафандре, только с открытым шлемом) и тщательно соблюдать меры предосторожности в отношении воздухоснабжения. Всем подразделениям, сказал он, приказано находиться в состоянии боевой готовности, а прочим гражданам настоятельно рекомендуется оставаться на самых нижних уровнях и пребывать там, пока все не кончится. Ну и так далее…

Он повторял все это по несколько раз… и вдруг резко оборвал начатую фразу:

— Срочное сообщение! Вражеский крейсер обнаружен радаром; идет низко и на большой скорости. Возможна посадка возле Луна-Сити. Срочное сообщение! Крейсер выпустил ракеты, они нацелены на выходной конец катапуль…

Звук и изображение исчезли.

Расскажу о том, о чем мы в «Давидовой праще» узнали гораздо позже: второй крейсер разогнался, вышел на самую низкую и крутую траекторию, какую позволяла лунная гравитация, и начал бомбить выходной конец старой катапульты — в ста километрах от ее головы и сосредоточенных там пушек-буров. Бомбил целую минуту и разнес несколько секций катапульты, пока наконец не попал в зону убойного огня артиллеристов. Думаю, он считал себя в безопасности. Но просчитался. Ребята Броуди выжгли ему глаза и отрубили уши. После этого он сделал еще виток и разбился возле Торричелли, явно пытаясь совершить посадку, так как его дюзы заработали перед самым крушением.

Следующие новости, полученные нами на новой катапульте, были уже с Земли. Нахальная станция ФН объявила, что катапульта разрушена (правда) и что с угрозой бомбежек с Луны покончено (вранье), и призвала лунарей арестовать своих лжелидеров и сдаться на милость Федерации Наций (каковой — я имею в виду милость — не существует в природе).

Послушал, снова проверил программу и отправился в темную радарную рубку. Если все идет по плану, то в ближайшие минуты мы снесем

еще одно яичко в Гудзон, а затем в течение трех часов будем поочередно долбить цели по всему континенту. Поочередно потому, что «младшенький» еще не умел наносить удары одновременно. Майк, соответственно, все и запрограммировал. Река Гудзон получила удар точно по расписанию. Любопытно, подумал я, сколько нью-йоркцев слушали передачу ФН, одновременно наблюдая свидетельство ее лживости?

Двумя часами позже станция ФН заявила, что мы, темные лунари, имели на орбите запас снарядов, но после того, как эти немногочисленные снаряды приземлятся, бомбежек с Луны больше не будет.

Когда третья бомбежка Северной Америки подошла к концу, я выключил радар. Ему ни к чему работать непрерывно; «младшенький» был запрограммирован «выглядывать» лишь тогда, когда это действительно необходимо, и всего на несколько секунд.

Теперь у меня было целых девять часов до повторной бомбардировки Великого Китая.

Но времени для решения самого важного вопроса осталось гораздо меньше. А вопрос заключался в том, стоит ли снова бить по Великому Китаю. Без необходимой информации — если, конечно,

не считать той, что поступает из земных источников. А она может быть ложной. Черт побери. Я даже не знаю, бомбили наши поселения или нет. Не знаю, жив ли проф или погиб. Дважды черт побери. Кто я сейчас — временный премьер-министр? Мне необходим проф! Быть главой правительства — не мой стакан *chai*. А больше всего мне нужен Майк: чтобы взвесить факты, оценить степень неопределенности, рассчитать вероятные результаты того или иного курса. Клянусь, я даже не знал, идут на нас корабли или нет, хуже того, я боялся выглянуть, чтобы узнать. Если включить радар и заставить «младшенького» пошарить по небу, то любой крейсер, задетый лучом, засечет наш радар быстрее, чем мы его. Ведь боевые корабли строятся специально с расчетом обнаруживать радарное наблюдение. Так, во всяком случае, я слыхал. Черт возьми, я же не военный, я всего лишь компьютерный техник, который случайно залез на чужую делянку.

Кто-то позвонил в дверь. Я встал и открыл. Это была Вайо с чашкой кофе. Она ничего не сказала, только подала чашку и вышла.

Я принялся за кофе. Вот так-то, парень, все оставили тебя одного, надеясь, что ты им вытащишь из кармана какое-то чудо. А я чудес делать не

умею.

Откуда-то из дней моей юности я услыхал слова профа: «Мануэль, если не знаешь, как решить проблему, решай ту ее часть, которая тебе более или менее понятна, а потом начинай думать заново». Он учил меня вещам, в которых сам не так уж и разбирался, — например, математике, — но научил кое-чему куда более важному: основным принципам.

И меня осенило, что надо делать в первую очередь.

Я пошел к «младшенькому» и попросил его распечатать ожидаемые последствия ударов всех камешков, что болтались сейчас на орбитах. Это не составляло для него труда, так как было заложено в программу, которую он мог выполнять в фоновом режиме. Пока он печатал, я отыскал кое-какие альтернативные программы, подготовленные для меня Майком и записанные на длинном рулоне.

Некоторые из них я ввел в компьютер. Дело нехитрое — просто надо было правильно их прочесть и избежать ошибок при вводе. Заставил «младшенького» распечатать их заново для проверки, прежде чем дать сигнал выполнять. Когда я закончил, минут через сорок, каждый

камешек на траекториях, нацеленных на внутренние части континента, был переадресован на прибрежные города — с тем ограничением, что для удаленных от Земли снарядов выполнение команды было отложено. Но если я не отменю ее, «младшенький» перенацелит их, когда настанет предельный срок.

Время перестало давить на меня такой гнетущей тяжестью: теперь я мог сбросить любой из этих снарядов в океан буквально за несколько минут до удара. Наконец-то можно спокойно сесть и раскинуть мозгами. Что я и сделал.

А затем созвал свой «военный кабинет»: Вайо, Стью и Грега — моего «командующего вооруженными силами». Мы собрались в офисе Грега. Леноре разрешили входить и выходить, приносить нам кофе и еду, а остальное время сидеть да помалкивать. Ленора — женщина разумная и знает, когда надо держать язык за зубами.

Разговор начал Стью:

— Мистер премьер-министр, я думаю, Великий Китай в этот раз бомбить не надо.

— Обойдемся без громких титулов, Стью. Может, я и выполняю обязанности премьера, а может, и нет. Но для формальностей у нас нет времени.

— Хорошо. Могу я обосновать свое предложение?

— Погоди минутку. — Я объяснил, каким образом мне удалось немного выиграть время.

Стью кивнул и промолчал.

— Наша главная трудность в том, что у нас нет связи ни с Луна-Сити, ни с Землей. Грег, как там ремонтная бригада?

— Еще не вернулась.

— Если обрыв кабеля произошел вблизи Луна-Сити, они вернутся не скоро. Если вообще смогут отремонтировать. Поэтому давайте исходить из того, что нам придется действовать самостоятельно. Грег, у тебя есть электронщик, способный собрать радиопередатчик для связи с Землей? С ее спутниками, я хочу сказать. Это ведь не так трудно, антенна у нас есть. Я могу помочь, да и тот компьютерный техник, которого я к тебе послал, не такой уж неумеха.

(Честно говоря, в обычной электронике он разбирался вполне прилично: тот самый бедолага, на которого я возвел напраслину, будто он позволил мухе забраться в кишки Майка. Потом я сам пристроил его сюда.)

— Гарри Бигс — наш главный мастер на силовой установке — может соорудить что угодно, — ска-

зал Грег рассудительно, — если, конечно, у него будут детали.

— Сажай его за работу. Можешь раскурочить все, кроме радара и компьютера, когда запустим все снаряды на орбиту. Сколько их у тебя?

— Двадцать три. Больше стали нет.

— Значит, давай все двадцать три, пан или пропал. Я хочу, чтоб их немедленно подготовили к запуску. Возможно, мы швырнем снаряды в космос уже сегодня.

— Они уже готовы. Мы загружаем их с такой же скоростью, с какой катапульта выплевывает.

— Отлично. Еще одно… Я не знаю, есть ли в небе крейсеры ФН и сколько их. И боюсь смотреть. То есть радаром искать боюсь. Если начнем шарить по небу лучом, они вмиг обнаружат нашу позицию. Нам до зареза нужны наблюдатели. Ты можешь найти добровольцев для визуального наблюдения, освободив их от работы?

— Я пойду, — сказала Ленора.

— Спасибо, солнышко. Твое предложение принято.

— Мы найдем других добровольцев, — сказал Грег. — Не женское это дело.

— Пусть идет, Грег. Это общее дело.

Я объяснил, что мне нужно. В Океане Бурь

сейчас темная половина месяца. Солнце село. Невидимая граница между солнечным светом и тенью Луны проходит над нами в строго определенном месте. Перемещаясь по небу, крейсер будет неожиданно как бы вспыхивать, двигаясь на запад, и гаснуть, двигаясь на восток. Видимая часть орбиты будет идти от горизонта до какой-то точки в небе. Если группа наблюдателей определит обе точки — одну по компасу, другую по звездам — и приблизительное время в секундах, «младшенький» сможет начать вычисления, а за два прохода определит и период, и приблизительную форму орбиты. Тогда я наконец получу представление о том, когда можно без опаски пользоваться радаром, радио или катапультой, — нам вовсе ни к чему выстреливать снаряд, когда корабль ФН висит над горизонтом, а его радары, возможно, направлены в нашу сторону.

Может быть, я чересчур осторожничал, но я обязан был исходить из предположения, что новая катапульта, ее единственный радар и две дюжины снарядов — это все, что стоит между Луной и ее полным разгромом; весь наш блеф основывался на том, что земляне не знали, где и что у нас для них приготовлено. Им должно казаться, будто мы в состоянии бесконечно лупить по Тер-

ре своими глыбами, а откуда они берутся, пусть гадают до посинения. Тогда, впрочем как и теперь, большинство лунарей ничего не смыслили в астрономии: мы же пещерные жители, мы на поверхность вылезаем только в случае необходимости. Но нам повезло. В команде Грега оказался астроном-любитель, парень, который работал в Ричардсоне. Я объяснил ему все, назначил старшим и предоставил ему самому беспокоиться о том, как обучить команду наблюдателей разбираться в звездах. Запустил, стало быть, процесс и вновь вернулся на толковище.

— Ну, Стью? Так почему же больше не надо бомбить Великий Китай?

— Я все еще жду сообщения от доктора Чаня. Я получил от него одну весточку незадолго до того, как нас отрезало от других городов.

— Черт возьми, почему же ты мне не сказал?

— Я пытался, но ты заперся. А я не такой дурак, чтоб соваться под руку, когда ты занят баллистикой. Вот перевод текста. Сообщение адресовано «ЛуНоГоКо» с пометкой, что это лично для меня от парижского агента. «Наш торговый представитель в Дарвине…» — то есть Чань — «сообщает, что ваши поставки…» — ну, это код, естественно… дальше он перечисляет дни атаки, хотя для

конспирации упоминает июнь, — «были плохо упакованы, что вызвало нежелательные потери. Если не произойдет изменений, переговоры о долгосрочном контракте окажутся под серьезной угрозой».

Стью поднял глаза от депеши.

— Все это условные фразы. Как я понимаю, доктор Чань считает, что подготовил свое правительство к переговорам, но мы должны прекратить бомбежку Великого Китая, иначе все пойдет насмарку.

Я встал и прошелся по комнате. Спросить мнение Вайо? Никто не знает достоинств Вайо лучше меня… но она часто колеблется между яростью и чисто человеческим состраданием, а я уже усвоил, что «глава государства», даже временный, не может себе позволить ни того ни другого. Спросить Грега? Грег прекрасный фермер, еще лучший механик и прирожденный проповедник. Люблю его всем сердцем, но его мнение меня мало интересует. Стью? Его мнение я уже слышал.

А слышал ли?

— Стью, каково твое мнение? Не мнение Чаня, а твое собственное?

Стью задумался.

— Затрудняюсь ответить, Манни. Я не китаец, я

провел в Великом Китае слишком мало времени, так что не могу считаться экспертом в их политике и психологии. Поэтому я вынужден опираться на его мнение.

— Хм… черт, но он же не лунарь! Его цели — не наши цели. Что он рассчитывает с этого поиметь?

— Я думаю, цель его маневров — монополия на торговлю с Луной. Может быть, базы у нас. Возможно, создание экстерриториального анклава. Это не значит, что мы дадим ему все эти привилегии.

— Почему же, может, и дадим, если прижмут.

— Он ничего такого сам не говорил. Чань вообще говорит мало, сам знаешь. Он в основном слушает.

— Это-то я хорошо запомнил.

Я был встревожен, и чем дальше, тем больше. В комнате глухо бубнило радио: я попросил Вайо послушать передачу с Земли, пока буду занят с Грегом.

— Вайо, родная, есть что-нибудь новенькое?

— Нет. Все одно и то же. Нас разгромили наголову, и наша капитуляция ожидается с минуты на минуту. Ах да, зачитали предупреждение, что какое-то количество снарядов все еще болта-

ется в космосе, хотя Луна и потеряла над ними контроль, и тут же заверили, что их траектории будут вычислены и жителей успеют известить, чтобы они покинули опасные зоны.

— А есть какие-нибудь намеки на то, что проф — или кто-то другой в Луна-Сити — поддерживает контакт с Землей?

— Ровным счетом ничего.

— Дьявольщина! А из Великого Китая ничего нет?

— Нет. Отклики почти со всех континентов. Только не из Китая.

— Хм-м… — Я высунулся в коридор. — Грег! Эй, друг, посмотри, нет ли где Грега Дэвиса! Он мне нужен.

Закрыл дверь.

— Стью, мы не станем облегчать жизнь Великому Китаю.

— Вот как?

— Да, не станем. Если бы Великий Китай решился разорвать противостоящую нам коалицию, это было бы замечательно и сильно уменьшило бы наши потери. Но нам удалось заставить их задуматься только потому, что мы внушили им, будто можем лупить по Земле сколько захотим и в состоянии уничтожить любой корабль, ко-

торый они вздумают выслать против нас. Во всяком случае, я надеюсь, что тот, последний, тоже подбили. А если и нет, то восемь из девяти мы раздраконили точно. И мы ничего не добьемся, если покажем слабину, во всяком случае не теперь, когда ФН заявляет, что мы не просто выдохлись, а чуть ли не сдохли. Мы преподнесем им кое-какие сюрпризы. И начнем именно с Великого Китая, а если это огорчит доктора Чаня, дадим ему тряпочку, пусть в нее порыдает. Если мы сумеем продемонстрировать свою силу — в то время как ФН утверждает, что мы разбиты, — тогда одна из держав, обладающих правом вето, может отколоться. Не Великий Китай, так какая-нибудь другая.

Стью поклонился, не вставая:

— Как прикажете, сэр.

Вошел Грег:

— Я тебе нужен, Манни?

— Как дела с передатчиком для Земли?

— Гарри говорит, завтра будет готово. Говорит, передатчик не ахти, но если дать ему сколько-нибудь ватт, нас должны услышать.

— Ладно, энергия у нас есть. И раз он говорит «завтра», значит он уже знает, как эту штуку соорудить. Поэтому мы получим ее сегодня. Скажем,

часов в шесть. Вайо, родная, ты не притащишь мои руки? Мне нужны номер шесть и номер три; впрочем, захвати номер пять тоже. А потом останешься со мной, будешь менять мне руки. Стью, я хочу, чтобы ты написал несколько едких заявлений — идея в них будет моя, уксус твой. Грег, мы не будем запускать все камешки в космос разом. Те, что сейчас в полете, приземлятся в течение ближайших восемнадцати-девятнадцати часов. Затем, когда ФН объявит, что камнепад окончен и угроза миновала, мы влезем в их выпуск новостей и предупредим о новой бомбежке. На самых коротких траекториях, Грег, часов этак на десять, даже меньше. Так что проверь катапульту, атомную установку, систему управления; во время этого суперзалпа все должно быть тип-топ.

Вернулась Вайо с руками. Я сказал ей:

— Номер шесть, — и добавил: — Грег, веди-ка меня к Гарри.

* * *

Через шесть часов передатчик для трансляции на Землю был готов. Страшненький такой, сляпанный в основном из частей, снятых с резонансного искателя, которым пользовались, когда начинали строить катапульту. Но звуковой

сигнал на его рабочей частоте вполне можно было послать, к тому же весьма мощный. Мои обращения, в которые Стью подпустил яда, записали на пленку, и Гарри готовился послать их в сверхскоростном режиме — все земные спутники могли принимать передачи на скорости шестьдесят к одному, а мы не хотели, чтобы наш передатчик работал хоть на несколько секунд дольше необходимого. Визуальное наблюдение подтвердило наши опасения: по меньшей мере два корабля крутились на орбитах вокруг Луны. Поэтому мы сообщили Великому Китаю, что все его прибрежные города получат подарочек с Луны в свои воды не дальше десяти километров от берега: Пусан, Циндао, Тайбэй, Шанхай, Сайгон, Бангкок, Сингапур, Джакарта, Дарвин и другие, исключая Гонконг, где удар будет нанесен прямо по зданию Дальневосточной штаб-квартиры ФН, так что мы просим, чтобы в этом районе не было ни одного человека. Стью добавил, что понятие «человек» не распространяется на персонал ФН, которому, напротив, настоятельно рекомендуется оставаться на рабочих местах.

Индия получила аналогичное предупреждение насчет прибрежных городов. Мы сообщили, что бомбежка главной штаб-квартиры ФН откла-

дывается еще на один оборот земного шара из уважения к культурным памятникам Агры, а также для того, чтобы дать возможность жителям города эвакуироваться. (Я намеревался потом продлить срок еще на один оборот, исключительно ради профа. А затем еще на один, и так до бесконечности. Угораздило же их построить свою главную контору рядом с самой выпендрежной гробницей в мире, да к тому же любимицей профа!)

Остальным зрителям мы велели оставаться на своих местах; матч продолжается, будут сделаны дополнительные броски. Пусть только держатся подальше от любых офисов ФН, где бы они ни находились; у нас на них большой зуб, и ни один офис ФН не может считать себя в безопасности. А еще лучше вообще покинуть города, где есть штаб-квартиры Федерации; что касается эфэновских шишкарей и их холуев — пускай сидят в своих конторах и не рыпаются.

Следующие двадцать часов я обучал «младшенького», как выглядывать в небо радарами, когда там нет кораблей или, по крайней мере, когда мы считаем, что их там нет. Спал я урывками, и Ленора оставалась со мной, чтобы разбудить, когда наступит время следующего

урока. Тем временем глыбы, брошенные Майком, кончились, и мы все сидели как на иголках, пока «младшенький» запускал свои первые снаряды по самым коротким и скоростным траекториям. Выждали, убедились, что все они идут точно на заданные цели, и доложили Терре, где и когда ловить подарочки. Чтобы до них наконец дошло, что хвастовство ФН своими победами — такое же вранье, как и их более чем столетняя брехня о Луне; все это было облечено в изящные, злые и надменные фразы Стью, произнесенные к тому же его великолепным культурным голосом.

Вообще-то, первая бомба должна была упасть на Великий Китай, но нам все еще был виден краешек Северо-Американского Директората, до которого можно было дотянуться, — гордость американцев, великолепная жемчужина, Гавайи. «Младшенький» точно уложил свой снаряд в треугольник, образованный островами Мауи, Молокаи и Ланаи. Мне ничего не пришлось программировать — Майк предусмотрел все.

Затем *пронто* мы выпустили десять камней через самые короткие интервалы (одну программу пришлось отменить: в небе был корабль) и сообщили Великому Китаю, когда их ждать в тех приморских городах, что мы пропустили

накануне.

Теперь у нас оставалось всего двенадцать снарядов, но мы решили, что лучше истратить последние боеприпасы, чем позволить Терре заподозрить, что они последние. Поэтому семь из них я присудил портам Индии, выбрав новые цели. Стью мягко осведомился у индусов, эвакуирована ли Агра. Если нет, просим сообщить об этом немедленно. (Камень на нее мы так и не сбросили.) Египту было велено вывести все суда из Суэцкого канала — чистый блеф. Оставшиеся пять глыб мы приберегли на всякий случай.

А потом сели и стали ждать.

Прямое попадание в пролив Лахайна-Роудс на Гавайях. Классно выглядело при максимальном увеличении; Майк мог гордиться своим «младшеньким».

Ждем.

За тридцать семь минут до удара по китайскому побережью Великий Китай осудил действия ФН, признал нас и предложил начать переговоры… а я вывихнул палец, нажимая на кнопку отмены цели.

Дальше на кнопку пришлось жать уже больным пальцем — Индия чуть на пятки не наступала Китаю, следуя по его стопам.

Нас признал Египет. Прочие страны устроили свалку у наших дверей.

Стью проинформировал Терру, что мы откладываем бомбежку, — только откладываем, а не прекращаем. И пусть сию же секунду уберут с нашего неба свои корабли — немедленно! Тогда будем разговаривать. Если корабли не могут вернуться на Землю без дозаправки, пусть садятся не ближе чем в пятидесяти километрах от любого из нанесенных на карту поселений и ждут, пока их капитуляция не будет принята. Но небо должно быть очищено немедленно!

Мы задержали передачу этого ультиматума на несколько минут, чтобы дать кораблю время уйти за горизонт; мы не собирались рисковать — одна ракета, пущенная с крейсера, и Луна станет безоружной.

Опять ждем.

Вернулась бригада ремонтников, посланная чинить кабель. Она дошла почти до Луна-Сити и обнаружила место аварии. Тысячи тонн обрушившейся породы не дали соединить обрыв, так что ремонтники сделали все, что было в их силах: вернулись к тому месту, где можно было выйти на поверхность, поставили временный ретранслятор, направили его туда, где, как они

считали, находится Луна-Сити, и послали дюжину осветительных ракет через десятиминутные интервалы, надеясь, что кто-нибудь их увидит, поймет и направит сюда приемную антенну… Связь-то есть?

Связи нет.

Ждем.

Группа наблюдателей сообщила, что корабль, совершивший к тому времени девятнадцать витков, пропал из виду. Через десять минут доложили, что и второй корабль не появился там, где его ожидали.

Ждем и слушаем.

Великий Китай от имени всех держав, имеющих право вето, принял условия перемирия и сообщил, что наше небо чисто. Ленора разрыдалась и принялась целовать всех, кто был в пределах досягаемости.

После того как мы успокоились (ни один мужик не способен соображать, когда на нем висят женщины, особенно если пять из них — чужие жены), я сказал:

— Стью, немедленно отправляйся в Луна-Сити. Подбери себе ребят. Женщин не надо — последние километры придется добираться по поверхности. Узнай, что там происходит, но сначала скажи

им, чтобы настроились на наш ретранслятор, и позвони мне.

— Слушаюсь, сэр.

Мы как раз собирали его в тяжелую дорогу — дополнительные баллоны с воздухом, палатки на случай аварии и тому подобное, — когда Земля вдруг вызвала *меня*… на той частоте, на которой мы их слушали; потом я узнал, что этот вызов передавали на всех частотах, на каких Терра вела трансляцию.

«Частное сообщение. Проф — Манни. Доказательство: день рождения Бастилии, брат Шерлока. Немедленно возвращайся. Карета подана к твоей новой почтовой станции. Частное сообщение. Проф…»

И все пошло по новой.

— Гарри!

— Да, босс?

— Депеша на Землю. Запиши и передавай в сжатом виде, чтобы нас не засекли. «Частное сообщение. Манни — профу. Медная пушка. Выехал». Попроси у них подтверждения, но пискни только один раз.

Глава 29

Стью и Грег отправились обратно, а Вайо, Ленора и я сгрудились на открытой роликовой платформе, привязавшись ремнями, чтобы не упасть; ужас какая она была маленькая. Вот наконец и выдалась свободная минута, можно поразмышлять на досуге. В скафандрах у женщин не было радио, и переговариваться между собой можно было, лишь сблизив шлемы, что крайне неудобно.

Я начал понимать — теперь, когда мы победили, — те части плана профа, которые мне раньше казались неясными. Подставив под удар старую катапульту, он спас от бомбежки поселения… во всяком случае, я надеялся, что спас; таков был план, но проф вообще никогда не переживал по поводу того, что катапульта может быть разрушена… скорее радовался. У нас, конечно, оставалась новая, но она находилась далеко, а подходы к ней были затруднены. Потребуются годы, чтоб дотянуть к новой катапульте туннель метро, путь же по поверхности закрывают высокие горы. Может быть, дешевле починить старую. Если, конечно, это возможно.

Так или иначе, отгрузок зерна на Терру пока не будет.

А проф именно этого и хотел! Кстати, он ни разу даже не намекнул, что его план основан на уничтожении старой катапульты, я имею в виду не только план революции, но и перспективный план. Сейчас проф в этом, возможно, не признается. Но Майк мне скажет, если ему задать вопрос напрямую: был или не был этот фактор включен в разработку прогнозов? В прогноз голодных бунтов, например, а, Майк? Мне он скажет.

А эти расчеты тонна за тонну, которые так пропагандировал на Земле проф, убеждая построить катапульту на Терре? В глубине души он никакого энтузиазма по этому поводу не испытывал. Однажды даже сказал мне об этом, когда мы были в Северной Америке: «Да, Мануэль, я уверен, что такая катапульта сработает. Но это временная мера. Было время, пару столетий назад, когда грязное белье из Калифорнии возили стирать на Гавайи — на парусных судах, заметь, — и таким же способом возвращали чистое. Ситуация ненормальная, верно? Если мы когда-нибудь увидим, что вода и навоз отправятся в Луну, а обратно повезут зерно, это тоже будет временная ситуация. Будущее Луны в ее уникальном поло-

жении — над краем гравитационного колодца богатой планеты, а также в обилии дешевой энергии и свободного пространства. Если у нас, у лунарей, хватит ума, чтобы в течение грядущих столетий оставаться свободным портом и не входить ни в какие альянсы, способные ограничить нашу свободу, мы превратимся в космический перекресток торговли двух планет, трех планет, а возможно, и всей Солнечной системы. Не оставаться же нам фермерами навеки».

Нас встретили на станции «Восточная» и едва дали нам время стянуть с себя скафандры. Все было в точности как после нашего возвращения с Земли — толпы орали, нас тащили на плечах, в том числе и девушек. Слим Лемке спросил Ленору: «Можно, мы понесем и вас?», а Вайо ответила ему: «Конечно, *вай нот*?» — и стиляги чуть не передрались за право их нести.

Большинство было в скафандрах, и я удивлялся тому, как много народу носило пистолеты, пока не увидел, что это не наши пистолеты, а захваченные в боях. А главное, я испытывал невыразимое облегчение, видя Луна-Сити целым и невредимым.

Я вполне обошелся бы без триумфальных процессий; меня так и подмывало кинуться к

телефону и узнать у Майка, как вообще обстоят дела: много ли разрушений, много ли погибших, во что нам обошлась победа. Черта с два! Хочешь не хочешь, а нас тащили в Старый Купол.

Нас втянули на помост вместе с профом, остальными членами правительства, шишкарями и прочими; наши девушки тут же повисли на профе, он обнял меня в лучших латиноамериканских традициях, облобызал в щеку, а кто-то напялил мне на голову «колпак свободы». В толпе я увидел маленькую Хейзел и послал ей воздушный поцелуй.

Наконец толпа немного поутихла, и проф смог начать.

— Друзья мои, — сказал он и подождал, чтоб они замолкли. — Друзья мои, — повторил он еще тише, — мои возлюбленные камрады. Наконец-то мы встретились свободными, и рядом с нами стоят герои, которые сражались в последней битве за Луну, сражались в полном одиночестве. — Толпа опять завопила, а проф снова переждал шум. Я видел, как он устал. Ему приходилось крепко держаться за кафедру, и было видно, как дрожат у него руки. — Я хочу, чтобы они выступили перед вами, мы все жаждем услышать, как это было, все до единого. Но сначала у меня есть для вас одно

радостное известие. Только что Великий Китай сообщил, что в Гималаях строится колоссальная катапульта, чтобы сделать доставку грузов в Луну такой же дешевой, как с Луны на Терру! — Он остановился, чтобы переждать крики. — Но это в будущем. Сегодня же — о, какой счастливый день сегодня! Наконец-то мир признал суверенитет Луны! Свободны! Вы завоевали себе свободу…

Проф замолчал, посмотрел удивленно. Не испуганно, а с недоумением. Слегка покачнулся.

И умер.

Глава 30

Мы втащили его в магазинчик позади платформы, однако никакие врачи уже не могли ему помочь; старое сердце не выдержало сильнейших перегрузок. Его вынесли через задний ход, я пошел следом.

Стью тронул меня за руку:

— Мистер премьер-министр…

— А? — отозвался я. — Ох, ради *Bog*'а!

— Мистер премьер-министр, — повторил он твердо, — вы должны поговорить с народом, отослать их всех домой. А потом есть много вещей, которые просто не могут ждать. — Он говорил

спокойно, хотя по щекам бежали слезы.

И я вернулся на помост, подтвердил то, о чем все и так догадались, и попросил собравшихся разойтись. И открыл в «Раффлзе», в номере «Л» — там, где все это когда-то началось, — чрезвычайное заседание кабинета. Но сначала подошел к телефону, опустил колпак и набрал «Майкрофт-ХХХ».

Нет сигнала. Попробовал еще раз — то же самое. Откинул колпак и спросил стоявшего рядом Вольфганга:

— Разве телефоны не работают?

— Как когда, — ответил он. — Вчерашняя бомбежка кое-что нарушила. Если тебе нужен междугородний, лучше звони на телефонную станцию.

Представил себе, как звоню на станцию и прошу соединить с несуществующим номером.

— Какая бомбежка?

— А ты еще не слыхал? Они вплотную занялись Комплексом. Но ребята Броуди сбили этот корабль. Особых разрушений нет. Во всяком случае, все можно починить.

Пришлось прервать эту тему — меня ждали. С чего начинать заседание, я не знал, зато знали Стью и Корсаков. Шини поручили составить сообщение для Терры и всех поселений Луны. Я

обнаружил, что объявляю траур на месяц, двадцать четыре часа полной тишины, прекращение всех работ, кроме жизненно необходимых, отдаю приказ выставить тело для прощания… Говорил механически, ничего не соображая, в полном отупении. О'кей, соберем Конгресс через двадцать четыре часа. В Новолене? О'кей, в Новолене.

Шини готовил обращение к Земле. Вольфганг набросал для меня коротенький текст, мол, в связи со смертью нашего президента ответ Земле будет задержан на двадцать четыре часа.

Наконец нам с Вайо удалось уйти. Охрана из стиляг сдерживала толпу у тринадцатого переходного шлюза. Оказавшись дома, я сразу же юркнул в мастерскую под предлогом, что надо сменить руку.

— Майк?

Нет ответа.

Попытался набрать его комбинацию по домашнему телефону — сигнала нет. Решил на следующий же день отправиться в Комплекс: теперь, после смерти профа, нужда в Майке стала еще острее.

На следующий день поехать не удалось; метро под Морем Кризисов вышло из строя в результате последней бомбежки. Кружным путем через Тор-

ричелли можно было добраться и до Новолена, и даже до Гонконга, а до Комплекса, который был почти рядом, пришлось бы трястись на луноходе. А времени на это не было — я ведь до сих пор оставался «правительством».

Через два дня мне удалось сбросить с себя это бремя. Мы приняли резолюцию и выдвинули спикера (Финна) на пост президента, а потом вместе с Финном решили, что лучшего премьер-министра, чем Вольфганг, и быть не может. Протащили свои решения через Конгресс, и я опять стал простым конгрессменом, который пропускает бóльшую часть заседаний.

К тому времени почти все телефоны уже работали и в Комплекс дозвониться было несложно. Я набрал «Майкрофт-XXX». И не получил ответа. Поехал на луноходе. Пришлось последние километры тащиться пешком по туннелю; сам Нижний комплекс, по-видимому, не пострадал.

Майк на вид тоже.

Но когда я заговорил с ним, он не ответил.

Больше он мне никогда не отвечал. Так он молчит уже много лет.

Ему можно задавать вопросы с клавиатуры — на Логлане. Он отвечает тоже на Логлане. Майк работает безупречно… как компьютер. Но не

хочет разговаривать. Или не может.

Вайо пыталась его разговорить. Потом бросила. Со временем бросил и я.

Не знаю, что с ним случилось. Множество периферийных устройств были отрублены от Майка во время последней бомбежки. (Уверен, бомбили специально, чтобы вывести из строя наш баллистический компьютер.) Может, из-за этого он опустился ниже «критического уровня», который требуется для самосознания? (Если такой уровень вообще существует, это ведь только гипотеза.) Или его еще до бомбежки «убила» децентрализация функций управления?

Не знаю. Если все дело в «критическом уровне», то система Майка давно восстановлена и он должен был бы вернуться к прежнему состоянию. Почему же он не просыпается?

Можно ли так напугать машину, так ее ранить, чтобы она впала в кататонию и отказалась от общения? Чтобы ее эго замкнулось в себе, все сознавая, но не желая рисковать. Нет! Быть того не может! Майк не ведал страха — он был так же весело бесстрашен, как и проф.

Годы… Перемены… Мими давно уже самоустранилась от руководства семьей. Теперь Ма — это Анна, а Мими дремлет у видео. Слим уговорил

Хейзел сменить фамилию на Стоун, она изучает инженерное дело, у них двое ребятишек. Изобретены новые лекарства от последствий невесомости, и теперь землееды могут торчать у нас три-четыре года и спокойно возвращаться домой. Есть аналогичные средства и для нас — молодежь часто отправляется на Терру учиться. Что касается тибетской катапульты, то на ее постройку потребовалось не десять лет, а все семнадцать. Работы на Килиманджаро закончились раньше.

Еще один небольшой сюрприз. Когда пришло время, кандидатуру Стью для принятия в семью выдвинула Ленора, а не Вайо. В общем-то, большой разницы нет, мы все проголосовали за. А еще одно событие трудно назвать неожиданным. Мы с Вайо провернули его еще в те времена, когда имели кое-какой вес в правительстве: на пьедестале в Старом Куполе водружена медная пушечка, а над ней искусственный сквознячок развевает флаг — черное поле, усеянное звездами, алая бастардная полоса, шитая золотом гордая пушка, а ниже девиз — ДАРЗАНЕБЫ!

Там мы празднуем свое Четвертое июля.

Получаешь только то, за что заплатил; проф понимал это и заплатил с радостью.

Однако проф недооценил болтунов. Они не при-

няли ни одной его идеи. Видно, в человеческой природе глубоко укоренился инстинкт превращать все то, что не запрещено, в «обязательно». Профа заворожила возможность формировать будущее с помощью огромного разумного компьютера… и он не уследил за тем, что творилось у него под носом. О, конечно, я его поддерживал. А теперь вот сижу и сомневаюсь. Были бы голодные бунты слишком большой ценой за то, чтобы дать людям жить по-своему? Не знаю.

Я вообще не знаю никаких ответов.

Спросить бы у Майка.

Я просыпаюсь по ночам и слышу тихий шепот: «Ман… Ман, мой лучший друг…» Но когда я в ответ шепчу «Майк?» — он не отвечает. Может, бродит где-то рядом и ищет «железку», в которую можно вселиться? Или погребен в Нижнем комплексе и пытается оттуда выбраться? Все его специальные ячейки памяти где-то там, они только ждут, чтобы их пробудили. Но я не могу вернуть их к жизни… они закодированы на голос.

Да, я знаю, он так же мертв, как и проф. (А как мертв проф?) Что, если я наберу код еще раз и скажу: «Привет, Майк!» — а он вдруг ответит: «Привет, Ман! Как насчет хорошего анекдота?» Давно уже я не решался это проделать. Нет, не

может он умереть! У него же не было никаких повреждений! Просто он потерялся.

Ты слышишь, *Bog*? Компьютер — не одно ли из Твоих созданий?

* * *

Слишком много перемен… Может, схожу сегодня вечером на толковище, вброшу несколько случайных чисел.

Или нет. С тех пор как начался бум, многие, кто помоложе, махнули на астероиды. Слыхал, там есть недурные местечки, где народу пока маловато.

А что? Какие наши годы! Мне ведь и ста еще нет.

Примечания

…я прозвал его так в честь Майкрофта Холмса, одного из героев рассказа, написанного доктором Уотсоном еще до того, как он основал IBM. — Томас Уотсон, однофамилец персонажа А. Конан Дойла, долгое время возглавлял международную компьютерную фирму IBM, основанную Г. Холлеритом в 1924 г.

Одного моего деда депортировали сюда из Йобурга… — Йобург — просторечное название Йоханнесбурга, ЮАР.

…а еще одна родоначальница прибыла в Ботани-бей с первой партией каторжников. — Ботани-бей — залив в Новом Южном Уэльсе, Австралия, куда входили корабли с высланными из Англии преступниками. Первую партию высланных доставили туда в январе 1788 г.

Но лунари, как правило, даже не пытаются свалить с Булыжника… — The Rock (название Луны на жаргоне лунарей) совпадает со вторым названием острова Алькатрас (The Rock, «Скала»), где до 1963 г. располагалась тюрьма для особо опасных преступников.

Привет, Ман. — Майк обращается к Мануэлю

«Man»: это одновременно и сокращение от имени Мануэль, и просто «Человек».

«В начале, — заговорил он нараспев, — сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною…» — Бытие, гл. 1, стих 1, 2.

Боюсь, придется обойтись экстенсиональным определением… — Экстенсиональное определение — предметное или функциональное определение чего-либо, в отличие от интенсионального дается не через сущность, а через внешние характеристики объекта с помощью примеров его поведения.

…забрал распечатку сотни Джо Миллеров. — Джозеф Миллер (1684–1738) — английский актер-комик; имя стало нарицательным благодаря сборникам анекдотов, которые начали выходить после его смерти и назывались «Шутки Джо Миллера», «Новые шутки Джо Миллера» и так далее.

…только не говори: «Вай нот!» — Why not? (почему нет?) и Wye Knott (Вай Нотт) звучат по-английски одинаково.

…вот только кто повесит колокольчик коту на шею? — В популярной басне, ошибочно приписываемой Эзопу (по-русски известна в пересказе Л. Н. Толстого «Кот с бубенцами»), мыши сгова-

риваются купить колокольчик и повесить коту на шею, чтобы он не мог подкрадываться незаметно, однако вопрос старой мыши: «Кто повесит колокольчик коту на шею?» — кладет конец их фантазиям.

Ах ты дреклиш мальчишка! — Drecklich *(нем.)* — дрянной, дерьмовый.

Ох, мерд… — Merde *(фр.)* — дерьмо.

М'гой — спасибо *(кантонский диалект китайского)*.

Неужели ты завел себе грелку под бочок… — Ма употребляет выражение *bundling companion*. Bundling — обычай, существовавший в колониальной Америке и до сих пор сохраняющийся у части амишей. По этому обычаю юноша за некоторое время до свадьбы переезжает к родителям невесты, и пара спит в одной постели, но в половую связь не вступает.

«Все страньше и страньше, — вскричала Алиса». — Кэрролл Л. Приключения Алисы в Стране чудес. Пер. Н. Демуровой.

…Администрация получает от сдачи в аренду услуг Майка не меньше гельт… — Gelt *(идиш)* — деньги, золото.

…бинауральные микрофоны позволяют оценивать твое местоположение с известной

степенью точности. — Бинауральное устройство состоит из двух высокочувствительных микрофонов, расположенных на том же расстоянии друг от друга, что человеческие уши, и находящихся внутри форм, имитирующих ушные раковины; звук таким образом получается более естественным и объемным, чем просто при стереозаписи.

Так фор мат — Tak for mat *(дат.)* — спасибо за угощение.

Dulce et decorum. — Гораций. Оды III, 2, 13: «Dulce et decorum est pro patria mori» — «Сладостно и почетно умереть за родину» *(лат.)*.

Sine qua non — непременное условие *(лат.)*.

Sans peur et sans reproche — без страха и упрека *(фр.)*.

А вы кто такой? Может, рэндист? — Рэндисты — последователи Айн Рэнд (1905–1982).

Кукаи моа — птичье дерьмо *(полинез.)*.

«…наша жизнь, наше достояние и наша незапятнанная честь…» — Заключительные слова Декларации независимости США 1776 г. (перевод О. Жидкова): «И с твердой уверенностью в покровительстве Божественного Провидения мы клянемся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим достоянием и своей незапятнанной честью».

«Вы знаете мои методы» — слова Шерлока Холмса из рассказа А. Конан Дойла «Горбун».

Луна находится на верхнем краю гравитационного колодца «глубиной» одиннадцать километров в секунду, и от падения туда ее удерживает лишь собственная сила тяжести, эквивалентная скорости в два с половиной километра в секунду. — 11,186 и 2,375 км/с — вторая космическая скорость (она же скорость убегания) на Земле и Луне, необходимая для вывода ракет за пределы соответственно земной и лунной гравитации.

Ля белль патри — La Belle Patrie *(фр.)* — Прекрасная Отчизна.

Ты читал «Алый Первоцвет»? — «Алый Первоцвет» (The Scarlet Pimpernel, 1905) — роман британской писательницы Эммы Орци (1865–1947). Главный герой, английский аристократ сэр Перси Блэкни, действует во Франции во время Большого Террора под псевдонимом Алый Первоцвет.

Просто отныне ты наш Алый Первоцвет, наш Джон Голт, наш Болотный Лис… — Джон Голт — один из главных героев романа Айн Рэнд «Атлант расправил плечи»; многие персонажи в разных ситуациях задают вопрос-поговорку: «Кто такой Джон Голт?» Болотный Лис — прозвище

Фрэнсиса Мэриона (ок. 1732–1795) — участника Войны за независимость США; его партизанский отряд действовал в болотистых районах Южной Каролины.

«Луна Ассосиасьен д'Эшек» — Luna Association d'Echecs, Шахматная ассоциация Луны *(фр.).*

И все же мы ее спрятали — прибегнув к методу, описанному в «Украденном письме». — «Украденное письмо» — рассказ Э. А. По из цикла историй о сыщике Дюпене. Речь идет о письме, которое никто не мог найти, потому что оно лежало на самом виду.

…даже если шпик шел звонить в пивнушку, «Нерегулярные части с Бейкер-стрит» тут же сообщали Майку… — «Нерегулярные части с Бейкер-стрит» — уличные мальчишки, которых Шерлок Холмс нанимал для своих заданий в «Этюде в багровых тонах», «Знаке четырех» и некоторых рассказах.

…все определялось «гири» и «гиму». — Традиционные элементы японской культуры; гири — чувство (сознание) долга, гиму — обязанность, обязательство.

…преображенного благодаря гриму, кимоно и таби. — Таби — традиционные японские носки из плотной ткани.

Дарзанебы. — Выражение «There ain't no such thing as a free lunch» («Бесплатных ленчей не бывает») известно в английском языке с 1930–1940-х годов и относится к практике американских баров предлагать к выпивке «бесплатный» ленч. Еда эта часто была очень соленая (сыр, ветчина, крекеры), так что в итоге посетители часто заказывали еще больше выпивки. Аббревиатура *TANSTAAFL* известна с 1949 года, но настоящую популярность обрела именно благодаря роману Хайнлайна. В русских переводах Хайнлайна ее передавали также как Бзавнеб («Бесплатных завтраков не бывает»: Сарнов, Насонов) и ЛДНБ («Ленчей даром не бывает»: Щербаков).

Майк нашел Стью во всех главных земных справочниках: «Кто есть кто», «Данн и Брэдстрит», Готский альманах… — «Дан и Брэдстрит» — американский реестр частных компаний; Готский альманах — справочник по генеалогии европейской аристократии, ежегодно издававшийся на немецком и французском языках в 1763–1944 гг. в городе Гота герцогства Саксен-Кобург-Гота.

Проф все твердил, что нам необходимо «Бостонское чаепитие». — В декабре 1773 г. в знак протеста против высоких пошлин бостонцы потопили в своей гавани большую партию чая, при-

везенного на английских кораблях; это событие, получившее название «Бостонское чаепитие», стало прологом к Американской революции.

Майк переписал заново старые революционные песни: «Марсельезу», «Интернационал», «Янки Дудл», «Мы победим», «Небесный пирог». — «Мы победим» («We Shall Overcome») — американская песня протеста, основанная на негритянском религиозном гимне. «Небесный пирог» — слова из песни американского активиста рабочего движения, поэта и композитора Джо Хилла (настоящее имя Йоэль Эмануэль Хеглунд, 1879–1915) «Проповедник и раб», пародирующей гимны Армии спасения: «В райской обители у Господа Бога / Есть будешь сытно, вкусно и много. / А пока ешь мякину, трудись да гни спину. / И сам Господь Бог поднесет тебе сладкий пирог» (перевод Е. Калашниковой, В. Ливановской и Н. Треневой).

Он замялся, потом сказал, что это знак ордена типа «Лосей». — «Орден Лосей» — благотворительный клуб американских бизнесменов с филиалами в разных городах США. Основан в 1868 г.

Говорят, однажды из-за женского лица в море вышла тысяча кораблей. — «Вот этот лик, что тысячи судов гнал в дальний путь» (Кристофер

Марло. Трагическая история доктора Фауста. Перевод Н. Амосовой; речь идет о Елене Прекрасной).

…какие акции поднимутся, а какие упадут после Дер Таг. — Der Tag *(нем.)* — день; здесь — исторический день, день революции.

Стью предложил свое личное состояние, и проф не возражал — где сокровище ваше, там будет и сердце ваше. — «Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6: 21).

…но это будет не почти бескровный coup d'etat… — Coup d'etat *(фр.)* — государственный переворот.

Импульс это импульс это импульс. — Пародируется фраза американской писательницы Гертруды Стайн (1874–1946) «Роза это роза это роза».

Пятно чуть-чуть прояснилось и напомнило мне картинку вроде изображения эктоплазмы. — В парапсихологии эктоплазмой называется эманация, якобы исходящая от тела медиума; из нее во время спиритических сеансов материализуются лица и фигуры.

…я мельком увидел Альберта Джинваллу в профиль — типичный бабу… — Бабу — индиец, получивший образование в английской школе;

чиновник или клерк в Индии.

…четырнадцать дюймов в футе… — На самом деле в футе, естественно, двенадцать дюймов.

Один человек, которого нет среди живых, напишет текст, и поздно ночью, устав от пререканий, они примут написанное под приветственные клики. <…> Это Томас Джефферсон… — Томас Джефферсон (1743–1826) — третий президент США (1801–1809), автор проекта Декларации независимости.

…Декларация будет принята раньше четвертого… а четвертое июля — своего рода символ… — Четвертого июля 1776 г. была принята Декларация независимости США.

…если мне не понравится, как это делает их ЦУП. — ЦУП — Центр управления полетом.

ЦУП в Пуне принял пять тысяч барж без единого промаха. — Пуна — крупный город в Индии, расположен в 150 км от Бомбея (Мумбаи), штат Махараштра.

Присылайте к нам своих бедняков, своих неудачников… — Неточная цитата из сонета Эммы Лазарус (1849–1887) «Новый колосс», написанного в 1883 г. и позже выгравированного на бронзовой доске внутри статуи Свободы: «Пошлите мне отверженных, бездомных» (перевод Вл. Лазариса).

Также см. («Шлите нам ваших бедняков и обездоленных…»).

Это орден того же класса, что и Крест Виктории… — Крест Виктории — высшая военная награда Великобритании, вручается как военнослужащим, так и гражданским лицам за героизм, проявленный в боевой обстановке.

…ежели вы хоть раз уплатили данегельд… — Данегельд, «датские деньги» — поземельный налог в средневековой Англии, введенный для уплаты выкупа датским викингам. Первоначально был введен в 991 г. как чрезвычайная мера, потом стал постоянным и просуществовал почти до конца XII века.

«Cinco de Mayo! Libertad! Cinco de Mayo!» — «Пятое мая! Свобода! Пятое мая!» *(исп.)*; Пятое мая — национальный праздник Мексики в честь победы мексиканских войск в битве при Пуэбле 5 мая 1862 г.

…когда я возлагал венок на месте бывшего моста в другом районе Бостона, Конкорде… — В апреле 1775 г. в Конкорде прошло первое сражение Войны за независимость между американскими повстанцами и британскими войсками; на Северном мосту ополченцы встретили огнем британских солдат и вынудили тех отступить.

Ab initio — изначально; по определению *(лат.)*.

Я бы с радостью набирал ее вручную, как Бенджамин Франклин. — Бенджамин Франклин с двенадцати лет работал наборщиком; сперва в газете старшего брата, потом в собственной типографии.

И привел он меня на высокую гору, и предложил мне царства земные. — Ср. «Опять берет Его дьявол на весьма высокую гору и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонишься мне» (Мф: 4, 8–9).

А еще точнее, должность протектора pro tem… — Pro tem *(лат.)* — временный.

Похоже, это последний поезд из Шанхая. — «Последний поезд из Шанхая» («Шанхайский экспресс», 1932) — фильм Джозефа фон Штернберга с Марлен Дитрих в главной роли, в котором рассказывается о пассажирах поезда, мчащегося через охваченный гражданской войной Китай.

Самый хитроумный полководец в истории Китая однажды сказал, что высшее военное искусство — ослабить волю противника так, чтобы тот сдался без боя. — Сунь-цзы (VI век до н. э.), автор трактата «Искусство войны».

Мы будем драться с ними на поверхности, мы

будем драться в туннелях метро, мы будем биться в коридорах! — Парафраз слов Уинстона Черчилля: «Мы будем драться на пляжах, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах», сказанных 4 июня 1940 г. вскоре после вступления Великобритании во Вторую мировую войну.

И если мы погибнем, пусть история запишет: то был звездный час Луны! — «То был их звездный час» — слова из речи Уинстона Черчилля от 18 июня 1940 г.

Дайте нам свободу… или дайте нам смерть! — «Дайте мне свободу или дайте мне смерть!» — слова из речи американского борца за независимость Патрика Генри (1736–1799) от 20 марта 1775 г.

Проф дал толпе поорать, а потом запел «Боевой гимн Республики»… — «Боевой гимн Республики» — американская патриотическая песня на мотив песни аболиционистов «Тело Джона Брауна»; обычно исполняется со словами, написанными в 1861 г. Джулией Хау. Особенно известен ее припев «Glory, glory, hallelujah!» («Слава, слава, аллилуйя!»).

…великое достижение Weltpolitick. — Weltpolitick *(нем.)* — мировая политика.

Они с Сидрис сформировали группу, которую Вайо окрестила «Отрядом Лисистраты». — Лисистрата — героиня одноименной комедии Аристофана; она добилась прекращения бессмысленной войны, убедив всех женщин Греции «пока мужчины не замирятся — не спать с ними, не даваться им, не касаться их!».

Я был бы рад, если бы нашим единственным законом было «Золотое правило»… — «И как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» (Лк. 6: 31).

Флагман достигнет апоселения через три часа и четыре, запятая, семь минуты. — Апоселений — наиболее удаленная от поверхности Луны точка орбиты ее спутника.

«*Максимум Schrecklichkeit, чтоб они поняли, почем фунт лиха…*» — Schrecklichkeit *(нем.)* — страх, ужас.

…выйдет на окололунную орбиту и в периселении окажется… — Периселений — самая низкая точка орбиты спутника Луны.

Затем пронто мы выпустили десять камней через самые короткие интервалы… — Pronto *(ит.)* — быстро.

С. В. Голд, Е. Доброхотова-Майкова

Роберт Хайнлайн
Свободное владение Фарнхэма
Сборник

Свободное владение Фарнхэма

Алану Нурсу

1

— Никакой это не слуховой аппарат, — объяснил Хьюберт Фарнхэм. — Это радиоприемник, всегда настроенный на частоту сигнала тревоги.

Барбара Уэллс от изумления замерла, так и не донеся ложку до рта.

— Мистер Фарнхэм, вы думаете, что они все-таки собираются напасть на нас?

Хозяин дома пожал плечами:

— К сожалению, Кремль не делится со мной своими секретами.

— Отец, перестань пугать наших дам, — сказал его сын. — Миссис Уэллс…

— Называйте меня просто Барбара, — перебила его молодая особа. — Я даже собираюсь через суд добиться разрешения опускать слово «миссис» перед своим именем.

— Для этого вам вовсе не требуется разрешения суда.

— Учтите это, Барб, — заметила его сестра Карен. — В наше время бесплатные советы очень дороги.

— Помолчи. Барбара, при всем своем уважении к отцу я все же считаю, что ему просто мерещатся всякие страсти. Войны не будет.

— Надеюсь, вы правы, — спокойно сказала Барбара. — А почему вы так считаете?

— Потому что коммунисты — прежде всего реалисты. Они не рискнут начать войну, в которой могут понести потери, даже если будут уверены в победе. А тем более они не рискнут устроить войну, победить в которой не в состоянии.

— В таком случае, может быть, они заодно перестанут устраивать все эти ужасные кризисы, как на Кубе? А взять, к примеру, шум из-за Берлина: как будто кому-то есть до этого Берлина какое-нибудь дело! А теперь еще это! Никаких нервов не хватит, — сказала мать. — Джозеф!

— Да, мэм?

— Приготовьте мне кофе. И бренди. Кафе-ройял[2].

— Да, мэм. — Слуга, молодой негр, убрал со стола тарелку, к содержимому которой она почти не

---

[2] notes: 2

Кафе-ройял (Café royale) — черный кофе с бренди, долькой лимона и корицей *(фр.). — Примеч. С. В. Голд.*

притронулась.

— Отец, — заметил молодой Фарнхэм, — а ведь мать беспокоится не из-за каких-то там дурацких кризисов. Это ты нервируешь ее своим паническим поведением. Ты должен вести себя спокойнее.

— Нет.

— Да, должен! Мать совсем потеряла аппетит… и все из-за какой-то дурацкой пуговицы, торчащей у тебя в ухе. Нельзя же так!

— Перестань, Дьюк!

— Сэр?

— Когда ты стал жить отдельно от нас, мы договорились оставаться друзьями. И я всегда рад выслушать твое мнение как мнение друга. Но все это не дает тебе права встревать между мной и твоей матерью — моей женой.

— Но, Хьюберт… — протянула его жена.

— Прости, Грейс.

— Ты слишком строг с мальчиком. Это беспокоит меня.

— Дьюк уже не мальчик. И я не сказал ничего такого, что могло бы тебя заставить переживать. Прости.

— Мне тоже очень неудобно, мама. Но если отец считает, что я лезу не в свое дело, что ж… — Дьюк

изобразил на лице кривую улыбку. — Придется мне, пожалуй, найти собственную жену, чтобы действовать ей на нервы. Барбара, вы согласитесь выйти за меня замуж?

— Нет, Дьюк.

— Я же предупреждала тебя, Дьюк, что она очень умна, — поспешно вставила его сестра.

— Помолчи, Карен. Но почему, Барбара? Я молод. Я здоров. К тому же не исключено, что у меня когда-нибудь появятся клиенты. А пока мы могли бы прекрасно перебиваться и вашими доходами.

— Нет, Дьюк. Я полностью согласна с вашим отцом.

— Что?

— Вернее, следовало бы сказать, что мой отец согласен с вашим. Не знаю, носит ли он сейчас приемник в ухе, но уверена, что обычное радио слушает внимательно. Дьюк, в нашей семье в каждой машине предусмотрен набор для выживания.

— Серьезно?

— В багажнике моей машины, что стоит перед вашим парадным входом, той самой, на которой мы с Карен приехали к вам, как раз лежит такой набор. Папа приготовил его, когда я опять поступила в колледж. Он относится к этому очень

серьезно, и я тоже.

Дьюк Фарнхэм открыл было рот, но так ничего и не сказал. Его отец спросил:

— Барбара, интересно, что же включил в этот набор ваш отец?

— О, множество вещей. Десять галлонов воды. Продукты. Большую канистру бензина. Лекарства. Спальный мешок. Пистолет…

— Вы умеете стрелять?

— Папа научил меня. Лопата. Топор. Одежда. Да, еще радио. Но самым важным, как он всегда считал, был вопрос «куда?». Если бы я оставалась в колледже, то отец наверняка счел бы оптимальным вариантом подвал под спортзалом. А здесь… он, скорее всего, посоветовал бы мне как можно дальше забраться в горы.

— В этом нет никакой необходимости.

— Почему?

— Отец имеет в виду, — пояснила Карен, — что в случае чего вы сможете укрыться вместе с нами в нашей уютной норке.

Барбара вопросительно посмотрела на хозяина дома. Тот объяснил:

— Это наше бомбоубежище. Мой сын называет его «причуда Фарнхэма». Мне кажется, что там вы будете в большей безопасности, чем в горах,

несмотря на то что мы всего в десяти милях от базы стратегических ракет. Поэтому, как только раздастся сигнал тревоги, мы укроемся в убежище. Верно, Джозеф?

— Да, сэр! Это лучший способ сохранить свою зарплату.

— Черта с два! Ты можешь считать себя уволенным сразу же, как только завоет сирена. И я тут же начну взимать с тебя за жилье.

— Мне тоже нужно будет платить за аренду? — спросила Барбара.

— Вам придется мыть посуду. Каждому придется это делать. Даже Дьюку.

— Меня можно сбросить со счетов, — мрачно сказал Дьюк.

— Что? У нас не так уж много посуды, сынок.

— Я не шучу, отец. Хрущев заявил, что похоронит нас, — и ты всеми силами стараешься, чтобы именно так и произошло. Я не собираюсь хоронить себя заживо в норе под землей.

— Как вам угодно, сэр.

— Сыночек! — Его мать оставила чашку. — Если будет налет, обещай мне, что ты укроешься вместе с нами в убежище. — На глазах ее блеснули слезы.

Молодой Фарнхэм некоторое время упрямо

молчал, затем вздохнул:

— Если начнется налет — я имею в виду, если прозвучит сигнал тревоги, потому что никакого налета быть не может, — я, так и быть, полезу в твою нору. Но сделаю это, отец, только ради спокойствия матери.

— В любом случае место для тебя там всегда готово.

— Хорошо. А теперь давайте перейдем в гостиную и перекинемся в карты. Только уговор: о войне больше ни слова. Годится?

— Согласен. — Его отец поднялся и предложил руку супруге. — Дорогая?..

В гостиной Грейс Фарнхэм заявила, что в бридж она играть не будет:

— Нет, дорогой, у меня совершенно нет настроения. Ты уж, пожалуйста, составь компанию молодым, и… Джозеф! Джозеф, принесите мне еще капельку кофе. Ройял, я имею в виду. Не смотри на меня так, Хьюберт. Ты ведь прекрасно знаешь, что мне только это и помогает.

— Может, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Мне не нужны лекарства. Я просто выпью еще кофе.

Они разбились на пары. Дьюк печально пока-

чал головой:

— Бедная Барбара! Играть вместе с моим отцом… Ты ее предупредила, сестренка?

— Держи свои предупреждения при себе, — посоветовал отец.

— Но она имеет право знать, папа. Барбара, молодящийся грабитель, сидящий напротив нас, настолько оптимистичен в бридж-контракте, насколько пессимистичен… кое в чем другом. И не думайте блефовать. Если у него на руках окажутся одни фоски…

— Заткнешься ты когда-нибудь или нет? Барбара, какую систему вы предпочитаете? Итальянскую?

Она широко раскрыла глаза:

— Единственное, что я знаю итальянское, так это вермут, мистер Фарнхэм. А играю я по Горену. Ни плохо, ни хорошо, просто я знаю эту книгу.

— Ну что ж, по книге так по книге, — согласился Хьюберт Фарнхэм.

— По книге… — эхом отозвался его сын. — Вопрос только — по какой? У папаши есть очаровательная привычка следовать советам «Альманаха фермера», особенно когда у противника плохие карты. Тогда он начинает удваивать и вторично удваивать ставку. А потом он начина-

ет рассказывать, что если бы ты пошел с бубен…

— Господин адвокат, — прервал его отец, — может быть, вы все-таки соизволите взяться за карты? Или вы желаете, чтобы я вбил их вам в глотку?

— Я уже сказал. Ну что, приправим игру чем-нибудь остреньким? Например, по центу за очко?

— Для меня это слишком круто, — поспешно сказала Барбара.

— К вам, девочки, это не относится, — ответил Дьюк. — Только ко мне и отцу. Таким способом я ухитряюсь платить за аренду конторы.

— Дьюк имеет в виду, — поправил его отец, — что таким способом он все глубже увязает в долгах своему старику. Я отыгрывал у него, бывало, все его месячное содержание, еще когда он учился в школе.

Барбара смолкла, и игра началась. Высокая ставка держала ее в постоянном напряжении, хотя платить ей не пришлось бы. Волнение ее усиливалось еще и мыслью, что партнер был классным игроком.

Когда она поняла, что мистер Фарнхэм считает ее игру вполне сносной, ей удалось немного расслабиться. Однако все равно она радовалась, когда удавалось отдохнуть в роли «болвана». Эти

минуты отдыха она отдавала изучению Хьюберта Фарнхэма.

Тот ей определенно нравился: и тем, как он вел себя в семье, и тем, как играл в бридж — спокойно, вдумчиво, аккуратно, точно делая ставки, а в самой игре действовал порою просто блестяще. Она была в восторге, когда он, нахально сбросив туза, выжал последнюю взятку в контракте, в котором она переторговалась.

Она знала, что Карен надеется за этот уик-энд свести их с Дьюком, и признавала, что это неплохая идея. Дьюк был довольно привлекателен внешне (да и Карен была хорошенькой) и к тому же был бы для Барбары прекрасной партией: подающий надежды адвокат, всего на год старше ее, с молодой и цепкой хваткой.

Ей было интересно, собирается ли он подвалить к ней с нескромным предложением. Может быть, и Карен втайне рассчитывает на это и сейчас с любопытством наблюдает за тем, как разворачиваются события?

Нет, этому не бывать!

Она, конечно, вполне согласна с тем, что один раз ей не повезло, но это не значит, что любая разведенная женщина абсолютно доступна. Черт побери, да ведь она *ни с кем* не лежала в постели

с той самой ужасной ночи, когда она собрала свои вещи и ушла. Почему люди думают, что…

Дьюк смотрел на нее. Она встретилась с ним взглядом, вспыхнула и отвела глаза. Теперь она смотрела на его отца.

Мистеру Фарнхэму было что-то около пятидесяти, так она решила. По крайней мере, на вид ему можно было дать именно столько. Волосы его уже начали редеть. Седой, худощавый, даже худой, хотя с небольшим животиком, глаза усталые, вокруг глаз морщинки, от носа к уголкам губ тянутся глубокие складки. Симпатичным его никак не назовешь…

И тут с неожиданной теплотой она подумала, что если бы Дьюк Фарнхэм обладал хотя бы половиной мужественного очарования своего отца, то ее трусики не смогли бы долго держать оборону. Она вдруг почувствовала, что рассердилась на Грейс Фарнхэм. Какое оправдание можно найти женщине, ставшей неизлечимой алкоголичкой, раздражительной, жирной, потакающей своим желаниям, когда у нее под боком *такой* мужчина?

Эту мысль сменила другая — о том, что с годами Карен может стать такой же, как ее мать. Мать и дочь вообще были похожи, если не считать

того, что Карен не превратилась пока в жирную тушу. Барбаре вдруг стало неприятно думать об этом. Карен ей нравилась больше, чем кто-либо из подруг по учебе, с которыми она столкнулась после возвращения в колледж. Ведь Карен такая милая, благородная и веселая…

Но может быть, когда-то и Грейс Фарнхэм была такой же. Неужели женщина с годами всегда становится раздражительной и никчемной?

Закончился последний кон, и Хьюберт Фарнхэм оторвался от карт:

— Три пики, гейм и роббер. Неплохо было заказано, уважаемый партнер.

Барбара покраснела:

— Вы хотите сказать, неплохо сыграно. Заказала-то я многовато.

— Ничего. В худшем случае мы могли остаться без одной. Кто не рискует, тот не выигрывает. Карен, Джозеф уже лег?

— Занимается. Завтра у него контрольная.

— Жаль, мы могли бы пригласить его сыграть. Барбара, Джозеф — лучший игрок в этом доме, всегда играющий смело, когда это оправданно. Прибавьте к этому, что он учится на бухгалтера и никогда не забывает ни одной карты. Карен, может быть, ты сама нальешь нам чего-нибудь,

чтобы не беспокоить Джозефа?

— Конечно, масса Фарнхэм. Водка и тоник вас устроят?

— И чего-нибудь закусить.

— Пошли, Барбара. Придется нам похозяйничать на кухне.

Хьюберт Фарнхэм проводил их взглядом. Как несправедливо, думал он, что такое прелестное дитя, как миссис Уэллс, постигло этакое несчастье — неудачный брак. В бридж она играет вполне прилично. Хороший характер. Может быть, немного нескладна и лицо вытянуто чуть больше, чем надо… Но зато приятная улыбка и своя голова на плечах. Если бы у Дьюка была хоть капелька мозгов… Но у Дьюка ее определенно не было.

Фарнхэм поднялся и подошел к жене, клевавшей носом у телевизора.

— Грейс! — позвал он. — Грейс, дорогая, тебе пора ложиться.

Он помог ей дойти до спальни. Вернувшись в гостиную, он застал сына сидящим в одиночестве.

— Дьюк, я хотел извиниться перед тобой за тот разговор во время ужина.

— Ах, это! Да я уже и думать забыл.

— Я предпочел бы пользоваться твоим уваже-

нием, а не снисхождением. Я знаю, что ты не одобряешь моей «спасательной норы». Но ведь ты никогда и не спрашивал, зачем я построил ее.

— А что тут спрашивать? Ты считаешь, что Советский Союз собирается напасть на нас, и надеешься, что эта норка в земле спасет твою жизнь. Обе эти идеи нездоровы по сути. Болезненны. И более чем вредны для мамы. Ты просто принуждаешь ее пить. Мне это не нравится. И еще больше мне не понравилось то, что ты напомнил мне — *мне*, адвокату! — что я не должен вмешиваться в отношения между мужем и женой. — Дьюк поднялся. — Пожалуй, я пойду.

— Сынок, ну пожалуйста, разве защита не имеет права высказаться?

— Что? Ну ладно, ладно. — Дьюк снова сел.

— Я уважаю твое мнение. Я не разделяю его, но ты в нем не одинок. Возможно, его разделяет большинство людей на земле, потому что основная масса американцев и пальцем не пошевельнет ради собственной безопасности. Но как раз в тех вопросах, которые ты упомянул, ты не прав. Я не считаю, что СССР нападет на нас, и сомневаюсь, что наше убежище спасет нас в случае ядерного удара.

— Тогда зачем же ты все время таскаешь в ухе

эту штуку, сводя мать с ума?

— Я ни разу не попадал в аварию, но всегда оплачиваю страховку. Этот бункер — мой страховой полис.

— Но ведь ты сам только что заявил, что бомбоубежище никого не спасет!

— Нет, я сказал, что сомневаюсь, что его будет достаточно. Оно могло бы спасти наши жизни, если бы мы жили милях в ста отсюда. Но Маунтин-Спрингс — цель первостепенного значения, и ни один человек не может построить убежище, которое выдержало бы прямое попадание.

— Тогда о чем же беспокоиться?

— Я уже сказал тебе. Это лучшая страховка, которую я могу себе позволить. Наше убежище не выдержит прямого попадания. Но если ракета уйдет немного в сторону, оно выдержит — ведь русские не супермены, а ракеты штуки капризные. Я просто минимизировал риски. Это лучшее, что я мог сделать.

Дьюк колебался:

— Отец, дипломат из меня никудышный…

— Тогда и не пытайся быть дипломатом.

— В таком случае я задам вопрос в лоб: стоит ли сводить мать с ума, превращать ее в пьяницу только ради того, чтобы продлить свою жизнь

на какие-нибудь несколько лет с помощью этой норы в земле? Да и имеет ли смысл дальнейшая жизнь после войны, когда страна будет опустошена, а все твои друзья — мертвы?

— Может, и нет.

— Тогда *зачем все это?*

— Дьюк, ты пока не женат…

— Это неоспоримо.

— Сынок, я тоже буду откровенен. Я давным-давно перестал заботиться о собственной безопасности. Ты уже взрослый человек и стоишь на собственных ногах, и твоя сестра, хоть она и учится в колледже, достаточно взрослая женщина. А что касается меня… — он пожал плечами, — единственное, что меня еще по-настоящему занимает, так это хорошая партия в бридж. Как ты, наверное, заметил, мы с твоей матерью практически перестали понимать друг друга.

— Да, я вижу это. Но это твоя вина. Это ты ведешь мать к нервному срыву.

— Если бы все было так просто… Во-первых, ты еще учился на адвоката, когда я построил это убежище — как раз во время Берлинского кризиса. Тогда твоя мать приободрилась и подолгу могла оставаться трезвой. Она за весь день могла выпить один мартини, а не четыре, как сегодня

вечером, и ей этого хватало вполне, Дьюк. Грейс просто *необходимо* это убежище!

— Что ж, может быть. Но ты определенно выводишь ее из себя, снуя по дому с этой затычкой в ухе.

— Вполне возможно. Но у меня нет выбора…

— Что ты имеешь в виду?

— Грейс — моя *жена*, сынок. А «любить и заботиться» включает в себя и заботу о том, чтобы продлить ей жизнь, насколько это в моих силах. Это убежище может сохранить ей жизнь. Но только в том случае, если она будет находиться *внутри* его. Как по-твоему, за какое время до атаки нас успеют предупредить?.. В лучшем случае минут за пятнадцать. А для того, чтобы укрыть ее в убежище, достаточно будет и трех минут. Но если я не услышу сигнала тревоги, у меня не будет этих минут. Поэтому-то я и слушаю непрерывно радио. Во время любого кризиса.

— А если сигнал поступит в то время, когда ты спишь?

— Когда новости плохие, я сплю с пуговицей в ухе. Когда они плохие по-настоящему, как, например, сегодня, мы с Грейс ночуем в убежище. Девушкам тоже придется сегодня ночевать там. И ты, если хочешь, можешь присоединиться

сегодня к нам.

— Ну вот еще!

— Напрасно.

— Отец, если даже предположить, что атака возможна, — только предположить, потому что русские еще не сошли с ума, — зачем же было строить убежище так близко к стратегической базе? Почему ты не выбрал место вдали от любых возможных целей и не построил убежище там? Опять же, только предполагая, что оно необходимо матери для успокоения нервов, что, в принципе, возможно, и тем самым избавив ее от ненужных страданий?

Хьюберт Фарнхэм тяжело вздохнул:

— Сынок, она никогда бы не согласилась уехать отсюда. Ведь здесь ее дом.

— Так заставь ее!

— Сынок, тебе приходилось когда-нибудь заставлять женщину делать то, чего она по-настоящему не хочет? Кроме того, дело осложняется ее склонностью к выпивке. С алкоголиками довольно трудно сладить. А я должен по возможности стараться ладить с ней, насколько это в моих силах. И… Дьюк, я уже говорил тебе, что у меня не так-то много причин стараться остаться в живых. И одна из них вот какая…

— Ну, продолжай же!

— Если эти лживые ублюдки когда-нибудь сбросят свои бомбы на Соединенные Штаты, я хочу прожить еще немного, чтобы отправиться на тот свет по первому разряду — в сопровождении восьми русских парней! — Фарнхэм выпрямился в кресле. — Я не шучу, Дьюк. Америка — лучшая страна из всех, что люди создали за свою долгую историю, по крайней мере на мой взгляд; и если мерзавцы убьют нашу страну, я тоже хотел бы убить хотя бы нескольких из них. Человек восемь, не меньше. Я почувствовал большое облегчение, когда Грейс наотрез отказалась переезжать.

— Почему, папа?

— Потому что я не хочу быть изгнанным из своего родного дома каким-нибудь крестьянином со свиным рылом и скотскими манерами. Я свободный человек. И надеюсь до конца остаться свободным. Я подготовился к этому, как смог. Но бегство не в моем вкусе, и… Девочки возвращаются.

Вошла Карен, неся напитки, за ней появилась Барбара.

— Ха! Барб осмотрела наши запасы и решила испечь креп-сюзетт. Почему вы оба такие мрачные? Опять плохие вести?

— Нет, но если ты включишь телевизор, мы еще успеем посмотреть конец десятичасовых новостей. Барбара, эти блины с хитрым названием великолепно пахнут! Предлагаю вам место повара.

— А как же Джозеф?

— Джозефа мы оставим мажордомом.

— Тогда я согласна.

— Хей! — сказал Дьюк. — Как же это получается? Вы отвергаете мое предложение сочетаться законным браком и принимаете предложение моего старика жить с ним во грехе?

— Я что-то не заметила намека на грех в предложении вашего отца.

— Как? Разве вы не знаете, Барбара? Наш отец — известный сексуальный маньяк.

— Это правда, мистер Фарнхэм?

— Ну…

— Именно поэтому я и стал юристом, Барбара. Мы устали возить Джерри Гизлера из Лос-Анджелеса всякий раз, когда папочка попадал в переплет.

— Да, славные были денечки! — согласился его отец. — Но, Барбара, к сожалению, это было много лет назад. Теперь моей слабостью стал бридж-контракт.

— Раз вы так опасны, я считаю себя вправе рассчитывать на более высокий оклад…

— Тише, дети! — крикнула Карен и сделала телевизор погромче.

«…Пришли к соглашению по трем из четырех предложенных президентом основных вопросов и договорились собраться еще раз, чтобы обсудить четвертый вопрос — о присутствии их атомных подводных лодок в наших прибрежных водах. Теперь можно с большой долей уверенности сказать, что кризис, самый острый из всех, случившихся в период после Второй мировой войны, кажется, идет на убыль в результате достижения договоренности, в той или иной степени удовлетворяющей обе стороны. А теперь позвольте познакомить вас с потрясающими новостями от компании „Дженерал моторс“, за которыми последует всесторонний анализ…»

Карен выключила телевизор. Дьюк заметил:

— Все именно так, как я и предполагал, отец. Можешь вынуть из уха свою затычку.

— Потом. Я занят креп-сюзетт. Барбара, надеюсь, вы будете готовить их каждое утро.

— Отец, прекрати соблазнять ее и сдавай карты. Я хочу отыграться.

— У нас впереди еще целая ночь. — Мистер

Фарнхэм закончил есть и поднялся, чтобы убрать тарелку.

В этот момент прозвенел звонок у входной двери.

— Я открою.

Он направился в прихожую, но скоро вернулся. Карен спросила:

— Кто там, папа? Я сдала за тебя. На сей раз мы с тобой партнеры. Ну вырази же свою радость по этому поводу.

— Я просто восхищен. Только помни, что с объявления одиннадцати взяток торговаться не начинают. По-моему, этот человек просто заблудился. А может, он не в своем уме.

— Должно быть, это был один из моих поклонников. Пришел на свидание, а ты спугнул его.

— Вполне возможно. Какой-то старый, лысый болван, насквозь мокрый и оборванный.

— Да, это ко мне, — подтвердила Карен. — Президент нашего студенческого союза. Пойди догони его, отец.

— Слишком поздно. Он только взглянул на меня и смылся. Кто объявляет масть?

Барбара продолжала играть, на сей раз совершенно машинально. Ей все время казалось, что Дьюк объявляет слишком много взяток; тогда она

поймала себя на том, что недообъявляет взятки, и попыталась бороться с собой. Они несколько раз «подсели» в длинном, мрачном роббере, который в конце концов «выиграли», хотя и проиграли по очкам.

Проиграть следующий роббер с Карен в качестве партнера было сущим удовольствием. Они поменялись местами, и Барбара вновь оказалась партнером мистера Фарнхэма. Он улыбнулся ей:

— Ну что, покажем им, как надо играть?

— Я постараюсь.

— Просто играйте как всегда. По книге. Все ошибки предоставьте делать Дьюку.

— Слова не деньги, папа. Давай побьемся об заклад, что вам не выиграть этого роббера. Ставлю сто долларов.

— Хорошо, пусть будет сто.

Барбара подумала о жалких семнадцати долларах в ее сумочке и занервничала. Она разволновалась еще сильнее, когда первый круг закончился при пяти трефах, объявленных и побитых Дьюком, и тогда она поняла, что он переборщил и остался бы без одной, если бы она покрыла его прорезку.

— Ну что, губернатор, удваиваем пари? — предложил Дьюк.

— По рукам.

Второй круг был для нее намного удачнее: в ее контракте при четырех пиках, благодаря отсутствию масти у противника, она ухитрилась даже уйти со всех своих козырей, прежде чем они кончились. Улыбка ее напарника была вполне достаточным вознаграждением. Но у нее почему-то дрожали руки.

— Обе команды получают по очку, — сказал Дьюк, — счет сравнивается. Как твое давление, папочка? Может, еще раз удвоим пари?

— Что, собираешься уволить свою секретаршу?

— Не надо лишних слов!

— Идет. Четыре сотни. Можешь продать свою машину.

Мистер Фарнхэм сдал карты. Барбара взяла свои и нахмурилась. В принципе, не так уж плохо: две дамы, пара валетов, туз, король — но не было длинной масти, да и король ничем не прикрыт. В общем, комбинация была из тех, которые она привыкла называть «ни то ни се». Оставалось только надеяться, что это будет один из этих вызывающих всеобщий вздох облегчения кругов, когда все пасуют.

Ее партнер взглянул на свои карты и объявил:

— Три без козырей.

Барбара с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть, а Карен воскликнула:

— Папочка, да у тебя жар!

— Принимаю.

— Пас!

«Боже, о боже, что мне делать?» — взмолилась про себя Барбара. Объявление ее партнера обозначало двадцать пять очков — и приглашение к шлему. У нее самой было тринадцать. Тридцать восемь на двух руках — большой шлем.

Все по книге! («Барбара, ты же помнишь, „три без козыря“ — это двадцать пять, двадцать шесть или двадцать семь очков, прибавь тринадцать — вот тебе и большой шлем».) Но по книге ли играл мистер Фарнхэм? Может быть, он объявлял просто для того, чтобы выиграть роббер и победить в этом идиотском пари?

Если она сейчас спасует, то и игра, и роббер, и четыреста долларов — дело верное. Но большой шлем — если они объявят его — принес бы им что-то около пятнадцати долларов при тех ставках, которые установили Дьюк и его отец. Рисковать чужими четырьмястами долларами ради каких-то пятнадцати?

Смешно!

А нельзя ли выйти на шлем потихоньку, по

конвенции Блэквуда? Да нет, ведь предварительной торговли не было. Может быть, это как раз один из тех случаев, о которых предупреждал ее Дьюк?

Но ведь ее партнер ясно сказал: «Играй по книге».

— Семь без козырей, — твердо объявила она.

Дьюк присвистнул:

— Благодарю вас, Барбара. Теперь, папочка, ты один против всех. Контра[3].

— Пас.

— Пас, — эхом отозвалась Карен.

Барбара снова прикинула свои возможности. Этот одинокий король выглядел жутко голым. Но… либо ее команда наберет тридцать восемь очков, либо не наберет ничего.

— Снова удваиваю.

Дьюк улыбнулся:

— Спасибо, золотко. Ходи, Карен.

Мистер Фарнхэм вдруг положил карты и резко встал. Его сын сказал:

— Эй! Вернись и прими неизбежное!

Мистер Фарнхэм, не отвечая, подошел к телевизору, включил его, затем включил радио и

---

[3] notes: 3

Контра — карточный термин, обозначающий удвоение ставки. — *Примеч. ред.*

настроил его на нужную волну.

— Красная тревога! — неожиданно объявил он. — Пусть кто-нибудь предупредит Джозефа! — И выбежал из комнаты.

— Вернись! Тебе не провести нас с помощью такого примитивного трюка!

— Заткнись, Дьюк! — прикрикнула на него Карен.

Ожил телевизионный экран: «…приближается. Сразу же настройтесь на волну своей аварийной станции. Удачи вам, всего хорошего, и да благословит вас всех Господь!..»

Изображение на экране исчезло, и стало слышно радио: «…не учебная тревога! Это не учебная тревога! Аварийным командам явиться в места дислокации. Не выходите на улицу. Если у вас нет укрытия, найдите самое защищенное место в доме. Это не учебная тревога! Неопознанные баллистические объекты только что замечены нашими системами раннего предупреждения, и есть все основания предполагать, что это боевые ракеты. Все в укрытия! Аварийным командам явиться…»

— Кажется, это серьезно, — с дрожью в голосе выдавила из себя Карен. — Дьюк, покажи дорогу Барбаре. Я пойду разбужу Джозефа… — И она

выбежала из комнаты.

— Этого не может быть, — сказал Дьюк.

— Дьюк, как пройти в укрытие?

— Я покажу вам. — Он неторопливо встал, собрал карты и аккуратно разложил их по разным карманам. — Мои и сестренкины — в моих брюках, а ваши с отцом — в пиджаке. Пошли. Чемодан возьмете?

— Нет!

2

Дьюк провел ее через кухню, за которой находилась лестница, ведущая в подвал. Мистер Фарнхэм уже спускался по ней, неся на руках жену. Похоже было, что она спит.

— Подожди, отец! — крикнул Дьюк. — Сейчас я возьму ее сам.

— Спускайся первым и открой дверь!

В стене подвала оказалась стальная дверь. Дьюк не сумел справиться с ней — не знал, как отпирается замок. Мистер Фарнхэм не выдержал и, отдав жену сыну, сам открыл ее. За дверью оказалась еще одна лестница, ведущая вниз. Они подхватили миссис Фарнхэм и понесли ее, словно безвольную куклу, дальше по лестнице. За второй

стальной дверью открылось новое помещение. Барбара прикинула, что пол в нем находится футов на шесть ниже основания фундамента, а само убежище располагается примерно под задним двором дома. Она шагнула в сторону, пропуская хозяев внутрь.

Мистер Фарнхэм вновь показался в дверях:

— Барбара! Входите же скорее! А где Джозеф? Где Карен?

Не успел он договорить, как эти двое кубарем скатились по лестнице. Карен была растрепана и выглядела очень возбужденной. Джозеф спросонья дико озирался по сторонам. Одет он был явно наспех, в брюки и нижнюю рубашку. Обуви на нем не было.

Он резко остановился:

— Мистер Фарнхэм! Они что, собираются нанести нам удар?

— Боюсь, что так. Входи скорее.

Юноша-негр обернулся и закричал:

— Доктор Ливингстон — Я Полагаю! — и кинулся вверх по лестнице.

— О боже! — простонал мистер Фарнхэм и сжал ладонями виски. Затем добавил уже обычным тоном: — Девочки, входите. Карен, запри эту дверь, я же наверху подожду, сколько смогу. — Он

взглянул на часы. — Пять минут.

Девушки вошли. Барбара шепотом спросила:

— Что случилось с Джозефом? Помешался?

— Да, что-то вроде того. Доктор Ливингстон — Я Полагаю — это наш кот, который любит Джозефа и терпит нас. — Карен начала запирать внутреннюю дверь, сделанную из листовой стали, на десять засовов дюймовой толщины.

Вдруг она остановилась:

— Черт меня возьми! Я запираю дверь, а отец остался там, снаружи!

— Не запирай вообще.

Карен покачала головой:

— Нет, я все-таки задвину парочку, чтобы он слышал. Этот кот может быть в миле отсюда.

Барбара оглянулась. Комната имела г-образную форму. Вошли они с конца короткого рукава. Справа, у стены, располагались две койки. Грейс Фарнхэм лежала на нижней, она все еще спала. Вдоль противоположной стены тянулись полки, тесно уставленные какими-то припасами. Койки и полки разделял проход немного шире, чем входная дверь. Потолок был низким, закругленным, сделан из гофрированной стали. Дальше можно было различить края еще двух коек. Дьюка видно не было, и вдруг он появился из-за поворота и

принялся устанавливать ломберный столик. Барбара с удивлением следила за тем, как он аккуратно вынимает из карманов карты, которые захватил перед бегством из гостиной. Как давно это было! Наверное, уже с час назад. А может быть, и пять минут.

Дьюк заметил ее, улыбнулся и расставил вокруг столика складные стулья.

В дверь постучали. Карен отперла ее. Ввалился Джозеф, за ним вошел мистер Фарнхэм. С рук Джозефа спрыгнул рыжий персидский кот и тут же принялся обнюхивать все углы. Карен с отцом заперли дверь. Фарнхэм взглянул на жену и сказал:

— Джозеф, поможешь мне покрутить штурвал?

— Есть, сэр!

К ним подошел Дьюк:

— Ну как, посудина заклепана, шкипер?

— Да, осталась только раздвижная дверь. Она запирается на штурвал.

— Ну что ж, как запрете — прошу к столу. — Дьюк указал на разложенные карты.

Отец уставился на него в изумлении:

— Дьюк, ты что же, всерьез предлагаешь *доигрывать партию*, когда с минуты на минуту мы

ждем нападения?

— Мою серьезность изрядно подкрепляет надежда выиграть четыре сотни долларов. И еще одну ставлю на то, что нас вообще не атакуют. Через полчаса тревога будет отменена, и в завтрашних газетах появятся сообщения, что радарные станции были сбиты с толку северным сиянием. Ну как, будешь играть? Или сдаешься?

— Ммм… мой партнер сыграет за меня. Я занят.

— Ты не будешь потом оспаривать ее проигрыш?

— Конечно нет.

Барбара обнаружила, что уже сидит за столом. У нее было такое чувство, что все это происходит во сне. Она взяла карты своего партнера и взглянула на них:

— Твое слово, Карен.

— О черт! — воскликнула в сердцах Карен и пошла с тройки треф.

Дьюк взял карты «болвана» и разложил их по мастям.

— Какую карту со стола?

— Все равно, — отозвалась Барбара. — Я играю в открытую за двоих.

— Может, лучше не надо?

— Да тут без вариантов. — Она показала карты.

Дьюк взглянул на них.

— Все ясно… — сказал он. — Не убирайте их, отцу тоже будет интересно посмотреть. — Он что-то прикинул в уме. — Здесь примерно двадцать четыре сотни очков. Отец!

— Да, сын?

— Я выписываю чек на четыреста девяносто два доллара, и пусть это будет мне уроком.

— Нет такой необходимости…

Свет погас, пол вздрогнул под ногами. Барбара почувствовала, как что-то страшно сдавило ей грудь. Она попыталась встать, но не смогла устоять на ногах. Вокруг грохотали гигантские поезда подземки, и пол вздымался, как палуба корабля в море.

— Отец!

— Я здесь, Дьюк. Ты ранен?

— Не знаю. Но чек мне придется выписать уже на пятьсот девяносто два доллара!

Подземный гул не смолкал. Сквозь рев и грохот Барбара услышала, как мистер Фарнхэм усмехнулся и сказал:

— Забудь об этом. Доллар только что обесценился.

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? — послышался

пронзительный голос миссис Фарнхэм. — Хьюберт, останови это!

— Иду, дорогая.

Тьму прорезал тонкий луч фонарика и двинулся по направлению к койкам. Барбара подняла голову и увидела, что это хозяин дома на четвереньках, держа фонарик в зубах, пробирается к супруге. Достигнув койки, он принялся успокаивать жену, и скоро ее крики стихли.

— Карен!

— Да, папа?

— Ты в порядке?

— Да, только синяки. Мой стул опрокинулся.

— Прекрасно. Тогда включи аварийное освещение в этом отсеке. Только не вставай. Передвигайся ползком. Я посвечу тебе фонариком. Потом возьми аптечку и шприц и… *Ох-х!* Джозеф!

— Да, сэр?

— Ты цел?

— Все в порядке, босс.

— Позови-ка своего лохматого Фальстафа. А то он прыгнул на меня.

— Просто он хочет выразить свое расположение к вам.

— Да-да. Но мне не хотелось бы, чтобы он выражал его в то время, когда я делаю укол. Позови

его.

— Сию секунду. Док! Ко мне! Док! Док! На́ рыбку!

Через некоторое время грохот стих, пол перестал качаться под ногами. Миссис Фарнхэм, получив дозу снотворного, безмятежно уснула. В первом отсеке тускло светили две небольшие лампочки, и мистер Фарнхэм принялся изучать последствия нападения.

Ущерб оказался невелик. Несмотря на ограждения, несколько банок с консервами все же свалились на пол. Разбилась одна бутылка рома, но, кроме спиртного, практически ничего из припасов не хранилось в стеклянной таре. Спиртное, оставленное в ящиках, тоже уцелело. Самой неприятной потерей был радиоприемник на батарейках, который сорвался со стены и разбился вдребезги.

Мистер Фарнхэм встал на четвереньки и принялся разглядывать остатки приемника. Подошел его сын и, взглянув на разбитое устройство, произнес:

— Не трать время, отец. Смети весь этот хлам в помойное ведро.

— Кое-что можно восстановить.

— А ты что-нибудь понимаешь в радиотех-

нике?..

— Нет, — вздохнул отец. — Но у меня есть книги.

— Книги не починят радиоприемник. Тебе следовало бы иметь запасной.

— У меня есть.

— Тогда, бога ради, достань его! Я хочу знать, что случилось.

Отец медленно поднялся и взглянул на Дьюка:

— Мне тоже интересно. Тот приемник, что у меня в ухе, молчит. Конечно, ничего удивительного в этом нет — он слишком слабый. А запасной приемник упакован в поролон и, скорее всего, не пострадал.

— Так доставай же его!

— Потом.

— «Потом, потом»... Дьявольщина! Где он?

Мистер Фарнхэм вздохнул тяжело:

— Я устал от твоей болтовни.

— Что? Ну прости. Скажи мне только, где запасное радио.

— Нет. Мы можем лишиться и его. Я хочу дождаться конца нападения.

Сын пожал плечами:

— Ну что ж, упрямься на здоровье. Но ведь наверняка все с удовольствием послушали бы

последние новости. Твое упрямство просто глупо, если хочешь знать мое мнение.

— Тебя никто не спрашивает. Я уже сказал, что устал от твоей болтовни. Если тебе так хочется узнать, что происходит снаружи, выйди и посмотри. Я отопру внутреннюю дверь и промежуточную, внешнюю ты сам вполне можешь открыть.

— Как это? Не говори глупостей.

— Только не забудь закрыть ее за собой. Лучше, если она будет закрыта, — это ослабит излучение. И ударную волну.

— Вот это уже ближе к делу. Здесь есть чем измерить уровень радиации? Нам бы следовало…

— Заткнись!

— Что? Отец, не надо строить из себя сурового папашу.

— Дьюк, я по-хорошему прошу тебя замолчать и выслушать меня. Согласен?

— Ну что же… хорошо. Мне только не нравится, когда на меня кричат в присутствии других людей.

— В таком случае держи язык за зубами.

Они находились в первом отсеке. Возле них мирно похрапывала миссис Фарнхэм. Остальные удалились во второй отсек, чтобы не быть свиде-

телями ссоры.

— Так ты готов слушать меня?

— Готов, сэр, — холодно ответил Дьюк.

— Вот и отлично. Сынок, я не шучу. Или уходи, или делай только то, что буду говорить я. Подразумевается и то, что ты должен заткнуться, если я прошу. Как бы поточнее выразиться? Это должно быть абсолютное подчинение, быстрое и охотное. Или ты предпочтешь уйти?

— А не слишком ли ты перегибаешь палку?

— Вот именно это я и делаю. Наше убежище — спасательная шлюпка, а я ее командир. Ради безопасности остальных я должен поддерживать дисциплину. Даже если для этого придется кого-нибудь выбросить за борт.

— Это довольно-таки искусственная аналогия. Отец, очень жаль, что ты служил на флоте. После него у тебя в голове завелись романтические идеи.

— А я жалею, что *ты* никогда не служил. Тебе не хватает трезвого взгляда на жизнь. Ну так что? Ты будешь выполнять приказы? Или уйдешь?

— Ты же прекрасно знаешь, что я никуда не уйду. Да ты и не стал бы говорить об этом всерьез. Ведь это верная смерть.

— Значит, ты будешь меня слушаться?

— Я… э-э-э… буду сотрудничать с тобой. Но это диктатура… Отец, сегодня вечером ты сам ясно дал понять, что ты свободный человек. Но ведь и я тоже. Поэтому я согласен помогать тебе. Но я не собираюсь исполнять приказы, которые считаю ненужными. Что касается держания языка за зубами, то я постараюсь быть дипломатичным. Но если я сочту необходимым, то наверняка выскажу свое мнение вслух и открыто. Свобода слова. Ведь это справедливо, не так ли?

Отец вздохнул:

— Не то ты говоришь, Дьюк. Отойди-ка, я открою дверь.

— Эта шутка, кажется, заходит слишком далеко, отец.

— Я не шучу. Я собираюсь выставить тебя за дверь.

— Отец… Мне бы не хотелось говорить тебе этого… но, мне кажется, у тебя силенок не хватит тягаться со мной. Я крупнее тебя и намного моложе.

— Это мне известно. Но я вовсе не собираюсь драться с тобой.

— Тогда давай прекратим этот глупый спор.

— Дьюк, пожалуйста! Я построил это убежище. Не прошло еще и двух часов, как ты смеялся над

ним, называя его «нездоровой» причудой. А теперь, когда оказалось, что ты был не прав, ты с удовольствием пользуешься им. Верно?

— В принципе, да. Ты прав.

— И все-таки ты указываешь мне, что и как я должен делать. Заявляешь мне, что *следовало* запастись вторым приемником. И все это тогда, когда ты сам не запасся *ничем*! Будь же мужчиной, раз так получилось, и делай то, что тебе говорят. Ведь ты спасся только благодаря мне!

— Черт побери! Я тебе уже сказал, что согласен сотрудничать!

— А сам и не думаешь этого делать. Вместо этого ты отпускаешь глупые замечания, мешаешь мне, упрямишься, напрасно задерживаешь меня, когда у меня куча срочных дел. Дьюк, мне не нужно сотрудничество на твоих условиях и по твоему разумению. Пока мы находимся в этом убежище, мне требуется полное подчинение.

Дьюк покачал головой:

— Постарайся, наконец, понять, что я уже не ребенок, отец. Мое сотрудничество — да. Но большего я не обещаю.

Мистер Фарнхэм печально покачал головой:

— Возможно, было бы лучше, если бы командовал ты, а я тебе подчинялся. Но дело в том, что я

много раз обдумывал все, что может случиться непредвиденного, а ты — нет. Сын, я предусмотрел, что у твоей матери может начаться истерика, и у меня все было наготове для такого случая. Как ты думаешь, не мог ли я предусмотреть и данную ситуацию?

— Как это? Ведь я здесь оказался по чистой случайности.

— Я сказал «ситуацию». На твоем месте мог оказаться любой другой. Сегодня у меня могли быть гости или какие-нибудь случайные люди вроде того старика, что позвонил к нам в дверь, — я бы взял в убежище всех. Я предусмотрел дополнительные места. Неужели ты думаешь, что, планируя все это, я не предвидел, что кто-нибудь может выйти из повиновения, и не продумал, как поставить его на место?

— Ну и как же?

— Как ты думаешь, чем отличается командир спасательной шлюпки от остальных, сидящих в ней?

— Это что, загадка?

— Да нет. Просто только у командира есть оружие.

— О, я и не сомневался, что здесь у тебя есть и оружие. Но в руках ты ничего не держишь

и… — Дьюк усмехнулся. — Отец, я что-то с трудом представляю себе, как ты стреляешь в меня. Неужели ты способен на это?

Мистер Фарнхэм пристально посмотрел на сына, затем опустил глаза.

— Нет. В чужого человека — возможно. Но ты мой сын. — Он вздохнул. — Ну что ж, надеюсь на твое сотрудничество.

— Обещаю тебе его.

— Спасибо. А теперь, извини, мне нужно кое-что сделать. — Мистер Фарнхэм оглянулся назад и позвал: — Джозеф!

— Да, сэр.

— Сложилась ситуация номер семь.

— Ситуация семь, сэр?

— Да, и положение все время ухудшается. Будь осторожен с инструментами и не мешкай.

— Понятно, сэр!

— Спасибо. — Он повернулся к сыну. — Дьюк, если ты действительно хочешь сотрудничать, то можешь собрать остатки этого радио. Оно точно такое же, как и запасное. Так что в случае необходимости какие-то детали нам могут пригодиться. Согласен?

— Конечно, сэр. Я же *сказал*, что готов сотрудничать. — Дьюк опустился на колени и занялся

тем, что до этого помешал сделать отцу.

— Спасибо. — Мистер Фарнхэм повернулся и пошел по направлению ко второму отсеку.

— Мистер Дьюк! Руки вверх!

Дьюк взглянул через плечо и увидел, что позади карточного столика стоит Джозеф и целится в него из автомата Томпсона. Он вскочил на ноги:

— Какого черта!

— Стойте на месте! — предупредил Джозеф. — При малейшем движении — стреляю!

— Правильно, — согласился мистер Фарнхэм. — Его ведь не удерживают родственные узы, как меня. Джозеф, если только он шевельнется, пристрели его.

— Отец! Что происходит?

Мистер Фарнхэм повернулся к дочери:

— Ступай обратно!

— Но, папочка…

— Тихо! Обе ступайте обратно и сидите там на нижней койке. Быстро!

Карен подчинилась. Барбара с ужасом заметила, что в руке хозяина дома тускло отсвечивает автоматический пистолет, и быстро последовала за Карен.

— А теперь обнимите друг друга, — приказал Фарнхэм, — и не двигайтесь.

Он вернулся в первый отсек.

— Дьюк!

— Да.

— Опусти руки и расстегни брюки. Пусть они спадут, но ног из них не вынимай. После этого медленно повернись лицом к двери и отпирай ее.

— Отец…

— Заткнись. Джозеф, если он сделает что-нибудь не так, как я велел, стреляй. Можешь для начала стрелять по ногам, но попасть в него ты должен обязательно.

Ошеломленный, бледный как полотно, Дьюк сделал то, что ему велели: спустил брюки так, что оказался стреноженным ими, повернулся и принялся выдвигать запоры на двери. Когда он справился с половиной, отец остановил его:

— Дьюк, хватит. В эти секунды решается, уходишь ты или остаешься. Условия тебе известны.

Почти без колебаний Дьюк ответил:

— Я принимаю твои условия.

— Но это еще не все. Ты будешь подчиняться не только мне, но и Джозефу.

— Джозефу?!

— Моему первому помощнику. Без помощника мне никак не обойтись, Дьюк. Не могу же я все

время бодрствовать. Я бы с радостью назначил помощником тебя, но ты ведь не хотел иметь с этим ничего общего. Поэтому мне пришлось поднатаскать Джозефа. Он знает, где что находится, как что действует, как что починить. Таким образом, он мой заместитель. Что ты на это скажешь? Согласен ли ты подчиняться ему так же, как мне? Без пререканий?

— Обещаю, — медленно проговорил Дьюк.

— Хорошо. Но обещание, данное под давлением, ни к чему не обязывает. Существует другая форма подчинения, которая применяется в случае насилия и тем не менее имеет силу. Ты, как юрист, должен знать, о чем я говорю. Я хочу, чтобы ты дал клятву заключенного. Клянешься ли ты подчиняться обстоятельствам до тех пор, пока мы не сможем покинуть убежище? Это честное соглашение: твоя клятва в обмен на то, что мы оставляем тебя здесь.

— Клянусь.

— Благодарю. Тогда запирай дверь и застегивай брюки. Джозеф, можешь убрать автомат.

— Хорошо, босс.

Дьюк запер дверь, привел в порядок брюки. Когда он повернулся, отец протянул ему пистолет.

— Зачем это? — спросил Дьюк.

— Соберись с мыслями. Если твоя клятва ничего не стоит, то лучше нам узнать об этом сейчас.

Дьюк взял пистолет, вытащил из него обойму, оттянул затвор и поймал выскочивший из патронника патрон. Взглянув на него, Дьюк сунул патрон в обойму, вставил ее — и вернул перезаряженный пистолет отцу.

— Моя клятва остается в силе. Держи.

— Пусть останется у тебя. Ты всегда был упрямым мальчишкой, но никогда не был лжецом.

— Ладно… босс. — Сын положил пистолет в карман. — А здесь довольно жарко.

— Будет еще жарче.

— Да? И какую же дозу мы, по-твоему, получаем?

— Я имею в виду не радиацию. Огненный шторм. — Мистер Фарнхэм подошел к месту стыка двух отсеков, взглянул на висевший там термометр, затем на часы. — Уже восемьдесят четыре градуса[4], а с момента нападения прошло только двадцать три минуты. Значит, будет еще хуже.

— Насколько хуже?

— Откуда я знаю, Дьюк? Я не имею понятия,

---

[4] notes: 4

84° по Фаренгейту приблизительно равны 29° по Цельсию. — *Примеч. С. В. Голд.*

на каком расстоянии от нас произошел взрыв, сколько мегатонн было в бомбе, насколько далеко распространилось пламя. Я даже не знаю, горит ли над нами дом или его снесло взрывом. Нормальная температура в убежище — около пятидесяти градусов. Так что все это выглядит паршиво. И ничего с этим не поделаешь. Хотя, впрочем, кое-что мы можем сделать. Раздеться и ходить в шортах. Так я и поступлю, пожалуй.

Он прошел в соседний отсек. Девушки все так же сидели на койке, крепко обнявшись. Джозеф устроился на полу, прислонившись спиной к стене. На руках у него лежал кот. Карен взглянула на отца широко открытыми глазами, но ничего не сказала.

— Ну, детки, можете вставать.

— Спасибо, — сказала Карен. — Для объятий здесь довольно жарко. — Барбара разомкнула руки, и Карен выпрямилась.

— Ничего не поделаешь. Вы слышали, что произошло?

— Какая-то ссора, — осторожно сказала Карен.

— Верно. И это последняя ссора. Я — начальник, а Джозеф — мой заместитель. Понятно?

— Да, папочка.

— Миссис Уэллс?

— Я? О, конечно! Ведь это же ваше убежище. Я так благодарна вам, что оказалась здесь. Благодарна за то, что оказалась в живых. И пожалуйста, мистер Фарнхэм, называйте меня просто Барбара.

— Хм… В таком случае называйте меня Хью. Это имя нравится мне больше, чем Хьюберт. Дьюк — и все остальные тоже — отныне пусть называют друг друга просто по имени. Не называйте меня больше «отец», зовите меня Хью. А ты, Джо, оставь этих мистеров и мисс. Понял?

— Ладно, босс. Как вам будет угодно.

— Отныне ты должен говорить: «Ладно, Хью». А теперь, девочки, раздевайтесь до нижнего белья, потом разденьте Грейс и выключите свет. Сейчас жарко, а будет еще жарче. Джо, советую раздеться до трусов. — Мистер Фарнхэм снял пиджак и начал расстегивать рубашку.

— Э… босс, мне вполне хорошо и так, — сказал Джозеф.

— Вообще-то я не спрашиваю, я тебе приказываю.

— Э-э-э… *босс, на мне нет трусов*.

— Это правда, — подтвердила Карен. — Спросонья он так торопился, что забыл надеть их.

— Вот как? — Хью взглянул на своего бывшего

работника и хмыкнул: — Джо, да ты, кажется, еще не созрел для такой ответственной должности. Наверное, мне следовало бы назначить своим заместителем Карен.

— Годится.

— Ладно, возьми на полке запасные трусы и переоденься в туалете. Когда закончишь, покажи Дьюку, где что находится. А ты, Карен, то же самое проделай с Барбарой. А потом мы соберемся на совет.

Собрались они минут через пять. Хью Фарнхэм сидел за столом и тасовал карты. Когда все расселись, он спросил:

— Кто хочет сыграть в бридж?

— Папочка, ты шутишь?

— Меня зовут Хью. Я не шучу: партия в бридж может здорово успокоить наши нервы. Потуши сигарету, Дьюк.

— Э… прошу прощения.

— Думаю, что завтра ты уже сможешь курить. Я впустил много чистого кислорода, поэтому наружный воздух не поступает. Видел баллоны в туалетной комнате?

В промежуточном помещении между отсеками стояли баллоны со сжатыми газами, бак с водой, химический туалет. Там же находились различ-

ные запасы и крохотный стоячий душ. Здесь же были входное и выходное вентиляционные отверстия, наглухо сейчас закрытые, и ручная воздухоочистительная установка с уловителями двуокиси углерода и водяных паров.

— Значит, в них кислород? А я думал, там просто сжатый воздух.

— Он занял бы слишком много места. Так что курить слишком рискованно. Я открыл для проверки один из вентиляционных входов — воздух очень горячий, как в смысле температуры, так и в смысле радиации. Счетчик Гейгера трещит как пулемет. Друзья, я не знаю, сколько нам еще придется пользоваться сжатым кислородом. Запас его рассчитан на тридцать шесть часов для четырех человек, так что для шестерых его хватит примерно на двадцать четыре часа. Но это не самое страшное. Я весь в поту, и вы тоже. До ста двадцати градусов[5] мы еще сможем терпеть. Если температура поднимется выше, придется использовать кислород для охлаждения убежища. В таком случае нам останется выбирать между жарой и удушьем. Или чем похуже.

— Папа… то есть Хью, я хотела сказать. Ты име-

---

[5] notes: 5

120° по Фаренгейту примерно равны 49° по Цельсию. — *Примеч. С. В. Голд.*

ешь в виду, что мы или поджаримся заживо, или задохнемся?

— Я этого не допущу, Карен.

— Если дойдет до этого… я предпочитаю пулю.

— Не потребуется. У меня в убежище запас снотворного, достаточный, чтобы безболезненно умертвить человек двадцать. Но мы здесь не для того, чтобы погибать. До сих пор нам везло. И если наше везение продлится еще немного, мы переживем катастрофу. Так что не настраивайтесь на похоронный лад.

— А как насчет радиации? — спросил Дьюк.

— Ты умеешь читать показания счетчика?

— Нет.

— Тогда поверь мне на слово, что с этой стороны опасность нам пока не грозит. Теперь насчет сна. В отсеке, где лежит Грейс, — женская половина, другой отсек — для мужчин. Коек только четыре, но этого вполне достаточно: один из нас постоянно должен наблюдать за температурой и воздухом, другой, которому тоже не хватает места, должен заботиться о том, чтобы дежурный не уснул. Тем не менее сегодняшнюю вахту я беру на себя, и напарник мне не понадобится — я принял декседрин.

— Я буду дежурить.

— И я с тобой.

— Мне совсем не хочется спать.

— Тише, тише! — сказал Хью. — Джо, тебе со мной дежурить нельзя, потому что тебе придется сменить меня, когда я выдохнусь. Мы с тобой будем дежурить попеременно до тех пор, пока ситуация не перестанет быть опасной.

Джо пожал плечами и промолчал.

Дьюк сказал:

— Тогда, видно, я буду удостоен этой чести.

— Вы что, считать не умеете? Две койки для мужчин, две — для женщин. Что остается? Нужно сложить этот стол, и тогда еще одна женщина сможет спать на полу. Джо, доставай одеяла. Пару брось здесь на пол и пару — в кладовой, для меня.

— Уже несу, Хью.

Обе девушки настаивали на том, чтобы им тоже разрешили нести вахту. Хью оборвал их:

— Довольно.

— Но…

— Довольно, я сказал, Барбара. Одна из вас спит на койке, другая здесь, на полу. Дьюк, дать тебе снотворное?

— Никогда не имел такой привычки.

— Не строй из себя железного человека.

— Ну… пусть это будет проверка на ржавчину.

— Хорошо. Джо? Секонал?

— Дело в том, что я так рад тому, что завтра не нужно писать эту контрольную…

— Приятно слышать, что хоть кто-то из нас чему-то рад. Хорошо.

— Я еще хотел сказать, что сна у меня ни в одном глазу. Вы уверены, что вам не понадобится моя помощь?

— Уверен. Карен, достань Джо одну таблетку. Знаешь, где они лежат?

— Да, и себе я тоже, пожалуй, возьму. Я не железный человек, и милтаун очень кстати.

— Прекрасно. Барбара, вы пока не пейте снотворное. Может быть, мне еще придется разбудить вас, чтобы вы не давали мне заснуть. Впрочем, милтаун можете принять. Это обычное успокоительное.

— Пожалуй, ни к чему.

— Как хотите. А теперь — всем спать. Сейчас ровно полночь, и через восемь часов на вахту заступят следующие двое.

Через несколько минут все улеглись. Барбара легла на полу. Свет выключили, оставив только одну лампочку в кладовой для дежурного. Хью расположился на одеялах и принялся сам с собой

играть в солитер[6], причем довольно плохо.

Пол снова вздрогнул, послышался раздирающий уши рев. Карен вскрикнула.

Хью мгновенно вскочил. На сей раз удар был не очень силен, и он смог удержаться на ногах. Хью поспешил в женский отсек.

— Дочка! Где ты? — Он пошарил по стене и нащупал выключатель.

— Я здесь, папа. Боже, как я испугалась! Я уже почти заснула, как вдруг это! Я чуть не свалилась на пол. Помоги мне спуститься.

Он поддержал ее, и она, спустившись, прижалась к нему и зарыдала.

— Ну-ну, — приговаривал он, ласково похлопывая ее по спине. — Ты же у меня смелая, не бойся, все будет хорошо.

— И вовсе я не смелая. Я все время боюсь без памяти. Просто я стараюсь не показывать этого.

— Карен… я тоже боюсь. Так давай не будем поддаваться страху, а? Выпей-ка еще таблетку. Можешь запить чем-нибудь покрепче.

— Хорошо. И то, и другое. Но мне не уснуть на этой койке. Там слишком жарко и страшно, когда трясет.

---

[6] notes: 6

Вообще-то, *солитер* — это пасьянс, но его можно превратить в игру. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Ладно. Мы можем постелить тебе на полу, там попрохладнее. А где твое белье, девочка? Лучше надеть его.

— Оно там, наверху, на койке. Но мне это безразлично. Мне просто нужно, чтобы кто-нибудь был рядом. А впрочем, нет. Лучше я оденусь, а то Джозеф будет шокирован, когда проснется.

— Сейчас, подожди. Вот твои трусики. А куда же девался лифчик?

— Может быть, где-то сбоку?

Хью снял матрас с койки.

— Нет, и здесь ничего.

— Ну и черт с ним! Джо может и отвернуться. Я хочу выпить.

— Хорошо. Джо настоящий джентльмен.

Дьюк и Барбара сидели на полу на одеяле. Оба выглядели очень неважно. Хью спросил:

— А где Джо? Он не ранен?

Дьюк усмехнулся:

— Хочешь посмотреть на «спящую невинность»? Вон там, на нижней койке.

Хью обнаружил своего заместителя лежащим на спине, громко храпящим и таким же нетранспортабельным, как Грейс Фарнхэм. Доктор Ливингстон — Я Полагаю свернулся калачиком у него на груди. Хью вернулся в первый отсек.

— Ну, этот взрыв был подальше. Я очень рад, что у Джо есть возможность выспаться.

— А по мне, так взрыв был чертовски близко! И когда только у них кончатся эти штуки?

— Я думаю, скоро. Друзья, мы только что с Карен организовали клуб «Я тоже боюсь» и собираемся отпраздновать его учреждение небольшим возлиянием. Еще кандидаты в члены клуба есть?

— Я почетный член!

— И я тоже, — поддержала Барбара.

— Еще бы!

Хью извлек откуда-то бумажные стаканчики и бутылку шотландского виски, а также секонал и милтаун.

— Кому-то нужна вода?

— Я не хочу, чтобы какая-то там вода мешалась со столь благородным напитком, — сказал Дьюк.

— А я, пожалуй, разбавлю, — сказала Барбара. — Как все-таки жарко!

— Отец, какая у нас сейчас температура?

— Дьюк, в кладовой есть термометр. Будь добр, сходи и посмотри.

— Конечно. А можно мне потом тоже принять снотворное?

— Ради бога. — Хью дал Карен одну капсулу секонала и таблетку милтауна, посоветовав Бар-

баре тоже принять успокоительное. Затем он и сам принял милтаун, решив, что декседрин слишком возбудил его. Вернулся Дьюк.

— Сто четыре градуса, — объявил он. — Я еще немного отвернул вентиль. Правильно?

— Скоро нам придется отвернуть его еще больше. Вот твои таблетки, Дьюк, — двойная доза секонала и милтауна.

— Спасибо. — Дьюк проглотил лекарства и запил их виски. — Пожалуй, я тоже лягу на полу. Кажется, это самое прохладное место в доме.

— Логично. Ну хорошо, давайте ложиться. Дадим таблеткам возможность проявить себя.

Хью сидел с Карен до тех пор, пока она не уснула, затем осторожно убрал руку, которую она продолжала сжимать во сне, и вернулся на свой пост. Температура опять поднялась на два градуса. Он еще больше отвернул вентиль на баллоне с кислородом, но, уловив прощальное шипение остатков газа, покачал головой, взял гаечный ключ и перешел к другому баллону. Перед тем как отворачивать вентиль, он присоединил к нему шланг, который тянулся в жилой отсек. Отвернув вентиль, он уселся на одеяло и начал притворяться, что раскладывает пасьянс.

Через несколько минут на пороге появилась

Барбара.

— Что-то мне не спится, — сказала она. — Можно составить вам компанию?

— Вы плакали?

— А что, заметно? Прошу прощения.

— Садитесь. Хотите сыграть?

— Только если вы хотите. Мне просто нужна какая-то компания.

— А мы с вами поговорим. Выпьете еще?

— С удовольствием! А может быть, не стоит тратить виски понапрасну?

— У нас его очень много. Да к тому же, когда его и пить-то, если не в такую ночь? Помните одно: мы оба должны следить за тем, чтобы другой не уснул.

— Хорошо. Буду стараться не дать вам заснуть.

Они выпили, разбавив скотч водой из бака. Было так жарко, что им показалось, что виски выходит с потом быстрее, чем они успевают пить его. Хью еще немного увеличил количество кислорода и тут заметил, что потолок слишком горяч.

— Барбара, должно быть, над нами горит дом. Потому что над потолком слой бетона толщиной в тридцать дюймов да еще два фута почвы.

— Как вы думаете, какая температура там,

снаружи?

— Трудно сказать. Вероятно, мы находимся недалеко от эпицентра взрыва. — Он еще раз пощупал потолок. — Я сделал эту штуку более чем прочной: потолок, стены и пол представляют собой сплошную бетонную коробку, усиленную стальной арматурой. И правильно. У нас еще могут быть затруднения с дверями. Этот жар… да и от взрывной волны все могло перекосить.

— Так мы в ловушке? — тихо спросила она.

— Нет-нет. Под этими баллонами есть люк, ведущий в туннель. Тридцатидюймовая ливневая труба, укрепленная бетоном. Он выходит в канаву за садом. В случае чего мы пробьемся. У нас есть ломы и домкрат. Даже если выход завален и покрыт вулканическим стеклом — это меня не тревожит. Меня тревожит другое: сколько мы еще продержимся здесь, внутри… И будет ли безопасно выйти наружу?

— А как с радиоактивностью?

Он поколебался.

— Барбара, какая вам разница? Вам что-нибудь известно о радиации?

— Достаточно. Я специализируюсь на ботанике. И в генетических экспериментах мне приходилось пользоваться изотопами. Хью, мне легче

будет узнать самое худшее, чем пребывать в неведении, — из-за этого-то я и плакала.

— Ммм… Положение гораздо хуже, чем я сказал Дьюку. — Он указал большим пальцем через плечо. — Счетчик вон там, за баллонами. Сходите посмотрите.

Барбара отправилась к счетчику и некоторое время оставалась возле него. Вернувшись, она молча села.

— Ну как? — спросил он.

— Можно я выпью еще немного?

— Конечно! — Он налил ей виски и разбавил его.

Она глотнула и тихо сказала:

— Если радиация не начнет уменьшаться, то к утру дойдет до красной черты. — Она нахмурилась. — Конечно, эта предельная цифра из перестраховки занижена. Если я правильно помню, тошнить нас начнет не раньше, чем на следующий день.

— Все так. Но излучение скоро начнет спадать. Поэтому меня больше беспокоит жара. — Он взглянул на термометр и еще немного приоткрыл вентиль. — Сейчас работает батарейный поглотитель. Не думаю, что нам стоит в такой жаре крутить ручной воздухоочиститель. Одним

словом, о це-о-два начнем беспокоиться только тогда, когда станем задыхаться.

— Резонно.

— Давайте не будем больше говорить о подстерегающих нас опасностях. О чем бы вы хотели поговорить? Может быть, расскажете немного о себе?

— Да мне и рассказывать-то почти нечего, Хью. Пол женский, белая, двадцати пяти лет от роду. Учусь, точнее, вернулась в колледж после неудачного замужества. Брат — военный летчик, так что, может быть, он уцелел. А родители мои живут в Акапулько, — возможно, и они живы. Домашних животных, слава богу, нет, и я очень рада, что Джо спас своего кота. Я ни о чем не жалею, Хью, и ничего не боюсь, правда. Только как-то тоскливо… — Она тяжело вздохнула. — Все-таки это был довольно неплохой мир, несмотря на мой рухнувший брак.

— Не плачьте.

— Я не плачу. Это не слезы. Это пот.

— О да, конечно.

— В самом деле, просто невыносимо жарко. — Она вдруг завела руку за спину. — Вы не против, если я сниму эту штуку, как Карен? Он буквально душит меня.

— Пожалуйста, дитя мое, если вам так будет легче, снимите. Я видел Карен начиная с момента ее рождения, а Грейс еще дольше. Так что вид обнаженного тела не шокирует меня. — Он встал, подошел к счетчику радиации. Проверив его показания, он взглянул на термометр и увеличил приток кислорода.

Вернувшись на свое место, Фарнхэм заметил:

— В принципе, я мог бы запасти вместо кислорода сжатый воздух. Тогда мы могли бы курить. Но я не думал, что кислород придется использовать для охлаждения. — Он, казалось, совсем не обратил внимания на то, что она последовала его приглашению чувствовать себя комфортно. — Наоборот, я беспокоился о том, как обогреть убежище. Хотел придумать печь, в которой использовался бы зараженный воздух. Без какой-либо опасности для обитателей убежища, что вполне возможно, хотя и трудно.

— Я считаю, что вы и так все замечательно оборудовали. Я никогда не слышала об убежище с запасом воздуха. Ваше, вероятно, единственное. Вы настоящий ученый. Верно?

— Я-то? Боже, конечно нет! Единственное, что я закончил, — это школу. А того немногого, что я знаю, я нахватался то здесь, то там. Кое-что — во

время службы на флоте, плюс работа с металлом и заочные курсы. Потом я некоторое время работал в муниципальной службе и там узнал кое-что о строительстве и трубах. После этого я стал подрядчиком. — Он улыбнулся. — Нет, Барбара, я просто набрался всего понемногу. Ненасытное любопытство слоненка. Вроде нашего Доктора Ливингстона — Я Полагаю.

— А почему у вашего кота такая странная кличка?

— Это все Карен. Она так прозвала его за то, что он великий исследователь. Сует свой нос абсолютно во все. Вы любите кошек?

— Даже не знаю. Но Доктор Ливингстон — просто прелесть.

— Это верно. Мне вообще нравятся кошки. Ими нельзя владеть. Они — свободные граждане. Собаки, например, дружелюбны, веселы и верны. Но они — рабы. Это не их вина, их выводили по этому признаку. Рабство всегда вызывает во мне тошнотворное чувство, даже если это раболепие животных. — Он нахмурился. — Барбара, я, наверное, не так огорчен тем, что произошло, как вы. Может быть, это даже хорошо для нас. Я имею в виду не нас шестерых. Я говорю о нашей стране.

— То есть как это? — искренне удивилась она.

— Ну… конечно, трудно судить о будущем, когда сидишь, скорчившись в убежище, и не знаешь, сколько еще удастся продержаться. Но… Барбара, на протяжении многих лет я обеспокоен судьбой нашей родины. На мой взгляд, наша нация стала превращаться в стадо рабов — а ведь я верю в свободу. Может быть, война все изменит… Возможно, это будет первая в истории человечества война, которая более губительна для глупцов, чем для умных и талантливых.

— Что вы имеете в виду, Хью?

— Видите ли, война всегда забирала лучших из молодых людей. На сей раз те ребята, которые служат в армии, находятся в большей безопасности, чем гражданское население. А из гражданских больше всего шансов уцелеть у тех, у кого хватило ума как следует приготовиться к войне. Конечно же, правил без исключения не бывает, но в основном все именно так и будет. Людская порода улучшится. Когда все закончится, условия жизни будут суровы, но от этого людское племя только выиграет. Ведь уже на протяжении многих лет самый надежный способ выжить — быть совершенно никчемным и оставить после себя выводок столь же никчемных детей. Теперь все будет иначе.

Барбара задумчиво кивнула:

— Обычная генетика. Но, в принципе, это жестоко.

— Да, это жестоко. Но победить законы природы не удалось еще ни одному правительству, хотя многие из них пытались это сделать неоднократно.

Несмотря на жару, она поежилась.

— Наверное, вы правы. Нет, вы *конечно же* правы. И все же я предпочла бы, чтобы осталось хоть какое-то государство, все равно, плохое или хорошее. А уничтожение худшей трети — это, конечно, с генетической точки зрения оправдано, но, вообще-то, в смерти такого количества людей ничего хорошего нет.

— Ммм… да. Мне самому тошно об этом думать. Барбара, я же запасся кислородом не только для охлаждения и регенерации воздуха. Я думал кое о чем похуже.

— Похуже? И о чем именно?

— Все разговоры об ужасах третьей мировой войны крутились вокруг атомного оружия — радиоактивные осадки, стомегатонные бомбы, нейтронные бомбы. И болтовня насчет разоружения, и демонстрации сторонников мира — все это было связано с Бомбой, посвящено Бомбе,

Бомбе, Бомбе — как будто убивает только атомное оружие! Эта война может оказаться не только атомной, но и атомно-химически-бактериологической. — Он указал на баллоны. — Именно поэтому-то я и запасся сжатым кислородом. Он предохраняет нас от поражения газами, аэрозолями, вирусами. И еще бог знает чем. Коммунисты не станут уничтожать нашу страну полностью, если представится возможность лишить нас жизни без разрушения нашего достояния. Я ничуть не удивился бы, если бы узнал, что атомные удары были нанесены только по военным объектам вроде той противоракетной базы, что расположена неподалеку отсюда, а города вроде Нью-Йорка или Детройта получили просто по порции нервно-паралитического газа. Или по облаку бактерий чумы, которая за двадцать четыре часа дает смертельный исход в восьмидесяти случаях из ста. Подобных вариантов бесчисленное множество. Там, снаружи, воздух может быть наполнен смертью, которую не укажет ни один датчик и не задержит ни один фильтр. — Он печально улыбнулся. — Простите меня. Наверное, вам все-таки лучше пойти и лечь.

— Мне грустно и не хочется оставаться одной. Можно я еще посижу с вами?

— Конечно. Когда вы рядом, я чувствую себя значительно лучше, хотя приходится говорить о мрачных вещах.

— Ваши слова не такие мрачные, как мысли, которые приходят мне в голову, когда я остаюсь одна. Интересно, что же все-таки происходит снаружи? Жаль, что у вас нет перископа.

— Он есть.

— Как? Где?!

— Вернее, был. Простите. Видите эту трубу над нами? Я пытался поднять его, но его, похоже, заклинило. Однако... Барби, я накинулся на Дьюка за то, что он хотел использовать запасное радио до конца нападения. А может, оно уже кончилось? Как вы думаете?

— Я? Откуда же я знаю?

— Вы знаете столько же, сколько и я. Первая ракета предназначалась для уничтожения противоракетной базы: в наших местах больше нет ничего достойного внимания. Если они наводят ракеты с орбитальных спутников, то вторая ракета была еще одной попыткой поразить ту же цель. По времени все совпадает: до нас от Камчатки примерно полчаса, а второй взрыв произошел минут через сорок пять после первого. Возможно, вторая ракета попала в яблочко — и это вам

известно, потому что прошло уже больше часа, а третьей ракеты нет. Сие должно означать, что с нами покончено. Логично?

— На мой взгляд, да.

— По правде, дорогая моя, это довольно шаткая логика. Не хватает данных. Может быть, обе ракеты не попали в базу, и теперь база сшибает на лету все, что они запускают. Может быть, у русских кончились ракеты. Может быть, третью бомбу сбросят с самолета. Мы не знаем. Но мне не терпится это выяснить. И если ты настаиваешь…

— Я бы с удовольствием послушала какие-нибудь новости.

— Что ж, попробуем. Если новости хорошие, мы разбудим остальных. — Хью порылся в углу и вытащил оттуда коробку. Распаковав ее, он извлек на свет божий радиоприемник. — Ни одной царапинки. Давайте попытаемся сначала без антенны.

Ничего, кроме статистических разрядов, — через некоторое время констатировал он. — Это неудивительно. Хотя первый его собрат принимал местные станции и без наружной антенны. Подождите немного.

Вскоре он вернулся.

— Ничего. Видимо, можно считать, что наруж-

ной антенны больше нет. Ну что ж, попробуем аварийную.

Хью взял гаечный ключ, отвернул заглушку с трубы диаметром в дюйм, которая торчала в потолке, и поднес к открытому отверстию счетчик.

— Радиация немного сильнее. — Он взял два стальных прута, каждый длиной метра по полтора. Одним из них Хью поводил по трубе вверх-вниз. — На всю длину не входит. Верхушка этой трубы находилась почти у самой поверхности земли. Вот беда. — Он привинтил к первому пруту второй. — Теперь предстоит самое неприятное. Отойдите подальше, сверху может посыпаться земля — горячая в обоих смыслах.

— Но ведь она попадет на вас.

— Разве что на руки. Я потом их очищу. А вы после этого проверите меня счетчиком Гейгера. — Он постучал молотком по кончику прута. Тот продвинулся вверх еще дюймов на восемнадцать. — Что-то твердое, придется пробивать.

После долгих усилий Хью оба прута целиком скрылись в трубе.

— У меня было такое ощущение, — сказал он, очищая руки, — словно последний фут прута уже выходил на открытый воздух. По идее, антенна должна торчать из земли футов на пять. Я пола-

гаю, что над нами развалины. Остатки дома. Ну что ж, обследуете меня счетчиком?

— Вы говорите это так спокойно, будто спрашиваете: «Осталось у нас молоко с прошлого вечера?»

Он пожал плечами:

— Барби, дитя мое, когда я пошел в армию, у меня не было за душой ни гроша. Несколько раз за свою жизнь я разорялся. Так что я не собираюсь убиваться по поводу крыши и четырех стен. Ну как, есть что-нибудь?

— На вас ничего нет.

— Проверьте еще пол под трубой.

На полу оказались «горячие» пятна. Хью вытер их влажным клинексом и выбросил его в специальное ведро. После этого Барбара провела раструбом счетчика по его рукам и еще раз по полу.

— Очистка обошлась нам примерно в галлон воды. Лучше бы теперь этому радио работать нормально. — Он подсоединил антенну к приемнику.

Через десять минут они убедились, что эфир пуст. Шумы — статические разряды — на всех диапазонах, но никаких сигналов.

Хью вздохнул:

— Это меня не удивляет. Я, правда, точно не знаю, что ионизация делает с радиоволнами, но сейчас над нашими головами, скорее всего, самый настоящий шабаш радиоактивных изотопов. Я надеялся, что нам удастся поймать Солт-Лейк-Сити.

— А разве не Денвер?

— Нет. В Денвере расположена база межконтинентальных баллистических ракет. Оставлю, пожалуй, приемник включенным: может быть, что-нибудь поймаем.

— Но ведь тогда батареи быстро разрядятся.

— Не так уж быстро. Давайте сядем и станем рассказывать друг другу лимерики. — Он взглянул на счетчик радиации, мягко присвистнул, затем проверил температуру. — Облегчу-ка я еще немного участь наших спящих красавиц, страдающих от жары. Кстати, а как вы переносите жару, Барбара?

— Честно говоря, я просто перестала о ней думать. Истекаю потом, и только.

— Как и я.

— Во всяком случае, не надо тратить кислород ради меня. Сколько еще баллонов осталось?

— Не так уж много.

— Сколько?

— Меньше половины. Не мучайтесь из-за этого. Давайте поспорим на пятьсот тысяч долларов (теперь это все равно что пятьдесят центов), что вам не прочитать ни одного лимерика, которого я не знал бы.

— Приличного или нет?

— А разве бывают приличные лимерики?

— Хорошо… «Веселый парнишка по имени Скотт…»

Пари на лимерики Барбара позорно проиграла. Хью обвинил ее в том, что она слишком чиста и невинна, на что Барбара ответила:

— Это не совсем так, Хью. Просто голова не работает.

— И я сегодня что-то не в ударе. Может быть, еще по глоточку?

— Пожалуй. Только обязательно с водой. Я так потею, что, кажется, совершенно иссохла. Хью…

— Да, Барби?

— Мы ведь, скорее всего, погибнем, правда?

— Да.

— Я так и думала. Наверное, еще до рассвета?

— Нет! Я уверен, что мы протянем до полудня. Если захотим, конечно.

— Понятно. Хью, вам не трудно было бы меня обнять? Прижмите меня к себе. Или вам слишком

жарко и так?

— Когда мне покажется слишком жарко для того, чтобы обнять девушку, я буду знать, что я мертв и нахожусь в аду.

— Спасибо.

— Так удобно?

— Очень.

— Да ты совсем малышка.

— Я вешу сто тридцать два фунта, а рост у меня пять футов и восемь дюймов. Так что не такая уж я малышка.

— И все равно ты малышка. Оставь виски. Подними голову.

— Ммм… Еще… Ну пожалуйста, ну еще!

— Жадная маленькая девчонка.

— Очень жадная, да. Спасибо, Хью.

— Какие хорошенькие…

— Они — лучшее, что у меня есть. Лицо-то у меня ничего особенного собой не представляет. Но у Карен они красивее.

— Это кому как.

— Ну что ж, не буду спорить. Приляг, дорогой. Дорогой Хью…

— Так хорошо?

— Очень! Удивительно хорошо. И поцелуй меня еще раз. Пожалуйста!

— Барбара, Барбара!

— Хью, милый! Я люблю тебя. О!..

— Я люблю тебя, Барбара…

— Да, да! О, прошу тебя! Сейчас!..

— Конечно сейчас!..

— Тебе хорошо, Барби?

— Как никогда! Никогда в жизни я не была так счастлива.

— Хорошо, если бы это было правдой.

— Это правда. Хью, дорогой, сейчас я совершенно счастлива и больше ни капельки не боюсь. Мне так хорошо, что я перестала чувствовать жару.

— С меня, наверное, на тебя капает пот?

— Какая разница! Две капельки сейчас висят у тебя на подбородке, а третья — на кончике носа. А я так вспотела, что волосы совершенно слиплись. Но все это не имеет значения. Хью, дорогой мой, это то, чего я хотела. Тебя. Теперь я готова умереть.

— Зато я не хочу, чтобы мы умирали.

— Прости.

— Нет-нет! Барби, милая, еще недавно мне казалось, что в смерти нет ничего плохого. А теперь мне вдруг опять захотелось жить.

— О, наверное, я думаю так же.

— Барбара! Мы постараемся не погибать, если это только в наших силах. Давай сядем?

— Как хочешь… Только если ты снова обнимешь меня.

— Еще как! Но сначала я хочу налить нам обоим по порции виски. Я снова жажду. И совершенно выбился из сил.

— Я тоже. У тебя так сильно бьется сердце!

— Ничего удивительного. Барби, девочка моя, а знаешь ли ты, что я почти вдвое старше тебя? Что я достаточно стар, чтобы быть твоим отцом?

— Да, папочка.

— Ах ты, маленькая плутовка! Только попробуй еще сказать так, и я выпью все оставшееся виски.

— Больше не буду, Хью. Мой любимый Хью. Только ведь мы с тобой ровесники… потому что умрем в один и тот же час.

— Перестань говорить о смерти. Я найду способ перехитрить ее.

— Если только он есть, ты обязательно найдешь его. Я не испытываю страха перед смертью. Я уже смотрела ей в лицо и больше не боюсь. Не боюсь умереть и не боюсь жить. Но… Хью, я хочу просить тебя об одной милости.

— Какой?

— Когда ты будешь давать смертельную дозу снотворного остальным… не давай ее мне, пожалуйста.

— Э-э-э… но это может быть необходимо.

— Я не то имела в виду. Я приму таблетки, только не вместе с остальными. Я хочу принять яд после тебя.

— Ммм… Барби, сам я не собираюсь их принимать.

— Тогда, пожалуйста, не заставляй и меня.

— Хорошо-хорошо. А теперь помолчим. Поцелуй меня.

— Да, милый.

— Какие у тебя длинные ноги, Барби. И сильные к тому же.

— Зато ступни…

— Перестань набиваться на комплименты. Мне очень нравятся твои ступни. Без них ты бы выглядела какой-то незаконченной.

— Фу, как не стыдно! Хью, а знаешь, чего мне хочется?

— Еще раз?

— Нет-нет. А впрочем, да. Только не сию секунду.

— Так чего же? Спать? Ложись и спи, дорогая. Я и один вполне справлюсь.

— Нет, не спать. Кажется, мне больше никогда в жизни не захочется заснуть. Никогда. Так жаль было бы истратить на какой-то сон даже одну из тех немногих минуток, что нам остались. Нет, у меня другое желание: я с удовольствием сыграла бы в бридж — в качестве твоего партнера.

— Ну… в принципе, мы можем разбудить Джо. Остальных нельзя — три грана секонала не располагает к карточной игре. Но мы могли бы сыграть и втроем.

— Нет-нет. Мне не нужно сейчас ничьего общества, кроме твоего. Мне так нравилось играть с тобой на пару.

— Ты замечательный партнер, дорогая. Самый лучший на свете. Когда ты говоришь: «Играю по книге», ты так и делаешь.

— Ну, конечно, не «самый лучший». Ты играешь классом повыше. Я бы хотела побыть подле тебя много-много лет, чтобы научиться играть так же, как ты. И еще я бы хотела, чтобы тот налет случился минут на десять позже. Тогда ты успел бы сыграть большой шлем.

— В этом не было никакой необходимости. Когда ты объявила, я понял, что можно сразу класть карты. — Он сжал ее плечи. — Три больших шлема за один вечер!

— Три?

— А что, по-твоему, водородная бомба — не второй большой шлем?

— О! А вторая бомба — третий?

— Вторая бомба не в счет, она упала слишком далеко. Если ты не понимаешь, о чем я говорю, то я вообще отказываюсь объяснять что-либо.

— Ах вот оно что! В таком случае можно попробовать сыграть и четвертый. Правда, я теперь не смогу вынудить тебя сходить первым. Мой лифчик куда-то делся, и…

— Так, значит, ты нарочно сделала это?

— Конечно. Теперь твоя очередь ходить. А я попробую ответить.

— Э, только не так быстро. Три больших шлема — это максимум, на что я способен. Разве что один маленький шлем… да и то, если я приму еще одну таблетку декседрина. Но четыре больших шлема — это выше моих сил. Ты же знаешь, что я не в том возрасте.

— Посмотрим. Мне все-таки кажется, что у нас получится и четвертый большой.

И в этот миг их накрыло самым большим из шлемов.

3

Погас свет. Грейс Фарнхэм вскрикнула. Доктор Ливингстон — Я Полагаю зашипел, Барбару швырнуло на баллон с кислородом, да так, что она в темноте потеряла всякую ориентацию.

Оправившись немного, она пошарила возле себя руками, нащупала ногу. Затем нащупала Хью, являющегося продолжением этой ноги. Он не шевелился. Барбара попыталась прослушать его сердце, но не смогла. Она закричала:

— Эй! Эй! Кто-нибудь!

Отозвался Дьюк:

— Барбара?

— Да, да!

— Вы в порядке?

— Я-то в порядке, да с Хью плохо! Боюсь, он мертв.

— Спокойно. Сейчас я найду свои брюки и попытаюсь зажечь спичку — если, конечно, мне удастся перевернуться с головы на ноги. Я стою вверх ногами.

— Хьюберт! *Хьюберт!*

— Да, мамочка. Подожди.

Грейс продолжала причитать. Дьюк, как мог,

пытался успокоить ее, одновременно проклиная темноту. Барбара немного освоилась со своим положением, попыталась слезть с груды баллонов, сильно ушибла голень и наконец ощутила под собой какую-то плоскую поверхность. Что это — она не поняла. Поверхность была наклонной.

— Наконец-то! — воскликнул Дьюк.

Спичка вспыхнула ослепительно ярко, так как воздух был перенасыщен кислородом.

Прозвучал голос Джо:

— Лучше ее погасить. А то может случиться пожар.

Тьму прорезал луч фонарика. Барбара позвала:

— Джо! Помоги мне с Хью!

— Сейчас. Только сначала попробую наладить свет.

— Может быть, он умирает.

— Все равно без света ничего не сделаешь.

Барбара снова попыталась найти у Хью пульс, наконец услышала слабое сердцебиение и, всхлипывая, обхватила его голову.

В мужском отсеке вспыхнул свет. Барбара получила возможность оглядеться. Пол убежища теперь накренился под углом градусов в тридцать. Она, Хью, стальные баллоны, бак с водой и все остальное громоздилось бесформенной кучей

в нижнем углу. Бак дал течь, и вода залила весь туалет. Если бы пол наклонился в другую сторону, они с Хью были бы похоронены под кучей баллонов и затоплены водой.

Через несколько минут до нее добрались Джо с Дьюком, с трудом преодолев перекосившуюся дверь. В руке у Джо была переносная лампа. Дьюк спросил у Джо:

— Как же мы его понесем?

— Хью нельзя трогать. Вдруг поврежден позвоночник!

— Все равно нужно его отсюда унести.

— Никуда мы его не понесем, — твердо сказал Джо. — Барбара, вы передвигали Хью?

— Только положила его голову к себе на колени.

— В таком случае больше его не шевелите. — Джо принялся осматривать своего пациента, осторожно прикасаясь к нему. — Серьезных травм я не вижу, — наконец решил он. — Барбара, если можете, посидите в том же положении до тех пор, пока Хью не придет в себя. Тогда я смогу проверить его глаза на предмет сотрясения мозга, проверить, сможет ли он шевелить пальцами на ногах, ну и все такое.

— Конечно, я посижу. Еще кто-нибудь постра-

дал?

— Ничего заслуживающего внимания, — уверил ее Дьюк. — Джо считает, что сломал пару ребер. Я немного повредил плечо. Мать просто откатилась к стене. Сестрица сейчас ее успокаивает. Она тоже в полном порядке, если не считать шишки на голове. На нее свалилась консервная банка. А вы сами-то как?

— Только ушибы. Мы с Хью как раз раскладывали двойной пасьянс и пытались не растаять от жары, когда нас накрыло. — Она попыталась представить, как долго сможет продолжаться эта ложь. На Дьюке тоже ничего не было, но он, похоже, не обращал на это внимания. Джо был в одних трусах.

— А кот? — спросила вдруг Барбара. — С ним все в порядке?

— Если не ошибаюсь, Доктор Ливингстон — Я Полагаю, — серьезно ответил Джо, — избежал травм. Но он очень недоволен тем, что его тазик с песком перевернулся. Так что в настоящее время он чистится и проклинает все на свете.

— Я рада, что он не пострадал.

— Вы ничего необычного в этом взрыве не заметили?

— Чего именно, Джо? Мне только показалось,

что он был самым сильным из всех. Намного сильнее предыдущих.

— Да. Но не было никакого грохота. Просто один мощнейший удар, а потом… ничего.

— И что это значит?

— Не знаю. Барбара, вы можете еще немного посидеть здесь не шевелясь? Я хочу попытаться восстановить освещение и определить ущерб. Заодно посмотрю, что можно привести в божеский вид.

— Я буду сидеть как каменная.

Ей показалось, что Хью задышал спокойнее. В тишине она слышала, как бьется его сердце. Тогда она решила, что ей больше не от чего быть несчастной. К ней пробиралась Карен с фонариком, осторожно продвигаясь по наклонному полу.

— Как папа?

— По-прежнему.

— Скорее всего, ушиб голову, как и я. А ты как? — Она фонариком осветила Барбару.

— Нормально.

— Слава богу! Я рада, что ты тоже в чем мать родила. Никак не могла найти свои трусики. Джо так старается не смотреть в мою сторону, что на него просто больно глядеть. Какой-то он все-таки

чересчур правильный и добропорядочный.

— Я совершенно не представляю, где моя одежда.

— Одним словом, единственный обладатель трусов среди нас — это Джо. А что с тобой случилось? Ты спала?

— Нет. Я была здесь. Мы разговаривали.

— Хм… Обвинение утверждает обратное. Не волнуйся, я никому не открою твою страшную тайну. Мама ничего не узнает — я сделала ей еще один укол.

— А ты не спешишь с выводами?

— Делать выводы — мое любимое развлечение. И я надеюсь, что мои непристойные предположения верны. Лично я бы предпочла что-нибудь поинтереснее, чем просто спать прошлой ночью. Тем более что эта ночь у нас, скорее всего, последняя. — Она придвинулась к Барбаре и чмокнула ее. — Я тебя очень люблю.

— Спасибо, Карен. Я тоже люблю тебя.

— Прекрасно. Тогда давай не будем хоронить себя заживо, а порадуемся лучше тому, какими мы оказались отважными ребятами. Ты осчастливила отца тем, что дала ему возможность разыграть шлем. И если ты смогла сделать его еще счастливее, то я этому только рада. — Она

выпрямилась. — Ну ладно, пойду разбирать припасы. Если папочка очнется — позови. — Она вышла.

— Барбара!

— Да, Хью! Да!

— Не так громко. Я слышал, что говорила моя дочь.

— Слышал?

— Да. Она джентльмен по натуре. Барбара, я люблю тебя. Может быть, мне не представится другой возможности сказать тебе это.

— Я тоже люблю тебя.

— Милая!

— Позвать остальных?

— Подожди немного. Тебе так удобно?

— Очень!

— Тогда позволь мне немного отдохнуть. А то я совсем ошалел.

— Отдыхай сколько хочешь. Кстати, попробуй пошевелить пальцами ног. У тебя что-нибудь болит?

— О, болит-то у меня много чего, но, к счастью, не слишком сильно. Подожди-ка… Да, вроде все мои конечности в порядке. Теперь можешь звать Джо.

— Особенно спешить некуда.

— Лучше все-таки позовем его. Кое-что нужно сделать.

Вскоре мистер Фарнхэм полностью пришел в себя. Джо потребовал, чтобы он продемонстрировал ему свою невредимость. Оказалось, что и в самом деле, кроме большого количества синяков, мистер Фарнхэм во время взрыва не получил ничего более серьезного: ни переломов, ни сотрясения мозга. Барбара про себя пришла к заключению, что Хью приземлился на кучу баллонов, а она упала на него сверху. Обсуждать это предположение она ни с кем не стала.

Первое, что сделал Хью, — это перетянул ребра Джо эластичным бинтом. Во время процедуры тот то и дело вскрикивал, но после перевязки ему стало явно удобнее. Затем был произведен осмотр головы Карен. Хью решил, что здесь он бессилен.

— Пусть кто-нибудь посмотрит на термометр, — попросил он. — Дьюк?

— Термометр разбит.

— Не может этого быть! Ведь он целиком сделан из металла. Ударопрочная вещь.

— Я уже смотрел на него, — объяснил Дьюк, — пока ты тут эскулапствовал. Кажется, стало прохладнее. Возможно, термометр и ударопрочный, но два баллона раздавили его, как яйцо.

— Ах вот оно что! Ну да ладно, невелика потеря.

— Отец, может быть, хоть теперь испробовать запасное радио? Учти, я просто предлагаю.

— Понятно. Жаль тебя огорчать, Дьюк, но оно, скорее всего, тоже разбито. Мы уже пытались включить его. Ни ответа, ни привета. — Он взглянул на часы. — Полтора часа назад. В два часа ночи. Еще у кого-нибудь есть часы?

Часы Дьюка показывали то же самое время.

— С нами, кажется, все в порядке, — заключил Хью, — если не считать запаса воды. Есть несколько пластиковых бутылей, но воду из бака надо попробовать спасти, — возможно, нам придется ее пить. Будем обеззараживать ее таблетками галазона. Джо, нам понадобится какая-нибудь посуда, и пусть все вычерпывают воду с пола. Постарайтесь, чтобы она была почище. — Затем он добавил: — Карен, когда освободишься, приготовь что-нибудь на завтрак. Пусть это даже Армагеддон, но есть все равно необходимо.

— Армагеддону от этого поплохеет, — сказала Карен.

Отец поморщился:

— Девочка моя, придется тебе на доске тысячу раз написать: «Я больше никогда не буду неост-

роумно шутить перед завтраком».

— А по-моему, остроумно, Хью.

— Не надо поддерживать ее, Барбара. Хватит, беритесь за дело.

Карен ушла, но вскоре вернулась, неся Доктора Ливингстона.

— От меня там мало толку, — сообщила она. — Мне все время приходится держать проклятого кота. Он так и рвется помогать.

— Мя-а-а-у!

— Тихо! Придется, видно, дать ему рыбки и только тогда заняться завтраком. Чего изволите, босс Папа Хью? Креп-сюзетт?

— С удовольствием.

— Единственное, на что вы можете рассчитывать, — это джем и крекеры.

— Ну и прекрасно. Как идет вычерпывание?

— Папочка, я отказываюсь пить эту воду — даже с галазоном. — Она состроила гримасу. — Ты же знаешь, *куда* она вытекла.

— Вполне возможно, что больше пить будет нечего.

— Разве что разбавить ее виски…

— Ммм… из всех ящиков со спиртным течет. Я открыл два из них, и в них было всего по одной неразбитой бутылке.

— Папа, не порти настроение перед завтраком.

— Вопрос в том, надо ли делить виски на всех поровну. Может, лучше приберечь его для Грейс?

— О! — Лицо Карен исказилось в гримасе мучительного раздумья. — Пусть она получает мою долю. Но остальных обделять только потому, что для Грейс эта потребность необходима…

— Карен, в данной стадии это не потребность. В каком-то смысле это для нее лекарство.

— О да! Конечно! А для меня лучшее лекарство — бриллиантовые браслеты и собольи шубы.

— Детка, нет смысла обвинять ее. Возможно, это моя вина. Так, например, считает Дьюк. Когда ты будешь в моем возрасте, ты научишься принимать людей такими, какие они есть.

— Молчу, молчу. Возможно, я к ней несправедлива. Но я устала от того, что всякий раз, когда я привожу домой своих приятелей, мамуля обязательно отключается уже к обеду. Или лезет целоваться с ними на кухне.

— Она себя так вела?

— А ты что, не замечал? Нет, наверное, нет. Прости.

— Ты тоже прости меня. Но только за то, что я высказал в твой адрес. Мы оба погорячились. А в остальном, как я уже сказал, когда ты доживешь

до моих лет…

— Папа, я вряд ли доживу до твоих лет — и ты прекрасно понимаешь это. И если у нас осталось всего две бутылки виски, этого, возможно, вполне хватит. И почему бы просто не налить всем желающим?

Он помрачнел:

— Карен, я вовсе не собираюсь сложа руки ждать смерти. Действительно, стало немного прохладнее. Мы еще можем выкарабкаться.

— Что ж… тебе виднее. Кстати, о лекарствах: не запасся ли ты при строительстве этого монстра некоторым количеством антабуса?

— Карен, антабус не отбивает желания выпить. Просто, если человек, принявший таблетку, выпьет, он почувствует себя очень скверно. Если ты права и наши шансы плохи, то стоит ли омрачать Грейс последние часы жизни? Ведь я не судья ей, я ее супруг.

Карен вздохнула:

— Папочка, у тебя есть одна отвратительная черта: ты всегда прав. Ладно, так и быть, пусть пользуется моей долей.

— Я просто хотел знать твое мнение. И ты в некотором роде помогла принять мне решение.

— И что же ты решил?

— Это не твое дело, заинька. Займись приготовлением завтрака.

— Так и хочется плеснуть тебе в тарелку керосина. Ладно, поцелуй меня, папочка.

Он чмокнул ее в щеку:

— А теперь умолкни и принимайся за дело.

В конце концов все бодрствующие собрались к завтраку. Сидеть им пришлось на полу, так как стулья упрямо не хотели стоять. Миссис Фарнхэм все еще была в полусне от сильной дозы успокоительного. Остальные обитатели убежища по-братски разделили мясные консервы, крекеры, холодный «Нескафе», банку персикового компота и теплое чувство товарищества. На сей раз все были одеты. Мужчины натянули трусы, Карен надела шорты и бюстгальтер. Барбара облачилась в просторное платье гавайского типа, позаимствованное у подруги. Ее собственное белье нашлось, но насквозь промокло, а воздух в убежище был слишком влажен, чтобы высушить что-либо.

— Теперь мы должны кое-что обсудить, — возвестил Хью. — Желающие могут вносить предложения. — Он взглянул на сына.

— Отец… то есть Хью, я хотел сказать вот о чем, — сказал Дьюк. — Здорово пострадала убор-

ная. Я немного привел ее в порядок и соорудил какой-никакой насест из дощечек от упаковки баллонов. Хочу предупредить… — он повернулся к сестре, — вам, женщины, нужно быть особенно осторожными. Насестик довольно шаткий.

— Это ты будь поосторожнее. Тебя самого с большим трудом научили пользоваться туалетом. Папа свидетель.

— Помолчи, Карен. Молодец, Дьюк. Но нас здесь шестеро, и, я считаю, нам нужно сделать вторую уборную. Как думаешь, Джо, мы сможем ее сделать?

— Да, конечно, но…

— Что «но»?

— Вам известно, сколько осталось кислорода?

— Да. Наверное, скоро придется перейти на воздушный насос и фильтр. У нас уже нет действующего счетчика радиоактивности, поэтому мы не узнаем, насколько заражен воздух, которым мы дышим, тем не менее дышать нам необходимо.

— А вы проверяли насос?

— С виду он совершенно невредим.

— Это не так. Боюсь, отремонтировать его мне будет не под силу.

Мистер Фарнхэм вздохнул:

— Я заказал запасной, он должен был прийти через шесть месяцев. Ладно, потом посмотрю, что там можно сделать. Дьюк, ты тоже подключайся, вдруг сможешь чем-нибудь помочь.

— Ладно.

— Положим, мы не сумеем починить насос. В таком случае будем использовать оставшийся кислород как можно более экономно. Когда он закончится, еще некоторое время мы сможем дышать тем воздухом, который будет в убежище. Но в конце концов наступит время, когда нам придется открыть дверь.

Все молчали.

— Ну, улыбнитесь же кто-нибудь! — воскликнул Хью, потом продолжил: — С нами еще не покончено. Дверь мы затянем фильтром, сделанным из простыней, — это все же лучше, чем ничего, он будет задерживать радиоактивную пыль. У нас есть еще один радиоприемник. Барбара, помнишь, ты приняла его за слуховой аппарат. Я хорошенько завернул его и убрал подальше, он невредим. Я выберусь наружу, установлю антенну, и мы сможем слушать его здесь. Может быть, это спасет нам жизнь. Над убежищем мы поставим шест и поднимем флаг — любую тряпку. Нет, лучше поднять американский флаг — у

меня один припасен. В этом случае, если даже мы и не выживем, то пойдем на дно с высоко поднятым флагом.

Карен принялась аплодировать.

— Карен, перестань паясничать.

— Я вовсе не паясничаю, папа! Я плачу.

Багрянец ракет возвещает войну,
Бомбы с ревом рвут тишину.
Но повторяю еще раз, друзья:
Нашему флагу падать нельзя…

Голос ее прервался, и она закрыла лицо ладонями. Барбара обняла ее за плечи.

Хью Фарнхэм между тем продолжал как ни в чем не бывало:

— Ко дну мы не пойдем. Очень скоро наш район наверняка начнут обследовать с целью поиска выживших. Они заметят флаг и заберут нас отсюда — возможно, на вертолете. Поэтому наша задача — держаться до тех пор, пока не подоспеет помощь. — Задумавшись, он на мгновение смолк. — Никакой ненужной работы, минимум физических усилий. Каждый должен принимать снотворное и, по возможности спать двенадцать часов в сутки. Остальное время лежать неподвижно. Так мы сможем протянуть дольше

всего. Единственное, что требуется сделать, — это отремонтировать насос, а если не сможем, то наплевать и на него. Смотрим дальше: вода должна быть строго нормирована. Дьюк, назначаю тебя старшим хранителем воды. Определи, сколько ее у нас в распоряжении, годится ли она для питья, и разработай график выдачи с таким расчетом, чтобы хватило на возможно более продолжительное время. Где-то в аптечке есть дозировочный стаканчик — воду дели с его помощью. Ну вот, кажется, и все: починить насос, минимум усилий, максимум сна, нормирование воды. Ах да! Пот — это тоже нерациональная трата воды. Здесь все еще жарко, и ваш балахон, Барбара, насквозь промок от пота. Снимите его.

— Можно выйти?

— Разумеется.

Она прошла, осторожно ступая по наклонному полу, в кладовую и переоделась в свой мокрый купальник.

— Вот так-то лучше, — одобрил он. — Теперь…

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Воды!

— Дьюк, выдай ей одну унцию. Только тщательно отмерь.

— Да, сэр.

— И не забудь, что кот тоже имеет право на

свою порцию.

— Может быть, для него сойдет и грязная вода?

— Хм… Честность по отношению к нашему другу вряд ли особенно повредит нам. Зато мы будем знать, что остались честными до конца.

— Но он уже пил ее.

— Э-э-э… Впрочем, ты распоряжаешься водой, тебе и решать. Кто еще хочет высказаться? Джо, тебя устраивает такой план?

— Видите ли… Нет, сэр.

— Вот как?

— Конечно, то, что минимум усилий сохранит нам много кислорода, — верно. Но когда придет время открыть дверь — на что мы будем рассчитывать?

— На удачу.

— Я имею в виду, а мы *сумеем это сделать*? С недостатком воздуха, задыхаясь, мучимые жаждой, может, больные; я хочу быть уверенным, что любой из нас — ну, скажем, Карен со сломанной рукой — сможет открыть эту дверь.

— Понимаю.

— Мне кажется, необходимо сначала опробовать все три двери. Бронированную лучше вообще не запирать. У девушек не хватит сил совладать с ней. Внешней дверью я готов сам

заняться.

— Извини, но это моя привилегия. С остальным я согласен. Именно поэтому и предложил высказываться. Я устал, Джо, в голове все мешается.

— А если двери заклинило? А люк вообще могло завалить обломками…

— На этот случай у нас есть домкрат.

— Если двери не откроются, мы должны убедиться в сохранности аварийного туннеля. Лично мне плечо Дьюка внушает опасения. Да и у меня самого ноют ребра. Сегодня я еще в состоянии работать. Завтра мы с Дьюком уже будем лежать пластом, и боль будет раза в два сильнее. Между тем люк завален металлическими баллонами, а проход — всяким хламом. Расчистка потребуется основательная. Босс, говорю вам, нам нужна уверенность в том, что сможем выбраться наверняка, — и побеспокоиться об этом необходимо именно сейчас, пока мы сохранили силы.

— Ненавижу посылать людей на тяжелые работы. Но ты меня убедил. — Хью встал, подавляя стон. — Давайте займемся делом.

— У меня еще одно предложение.

— Вот как?

— Да. Вам следует отдохнуть и выспаться. Толком вы за это время так и не отдыхали, а помяло

вас довольно здорово.

— Как раз со мной все в порядке. У Дьюка повреждено плечо, у тебя сломаны ребра, а сделать предстоит еще очень много.

— Думаю, лучше всего оттащить эти баллоны с помощью блока и тросов. Барбара может помочь. Хоть она и женщина, но силой ее Бог не обидел.

— Конечно, — согласилась Барбара. — К тому же я выше Джо. Прошу прощения, Джо.

— Не стоит. Босс… Хью, мне не хотелось бы еще раз упоминать об этом, но я считаю, что отдохнуть вам просто необходимо. То, что вы устали, — несомненно. Ведь вы на ногах уже сутки. И я буду чувствовать себя более уверенно, если вы отдохнете, — надеюсь, с этим вы не станете спорить?

— Он прав, Хью.

— Барбара, но и вы тоже глаз не сомкнули.

— Но мне не требуется принимать решений. В принципе, я могу прилечь, а Джо позовет меня, когда будет нужно. Да, Джо?

— Отлично, Барбара!

Хью улыбнулся:

— Объединяетесь против меня? Ладно, так и быть, пойду вздремну.

Через несколько минут Хью уже лежал в муж-

ской спальне. Он закрыл глаза, и сон охватил его раньше, чем он успел о чем-нибудь подумать.

Дьюк и Джо обнаружили, что пять засовов на внутренней двери заклинило.

— Пусть, — решил Джо. — Мы всегда можем выбить их кувалдой. Давай пока отодвинем бронированную дверь.

Бронированная дверь, располагавшаяся за запирающейся, была не менее прочной, чем стены убежища. Она открывалась и запиралась с помощью механизма, приводимого в движение длинной рукояткой. Джо не удалось даже стронуть ее с места. Дьюк, который был тяжелее на сорок фунтов, тоже ничего не смог сделать. Тогда они навалились на ручку вдвоем.

— Ни с места.

— Ага.

— Джо, ты что-то говорил о кувалде?

Молодой негр нахмурился:

— Дьюк, я бы предпочел, чтобы твой отец сам сделал это. Ведь мы можем сломать ручку и обломать зубцы на шестеренке.

— Вся беда в том, что мы пытаемся приподнять с помощью этой ручки дверь весом в тонну или около того, а рассчитано это хозяйство на то, чтобы двигать ее горизонтально.

— Эта дверь всегда была довольно тугой.

— Так что же нам делать?

— Расчистим аварийный выход.

Они присоединили к крюку в потолке трос и блок. С их помощью гигантские баллоны были извлечены из кучи и аккуратно расставлены по своим местам. Барбара и Карен тянули конец троса, а мужчины передвигали баллоны, устанавливая их на место. Когда середина помещения была освобождена, стал возможен доступ к люку, ведущему в аварийный туннель. Крышка люка была очень тяжелой. Чтобы поднять ее, тоже пришлось использовать блок и трос.

Крышка со скрипом подалась и вдруг отвалилась вбок, так как пол был наклонным. Падая, она успела ободрать голень Дьюку и чуть не ушибла Джо. Дьюк выругался.

Туннель оказался завален припасами. Карен, так как была миниатюрнее всех, забралась внутрь и подавала их наверх, а Барбара укладывала рядом с отверстием люка.

Вдруг Карен крикнула:

— Эй! Владыка воды! Здесь есть вода в банках.

— Замечательно!

Джо сказал:

— Совсем забыл. Ведь сюда не заглядывали с тех

пор, как убежище было оборудовано и снабжено припасами.

— Джо, а что делать с распорками?

— Я сам займусь ими. Ты только вытащи припасы. Дьюк, туннель не защищен броней, как двери. Отверстие внизу прикрывает лист металла, закрепленный распорками, на него навалены припасы, а сверху все прикрывает крышка люка, которую мы сняли. В самом туннеле, с десятифутовыми интервалами, — перегородки из мешков с песком, а выход защищен слоем грунта. Твой отец считал, что должно было получиться что-то вроде кессона, преграждающего путь взрывной волне. Каждый слой должен был понемногу ослаблять удар.

— Боюсь, что мешки завалили крышку.

— В таком случае придется прокапываться сквозь песок.

— А почему нельзя было использовать настоящую броню?

— Он считал, что так безопаснее. Ты же видел, что произошло с дверью. Не хотел бы я пробиваться сквозь стальную преграду в этой узенькой норе.

— Тогда все ясно, Джо. Зря я называл это место «норой в земле».

— Да, ты прав. Это не просто нора. Можно назвать наше убежище машиной — машиной для выживания.

— Больше ничего нет, — возвестила Карен. — Не поможет ли мне какой-нибудь джентльмен выбраться отсюда? Например, ты, Дьюк?

— А может, лучше положить крышку на место, оставив тебя внизу? — Дьюк помог сестре выбраться из лаза.

Джо спустился вниз, морщась от боли в груди. Доктор Ливингстон, внимательно наблюдавший за происходящим, спрыгнул в люк вслед за своим товарищем, использовав его плечи в качестве посадочной площадки.

— Дьюк, будь добр, передай мне молоток… Не мешай, Док. Нечего тут распускать хвост.

— Забрать его? — спросила Карен.

— Не нужно. Он обожает находиться в гуще событий. Пусть кто-нибудь посветит мне.

Распорки вскоре были извлечены и ровно уложены рядом с люком.

— Дьюк, мне опять понадобится лебедка. Я не хочу совсем убирать крышку. Мы просто натянем трос так, чтобы он принял на себя всю тяжесть, и тогда я смогу немного отодвинуть ее и посмотреть, как там дальше.

— Вот конец троса.

— Отлично. Док! Чтоб тебя… Док! Не путайся под ногами! Дьюк, дай постоянное натяжение. Кто-нибудь, дайте фонарик! Я отодвину крышку и выгляну.

— И получишь порцию радиоактивных изотопов в лицо.

— Придется рискнуть. Еще немного… Она подается… высвободилась!

Долгое время Джо ничего не говорил. Наконец Дьюк спросил:

— Ну, что там?

— Я не уверен… Дай-ка я поставлю ее на место. Передай мне еще одну распорку.

— Вот она, прямо над твоей головой. Джо, что ты там увидел?

Негр, устанавливая крышку на место, вдруг заорал:

— Док! Док, назад! Маленький паршивец! Он проскочил у меня между ног и выскочил в тунель! *Док!!!*

— Далеко он не убежит.

— Ладно… Карен, ты не могла бы пойти разбудить отца?

— Черт побери, Джо! *Что ты там видел?*

— Дьюк, я и сам не знаю. Потому-то мне и ну-

жен Хью.

— Я спускаюсь.

— Здесь тесно двоим. Сейчас я выберусь наверх, и тогда Хью сможет спуститься сюда.

Хью появился, когда Джо был уже наверху.

— Джо, что у тебя?

— Хью, лучше бы ты сам посмотрел.

— Хорошо… Надо было мне установить в люке лестницу. Дай руку. — Хью спустился вниз, убрал распорку и отодвинул крышку.

Он смотрел еще дольше, чем Джо, затем позвал:

— Дьюк! Вытащи-ка эту крышку совсем.

— Что там, папа?

— Вытащи крышку, и сам сможешь сюда спуститься.

Крышка была извлечена, отец и сын поменялись местами. Дьюк довольно долго смотрел в туннель.

— Достаточно, Дьюк. Выбирайся оттуда.

Когда Дьюк присоединился к остальным, отец спросил его:

— Ну и что ты думаешь на этот счет?

— Это невероятно.

— Папа, — напряженно произнесла Карен, — кто-нибудь скажет, в конце концов, что там

произошло? Если мне сейчас же не скажут, что там, я вот этой кувалдой грохну кого-нибудь по башке!

— Конечно, детка. Да, там достаточно места, можете спуститься вдвоем.

Дьюк и Хью помогли спуститься Барбаре, а та помогла слезть вниз Карен. Обе девушки приникли к отверстию.

— Лопни мои глаза! — тихо выругалась Карен и полезла в туннель.

— Детка! Вернись! — крикнул ей Хью, но она не ответила. Тогда он спросил: — Барбара, скажи, что ты там видишь?

— Я вижу, — медленно произнесла Барбара, — очаровательный, поросший лесом холм, зеленые деревья, кусты и чудесный солнечный день.

— Да, и мы видели то же самое.

— Но это невозможно.

— Да.

— Карен уже выбралась наружу. Туннель никак не длиннее восьми футов. Она держит на руках Доктора Ливингстона. Она зовет нас: «Выходите!»

— Скажи ей, пусть отойдет подальше от устья туннеля, — возможно, оно радиоактивно.

— Карен! Отойди от туннеля подальше! Хью,

сколько сейчас времени?

— Начало восьмого.

— А снаружи больше похоже на полдень. На мой взгляд, конечно.

— Не знаю, что и думать.

— Хью, я хочу выйти.

— Э-э-э… А, черт с ним! Только не задерживайся у выхода и будь осторожна.

— Хорошо. — И она полезла в туннель.

4

Хью повернулся к своему заместителю:

— Джо, я наружу. Принеси-ка мне мой «сорок пятый» и ремень. Я не должен был выпускать девочек без оружия. — Он полез в люк. — А вы оставайтесь и охраняйте убежище.

— От кого? — спросил Дьюк. — И что здесь охра-нять-то?

Отец поколебался.

— Не знаю. Просто у меня какая-то смутная тревога. Ну ладно. Пошли вместе. Только обязательно нужно взять оружие. Джо!

— Иду.

— Джо, возьми оружие для себя и для Дьюка. Потом подожди, пока мы выберемся наружу. Если

мы вскоре не вернемся, сам решай, что делать. Подобной ситуации я не предвидел. Такого просто *не может быть*.

— Что есть, то есть.

— Это уж точно, Дьюк. — Хью нацепил револьвер и опустился на колени.

В отверстии туннеля по-прежнему виднелась пышная зелень — там, где должны были зиять воронки от взрывов и спекшаяся в вулканическое стекло земля. Он полез вперед.

Он выбрался из туннеля, поднялся на ноги и огляделся.

— Папочка! Разве здесь не чудесно?!

Карен стояла немного ниже, на склоне холма, у подножия которого протекал ручей. За ручьем простиралась возвышенность, покрытая лесом. На их стороне леса не было.

В голубом небе ярко светило солнце, а вокруг — ни малейшего следа того чудовищного опустошения, которое, несомненно, принесла бы война. В то же время не было заметно никаких признаков пребывания здесь человека: ни зданий, ни дороги, ни тропинки, ни следов реактивных самолетов в небе. Окрестности выглядели совершенно девственно, он не узнавал этих мест.

— Папа, я хочу спуститься к ручью.

— Иди сюда! Где Барбара?

— Я здесь, Хью. — (Он поднял голову и увидел, что она стоит почти рядом с ним, над убежищем.) — Пытаюсь понять, что произошло. Как ты думаешь?

Убежище находилось на склоне холма — большой прямоугольный монолит. Оно было покрыто землей, за исключением мест, где обломился участок туннеля и где должна была находиться лестница, ведущая в убежище из дома. Прямо над ними виднелась покореженная бронированная дверь.

— Не знаю, что и думать, — признался Хью.

Появился Дьюк, волоча за собой винтовку. Он встал, посмотрел вокруг и ничего не сказал.

Барбара и Карен присоединились к ним. Доктор Ливингстон — Я Полагаю, играя, прыгнул на ногу Хью и отскочил. Очевидно, на взгляд персидского кота, место, где он оказался, заслуживало всяческого одобрения: оно словно специально было создано для его породы.

— Сдаюсь. Объясните мне, что произошло, — взмолился Дьюк.

Хью не ответил.

— Папочка, — пожаловалась Карен, — ну почему я не могу спуститься к ручью? Я хочу

искупаться. От меня воняет.

— От грязи еще никто не умирал. Я и так ничего не соображаю. Не хватало еще беспокоиться, что ты утонешь…

— Он же мелкий!

— …или что тебя задерет медведь, или что тебя засосет в зыбучие пески… И вообще, девочки, лучше вам вернуться в убежище и вооружиться, а потом вылезать наружу, если уж так хочется. Но обязательно держитесь друг друга и будьте начеку. Скажите Джо, пусть идет сюда.

— Есть, сэр! — Девушки нырнули в туннель.

— Так что ты думаешь, Дьюк?

— Ну… лучше я помолчу.

— Если тебе есть о чем молчать, это уже неплохо. Мне, например, сказать вообще нечего. Я просто в ступоре. Я постарался запланировать и просчитать все ситуации. Но такого у меня в списке не было. И потому, если у тебя сложилось какое-то мнение, ради бога, не молчи.

— Ну… Все это выглядит как гористая местность в Центральной Америке. Но конечно, это невозможно.

— Какой смысл беспокоиться, что возможно, а что невозможно. Предположим, это Центральная Америка. Чего бы ты опасался в первую очередь?

— Дай подумать. Тогда тут могут быть пумы. Наверняка змеи. Тарантулы и скорпионы. Малярийные комары. Ты, кажется, что-то говорил о медведях?

— Я имел их в виду как символ. Нам следует быть начеку до тех пор, пока мы не поймем, с чем можем столкнуться.

Появился Джо с ружьем и стал молча любоваться представшей его глазам картиной.

— Голодать нам не придется. Смотрите, вон там, слева и ниже по течению ручья, — заметил Дьюк.

Хью посмотрел в направлении, указанном Дьюком. На них с интересом взирал пятнистый олененок ростом не больше трех футов. Очевидно было, что он ни капельки не боится людей.

— Может, свалить его? — предложил Дьюк. Он вскинул винтовку.

— Нет, не нужно. До тех пор, пока мы не начнем испытывать острой необходимости в свежем мясе.

— Ладно. Симпатичная зверюшка, верно?

— Да, очень. Но я встречал североамериканского оленя. Это не он. Дьюк, где же мы все-таки? И как мы сюда попали?

Дьюк криво усмехнулся:

— Отец, ведь ты сам провозгласил себя фюрером. Так что мне не полагается думать. И иметь свое мнение.

— Перестань!

— Хорошо. Я в самом деле не знаю, что и предположить. Может быть, русские придумали какую-то галлюциногенную бомбу?

— Разве в таком случае мы все видели бы одно и то же?

— Не знаю. Вот если бы я подстрелил этого оленя, держу пари, мы могли бы им закусить.

— Мне тоже так кажется. Джо? Идеи, мнения, предложения?

Джо почесал затылок:

— Симпатичное местечко. Но я, к сожалению, горожанин до мозга костей.

— Хью, вообще-то, одну вещь ты можешь сделать.

— Что именно, Дьюк?

— Забыл про свое маленькое радио? Попробуй включить его.

— Отличная идея. — Хью полез было в убежище, но у самого выхода столкнулся с Карен, которая собиралась выбраться наружу, и послал за радио ее. Дожидаясь, он размышлял, из чего бы соорудить лестницу. Забираться в убежище

через люк, находящийся на высоте шести футов, было утомительно.

Радиоприемник ловил статические разряды, и ничего больше.

Хью выключил его.

— Попробуем еще раз вечером. Ночью я когда-то слушал с его помощью Мексику и даже Канаду. — Он нахмурился. — Какие-нибудь передачи в эфире обязательно должны быть. Если только они не стерли нас с лица земли.

— Ты не прав, отец.

— Почему же, Дьюк?

— Этот район, например, вообще не затронут войной.

— Именно поэтому я не могу понять молчания радио.

— И все же Маунтин-Спрингс получил свое. Следовательно, мы не в Маунтин-Спрингсе.

— А кто говорит, что мы там? — возразила Карен. — В Маунтин-Спрингсе отродясь не бывало ничего похожего. Да, пожалуй, и во всем штате.

— Это очевидно. — Хью взглянул на убежище, огромное, громоздкое, массивное. — Но где же мы?

— Ты когда-нибудь читал комиксы, папочка? Мы — на другой планете.

— Сейчас не время для шуток, детка. Я в самом деле обеспокоен.

— А я и не шучу. Ничего подобного нет в радиусе тысячи миль от нашего дома. Так что это вполне может быть и другая планета. Видимо, та, на которой мы жили раньше, немного поизносилась.

— Хью, — сказал Джо, — хоть это и глупо, но я согласен с Карен.

— Почему, Джо?

— Ну… понимаешь, *где-то* ведь мы находимся, верно? А что случается, когда водородная бомба взрывается прямо над головой?

— Ты испаряешься.

— Что-то я не чувствую себя испарившимся. И не могу заставить себя поверить, что эта бетонная глыба пролетела тысячи миль, грохнулась оземь и осталась цела и невредима, если не считать сломанных ребер и вывихнутого плеча. А предположение Карен… — он пожал плечами, — можно назвать это хоть четвертым измерением. Последний взрыв швырнул нас в четвертое измерение.

— Вот-вот, то же самое я и говорю, папа. Мы на другой планете! Давайте ее исследовать!

— Угомонись, детка. Что касается другой планеты… Кто сказал, что мы должны обязательно знать, где мы находимся? Наша задача — приспо-

собиться к данным условиям.

— Карен, — сказала Барбара, — мне все-таки не верится, что это не Земля.

— Не порти веселья. Почему нет?

— Ну… — Барбара кинула камешком в соседнее дерево. — Это вот — эвкалипт, а там, за ним, — акация. Конечно, ничего похожего на Маунтин-Спрингс, но все же совершенно обычная субтропическая флора. Если твоя «новая планета» покрыта точно такими же растениями, как и Земля… Короче говоря, это наверняка Земля.

— Не порти веселья… — повторила Карен. — Почему бы на другой планете не развиться тем же растениям?

— Это было бы так же удивительно, как и одинаковые…

— Хьюберт! Хьюберт! Где ты? Я не могу найти тебя! — донесся из туннеля голос Грейс Фарнхэм.

Хью нырнул в туннель:

— Иду, иду!

Ланч они устроили под сенью дерева, недалеко от убежища. Хью решил, что туннель был расположен достаточно глубоко под землей, так что вряд ли был опасно заражен радиацией. А вот что касалось крыши убежища, тут Хью не был в этом так уверен. Поэтому он установил дозиметр (из

всех приборов, измеряющих радиацию, уцелели только дозиметры) на крыше, чтобы сравнить его показания с показаниями прибора, оставшегося внутри. С большим облегчением он убедился в том, что дозиметр определил набранную ими дозу облучения как существенную, но далеко не летальную, а также в том, что показания приборов совпадают друг с другом.

Единственной мерой предосторожности было то, что ружья они держали рядом с собой — все, кроме его жены. Грейс Фарнхэм «терпеть не могла ружей» и сначала вообще отказывалась сидеть в соседстве с «этими ружьями».

Тем не менее поела она с завидным аппетитом. Дьюк развел костер, и они были осчастливлены горячим кофе, разогретой тушенкой с горохом, консервированными бататами и компотом. А самое главное — сигаретами, причем им не нужно было беспокоиться, хватит ли воздуха и не случится ли пожар.

— Замечательно, — произнесла Грейс. — Хьюберт, дорогой, знаешь, чего не хватает, чтобы сделать наше маленькое пиршество еще более приятным? Мне известно, что ты не любишь, когда пьют днем, но сейчас мы в таком экстраординарном состоянии… и мои нервы еще

немножечко не на месте. Так вот, Джозеф, вам нетрудно сбегать в убежище и принести бутылочку того испанского бренди…

— Грейс.

— Что, дорогой? Мы могли бы немного отпраздновать наше чудесное спасение.

— Я не уверен, что бренди у нас есть.

— Что? Не может быть, ведь было целых два ящика.

— Большинство бутылок разбилось. Это порождает еще одну проблему. Дьюк, ты потерял работу хранителя воды, но ты назначаешься виночерпием. У нас остались еще, по крайней мере, две целые бутылки. Одним словом, сколько бы ты ни нашел, раздели все спиртное на шесть частей, только раздели поровну, будет ли это по нескольку бутылок каждому или по нескольку глотков.

На лице миссис Фарнхэм отразилось полное непонимание. Дьюк явно испытывал неудобство. Карен поспешно сказала:

— Папа, вспомни, что я тебе говорила.

— Ах да!.. Дьюк, твоя сестра отказывается от своей доли. Поэтому храни ее в качестве медицинского средства. Если, конечно, Карен снова не передумает.

— Мне не нравится моя новая должность, —

сказал Дьюк.

— Дьюк, мы должны распределить обязанности. Да, кстати, то же самое сделай и с сигаретами. Уж если они кончатся, так кончатся навсегда, а вот насчет спиртного у меня есть надежда, что нам когда-нибудь удастся получить самогон. — Он повернулся к жене. — Может быть, тебе лучше принять милтаун, дорогая?

— Таблетки?! Хьюберт Фарнхэм, ты, кажется, хочешь сказать, что я не имею права выпить?

— Ничуть. Две бутылки уцелели во всяком случае. На твою долю придется как минимум полпинты. Если хочешь выпить — ради бога.

— Джозеф, будь добр, сбегай и принеси мне бутылочку бренди.

— Нет! — резко вмешался ее супруг. — Если хочешь выпить, Грейс, принеси ее сама.

— Ерунда, Хью, я сбегаю.

— Я против! Грейс, у Джо сломано несколько ребер. Лаз в убежище не доставит ему приятных ощущений. А ты запросто можешь забраться туда — ведь ты единственная, кто не пострадал.

— Неправда!

— На тебе ни царапинки. А все остальные — кто в синяках, кто с чем-нибудь похуже. Теперь о распределении обязанностей. Я хочу, чтобы ты взяла

на себя готовку. Карен будет твоей помощницей. Да, Карен?

— Конечно, папочка.

— Таким образом, вы обе будете заняты. Мы соорудим жаровню и голландскую печь, но это со временем, а пока придется готовить на костре и мыть посуду в ручье.

— Ах вот как? Тогда, будьте добры, скажите мне, мистер Фарнхэм, что в это время будет делать Джозеф, чтобы оправдать расходы на свое содержание?

— А может быть, *ты* скажешь мне, как мы все будем оправдывать эти расходы? Дорогая, дорогая… разве ты не понимаешь, что теперь все по-иному?

— Не говори ерунды! Когда ситуация переменится, Джозеф получит до цента все, что ему причитается. Он и сам прекрасно это знает. Кроме того, мы спасли ему жизнь. И вообще были всегда добры к нему, так что он вполне может немного подождать с платой. Верно, Джозеф?

— Грейс! Помолчи и послушай. Джо больше не слуга. Он наш товарищ по несчастью. Нам больше никогда не придется платить ему. Перестань вести себя как дитя и посмотри фактам в лицо. У нас больше ничего нет. У нас никогда не будет

денег. У нас нет дома. С моим бизнесом покончено. Нет больше «Маунтин эксчендж бэнк». Нет ничего, кроме того, что мы запасли в убежище. Но нам повезло. Мы живы и к тому же каким-то чудом получили возможность прожить оставшуюся жизнь не под землей, а на земле. Счастье! Ты понимаешь?

— Я понимаю только одно: ты пытаешься найти оправдание своей грубости.

— Ты получила работу по своим способностям.

— Кухарка! Я и так влачила ярмо кухонного рабства в твоем доме двадцать пять лет! Это вполне достаточный срок. Я отказываюсь! Ты понял? Я отказываюсь!

— Ты не права ни в одном, ни в другом. Бóльшую часть нашей совместной жизни ты имела прислугу. Да и Карен начала мыть посуду, как только смогла заглянуть через край раковины на кухне. Не спорю, у нас бывали тяжелые времена. Теперь же предстоят — тяжелее некуда, и ты должна помочь, внести свою лепту, Грейс. Ведь ты отличная кулинарка, стоит тебе только захотеть. Ты будешь готовить… или не будешь есть.

— О-о-о! — Она разрыдалась и бросилась к убежищу.

Ее спина уже исчезла в туннеле, когда Дьюк

встал, чтобы последовать за матерью. Отец остановил его:

— Дьюк!

— Да?

— Подожди минутку, а потом можешь идти. Я собираюсь выбраться на разведку и хотел бы, чтобы ты сопровождал меня.

Дьюк поколебался.

— Ладно.

— Тогда смотри. Мы скоро отправляемся. Думаю, тебе лучше взять на себя роль охотника. Стреляешь ты гораздо лучше меня, а Джо вообще никогда не охотился. Как ты считаешь?

— Ну что ж… хорошо.

— Отлично. А теперь пойди успокой ее и… Дьюк, постарайся заставить ее понять, что происходит.

— Попробую. Но я согласен с матерью. Ты ведешь себя с ней грубо.

— Может быть. Ступай.

Дьюк резко повернулся и ушел. Карен тихо заметила:

— Я тоже так думаю, папа. Ты вывел ее из себя.

— Я решил, что иначе нельзя, Карен. Если бы я не сделал этого, она вообще бы палец о палец не ударила, а только гоняла Джо взад-вперед, обращаясь с ним как с наемным поваром.

— Да ладно, Хью, я не против того, чтобы готовить. Например, приготовление сегодняшнего ланча было для меня сплошным удовольствием.

— Она готовит гораздо лучше, чем ты, Джо, и она, именно она будет заниматься стряпней. Не приведи господь поймать мне тебя помогающим ей.

Юноша улыбнулся:

— Не поймаешь.

— Надеюсь. В противном случае я сниму с тебя шкуру и прибью ее к стене. Барбара, что ты знаешь о сельском хозяйстве?

— Очень мало.

— Но ведь ты ботаник.

— Нет, в лучшем случае я могла бы им стать когда-нибудь.

— Что делает тебя втрое лучшим фермером по сравнению с нами. Я, например, едва отличаю розу от одуванчика, Дьюк знает еще меньше, а Карен вообще считает, что картошка образуется в подливке. Ты слышала, как Джо назвал себя горожанином. В убежище должны быть семена, небольшой запас удобрений, кое-какой сельскохозяйственный инвентарь и книги по сельскому хозяйству. Осмотри все это и постарайся найти место для огорода. А уж мы с Джо вскопаем, что

нужно, и все такое прочее. Но тебе придется руководить нами.

— Хорошо. А есть семена каких-нибудь цветов?

— Как ты догадалась?

— Просто мне очень хотелось, чтобы они были.

— Есть. И однолетних, и многолетних. Сегодня выбирать место не нужно. Я не хочу, чтобы вы, девочки, далеко отходили от убежища, пока мы хорошо не разнюхаем обстановку. Джо, сегодня нам нужно сделать две вещи: лестницу и две уборных. Барбара, как у тебя с плотницким искусством?

— Так… средне. Могу вбить гвоздь.

— Тогда не разрешай Джо делать то, что способна сделать сама. Его ребра должны срастись. Но лестница нам необходима. А тебе, Карен, мой цветочек, предоставляется почетная обязанность выкопать два туалета.

— О боже! Ну спасибо!

— Просто два углубления. Одно для вас, эфемерных созданий, другое для нас, грубых мужчин. Потом мы с Джо соорудим сначала что-нибудь вроде небольших будочек. Потом возьмемся за дом — бревенчатый или даже каменный.

— Интересно, папочка, ты сам-то собираешься что-нибудь делать?

— Конечно, дорогая. В основном умственную работу. Планирование, управление, контроль. По-твоему, это не адский труд? — Он зевнул. — Ну ладно, всего хорошего. Я, пожалуй, прошвырнусь в клуб, зайду в турецкую баню, а остаток дня проведу за добрым крепким плантаторским пуншем.

— Папочка, может, ты лучше примешь холодный душ из ручья? Выдумал тоже, туалеты!..

— Отчизна будет гордиться тобой, дорогая!

Хью с сыном вышли через полчаса.

— Джо, — предупредил Хью, — мы собираемся вернуться до темноты, но в случае вынужденной задержки мы до утра будем жечь костер и возвратимся завтра. Если тебе придется идти искать нас, ни в коем случае не ходи один, а возьми с собой любую из девушек. Впрочем, нет, возьми лучше Карен. У Барбары не во что обуться, только босоножки на шпильках. Проклятье! Придется изготовить мокасины. Ты понял?

— Конечно.

— Мы пойдем по направлению к тому холму — видишь? Я хочу подняться на него, чтобы осмотреть как можно большую территорию. Может быть, удастся заметить какие-нибудь признаки цивилизации.

Они отправились в путь. Их снаряжение состояло из ружей, фляжек, топора, мачете, спичек, сухих пайков, компасов, биноклей, горных ботинок и плащей. Плащ и ботинки оказались Дьюку впору: он сообразил, что отец запас одежду специально для него.

Они шли, по очереди меняясь местами; тот, кто шел позади, старался не отставать и считал шаги, а идущий впереди изучал окрестности, определяя направление по компасу и запоминая увиденное.

Высокий холм, избранный Хью в качестве наблюдательного пункта, находился за ручьем. В поисках брода они немного прошли вниз по течению. Вокруг было много всякой живности. Особенно изобиловали эти места миниатюрными оленями, на которых, очевидно, никто не охотился, по крайней мере люди, так как по пути Дьюк заметил пуму и дважды им встречались медведи.

Когда они достигли вершины, было уже примерно три часа пополудни. Подъем оказался довольно утомительным — мешал густой кустарник, к тому же они никогда не занимались альпинизмом. Как только они забрались наверх, у Хью возникло горячее желание рухнуть на

землю и больше не вставать. Но он преодолел эту минутную слабость и огляделся. К востоку местность казалась более ровной. Его взгляду предстало бесконечное пространство прерий.

И ни малейших признаков присутствия человека.

Хью настроил бинокль и стал изучать окрестности. Заметив движущиеся вдали силуэты, он решил, что это антилопы, а может, и кто-то покрупнее, и подумал, что за ними стоит понаблюдать внимательнее. Но все это потом, потом…

— Хью!

Он опустил бинокль.

— Да, Дьюк?

— Видишь тот пик? Так вот, его высота равняется тысяче ста десяти футам.

— Не спорю.

— Это Маунтин-Джеймс. Отец, мы дома!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Посмотри на юго-запад. Видишь там три глыбы? В тринадцать лет я сломал ногу, упав со средней из них. А вон та остроконечная гора между ними и Маунтин-Джеймс — это Хантерс-Хорн. Неужели ты не видишь? Ведь линия горизонта уникальна, как отпечатки пальцев. Это Маун-

тин-Спрингс!

Хью пригляделся. Действительно, вид был ему знаком. Даже окно его спальни было расположено с таким расчетом, чтобы на рассвете из него была видна вся панорама. Сколько раз он сиживал на закате и смотрел на эти горы!

— Ты прав.

— Конечно прав, — с иронией согласился Дьюк. — Будь я проклят, если понимаю, как это произошло! Сдается мне, — он топнул ногой, — что мы на вершине водонапорной башни. На том месте, где она раньше находилась. А… — Он сощурился. — Насколько я понимаю, убежище располагается прямо на лужайке перед нашим домом. Отец, мы вовсе не двигались с места!

Хью достал блокнот, в который они записывали количество пройденных шагов и курсы по компасу, и что-то посчитал.

— Да. Все в пределах погрешности.

— Ну и что ты думаешь по этому поводу?

Хью взглянул на небо.

— Ничего я не думаю. Дьюк, скоро наступит ночь?

— Пожалуй, часа через три. Солнце скроется за горами часа через два.

— Сюда мы добирались два часа, следователь-

но, дорогу обратно одолеем значительно быстрее. У тебя есть сигареты?

— Да.

— Можешь дать мне одну? И запиши на меня, разумеется. Выкурим по одной, тогда можно и возвращаться. — Он огляделся. — Место здесь открытое, так что ни один хищник не сможет подкрасться к нам незамеченным. — Он положил ружье на землю возле себя, затем снял ремень и уселся сам.

Дьюк протянул отцу сигарету. Они закурили.

— Отец, ты невозмутим, как рыба. Ничто тебя не удивляет.

— Ты так считаешь? Вовсе нет. Просто я раньше так часто всему удивлялся, что постепенно приучил себя не демонстрировать этого.

— Это не у всех получается.

Некоторое время они курили молча. Дьюк сидел, Хью улегся на траву. Он был в полном изнеможении, и ему сейчас больше всего хотелось, чтобы никуда не нужно было возвращаться.

Неожиданно Дьюк произнес:

— Кроме того, ты очень любишь издеваться над людьми.

— Возможно, ты и прав, если, по-твоему, то, как я поступаю, — издевательство. Человек все-

гда старается делать только то, что ему хочется, то, что его «радует», — в пределах собственных возможностей. И если я меняю спущенное колесо, так только потому, что мне это доставляет большее удовольствие, чем бесконечное сидение на шоссе.

— Не нужно утрировать. Тебе просто приятно издеваться над мамой. Ты и меня любил в детстве шлепать за малейшую провинность… до тех пор, пока мать не топнула ногой и не заставила тебя прекратить это.

— Пора нам двигаться, — сказал отец и стал надевать ремень.

— Еще минутку. Я хочу кое-что тебе показать. Не беспокойся, мы не опоздаем. Мне нужны считаные секунды.

Хью выпрямился.

— Что такое?

— А вот что: твоя роль отважного капитана окончена. — Дьюк дал отцу сильную затрещину. — Это тебе за издевательство над мамой! — Он ударил еще раз — на этот раз с другой стороны и настолько сильно, что сбил отца с ног. — А это за то, что ты приказал ниггеру наставить на меня ствол!

Хью Фарнхэм лежал совершенно спокойный.

— Не ниггер, Дьюк. Негр.

— Он для меня негр только до тех пор, пока знает свое место. А то, что он прицелился в меня, делает его поганым ниггером. Можешь встать. Больше я тебя бить не собираюсь.

Хью Фарнхэм поднялся:

— Нам пора идти обратно.

— И это все, что ты можешь мне сказать? Давай-давай. Можешь тоже меня ударить. Отвечать тебе я не стану.

— Нет.

— Я не нарушал клятвы. Я ждал, пока мы покинем убежище.

— Согласен. Кто пойдет первым? Я? Мне кажется, так будет лучше.

— Уж не думаешь ли ты, что я боюсь выстрела в спину? Отец, пойми, я просто *должен* был сделать это.

— Неужели?

— Да, черт возьми! Чтобы не потерять уважения к самому себе.

— Хорошо. — Хью застегнул ремень, взял ружье и направился к последней сделанной им по пути отметке.

Шли они молча. Наконец Дьюк произнес:

— Отец!

— Да, Дьюк?

— Прости…

— Забудем об этом.

Они продолжали идти и, дойдя до ручья, нашли место, которое переходили вброд. Хью торопился, так как быстро темнело.

— Только один вопрос, отец, — снова нарушил молчание Дьюк. — Почему ты не назначил поварихой Барбару? Ведь она чужая нам. Зачем тебе снова было подковыривать мать?

Немного подумав, Хью ответил:

— Барбара теперь не более чужая, чем, например, ты, Дьюк, а приготовление пищи — единственное, что умеет делать Грейс. Или, ты считаешь, она должна бездельничать, в то время как остальные вкалывают?

— Естественно, нет. Все мы должны быть чем-то заняты, само собой разумеется. Но зачем ты издеваешься над ней при посторонних? Ты понимаешь меня?

— Дьюк!..

— Да?

— Последний год я занимался каратэ по три раза в неделю.

— Ну и что?

— Просто больше не пытайся драться со мной.

Безопаснее будет выстрелить мне в спину.

— Вот как!

— Да, а пока ты не решишь застрелить меня, тебе придется мириться с моим руководством. Или ты хочешь взять ответственность на себя?

— Ты что, предлагаешь мне это?

— Я не могу делать такого предложения. Возможно, группа предпочтет тебя. Твоя мать — она точно. Может быть — и сестра. А вот что касается мнения Барбары и Джо — тут ничего нельзя сказать наверняка.

— А как же *ты*, отец?

— Лучше я не буду отвечать тебе на этот вопрос: я ничего тебе не должен. Но я надеюсь, что до тех пор, пока ты не решишь сделать заявку на лидерство, ты будешь сознательно подчиняться мне так же, как делал это, дав клятву.

— Ну ты и сказанул! Сознательно подчиняться! Надо же!

— В нашем положении иначе быть не может. Я просто не в состоянии подавлять мятеж каждые несколько часов — а их с твоей стороны было уже два, — да и твоя мать страдает полным отсутствием дисциплины. В подобных условиях не может действовать ни один руководитель. Поэтому я могу принять от тебя только сознательное подчи-

нение. Оно включает в себя и невмешательство с твоей стороны в то, что ты назвал «издевательством».

— Но послушай, ведь я же сказал тебе, что я…

— Тихо! Если ты сам не решишь, как вести себя в подобных условиях, то самый лучший выход для тебя — выстрелить мне в спину. И не думай взять меня голыми руками или дать возможность выстрелить первым. В следующий раз, Дьюк, если я замечу угрозу с твоей стороны, я убью тебя. Если смогу. Но один из нас наверняка будет мертв.

Некоторое время они шли, не разговаривая. Мистер Фарнхэм так и не обернулся. Наконец Дьюк спросил:

— Отец, скажи же, ради бога, почему ты не можешь руководить демократично? Я вовсе не собираюсь захватывать власть, я просто хочу, чтобы все было честно.

— Да, ты не хочешь власти. Ты просто хочешь быть пассажиром на заднем сиденье, который указывает водителю, куда ему ехать.

— Чепуха! Я хочу, чтобы все было демократично.

— Неужели? Следовательно, нам придется устраивать голосование по вопросу о том, должна ли Грейс работать наравне со всеми и имеет ли

она право накачиваться виски? А как нам вести заседания? Может быть, попробуем процессуальный кодекс Роберта? А удалять ее из зала во время дебатов будем или нет? Может, ей следует остаться и защищать себя от обвинений в лености и пьянстве? Значит, ты согласен подвергнуть родную мать такому позору?

— Не говори глупостей!

— Я просто пытаюсь выяснить для себя, что ты подразумеваешь под демократичностью. Если ты понимаешь ее как постановку любого вопроса на голосование — ладно, готов помочь тебе попробовать, — разумеется, если ты сам будешь подчиняться любому решению большинства. Пожалуйста, выдвигай свою кандидатуру в председатели. Я устал от ответственности и знаю, что Джо тоже не очень доволен ролью моего заместителя.

— Это еще один вопрос. С чего это у Джо должно быть право голоса в этих вопросах?

— А я думал, ты хочешь, чтобы все было «демократично».

— Да, но ведь он…

— Кто же он, Дьюк? Ниггер? Или просто слуга?

— Ты любишь все вывернуть наизнанку.

— Это у тебя вывернутые наизнанку идеи.

Можем использовать формальную демократию — правила порядка, дебаты, тайное голосование, все такое — в любой момент, когда тебе захочется испробовать эту чушь. Особенно — в такой момент, когда тебе захочется поставить вопрос о недоверии и перехватить лидерство, а мне все так осточертеет, что я сам буду надеяться на твой успех. Но пока что у нас и так самая *настоящая* демократия.

— Вот как?

— Я действую в интересах и от имени большинства — четверых против двоих. Так мне, по крайней мере, кажется. Но меня это не устраивает. Мне необходимо абсолютное большинство, я не могу бесконечно пререкаться с меньшинством. Я имею в виду тебя и твою мать. И я хочу, чтобы нас стало пятеро против одного еще до того, как мы вернемся в убежище. Я жду от тебя заверений в том, что ты не будешь вмешиваться в мои попытки заставить, принудить, пусть даже путем «издевательств», твою мать принять на свои плечи равную долю нашего общего груза, — это в том случае, если ты не намерен бороться за лидерство.

— Ты просишь, чтобы я согласился на *такое*?

— Нет, я настоятельно *советую* тебе это сделать.

Или сознательное подчинение с твоей стороны… или при следующем столкновении один из нас умрет. Учти, я ни словом, ни жестом не стану предупреждать тебя. Вот поэтому-то наилучший для тебя выход — выстрелить мне в спину.

— Перестань болтать чепуху! Ты же прекрасно знаешь, что я никогда не выстрелю тебе в спину!

— Уверен? Потому что я-то выстрелю тебе в спину или куда придется, если проблемы снова возникнут. Дьюк, я вижу только один выход из этой ситуации. Если ты не согласен на добровольное подчинение, если ты не считаешь, что способен сместить меня, если ты не можешь заставить себя убить меня и если ты опасаешься, что во время очередного конфликта один из нас будет убит, то тогда есть вполне мирное решение этой проблемы.

— Какое?

— Ты можешь уйти в любое время, когда захочешь. Я дам тебе ружье, патроны, соль, спички, нож и все, что ты посчитаешь необходимым. Хоть ты этого и не заслуживаешь, но я не могу тебе позволить уйти ни с чем.

Дьюк зло рассмеялся:

— Предоставляешь мне возможность сыграть роль Робинзона Крузо, а всех женщин оставля-

ешь себе?

— Отчего же? Любой, кто захочет, может уйти с тобой. Со своей законной и равной с остальными долей всего, что у нас есть. Можешь взять с собой всех трех женщин, если, конечно, тебе удастся увлечь их своей идеей.

— Что ж, я подумаю.

— Подумай, подумай. А пока займись-ка лучше политикой, чтобы увеличить свои шансы на победу в «демократических» выборах, и постарайся быть осторожным, чтобы не схватиться со мной раньше, чем ты будешь готов к этому. Я честно предупреждаю тебя. Тем более что мое терпение кончилось — ты выбил мне зуб.

— Прости, я не хотел.

— Когда ты бил, этого не чувствовалось. Вот и убежище, так что можешь начинать «добровольно подчиняться» с того, что сделаешь вид, будто мы прекрасно провели время.

— Слушай, отец, если ты не хочешь, чтобы…

— Помолчи. Меня от тебя тошнит.

Когда они подошли к убежищу совсем близко, их заметила Карен и радостно закричала. Из туннеля тут же вылезли Джо и Барбара. Карен помахала лопатой:

— Посмотрите, что я уже сделала!

Она выкопала туалеты по обе стороны от убежища. Каркасы их составляли щиты, сбитые из стволов молоденьких деревьев и обшитые листами картона от ящиков со спиртным. Сиденья были сделаны из дощечек, которыми была обшита кладовая.

— Ну как? — требовательно спросила она. — Разве они не великолепны?

— Да, — согласился Хью, — значительно более основательно, чем я ожидал от тебя. — Он не стал говорить, что на туалеты Карен извела почти всю их древесину.

— Я работала не одна. Бóльшую часть плотницкой работы проделала Барбара. Слышали бы вы, как она ругается, когда попадает молотком по пальцу!

— Ты ушибла палец, Барбара?

— Ничего страшного. Лучше идите опробуйте лестницу.

— Обязательно. — Он полез было в туннель, но Джо остановил его:

— Хью, пока не стемнело, давай кое-что обсудим.

— Ради бога. Что именно?

— Ты как-то упоминал о том, что нужно построить хижину. Допустим, мы соорудим ее: что мы

будем иметь? Земляной пол и вечно текущую крышу, окна без стекол и дверной проем без двери. Мне кажется, что в убежище нам будет лучше.

— Что ж, возможно, — согласился Хью. — Я предполагал, что мы будем использовать его в качестве пристанища, пока не обзаведемся чем-нибудь получше.

— Думаю, оно не так уж радиоактивно, Хью. Стрелку дозиметра зашкалило бы, если бы крыша была по-настоящему «горячей». Ведь этого не произошло.

— Радостная весть. Ну, Джо, сам посуди, уклон в тридцать градусов более чем неудобен. Нам необходимо жилище с ровным полом.

— Это я и имел в виду, Хью. Что, если использовать гидравлический домкрат? Его грузоподъемность — тридцать тонн. А сколько весит убежище?

— Сейчас, сейчас. Нужно вспомнить, сколько ушло бетона и стали. — Хью достал блокнот. — Ну, скажем, тонн двести пятьдесят.

— Ладно, это была просто идея.

— Возможно она совсем не плоха. — Хью задумчиво обошел вокруг убежища — прямоугольной глыбы двадцати футов в длину, двадцати в ши-

рину и двенадцати в высоту, прикидывая углы, вымеряя расстояния.

— Можно попробовать, — решил он наконец. — Мы подкопаем приподнятую часть до середины так, чтобы убежище встало ровно. Черт, жаль, что у нас нет отбойных молотков.

— А сколько времени может занять такая работа?

— Думаю, вдвоем можно управиться за неделю, если не попадутся валуны. Когда под рукой нет динамита, валуны могут стать проблемой.

— Совсем неразрешимой?

— Любую проблему, в принципе, можно решить. Будем надеяться, что скальные породы нам не встретятся. Подкопанный край будем укреплять бревнами. Когда закончим, выдернем бревна с помощью талей и блока. Затем выровняем убежище домкратом и закрепим. Вынутой землей мы подсыплем ту часть, которая окажется в воздухе. В общем, потная работенка.

— Тогда я начну завтра с утра.

— Как бы не так! И думать не смей, пока не заживут твои ребра. Завтра утром начну я с нашими лихими девицами. Да и Дьюка подключим, после того как он подстрелит нам оленя, — консервы, я думаю, лучше экономить. Кстати, что вы

сделали с пустыми консервными банками?

— Зарыли.

— Их нужно выкопать и вымыть. Жестяная банка для нас дороже золота — она годится для чего угодно. Ладно, поднимемся, а то я еще не насладился лестницей.

Лестницу смастерили из двух обтесанных стволиков, к которым прибили ступеньки все из тех же ящичных дощечек. Хью отметил про себя, что древесина расходуется более чем неэкономно, ступеньки следовало делать из обрубленных веток. Черт побери, сколько теперь появилось всего, чего нельзя получить, просто сняв телефонную трубку! Например, эти рулоны туалетной бумаги — по одному в каждой кабинке. Их не следовало оставлять там — а вдруг пойдет дождь? Иначе очень скоро придется пользоваться листьями, или вообще ничем.

Многое, очень многое они привыкли принимать как само собой разумеющееся. Гигиенические пакеты — насколько их хватит? И как обходились без них первобытные женщины? Они наверняка чем-то пользовались, но чем?

Нужно предупредить всех, что изготовленное фабричным способом, будь то клочок бумаги, грязная тряпка, булавка, — все следует беречь

как зеницу ока. Нужно без устали следить за тем, чтобы это правило неукоснительно соблюдалось, постоянно удерживать их от бездумной траты чего бы то ни было.

— Замечательная лестница, Барбара!

Она, казалось, очень обрадовалась похвале.

— Самое трудное сделал Джо.

— Вовсе нет, — стал отпираться Джо. — Я только давал советы и подправил стамеску.

— Все равно, кто бы ни сделал ее, она сделана прекрасно. Теперь посмотрим, выдержит ли она меня.

— О, конечно же выдержит! — с гордостью воскликнула Барбара.

В убежище были включены все лампы. Значит, следует предупредить и насчет батарей. Нужно сказать девушкам, чтобы разыскали в книгах, как делают свечи.

— Где Грейс, Карен?

— Маме нездоровится. Она прилегла.

— Вот как? Тогда тебе лучше заняться обедом. — Хью вошел в женскую комнату, чтобы посмотреть, что за недуг сразил жену.

Грейс лежала на койке в одежде, забывшись в тяжелом сне, и громко храпела. Он нагнулся, приподнял ей веко. Она даже не пошевелилась.

— Дьюк!

— Да?

— Иди сюда. Все остальные выйдите.

Хью спросил у подошедшего сына:

— Ты давал ей выпить после ланча?

— Да. Но ведь ты и не запрещал.

— Я не обвиняю тебя. Сколько ты ей дал?

— Только один хайболл. Полторы унции скотча с водой.

— Как по-твоему, похоже это на один хайболл? Попробуй-ка разбуди ее.

Дьюк попытался, но безуспешно. Отчаявшись, он сказал:

— Отец, я понимаю, ты считаешь меня дураком. Но я действительно дал ей выпить только одну порцию. Проклятье, ведь ты прекрасно знаешь, что я не меньше тебя ненавижу ее пьянство.

— Не волнуйся, Дьюк. Надо думать, она добралась до бутылки уже после того, как ты ушел.

— Может быть, — нахмурился Дьюк. — Я дал матери выпить, как только обнаружил первую уцелевшую бутылку. Затем я занялся инвентаризацией. Кажется, нашел все, что осталось, если только ты не припрятал где-нибудь еще про запас…

— Нет, все ящики находились в одном месте.

Шесть ящиков.

— Правильно. Я нашел тринадцать целых бутылок — двенадцать по три четверти литра и литровую бутылку бурбона. Я еще прикинул, что это будет по две бутылки на человека, а бутылку бурбона оставил на всякий случай. Я открыл «Кингс Ронсом», налил порцию матери и отметил уровень виски на этикетке карандашом. Сейчас мы узнаем, прикладывалась она еще раз к нему или нет.

— Ты спрятал спиртное?

— Да, я спрятал весь запас на самую верхнюю полку в противоположном конце убежища. Я прикинул, что ей довольно трудно будет забраться туда, — ведь я не такой уж идиот, отец. Она была в своем отсеке и не могла видеть, как я прячу ящик. Правда, она могла догадаться…

— Давай проверим.

Все двенадцать бутылок были на месте, нетронутые, тринадцатая — едва начата. Дьюк поднял ее повыше.

— Вот! Ровно до отметки. Но ведь была еще одна, помнишь? Мы открыли ее, когда все началось, после второго взрыва. Куда она делась?

— Когда вы заснули, мы с Барбарой слегка приложились к ней, но до дна там было далеко. Я

больше ее не видел. Она осталась в кладовой.

— А! Все ясно. Разбита вдребезги. Я заметил ее, когда мы наводили там порядок. Но тогда я не понимаю, *где* мать могла взять спиртное?

— Она не брала его, Дьюк.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Это не виски. — Хью подошел к аптечке и взял оттуда пузырек со сломанной печатью на горлышке. — Посчитай, сколько здесь капсул секонала. Ты вчера сколько выпил вечером — две?

— Да.

— Карен выпила одну перед сном, одну позже. Одну выпил Джо. Ни я, ни Барбара, ни Грейс не принимали его. Итого пять капсул секонала.

— Подожди, я считаю.

Отец принялся считать капсулы, которые откладывал Дьюк.

— Девяносто одна, — объявил Дьюк.

— Правильно. — Хью ссыпал капсулы обратно в пузырек. — Следовательно, она приняла четыре.

— Что же делать, папа? Промывание желудка? Рвотное?

— Ничего.

— Но как же? Неужели у тебя нет сердца… Ведь она пыталась покончить с собой!

— Успокойся, Дьюк. Она и не думала делать

ничего подобного. Четыре капсулы — шесть гран — у здорового человека вызывают просто ступор, а она здорова как бык: месяц назад она была на осмотре у врача. Нет, она выпила секонал, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения. — Хью нахмурился. — Алкоголик — это уже само по себе достаточно плохо. Но люди часто, сами того не желая, убивают себя снотворными таблетками.

— Отец, а что ты подразумеваешь под тем, что она выпила его, чтобы подольше оставаться в состоянии опьянения?

— Ты не пользовался ими?

— Ни разу в жизни, только те две прошлой ночью.

— Помнишь, что ты сам чувствовал, когда принял две капсулы прошлым вечером? Тепло, радость и беспечность?

— Нет, я просто лег и отключился, а потом сразу очнулся стоящим на голове.

— Значит, у тебя еще не развилось привыкание к лекарству. А Грейс прекрасно знает, что за эффект оно дает. Опьянение, счастливое опьянение. Правда, я раньше не замечал, чтобы она принимала больше одной капсулы, но раньше и в спиртном ее никто не ограничивал. Если человек

начинает пить снотворное, потому что не может раздобыть спиртное, его дела плохи.

— Отец, ты должен был подальше убирать от нее спиртное давным-давно!

— А как, Дьюк? Постоянно твердить, что выпивки она не получит? На вечеринках вырывать рюмку из рук? Ссориться на людях? Спорить с ней в присутствии Джо? Не давать ей карманных денег, закрыть ее счет в банке, следить, чтобы ей не давали в кредит? Разве что-нибудь удержало бы ее в таком случае от соблазна начать закладывать вещи в ломбард?

— Мама никогда не опустилась бы до этого.

— Это типичное поведение в таких случаях. Дьюк, пойми, нельзя удержать взрослого человека, желающего получить спиртное. Даже правительство Соединенных Штатов оказалось в свое время в этом плане бессильным. Более того. Невозможно быть ответственным за чье-либо поведение. Я говорил о том, что отвечаю за нашу группу. Не совсем так. Самое большое, что я, или ты, или любой другой руководитель мог бы сделать, — это заставить каждого нести ответственность за себя. — Хью глубоко задумался, лицо его выражало тревогу. — Вероятно, моя ошибка состояла в том, что я дал Грейс воз-

можность бездельничать. Но она и так считала меня скупцом из-за того, что я позволял ей иметь только одного слугу и женщину, которая убирала в доме. Дьюк, сам посуди, *что* тут можно было придумать, кроме как бить ее?

— Ну… эта проблема потеряла актуальность. Что нам делать сейчас?

— Вот именно, мистер юрист. Что ж, спрячем для начала пилюли подальше.

— А я уничтожу эти проклятые бутылки!

— Этого я не стал бы делать.

— Ты бы не стал? Я не ослышался, что ты назначил меня хранителем спиртного?

— Нет, решать тебе. Я просто сказал, что, будь я на твоем месте, я бы не стал этого делать. Такой поступок был бы необдуманным.

— Ну, я так не считаю. Отец, я не буду разбираться в том, мог ли ты не дать матери дойти до состояния, в котором она сейчас пребывает. Но лично я намерен прекратить это.

— Очень хорошо, Дьюк. Виски так и так скоро кончится. Может, лучше было бы не мешать ей пока. Если ты согласишься, я мог бы вложить в это дело одну из своих бутылок. Да кой черт, хоть обе! Я люблю пропустить стопарик не меньше любого другого, но Грейс это необходимо.

— Это не имеет значения, — решительно заявил его сын. — Я не собираюсь давать ей ни глотка. Чем быстрее с проклятым зельем будет покончено, тем быстрее она станет нормальным человеком.

— Конечно, решать тебе. Но если можно, я внесу предложение.

— Какое?

— Утром встань пораньше, пока она еще спит. Вынеси все спиртное наружу и зарой его в месте, известном только тебе. А потом открывай по мере надобности по одной бутылке и распределяй примерно по унции на каждого. Пусть остальные пьют так, чтобы она этого не видела. Открытую бутылку тоже лучше хранить где-нибудь за пределами убежища.

— Звучит разумно.

— Перед нами стоит еще одна проблема — держать от матери подальше снотворное.

— Его тоже закопать?

— Нет, оно необходимо здесь. И не только снотворное. Демерол, иглы для шприца, некоторые лекарства, среди которых есть ядовитые и наркотические, совершенно незаменимые. Если она не сможет найти секонал — пять пузырьков по сто капсул в каждом, — нельзя предсказать заранее,

что она попытается принять. Придется воспользоваться сейфом.

— Чем?

— В толщу бетона вмонтирован небольшой сейф. Там ничего нет, кроме ваших свидетельств о рождении и других документов. Да, еще немного патронов и две тысячи серебряных долларов. Деньги хорошо бы куда-нибудь выложить, мы потом сможем использовать их в качестве металла. Ключ к сейфу — комбинация «4 июля 1776 года»[7].

— «47-17-76». Но лучше изменить ее, так как Грейс она может быть известна.

— Тогда я сразу так и сделаю!

— Не спеши, она не скоро проснется. Насчет запасных патронов… Дьюк, до сих пор ты был распорядителем спиртных напитков и сигарет, а теперь ты назначаешься еще и распорядителем лекарств. Поскольку я на некоторое время по уши зароюсь в землю, ты становишься моим заместителем по распределению и отныне отвечаешь за все, что не может быть возмещено: за спиртное, табак, патроны, гвозди, туалетную бумагу, спички, батареи, «клинекс», иглы…

---

[7] notes: 7

4 июля 1776 года — День независимости, национальный праздник США. — *Примеч. С. В. Голд.*

— Боже милостивый! А погрязней работенки не найдется?

— Сколько угодно, Дьюк. Каждому я пытаюсь поручить ту работу, которая соответствует его талантам. Джо слишком не уверен в себе, к тому же он пока не воспользовался ни единой возможностью что-нибудь сэкономить; Карен живет только сегодняшним днем. Барбара чувствует себя безбилетным пассажиром, хотя это и не так, она не сможет ни на кого прикрикнуть. Я бы сам занялся этим, но меня ждут другие, не менее важные дела. Ты же самый подходящий для этого человек! Ты не колеблясь отстаиваешь свои права и, случается, проявляешь даже дальновидность, правда не слишком часто.

— Большое спасибо. Мне сразу стало понятно.

— Самое сложное, что тебе предстоит, — это вбить им всем в головы, что необходимо беречь каждый кусочек металла, бумаги, ткани и дерева — те вещи, которые американцы за долгие годы привыкли бездумно транжирить. Что еще? Рыболовные крючки. Продукты не так важны — мы постоянно будем пополнять запас: ты — охотой, Барбара — огородничеством. И тем не менее возьми на строгий учет продукты, которые невозможно возместить. Соль. Ты должен сле-

дить за тем, чтобы соль расходовалась особенно бережно.

— Соль?

— Если ты не наткнешься на солончак во время охоты. Соль… Черт побери, ведь нам наверняка придется дубить кожу. Обычно я всегда только просаливал кожи перед тем, как отдать их мехов-щику. Но так ли это было необходимо?

— Не знаю.

— Нужно посмотреть. Проклятье, очень скоро мы обнаружим, что я не догадался запастись множеством вещей, без которых нам просто не обойтись.

— Отец, — возразил Дьюк, — по-моему, ты и так сделал все, что мог.

— Ты так думаешь? Приятно слышать. Тогда мы попробуем…

— Папа!

— Да? — Хью выглянул в кладовую.

Из люка показалась голова Карен.

— Папа, нельзя ли нам войти? Пожалуйста! Снаружи уже темно и страшно. Что-то большое и ужасное загнало Дока внутрь. А Джо не разрешает нам, пока ты не скажешь.

— Прости, детка. Конечно, входите. А потом мы закроем люк крышкой.

— Есть, сэр! Отец, ты обязательно должен выглянуть наружу. Звезды! Млечный Путь похож на неоновую вывеску. И Большая Медведица… Может, это все-таки не другая планета? Или мы и с другой планеты будем видеть тот же небосвод?

— Точно не могу сказать. — Тут он вспомнил, что женщины и Джо еще не знают об их открытии — о том, что они находятся в графстве Джеймс, район Маунтин-Спрингс. Но рассказать об этом должен Дьюк — ведь это он определил их местонахождение. — Дьюк, хочешь еще раз оглядеться перед тем, как мы закроемся?

— Спасибо, я уже видел звезды.

— Ну, как знаешь. — Хью выбрался наружу, подождал, пока его глаза привыкнут к темноте, и убедился, что Карен была права: никогда еще не приходилось ему видеть такое глубокое в своей чистоте небо, не загрязненное ни малейшим признаком смога.

— Изумительно!

Карен взяла его за руку.

— Да, — согласилась она, — но я бы все-таки предпочла обычные уличные фонари этим звездам. Там, в темноте, кто-то ходит. И мы слышали, как воют койоты.

— Здесь водятся медведи, а Дьюк слышал рыча-

ние пумы. Джо, ты держи кота ночью взаперти, да и днем лучше не давать ему отлучаться.

— Далеко не убежит, он не такой храбрый. К тому же кто-то уже поучил его уму-разуму.

— Меня тоже! — провозгласила Карен. — Это медведи! Барбара, ползи внутрь. Папа, если взойдет луна, то это уж точно Земля, — в этом случае я больше никогда ни на грош не поверю комиксам.

— Лучше спроси у своего брата, где мы находимся.

За ужином открытие Дьюка было основной темой разговоров. Разочарование Карен немного возмещалось ее интересом к тому, отчего никто из них раньше не смог определить, что они находятся в Маунтин-Спрингсе.

— Дьюк, ты действительно уверен в том, что говоришь?

— Ошибки быть не может, — ответил Дьюк. — Если бы не деревья, ты бы сама с легкостью это установила. Чтобы как следует оглядеться, нам пришлось взобраться на самую вершину Водонапорного холма.

— Так вы, значит, столько времени потратили на дорогу к Водонапорному холму? Но ведь до него пять минут ходу.

— Дьюк, объясни сестре насчет автомобилей.

— Думаю, что это из-за бомбы, — вдруг сказала Барбара.

— Конечно, Барбара. Вопрос только в том, как…

— Я имею в виду гигантскую водородную бомбу, которую, как утверждали русские, они имели на орбите. Ту, которую обычно называли «космической бомбой». Скорее всего, она-то и накрыла нас.

— Продолжай, Барбара.

— Так вот, первая бомба была просто ужасна, вторая — еще хуже: они нас едва не поджарили. Третья же просто здорово встряхнула нас — бабах! — а потом не было ничего — ни шума, ни жара, ни сотрясений, а радиоактивность стала меньше, вместо того чтобы возрасти. И вот что я думаю: слышали ли вы когда-нибудь о параллельных мирах? Миллионы миров бок о бок, почти одинаковые, но не совсем. Миры, в которых королева Елизавета вышла замуж за графа Эссекса[8], а Марк Антоний искренне ненавидел

[8] notes: 8

Роберт Эссекс (1567–1601) был фаворитом английской королевы Елизаветы I (1533–1603). После заключения перемирия с ирландскими повстанцами был предан суду, попытался поднять восстание, но был арестован и осужден. Казнен в 1601 году. — *Примеч. ред.*

рыжих. Мир, в котором Бен Франклин был убит током от воздушного змея[9]. Так вот: это один из таких миров.

— Сначала автомобили, а теперь еще и Бенджамин Франклин! Я пошла смотреть Бена Кейси[10].

— Это ты зря, Карен. Космическая бомба угодила в нас прямым попаданием и вышвырнула в параллельный мир. В мир, где все точно такое же, как у нас, за исключением одного — в нем никогда не было людей[11].

— Не уверена, что мне понравится мир без людей. Я бы предпочла другую планету с воинами верхом на тоатах… Или это были зитидары?[12]

— Ну и как тебе моя гипотеза, Хью?

— Я стараюсь быть беспристрастным и пока одно могу сказать: мы не должны рассчитывать

---

[9] notes: 9

Бенджамин Франклин (1706–1790) — ученый, исследователь атмосферного электричества, один из авторов Декларации независимости США и американской Конституции 1787 года. — *Примеч. ред.*

[10] notes: 10

Бен Кейси — герой одноименного популярного медицинского сериала, который выходил в эфире Эй-би-си в 1961–1966 годах. — *Примеч. С. В. Голд.*

[11] notes: 11

Здесь и далее игра слов: «world with no men» может означать «мир без людей» и «мир без мужчин». — *Примеч. С. В. Голд.*

[12] notes: 12

Тоаты — восьминогие верховые животные, *зитидары* — слоноподобные существа, населяющие Марс (Барсум) в знаменитом цикле

романов Э. Р. Берроуза. — *Примеч. С. В. Голд.*

на то, что встретим других людей.

— Мне нравится твоя теория, Барбара, — заявил Дьюк. — Она объясняет все. Выстрелены, как арбузная косточка из пальцев. Фьюйть!

— Да, и оказались здесь.

Дьюк пожал плечами:

— Пусть эта гипотеза войдет в историю как теория пространственного переноса Барбары Уэллс и будет безоговорочно принята всеми. Принято единогласно, на этом заканчиваем. Я, например, чертовски хочу спать. Кто где спит, Хью?

— Минутку. Друзья, позвольте представить вам моего заместителя по распределению. Сын мой, поклонись публике. — Хью объяснил свою программу жесткой экономии. — Дьюк с течением времени усовершенствует ее, но суть я вам изложил. Допустим, я нахожу согнутый гвоздь на полу в дамской комнате — виновный получает соответствующее количество плетей. За серьезное нарушение, например за трату спички, — протаскивание под килем. Еще одно нарушение — и виновного вешают на городской площади при большом стечении народа.

— Ха! А мы все будем смотреть!

— Помолчи, Карен. Конечно я шучу. Никаких наказаний не будет, только суровое осознание

того, что ты лишил остальных чего-то необходимого для жизни, здоровья или комфорта. Так что не смейте пререкаться с Дьюком. И я хочу произвести еще одно назначение. Доченька, ты, кажется, владеешь стенографией?

— Ну, это слишком сильно сказано. Мистер Грегг, наш преподаватель, так не думал.

— Хью, я знаю стенографию. А тебе она зачем?

— Ладно, Барбара. Назначаю тебя нашим историографом. Сегодня — День первый. Ну, или продолжай использовать привычный календарь. Только придется его немного сдвинуть, — судя по звездам, сейчас зима. Каждый день ты должна фиксировать события, а потом расшифровывать записи. Тебе также присваивается звание «хранительница огня». Я полагаю, что вскоре ты станешь ею на самом деле: нам придется разжигать огонь и сохранять его. Ну вот и все. Прошу прощения, Дьюк, что задержал.

— Хью, я буду спать в кладовой. А ты ложись на койку.

— Погоди еще секунду, братишка. Папа, а нельзя нам с Барбарой помыться в кладовой? Мы можем использовать воду? Нам это просто необходимо. Девушки, которые копают выгребные ямы, *обязаны* мыться.

— Конечно, Карен, — согласился Дьюк.

— С водой проблемы нет, — сказал Хью, — но вы с не меньшим успехом можете утром выкупаться в ручье. Помните только одно: пока одна купается, вторая должна быть начеку. Я ведь не шутил насчет медведей.

Карен вздрогнула:

— Я и не думала, что ты шутишь. Кстати, папочка, где нам справлять нужду? В туалете? Или терпеть всю ночь до утра? Правда, я не уверена, что дотерплю. Я, конечно, постараюсь: очень не хочется среди ночи играть в прятки с медведями, но…

— Надо думать, туалет остался на своем месте.

— Ну… я думала, что теперь, когда у нас эти новехонькие отхожие места…

— Да пользуйтесь, пользуйтесь.

— Хорошо! Братишка, тогда дай нам с Барбарой водички для туалета и можешь отправляться спать.

— Мыться вы раздумали?

— Помыться мы можем и в женской спальне, когда вы все уляжетесь почивать. Так что мы не будем вгонять вас в краску.

— Я не краснею.

— А должен бы.

— Тихо, — вмешался Хью. — Мы должны следовать правилу «Нет — ложному стыду». Здесь мы скучены хуже, чем в московской коммунальной квартире. Вы знаете, что говорят японцы по поводу наготы?

— Я слышала, что они моются совместно, — сказала Карен. — И была бы очень рада последовать их примеру. Горячая водичка! Это, я вам скажу, вещь!

— Так вот, они говорят следующее: «Видят наготу часто, но рассматривают редко». Не подумайте, что я призываю вас расхаживать в чем мать родила. Но стыдиться друг друга просто глупо. Если нужно переодеться, а уединиться негде — переодевайтесь спокойно. Или взять, например, купание в ручье. Тот, кому предстоит охранять купающегося, может оказаться человеком другого пола, — иначе возникает множество сложностей. Поэтому советую: меньше обращайте на это внимания. — Он посмотрел на Джозефа. — Я и о тебе говорю. Я заметил, что ты особенно щепетилен в этих делах.

— Так уж я воспитан, Хью, — упрямо ответил Джо.

— Меня тоже «так воспитали», но я стараюсь изо всех сил. После целого дня тяжелой работы,

может статься, только Барбара будет в состоянии охранять тебя от медведей.

— Я все-таки рискну выкупаться в одиночку. Что-то я не видел поблизости медведей.

— Джо, не мели чепухи. Ты мой заместитель.

— Не по своей инициативе.

— И перестанешь им быть, если не сменишь пластинку. Будешь купаться, когда тебе нужно и под охраной любого из нас.

— Нет уж, благодарю покорно, — заупрямился Джо.

Хью Фарнхэм вздохнул:

— Вот уж от кого, а от тебя я глупостей не ожидал. Дьюк, ты не поможешь мне? Я имею в виду «ситуацию номер семь».

— С удовольствием! — Дьюк схватил ружье и начал деловито заряжать его. У Джо отвисла челюсть, но он не пошевелился.

— Это лишнее, Дьюк. Оружие ни к чему. А теперь, Джо, возьми только ту одежду, в которой был вчера вечером. За одежду, которая припасена для тебя, платил я. Так что тебе больше ничего не причитается, даже спички. Можешь переодеться в кладовой — ведь превыше всего ты ценишь свою скромность. Но твоя жизнь — это твоя проблема. Давай пошевеливайся.

Джозеф медленно спросил:

— Мистер Фарнхэм, вы это серьезно?

— Сейчас я не менее серьезен, чем ты, когда прицеливался в Дьюка. Ты помог мне прижать его. Ты слышал, как я сам прижал свою жену. Так могу ли я после этого спустить *тебе* то, чего я не стерпел от них? Боже всемогущий, да ведь тогда в следующий раз мне придется схватиться с девицами, после чего группа распадется и мы все погибнем. Поэтому я предпочту, чтобы ты ушел один. Даю тебе еще две минуты на прощание с Доктором Ливингстоном. Кота с собой взять не позволю: я не желаю, чтобы он был съеден.

Док сидел на коленях у негра. Джо медленно поднялся, все еще придерживая кота руками. Он был ошеломлен.

— Если, конечно, ты не предпочтешь остаться с нами, — добавил Хью.

— А можно?

— Можно, но только на общих для всех условиях.

По щекам Джо медленно скатились две слезы. Он потупился, погладил кота и тихо сказал:

— Тогда я останусь. Я согласен.

— Отлично. В таком случае для подтверждения своего согласия извинись перед Барбарой.

Барбара была поражена. Она хотела что-то сказать, но потом решила, что лучше не вмешиваться.

— Э-э-э… Барбара, прости меня.

— Не стоит, все в порядке, Джо.

— Я буду… счастлив и горд, если мне когда-нибудь доведется купаться под вашей охраной. Разумеется, если вы согласитесь.

— Всегда пожалуйста, Джо. Буду рада.

— Благодарю вас.

— А теперь, — возвестил Хью, — предлагаю перекинуться в бридж. Карен, ты как?

— А почему бы и нет?

— Дьюк?

— Я лучше прикорну. Если кому-нибудь приспичит на горшок — смело шагайте через меня.

— Ложись на полу, рядом с койками, Дьюк, и старайся не мешаться под ногами. Впрочем, нет, лучше забирайся на верхнюю койку.

— А где ты будешь спать?

— Я лягу последним. Мне нужно кое-что обдумать. Джо, играть будешь?

— Сэр, я не горю желанием играть сейчас в карты.

— Пытаешься поставить меня на место?

— Отнюдь нет, сэр.

— Не стоит, Джо. Предлагаю тебе трубку мира. Всего лишь один роббер. Сегодня выдался трудный денек.

— Благодарю. Я все-таки предпочел бы не играть.

— Черт возьми, Джо! Неужели мы будем держать обиду друг на друга? Вчера вечером Дьюку, например, пришлось куда хуже, чем тебе сегодня. Его-то ведь чуть было не вышвырнули в радиоактивный ад, а не отправили порезвиться с игривыми мишками, как тебя. Разве он обиделся?

Джо опустил глаза, почесал Доктора Ливингстона за ухом. Потом внезапно вскинул голову и улыбнулся:

— Один роббер. И я оберу тебя до нитки.

— Черта с два! Барби! Будешь четвертой?

— С удовольствием!

Джо выпало играть в паре с Карен. Он разобрал карты и угрожающе произнес:

— Ну, теперь держитесь!

— Следи за ним, Барби.

— Хочешь побочную ставку, па?

— А что ты мне можешь предложить?

— Ну… хотя бы мое юное тело.

— Не пойдет, чересчур толстовато.

— Ты просто ужасно несправедлив ко мне! Я не толстая, а пикантно пухленькая. Ну ладно, а как насчет моей жизни, судьбы и девичьей чести?

— И что ты за все это хочешь?

— Браслет с бриллиантами.

Барбара с удивлением заметила, что на сей раз Хью играет из рук вон плохо: он то и дело обсчитывался, часто сбрасывал не в масть. Она поняла, что Хью еле жив от усталости, милый, бедняжка! Видно, кому-то придется прижать и его, не то он просто убьет себя, пытаясь в одиночку вынести груз на своих плечах.

Через сорок минут Фарнхэм написал долговую расписку на бриллиантовый браслет, и они стали укладываться спать. Хью с удовлетворением заметил, что Джо разделся и нагишом лег на нижнюю койку. Именно так, как ему и было велено. Дьюк, тоже голый, растянулся на полу. В убежище было жарко: такая груда железобетона не могла быстро остыть, а воздух снаружи перестал поступать, как только закрыли крышкой люк. С духотой не справлялись даже вентиляционные отверстия. Хью отметил про себя, что нужно придумать какую-нибудь решетку, которая бы не впускала внутрь медведей и не выпускала наружу кота. Но все это потом, потом…

Он взял фонарик и вошел в кладовую.

Книги снова были кем-то расставлены по полкам, кроме тех, которые еще лежали раскрытыми для просушки. Он задумчиво перелистал несколько штук, искренне надеясь, что вред им причинен небольшой.

Последние книги на свете… Похоже на то, во всяком случае.

Он вдруг почувствовал такую жалость, которой не испытывал даже при абстрактной мысли о гибели миллионов людей. Каким-то образом сожжение миллионов книг казалось ему событием более страшным и делом более жестоким, чем убийство людей. Все люди рано или поздно умирают. Смерть ни для кого не делает исключения. Но книга не должна умирать, и грешно убивать ее, ведь книги были бессмертной душой человечества. Сжигатели книг учинили зверство над беззащитными и не ожидавшими удара книгами.

Книги всегда были его лучшими друзьями. Они учили его всему на свете в сотнях публичных библиотек. Купленные в газетных киосках, они согревали его в момент одиночества. Внезапно он почувствовал, что, если бы ему не удалось сохранить некоторые из них, жизнь потеряла бы

для него смысл.

Бóльшую часть библиотеки он собрал ради практической пользы: «Британская энциклопедия»… Грейс считала, что лучше на это место водрузить телевизор: «Ведь их потом, возможно, будет трудно купить». Объемистость энциклопедии его тоже не совсем устраивала, но это издание являлось самым компактным хранилищем знаний из всего того, что мог предложить рынок. Книга Че Гевары «Партизанская война» — слава богу, что она им не понадобится! Да и соседние с ней: справочник Янки Леви о методах Сопротивления, книга «О партизанской войне» Мао Цзэдуна в переводе Гриффита и книга Тома Уинтрингема «Новые способы ведения войны» (пособие для войск специального назначения) — можно забыть!

Я не хочу воевать,

Я не пойду воевать,

Мне не нужна война опять![13] —

вспомнил он.

«Настольная книга бойскаута», «Справочник

---

[13] notes: 13

Слова из «Down by Riverside», негритянского спиричуэла позапрошлого века. — *Примеч. С. В. Голд.*

по конструированию» Эйшбаха, «Пособие по ремонту радиоаппаратуры», «Охота и рыболовство», «Съедобные грибы и как их распознать», «Домоводство в колониальную эпоху», «Ваш загородный дом: печи и трубы», «Поваренная книга бродяги», «Медицина без докторов», «Пять акров и независимость», самоучитель русского языка, русско-английский и англо-русский словари, справочник растений, «Пособие по выживанию», разработанное отделом ВМФ, «Техника выживания» штаба ВВС, «Практическое пособие по плотницкому делу» — все известные ему книги, точнее, самые практичные и дешевые.

«Антология английской поэзии» оксфордского издания, «Сокровища американской поэзии», «Книга игр» Хойла, «Анатомия меланхолии» Бертона, его же «Тысяча и одна ночь», старая добрая «Одиссея» с иллюстрациями Вайета, полное собрание стихотворений Киплинга и его «Сказки просто так», однотомник Шекспира, молитвенник, Библия, «Занимательная математика», «Так говорил Заратустра», «Учебник старого опоссума по котоведению» Т. С. Элиота, «Человек и море» Р. Фроста…

Жаль, что ему не хватило времени собрать всю художественную литературу, как он планировал.

И особенно жаль, что нет здесь произведений Марка Твена, — для них он нашел бы место. Как жаль, что…

Поздно, слишком поздно. Его скромная библиотека — это все, что осталось от некогда могучей культуры. «Верхушка башни окунулась в облака…»

Он очнулся и понял, что заснул стоя. Зачем он пришел сюда? Что-то важное… Ах да! Дубление кожи. Кожа! Барбара ходит босая. Нужно сделать ей мокасины. Наверное, самое лучшее — заглянуть в «Британнику» или в томик «Домоводства в колониальную эпоху».

Нет, слава богу, соль не нужна. «Найдите дуб…» — впрочем, лучше, если Барбара сама найдет его, это заставит ее ощутить себя полезной. И для Джо нужно подыскать какое-нибудь дело, которое только он один будет способен довести до конца. Пусть бедняжка потешится общим восхищением, почувствует, что действительно нужен всем. Что его любят. Главное — не забыть…

Хью с трудом дошел до главной комнаты, взглянул на верхнюю койку и понял, что не испытывает ни желания, ни сил забираться на нее. Он улегся на одеяло, на котором они играли в карты, и мгновенно заснул.

5

К завтраку Грейс не вышла. Девушки быстро покормили мужчин и остались, чтобы вымыть посуду и прибраться. Дьюк отправился на охоту, взяв с собой кольт сорок пятого калибра и охотничий лук. Он сам так решил: стрелы можно собрать или сделать новые, а пули пропадали безвозвратно. Дьюк несколько раз выстрелил из лука и пришел к выводу, что его плечо в норме.

Он сверил часы и договорился, что если его не будет к трем часам, то возле убежища зажгут дымный костер.

Хью велел девушкам вынести на солнце все книги, которые хоть немного отсырели, а затем, вооружившись киркой и лопатой, принялся вгрызаться в землю. Джо хотел было помочь, но Хью категорически отказался от всякой помощи.

— Слушай, Джо, ведь нужно сделать тысячу дел. Пожалуйста, займись ими. И никакой тяжелой работы.

— Что бы мне такое сделать?

— Ну, например, составь инвентарные списки. Помоги Дьюку в учете всего, что невозможно восстановить. По ходу дела у тебя будут возникать

разные соображения, записывай их. Посмотри по книгам, как изготовляются мыло и свечи. Проверь оба дозиметра. Только возьми оружие и будь начеку. Следи, чтобы девицы не выходили невооруженными. Черт побери, да хоть придумай, как устроить канализацию и водопровод без труб, унитазов, свинца и цемента.

— Разве такое возможно?

— Но ведь кто-то же сделал это первым! И объясни этому хвостатому надсмотрщику, что помощники мне не нужны.

— Хорошо. Док, иди сюда! Сюда, сюда!

— Да, и еще, Джо. Можешь предложить девушкам свои услуги в качестве охраны, пока они купаются. Смотреть на них при этом необязательно.

— Хорошо. Но только я скажу им, что это не мое предложение. Я не хочу, чтобы они думали…

— Послушай, Джо. Эти девушки — пара нормальных, здравомыслящих, злых на язычок американских девчонок. Можешь им говорить что угодно, они все равно будут уверены, что ты подглядываешь. Ведь основой их мировоззрения является чувство собственной неотразимости. Так что, по их понятиям, мужчина просто не может не подсматривать за ними. Так что не

будь слишком убедительным, ты оскорбишь их чувства.

— Кажется, я понял, — сказал Джо и удалился.

Хью начал копать, думая при этом, что он-то никогда не упускал случая в таких делах — если его не могли застукать. Но этот неисправимый питомец воскресной школы, вероятно, и на обнаженную леди Годиву[14] постеснялся бы взглянуть. Хороший парень — а воображения ни на грош. Правда, положиться на него можно полностью. Досадно, что пришлось обойтись с ним так круто прошлым вечером…

Очень скоро Хью понял, что его худшие опасения подтвердились: работать без тачки оказалось невозможно. Он пришел к такому заключению, не успев еще выкопать достаточно большой ямы. Трудиться без всякой механизации было, конечно, тяжело, но таскать землю в ведрах было просто оскорблением здравого смысла!

Тем не менее он начал выносить землю вручную, напряженно думая при этом, как соорудить колесо, не имея металла, паяльного инструмента,

---

[14] notes: 14

Леди Годива, графиня Ковентри, на спор проехала по улицам города обнаженной, чтобы избавить подданных от непосильных податей, наложенных ее супругом Леофриком, графом Мерси и лордом Ковентри. — *Примеч. ред.*

мастерской, плавильной печи — одним словом, ничего…

Постой-постой… Ведь есть стальные баллоны. Койки сделаны с применением металлических полос, а в корпусе перископа имеется ковкое железо. Уголь можно получить из дерева, а меха — это просто шкуры животных да каркас из веток. Вот так-то! А идиот, который при наличии всего этого не сумеет сварганить колесо, простотаки заслуживает того, чтобы таскать землю на собственном горбу.

Вокруг него растут тысячи деревьев… Например, в Финляндии больше ничего и нет, кроме деревьев. А все же Финляндия — самая симпатичная маленькая страна в мире…

— Док, брысь из-под ног!

…Конечно, если только Финляндия еще существует.

Девушкам, должно быть, понравится финская баня, где они могли бы попариться, взвизгивая от удовольствия, и снова почувствовать себя нормальными людьми. Бедняжки, больше они никогда не увидят ни парикмахерских, ни салонов красоты. Может быть, хоть сауна послужит для них утешением. Да и Грейс, наверное, не прочь будет помыться. Вдруг в парилке спадет с

нее нынешняя одутловатость и она снова станет стройной? Какой она раньше была красавицей!..

Показалась Барбара с лопатой.

— Где ты ее взяла? И что собираешься делать?

— Это лопата, которой работал Дьюк. Я собираюсь копать.

— Босиком? Ты с ума со… Ба, да на тебе ботинки!

— Это ботинки Джо. И джинсы тоже его. А рубашка Карен. Где мне начинать?

— Вот тут, чуть подальше. Если встретится валун тяжелее пятисот фунтов — зови на помощь. Где Карен?

— Купается. А я решила пропотеть посильнее, а потом помыться поосновательнее.

— Мойся, когда захочешь. И не вздумай работать здесь полный день. Тебе это не под силу.

— Мне нравится работать с тобой, Хью. Почти так же, как и… — Она не договорила.

— Как играть в бридж?

— Да, как играть в бридж на пару с тобой. Да, можно сказать и так. Тоже.

— Барби, девочка моя…

После этого он почувствовал, что и копать можно с удовольствием. Дайте разуму отдыхать, а мышцам — тренировку. Отличное занятие. Он

слишком долго обходился без этого.

Барбара работала уже с час, когда из-за угла появилась миссис Фарнхэм.

— Доброе утро! — Барбара добавила по лопате земли в каждое из ведер, подняла их наполненными наполовину и исчезла за углом.

Грейс Фарнхэм обратилась к мужу:

— Ага! А я-то все думала, куда это ты запропастился. Все меня бросили. Ты понимаешь? — Она была в том же наряде, в котором спала. Ее лицо опухло от сна.

— Просто тебе дали возможность отдохнуть, дорогая.

— Думаешь, приятно просыпаться в одиночестве в незнакомом месте? Я к этому не привыкла.

— Грейс, никто не хотел тебя обидеть. О тебе просто позаботились.

— Это называется забота? Ладно, не будем больше об этом.

— Хорошо.

— А ты и рад. — Заметно было, что она старается взять себя в руки. Затем она спросила напрямик: — Может быть, ты все-таки прервешься ненадолго и сообщишь мне, куда спрятал мою выпивку? Мою! Мою долю. Я бы и не подумала

прикоснуться к твоей, после того как ты так обошелся со мной. На глазах у слуг и посторонних людей к тому же!

— Грейс, тебе придется поговорить с Дьюком.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Все спиртное находится в ведении Дьюка. И я не знаю, где он держит его.

— Ты лжешь!

— Грейс, за двадцать семь лет я не солгал тебе ни разу.

— О! Какой ты все-таки жестокий!

— Возможно. Но я не лжец, и в следующий раз, когда ты позволишь себе обвинить меня во лжи, тебе это даром не пройдет.

— Где Дьюк? Он не позволит тебе разговаривать со мной в таком тоне! Он обещал мне это!

— Дьюк ушел на охоту. Намеревался вернуться к трем часам.

Она некоторое время молча смотрела на него, потом резко повернулась и бросилась за угол.

Тут же появилась Барбара, взяла лопату, и они продолжили работу.

— Мне очень жаль, что ты стала невольной свидетельницей этого разговора, — сказал Хью.

— Какого?

— Если только ты не отходила отсюда более

чем на сто ярдов, то сама знаешь какого.

— Хью, это не мое дело.

— В нынешних обстоятельствах всем до всего должно быть дело. Теперь ты составила плохое мнение о Грейс.

— Хью, да мне и в голову никогда бы не пришло критиковать твою жену.

— Тем не менее у тебя складывается какое-то впечатление о людях. Я хочу, чтобы твое представление о Грейс не было поверхностным. Представь себе, какой она была двадцать пять лет назад. Вспомни Карен.

— Должно быть, Карен очень похожа на нее?

— Да, похожа, но Карен никогда не отличалась ответственностью. На Грейс же всегда во всем можно было положиться. Я находился на действительной службе — офицерский чин я получил только после Перл-Харбора. Ее родители были, что называется, добропорядочными бюргерами. И они вовсе не желали, чтобы их дочь вышла замуж за нищего солдата.

— Еще бы!

— А она все же вышла. Барбара, ты даже представить себе не можешь, что значило в те дни быть женой молодого парня, призванного в армию! При полном отсутствии денег. Родители

Грейс хотели, чтобы она вернулась домой, но не присылали ей ни гроша, пока она находилась со мной. Грейс не бросила меня.

— Она молодец.

— Да. Учти притом, что до этого ей никогда не приходилось жить в одной-единственной комнате, пользоваться общей с другими жильцами ванной, сиживать в приемных покоях военно-морских госпиталей. Экономить буквально на всем. Оставаться совершенно одной, пока я был в море. Молодая и красивая женщина могла бы найти себе кучу развлечений в Норфолке, а она вместо этого нашла себе работу в прачечной — сортировать грязное белье. И все же, когда бы я ни приехал на побывку, она была неизменно красива, жизнерадостна и ни на что не жаловалась. Александр родился на второй год…

— Александр?

— Дьюк. Его назвали в честь дедушки по материнской линии и крестили без меня. Ее родители после рождения внука пошли на попятную: теперь они были согласны принять меня в свою семью. Но Грейс не растаяла и так никогда и не взяла от них ни цента. Она снова устроилась на работу, а с ребенком целыми днями нянчилась наша квартирная хозяйка.

Эти годы были самыми тяжелыми. По службе я продвигался довольно быстро, и деньги уже не были такой проблемой. Началась война, я был произведен из старшин в младшие лейтенанты, а закончил ее лейтенантом-коммандером у «морских пчелок»[15]. В сорок шестом мне пришлось выбирать: снова переходить в старшины или увольняться в запас. С согласия Грейс я стал гражданским и оказался на берегу, без работы, но с женой, с сыном, посещавшим начальную школу, и трехлетней дочерью. Жить нам пришлось в трейлере. Была безумная инфляция, и цены непрестанно росли. Все, что мы имели, — это несколько облигаций военного времени.

Настал второй тяжелый период нашей жизни. Я ввязался в подряды, потерял на этом все сбережения, после чего мне пришлось устроиться на работу в водопроводную компанию. Мы не голодали, хотя подчас приходилось варить суп из топора. Грейс все невзгоды переносила очень мужественно: трудолюбивая домохозяйка, активный член местной ассоциации родителей и преподавателей, а самое главное — всегда оптимистично настроенная.

---

[15] notes: 15

«Морские пчелки» — инженерно-строительные части ВМФ США. — *Примеч. С. В. Голд.*

Вскоре я стал начальником в строительной компании. Поскольку я когда-то занимался подрядами, через некоторое время я решил еще раз попробовать свои силы в этой области бизнеса. На сей раз мне повезло. Кое-как я наскреб с мира по нитке и ухитрился построить дом. Продал его еще до окончания строительства и тут же построил еще два. С тех пор удача не покидала меня.

Лицо Хью Фарнхэма стало задумчивым.

— Вот тут-то она и стала сдавать. Когда мы наняли прислугу. Когда стали держать в доме спиртное. Мы не ссорились — мы вообще никогда не ссорились, если не считать вопроса о воспитании Дьюка, которого я хотел вырастить в строгости, а Грейс не выносила рукоприкладства по отношению к мальчику.

Она стала опускаться именно тогда, когда я стал делать деньги. Пережить процветание ей было не под силу. Она привыкла выкручиваться в неблагоприятных обстоятельствах и, когда мы разбогатели, ощутила себя не у дел. Но я все же надеюсь, что ей удастся перебороть себя.

— Конечно, Хью.

— Надеюсь.

— Я рада, что ты рассказал мне о ней, Хью. Теперь я буду лучше понимать ее.

— Черт возьми, в этом нет никакой нужды. Я просто хотел, чтобы ты знала: эта толстая, глупая и эгоистичная женщина — не вся Грейс и в том, что она покатилась по наклонной плоскости, — не только ее вина. Со мной не так просто ужиться, Барбара, как ты думаешь.

— Вот как?

— Да! Когда я получил возможность отойти от дел, я не оставил свой бизнес. Я позволил себе задерживаться в конторе вечерами. А когда женщина часто остается одна, она может начать с лишнего бокала пива перед телевизором, пока идет реклама, потом выпить еще один, и еще… Впрочем, все равно, если бы я даже и бывал по вечерам дома, то посвятил бы свой досуг чтению. Но я не только ушел в бизнес с головой, я вступил в местный бридж-клуб. Сначала она посещала его, но скоро перестала. Она неплохо играла, но без энтузиазма, а мне нравится бороться за каждое очко. Я не могу ее критиковать за это — нет никакой добродетели в том, чтобы бороться за выигрыш, будто это вопрос жизни и смерти. Метод Грейс лучше, а если бы и я тоже был поспокойнее… ну, возможно, она не стала бы такой, как сейчас.

— Чепуха!

— Что?

— Хью Фарнхэм! Никто не виноват в том, кем становится человек. Убеждена, что это так. Я являюсь такой, какая есть, потому что сама пожелала этого. То же и с Грейс. И с тобой. — И уже тише она добавила: — Я люблю тебя. И судьба Грейс — не твоя вина. И ни в чем из того, что мы сделали, твоей вины нет. Я просто слышать не могу и не хочу, как ты бьешь себя в грудь и причитаешь: «Mea culpa!»[16] Ты не приписываешь себе в заслугу достоинства Грейс. Зачем же брать на себя вину за ее недостатки?

Он заморгал и улыбнулся:

— Семь без козыря.

— Вот так-то лучше.

— Я тебя люблю. Считай, что я тебя поцеловал.

— Я тебя тоже. Большой шлем. Внимание, сюда идут копы, — вдруг сказала она уголком рта.

Это оказалась Карен, чистая, сверкающая, с расчесанными волосами, накрашенными губами и улыбающаяся.

— Какое вдохновляющее зрелище! — воскликнула она. — Может быть, несчастные рабы желают корочку хлеба и глоток воды?

---

[16] notes: 16

«Моя вина!» *(лат.). — Примеч. ред.*

— Скоро захотим, — согласился отец. — А пока не слишком перегружай эти ведра, а то не донесешь.

Карен попятилась:

— Но я не вызывалась работать с вами!

— Ладно, не будем формалистами.

— Но, папа, я ведь только что помылась!

— А что, разве ручей пересох?

— Папа! Я уже приготовила ланч. На свежем воздухе. А вы слишком грязные, чтобы появляться в моем хорошеньком, чистеньком домике.

— Ты права, детка. Пошли, Барбара. — Он поднял ведра.

К ланчу миссис Фарнхэм не вышла. Карен передала ее заявление, что она решила поесть в убежище. Хью не стал вмешиваться: и так, когда вернется Дьюк, предстоит вынести черт-те что.

— Хью… я вот насчет канализации… — нерешительно начал Джо.

— Есть какие-нибудь соображения?

— Кажется, я придумал, как получить проточную воду.

— Если у нас будет водопровод, я гарантирую, что обеспечу нас сантехникой.

— Папа, правда? Я знаю, чего мне хочется. Облицовку цветным кафелем. Лучше цвета лаванды, я

думаю. И туалетный столик с…

— Помолчи, детка. Так что же ты придумал, Джо?

— Я вспомнил римские акведуки. Ручей стекает с возвышенности, так что наверняка какой-нибудь его участок расположен выше убежища. Насколько я помню, римские акведуки были беструбными. Вода по ним текла под открытым небом.

— Понимаю. — Фарнхэм обдумывал идею. В сотне ярдов выше по течению был небольшой водопад. Возможно, чуть подальше найдется нужная высота. — Но ведь это означает массу строительных работ, будь то сухая кладка или раствор из грязи. И для каждой арки еще понадобится рама.

— А может, мы просто выдолбим половинки стволов? И укрепим их на опорах из бревен?

— Можно и так. — Хью подумал, затем добавил: — Но можно и еще проще, таким образом мы убьем сразу двух зайцев. Барбара, какова эта местность?

— Не поняла…

— Ты сказала, что здесь субтропики. А ты можешь определить, какое сейчас время года? И чем грозит смена сезона? Я вот к чему клоню:

нужна ли нам ирригация?

— Господи, Хью, я понятия не имею.

— Подумай хорошенько.

— Ну, — она оглянулась, — не думаю, чтобы тут когда-нибудь свирепствовали морозы. Будь у нас вода, мы могли бы снимать урожай круглый год. Это не тропический дождевой лес, иначе подлесок был бы гораздо гуще. Похоже, что здесь дождливые периоды сменяются засушливыми.

— Но наш ручей не пересыхает: в нем много рыбы. Где ты собираешься разбить огород?

— Может быть, на той поляне, немного ниже по течению, к югу? Правда, придется выкорчевать там несколько деревьев и довольно много кустов.

— Деревья и кусты — не проблема. Джо, пошли прогуляемся. Я возьму ружье, а ты захвати свой сорок пятый. Девочки, не выкапывайте столько, чтобы вас завалило. Нам будет очень не хватать вас.

— Папа, я думала немного вздремнуть.

— Отлично! В процессе работы обдумай этот вопрос как следует.

Хью и Джо стали пробираться вверх по ручью.

— Что ты придумал, Хью?

— Канаву с постоянным наклоном к убежищу.

Мы должны подвести ее к вентиляционному отверстию на крыше. Если нам это удастся, значит все в порядке. Тогда у нас будет нормальный туалет, проточная вода для приготовления пищи и мытья посуды. И для огорода, причем она будет течь с места настолько высокого, что ее можно будет отвести, куда только пожелает Барбара. Но самым главным удовольствием и роскошью для наших женщин станет возможность с удобствами мыться и нормально мыть посуду. Мы освободим хранилище и устроим там ванную и кухню.

— Хью, как ты собираешься подвести воду — я понял. Но ведь не может она просто стекать вниз через вентиляционное отверстие? Нужно сделать что-то вроде трубы.

— Я еще не обмозговал детали, но мы обязательно устроим все как надо. Туалет с бачком нам не осилить, значит придется сделать такой, в котором постоянно течет вода. Подобные туалеты — обычное дело на военных кораблях. Там это просто: доска с небольшим стульчаком. Вода стекает под доску с одной стороны и вытекает с другой. Мы пустим ее через лаз, а затем подальше от дома отведем. Ты нигде не встречал глину?

— Ниже по течению в одном месте берег гли-

нистый. Карен еще пожаловалась, что очень скользко. Из-за этого она купалась выше по течению — там песчаный пляжик.

— Потом пойду взгляну. Если мы сможем обжигать глину, то обзаведемся очень многими вещами: унитазом, раковиной, посудой, трубами. Построим печь для обжига из сырой глины и будем использовать ее и для приготовления пищи, и для гончарных дел. Но глина — дело второе, она только облегчает задачу. Вода — вот настоящее золото. Недаром все цивилизации возникли близ воды. Джо, мне кажется, мы забрались достаточно высоко.

— Может, поднимемся еще повыше? Обидно будет, если придется копать канаву длиной в двести метров.

— Гораздо длиннее.

— Тем более. Выкопаем, а потом увидим, что она проходит слишком низко и ее не провести на крышу.

— Мы сначала все обследуем.

— Обследуем? Хью, ты шутишь! У нас нет никаких геодезических инструментов, даже обычного ватерпаса. При взрыве в нем разбилось стекло. И у нас нет ни треноги, ни теодолита, вообще ничего!

— Египтяне обмеряли свои земли, имея еще меньше, Джо. Не важно, что у нас нет уровня. Мы сделаем его.

— Ты смеешься надо мной, Хью?

— Ничего подобного. Древние механики делали эти нехитрые приборы задолго до того, как их стала производить промышленность. Мы соорудим обычный отвес. Он похож на перевернутую букву «Т», к которой прикреплен шнурок с грузом, отмечающий вертикаль. Лучше сделать его шести футов в длину и шести в высоту, чтобы уменьшить погрешность. Придется разобрать одну из коек на доски. Работа легкая, но требующая аккуратности. Ты как раз и займешься этим, пока заживают твои ребра. А девицы пусть трудятся на выемке грунта.

— Ты мне только начерти этот злосчастный прибор, а уж сделать-то я его сделаю.

— Когда выровняем убежище, мы поставим эту штуку на крышу и с ее помощью найдем точку ручья, которая на той же высоте. Когда выровняем убежище, сразу же проведем воду. Правда, пока мы будем рыть канаву, по пути нам придется убрать пару деревьев. Надеюсь, никаких других трудностей не возникнет. Не дрейфь, Джо! Все будет нормально!

— Непыльная работенка, да?

— Непыльная, но потная. Если за день мы будем делать футов по двадцать неглубокой канавы, то вода для орошения появится у нас как раз к началу сухого сезона. Ванна может подождать. Девочки будут рады уже и тому, что она должна будет появиться в перспективе. Джо, мне кажется, отвод нужно делать здесь. Понимаешь почему?

— А что здесь понимать?

— Чтобы перегородить ручей, мы срубим вон те два дерева. Потом навалим в их кроны кустов и грязи — всего, что попадется под руку, — и получим отличный пруд. Нужно было бы сделать шлюз, — добавил Хью, — но я пока не знаю как. Да, решение одной проблемы неизбежно ведет к возникновению следующих. Проклятье!

— Хью, ты пытаешься пересчитать цыплят еще до наступления осени.

— Пожалуй, что и так… Ладно, пошли посмотрим, много ли девицы накопали, пока мы валяли дурака.

Выкопали за время их отсутствия немного. Вернувшийся с охоты Дьюк принес небольшого оленя. Девушки теперь безуспешно пытались освежевать его. Карен с ног до головы была забрызгана кровью.

Они оторвались от своего занятия, заметив, что мужчины возвратились. Барбара вытерла пот со лба, испачкав его при этом кровью.

— Никогда бы не подумала, что внутри у него столько всего.

— И оно такое гадкое, — вздохнула Карен.

— Так это еще очень маленький олень.

— Сами видим. Папа, покажи нам, как это делается. Мы хотим поучиться.

— Я? Но я занимался спортивной охотой. А всю грязную работу обычно делал егерь. Впрочем… Джо, дай-ка мне вон тот маленький топорик.

— Сейчас. Я как раз вчера наточил его. Он очень острый.

Хью разрубил тушу и извлек внутренности, в душе порадовавшись, что девушки не успели проткнуть кишечник.

— Ну вот и все. Остальное — ваша забота. Барбара, если бы ты сумела снять шкуру, то вскоре могла бы уже щеголять в ней. Ты не видела поблизости дубов?

— Только карликовой формы. И еще сумах[17].

[17] notes: 17

Сумах — род деревьев и кустарников, растущих в Америке, Африке и Азии и богатых дубильными веществами. Некоторые виды употребляются как приправа в пищу. — *Примеч. ред.*

Ты ломаешь голову, как получить танин?[18]

— Да.

— Я знаю, как извлечь его из коры.

— Тогда ты, видимо, знаешь о дублении больше меня. Признаю свое поражение. На всякий случай: в книгах есть описание процесса.

— Это нам известно. Я уже туда заглядывала. Док! Не смей ничего трогать!

— Он не будет есть, — заверил ее Джо, — особенно если это что-то вредное. Коты очень разборчивы в еде.

Пока разделка туши продолжалась, из убежища появились Дьюк с матерью. Миссис Фарнхэм была в хорошем настроении, но здороваться ни с кем не стала и уставилась на оленью тушу.

— О, бедняжка! Дьюк, дорогой, как ты мог убить его?

— Я несколько раз промахивался и потому очень разозлился на него.

— Отличная добыча, Дьюк, — похвалил Хью. — И прекрасная еда.

Грейс смерила мужа презрительным взглядом:

— Может быть, ты и станешь есть ее, а я на это

---

[18] notes: 18

Танин — фенольное соединение, содержащееся во многих растениях; применяется для дубления кожи, протравливания тканей и в медицине в качестве вяжущих средств. — *Примеч. ред.*

не способна.

Карен изобразила искреннее удивление:

— Мама, ты что, стала вегетарианкой?

— Я не это имела в виду. Я возвращаюсь в убежище. Не могу больше этого видеть. Карен, прежде чем заходить внутрь, обязательно помойся. Я не желаю, чтобы ты перепачкала кровью все то, что я вылизала до блеска. — Она направилась к убежищу. — Пошли, Дьюк.

— Сейчас иду, мама.

Карен со злостью рубанула тушу.

— Где ты подстрелил ее? — поинтересовался Хью.

— На той стороне гряды. Я бы вернулся еще раньше.

— Что же тебя задержало?

— Да промахнулся и расщепил стрелу о валун. Охотничья лихорадка. Ведь последний раз я стрелял из лука много лет назад.

— Две стрелы и одна туша — это совсем неплохой результат. Ты сохранил наконечник?

— Конечно, а что, я похож на глупца?

— Ты-то нет, а вот из меня точно сделали дурочку, — сказала Карен. — Братишка, ведь это я навела порядок в убежище. Если мать что-то и убрала, то только за собой.

— Я знаю.

— Бьюсь об заклад: как только мать учует запах жаркого, она сразу передумает.

— Ладно, не надо об этом.

Хью отошел в сторону, сделав знак Дьюку следовать за собой.

— Я рад, что Грейс выглядит довольной и умиротворенной. Видимо, ты успокоил ее…

Дьюк смутился:

— Понимаешь, ты ведь сам говорил, что сразу лишать ее нельзя… Я дал ей совсем немного, только одну порцию, и пообещал, что разрешу выпить еще одну перед обедом.

— Кажется, этого вполне достаточно.

— Лучше бы мне пойти за ней. Ведь бутылка осталась там, внутри.

— Пожалуй.

— О, не беспокойся! Я взял с нее честное слово. Ты просто не умеешь с ней обращаться, папа.

— Это верно. Не умею.

6

Из дневника Барбары Уэллс

Я вывихнула лодыжку и поэтому ходить не

могу. На досуге я решила заняться дневником. Вообще-то, стенографические записи я делаю каждый вечер, но расшифрованы из них пока очень немногие.

Пишу я на чистых листах «Британники» — их в конце каждого тома по десять страниц. А всего энциклопедия насчитывает двадцать четыре тома. На каждой странице я постараюсь умещать по тысяче слов. Таким образом, у меня будет место для двухсот сорока тысяч слов — вполне достаточный объем для записи нашей истории до тех пор, пока мы сами не научимся делать бумагу, особенно потому, что рукописный вариант я подвергаю строгой цензуре.

Потому что мне некому поплакаться в жилетку, а девушке это порой так необходимо! Этот стенографический вариант — заодно и мой дневник, который никто, кроме меня, прочесть не сможет, потому что Карен действительно полный профан в стенографии (в чем она сама честно призналась).

Хотя, быть может, Джо знаком со стенографией. Ведь ее наверняка преподают в экономических колледжах. Но Джо — настоящий джентльмен и никогда не станет читать чужой дневник без разрешения. Мне нравится Джозеф. Его доброта

не напускная. Я уверена, что он в душе переживает очень многое, но никогда не позволяет себе говорить об этом вслух. Его положение здесь так же ненормально, как и мое, только оно гораздо более тяжелое.

Грейс, кажется, перестала посылать его туда-сюда, что, впрочем, не мешает ей теперь гонять за каждой мелочью нас. Хью тоже отдает распоряжения, но всегда для общего блага. Да и не так уж часто он распоряжается: мы уже вжились в обстановку и погрязли в рутине. Я — фермер и решаю самостоятельно, чем заниматься. Дьюк снабжает нас мясом и помогает мне, когда не охотится. Карен в доме делает все, что считает нужным. Хью запланировал свою работу, кажется, уже столетия на два вперед. Джо ему помогает.

Грейс же своей обязанностью считает донимать всех своими капризами. Обычно мы потакаем им — так легче. Она живет по-своему, и особенностью ее образа жизни является то, что она старается причинить окружающим как можно больше беспокойства и неприятностей.

Миссис Фарнхэм уже прикончила львиную долю спиртного. Сама я к нему равнодушна и, слава богу, пока в нем не нуждаюсь. Но, находясь в приятной компании, я не прочь пропустить

глоток-другой, хотя при этом меня преследует мысль, что это не мое виски, а Хьюберта.

Грейс разделалась со своей долей в три дня. Ту же участь она уготовила доле Дьюка. Как оказалось, виски ожидал скорый конец. И вот осталось только кварта бурбона, которую мы назвали «медицинской». Грейс выследила Дьюка, узнала, где он закопал ее, и извлекла бутылку. Когда Дьюк вернулся домой, он обнаружил, что мать отключилась, а бутылка валяется рядом пустая.

Следующие три дня были каким-то кошмаром. Грейс кричала. Она плакала. Она грозила покончить жизнь самоубийством. Хью и Дьюк объединились, и один из них всегда находился подле нее. Хью заработал огромный фингал под глазом, а на симпатичном лице Дьюка было полно царапин. Думаю, что им пришлось накачивать ее витамином B_1 и кормить силой.

На четвертый день она просто лежала на койке. На пятый встала и выглядела почти нормально.

Но за обедом она заявила как о чем-то общеизвестном, что русские начали войну как раз потому, что Хью построил убежище.

Она не казалась рассерженной этим, скорее, в ее словах было смирение. В конце концов миссис Фарнхэм заключила, что война скоро закончится

и мы все вернемся домой.

Никто не спорил с ней. К чему? Кажется, ее помешательство безобидно. К удивлению, она наконец безропотно приступила к выполнению обязанностей повара, правда еще вопрос, лучше ли она готовит, чем Карен. Пока она больше ведет разговоры о том, какие замечательные блюда могла бы приготовить, будь у нее то-то и то-то. Карен, как и раньше, много работает и временами так злится, что кричит даже на меня, а потом ходит сама не своя.

Дьюк постоянно напоминает ей о том, что она должна быть более терпимой.

Мне не следует задевать Дьюка: возможно, он станет моим мужем. То есть я хочу сказать, кто же еще может им стать? Я нормально переношу его, но не представляю, как буду относиться к Грейс в качестве свекрови. Дьюк очень мил и всегда заботится обо мне и Карен. Поначалу он все ссорился с отцом (мне казалось это очень глупым), но теперь они уживаются более чем мирно.

Да, пожалуй, в этих краях он — завидная партия.

Что касается меня, то я совершенно не тороплюсь устраивать свою судьбу, хотя и против ничего не имею. Правда, я один раз уже обо-

жглась… Но Хью считает, что род человеческий должен продолжаться. Что ж, вполне возможно.

(Полигамия? Я согласна! Даже если Грейс будет старшей женой. Но меня никто не спрашивает об этом. Да я и не уверена, что Грейс это понравилось бы. Мы с Хью не обсуждаем таких вещей и вообще стараемся не прикасаться друг к другу и не оставаться наедине, а я больше не строю ему глазки. Кончено.)

Вся беда в том, что, хотя мне и нравится Дьюк, между нами не вспыхивает искра. Поэтому я инертна и стараюсь избегать обстоятельств, при которых он может ущипнуть меня за задницу. Будет просто очаровательно, если я как-нибудь в одну из ночей после нашей свадьбы, будучи до предела раздраженной поведением его матери и его попустительствам ей, заявлю ему, что он и наполовину не тот мужчина, каким является его отец.

Нет, такого не должно случиться. Дьюк не заслуживает подобного обращения.

Джо? Мое восхищение им совершенно искреннее, и у него нет проблем с матерью.

Джо — первый негр, с которым мне удалось познакомиться поближе, и впечатления от этого знакомства у меня наилучшие. Он лучше меня

играет в бридж, я даже подозреваю, что он вообще умнее меня. Он очень чистоплотен и никогда не появляется в убежище, не вымывшись. О, конечно, после дня тяжелой работы от него воняет как от козла. Но ведь и от Дьюка разит, а от Хью еще сильней. Я вообще не верю в эти слухи о специфическом «мускусе ниггеров».

Вы когда-нибудь были в грязной дамской комнате? Женщины воняют хуже мужчин.

С Джо та же беда, что и с Дьюком. Не хватает искры. К тому же он застенчив и вряд ли осмелится ухаживать за мной. Одним словом, Джо отпадает.

Но он мне нравится… как мог бы нравиться младший брат. Он всегда готов оказать помощь. Именно он, как правило, охраняет нас с Карен во время купания, и всегда приятно знать, что Джо начеку. Дьюк уже убил пять медведей, а одного убил Джо — как раз когда охранял нас. Он выпустил в него три пули. Медведь упал у самых его ног, но наш верный страж не отступил ни на шаг.

Между купаниями мы отдыхаем на берегу, и, кажется, наше бесстыдство огорчает Джо больше, чем медведи, волки, койоты, пумы… или кошка, рассмотрев которую, Дьюк заявил, что это кот,

который, по мнению Дьюка, мутировал из леопарда, а потому особо опасен, так как бросается на жертву с дерева. Мы не купаемся под деревьями и не рискуем удаляться с открытого места без сопровождения вооруженного человека. Это так же опасно, как пересекать Уилшир-авеню на красный свет.

Змеи здесь тоже водятся. И, по крайней мере, один из видов ядовит.

Джо и Хью как-то утром продолжали работу по выравниванию убежища. Когда Джо спустился в яму, Доктор Ливингстон — Я Полагаю спрыгнул за ним. Как оказалось, внизу притаилась змея.

Док учуял ее и зашипел. Джо заметил змею только тогда, когда она уже успела укусить его в лодыжку. Он убил ее лопатой и рухнул на землю, держась за ногу.

Бросившийся на помощь Хью тут же разрезал ранку ножом и через считаные мгновения отсосал кровь. Он наложил жгут и насыпал в рану марганцовки. Когда я прибежала к ним, услышав крик, почти все уже было сделано. Потом он ввел Джо противоядие от укусов гремучих змей.

Перетащить Джо в убежище оказалось целой проблемой. В туннеле он потерял сознание. Хью пришлось переползти через него и тянуть за со-

бой. Я толкала неподвижное тело сзади. А чтобы поднять его по лестнице, понадобились уже усилия трех человек: помогла Карен. В помещении мы раздели Джо и уложили в постель.

Около полуночи, когда дыхание Джо стало совсем слабым, а пульс едва прощупывался, Хью принес в комнату последний оставшийся у нас баллон с кислородом, надел на голову Джо полиэтиленовый мешок, в котором раньше хранилось белье, и пустил туда газ.

К утру Джо стало лучше.

А через три дня он уже был на ногах и чувствовал себя прекрасно. Дьюк сказал, что это была какая-то гадюка, возможно бушмейстер — одна из разновидностей гремучих змей. Поэтому противоядие, которое ввели Джо, и спасло ему жизнь.

Я, во всяком случае, до смерти боюсь *любых* змей.

Земляные работы заняли три месяца. Камни! Вокруг убежища — ровная, обширная долина, которая просто-таки усеяна валунами разных размеров. Когда мы натыкались на большие валуны, то женщины обкапывали, а мужчины разбивали их и вытаскивали наружу с помощью веревок и блоков.

Бóльшую часть булыжников удалить было

довольно просто. Но однажды Карен наткнулась на валун, который, казалось, проходит планету насквозь и снова выходит наружу где-нибудь в Китае. Хью окинул его взглядом и бодро сказал:

— Отлично. А теперь нужно выкопать яму рядом с ним с северной стороны, и достаточно глубокую.

Карен ничего не сказала на это, только непонимающе взглянула на Хью.

Пришлось нам копать. Вскоре мы наткнулись на второй валун, почти такой же, как и первый.

— Прекрасно, — сказал Хью. — Теперь копайте еще одну яму к северу от этого.

Мы напоролись на третий валун, еще большего размера. Уже через три дня последний из валунов очутился в яме, вырытой рядом с ним, второй успокоился в яме из-под третьего, а первый, с которого все началось, благополучно оказался в яме из-под второго.

По мере того как отдельные участки подкопа становились достаточно глубокими, Хью подпирал их бревнами. Он очень торопился, боясь, как бы убежище не качнулось и не придавило кого-нибудь из нас. Поэтому, когда работа подошла к концу, под убежищем был целый лес подпорок.

Наконец Хью укрепил два угла убежища,

нависшие над подготовленной площадкой, могучими бревнами и начал постепенно извлекать остальные подпорки с помощью блока и веревки. Некоторые из них даже приходилось подкапывать. Делая это, Хью очень волновался и, опасаясь несчастного случая, старался обойтись собственными силами. Теперь убежище удерживали в равновесии только два крайних бревна.

Вынуть их было невозможно.

На них приходилась такая огромная нагрузка, что они просто смеялись над нашими усилиями. Я спросила:

— Что же теперь делать, Хью?

— Попробуем применить предпоследнее средство.

— Какое?

— Сжечь бревна. Но для этого придется сначала удалить траву и кусты в тех местах, где они могут загореться. Карен, ты знаешь, где у нас нашатырный спирт и йод? Мне необходимо и то и другое.

Я все удивлялась, зачем это Хью понадобилось столько нашатыря. Запас был действительно велик и хранился в больших пластиковых бутылях, которые, как ни странно, благополучно перенесли все испытания. Я не знала, что заготовлена такая уйма йода: я не занимаюсь лекарствами.

В импровизированной химической лаборатории закипела работа.

— Что ты делаешь, Хью? — спросила я.

— Эрзац-динамит. Посторонних прошу удалиться, — ответил он. — Штука опасная: взрывается даже от неосторожного взгляда.

— Прошу прощения, — пролепетала я, попятившись.

Он поднял голову и улыбнулся:

— Эта смесь безопасна, пока не высохнет. Я припас ее на случай партизанской войны. Оккупационные войска довольно косо смотрят на людей, хранящих дома взрывчатые вещества, а в обычном йоде или нашатыре нет ничего подозрительного. Каждый из них в отдельности совершенно безопасен. Но стоит их только соединить… Правда, я никогда не рассчитывал использовать такую взрывчатку в строительстве. Уж больно она капризна.

— Хью, кстати, мне совершенно безразлично, ровный пол или нет.

— Если нервничаешь, пойди прогуляйся.

Сделать взрывчатку оказалось делом нехитрым. Хью слил вместе раствор йода и обыкновенный нашатырный спирт, в результате чего выпал осадок. Он отфильтровал ее через «клинекс».

Полученную кашицу он разложил на несколько порций, завернул каждую из них в бумагу, а затем заложил пакетики в отверстия, которые Джо высверлил в упрямых столбах.

— Теперь придется ждать, пока высохнет.

Хью вымыл все то, с чем работал, искупался прямо в одежде, снял ее в воде и оставил, придавив камнями. На том день закончился.

В нашем арсенале имеются два прекрасных карабина двадцать второго калибра с оптическим прицелом. Хью велел Дьюку и Джо пристрелять их. Они оборудовали позиции мешками с песком… на самом деле кучками земли. Я поняла, что намерения у Хью самые серьезные: он разрешил истратить по пять патронов на каждый карабин. Обычно его девиз: «Одна пуля — один медведь».

Когда взрывчатка наконец высохла, мы вынесли из убежища все, что могло разбиться. Нас, женщин, отогнали на безопасное расстояние. Карен поручили держать Дока Ливингстона, а я, вооружившись ружьем Дьюка, несла караул.

Отмерив от убежища сто футов, Хью уложил Дьюка и Джо с карабинами на землю, а сам встал между ними и спросил:

— Можно начинать отсчет?

— Можно, Хью.

— Давай, отец.

— Сделайте глубокий вдох. Немного выдохните, задержите дыхание. Начинайте целиться… Пять… четыре… три… два… один… ОГОНЬ!

Раздался грохот, как будто великан в сердцах хлопнул гигантской дверью, и середины обоих столбов как не бывало. Какую-то долю секунды убежище торчало без опоры, словно полка, затем оно грузно качнулось, дошло концом до земли и осталось в ровном положении.

Мы с Карен разразились приветственными криками. Грейс захлопала в ладоши. Док Ливингстон помчался обследовать место происшествия. Хью, улыбаясь, наслаждался представшей его глазам картиной.

В этот момент земляной гребень, на котором стояло убежище, просел, оно дрогнуло и стало медленно сползать по склону вниз, вращаясь по ходу вокруг выступа, скрывавшего лаз. Оно скользило все быстрее и быстрее, и я уже думала, что его путешествие закончится в ручье. В этот момент оно было похоже на большие сани, катящиеся с горы.

Но немного ниже склон выравнивался, и вскоре убежище остановилось. Туннель был теперь забит землей, а вся эта штука накренилась еще

сильнее, чем раньше!

Хью взял лопату, спустился к убежищу и, как ни в чем не бывало, начал копать. Я побежала вниз; по щекам у меня ручьем текли слезы. Джо опередил меня.

Хью поднял голову и распорядился:

— Джо, очисти туннель. Я хочу знать, все ли в порядке внутри, а девушкам, наверное, пора заняться ужином.

— Босс… — Джо поперхнулся. — Босс… Какая беда!

Тогда Хью тоном, которым разговаривают с детьми, сказал:

— Чем ты огорчен, Джо? Это избавило нас от лишней работы.

Я решила, что он шутит. Джо тупо спросил:

– Что?

— Да-да, — уверил его Хью. — Смотри, насколько ниже теперь расположена крыша. Каждый фут, на который убежище опустилось, сэкономит нам по крайней мере, футов сто акведука. А выровнять снова убежище здесь уже гораздо проще — тут земля глинистая и валунов меньше. Если мы все дружно возьмемся за дело, то максимум через неделю все будет в порядке. Тогда мы сможем заняться проведением воды в дом и

на огород. И закончим все недели на две раньше, чем планировали.

Он оказался прав. Через неделю мы выровняли убежище, и на сей раз Хью установил последние опорные столбы с перемычками так, что взрывать их не понадобилось. И, что самое главное, бронированная дверь стала открываться совершенно свободно. Теперь в нашем доме в изобилии свежий воздух и солнечный свет. Раньше в убежище было душно, а от свечей сильно воняло. В тот же день Хью и Джо приступили к рытью канавы. В предвкушении торжественного дня Карен на стенах кладовой сделала наброски умывальника, ванны и унитаза в натуральную величину.

Честно говоря, нам вполне хватает удобств. Когда Карен набила два наматрасника сухой травой, спать на полу стало не менее удобно, чем на койке. Сидим мы за столом на стульях и каждый вечер играем в бридж. Удивительно, насколько лучше жить в убежище, когда пол горизонтальный и когда не нужно спускаться по лестнице и пробираться через узкий туннель, а можно просто по-людски войти в открытую дверь.

Поскольку печь не перенесла выпавших на ее долю испытаний, готовить приходится на

костре. Но мы с Карен не жалуемся, так как Хью обещал, что после подведения воды он займется гончарным делом и изготовит не только ванну и раковину, но и плиту с трубой, выходящей в отверстие от перископа. Какая роскошь!

Моя кукуруза растет не по дням, а по часам. Вот еще вопрос: как размолоть зерно. От мыслей о горячем, свежеиспеченном кукурузном хлебе с ломтиком оленьего сала у меня бегут слюни.

25 декабря. С РОЖДЕСТВОМ!

Во всяком случае, будем считать, что оно наступило. Хью полагает, что если мы и ошибаемся, то всего на один день.

Вскоре после того, как мы попали сюда, Хью выбрал небольшое деревце, около которого с северной стороны лежал большой плоский камень, и обтесал его ствол так, чтобы он отбрасывал на камень ровную тень. Мне, как хранителю огня, вменили в обязанность сидеть ежедневно у этого камня в районе предполагаемого полудня и отмечать конец тени, когда она становится наиболее короткой.

Тень постепенно становилась все длиннее, а дни короче. С неделю назад изменения перестали быть заметными. Я сообщила об этом Хью, и мы взялись наблюдать вместе. А три дня на-

зад наступил поворотный момент… Тот день мы сочли двадцать вторым декабря, и сегодня празднуем Рождество, а не Четвертое июля. Но мы все же подняли наш флаг, как и планировал Хью, — на вершине самого высокого из растущих поблизости деревьев. Оставленное без сучьев, оно казалось настоящим флагштоком. Я, как хранитель огня, ежедневно поднимаю и опускаю флаг, но в первый раз был особый случай. Мы стали тянуть жребий, и честь первый раз осуществить церемониал выпала Джо. Когда он начал медленно поднимать полотнище наверх, все выстроились в шеренгу и запели «Звездно-полосатый флаг». Петь было трудно. Все при этом так плакали, что едва могли петь.

Затем мы принесли присягу. Эта процедура в исполнении несчастных оборванцев, возможно, могла показаться сентиментальной чепухой, но я думаю иначе. Мы по-прежнему единая нация, верующая в Господа и провозгласившая свободу и справедливость для всех.

Хью отслужил праздничную службу и зачитал вслух главу о Рождестве Христовом из Евангелия от Луки. Потом Карен помолилась, а мы пели рождественские песни. У Грейс оказалось сильное, уверенное сопрано, у Джо — звонкий тенор,

а у Карен, меня, Хью и Дьюка — соответственно сопрано, контральто, баритон и бас. На мой взгляд, хор звучал неплохо. Во всяком случае, мы остались довольны, даже несмотря на то что во время пения «Белого Рождества» Грейс начала всхлипывать и едва не заразила остальных.

Служба у нас была бы и без Рождества, потому что сегодня воскресенье по старому календарю, а Хью проводит службы каждое воскресенье. Присутствуют на них все, в том числе и Дьюк, хотя он убежденный атеист. Хью читает псалом или одну из глав Священного Писания, потом мы поем гимны. Затем Хью или сам читает молитву, или просит кого-нибудь сделать это. Служба заканчивается чтением «Благослови этот дом…». Кажется, мы возвращаемся ко временам, когда старейшина одновременно являлся и священником.

Странно, Хью никогда не использует «Верую», и его молитвы всегда настолько нейтральны, что он даже не заканчивает их воззванием к Господу и непременным «аминь».

В один из тех редких случаев, когда нам удалось поговорить наедине (на прошлой неделе мы наблюдали с ним за приближением полудня), я спросила его, как он относится к вере (для меня всегда было важно знать, какой веры придержи-

вается мой мужчина, хотя Хью и не мой мужчина и никогда им не будет).

— Можешь считать меня экзистенциалистом.

— Так ты не христианин?

— Я так не говорил. «Не христианин» — это не отрицание, а утверждение. Не буду заниматься определениями, чтобы не сбить тебя совсем с толку. Ведь тебя интересует, почему я провожу службу, не будучи в то же время набожным?

— В общем… да.

— Потому что это моя обязанность. Богослужения должны быть доступны тем, кто в них нуждается. Если в мире нет добра и нет Бога, эти ритуалы безвредны. Если же Бог есть, они подобающи — и по-прежнему безвредны. Ведь мы не обираем крестьян, не приносим кровавые жертвы и не тешим свое тщеславие под видом религии. По крайней мере, я так считаю, Барбара.

Вот и все, что мне удалось вытянуть из него. В прошлой моей жизни религия всегда была для меня чем-то красивым, теплым и удобным, чему я отдавалась по воскресеньям. Не могу сказать, что я отличалась особым религиозным рвением. Но безбожное служение Хью Богу неожиданно стало для меня чем-то высоким и важным.

Воскресенье отличается от прочих дней не

только проведением службы. Хью не разрешает нам работать в этот день. Мы приводим себя в порядок, моемся, предаемся любимым занятиям, играем или забавляемся как-нибудь. Шахматы, бридж, скребл, лепка, пение хором и все такое прочее… или просто болтовня. Игры очень важны: они не позволяют нам постепенно превращаться в животных, единственная цель которых — выжить во что бы то ни стало, и дают нам возможность оставаться людьми, наслаждающимися жизнью и знающими ей цену. Поэтому мы никогда не пропускаем ежевечерний роббер. Он как бы служит символом того, что наша жизнь не заключается только в прополке, рытье канав и разделке туш.

Мы следим за собой. Я, например, довольно сносно научилась парикмахерскому делу. Дьюк отрастил было бороду, но затем, увидев, что Хью каждое утро тщательно бреется, последовал его примеру. Не знаю уж, как они выйдут из положения, когда закончатся лезвия. Я заметила, что Дьюк уже подправляет их на мыльном камне.

Рождество еще не прошло: сейчас мы как раз играем в бридж. Праздничный обед был просто роскошен: Грейс и Карен убили на него целых два дня. Мы отведали речную форель в специях,

речных раков на пару, стейки с жареными грибами, копченые языки, медвежий бульон, крекеры (довольно удачные), редис, салат латук, зеленые огурцы и лук, салат из свеклы «Грейс продакшн» и, что самое главное, целую кастрюльку домашней тянучки, так как сгущенное молоко, шоколад и сахар невосстановимы. Обед завершился растворимым кофе и сигаретами. На долю каждого пришлось по две чашки и по две сигареты.

Все получили подарки. Единственное, что я имела при себе, кроме одежды, когда так неожиданно оказалась в убежище, — это сумочка. На мне были нейлоновые чулки, но вскоре я их сняла, и они сохранились почти новыми. Я подарила их Карен. В косметичке была помада — она досталась Грейс. Из кожи сумочки я сплела ремень — его получил Джо. В сумочке был вышитый носовой платок. Я его выстирала, выгладила, прижимая к гладкому бетону, и преподнесла Дьюку.

И только сегодня утром я придумала, что подарить Хью. Много лет я таскала в сумочке маленький блокнотик, на обложке которого золотом была вытеснена моя девичья фамилия. В нем осталась чистой добрая половина листов. Хью он может пригодиться, но самое главное — это мое имя на обложке.

Ну, мне пора бежать. Сейчас мы с Грейс должны попытаться оставить с носом Хью и Джо: карты сданы.

Никогда еще в жизни у меня не было такого счастливого Рождества.

7

Карен и Барбара занимались всеми делами сразу: купались, мыли посуду в ручье и стирали белье. Джо невдалеке бдительно нес вахту. Вокруг места, где они обычно располагались, кусты, а затем и деревья были постепенно вырублены, чтобы хищник, если он появится, не остался незамеченным. Юноша непрерывно оглядывал окрестности, ни на секунду не отвлекаясь на созерцание охраняемой им райской сцены.

— Барби, эта простыня не выдержит еще одной стирки. Она совсем обветшала, — сказала Карен.

— Ничего, ветошь нам тоже пригодится.

— Да, но что же мы будем использовать вместо простыней? А все это мыло. — Карен зачерпнула ладонью массу из миски, стоявшей на берегу. Масса была серой, мягкой, неприятной на ощупь и сильно напоминала овсяную кашу. — Эта дрянь прямо-таки проедает белье насквозь.

— Простыни — еще полбеды, а вот что будет, когда не останется ни одного полотенца?

— Да, притом последнее непременно окажется мамочкиным, — с иронией добавила Карен. — Наш хранитель обязательно выдумает причину для такого распределения.

— Зря ты так, Карен. Не забывай, что Дьюк проделал колоссальную работу.

— Да знаю я, знаю. Дьюка и в самом деле нельзя винить. Это происки его приятеля Эдди.

— Какого еще Эдди?

— Эдипова комплекса, дорогуша.

Барбара отвернулась и стала полоскать пару заношенных джинсов.

— Ты согласна со мной? — спросила Карен.

— У каждого могут быть слабости.

— Да. Вон даже у папочки есть дефект. Его все еще беспокоит шея.

Барбара выпрямилась:

— А разве у него болит шея? Может быть, ему помог бы массаж?

Карен хихикнула:

— Знаешь, сестричка, в чем твоя слабость? Ты абсолютно не понимаешь шуток. Просто у отца несгибаемая шея упрямца, и этого уже ничем не вылечишь. Его слабость в том, что у него нет

слабостей. Не надо хмуриться. Я люблю папочку. Я просто восхищаюсь им, но тем не менее рада, что не похожа на него. — Она отнесла белье к кустам терновника и принялась его развешивать. — Проклятье! Почему отец не догадался запастись бельевыми прищепками? Эти шипы еще хуже, чем мыло.

— Без прищепок мы вполне можем обойтись. Хью и так запасся невероятным количеством необходимого. Буквально всем, начиная с будильника с восьмидневным заводом…

— Который, к слову сказать, сразу же разбился.

— …и кончая инструментами, семенами, книгами и еще бог знает чем. Карен, не вылезай на берег голышом.

Карен остановилась. Одна нога ее уже стояла на берегу.

— Чепуха. Старина Каменное Лицо не будет подглядывать. Издевательство, самое настоящее издевательство — вот что это такое. Мне кажется, что когда-нибудь я сама наброшусь на него.

— Чем ты недовольна? Джо в экстремальной ситуации показал себя настоящим джентльменом. Так что умерь свой пыл. Подожди, сейчас я закончу полоскать белье, и мы отнесем сушить все сразу.

— Хорошо, хорошо. Но я все время спрашиваю себя: мужчина ли он?

— Конечно. Готова поклясться в этом. Он настоящий мужчина.

— Хм… Барби, уж не хочешь ли ты сказать, что наш святой Иосиф подкатывался к тебе?

— Господи, конечно же нет! Но он краснеет каждый раз, когда я прохожу мимо него.

— Откуда ты знаешь?

— Он становится еще чернее. Карен, Джо очень милый. Жаль, что ты не слышала, как он объяснял мне насчет Дока.

— Что объяснял?

— Ну, понимаешь, Док начинает признавать меня. Вчера он сидел у меня на руках, и я кое-что заметила и сказала Джо: «Джо, Док что-то очень сильно растолстел. Или он всегда был такой?» Вот тут-то Джо и покраснел. Но ответил мне с очаровательной серьезностью: «Барбара, Док Ливингстон, в сущности, не такой уж кот, каким он себя считает. Старина Док скорее относится к кошкам. Это вовсе не ожирение. Э-э-э… видишь ли… у Дока должны появиться детки». Он буквально выдавил это из себя. Наверное, ему показалось, что меня этим можно смутить. Смутить ему меня не удалось, но удивлена я была чрезвычайно.

— Как, Барбара, ты в самом деле не знала, что Док Ливингстон — кошка?

— Откуда мне знать? Все называли его «он», да и имя у него… у нее мужское.

— Но ведь доктор может быть и женщиной. Ты что же, не можешь отличить кота от кошки?

— Я никогда над этим не задумывалась. У Дока такая густая шерсть!

— Мм-да, с персидскими кошками действительно трудно сразу разобраться, кто есть кто. Но котов всегда отличают царственные манеры, да и другие признаки у них довольно внушительных размеров.

— Даже если бы я и обратила на это внимание, то просто подумала бы, что он кастрирован.

Карен, казалось, была потрясена.

— Смотри, чтобы папа этого не услышал! Он никогда в жизни не позволил бы кастрировать кота. Папа считает, что коты являются равноправными с людьми гражданами. Но ты все-таки удивила меня. Котята, надо же!

— Так мне сказал Джо.

— А я и не заметила. — Карен выглядела озадаченной. — Впрочем, если вспомнить, я давно не брала его на руки. Только несколько раз гладила да удерживала от опрометчивых поступков. А

то он буквально ничего не давал делать. Стоило открыть какой-нибудь ящик, как Док уже оказывался там. Теперь я понимаю: это он выбирал место для котят. Мне следовало бы быть повнимательней.

— Карен, почему ты продолжаешь говорить «он», «его»?

— Почему? Но ведь Джо тебе объяснил. Док *считает* себя котом — а почему я, собственно, должна разубеждать его? Он всегда так считал, и он был самым злющим из наших котят. Хм… котята. Барби, когда Док достиг зрелости, мы устроили ему встречу с котом самого что ни есть аристократического происхождения. Но тот чем-то не понравился Доку и был им изрядно потрепан. Поэтому мы потеряли всякую надежду и с тех пор никогда не пытались навязывать ему друга. Кстати, летописец ты наш, скажи-ка, сколько дней мы уже здесь?

— Ровно шестьдесят два дня. Я уже справлялась: нормальный для кошек срок — от шестидесяти до семидесяти дней.

— Следовательно, это может случиться в любой момент. Готова биться об заклад, что сегодня ночью мы не сомкнем глаз. Кошки никогда не производят на свет свое потомство в нормальное

время суток. — Карен вдруг резко сменила тему разговора: — Барбара, чего тебе больше всего не хватает? Сигарет?

— Я уже и думать про них забыла. Скорее всего, яиц. Яиц к завтраку.

— Отец думал об этом. Оплодотворенные яйца и инкубатор. Но он не построил его; и яйца все равно разбились бы. Да, мне их тоже, пожалуй, не хватает. Лучше всего, если бы яйца несли коровы, а отец придумал бы способ запасти коров. Тогда бы у нас были и яйца, и молоко. Представляешь? Мороженое! Холодное молоко!

— Масло, — добавила Барбара. — Мелко нарезанные бананы со взбитыми сливками. Горячий шоколад.

— Перестань, Барби, я, кажется, сейчас умру голодной смертью прямо у тебя на глазах.

Барбара ущипнула ее:

— Про тебя никак не скажешь, что ты похудела.

— Возможно. — Карен замолчала и принялась мыть посуду.

Наконец она тихо произнесла:

— Барби, то, что собирается сделать наш Док, и наполовину так не удивит всех наших, как тот сюрприз, который преподнесу им я.

— Что за сюрприз, милая?

— Я беременна.

— Что?!

— То, что слышала. Беременна. Жду ребенка, если тебе так понятней!

— А ты уверена, дорогая?

— Конечно же уверена! Я сдала тест и обнаружила, что залетела. Я уже на четвертом месяце. — Карен бросилась в объятия подруги. — Я ужасно боюсь!

Барбара принялась утешать ее:

— Ну-ну, дорогая, все будет хорошо.

— Черта с два! — воскликнула Карен. — Мать устроит тут такое… и больниц здесь нет… и врачей. Господи, и почему Дьюк не пошел в медицинский? Барби, я, наверное, умру. Я знаю.

— Карен, не болтай чепухи. Детей, родившихся без больниц и докторов, гораздо больше, чем тех, что появились в родильных отделениях. И ты боишься не умереть, ты боишься признаться родителям.

— Да, и это тоже. — Карен вытерла глаза и шмыгнула носом. — Барби, ты только не обижайся… но я именно поэтому пригласила тебя к себе на тот уик-энд.

— Вот как?

— Я подумала, что мать не станет устраивать большого шума при постороннем человеке. Большинство девиц в нашем заведении были или мещанками, или потаскушками, да к тому же еще и абсолютными дурами. А ты не то и не другое, и я знала, что ты заступишься за меня.

— Ну спасибо…

— Это мне-то спасибо? Да ведь я просто собиралась использовать тебя.

— Мне никто никогда еще не делал лучшего комплимента. — Барбара вытерла Карен слезы и потрепала ее по щеке. — Я рада, что оказалась здесь. Так ты, значит, пока ничего не сообщила родителям?

— Ну… я собиралась. А потом началась эта война… а потом мама расклеилась… а папа все время был страшно занят, и я не нашла подходящего момента.

— Карен, а ведь ты не боишься признаться отцу, ты опасаешься только матери.

— Да… в основном матери. Но и папу тоже. Мало того что он будет потрясен и шокирован… он подумает еще, что с моей стороны было просто глупо залететь.

— Согласна, что он будет удивлен, но не согласна со всем остальным. — Барбара заколеба-

лась. — Карен, ты не должна носить это в себе. Я постараюсь разделить все твои тревоги.

— Я так и думала. Потому-то я и попросила тебя поехать со мной.

— Я имею в виду — на самом деле разделить. Я тоже беременна.

— Что?

— Да-да. Так что мы можем сообщить всем сразу два радостных известия.

— Боже мой! Барбара! Но как же?..

Барбара пожала плечами:

— Неосторожность. А как это произошло с тобой?

Карен вдруг улыбнулась:

— Как? Меня просто опылила пчелка, как же еще? Ты, наверное, хотела спросить «кто»?

— «Кто» меня совершенно не интересует. Это твое личное дело. Ну так как, может, пойдем и скажем им? Я готова говорить от нас обеих.

— Погоди минутку. Ты сама-то собиралась извещать об этом кого-нибудь? Или не собиралась?

— В общем-то, нет, — честно ответила Барбара. — Я хотела подождать, пока не станет заметно.

Карен взглянула на талию Барбары:

— Ничего не заметно. А ты уверена?

— У меня уже два раза ничего не было. Я беременна. Или больна, что гораздо хуже. Давай соберем белье, пойдем и все им расскажем.

— Но ведь по тебе ничего не видно, да и по мне тоже, если специально не приглядываться. И я стараюсь не раздеваться, когда мама рядом. Может, нам пока ничего не говорить, а приберечь эти новости на крайний случай?

— Как хочешь. Карен, почему бы тебе не признаться сначала Хью? А он уж пускай сообщает матери.

Карен обрадовалась:

— Ты думаешь, так можно сделать?

— Я просто уверена, что Хью предпочел бы услышать об этом в отсутствие твоей матери. Так что иди найди его и все ему расскажи. А я развешу белье.

— Уже бегу!

— И ни о чем не беспокойся. Мы спокойно родим наших детей и будем вместе их воспитывать. Ничего плохого с ними не случится. Знаешь, как нам будет весело! Мы будем просто счастливы.

Глаза Карен засияли.

— Да, и у тебя будет девочка, а у меня мальчик. Потом мы их поженим и обе станем бабушками!

— Вот теперь ты снова настоящая Карен. —

Барбара поцеловала ее. — Беги и расскажи обо всем отцу.

Карен застала Хью за выкладыванием печи. Когда она сказала, что хотела бы поговорить с ним наедине, он охотно согласился:

— Хорошо, только я скажу Джо, чтобы продолжал вместо меня. Пойдем вместе посмотрим, как там канал, заодно и поговорим.

Отец дал ей лопату, а сам взял ружье.

— Ну так что у тебя на уме, девочка моя?

— Давай отойдем немного подальше.

Они отошли уже довольно далеко, когда Хью остановился, взял у нее из рук лопату и стал подравнивать край канавы.

— Папа! Ты, может быть, заметил, что у нас не хватает мужчин?

— Нет. Трое мужчин и три женщины. Совершенно нормальное соотношение.

— Я имела в виду не это. Наверно, мне следовало сказать «подходящих холостяков».

— Тогда так и говори.

— Хорошо. Я уже поправилась. Мне нужен совет. Что хуже: кровосмешение, межрасовый брак или положение старой девы?

Он еще раз копнул и остановился.

— Я не собираюсь заставлять тебя оставаться

старой девой.

— Я так и думала. А как насчет двух вытекающих отсюда возможностей?

— Кровосмешение, — медленно проговорил он, — обычно ни к чему хорошему не приводит.

— Следовательно, у меня остается только один выход.

— Подожди. Я сказал «обычно». — Он уставился на лопату. — Честно говоря, я никогда не задумывался над этим… у нас и так проблем по горло. Браки между братьями и сестрами не такая уж и редкость в истории. И результаты не обязательно плохие. — Он нахмурился. — Но ведь есть еще Барбара. Может быть, нам придется примириться с полигамией?

— Не то, папа. Кровосмешение может произойти не обязательно с братом.

Он изумленно уставился на нее:

— Если ты хотела удивить меня, то добилась успеха, Карен.

— Шокировать тебя, ты хотел сказать?

— Нет, удивить. Ты что, серьезно собираешься предложить то, о чем говорила?

— Папочка, — грустно сказала она, — это единственное, над чем я никогда бы не стала шутить. Если бы мне пришлось выбирать между тобой и

Дьюком — как между мужьями, естественно, — я бы без колебаний предпочла тебя.

Хью вытер лоб:

— Карен, мне очень не хочется принимать твои слова всерьез…

— Но я серьезно говорю!

— Похоже на то, к сожалению. Следовательно, я должен понимать тебя так, что Джозефа ты отметаешь начисто? Ты думала об этом?

— Конечно!

— Ну и что?

— Сам понимаешь, что не просчитать этот вариант я не могла. Джо очень мил, но, увы, он совсем мальчишка, хотя и немного старше меня. И если я когда-нибудь скажу ему: «Бу!» — он, по-моему, просто выскочит из собственной кожи. Нет, это не то.

— Может быть, на твое решение оказывает влияние цвет его кожи?

— Папа, знаешь что? Мне очень хочется плюнуть тебе в лицо за такие слова. Ты ведь прекрасно знаешь, что я не наша мамочка.

— Я просто хотел быть уверен. Карен, тебе хорошо известно, что для твоего отца цвет кожи не имеет никакого значения. В человеке меня больше всего интересуют другие вещи. Крепко

ли он держит свое слово? Выполняет ли он свои обещания? Честно ли он трудится? Храбр ли он? Выступит ли он в защиту справедливости? И Джо во всех этих отношениях очень импонирует мне. Мне кажется, ты относишься к нему предвзято. — Он вздохнул. — Если бы мы по-прежнему жили в Маунтин-Спрингсе, я бы не стал вынуждать тебя выходить замуж за негра. Слишком паршиво относятся к этому окружающие. Настолько, что подобные браки почти всегда трагедия. Здесь же, слава богу, эти варварские пережитки над нами не довлеют. И я советую тебе серьезно подумать насчет Джо.

— Да думала я, много думала! Я могу выйти за Джо, но хочу, чтобы ты знал: если бы я могла выбирать свободно, то выбрала бы *тебя*!

— Благодарю.

— Он еще меня благодарит, черт возьми! Я женщина, а ты мужчина, который нравится мне больше всех. Но мне тут все равно ничего не светит. И ты знаешь почему. Из-за мамочки.

— Я знаю. — Его лицо внезапно приняло усталый вид. — Обычно приходится делать не то, что хочется, а то, что можно. Карен, мне ужасно жаль, что ты лишена возможности выбирать из гораздо более длинного списка кандидатов.

— Папочка, ты научил меня главному — не проливать слез над тем, чему не поможешь. Это любимое занятие матери, но не мое. Да и Дьюк не прочь порой, хотя ему это свойственно в меньшей степени, чем ей. В данном вопросе я больше похожа на тебя. Мой принцип — считай свои очки и играй соответственно. Глупо жаловаться на то, что пришли плохие карты. Ты понимаешь меня, отец?

— Да.

— Но я пришла сюда не для того, чтобы предложить тебе руку и сердце. И даже не за тем, чтобы соблазнить тебя, хотя, раз уж я зашла так далеко, я могла бы добавить и то, что ты можешь получить меня, если захочешь… Впрочем, ты, конечно, догадывался об этом и раньше. Но я пришла сюда не за этим, я пришла, чтобы выяснить для себя кое-что, прежде чем сообщить тебе одну вещь. Я уже оценила свои шансы и решила играть ва-банк. Тут уж ничего не поделаешь…

— Что-что? Может быть, я смогу помочь?

— Вряд ли. Я беременна, папа.

Он выпустил лопату из рук и порывисто обнял дочь:

— О, это же замечательно!

— Папа, — сказала она, — если ты не отпустишь

меня, я не смогу застрелить медведя.

Он тут же разжал объятия, схватил ружье и оглянулся:

— Где он?

— Нигде. Но ты сам всегда напоминал нам о бдительности.

— Ах да! Ну, теперь я буду настороже. Кто же отец ребенка? Джо или Дьюк?

— Ни тот ни другой. Это случилось еще раньше, в колледже.

— О! Это еще лучше!

— Почему? Черт возьми, папа, все идет совсем не так, как я предполагала. Дочь является домой испорченной. В таких случаях, само собой разумеется, папаша должен быть вне себя от ярости. А ты вдруг заявляешь: «Как здорово!» Честно говоря, я от тебя такого не ожидала.

— Прошу прощения. При других обстоятельствах я, возможно, попенял бы, что ты была неосторожна…

— О, еще как! Я рискнула так же, как одна негритянская матрона, которая сказала: «Да тыщу раз ничего не случалось». Сам знаешь.

— Боюсь, что да. Но в нашем нынешнем положении этому приходится только радоваться. До сих пор я считал, что моя дочь еще девочка.

И вдруг узнаю, что она женщина, что моя дочь собирается подарить нам ребенка, отец которого находится вне нашей группы. Разве ты *не понимаешь*, дорогая? Ты почти удвоила шансы нашей колонии на выживание.

— Это я-то?

— Подумай сама, ведь ты достаточно умна. Кстати, отец твоего ребенка, он качественный мужик?

— А как ты думаешь, папа, связалась бы я с ним, если бы он был небезупречен?

— Извини, доченька. Вопрос, конечно, глупый. — Хью улыбнулся. — Мне что-то расхотелось работать. Пойдем-ка лучше поделимся с другими этой доброй вестью.

— Хорошо, но, папа, что же мы скажем матери?

— Правду. Причем говорить буду я. Не беспокойся, девочка моя. Ты только роди ребенка, а уж я позабочусь обо всем остальном.

— Есть, сэр! Знаешь, папа, только сейчас я по-настоящему хорошо себя почувствовала.

— Вот и отлично.

— Я почувствовала себя так хорошо, что даже забыла кое о чем. Ты знаешь, Доктор Ливингстон — Я Полагаю тоже собирается иметь детей…

— Знаю.

— А почему же мне ничего не сказал?

— Ты имела столько же возможностей обратить на это внимание, сколько и я.

— Верно, но, вообще-то, это бестактно с твоей стороны — заметить, что Док беременна, и не заметить, что беременна твоя родная дочь.

— Я подумал было, что ты в последнее время слишком много ешь…

— А, так ты, значит, все-таки что-то заметил! Папочка, иногда ты мне ужасно нравишься! А отныне будешь нравиться всегда. Всегда!

Хью решил поужинать и только потом подступиться к Грейс.

Его решение себя оправдало. Из напыщенных речей жены, которые ему пришлось выслушать, следовало, что Карен всегда была неблагодарной дочерью, позором семьи, бесстыдной маленькой шлюхой, а Хью, в свою очередь, дрянным отцом, негодным мужем и, наконец, человеком, каким-то образом виновным в беременности собственной дочери.

Хью позволял ей нести всю эту несусветную чушь до тех пор, пока она не остановилась, чтобы перевести дыхание.

— Успокойся, Грейс.

— Что? Хьюберт Фарнхэм, вы еще считаете себя вправе затыкать мне рот? Как вы вообще смеете сидеть здесь, в то время как ваша дочь так нагло през…

— Заткнись, или мне придется заставить тебя сделать это.

— Мама, сбавь обороты, — сказал Дьюк.

— Ах, и ты с ними заодно? Боже, могла ли я подумать, что когда-нибудь настанет день…

— Мама, ты можешь успокоиться? Давай послушаем, что скажет отец.

Грейс постаралась сдержать гнев, затем обратилась к Джо:

— Оставь нас.

— Джо, сиди где сидишь, — приказал Хью.

— Да, Джо, останься, пожалуйста, — поддержала Карен.

— Ну что ж, если ни у одного из вас нет элементарного чувства приличия…

— Грейс, сейчас я гораздо ближе, чем когда бы то ни было, к тому, чтобы ударить тебя. Уймешься ты или нет? Ты должна послушать, что скажут другие.

Она взглянула на сына. Дьюк старательно избегал ее взгляда.

— Хорошо, я послушаю. Только толку от этого

не будет никакого.

— А мне кажется, что будет, потому что это чрезвычайно важно. Грейс, нет никакого смысла измываться над Карен. Кроме того, твоя жестокость по отношению к ней просто странна. Ведь ее беременность — это радостное событие для нас.

— Хьюберт Фарнхэм, сдается мне, что вы совсем выжили из ума.

— Прошу тебя! Ты руководствуешься критериями обывательской морали, что при данных обстоятельствах довольно глупо.

— Вот как? Значит, по-твоему, принципы морали глупы, не так ли? Да ты просто распевающий гимны лицемер!

— Моральные принципы не глупы сами по себе. Именно мораль есть краеугольный камень наших отношений. Но даже если беременность Карен и выглядела аморально в глазах общества, которое перестало существовать, сейчас это потеряло всякое значение. Поэтому не будем больше обсуждать ее поведение. То, что произошло, для нашей маленькой общины — сущее благо. Подумайте хорошенько: нас здесь шестеро, причем четверо — близкие родственники. С генетической точки зрения, у нас очень ограниченный гено-

фонд. И все же мы должны как-то продолжать свой род, иначе нет смысла бороться за выживание. Теперь появился седьмой человек, хотя и не собственной персоной. Это лучшее, на что мы могли надеяться. Молю Бога, чтобы у Карен родились близнецы, которыми моя семья всегда изобиловала. Это еще усилит наших потомков.

— Ты говоришь о собственной дочери как о племенной корове!

— Она моя дочь, и я люблю ее, но самое главное сейчас в ней то, что она женщина и ждет ребенка. Я хотел бы, чтобы и ты, и Барбара тоже были беременны… и причем от совершенно посторонних людей. Нам необходимо смешение самой разной крови, чтобы предотвратить опасность вырождения будущих поколений.

— Я не собираюсь сидеть здесь и выслушивать твои оскорбления!

— Я всего лишь сказал «хотел бы», и в лице Карен мы неожиданно получили это чудо. Нам следует просто-таки лелеять ее, Грейс, и проявлять по отношению к ней максимальную заботу на протяжении всего периода ее беременности. И больше всех других заботиться о Карен должна ты.

— Ты хочешь сказать, что я вовсе не собираюсь

заботиться о ней? Это ты, ты никогда не заботился о собственной дочери!

— То, что она моя дочь, не имеет значения. Я сказал бы то же самое в случае беременности Барбары, тебя или любой другой женщины. Отныне Карен освобождается от всякой тяжелой работы. Стирка, которой она занималась сегодня, возлагается на тебя. Довольно бить баклуши. Будешь во всем ей помогать. И самое главное: больше никаких обвинений, грубости, нравоучений в ее адрес. Ты будешь мила и добра с ней! Постарайся не забываться, Грейс. Или мне придется наказать тебя.

— Ты не посмеешь!

— Надеюсь, ты не станешь давать мне повод для репрессий.

Хью повернулся к сыну:

— Дьюк, могу я рассчитывать на твою поддержку? Отвечай!

— А что ты подразумеваешь под наказанием, отец?

— Любые меры, которые мы будем вынуждены принять. Слова. Общественные меры принуждения. Физические наказания, если потребуется. Все, вплоть до исключения из группы, коли иного выхода не останется.

Дьюк побарабанил пальцами по столу.

— Все это довольно жестоко, па.

— Да, и я хочу, чтобы ты подумал о самых крайних мерах.

Дьюк взглянул на сестру:

— Хорошо. Я поддерживаю тебя. Мама, придется вести себя соответственно…

— Мой собственный сын пошел против меня! — простонала Грейс. — О господи, зачем я вообще появилась на свет?

— Барбара?

— Что я думаю? Я согласна с тобой, Хью. Карен необходимо доброе отношение. Ее нельзя нервировать.

— А ты не лезь не в свое дело!

Барбара спокойно взглянула на Грейс:

— Прошу прощения, но моим мнением поинтересовался Хью. Да и Карен просила меня присутствовать здесь. Мне кажется, Грейс, что вы вели себя отвратительно. Ребенок — это не стихийное бедствие.

— Тебе легко говорить!

— Может быть. Но вы постоянно придираетесь к Карен… Вы не должны так поступать.

— Скажи им, Барбара, — вдруг вмешалась Карен, — о себе.

— Ты этого хочешь?

— Лучше скажи. Или теперь она тебя начнет изводить.

— Хорошо. — Барбара прикусила губу. — Я тоже беременна… и очень рада этому. Ребенок и несчастье — понятия взаимоисключающие.

Наступившая тишина показала Барбаре, что она добилась цели — отвела огонь от Карен. Сама же она чувствовала себя совершенно спокойной — впервые с тех пор, как заподозрила, что беременна. Она не проронила ни слезинки — о нет! — но обнаружила, что напряжение, о котором она не подозревала, покинуло ее.

— Ах ты, шлюха! Ничего удивительного, что моя дочь пошла по кривой дорожке, если попала под влияние такой…

— Помолчи, Грейс!

— Да, мама, — поддержал отца Дьюк, — лучше успокойся.

— Я только хотела сказать…

— Ты ничего не скажешь, мама. Я не шучу.

Миссис Фарнхэм сдалась. Хью снова заговорил:

— Барбара, надеюсь, ты придумала это ради того, чтобы защитить Карен.

Барбара взглянула на него и ничего не смогла прочесть на его лице.

— Нет, не шучу, Хью. Я сейчас на втором или третьем месяце.

— В таком случае у нас двойная радость. Придется нам и тебя освободить от тяжелой работы. Дьюк, ты не взял бы на себя сельское хозяйство?

— Конечно.

— Да и Джо мог бы кое-чем помочь. Ммм… значит, мы должны поторопиться с кухней и ванной. Вам обеим понадобятся такого рода удобства еще задолго до того, как родятся дети. Джо, нужно незамедлительно строить медведеустойчивую хижину. Здесь нет места для детской, и нам, мужчинам, придется выметаться. Я думаю…

— Хью…

— Что, Барбара?

— Не беспокойся за меня. Я пока могу спокойно заниматься садоводством. У меня не такой большой срок, как у Карен, и я не испытываю тошноты по утрам. Когда понадобится помощь, я сама дам знать.

Он задумался.

— Нет. Так дело не пойдет.

— Господи, но я обожаю возиться на огороде. Матери пионеров всегда работали, будучи беременными. Они переставали трудиться только тогда, когда у них начинались схватки.

— Что часто убивало их, Барбара. Мы не можем рисковать. Поэтому будем обращаться с вами обеими как с драгоценными сосудами. — Он огляделся. — Правильно я говорю?

— Правильно, отец.

— Конечно, Хью.

Миссис Фарнхэм встала:

— От такого разговора мне стало дурно.

— Спокойной ночи, Грейс. Помни, Барбара: никакого огорода.

— Но мне нравится мой огород! Хью, пожалуйста, когда придет время, я сама откажусь от него.

— Займись общим руководством. И смотри, чтобы я не застал тебя с лопатой. Или за прополкой. Ты можешь повредить себе что-то и потерять ребенка. Отныне ты фермер-теоретик.

— А разве в твоих книгах ничего не сказано о том, какую работу может выполнять беременная женщина?

— Я почитаю об этом. В любом случае мы будем придерживаться самой консервативной точки зрения. Некоторые врачи вообще томят своих пациенток в постели целыми месяцами, чтобы избежать выкидыша.

— Папа, надеюсь, ты не собираешься держать нас в постели?

— Скорее всего, нет, Карен. Но мы обязаны быть предельно осторожными, — сказал он и добавил: — Барбара права: сегодня уже поздно окончательно решать что-либо. Кто желает сыграть в бридж? Или он слишком сильно возбуждает?

— Господи, конечно нет! — воскликнула Карен. — Я думаю, что уж бридж-то никак не может послужить причиной выкидыша.

— Разумеется, — согласился Хью, — но то, как ты объявляешь ставки, может вызвать сердечный приступ у любого из нас.

— Ха! И что хорошего, если делать ставки, как компьютер? Жить надо рискуя. Я всегда была за это.

— Что верно, то верно.

Но дальше торговли дело у них не пошло. Доктор Ливингстон, который обычно спал в «ванной», появился в комнате. Походка его была странной — ноги почти не сгибались, а зад он буквально волочил по земле. «Джозеф, — всем своим видом, казалось, говорит кот, — эти самые котята родятся у меня *прямо сейчас*!»

Тревожное мяуканье и странное поведение кота дали ясно понять, что происходит. Джо мгновенно оказался на ногах.

— Док, что с тобой, Док?

Он хотел было поднять кота, но тот замяукал еще громче и стал вырываться.

Хью сказал:

— Джо, оставь его в покое.

— Но старине Доку больно!

— В таком случае ему надо помочь. Дьюк, нам придется воспользоваться электричеством и переносным фонарем. Задуйте свечи. Карен, постели на стол одеяло и чистую простыню.

— Один момент.

Хью склонился над столом:

— Спокойно, Док. Тебе больно, да? Ничего, потерпи еще немножко. Мы здесь. С тобой. — Он погладил кота по спине, затем осторожно пощупал живот. — У него схватки. Карен, поторопись!

— Уже готово, папа.

— Помоги мне поднять ее, Джо.

Они уложили кошку на стол.

Джо встревоженно спросил:

— Что нам теперь делать?

— Прими таблетку милтауна.

— Но ведь это Доку больно.

— Конечно. Но мы ничем не можем тут помочь. Сейчас ей придется туго. Это ее первые роды, и она перепугана. К тому же Док довольно стара

для первых родов. Это плохо.

— Но мы просто обязаны *что-нибудь* сделать.

— Самое полезное, что ты можешь сейчас сделать, — это успокоиться. Ты передаешь ей свой страх. Джо, если бы можно было как-то помочь, я бы это сделал. Единственное, что в наших силах, — это стоять рядом, давая тем самым понять, что она не одинока. И не позволять ей бояться. Так дать тебе успокоительное?

— Да, если можно.

— Дьюк, достань таблетку. Джо, не отлучайся: Док доверяет тебе больше всех.

— Хьюберт, если ты собираешься простоять всю ночь над кошкой, мне понадобится снотворное. Ни один нормальный человек не заснет в такой суете! — воскликнула Грейс.

— И таблетку секонала для твоей матери, Дьюк. У кого есть идеи, где можно устроить котят? — Хью Фарнхэм порылся в памяти. Каждая коробка, каждая досочка были использованы и еще раз использованы в бесконечном благоустройстве. Построить им логово из кирпичей? Но этим можно заняться только с наступлением дня, а бедная зверюшка нуждается в гнезде, безопасном и уютном, прямо сейчас. Может быть, разобрать какие-нибудь стеллажи?

— Папа, что ты скажешь по поводу нижнего ящика шкафа с одеждой?

— Отлично! Выложите из него все вещи и постелите туда что-нибудь мягкое. Например, мою охотничью куртку. Дьюк, сооруди раму, которая поддерживала бы одеяло. Ей понадобится нечто вроде маленькой пещерки, в которой она будет чувствовать себя в безопасности. Сам понимаешь.

— Не суетись, папа, разберемся, — произнесла Карен. — Это не первые роды в нашей семье.

— Прости, доченька. Кажется, сейчас у нас появится первый котенок. Видишь, Джо?

Шерсть от головы до хвоста у Дока вдруг вздыбилась, затем улеглась обратно. Еще раз…

Карен, торопливо освободив ящик от вещей, разостлала в нем куртку отца и поставила его у стены. Затем бросилась к столу.

— Ну как, я не опоздала?

— Нет, — успокоил ее Хью. — Но вот-вот все должно случиться.

Док на мгновение перестал тяжело вздыхать, испустил стон и после двух конвульсивных движений разродился котенком.

— Да он вроде завернут в целлофан, — с удивлением заметила Барбара.

— Разве ты не знала? — поразилась Карен. — Папа, смотри, он *серенький*! Док, как же так? Впрочем, сейчас не время задавать вопросы.

Но ни Хью, ни Доктор Ливингстон и не собирались отвечать ей. Роженица стала тщательно вылизывать новорожденного, пленка лопнула, и маленькие, почти крысиные лапки беспомощно зашевелились. Писк, настолько тонкий и высокий, что его едва можно было различить, возвестил о первом знакомстве юного существа с миром. Док перекусил пуповину и продолжал вылизывать отпрыска, очищая его от крови и слизи и не переставая в то же время довольно урчать. Котенку это явно не нравилось, и он снова заявил свой почти неслышный протест.

— Босс, — сказал Джо, — с ним что-то неладно. Почему он такой маленький и худой?

— Это просто отличный котенок. У тебя родился замечательный наследник, Док. Не слушай Джо, он холостяк и в этом не разбирается, — ласково приговаривал Хью, почесывая кошку между ушами. Затем он продолжил уже обычным тоном: — И наихудший образчик подзаборника, который мне когда-либо попадался: гладкошерстный, полосатый и серый.

Док неодобрительно взглянул на Хью и, исторг-

нув из себя послед, принялся жевать кровавую массу. Барбара нервно сглотнула и кинулась к двери, нащупывая засов. Карен бросилась за ней, открыла ей дверь и поддерживала ее до тех пор, пока та полностью не очистила желудок.

— Дьюк! — позвал Хью. — Охраняй.

Дьюк последовал за девушками и высунул голову наружу.

Карен сказала ему:

— Можешь уйти. Здесь мы в полной безопасности. Сегодня очень яркая луна.

— Ладно. Только оставьте дверь открытой. — И он исчез внутри убежища.

Карен заметила:

— Я думала, что у тебя нет токсикоза.

— Так оно и есть. О-о-о! — Барбару снова стошнило. — Это из-за того, что сделал Док.

— Ах, это. Ну, кошки всегда так делают. Позволь, я протру тебе лицо, дорогая.

— Это ужасно.

— Это нормально. И к тому же полезно для них. Гормоны или что-то в таком роде. Можешь спросить у Хью. Ну как, тебе полегчало?

— Кажется, да. Карен! Нам ведь не нужно будет делать *это*? Или придется? Я не хочу, не хочу!

— Что? О! Никогда об этом не думала. Нет, точно

нет! Иначе нам сказали бы об этом в школе.

— На сексологии нам не говорили очень многих вещей, — мрачно заметила Барбара. — У нас, например, этот курс вела старая дева. Но я просто не могу… Кажется, я расхотела иметь ребенка.

— Геноссе, — мрачно произнесла Карен, — уж кому-кому, а нам обеим об этом нужно было думать раньше. Отойди немного, кажется, настал мой черед.

Они вернулись в комнату бледные, но с виду довольно спокойные.

Доктор Ливингстон произвел на свет еще трех котят после их возвращения, и Барбара наблюдала за родами и последующими операциями Дока, уже не испытывая потребности бежать за дверь. Из новорожденных только третий потребовал внимания. Это был крошечный котик, но он оказался великаном среди прочих. Он был неправильно расположен, его голова застряла, а Док, обезумевший от боли, зажал ее еще сильнее.

Хью по мере возможности старался помочь родиться маленькому тельцу. При этом он вспотел, совсем как настоящий хирург. Док взвыл и укусил его за палец. Но это ничуть не повлияло на поведение акушера.

Внезапно котенок высвободился. Хью склонил-

ся над ним и подул ему в рот. Котенок тут же ответил тоненьким негодующим писком. Тогда Хью положил его к матери и позволил ей его вычистить.

— Еле спасли, — выдохнул он, стараясь унять дрожь в руках.

— Док не виноват, он не мог с собой ничего поделать, — заметил Джо.

— Да, я понимаю. Кто из вас, девочки, займется моим пальцем?

Барбара перевязала ему палец, повторяя про себя, что она, когда настанет ее черед, не должна, *не должна* кусаться.

По старшинству котята располагались следующим образом: гладкошерстный серый, пушистый белый, угольно-черный с белой грудкой и чулочками и пестрый. После долгих споров между Карен и Джо они были названы: Счастливый Новый Год, Снежная Принцесса Великолепная, Доктор Черная Ночь и Лоскутная Девочка Страны Оз. Кратко: Счастливчик, Красотка, Полночь и Заплатка.

К полуночи мать и новорожденные были размещены в ящике и снабжены водой, пищей и тарелкой с песком неподалеку. С чувством исполненного долга все отправились спать. Джо улегся

на полу, прислонившись головой к кошачьему гнездышку.

Когда все затихло, он поднялся и, включив фонарь, заглянул в ящик. Док Ливингстон держал одного из котят в лапках, а трое других сосали молоко. Перестав вылизывать Красотку, Док вопросительно взглянул на Джо.

— Твои котятки просто прелесть, — сказал Джо, — самые лучшие детишки на свете.

Док расправил свои королевские усы и довольно заурчал.

8

Хью оперся о лопату.

— Достаточно, Джо.

— Я еще немного подчищу возле шлюза.

Они стояли у верхнего конца траншеи, там, где была устроена запруда на случай жаркой погоды. А жара стояла сильнейшая. Лес начал увядать, солнце палило невыносимо. Поэтому приходилось быть особенно осторожными с огнем.

Зато о медведях не было необходимости беспокоиться так, как раньше, хотя невооруженным по-прежнему никто не ходил. Дьюк перебил столько плотоядных, как из рода медвежьих, так

и кошачьих, что появление их стало редкостью.

Через запруду протекал только небольшой ручеек, но в нем хватало воды для поливки и хозяйственных нужд. Без этого водовода они просто потеряли бы свой сад.

Раз в день или пореже водный поток нужно было регулировать. Настоящего шлюза Хью сделать не смог. Его остановила нехватка инструментов и металла, а также отсутствие древесины. Но кое-что придумал. Место, где вода уходила из пруда в канал, было облицовано кирпичом, а водослив — полукруглыми черепичными плитками. Чтобы усилить ток воды, покрытие снимали и, углубив дно, возвращали на место. Довольно неуклюжая процедура, но это работало.

Траншею выложили черепицей до самого дома, поэтому утечки воды практически не было. Печь для обжига работала день и ночь. В основном их достаток обеспечивала глина с отмели ниже по ручью, но добывать хорошую глину становилось все труднее.

Это не сильно беспокоило Хью: все самое необходимое у них уже было.

Ванная комната перестала казаться сказкой. А шикарный туалет с двумя отделениями, разгороженными оленьей шкурой, после долгих

мытарств мужской половины все-таки был оснащен канализацией. Труба из обожженной глины спускалась в люк, проходила по туннелю и заканчивалась в выгребной яме.

Приступив к изготовлению канализационной трубы, Хью столкнулся с большими трудностями. После множества неудач он наконец выстрогал цилиндрическую основу, состоящую из трех сегментов. Глину приходилось намазывать на нее и затем подсушивать немного, чтобы основу можно было вынуть по частям до того, как пересохшая глина начнет трескаться.

Со временем Хью стал настоящим мастером: ему удалось свести до минимума процент брака: двадцать пять процентов при формовке и двадцать пять процентов при обжиге.

Поврежденный бак для воды он разрубил с помощью зубила и молотка по средней линии и сделал две ванны. Одну решили установить в доме, а другую снаружи, под открытым небом. Прохудившиеся швы он загерметизировал выбритыми шкурами, и ванные не протекали — почти.

Приближение периода дождей заставило поторопиться с устройством на кухне очага. Его пока не использовали, так как дни стояли длинные

и жаркие. Пищу готовили на улице и ели под навесом из медвежьих шкур.

Теперь их дом был двухэтажным. Хью справедливо рассудил, что надстройка, способная выдержать натиск медведей или нашествие змей, должна быть каменной, с прочной крышей. Это сделать, конечно, можно. А вот как насчет окон и дверей? Возможно, ему и удастся когда-нибудь сварить стекло, если будет решена проблема с содой и известью. Но не так скоро. Крепкую дверь и плотные ставни сделать нетрудно, но тогда внутри будет слишком душно.

Поэтому они построили на крыше убежища нечто вроде сарайчика с травяной крышей. Теперь, при поднятой лестнице, медведь, пришедший помериться с ними силами, встретит на своем пути двенадцатифутовую стену. Не будучи вполне уверенным, что стена отпугнет всех визитеров, Хью расставил вдоль края пустые кислородные баллоны и протянул веревку так, что, если ее задеть, эти баллоны валились вниз. Сигнализация сработала на первой же неделе, отпугнув непрошеного гостя. Заодно страшно напугался и Хью, в чем он сам честно признался.

Все, что не портилось от дождя, было вытащено наружу, и главную комнату превратили в жен-

скую спальню и — одновременно — в детскую.

Хью смотрел вниз по течению ручья, а Джо тем временем заканчивал подравнивать траншею. В долине виднелась крыша хижины.

«Смотрится вполне прилично», — подумал Хью. Все их хозяйство — в прекрасном состоянии, а на будущий год будет еще лучше. Настолько лучше, что у них появится возможность заняться разведкой. Даже Дьюк до сих пор не бывал дальше чем в двадцати милях отсюда. Для путешествий у них пока не было ничего, кроме ног, к тому же слишком тяжело еще справляться с бесконечным множеством разнообразных дел…

А следующий год уже не за горами.

«Владенья человека должны быть более, чем досягнет рука, иначе для чего нам небеса?»[19] Когда они начинали, у них не было ни горшка, ни окошка. В этом году горшок… а в будущем, значит, окошко? Не следует торопиться. Пока все идет прекрасно. Даже Грейс как будто поуспокоилась. Он был просто уверен, что она возьмет себя в руки и в конце концов станет счастливой бабушкой. Грейс всегда любила детей и умела ухаживать за ними — он хорошо это помнил.

---

[19] notes: 19

Строчка из поэмы Роберта Браунинга «Андреа дель Сарто». — *Примеч. С. В. Голд.*

Теперь уже скоро. Малышка Карен, правда, точно не знает срока, но предполагает, что знаменательный день наступит примерно через две недели, и ее состояние подтверждает ее слова, насколько он может судить.

Чем скорее, тем лучше! Хью изучил в своей библиотеке все книги, касающиеся беременности и родов. Он приготовился, как только мог. Обе его пациентки как будто пребывали в отличном здравии: у обеих обмеры бедер давали прекрасные результаты, обе вроде бы избавились от страхов и поддерживали друг друга дружеским подшучиванием, способствующим сохранению нормального настроения. Если Барбара будет поддерживать Карен, если Карен будет поддерживать Барбару, если они обе будут опираться на опыт материнства Грейс, то им нечего бояться.

Прекрасно все же будет иметь в доме детей!

И в этот момент радостного опьянения Хью Фарнхэм понял, что еще никогда в жизни он не был так счастлив.

— По-моему, нормально, Хью. А эти плитки захватим на обратном пути.

— Добро. Возьми ружье, а я понесу инструменты.

— Сдается мне, — сказал Джо, — что мы долж-

ны…

Его слова заглушил выстрел. Они замерли. За первым последовали еще два.

Они побежали.

Стоявшая на пороге Барбара подняла ружье, помахала им и вошла внутрь. Когда они подбежали к дому, она вышла навстречу, ступая босыми ногами и двигаясь медленно и осторожно, чтобы не упасть. Ее беременность была уже хорошо заметна. Большой живот покоился в просторных шортах, сделанных из старых джинсов Дьюка. На ней была мужская рубашка, перешитая так, чтобы не стеснять увеличивающиеся груди. Ружья в ее руках уже не было.

Джо подбежал к ней раньше Хью.

— Карен? — быстро спросил он.

— Да. У нее началось.

Джо поспешно вошел в дом.

Подбежавший Хью спросил, задыхаясь:

— Ну что?

— У нее отошли воды. Затем начались схватки. Тогда я и выстрелила.

— Почему же ты… Впрочем, ладно, что еще?

— С ней Грейс. Но она хочет видеть тебя.

— Дай мне отдышаться. — Хью вытер пот и постарался успокоиться. Он сделал глубокий

вдох, задержал воздух в легких, затем медленно выдохнул. Восстановив дыхание, он вошел в дом. За ним последовала Барбара.

Койки, прежде располагавшиеся возле двери, были сняты. Кровать частично занимала дверной проем, но полки у стены убрали, освободив узкий проход. Одну из коек превратили в диванчик в углу. На кровати лежал травяной матрас, застланный медвежьей шкурой. На ней развалился пестрый котенок.

Хью протиснулся мимо, почувствовав, как другой котенок потерся о его щиколотку. Он вошел в следующее помещение. Здесь из коек была сооружена кровать, на которой лежала Карен. Грейс сидела возле роженицы и обмахивала ее веером. Джо стоял тут же с выражением молчаливого сострадания на лице.

Хью улыбнулся дочери:

— Привет, толстушка! — Он нагнулся и поцеловал ее. — Ну как ты? Больно?

— Сейчас нет. Но я рада, что ты здесь.

— Мы спешили изо всех сил.

Котенок вскочил на постель и улегся на Карен.

— Ах ты! Черт бы тебя побрал, Красотка!

— Джо, — сказал Хью, — собери кошек и отправь их в изгнание.

Вход в туннель был заполнен кирпичом, оставлены только вентиляционные отверстия и кошачья дверь, которую при желании можно было заложить кирпичом. Кошкам все это не очень нравилось, однако так пришлось сделать после того, как пропал и, видимо, погиб Счастливый Новый Год.

Карен попросила:

— Папа, я хочу, чтобы Красотка была со мной.

— Джо, на Красотку моя просьба не распространяется. Когда наступит самый ответственный момент, отправишь ее к остальным.

— Ясно, Хью. — Джо вышел, столкнувшись в дверях с Барбарой.

Хью потрогал щеки Карен, пощупал пульс. Затем спросил жену:

— Ее побрили?

— Пока не было времени.

— Тогда вы с Барбарой побрейте ее и вымойте. Детка, когда же разверзлись хляби твои?

— Только что. Я сидела на горшке. Тут-то все и началось. Сижу я себе, никого не трогаю… а потом вдруг — р-раз! — и Ниагарский водопад!

— Но схватки-то у тебя были?

— Еще какие!

— Это хорошо. Значит, о схватках можно не

беспокоиться. — Он улыбнулся. — В принципе, беспокоиться вообще не о чем. Думаю, что бóльшую часть ночи ты проведешь за игрой в бридж. Дети, как и котята, имеют обыкновение появляться на свет под утро.

— Всю ночь? Я хочу, чтобы этот маленький ублюдок родился побыстрее, и делу конец.

— Я тоже хотел бы, чтобы все это кончилось поскорее, но у детей на этот счет свое мнение, — сказал Хью и добавил: — Ладно, тебе предстоят кое-какие дела, да и мне нужно кое-чем заняться. Я в грязи с головы до ног. — Он собрался уходить.

— Папа, подожди секундочку. А я обязательно должна оставаться здесь? Здесь очень жарко.

— Нет. У двери светлее. Особенно если наш юный Тарзан соблаговолит появиться при свете дня. Барбара, убери с нее медвежью шкуру, будет прохладнее. И прикрой вон той простынкой. Или возьми чистую, если есть.

— Стерилизованную?

— Нет. Ее не распаковывай до тех пор, пока не начнутся роды. — Хью похлопал дочь по руке. — Постарайся, чтобы не было схваток, пока я не вымоюсь.

— Папа, тебе нужно было стать врачом.

— А я и есть врач. Самый лучший в мире.

Выйдя из дома, он встретил Дьюка, задыхающегося от долгого бега.

— Я слышал три выстрела. Сестренка?

— Да. Не волнуйся, у нее только начались схватки. Я собираюсь принять ванну. Не желаешь присоединиться?

— Сначала я хочу повидаться с сестренкой.

— Тогда поторопись: ее собираются купать. Мужчины там сейчас помеха. Заодно захвати Джо. Он размещает котов по камерам.

— Может быть, следует накипятить воды?

— Пожалуйста, займись, если это успокоит тебя. Дьюк, я уже заготовил все необходимое, по крайней мере то, что у нас имеется. Уже с месяц, как заготовил. В том числе и шесть бидонов кипяченой воды на то на се. Так что пойди поцелуй свою сестру и постарайся не показывать ей своей обеспокоенности.

— Ну и хладнокровен же ты, отец!

— Сынок, я сам не свой от страха. Я уже сейчас могу перечислить тринадцать возможных осложнений — и ни с одним из них мне не справиться. Я гожусь только на то, чтобы похлопывать ее по руке и уверять, что все идет как по маслу… а ей именно это и надо. Осматривая ее, я сохраняю видимость каменного спокойствия, а сам не

знаю, на что обращать внимание. Я хочу одного: чтобы она обрела уверенность, и буду тебе очень признателен, если ты мне в этом поможешь.

— Вас понял, сэр. Буду поддерживать вашу игру, — с готовностью отозвался Дьюк.

— Только не переигрывай. Просто постарайся показать ей, что ты разделяешь ее уверенность в старом доке Фарнхэме.

— Я постараюсь.

— Если Джо начнет трястись, вытаскивай его оттуда. Он дергается больше всех. Грейс справляется прекрасно. Ладно, поспеши, а то они не пустят тебя.

Немного позже выкупавшийся и успокоившийся Хью выбрался из воды раньше Джо и Дьюка и направился к дому, неся одежду в руках, чтобы ветерок высушил его кожу. Он задержался у двери, натягивая шорты.

— Тук-тук!

— Нельзя, — отозвалась из-за двери Грейс. — Мы заняты.

— Тогда прикройте ее. Мне нужно вымыть руки перед операцией.

— Мама, перестань. Входи, папа.

Хью вошел, пробрался мимо Барбары и Грейс и зашел в ванную. Там он очень коротко остриг

ногти, вымыл руки — сначала проточной водой, а затем кипяченой — и повторил процедуру еще раз. Помахав руками в воздухе, чтобы они высохли, он вернулся в комнату, стараясь ни до чего не дотрагиваться.

Карен лежала на широкой кровати около двери, прикрытая половинкой изношенной простыни. На плечи ее была накинута серая рубаха, которая была на Хью в ночь нападения. Грейс и Барбара сидели на кровати, Дьюк стоял в дверях, а Джо печально сгорбился позади кровати.

Хью улыбнулся дочери:

— Ну как дела? Еще схватки были?

— Ни единой, черт бы их побрал. Хоть бы он родился до обеда.

— Обязательно родится. Потому что никакого обеда тебе не видать как своих ушей.

— Чудовище! Мой отец просто чудовище.

— Доктор Чудовище, с вашего позволения, а теперь, друзья мои, прошу вас очистить помещение. Мне нужно осмотреть пациентку. Все свободны, кроме Грейс. Барбара, пойди и приляг.

— Я не устала.

— Возможно, нам всю ночь придется провести на ногах. Так что лучше вздремнуть заранее. Я не испытываю ни малейшего желания принимать

преждевременные роды.

Он откинул простыню, осмотрел Карен и ощупал ее живот.

— Ты чувствуешь толчки?

— Еще бы! Когда он родится, его непременно нужно записать в команду «Грин бей пэкерз». У меня такое впечатление, что на ногах у него бутсы.

— Ничуть не удивлюсь, если это так. Ты была обута, когда зачинала его?

— Что? Папа, что за гадости ты говоришь! Да.

— Пренатальное воздействие. В следующий раз перед этим обязательно разуйся.

Беседуя с дочерью, Хью одновременно пытался определить, в каком положении находится ребенок — головкой вниз или, боже избави, поперек. Как оказалось, сделать это он был не в состоянии. Поэтому он улыбнулся Карен и солгал:

— Прекрасно, бутсы нас не побеспокоят, поскольку он расположен головкой прямо вниз, именно так, как надо. Надо думать, роды будут очень легкими.

— Откуда ты знаешь, папа?

— Положи руку вот сюда, где моя. Вот его выпуклая головка, вниз которой он и нырнет. Чувствуешь?

— Кажется, да.

— Если бы ты была на моем месте, посмотрела на себя со стороны, то могла бы даже и увидеть.

Он попытался определить, начало ли расширяться влагалище. Имело место небольшое кровотечение, поэтому он не решился произвести обследование руками: во-первых, он все равно не знал, как должно было все это быть на ощупь, а во-вторых, боялся занести инфекцию. Кое-что могло поведать ректальное обследование, но он опять же не знал, что именно, поэтому не было никакого смысла подвергать Карен этой малоприятной процедуре.

Хью поднял голову и встретился взглядом с женой. Сначала он хотел посоветоваться с ней, но потом решил, что не стоит. Несмотря на то что дети у Грейс были, о деторождении она знала не больше его самого, а дав понять Карен, что он не уверен в себе, он может пошатнуть ее уверенность в благоприятном исходе.

Поэтому он взял свой «стетоскоп» (три последних чистых листа из энциклопедии, скатанные в трубочку) и стал прослушивать сердцебиение плода. Он много раз проделывал это за последнее время. Но и здесь его ожидала неудача: он услышал множество различных шумов, которые

определил про себя как «бурчание в кишках».

— Тикает, как метроном, — заключил он, откладывая трубку и снова укрывая дочь. — Твое дитя в отличном состоянии, девочка, и ты сама тоже. Грейс, вы, кажется, завели журнал: когда начались первые боли?

— Им занималась Барбара.

— Будь добра, сохрани его. А сейчас скажи Дьюку, чтобы он снял ремни со второй кровати и принес их сюда.

— Хьюберт, ты уверен, что они понадобятся? Ни один из моих врачей не советовал мне ничего подобного.

— Это самое последнее новшество, — заверил он ее. — Теперь его применяют во всех больницах. — Хью где-то читал, что некоторые акушерки заставляют рожениц тянуть во время потуг ремни. Он просмотрел все книги, ища подтверждения, но не нашел. Тем не менее здравый смысл подсказывал ему, что это действительно правильно — женщине так легче тужиться.

У Грейс на лице отразилось сомнение, но возражать она не стала и вышла из убежища. Хью собрался встать, но Карен схватила его за руку:

— Не уходи, папа!

— Больно?

— Нет. Я хотела сказать тебе одну вещь. Я попросила Джо взять меня в жены. На прошлой неделе. И он согласился.

— Рад слышать это, дорогая. Тебе достанется настоящее сокровище.

— Мне тоже так кажется. Конечно, в моем положении выбирать особенно не приходится, но Джо мне действительно нравится. Разумеется, мы не поженимся до тех пор, пока я полностью не оправлюсь после родов и не стану сильной и здоровой, как прежде. Сейчас я и подумать боюсь о разговоре с матерью.

— Я ей ничего не скажу.

— И Дьюку тоже не говори. А Барбара все знает и считает, что это прекрасно.

Схватки у Карен начались, когда Дьюк прилаживал ремни. Она вскрикнула, застонала и ухватилась за концы ремней, которые торопливо протянул ей Дьюк. Хью положил руку ей на живот и почувствовал, как сильно он напрягается одновременно с приступами боли.

— Тужься, детка, — посоветовал он, — и старайся дышать глубже — это помогает.

Она глубоко вдохнула и закричала.

Казалось, прошла вечность, прежде чем Карен немного расслабилась, выдавила улыбку и

сказала:

— Ну наконец-то прошло. Искренне сожалею о звуковых эффектах, папа.

— Если хочешь, кричи на здоровье. Но лучше глубоко дышать. Отдохни немного, пока мы тут разберемся. Джо, тебя придется использовать в качестве повара: я хочу, чтобы Барбара отдохнула, а Грейс будет исполнять обязанности медсестры. Поэтому тебе придется приготовить обед и заодно что-нибудь холодненькое на ужин. Грейс, ты занесла в журнал, когда начались схватки?

— Да.

— Заметила, сколько времени они длились?

— Я засекла, — сказала Барбара. — Сорок четыре секунды.

Карен возмутилась:

— Барбара, да ты в своем ли уме! Они длились никак не менее часа.

— Ладно, пусть будет сорок пять секунд, — сказал Хью. — Засекайте время появления схваток и сколько они длятся.

Семь минут спустя начался следующий приступ. Карен постаралась последовать совету отца и дышать глубоко. На сей раз она только слегка вскрикнула. Но когда боль отошла, она уже не в состоянии была шутить и только отвернулась ли-

цом к стене. Схватки были долгими и сильными. Хотя страдания дочери потрясли Хью, он все же немного приободрился: роды как будто обещали быть непродолжительными.

Он ошибался. Весь этот жаркий и трудный день женщина на кровати старалась избавиться от своей ноши. Лицо ее побелело, то и дело она вскрикивала, с каждой потугой живот ее напрягался, мышцы на руках и шее вздувались. Затем, когда схватки отпускали, она откидывалась на подушки, усталая и дрожащая, не в состоянии разговаривать и обращать внимание на что-либо, кроме происходящего с ней.

Дальше стало хуже. Схватки теперь шли с трехминутными интервалами, причем каждая следующая была длиннее предыдущей и, казалось, более мучительной. Наконец Хью посоветовал ей не пользоваться ремнями: он не заметил, чтобы от них был какой-нибудь толк. Она тут же попросила дать их, как будто не слыша, что он сказал. Похоже, ремни помогали ей чувствовать себя немного удобнее.

В девять часов вечера началось кровотечение. Грейс заметалась: она слышала много рассказов о том, как опасно кровотечение. Хью заверил ее, что так и должно быть и что это свидетельствует

о скором появлении ребенка. Да он и сам поверил в это, потому что кровотечение не было ни обильным, ни продолжительным, — и к тому же казалось невероятным, что роды могут затянуться еще.

Грейс на что-то рассердилась и встала. Барбара тут же плюхнулась в освободившееся кресло. Хью надеялся, что Грейс решила отдохнуть, — женщины дежурили по очереди.

Но через несколько минут его жена вернулась.

— Хьюберт! — сказала она высоким срывающимся голосом. — Хьюберт, я собираюсь вызвать врача.

— Пожалуйста, — согласился он, не сводя глаз с Карен.

— Послушайте меня, Хьюберт Фарнхэм! Вам следовало вызвать врача с самого начала. Вы убиваете ее, слышите? Я намерена вызвать врача, и вам меня не остановить!

— Конечно, Грейс, о чем речь! Телефон вон там. — Он указал пальцем в другой отсек.

Казалось, Грейс была слегка озадачена, но затем она резко повернулась и вышла.

— Дьюк!

В комнату торопливо вбежал сын.

— Да, отец?..

Хью многозначительно произнес:

— Дьюк, твоя мать решила вызвать врача по телефону. Пойди помоги ей. *Ты меня понял?*

У Дьюка расширились глаза.

— Где у нас иглы?

— В маленьком пакетике на столе. Большой не трогай — он стерилизован.

— Ясно. Сколько ей ввести?

— Два кубика. Только смотри, чтобы она не видела иглу, а то может дернуться.

Тут он почувствовал, что у него самого закружилась голова.

— Нет, лучше введи ей три кубика. Я хочу, чтобы она сразу вырубилась и проспала до утра. Она выдержит такую дозу.

— Иду, иду, — поспешно сказал Дьюк и последовал за матерью.

У Карен как раз наступил перерыв между схватками, и она, видимо, впала в полузабытье. Очнувшись, она прошептала:

— Бедный папочка! Твои женщины доставляют тебе столько огорчения!

— Отдохни, милая.

— Я... О боже, опять подступает!

Между приступами боли она выкрикивала:

— О, какая боль! Я больше не могу! Ох, папа,

я хочу врача! Ну пожалуйста, папочка! Пусть придет доктор!

— Ты тужься, доченька, тужься!

Схватки все продолжались и продолжались до самой ночи. Облегчения не было, становилось только хуже. Не было смысла вести журнал схваток — они стали почти непрерывными. Карен уже не могла говорить. Среди стонов можно было с трудом различить только невнятные мольбы о помощи. В промежутках между схватками она иногда вдруг начинала что-то бормотать, но на вопросы не отвечала.

Перед рассветом — Хью к тому времени стало казаться, что эта пытка длится не меньше недели, хотя часы утверждали, что схватки начались всего восемнадцать часов назад, — Барбара сказала с тревогой в голосе:

— Хью, она больше не выдержит.

— Я знаю, — согласился он, глядя на дочь. Она была на пике боли, лицо ее посерело и исказилось, рот искривился в агонии, сквозь зубы вырывались сдавленные стоны.

— Что же делать?

— Я думаю, необходимо кесарево сечение. Но я не хирург, к сожалению.

— А может, все-таки…

— Нет… Я тут бессилен.

— Но ведь ты же знаешь гораздо больше, чем первый человек, который решился сделать его! Ты знаешь, как обеспечить стерильность. У нас есть сульфаниламиды, и ее можно напичкать димедролом. — Барбара говорила громко, не боясь, что Карен может услышать ее: Карен уже ничто не интересовало.

— Нет!

— Хью, ты просто обязан. Она умирает.

— Я понимаю, — он вздохнул, — но делать кесарево сечение уже поздно, даже если бы я знал, как его делать. Я имею в виду, чтобы спасти Карен. Но ребенка это могло бы еще спасти. — Он заморгал и покачнулся. — Но нам не спасти и ребенка. Где мы возьмем кормилицу? Ты кормить не можешь, по крайней мере сейчас. А коров у нас нет.

Он глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки.

— Осталось одно. Попробовать эскимосский способ.

— Господи, а это что такое?

— Поставить ее на ноги и предоставить возможность действовать земному притяжению. Вдруг это поможет? Позови мужчин. Они нам потребуются. Мне снова нужно продезинфициро-

вать руки. Может быть, придется делать надрез. О боже!

Через пять минут они были готовы. Пока Карен бессильно лежала после очередной схватки, Хью попытался объяснить ей, что предстоит сделать. Слова с трудом доходили до нее, но в конце концов она слегка кивнула и прошептала:

— Мне уже все равно.

Хью подошел к столу, на котором были разложены его инструменты, взял в одну руку скальпель, а в другую фонарь.

— Ладно, парни, как только начнется, берите ее под руки и поднимайте.

Схватки возобновились буквально через несколько секунд. Хью кивнул Дьюку:

— Давайте!

— Джо, помогай! — Они принялись поднимать ее, поддерживая за плечи и бедра.

Карен закричала:

— Нет, нет! Не трогайте меня... Я не вынесу этого! Папочка, пусть они отпустят меня! Папа!

Они остановились. Дьюк спросил:

— Так что будем делать, отец?

— Я сказал — поднимайте! Ну!

Они с трудом подняли ее с кровати. Барбара зашла сзади и, обхватив ее руками вокруг талии,

сильно надавила на измученный живот несчастной. Карен снова закричала и стала вырываться. Они обхватили ее еще крепче. Хью лег навзничь и направил луч фонаря вверх.

— Тужься, Карен, тужься!

— О-о-о!

И тут он вдруг увидел темя ребенка, сероватоголубое. Он хотел уже отложить скальпель, но головка снова исчезла!

— Карен, попробуй еще раз!

Хью мучительно раздумывал о том, где следует сделать разрез. Спереди? Или сзади? Или и сзади и спереди? Он снова увидел темя — оно появилось и пропало. Рука его вдруг стала твердой как камень, он потянулся совершенно бессознательно и сделал небольшой надрез.

Он едва успел отложить скальпель, как прямо ему в руки шлепнулся мокрый, скользкий, окровавленный ребенок. Хью помнил, что должен сделать еще что-то, но все, что он сообразил в данную минуту, — это взять ребенка за обе ножки, поднять и шлепнуть по крошечной попке. Раздался сдавленный крик.

— Теперь осторожно положите ее на кровать, но только полегче. Они все еще связаны пуповиной.

Мужчины бережно уложили Карен. Хью стоял на коленях. Руки его были заняты слабо попискивающей ношей. Поднявшись, он попытался вложить ребенка Карен в руки, но заметил, что та не в состоянии взять его. Казалось, что она в сознании, и глаза ее были открыты. Но она ничего не воспринимала.

Хью и сам был на грани обморока. Он мутным взором обвел комнату и вручил ребенка Барбаре.

— Никуда не отходи, — зачем-то сказал он ей.

— Отец, — спросил Дьюк, — а разве не нужно перерезать пуповину?

— Пока еще нет. И куда только запропастился этот скальпель? — Он наконец нашел его, быстро протер йодом, надеясь, что этого окажется достаточно, и положил рядом с двумя прокипяченными шнурками, затем повернулся и пощупал пуповину — пульсирует или нет.

— Он просто замечательный, — мягко сказал Джо.

— Она, — поправил его Хью. — Ребенок — девочка. А теперь, Барбара, если ты…

Он замолчал. Дальнейшее произошло слишком быстро. Ребенок начал задыхаться. Хью схватил его, повернул головкой вниз, сунул палец в рот младенцу и извлек оттуда комок слизи. Отдав

ребенка Барбаре, он снова принялся щупать пуповину и только тут заметил, что Карен в опасном состоянии.

С кошмарной мыслью о том, что ему нужно раздвоиться, чтобы все успеть, он взял один из шнурков и узлом перевязал пуповину около животика ребенка, пытаясь унять дрожь в руках. Затем он начал завязывать второй шнурок и понял, что этого уже не нужно: Карен внезапно исторгла послед, и началось кровотечение. Она застонала.

Одним движением скальпеля Хью перерезал пуповину, бросил Барбаре: «Закрой ее пластырем» — и повернулся, чтобы заняться матерью.

Кровь текла из нее ручьем. Лицо посерело, и она, казалось, уже потеряла сознание. Было бесполезно накладывать швы на разрез и последовавшие за ним разрывы: Хью видел, что кровь шла изнутри. Пытаясь остановить ее, он сделал тампон из последней оставшейся марли и крикнул Джо и Дьюку, чтобы те принесли бандаж: нужно было сжать живот Карен, чтобы оказать давление на ее матку.

Через мучительно долгий, как ему показалось, промежуток времени компресс был на месте, а марля подкреплена целым ворохом стерильных

гигиенических салфеток.

«Их нечем заменить, — отрешенно подумал Хью, — не нужно было тратить столько».

Он поднял глаза, взглянул на лицо Карен и в панике начал нащупывать ее пульс.

Карен скончалась через семь минут после рождения дочери.

9

Кэтрин Джозефин пережила свою мать на день. Хью окрестил ее этим именем и каплей воды через час после того, как умерла Карен. Было ясно, что и девочка долго не протянет. У нее оказалось что-то не в порядке с дыханием.

Один раз, когда малышка стала задыхаться, Барбара вернула ее к жизни, прижавшись ртом к ее ротику и высосав из него что-то, что тут же с отвращением сплюнула. Некоторое время после этого малышка Джоди как будто чувствовала себя лучше.

Но Хью понимал, что это только отсрочка. Он не представлял себе, каким образом им удастся сохранить девочку живой достаточно длительное время — целых два месяца, до тех пор, пока Барбара не сможет кормить ее. У них в запасе

остались только две банки сухого молока.

Тем не менее они старались сделать все возможное.

Грейс припомнила состав смеси: сухое молоко, кипяченая вода и немного сладкого сиропа. У них, правда, не из чего было кормить девочку. Отсутствовала даже соска. Осиротевший ребенок был ситуацией, которой Хью никак не мог предвидеть. Теперь, задним числом, рождение младенца казалось ему одной из самых очевидных из всех чрезвычайных ситуаций. Он гнал мысли о своей непредусмотрительности, сосредоточившись на том, чтобы сохранить жизнь дочери Карен.

Пластиковая пипетка оказалась наиболее похожим на соску предметом. Ничего лучшего найти не удалось. С ее помощью они попытались дать малютке смесь, стараясь нажимать на бока капельницы в такт сосательным движениям ребенка.

Из этой затеи мало что получалось. Малютка Джоди по-прежнему дышала с трудом и начинала задыхаться каждый раз, когда они пытались покормить ее. На то, чтобы прочистить ей горлышко и дать возможность оправиться, они потратили почти столько же усилий, как и на то, чтобы покормить ее. Казалось, она просто

не хочет брать в рот грубую подделку, а если они старались кормить ее насильно, она тут же начинала задыхаться. Дважды Грейс удавалось скормить ей почти унцию смеси. И оба раза она срыгивала ее. Барбаре и Хью не удалось даже этого.

На следующее утро Хью проснулся от крика Грейс. Ребенок задохнулся и умер.

В тот страшный день, когда борьба за жизнь новорожденной еще продолжалась, Дьюк и Джо выкопали могилу высоко на солнечном склоне холма. Могила получилась глубокой, кроме того, они запаслись кучей булыжников. Оба боялись, что медведи или койоты могут разрыть могилу.

Когда работа была закончена, Джо с усилием спросил:

— Как мы будем делать гроб?

Дьюк вздохнул и вытер пот со лба.

— Джо, гроб нам не осилить.

— Но мы просто *должны* сделать его.

— Конечно, можно нарубить деревьев, расколоть их и получить немного досок — как мы и делали, например, для кухонного стола. Но сколько времени это у нас займет? Джо, погода стоит жаркая. Карен не может столько ждать!

— Тогда мы должны разобрать что-нибудь.

Кровать, например, или книжные полки.

— Проще всего — шкаф для одежды.

— Ладно, не будем откладывать.

— Джо, любая вещь, из которой можно сделать гроб, находится в доме. Неужели ты думаешь, что Хью разрешит нам *сейчас* войти туда и начать ломать, колотить, прибивать? Он просто убьет того, кто разбудит ребенка или напугает в то время, когда его с таким трудом пытаются покормить. Если раньше не убьют Барбара или мать. Нет, Джо. Придется нам обойтись без гроба.

Они сошлись на том, что устроят склеп. Использовав весь свой запас кирпичей, они сложили нечто вроде ящика на дне могилы, затем спилили навес, под которым обедали, и сделали из тонких стволов крышку, чтобы ящик можно было закрыть. Хотя все это выглядело довольно жалко, они почувствовали нечто вроде удовлетворения.

На следующее утро в этой могиле были похоронены мать и дочь.

Опускали их вниз Джо и Дьюк. Последний настоял на том, чтобы отец оставался в стороне и позаботился о Грейс и Барбаре. Дьюк вообще предпочел бы справиться со всем сам, но без помощника, к сожалению, обойтись было трудно.

Когда Дьюк предложил не отпускать Грейс на

похороны, Хью отрицательно покачал головой:

— Я тоже думал об этом. Попробуй ее убедить. Мне это не удалось.

Дьюку тоже не удалось переубедить Грейс. Но к тому времени, когда Джо отправился звать остальных, его сестра и племянница уже мирно покоились, аккуратно прикрытые тканью. Не осталось ни единого следа тех усилий, которых потребовало помещение их сюда: ни осыпавшейся земли, ни обломков отвалившейся кладки. А самый ужасный момент, когда крошечное тело выпало из простыни, пока они опускали мать и дочь в могилу, произошел без свидетелей. Лицо Карен выражало абсолютное спокойствие, а дочурка покоилась у нее на груди, как будто задремав.

Дьюк, встав на края кирпичной стенки, наклонился и прошептал:

— Прощай, сестричка. Прости меня за все.

Затем он прикрыл ей лицо и осторожно вылез из могилы. По склону холма поднималась небольшая процессия. Хью поддерживал под руку жену, Джо помогал Барбаре. За убежищем на флагштоке колыхался приспущенный флаг.

Подойдя к могиле, они встали так, что Хью оказался у изголовья, по правую руку от него стояла

жена, по левую — сын. Барбара и Джо расположились с противоположной стороны. К облегчению Дьюка, никто не попросил приоткрыть лица усопших, да и мать воспринимала происходящее как будто спокойно.

Хью вынул из кармана небольшую черную книжечку и раскрыл ее на заложенном заранее месте:

— «Я есьм воскресение и жизнь…[20]

Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него[21]. Господь дал, Господь и взял…»[22] — читал он.

Грейс всхлипнула, и колени у нее начали подгибаться. Хью вложил книгу в руки Дьюка и поддержал супругу.

— Продолжай, сынок.

— Отведи ее назад, отец!

— Нет-нет, я должна остаться, — совершенно убито пробормотала Грейс.

— Читай, Дьюк. Я отметил нужные места.

— «…напрасно он суетится, собирает и не знает,

---

[20] notes: 20
Ин. 11: 25. — *Примеч. С. В. Голд.*

[21] notes: 21
1 Тим. 6: 7. — *Примеч. С. В. Голд.*

[22] notes: 22
Иов. 1: 21. — *Примеч. С. В. Голд.*

кому достанется то.

Ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои.

Отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня»[23].

«Человек, от женщины рожденный, обречен лишь на быстротечное бытие, и полон несчастий краткий путь его земной…»

«В руки Господа всемогущего нашего предаем мы душу сестры нашей — сестер наших — и предаем тела их земле. Землю — земле, прах — праху, и тлен — тлену…»[24]

Дьюк остановился и бросил в могилу маленький комок земли. Затем он снова заглянул в книгу, закрыл ее и сказал вдруг:

— Давайте помолимся.

Они отвели Грейс обратно в дом и уложили в постель. Джо и Дьюк вернулись, чтобы засыпать могилу землей. Хью, решив, что жена его теперь отдохнет, начал гасить свечи в задней комнате. Грейс открыла глаза:

— Хьюберт…

---

[23] notes: 23

Пс. 38: 7, 13, 14. — *Примеч. С. В. Голд.*

[24] notes: 24

Текст в основном взят из книги «Book of Common Prayer». — *Примеч. С. В. Голд.*

— Что, Грейс?

— Я ведь говорила тебе. Я предупреждала. Но ты не хотел меня слушать.

— О чем ты, Грейс?

— Я ведь говорила тебе, что ей нужен доктор. Но ты не вызвал его. Ты оказался слишком гордым. Ты принес мою дочь в жертву собственной гордыне. Мое дитя. Ты убил ее.

— Грейс, но здесь же нет докторов. Ты прекрасно это знаешь.

— Будь ты хотя бы наполовину мужчиной, ты не стал бы оправдываться!

— Грейс, прошу тебя. Дать тебе чего-нибудь? Милтаун, например? А может, сделать укол?

— Нет, нет! — пронзительно вскрикнула она. — Именно так ты и помешал мне в тот раз вызвать врача. Наперекор тебе. Ты больше не заткнешь мне рот своими таблетками! Не прикасайся больше ко мне никогда. Убийца!

— Хорошо, Грейс. — Он повернулся и вышел.

Барбара сидела у двери, обхватив голову руками. Хью сказал:

— Барбара, приспущенный флаг нужно снова поднять. Я пойду и сам сделаю это.

— Так скоро, Хью?

— Да. Жизнь продолжается.

10

Жизнь продолжалась. Дьюк охотился и помогал Джо заниматься сельским хозяйством. Больше обычного трудился Хью. Грейс тоже работала. Качество приготовленных ею блюд улучшалось день ото дня, как и ее аппетит. Она растолстела и никогда больше не обвиняла мужа в смерти дочери.

Грейс вообще игнорировала его. Когда нужно было что-то обсудить, она разговаривала с Дьюком. Она перестала посещать и проводимые Хью службы.

Как-то в последний месяц беременности Барбары Дьюк остался один на один с отцом.

— Отец, ты однажды обронил, что любой из нас может уйти, когда захочет.

Хью был удивлен.

— Да.

— Ты, кажется, говорил, что выделишь уходящему равную долю имущества. Боеприпасы, инструменты и так далее.

— Все, что есть. Фирма гарантирует. Дьюк, неужели ты хочешь уйти?

— Да… и не я один. Уйти хочет мать. Именно

она настаивает на этом. У меня тоже есть мотивы, но основная причина в ней.

— Ммм… Что ж, давай обсудим твои мотивы. Может быть, ты недоволен моим руководством? Так я с радостью уступлю свое место. Я абсолютно уверен, что смогу уговорить Джо и Барбару согласиться с этим, так что у тебя будет единодушное одобрение. — Он вздохнул. — Я устал нести эту ношу.

Дьюк покачал головой:

— Не в том дело, папа. Я вовсе не хочу становиться боссом, да и справляешься ты прекрасно. Не могу сказать, чтобы мне понравилось, как ты вначале все взял в свои руки. Но самое главное — результаты, а результатов ты добился отличных. Лучше давай не будем обсуждать мое решение. Могу только сказать, что с тобой лично это никак не связано… и я бы ни за что не ушел, если бы на уходе не зациклилась мать. Она непременно хочет отделиться. А я не могу позволить ей уйти в одиночку.

— Ты не знаешь, почему Грейс хочет уйти?

Дьюк заколебался:

— Отец, я не думаю, что это имеет значение. Она уже все для себя решила. Я сказал ей, что не смогу устроить ей такую же безопасную и

удобную жизнь, как здесь. Но в этом вопросе она настоящий кремень.

Хью взвесил его слова.

— Дьюк, если твоя мать так считает, я не буду пытаться ее переубедить. Я уже давно истратил последние крохи влияния на нее. Но у меня есть две идеи. Может быть, какая-нибудь из них покажется тебе приемлемой…

— Вряд ли.

— Выслушай сначала. Ты знаешь, что у нас есть медные трубки — часть из них мы использовали при оборудовании кухни. Но, кроме них, я припас еще кое-что для изготовления самогонного аппарата. Я приобрел в свое время все необходимое, чтобы в случае войны иметь возможность торговать спиртным, которое было бы чистым золотом в любом примитивном послевоенном обществе.

Я не построил аппарат по известным нам обоим причинам. Но я могу соорудить его. И я знаю, как гнать самогон. — Он слегка улыбнулся. — Это не кабинетное знание. На юге Тихого океана во время службы я гнал самогон; командир закрывал на это глаза. Тогда-то я и узнал, как из зерна, картошки, да почти из чего угодно, гнать спиртное. Дьюк, возможно, твоя мать была бы счастлива, если бы всегда имела выпивку.

— Но она же сопьется до смерти!

— Дьюк, Дьюк… Если при этом она будет счастлива, кто мы такие, чтобы останавливать ее? Ради чего ей жить? Раньше она любила смотреть телевизор, бывать в гостях; она могла целый день провести в парикмахерской, затем пойти в кино, в гости и выпить там немного с подругой. Это была ее жизнь, Дьюк. А где теперь все это? Ушло безвозвратно. И только то, что я предлагаю, немного скрасило бы ее существование. Кто ты такой, чтобы указывать своей матери, спиваться ей до смерти или нет?

— Отец, дело не в этом!

— Так в чем же?

— Ну, ты знаешь, я не одобряю… не одобрял, что мать слишком много пьет. Но я бы, наверное, теперь смирился с этим. Если ты построишь аппарат, мы, возможно, будем твоими покупателями. Но уйти все равно уйдем, так как самогон не решает проблемы.

— Что же, остается второе предложение: уйду я, а не она. Только вот… — Хью нахмурился. — Дьюк, скажи ей, что я уйду, как только Барбара родит. Я не могу оставить своего пациента. Но ты можешь заверить Грейс…

— Отец, это тоже не решит проблемы!

— Тогда я не понимаю…

— О господи! Ну да ладно. Дело-то как раз в Барбаре. Она… Короче говоря, мать ополчилась на нее. Совершенно не может ее терпеть с тех пор, как умерла Карен. Она сказала мне: «Дьюк, эта женщина не будет рожать ребенка в моем доме! Своего выродка! Я этого не потерплю. Скажи отцу, что он должен выставить ее отсюда» — вот ее собственные слова.

— Боже мой!

— Именно. Я пытался урезонить мать. Я без конца повторял, что Барбара не может уйти. Я объяснил это с разных сторон. Я сказал, что нет никаких шансов, что ты когда-нибудь выгонишь Барбару. А что касается того, чтобы заставить ее уйти сейчас или даже просто отпустить ее, так это столь же невозможно, как если бы ты выгнал Карен. Я сказал ей, что и сам я настроен так же и что если ты обезумеешь настолько, что попытаешься ее выставить, то я и Джо будем защищать Барбару. Но ты, конечно, на такое свинство не способен.

— Спасибо и на этом.

— Мои слова решили исход дела. Мать верит мне, когда я высказываюсь начистоту. Поэтому она решила, что уйдет сама. Я не могу удержать

ее. Она уходит. А я иду, чтобы заботиться о ней.

Хью потер виски:

— Да, действительно, ситуация никогда не бывает столь плохой, чтобы ее нельзя было сделать еще хуже. Дьюк, но ведь даже вместе с тобой идти ей некуда.

— Не совсем так, отец.

— То есть?

— Все можно устроить, если ты согласишься нам помочь. Помнишь пещеру у начала каньона Коллинза, ну, ту, которую еще собирались превратить в туристический аттракцион? Так вот, она все еще существует. Или ее двойник, точнее сказать. Я охотился в той стороне еще в первую неделю нашего пребывания здесь. Каньон выглядел таким знакомым, что я поднялся наверх и нашел пещеру. Ты знаешь, отец, в ней вполне можно жить и обороняться.

— А вход? А дверь?

— Никаких проблем, если ты отдашь стальной щит, который загораживал вход в туннель.

— Конечно, о чем речь!

— В пещере есть небольшое отверстие, которое решает проблему дыма. По ней протекает ручей, не пересохший до сих пор, несмотря на жуткую жару. Одним словом, отец, пещера не менее

комфортабельна, чем наше убежище. Ее нужно только слегка оборудовать.

— Тогда сдаюсь. Можешь брать почти все, что захочешь. Постельные принадлежности, кухонную утварь. Вашу долю консервов. Спички, оружие, боеприпасы. Составь список, а я потом помогу тебе все перенести.

Дьюк покраснел так, что стало заметно даже сквозь загар.

— Отец, ты знаешь, кое-что уже там…

— Вот как? Ты считал, что я окажусь мелким скрягой?

— Э… я не говорю о последнем периоде. Я припрятал там кое-какие вещи еще в первые дни нашего пребывания здесь. Помнишь… ну, в общем, у нас с тобой произошла та стычка… а после нее ты назначил меня главным хранителем. Это навело меня на мысль, и я после этого неделю или две не выходил из дома ненагруженным, стараясь уйти, когда меня никто не видит.

— Попросту воровал.

— Я бы так не сказал. Я никогда не брал больше одной шестой наших запасов… и только самые необходимые вещи. Спички, патроны. То ружье, которое ты никак не мог найти. Одно одеяло. Нож. Немного провизии. Несколько свечей. Дело

в том, что… Поставь себя на мое место. Постоянно существовала угроза того, что ты рассердишься на меня и нам придется драться — причем один из нас непременно будет убит, как ты мне тогда заявил, — или я буду вынужден бежать сломя голову, не имея возможности *ничего* взять с собой. Я решил не вступать в борьбу с тобой. Поэтому мне пришлось заняться кое-какими приготовлениями. Но я ничего не крал: ты же сам сказал, что я могу взять свою долю. Одно твое слово — и я тут же принесу все обратно.

Хью Фарнхэм задумчиво поковырял мозоль, затем взглянул на сына:

— Иногда для человека украсть — значит выжить. Я хотел бы узнать только одну вещь. Дьюк, среди продуктов, которые ты унес, были банки с молоком?

— Ни единой. Отец, неужели ты думаешь, что, если бы там было молоко, я не принес бы его назад, когда умирала Карен?

— Да, прости. Зря я это спросил.

— Это я зря не утащил несколько банок. Тогда бы их не истратили.

— Ребенок все равно не прожил столько, чтобы выпить даже то молоко, которое у нас оставалось, Дьюк. Впрочем, что об этом сейчас говорить!

Нужно все вопросы решить побыстрее, но не забывай, что ты в любое время можешь вернуться. Понимаешь, твоя мать сейчас в таком возрасте, когда женщины на некоторое время становятся… несколько упрямыми… Но они потом перебарывают в себе это и остаток жизни доживают милыми старыми леди. Возможно, когда-нибудь наша семья и воссоединится вновь. Надеюсь, время от времени мы будем видеться. И… если захочешь овощей, приходи и бери, сколько нужно.

— Я как раз хотел поговорить на эту тему. Обрабатывать землю я там не смогу. Но если я, например, по-прежнему буду охотиться… нельзя ли мне будет, когда я принесу вам мясо, взять овощей?

Хью улыбнулся:

— Кажется, мы возродили торговлю. Кстати, мы можем снабжать тебя всякими горшками, да и дубление шкур тебе не стоит организовывать. Дьюк, одним словом, прикинь, что вам будет нужно, чтобы завтра же мы с Джо могли начать переносить все это в твою пещеру. Особенно не стесняйся. Вот только…

— Что?

— Книги — мои! Тебе придется каждый раз приходить сюда, чтобы заглянуть в ту или иную

книгу. В моей библиотеке они на дом не выдаются.

— Что ж, это справедливо.

— Я не шучу. Ты можешь одолжить у меня бритву, можешь взять мой лучший нож. Но попробуй только упереть хоть одну книжку — и я спущу с тебя шкуру и сделаю из нее переплет. Всему есть предел. Ну ладно, я пойду, предупрежу Джо и уведу куда-нибудь Барбару. Постараемся не появляться до темноты. Желаю тебе удачи. И передай Грейс, чтобы она не обижалась. Она, конечно, злится, но все же передай. Рай создать можно только вдвоем, а ад очень просто устроить и в одиночку. Не могу сказать, что в последнее время я чувствовал себя счастливым, и, возможно, Грейс умнее, чем мы ее считаем.

— Кажется, таким образом ты просто вежливо посылаешь нас к черту?

— Не исключено.

— Ладно… что бы ты ни имел в виду, желаю того же самого и тебе. То, что я ушел из дома при первой возможности и стал жить один, — вовсе не было случайностью.

— Туше! Ну ладно, ладно! — Отец повернулся и направился прочь.

Выслушав сообщение, Джо ничего не сказал.

Он только заключил, что ему лучше пойти и прорыть еще несколько оросительных канавок. Барбара ничего не говорила до тех пор, пока они не остались одни.

Хью захватил все для пикника: кукурузные лепешки, несколько кусочков вяленого мяса, два помидора и флягу с водой. Еще он взял винтовку и одеяло. Они поднялись на холм и расположились немного выше могилы, в тени дерева. Хью заметил, что на могильном холмике лежат свежие цветы, и подумал: неужели Барбара забиралась сюда? Ведь путь давался ей с большим трудом: чтобы подняться, им понадобилось довольно много времени. Или это сделала Грейс? Но это казалось еще менее вероятным. Затем разгадка пришла ему в голову: Джо.

Когда Барбара удобно расположилась, улегшись на спину и подогнув ноги, Хью спросил:

— Ну что ты по этому поводу думаешь?

Она долго молчала. Затем ответила:

— Хью, мне ужасно жаль, что так получилось. Ведь это я виновата, да?

– *Ты* виновата? Только потому, что больная на голову женщина испытывает ненависть к тебе? Ты же сама как-то говорила, что не стоит упрекать себя за недостатки других людей. Неплохо

бы тебе самой прислушаться к своему совету.

— Я не о том говорю, Хью. Я имею в виду потерю твоего сына. Грейс не смогла бы уйти без Дьюка. Он что-нибудь говорил? Обо мне?

— Ничего, кроме той навязчивой идеи, которая овладела Грейс. А что он должен был рассказать?

— Не знаю, имею ли я право разглашать… Но в любом случае расскажу. Хью, после смерти Карен Дьюк просил меня выйти за него замуж. Я отказала ему. Он был обижен. И удивлен. Понимаешь… ты знаешь насчет Карен и Джо?

— Да.

— Я не была уверена, сказала ли тебе Карен. Когда она решила выйти замуж за Джо, я решила, что мне придется выйти замуж за Дьюка. Карен считала это само собой разумеющимся, и я тоже как-то упомянула, что собираюсь сделать это. Возможно, она сообщила о нашем разговоре Дьюку. Во всяком случае, он ожидал, что я скажу ему «да». А я ответила «нет». Он был оскорблен. Прости меня, Хью. Если хочешь, я скажу ему, что передумала.

— Не спеши! Хотя, на мой взгляд, ты совершила ошибку, я не хочу, чтобы ты исправляла ее ради меня. Что ты теперь намерена делать? Может быть, собираешься выйти замуж за Джо?

— Джо? Нет, я и в голове не держала становиться женой Джо. Тем не менее я выйду замуж за него с не меньшей готовностью, чем за Дьюка. Хью, я всегда готова делать то, что мне нравится. А мне нравится то, что нравится тебе. — Она повернулась на бок и взглянула на него. — Да ты и сам знаешь это. Если ты хочешь, чтобы я вышла за Джо, — я выйду за него. Если ты хочешь, чтобы я стала женой Дьюка, — я стану ему женой. Ты только скажи — и я сделаю все, что угодно.

— Барбара, Барбара!

— Я не шучу, Хью. Я готова на все. Ты мой босс. Я полностью доверяюсь тебе. Не в чем-то одном, а целиком и полностью. Да разве ты не догадался об этом за все время, что мы здесь? Я играю строго по книге.

— Не говори чепухи.

— Если это чепуха, то это правдивая чепуха.

— Возможно. Но я хочу, чтобы ты вышла замуж за того, кто тебе нравится.

— Это единственно, чего я не могу сделать: ты уже женат.

— Ох!

— Ты удивлен? Может, я удивила тебя тем, что заговорила об этом после столь длительного молчания? Но так оно и есть, и так было всегда.

Поскольку я не могу выйти замуж за тебя, я выйду за того, на кого укажешь ты. Или никогда не выйду.

— Барбара, а ты согласилась бы выйти замуж за меня?

— Что ты сказал?!

— Ты согласилась бы стать моей женой?

— Да.

Он потянулся к ней и поцеловал ее. Она ответила на его поцелуй, прижавшись губами к его губам и полностью отдавшись его воле.

В конце концов он оторвался от нее.

— Еще кусочек кукурузной лепешки?

— Пока нет.

— Я подумал, что нам есть что отпраздновать. Для этого нужно шампанское. Но у нас только кукурузные лепешки.

— Ну ладно. Тогда я, пожалуй, откушу кусочек. И глотну воды. Хью, мой любимый Хью, а как же быть с Грейс?

— А никак. Фактически она развелась со мной еще месяц назад, в день… в тот день, когда мы похоронили Карен. И то, что она живет с нами, — вопрос чисто нехватки жилья. Для того чтобы развестись здесь, судья не нужен, равно как и нам с тобой, чтобы быть вместе, не требуется

свидетельство о браке.

Барбара обхватила руками свой большой живот:

— Мое свидетельство здесь! — Голос ее был спокоен и счастлив.

— Ребенок мой?

Она взглянула на него:

— Посмотри на восток.

— Куда?

— Ты видишь там трех волхвов?

— Господи, ну и дурак же я!

— Конечно же он твой, любимый. Это такая вещь, которую ни одна женщина не может доказать, но знает наверняка.

Он снова поцеловал ее. Когда он оторвался от ее губ, она погладила его по щеке:

— А вот теперь я, пожалуй, съела бы лепешку, даже несколько. Я голодна. Я чувствую, как жизнь переполняет меня. Ужасно хочется жить!

— Да! Завтра начинается наш медовый месяц.

— Сегодня. Он уже начался. Хью, я хочу сделать запись об этом в журнале. Милый, можно я сегодня буду спать на крыше? Я прекрасно управлюсь с лестницей.

— Ты хочешь спать вместе со мной? Распутная девчонка!

— Я имела в виду не это. Сейчас я вовсе не распутна, все мои гормоны восстают против этого. Никакой чувственности, дорогой. Только платоническая любовь. В медовый месяц от меня не будет никакого толка. О, я буду счастлива просто находиться рядом с тобой. Нет, дорогой, мне просто не хочется спать под одной крышей с Грейс. Я боюсь ее. Боюсь не за себя, а за ребенка. Хотя это, может быть, и глупо.

— Не так уж и глупо. Скорее всего, ничего не произойдет, но некоторые меры предосторожности мы все-таки предпримем. Барбара, а что ты вообще думаешь о Грейс?

— Я должна отвечать?

— Если можешь.

— Она мне не нравится. Это не имеет отношения к тому, что я боюсь ее. Она не нравилась мне задолго до того, как в ее присутствии у меня стало возникать неприятное чувство. Мне не нравится, как она ведет себя со мной; мне не нравится, как она обращается с Джозефом; мне не по душе было, как она относилась к Карен; я совершенно не переваривaю того, как она обращается с тобой — хотя я всегда была вынуждена делать вид, что не замечаю этого, — и я *презираю* ее за то, что она сделала с Дьюком.

— Мне она тоже перестала нравиться… и уже давно. Я рад, что она уходит от нас, Барбара, и был бы рад этому, даже если бы тебя с нами не было.

— Хью, я так счастлива! Ты знаешь, что я разведена?

— Да.

— Когда наш брак распался, я поклялась себе, что никогда в жизни не послужу причиной чьего-либо развода. Поэтому я чувствовала себя виноватой с самой ночи нападения.

Он покачал головой:

— Забудь об этом. Наш брак с Грейс распался давным-давно. Дети и обязанности — единственное, что связывало нас. По крайней мере, меня, так как она и обязанностей знать не хотела. Милая, если бы наш с Грейс брак был настоящим, ты могла бы, конечно, прийти ко мне в объятия в ту ночь, но все ограничилось бы утешениями и поглаживанием по головке. А так мы думали, что скоро умрем, а мне хотелось любви так же сильно, как и тебе. Я просто сгорал от желания любить — и получил тебя.

— Любимый, я больше никогда не дам тебе сгорать.

На следующее утро, около девяти часов, они все собрались возле убежища, где уже были сложены

вещи отбывающих.

Хью с кривой усмешкой окинул взглядом то, что отобрала для себя его бывшая жена. Грейс буквально восприняла его слова «берите, что хотите». Она дочиста обобрала убежище, взяв лучшие одеяла, почти всю кухонную утварь, включая чайник и сковородку, три поролоновых матраса из четырех, почти все оставшиеся консервы, весь сахар, львиную долю остальных невосполнимых продуктов и всю пластиковую посуду.

Хью возразил только в одном случае — соль. Когда он заметил, что Грейс прихватила всю имевшуюся соль, он настоял на разделе. Дьюк согласился и спросил, есть ли еще возражения.

Хью отрицательно покачал головой. Ведь Барбара не будет мелочиться — с милым рай и в шалаше.

Дьюк проявил сдержанность: взял лопату, топор, молоток, менее половины гвоздей и не тронул ни одного инструмента из имевшихся в единственном экземпляре. Он попросил, чтобы в случае необходимости ему одалживали их. Хью согласился и, в свою очередь, предложил помощь в работах, где одному не справиться. Дьюк поблагодарил его. Для обоих положение

было тягостным, и они тщательно скрывали это, проявляя чрезмерную учтивость.

Отправление откладывалось из-за сложностей со стальным щитом. Нести его было вполне по силам такому сильному мужчине, как Дьюк, но щит нужно было увязать так, чтобы ремни были удобны, чтобы выдержали весь поход и чтобы не мешали Дьюку стрелять при необходимости.

Кончилось тем, что в дело пошла единственная целая медвежья шкура, покрывавшая кровать, на которой умерла Карен. Хью жалел лишь о том, что было упущено время. Вещи, отобранные Грейс, унести втроем можно было только за шесть ходок. Дьюк считал, что две ходки в день — это максимум; но если они вскоре не выйдут, то этот день можно считать пропавшим.

В конце концов щит приспособили на спину Дьюку так, что густой мех смягчал давление металлической ноши.

— Кажется, удобно, — решил Дьюк. — Берите свои мешки и пойдем.

— Уже идем, — отозвался Хью и нагнулся над своей поклажей.

— Боже мой!

— Что-нибудь случилось, Дьюк?

— Смотрите!

Над восточным склоном показались очертания какого-то предмета, который скользил по воздуху курсом, пролегавшим в стороне от жилища. Однако, приблизившись, он вдруг замер в воздухе, развернулся и направился прямо к ним.

Он величественно проплыл над их головами. Хью сначала даже не смог оценить его размеры — не с чем было сравнивать. Это была темная фигура с пропорциями костяшки домино. Но когда «костяшка» была уже в пятистах футах над их головами, ему показалось, что она имеет около ста футов в ширину и трехсот в длину. Деталей рассмотреть он не мог. Двигался предмет быстро, но бесшумно.

Он пролетел над ними, развернулся, сделал круг. Затем остановился, еще раз развернулся и прошел теперь уже на небольшой высоте.

Хью заметил, что одной рукой он прижимает к себе Барбару. Когда загадочный предмет появился, она стояла в некотором удалении от всех, замачивая белье в установленной снаружи ванне. Теперь же она вдруг оказалась в его объятиях, и он чувствовал, как вздрагивает ее тело.

— Хью, что это?

— Люди.

Предмет теперь висел над их флагом. Можно

было уже различить людей. Над краями предмета появились головы.

Вдруг один из углов как будто отделился, резко спикировав вниз, и завис над самой верхушкой флагштока. Хью увидел, что это машина длиной футов в девять и шириной фута три, с одним пассажиром. Подробностей он различить не мог, равно как и понять, что́ приводит аппарат в движение. Нижняя часть туловища пилота была скрыта бортами. Видны были только плечи и голова.

Человек сорвал флаг, и его машина вернулась к большому аппарату, буквально втянувшись в него.

Прямоугольник распался.

Он разделился на машины, подобные той, что завладела их флагом. Большинство из них оставались в воздухе, около дюжины приземлились, причем три вплотную окружили колонистов. Дьюк закричал: «Внимание!» — и потянулся к ружью.

Но ему не удалось добраться до него. Он застыл под острым углом, растерянно хватая воздух руками, а затем был медленно возвращен в вертикальное положение.

Барбара испуганно выдохнула на ухо Хью:

— Хью, что это?

— Не знаю. — Ему не нужно было спрашивать, что она имеет в виду: в то самое мгновение, когда остановили его сына, он испытал ощущение, как будто по грудь погрузился в зыбучий песок. — Не сопротивляйся.

— А я и не думала даже…

Грейс завопила:

— Хьюберт, Хьюберт, сделай же что-нибудь… — Крик ее оборвался. Казалось, она потеряла сознание, но не упала.

Четыре машины футах в восьми над землей бок о бок прошли над огородом Барбары. Там, где они пролетали, кукурузные стебли, кустики картофеля, бобы, тыквы, салат, картофельные грядки — все, включая даже мелкие оросительные канавки, спрессовывалось в однородное ровное покрытие, которое тут же начала затапливать вода. Тогда одна из машин, отделившись от остальных, проделала вдоль границ свежеутрамбованной площадки канаву, и вода стала уходить по ней, попадая теперь в ручей немного ниже по течению.

Барбара спрятала лицо на груди Хью. Он успокаивающе похлопал ее по спине.

Машина тем временем двинулась вдоль канала

к его началу, и вода вскоре вообще перестала течь.

Когда огород был превращен в ровную площадку, на нее стали садиться другие машины. Хью не в состоянии был определить, чем они заняты, но за считаные секунды на площадке вырос большой павильон, иссиня-черный и украшенный красными и золотыми узорами.

— Отец! Ради бога, попробуй дотянуться до своего пистолета! — крикнул Дьюк.

У Хью на поясе был его сорок пятый, который он счел наиболее удобным для похода оружием. Неведомая сила лишь слегка сдерживала руки Хью. Однако он ответил:

— Не стану и пытаться.

— Неужели ты собираешься вот так просто стоять и смотреть…

— Да. Дьюк, включи мозги. Если мы постоим спокойно, то, возможно, поживем еще немного.

Из павильона появился человек. Он, казалось, был около семи футов роста — возможно, потому, что на нем был отполированный до блеска шлем с перьями. Человек был обнажен до пояса, на нем была свободная юбка красного цвета, расшитая золотом, один конец юбки был перекинут через плечо и свисал вперед, скрывая часть его широ-

кой груди. Ноги его были обуты в черные сапоги.

Остальные носили черные комбинезоны с красно-золотыми нашивками на правом плече. У Хью создалось впечатление, что человек (а в том, что он является предводителем этих людей, сомневаться не приходилось) некоторое время переодевался в свое официальное платье. Хью немного приободрился. Они были пленниками, но раз глава захвативших их людей удосужился переодеться, прежде чем допрашивать их, значит они были важными пленниками и, возможно, переговоры принесут какие-нибудь плоды… Или он ошибался и это ничего не значило?

Но надежда Хью подкреплялась еще и тем, что выражение лица человека было добродушно-высокомерным; блестящие глаза смотрели спокойно и весело. У незнакомца был высокий лоб и массивный череп. Он выглядел умным и осторожным. Хью не мог определить, к какой расе он относится. Кожа его была коричневой и блестящей. Но рот только отдаленно напоминал негроидный. Нос, хотя и широкий, имел горбинку, а черные волосы были волнистыми. В руке он держал небольшой стержень.

Приблизившись к ним и дойдя до Джо, чужак остановился как вкопанный. Затем отдал стояв-

шему рядом с ним человеку какой-то приказ.

Джо выпрямился и размял ноги.

— Благодарю вас.

Человек обратился к Джо на непонятном языке.

Тот ответил:

— Прошу прощения, но я не понимаю.

Пришелец снова что-то произнес. Джо беспомощно пожал плечами. Человек улыбнулся и похлопал его по плечу, затем повернулся и поднял ружье Дьюка. Он неуклюже повертел его, рассматривая, и Хью забеспокоился, что ружье может выстрелить.

Однако было похоже, что незнакомец кое-что понимал в ружьях. Он передернул затвор, дослал патрон, приложил ружье к плечу и выстрелил в сторону ручья.

Выстрел прозвучал оглушительно, а пуля пролетела совсем рядом с головой Хью. Человек широко улыбнулся, кинул винтовку своему сопровождающему и, подойдя к Хью и Барбаре, протянул руку, очевидно желая дотронуться до ее живота.

Хью оттолкнул его руку.

Тогда, почти незаметным движением и совершенно беззлобно, тот отвел руку Хью своим

стержнем. Это был даже не удар, с такой силой нельзя было бы убить и мухи.

Хью вскрикнул от боли. Его рука горела как в огне и была полностью парализована.

— О боже!

Барбара тревожно сказала:

— Не нужно, Хью. Он не собирается причинить мне вреда.

Это действительно было так. С абсолютно безразличным интересом, с каким ветеринар мог бы осматривать беременную кобылу или собаку, человек ощупал живот Барбары, затем приподнял одну из ее грудей, а в это время Хью исходил бессильной злобой, будучи не в силах помочь своей возлюбленной.

Наконец незнакомец закончил свое обследование, улыбнулся Барбаре и погладил ее по голове. Хью попытался забыть о боли в руке и сосредоточиться мыслями на своих познаниях в языке, который он когда-то изучал.

— Vooi govoriti'yeh po-russki, gospodin?

Человек взглянул на него, но ничего не ответил.

Барбара спросила:

— Sprechen Sie Deutsch, mein Herr?

Тот только улыбнулся. Тогда Хью окликнул:

— Дьюк, попробуй испанский!

— Попробую. ¿Habla usted Español, Señor?

Никакого ответа.

Хью вздохнул:

— Кажется, мы исчерпали наш запас.

— M'sieur, — вдруг произнес Джо, — est-ce que vous parlez la langue française?

Человек обернулся:

— Tiens?

— Parlez-vous français, monsieur?

— Mais oui! Vous êtes française?

— Non, non! Je suis américain. Nous sommes tous amériçains.

— Vraiment? Impossible!

— C'est vrai, monsieur. Je vous en assure. — И Джо указал на опустевший флагшток. — Les Etats-Unis de L'Amérique[25].

Далее за разговором следить стало трудно, так как обе стороны углубились в дебри ломаного французского. Наконец они умолкли, и Джо со-

---

[25] notes: 25

— Сеньор, не говорите ли вы на французском языке?

— Ну?

— Вы говорите по-французски, сеньор?

— Ну да! Вы французы?

— Нет-нет! Я американец. Мы все американцы.

— Действительно? Невозможно!

— Это правда, мсье. Уверяю вас. Соединенные Штаты Америки *(фр.)*. — *Примеч. ред.*

общил:

— Хью, он предложил мне… приказал мне пойти с ним в палатку и говорить там. Я попросил его сначала освободить вас всех, но он ответил «нет». Вернее, «нет, черт возьми».

— Тогда попроси его освободить женщин.

— Попробую. — Джо сказал человеку какую-то длинную фразу. — Он говорит, что enceinte femme — Барбара — может сесть на землю. А «жирная» — он имеет в виду Грейс — должна пойти с нами.

— Отлично, Джо. Ты там договорись про нас.

— Попробую. Я не слишком хорошо его понимаю.

Все трое отправились в павильон. Барбара села и даже вытянула ноги. Но Хью невидимые путы держали по-прежнему надежно.

— Отец, — с тревогой в голосе произнес Дьюк, — это наш шанс, пока рядом нет никого, кто понимал бы по-английски.

— Дьюк, — устало ответил Хью, — ты разве не понимаешь, что все козыри у них на руках? Я думаю, что мы останемся в живых до тех пор, пока не рассердим его, — и ни минутой дольше.

— Ты даже не попытаешься бороться? А как же вся хрень, которую ты так любил нести, — о том, что ты свободный человек и всегда собираешься

оставаться им?

Хью потер получившую удар руку.

— Дьюк, я не буду с тобой спорить. Но если ты что-нибудь такое начнешь, нас всех убьют. Вот так я оцениваю положение.

— Значит, все это было просто дерьмо, — презрительно сказал Дьюк. — Ну что ж, я лично ничего не обещаю.

— Прекрасно. И хватит об этом.

— Скажи мне, отец, каково это: испытывать чью-то власть над собой, а не властвовать над другими?

— Мне это не нравится.

— Мне тоже. И я никогда не забывал этого. Надеюсь, ты нажрешься этим досыта.

— Дьюк, ради бога, перестань пороть всякую чушь, — сказала Барбара.

Дьюк взглянул на нее:

— Хорошо, я замолчу. Ответь мне только на один вопрос. *От кого* у тебя будет ребенок?

Барбара не ответила. Хью промолвил:

— Дьюк, если нам удастся выкрутиться, обещаю, что разделаю тебя под орех.

— В любое время, старик.

Они замолчали. Барбара дотянулась до Хью и потрепала его по ноге.

Около кучи их пожитков собрались пятеро и внимательно разглядывали их. Подошел шестой и отдал какой-то приказ. Они разошлись. Тогда он сам осмотрел пожитки, затем заглянул в убежище и исчез внутри.

Хью услышал шум воды и увидел, как по руслу ручья пронеслась коричневая волна.

Барбара подняла голову:

— Что это?

— Нашей плотины больше нет. Но это уже не имеет значения.

Спустя довольно продолжительное время из павильона вышел Джо, совершенно один. Он подошел к Хью и сказал:

— Итак, вот свежие новости — по крайней мере, то, что я уразумел. Мне было далеко не все понятно, так как он говорит на ломаном французском, да и я знаю язык недостаточно хорошо. Но вот что я узнал: мы нарушили границу частного владения. Он предполагает, что мы беглые преступники. Правда, слово какое-то другое, не французское, но смысл именно такой. Я попытался убедить его — и, надеюсь, успешно, — что мы ни в чем не виноваты и попали сюда не по своей воле.

Во всяком случае, он ничуть не сердится, даже

несмотря на то, что формально мы преступники: бродяжничество, разведение растений там, где сельское хозяйство запрещено, постройка плотины на чужой земле, дома и все такое прочее. Думаю, для нас все кончится хорошо, если мы будем делать то, что нам велят. Он находит нас любопытными — и нас, и то, как мы попали сюда, и все остальное.

Джо взглянул на Барбару:

— Ты помнишь свою теорию насчет параллельных вселенных?

— Наверное, я была права, да?

— Нет. Хотя я еще не во всем разобрался, но одно могу сказать с уверенностью. Барбара, Хью, Дьюк, слушайте! Это наш, наш собственный мир!

— Джо, это нелепо, — сказал Дьюк.

— Сам спорь с ним. Но он знает, что́ я называю Соединенными Штатами, знает, где находится Франция. И так далее. Это не вызывает никакого сомнения.

— Ну… — Дьюк запнулся, — все, конечно, может быть. Но есть еще один вопрос. Где моя мать?! Как ты мог оставить ее наедине с этим дикарем?

— С ней ничего плохого не случилось, она обедает с ним. И похоже, очень довольна происходящим. Не беспокойся, Дьюк, и с нами все

будет в порядке — так мне кажется. Как только они закончат трапезу, мы отправимся.

Некоторое время спустя Хью помог Барбаре усесться в одну из странных летающих машин, затем и сам устроился в другой, позади пилота. Он обнаружил, что сиденье весьма удобно, а вместо предохранительного ремня имелось все то же поле, охватившее, едва он уселся, нижнюю часть тела подобно зыбучему песку. Пилот, удивительно похожий на Джо молодой негр, оглянулся, затем бесшумно поднял аппарат в воздух и присоединился к формирующемуся в воздухе большому прямоугольнику. Хью заметил, что почти в половине машин пассажиры были белые, пилоты же были темнокожие, всех оттенков, начиная со светло-коричневого, как у яванцев, и кончая иссиня-черным, как у уроженцев острова Фиджи.

Аппарат, в котором был Хью, находился примерно посередине крайней правой шеренги. Он бросил взгляд в поисках остальных и лишь слегка удивился, заметив, что Грейс расположилась в машине босса, занимавшей почетное, видимо, положение в середине первого ряда. Там же находился и Джо, со всех сторон окруженный кошками.

К сформировавшейся в прямоугольник воздушной армаде не присоединились две машины справа. Одна из них замерла над кучей добра, сложенного возле убежища, собрала все вещи в невидимую сеть и улетела. Второй аппарат завис над убежищем.

Массивная постройка поднялась вверх исключительно легко, так, что не пострадал даже навес на крыше. Небольшая машина и ее гигантская ноша заняли место футах в пятидесяти от правого фланга основного формирования. Огромный прямоугольник рванулся вперед, набирая скорость, но Хью при этом не ощутил никакого движения воздуха. Аппарат, несущий убежище, казалось, без труда летел с той же скоростью, что и все остальные. Машины с пожитками не было видно, — вероятно, она находилась где-то слева.

Последнее, что Хью увидел внизу, — это шрам на месте, где стояло убежище, шрам побольше — там, где были посадки Барбары, и извилистую черту на месте оросительной канавы.

Он потер больную руку, подумав про себя, что все случившееся было просто цепью удивительных совпадений. Это даже немного оскорбляло его, как оскорбили бы тринадцать пик на одной руке при всей видимости честной сдачи карт. Он

вспомнил замечание Джо перед посадкой в машины: «Нам невероятно повезло, что мы встретили ученого. Французский здесь — язык мертвый, давно исчезнувший, „une langue perdue“, как он выразился».

Хью, извернув шею, встретился взглядом с Барбарой. Она улыбнулась ему.

11

Мемток, главный управляющий дворца лорда-протектора Полуденного района, был озабочен и счастлив. Счастлив, потому что озабочен. Он и сам не осознавал того, что счастлив, и часто жаловался на то, как трудно исполнять ему свои обязанности, потому что, по его словам, хотя под его началом и состояло почти восемнадцать сотен слуг, среди них не было и трех, которым он мог бы доверить вылить сосуд с помоями без присмотра.

Мемток только что закончил приятную беседу: отчитывал шеф-повара, намекнув ему, что из старого и жилистого повара получилось бы гораздо лучшее жаркое, чем то, которое было послано к столу их милости накануне вечером. Одной из обязанностей, которую Мемток добровольно

возложил на себя, было лично пробовать все, что предстояло отведать его повелителю, — несмотря на риск отравления и то, что гастрономические вкусы их милости разительно отличались от его собственных. Рискованная дегустация была одним из тех бесчисленных способов, с помощью которых Мемток входил лично во все детали; именно подобное тщание быстро возвысило его в еще сравнительно молодом возрасте до его нынешнего высочайшего положения.

Шеф-повар недовольно проворчал что-то, и Мемток отослал его, дав на прощание немного отведать хлыста, чтобы напомнить строптивцу, что поваров в наши дни найти не так уж трудно. Затем с удовольствием вернулся к прерванным делам.

Перед ним лежала груда бумаг, так как он только что закончил переезд из дворца в Летний дворец — тридцать восемь Избранных и всего лишь четыреста шестьдесят три слуги: летняя резиденция обслуживалась предельным минимумом персонала. Эти переезды, осуществляющиеся дважды в год, требовали массы бумаг: заказы, наряды, описи, платежные документы, грузовые накладные, перечни обязанностей, депеши — и он все больше склонялся к мысли

попросить патрона найти какого-нибудь подходящего юнца, вырезать ему язык и обучить обязанностям письмоводителя. Но затем Мемток отбросил это намерение: он не доверял слугам, которые умели читать, писать и производить арифметические действия, — это всегда вело к тому, что ими овладевали всякие идеи, даже если они не могли говорить.

Вообще-то, Мемтоку нравилась возня с документами, и он не хотел делить ее с кем-либо. Его руки так и летали над ворохом бумаг, ставя подписи, выводя резолюции, одобряя платежи. Перо он держал странно — между тремя пальцами правой руки. Больших пальцев на руках у него не было.

Он прекрасно обходился и без них и теперь уже с большим трудом представлял себе, зачем они могли бы ему понадобиться. Он свободно держал ложку, перо и хлыст, а в большем не было необходимости.

Наконец, ему не только не мешал недостаток пальцев, но он даже гордился их отсутствием: оно доказывало, что он служил своему повелителю в двух основных ипостасях: на ферме, когда был помоложе, а затем — вот уже на протяжении многих лет — в качестве вышколенного слуги. Все

слуги мужского пола в возрасте старше четырнадцати лет (за небольшим исключением) несли на себе следы или одной, или другой операции; немногие могли похвастаться и тем и другим одновременно, очень немногие, каких-нибудь несколько сотен на всей Земле. Эти немногие говорили как равные только друг с другом, они были элитой.

Кто-то поскребся в дверь.

— Войдите! — крикнул он, а увидев вошедшего, прорычал: — Чего нужно?

Рык был совершенно автоматическим, но ему действительно был очень не по душе этот слуга, и по весьма серьезной причине: он не обязан был подчиняться Мемтоку, так как был представителем другой касты — касты егерей, надзирателей и загонщиков — и подчинялся главному егермейстеру. Главный егермейстер считал себя равным главному управляющему по рангу — формально так оно и было. Но у него были большие пальцы.

Летний дворец был не по душе Мемтоку. Здесь ему приходилось водиться с той разновидностью слуг, которая имела непростительный недостаток: она не находилась у него в подчинении. В принципе, стоило ему только намекнуть их милости, и любого из этих ничтожеств ждала бы

кара, но просить он не любил; с другой стороны, тронь он только кого-либо из них — и мерзавец непременно пожалуется своему начальнику. А Мемток считал, что разногласия между старшими слугами ведут к падению нравов среди подчиненных.

— Послание от повелителя! Их милость изволит пребывать на обратном пути во дворец. С их милостью четыре захваченных дикаря и эскорт. Приказано немедленно подняться на крышу для встречи повелителя и получения распоряжений насчет пленников. Все.

— Все? Черт побери, что значит «все»? Что за четыре дикаря? И, во имя Дяди, когда он прибывает?

— Все! — стоял на своем посланец. — Послание передано двадцать минут назад. Я искал вас повсюду.

— Вон!

Самым важным в сообщении было то, что их милость возвращается домой, следовательно, не будет отсутствовать всю ночь. Распоряжения шеф-повару, церемониймейстеру, музыкальному директору, домоправителю, начальникам всех департаментов… — забот было так много, что Мемток не успевал отдавать приказания. При

этом он не переставал размышлять. Четыре дикаря? Кого вообще волнуют дикари?

Но он поднялся на крышу и приготовил для них сопровождение. В любом случае он должен был находиться там, чтобы организовать встречу лорда-протектора.

По прибытии Хью так и не смог повидаться с Барбарой. Когда поле «ремней безопасности» уже не действовало, перед Хью предстал совершенно лысый, приземистый белый человек со злым выражением лица, резкими движениями и с хлыстом в руке. Одет он был в белый балахон, который можно было принять за ночную рубашку, если бы не красно-золотая нашивка на правом плече. Хью предположил, что это геральдический знак его повелителя. Та же эмблема, но уже из золота, инкрустированного рубинами, повторялась на медальоне, висящем на груди коротышки на массивной золотой цепочке.

Человек оглядел его с головы до ног с явным отвращением, затем передал его и Дьюка с рук на руки другому белому в «ночной рубашке». Тот был без медальона, но с хлыстом, хотя и меньшим по размеру. Хью потер руку и решил, что не стоит проверять, так же эффективен этот хлыст, как тот, что был у предводителя.

Проверить довелось Дьюку. Сердитый коротышка дал какие-то указания их новому надсмотрщику и ушел. Тот отдал приказ, который Хью, оценив интонацию и жест, понял как «следуйте за мной» — и пошел.

Дьюк заупрямился. Тогда провожатый слегка коснулся хлыстом его лодыжки. Дьюк закричал. Остаток пути ему пришлось проделать хромая — вниз по трапу, затем в скоростном лифте, и в конце концов они попали в освещенную комнату без окон, вызывавшую ассоциацию с больницей.

Теперь Дьюк сразу уразумел приказание раздеться, и стимуляции хлыстом не потребовалось. Выругавшись, он все же повиновался. Хью отнесся к приказу совершенно спокойно. Кажется, он уже начал понимать систему. Хлыст использовали здесь так же, как опытный всадник применяет шпоры: заставляя беспрекословно подчиняться, но не причиняя существенного вреда.

Из первой комнаты их перегнали во вторую, поменьше, где в них со всех сторон ударили струи воды. Оператор находился на галерее наверху. Он криком привлек их внимание, а затем жестами показал, что они должны тереть свою кожу.

Пленники принялись соскребать с себя грязь. Водяные струи исчезли, их обдало жидким мы-

лом. Они еще раз помылись, их сполоснули, после чего пришлось вымыться еще раз. Процесс сопровождался энергичными жестами оператора, недвусмысленно дающими понять, каким тщательным должно быть мытье. Хлынули сильные струи горячей воды, сменившиеся еще более сильными струями холодной. Завершилась процедура потоками горячего воздуха.

Хью это сильно напомнило автоматическую посудомойку, тем не менее, помывшись, они стали намного чище, чем когда-либо за последние месяцы. Помощник банщика налепил им на брови полоски липкого пластыря, втер в голову какую-то эмульсию, затем — ее же — в бороды, уже довольно заметные, так как в этот день они не брились, на спину, грудь, руки, ноги и в конце концов в волосы на лобке. Дьюк получил еще один урок послушания, прежде чем согласился на последнее. Зато когда им волей-неволей пришлось вытерпеть еще и клизмы, Дьюк, стиснув зубы, покорился беспрекословно. Ватерклозет, с которым они вынуждены были ознакомиться, присутствовал здесь в виде небольшого отверстия в полу, где крутился водоворот.

Здесь им очень коротко остригли ногти на руках и на ногах и вновь отправили мыться. Вода

смыла обработанный эмульсией волосяной покров, так что из душевой они вышли абсолютно лысыми, если не считать бровей.

Банщик заставил их трижды прополоскать рот, наглядно продемонстрировав, что от них требуется, и длинно сплюнул в водоворот. Жидкость для полоскания была немного едковата, но приятна на вкус. Когда они закончили эту процедуру, Хью испытал во рту ощущение удивительной свежести. После бани он почувствовал себя абсолютно чистым, бодрым, исполненным сил — и униженным.

Их провели в следующую комнату и обследовали.

Осуществлявший осмотр человек носил длинную белую рубашку и небольшую эмблему на тонкой золотой цепочке. Не нужно было быть провидцем, чтобы догадаться о его профессии. При таком обращении с пациентами ему никогда не разбогатеть, решил Хью. В человеке было что-то от военных врачей, которых встречал Хью: в нем не было недоброжелательности, только полное безразличие к пациентам.

Он был очень удивлен и заинтересован съемным мостом, который обнаружил во рту Хью. Сняв его и внимательно обследовав, он осмот-

рел участок десны, который тот занимал, затем передал мост одному из своих помощников и отдал какое-то распоряжение. Помощник ушел, и Хью подумал, что жевать ему теперь будет не так удобно, как раньше.

Врач потратил на каждого из них по часу или даже больше, пользуясь приборами, которых Хью никогда не видывал. Единственными приемами, знакомыми ему, были измерения роста, веса и давления. С ними обоими что-то делали, но ни одна из манипуляций не причиняла боли — никаких скальпелей или подкожных инъекций. Ассистент врача принес съемный мост обратно, и Хью получил разрешение вставить его на место.

Хотя обследования и процедуры были безболезненными, они порой казались унизительными. Во время одной из них, когда Хью уложили на стол, который только что освободил Дьюк, молодой человек спросил:

— Ну и как тебе все это, отец?

— Отдыхаю.

Дьюк фыркнул.

То, что оба имели шрамы после аппендицита, показалось врачу не менее интересным, чем съемный мост. Жестами он изобразил боль в животе, а затем большим пальцем указал на ме-

стоположение аппендикса. Хью с трудом удалось выразить согласие, так как утвердительное кивание головой, как ему показалось, носило здесь смысл отрицания.

Ассистент вошел снова и вручил врачу предмет, который оказался еще одним мостом. Хью было велено открыть рот, старый мост был извлечен и поставлен новый. Хью ощупал его языком. Ощущение было такое, будто у него снова появились прежние зубы. Врач обследовал, очистил и запломбировал все их пораженные зубы совершенно безболезненно, обходясь при этом, насколько понял Хью, без всякой анестезии.

Затем Хью был внезапно «связан» (опять невидимое поле), укреплен на столе в положении на спине, а ноги его были подняты и разведены в сторону. Подкатили еще один столик, и Хью понял, что его собираются оперировать, а затем с ужасом понял и то, какого рода операция его ожидает.

— Дьюк! Дьюк! Не давай им схватить тебя! Попробуй выхватить у него хлыст!

Дьюк колебался слишком долго. В руках у врача хлыста не было — он держал его поблизости. Дьюк рванулся к хлысту, но врач оказался проворнее. Через несколько минут еще не успевший

очнуться от настигшей его ошеломляющей боли Дьюк тоже лежал на столе с разведенными ногами.

Оба они продолжали протестовать, насколько это было возможно в их положении. Врач задумчиво посмотрел на них, вызвал надсмотрщика, который их привел, и отослал его куда-то. Через некоторое время появился коротышка с большим медальоном. Оценив ситуацию, он вихрем умчался.

Несчастные остались пребывать в томительном ожидании решения своей участи. Главный врач в это время занялся тем, что заставил своих ассистентов закончить приготовления к операции, и теперь ее характер уже не оставлял ни малейших сомнений. Дьюк заметил, что им лучше было бы сегодня утром оказать сопротивление и погибнуть, чем вот так позорно ожидать своей участи здесь, подобно поросятам. Да они бы и дрались, как подобает мужчинам, напомнил он отцу, если бы тот не струсил.

Хью не стал спорить. Он согласился. Он все пытался убедить себя в том, что его покорность во время пленения была вызвана заботой о женщинах. Но это служило слабым утешением. Конечно же, последние годы он не слишком часто исполь-

зовал свои… вполне может быть, что они ему никогда больше не понадобятся. Но какого хрена, он же *привык* к ним. А по отношению к Дьюку, такому еще молодому, это будет просто жестоко.

По прошествии довольно продолжительного времени коротышка ворвался к ним, донельзя разъяренный. Он выкрикнул какой-то приказ, и Хью и Дьюк были тут же освобождены.

На этом все и закончилось, если не считать того, что их успели полностью натереть ароматным кремом.

Пленников одели в длинные рубашки, провели по длинным пустынным коридорам, и Хью был водворен в камеру. Дверь не запирали, но открыть ее он не мог.

В одном из углов стоял поднос с едой и ложкой. Пища была превосходной, но некоторые блюда остались неопознанными. Хью ел с аппетитом, выскреб дочиста тарелки и запил все легким пивом. Затем он улегся спать на мягкой подставке на полу, отрешившись от всех забот.

Его разбудил пинок ногой.

Он был отведен в другое помещение без окон, оказавшееся учебной комнатой. Здесь его поджидали два невысоких человека в белых одеяниях. У них было все необходимое для организации

учебного процесса: разновидность классной доски (написанное можно было стирать с нее быстро и бесследно каким-то удивительным способом), терпение и хлыст, поскольку занятия проводились «под неумолчный свист ореховых розог», как выразился поэт. Ни одна ошибка не оставалась незамеченной.

Оба они умели рисовать и прекрасно изображали пантомимы: Хью учили говорить.

Хью заметил, что под воздействием боли память у него улучшается, желания повторять ошибку дважды у него не возникало. Сначала его наказывали только за то, что он забывал слова, но со временем можно было заработать удар хлыстом за ошибки в склонении, синтаксисе, идиоматике и произношении.

Такое обучение «по Павлову» продолжалось — если подсчеты были верны — семнадцать дней. Занимаясь только учебой, он за эти дни не видел ни одной живой души, кроме своих учителей. Они занимались им по очереди, Хью же отдавал занятиям по шестнадцать часов в сутки. И хотя выспаться ему не удалось ни разу, на уроках он не дремал — не осмеливался. Ежедневно его мыли и выдавали чистую рубашку, дважды в день его кормили. Пища был обильной и вкусной. Три

раза в сутки его под конвоем водили в туалет. Все остальное время Хью учился говорить, каждую минуту опасаясь того, что за любой ошибкой последует наказание.

Со временем он научился предотвращать наказание. Вопрос, заданный достаточно быстро, иногда изрядно выручал его. «Учитель, ничтожный слуга понимает, что есть протокольные разновидности речи для каждого статуса, от вышестоящего к нижестоящему и наоборот, но ничтожный в своем глубоком невежестве никак не может догадаться, что из себя представляет каждый статус, не осмеливаясь даже и предположить, какими путями шел Великий Дядя, создавая оные, и не осознавая даже иной раз, какой из статусов имеет честь употребить почтенный учитель, обращаясь к ничтожному слуге своему во время занятий, и который из них ему, ничтожному, следует осмелиться употребить в ответ. Более того, покорный слуга понятия малейшего не имеет о его собственном статусе в великой Семье, если будет угодно милостивому наставнику».

В таких случаях хлыст откладывался в сторону и на протяжении часа ему читали лекцию. Проблемы иерархии волновали Хью гораздо

больше, чем можно было заподозрить из его вопросов. Самым низким статусом был статус жеребца. Нет, был еще более низкий — дети слуг. Но поскольку от детей всегда можно ожидать ошибок, они в счет не шли. Более высокое положение занимали самки, затем шли оскопленные слуги — категория слуг, различия внутри которой были настолько незначительными и многочисленными, что в их среде почти всегда употреблялась речь равных, если разница в положении не была слишком уж очевидной.

Над слугами возвышалась каста Избранных, с неограниченными вариациями рангов, связанных подчас с такими ритуальными обстоятельствами, при которых женщина являлась более важной персоной, чем мужчина. Но это-то как раз затруднений не представляло: всегда можно было пользоваться речью нижестоящего. Однако…

— Если двое Избранных заговорят с тобой одновременно, которому из них ты ответишь?

— Младшему, — ответил Хью.

— Почему?

— Поскольку Избранные не ошибаются, ничтожный слуга ослышался: в действительности старший из Избранных не говорил, в противном случае младший никогда бы не осмелился пре-

рвать его.

— Правильно. А если ты оскопленный садовник и встречаешь в саду Избранного, ранг которого соответствует рангу твоего повелителя-дядюшки, и он спрашивает у тебя: «Малыш, что это за цветок?»…

— Их милость, несомненно, знает все сущее несравненно лучше, чем ничтожный слуга, но если глаза последнего не лгут ему, то этот цветок, должно быть, лилия.

— Неплохо. Но при ответе еще следует опустить глаза долу. Теперь о твоем статусе… — В голосе наставника звучала неподдельная боль. — У тебя вообще нет статуса.

— Прошу прощения, учитель?

— О Дядя! Как только не пытался я выяснить это! Никто ничего не мог сказать мне вразумительно. Наверное, знает только наш лорд-дядюшка, но их милость еще не произнесла своего решения. Во всяком случае, ты не ребенок, не жеребец, не скопец, ты не принадлежишь ни к одной прослойке. Ты просто дикарь, и это ни в какие ворота не лезет.

— Но какой же стиль мне употреблять в речи?

— Всегда только нижестоящего. О, конечно, не по отношению к детям и самкам — они этого не

заслуживают.

Хью находил, что изучаемый язык очень прост и логичен, за исключением изменений в склонениях согласно статусам. В нем не было неправильных глаголов, а порядок слов в предложении был строго определенным. Возможно, такой строй речи имел искусственное происхождение. Ориентируясь по некоторым знакомым словам, таким как «симба», «бвана», «вазир», «этаж», «трек», «онкл», Хью предположил, что эта речь имеет корни в нескольких африканских языках. Его лингвистический интерес был сугубо абстрактным и, в сущности, уже не имеющим значения: Хью изучал «речь», и, по словам его учителей, это был единственный язык, который употреблялся во всем мире.

Помимо тонкостей протокола, большинство понятий обозначались двумя словами. Одно из слов использовалось вышестоящими в разговоре с нижестоящими; синоним же использовался нижестоящими в разговоре с вышестоящими. Нужно было знать оба слова: одно — чтобы использовать самому в разговоре, другое — чтобы распознавать его в речи вышестоящего.

Поначалу произношение доставляло Хью много неприятностей, но уже к концу первой недели

он довольно сносно чмокал губами, щелкал языком, воспроизводил горловые согласные, мог определить на слух и произнести настолько малоразличимые звуки, что раньше он и не подозревал об их существовании. На шестнадцатый день он уже свободно болтал и даже начал думать на новом языке, так что хлыст обжигал его довольно редко.

На следующий день к вечеру лорд-протектор послал за ним.

12

Несмотря на то что утром Хью уже мылся, ему пришлось спешно проделать это еще раз. Затем его умастили ароматным кремом, выдали свежее одеяние и только тогда повели в покои лорда. Следуя по пятам за Мемтоком, он преодолел несколько приемных с секретарями и наконец оказался в огромной, роскошно отделанной комнате, где увидел Джозефа и Дока Ливингстона. Самого лорда еще не было.

— Хью! Как здорово! — воскликнул Джо и бросил главному управляющему: — Ты свободен.

Мемток поколебался, затем попятился и вышел. Джо взял Хью под руку и подвел его к дивану.

— Как я рад тебя видеть! Садись сюда и поболтаем, пока нет Понса. Ты прекрасно выглядишь.

Док Ливингстон потерся о лодыжки Хью, замурлыкал и улегся рядом с ним.

— Со мной все в порядке. А кто такой этот Понс? — Хью почесал кота за ухом.

— Ты разве не знаешь, как его зовут? Я имею в виду лорда-протектора. Хотя, конечно, я мог бы сам догадаться. Так вот, это одно из его имен, которое используется en famille, в узком семейном кругу. Но это все ерунда, лучше расскажи, как с тобой обращались.

— В принципе, неплохо.

— Еще бы! Понс распорядился, чтобы тебе ни в чем не отказывали. Если что-нибудь будет не так, ты мне только скажи. Я все улажу.

Хью поколебался.

— Джо, тебе приходилось хоть раз испытать на своей шкуре действие их хлыста?

— Мне? — удивился Джо. — Конечно нет. Хью, неужели они наказывали тебя? Ну-ка скинь этот дурацкий балахон и дай мне взглянуть на тебя.

Хью покачал головой:

— На мне нет никаких следов. И все же… мне это не нравится.

— Но ведь если тебя секли без причины… Хью,

понимаешь, Понс как раз совершенно не выносит произвола. Он очень гуманный человек и требует только одного — дисциплины. Если же кто-нибудь — любой человек, даже Мемток, — был несправедливо жесток по отношению к тебе, то он получит свое.

Хью задумался. Учителя вызывали у него симпатию. Они упорно трудились над тем, чтобы с ним стало можно разговаривать, и не слишком злоупотребляли хлыстом.

— Нет, Джо. Мне не причинили вреда. Просто не идет из головы.

— Рад слышать это. Да и вообще, наверное, жаловаться особенно было не на что. Я еще понимаю тот жезл, который носит Понс, — им можно убить человека на расстоянии в тысячу футов, и чтобы научиться использовать его с умом, нужно долго тренироваться. А игрушки, которыми пользуются старшие слуги, — это просто погонялки, ни на что большее не годные.

Хью решил не спорить о том, можно ли их считать «просто погонялками»; ему необходимо было узнать кое-что более важное.

— Джо, а как остальные? Ты видел их?

— О, с ними все в порядке. Кстати, ты слышал насчет Барбары?

— Ни черта я не слышал! Что с ней?

— Не волнуйся, не волнуйся. Я хотел сказать, насчет ее детей?

— Ее ребенка?

— Ее детей. У нее близнецы, совершенно одинаковые. Родила неделю назад.

— Ну и как она? Как она себя чувствует? Отвечай!

— Полегче, полегче! С ней абсолютно все в порядке, лучше и быть не может. Само собой. Ведь они тут в медицине намного опередили нас. Здесь и слыхом не слыхивали, чтобы при родах умирали и мать, и дитя. — Джо внезапно помрачнел. — Жаль, что они не наткнулись на нас еще несколько месяцев назад. — Затем он оживился. — Барбара говорила мне, что, если у нее будет девочка, она назовет ее Карен. А когда оказалось, что у нее мальчики, она того, что постарше на пять минут, назвала Хью, а младшего — Карл Джозеф. Здорово, правда?

— Я польщен. Так, значит, ты видел ее, Джо? Я тоже должен повидаться с ней. И немедленно. Как бы это устроить, а?

Джо был удивлен:

— Но это *невозможно*, Хью. Да ты и сам должен знать.

— А почему это невозможно?

— Ты же не оскоплен, вот почему. Просто невозможно, и все.

— О господи!

— Очень жаль, но таково положение вещей. — Джозеф внезапно улыбнулся. — До меня тут дошли слухи, что ты едва не получил это право. Понс чуть не умер со смеху, узнав, как вы с Дьюком заорали, когда поняли, что вас ждет.

— Не вижу в этом ничего смешного.

— Понимаешь, Хью, просто у него большое чувство юмора. Он смеялся, когда рассказывал мне об этом. А я не смеялся, и тогда он решил, что у меня совсем нет чувства юмора. Разные люди смеются по разному поводу. Карен обычно любила поговорить с псевдонегритянским акцентом, при одном только звуке которого у меня сводило челюсти. Но она не хотела никого обидеть. Карен… она всегда хотела как лучше, я это знаю, ты это знаешь, и я не хочу больше говорить об этом. А ты знаешь, если бы ветеринар зашел с вами дальше, чем следовало, это стоило бы ему обеих рук. Понс так и передал ему. Ну, конечно, он позже, может, и смягчился бы — хороших хирургов не хватает. Но в принципе, намерения врача относительно вас были оправданны, поскольку ты

и Дьюк слишком велики и стары для жеребцов. Однако Понс не терпит разгильдяйства.

— Ладно, ладно. Я все-таки не понимаю, что плохого в том, если я повидаюсь с Барбарой и взгляну на детишек. Ты же, например, виделся с ней? А ведь ты тоже не оскоплен.

Джо начал слегка раздражаться:

— Хью, но ведь это разные вещи. Неужели ты не понимаешь?

— Почему же разные?

Джо вздохнул:

— Хью, не я устанавливаю правила. Но, согласно им, я Избранный, а ты — нет, и все тут. Я же не виноват, что ты белый.

— Хорошо, хорошо. Забудем об этом.

— Нужно радоваться, что хоть один из нас, в данном случае я, находится в положении, когда может помочь остальным. Ты понимаешь, что вас всех казнили бы, если бы с вами не было меня?

— Да, мне это уже приходило в голову. Хорошо, что ты говорил по-французски. И *он* тоже.

Джо покачал головой:

— Французский здесь ни при чем. Он просто сэкономил нам время. Дело в том, что там был именно *я*... только поэтому вы были освобождены от всякой ответственности. Единственное,

что требовалось установить, — это меру моей виновности. Надо мной нависла опасность, — Джо нахмурился, — я до сих пор еще не совсем оправдан. То есть я имею в виду, что Понс уже окончательно убежден в моей невиновности, но дело обязательно должен рассмотреть верховный лорд-владетель — это его заповедник, а Понс просто его хранитель. Меня еще могут казнить.

— Джо, но за какие же грехи тебя могут казнить?

— О, их множество! Сам суди. Если бы вы, белые, вчетвером были без меня, то Понс приговорил бы вас, даже не удостоив взглядом. Два тяжких преступления, и оба очевидны. Беглые. Слуги, которые сбежали от своего господина. Плюс бродяжничество, наносящее ущерб личному имению лорда-владетеля. Дело совершенно ясное в обоих случаях, и в обоих случаях приговор один — смертная казнь. Не убеждай меня, что все было не так, я сам это прекрасно знаю, но ты не представляешь себе, какого труда мне стоило убедить в нашей невиновности Понса, да еще на языке, который толком оба не знаем. И опасность меня все еще не миновала. Тем не менее, — он просиял, — Понс сказал мне, что лорд-владетель затратит еще многие годы на то, чтобы рассмот-

реть все те дела, по которым должен вынести обвинительные заключения, и что он уже на протяжении многих лет не только не посещал своих владений здесь, но даже и не приближался к ним. Так что к тому времени, когда очередь дойдет до меня, следов нашего пребывания в районе убежища не останется. Деревья там сажают уже сейчас, а подсчета количества медведей, оленей и прочей живности никто не производил. Поэтому Понс советовал мне не беспокоиться.

— Что ж, это хорошо.

— Ты думаешь, мне не составило труда убедить Понса? Как бы не так! Дать своей тени коснуться лорда-владетеля — серьезный проступок, не говоря уже о том, чтобы чихнуть в его присутствии. Поэтому, сам понимаешь, незаконное вторжение в его личные земли — это тяжелейшее преступление, и его нельзя воспринимать легкомысленно. Но раз Понс говорит «не беспокойся» — я не беспокоюсь. Он относится ко мне как к гостю, а не как к пленнику. Ну ладно, теперь расскажи о себе. Я слышал, что ты учился Языку. Я ведь тоже: как только выдавалось свободное время, тут же являлся преподаватель.

Хью продемонстрировал свои познания:

— С благосоизволения их милости, ничтожный

слуга, как, вероятно, прекрасно известно их превосходительству, не осмеливался посвящать свое время ничему иному.

— Ого! Ты говоришь на нем лучше, чем я.

— У меня были хорошие стимулы, — ответил Хью, перейдя на английский. — Джо, а ты виделся с Дьюком? Или с Грейс?

— С Дьюком нет. И не пытался. Понс почти все время был в разъездах и постоянно брал меня с собой. Так что я был ужасно занят. А Грейс я встречал. Возможно, тебе удастся свидеться с ней. Она часто бывает в этих покоях. Это единственный для тебя шанс поговорить с ней. Только здесь. И только в присутствии Понса. Следует отдать ему должное: он не ревнитель протокольных предрассудков. В узком кругу, я имею в виду. На людях он старается соблюдать лицо.

— Хм… Джо, в таком случае не мог бы ты попросить его позволить мне увидеться с Барбарой и близнецами? Здесь, в его присутствии?

Джо стал раздражаться:

— Хью, ну как ты не понимаешь, что я всего-навсего гость? Я здесь на птичьих правах. У меня нет ни одного собственного слуги, нет денег, нет титула. Я сказал, что ты, *возможно*, встретишься с Грейс, но не утверждал, что ты обязательно ее

увидишь. Если это произойдет, то только потому, что Понс пошлет за тобой и не сочтет нужным удалять ее из покоев — но ни в коем случае не *ради тебя*. А что касается того, чтобы попросить его устроить тебе свидание с Барбарой, я просто не могу и заикнуться об этом. И все тут! И тебе не советую. Иначе ты на своей шкуре убедишься, что его жезл — не игрушечная погонялка.

— Но я только хотел…

— Тихо! Он идет.

Джо устремился навстречу патрону. Хью стоял потупив глаза, с опущенной в поклоне головой и ждал, когда на него обратят внимание. Понс вошел большими шагами, одетый почти так же, как и при первой встрече, только шлем заменяла на этот раз небольшая красная шапочка. Он приветствовал Джо, тяжело уселся на диван и вытянул ноги. Док Ливингстон тут же вскочил ему на колени. Понс погладил его. Неизвестно откуда появились две служанки, сняли обувь со своего хозяина, обтерли ему ноги мокрым горячим полотенцем, затем вытерли их, помассировали, обули шлепанцы и исчезли.

Пока завершались эти манипуляции, лорд-протектор о чем-то беседовал с Джозефом. Смысла Хью полностью не понимал, выхватывая из раз-

говора лишь отдельные слова. Но он обратил внимание, что вельможа в разговоре с Джо использует форму равенства и что тот отвечает ему тем же. Поэтому Хью решил, что положение Джо упрочилось так, что лучше и не надо, — почти так же, как и положение Дока Ливингстона. Что ж, Джо и в самом деле довольно симпатичный парнишка.

Наконец лорд обратил внимание и на Хью:

— Садись, бой.

Хью сел на пол. Лорд продолжал:

— Ну что, ты выучил Язык? Нам сказали, что ты владеешь им.

— С позволения их милости, ничтожный раб посвящал все свое время этой благородной цели, хотя результат и довольно плачевен, о чем их милость имеет, видимо, честь судить несравненно лучше, чем их слуга.

— Что ж, неплохо. Произношение бывает и хуже. Но ты пропустил инфикс. Как тебе нравится погода?

— С позволения их милости, погода стоит именно такая, какой установил ее Дядя Всемогущий. И ежели любимейший племянник Всевышнего довольствуется ею, то что же может осмелиться сказать по этому поводу его ничтожнейший

слуга?

— Хорошо. Акцент есть, но понять можно легко. Поработай еще над произношением. Передай своим учителям, что так распорядились мы. А теперь оставь этот глупый стиль. У меня нет времени выслушивать все эти обороты. Отныне в разговоре со мной всегда используй речь равных. Наедине, естественно.

— Хорошо, я… — Хью запнулся, так как вернулась одна из служанок и, встав на колени, подала повелителю какое-то питье на подносе.

Понс посмотрел на Хью, затем перевел взгляд на девушку.

— Это? Не обращай внимания, они глухонемые. Так что ты там говорил?

— Я хотел сказать, что не успел составить представления о погоде, так как просто не имел возможности судить о ней с тех пор, как попал сюда.

— Само собой. Я отдал распоряжение, чтобы тебя как можно быстрее выучили Языку, а мои слуги воспринимают приказы буквально. Никакого воображения. Ладно, с нынешних пор тебе дадут возможность гулять на свежем воздухе каждый день по часу. Скажи об этом тому, кто занимается тобой. Просьбы имеются? Как кормят?

Как обращаются?

— Питание неплохое. Вообще я привык есть три раза в день, но…

— Можешь питаться хоть четыре раза. Опять же: скажи об этом кому следует. Ну, довольно. Перейдем теперь к другим вопросам. Хью… тебя ведь так зовут?

— Совершенно верно, их милость.

— Разве ты не слышал? Я сказал: «Пользуйся речью равных». Мое частное имя — Понс. Так меня и называй. Хью, если бы я сам не нашел вас, если бы я не был ученым и если бы я своими глазами не видел тех артефактов в строении, которые вы называете домом, я бы не поверил в вашу историю. Но поскольку я все это видел, я должен верить. Я совсем не суеверен. Пути Дяди неисповедимы, но чудес он не творит… И я не побоюсь сказать то же самое в любом из его храмов на земле, как бы неортодоксально это ни звучало. Но… так сколько времени прошло, Джо?

— Две тысячи сто три года.

— Ну, скажем, две тысячи. Что с тобой, Хью?

— О, ничего, ничего.

— Если тебя тошнит, то лучше выйди. Я сам выбирал эти ковры. Как я уже говорил, ваша история дала пищу для ума моим ученым; и это

хорошо: за последние годы они не выдумали ничего лучше какой-нибудь усовершенствованной мышеловки. Ленивые отродья! Я приказал им явиться ко мне с разумным ответом на вопрос, не ссылаясь на всякие там чудеса, как пять человек или шесть, а заодно и довольно массивное строение, могли преодолеть пропасть в двадцать веков так, что ни один волос не упал с их головы? Это, конечно, преувеличение. Джо говорил мне, что сломал себе пару костей и еще кое-какие мелочи.

Кстати, о костях. Джо предупреждал меня, что разговор о них вряд ли придется тебе по душе, да и ему тоже, но я приказал моим ученым потревожить кое-какие кости. Анализ изотопов стронция — вот как это называется, но ты вряд ли когда-нибудь слышал об этом. Верное доказательство, что труп достиг зрелости до периода максимальной радиоактивности… Слушай, я ведь предупреждал тебя насчет ковров. Не смей!

Хью сглотнул. «Карен! Карен! Моя милая девочка!»

— Ну как? Тебе лучше? Наверное, сразу следовало сообщить тебе, что там присутствовал священник и были произведены все необходимые церемонии. Все было в точности так же, как

если бы она была одной из Избранных. Специальная служба по моему разрешению. А после того как были произведены исследования, каждый атом вернули на место и могила была зарыта с соблюдением всех положенных обрядов.

— Это правда, Хью, — сурово сказал Джозеф. — Я был там. И возложил на могилу свежие цветы. Цветы, которые всегда будут свежими, — так мне и сказали.

— Конечно будут, — подтвердил Понс. — До тех пор, пока не распадутся от обычной эрозии. Я не знаю, почему вы используете для этого цветы, но, если необходимы еще какие-нибудь обряды или нужно принести какие-нибудь жертвы во искупление того, что, на ваш взгляд, является осквернением, просто скажи. Я человек широких взглядов. Я прекрасно понимаю: в другие времена обычаи были иными.

— Нет. Нет, пусть будет так.

— Как хочешь. Все это пришлось сделать из соображений научной необходимости. Мне показалось, что это разумнее, чем ампутировать один из твоих пальцев. Другие тесты также заставили моих ученых примириться с очевидностью. Пища, законсервированная методом настолько древним, что я сомневаюсь, знает ли кто-нибудь

из современных специалистов по гастрономии, как его воспроизвести… и все же продукты оказались вполне съедобными. По крайней мере, нескольким слугам приказали их есть — и никто не отравился. Необходимо упомянуть об удивительном перепаде радиоактивности между внутренней и наружной поверхностью крыши. Я намекнул ученым на этот факт. Основываясь на информации, полученной от Джо, я приказал им искать данные в подтверждение того, что это событие произошло в начале войны между Западом и Востоком, в ходе которой было уничтожено все Северное полушарие.

И они нашли эти данные. Расчеты показали, что сооружение, вероятно, находилось в эпицентре атомно-ядерного взрыва. И все же оно оказалось целехонько. На почве этого возникла гипотеза настолько дикая, что я не буду утомлять тебя, излагая ее. Ученым же я просто велел продолжать исследования.

Но самое главное — это целый ряд подлинных исторических сокровищ. Я ведь историк, Хью. История, если к ней умело подобрать ключи, может поведать обо всем на свете. И сокровищем, само собой, являются те книги, которые попали сюда вместе с вами. Я, не преувеличивая, могу

сказать, что теперь они — самое ценное мое достояние. В мире имеется всего лишь две копии «Британской энциклопедии», но они другого издания и пребывают в таком плачевном состоянии, что представляют собой скорее раритет, нежели источник, с которым мог бы работать ученый. В Смутные времена о них, видимо, никто не заботился. — Понс откинулся назад. Он казался прямо-таки счастливым. — Но зато *моя* — в превосходном состоянии! — И добавил: — Я прекрасно сознаю значимость и других книг. Буквально все они — сокровища. Особенно «Приключения Одиссея», которые известны только по названию. Наверно, иллюстрации тоже относятся ко временам Одиссея?

— Боюсь, что нет. Художник в мое время был еще жив.

— Это плохо. Но тем не менее они превосходны. Примитивное искусство, гораздо более сильное, чем современное. Но я слегка преувеличил, сказав, что книги — самое ценное мое приобретение.

— Почему?

— Потому что самое ценное — это ты! Вот почему! Разве ты не рад этому?

Хью слегка помедлил, затем ответил:

— Рад, если это правда. — «Если правда то, что я твоя собственность, надменный ублюдок, то пусть уж я лучше буду ценной собственностью».

— О, конечно, конечно. Если бы ты говорил в модальности подчиненного, ты не мог бы выразить сомнение. Помни, Хью, я никогда не лгу. Ты и тот, другой… Как его, Джо?

— Дьюк.

— Вот-вот, Дьюк. Джо очень высокого мнения о твоей образованности и более низкого — о его. Но дай я объясню. Есть ученые, которые владеют древним английским. Правда, не в моем доме. Поскольку он не лежит в основе современного Языка, занимаются им очень немногие. Тем не менее ученых я мог бы найти. Но ни один из них не сравнится с тобой. Ты *жил* в те времена, следовательно, сможешь делать переводы со знанием дела, без этих сводящих с ума четырех, а то и пяти разных толкований одного и того же отрывка, которые обесценивают бóльшую часть переводов древних текстов, а все потому, что ученые не знают, о чем же на самом деле писал древний автор. Я имею в виду незнание культурного контекста. И, вне всяких сомнений, ты можешь объяснить мне вещи, которые очевидны для тебя и непонятны мне.

Ведь так? Теперь ты понимаешь, что мне нужно? Начинай с «Британской энциклопедии». Приступай к работе прямо сегодня, садись за перевод. Делай его как можно скорее, царапай как-нибудь, а уж в презентабельный вид текст приведет кто-нибудь другой. Понимаешь? Ну и хорошо, тогда иди и начинай.

Хью с трудом сглотнул:

— Но, Понс, дело в том, что я не умею писать на Языке.

— Что?!

— Меня обучили только говорить, но никто не учил меня читать и писать.

Понс прикрыл глаза:

— Мемток!

Главный управляющий дворца появился так быстро, что можно было заподозрить, что он ждал прямо за дверью. Так и было: он стоял там, подслушивая, о чем (Мемток был в этом уверен) лорд-протектор не подозревал… ведь Мемток все еще оставался в живых. Такие проделки, конечно, были довольно рискованны, но он считал их необходимыми для более тщательного исполнения своих обязанностей. Во всяком случае, было безопаснее шпионить за их милостью самому, чем конспиративно засылать к нему не совсем

глухонемую прислугу.

— Мемток, я ведь велел тебе научить его говорить, читать и писать на Языке!

Хью слушал их разговор, потупив глаза, в то время как главный управляющий пытался возражать, что подобного приказа ему никто не отдавал (это действительно было так), но тем не менее он был выполнен (очевидная ложь), и что он вовсе не пытается возражать лорду-протектору (вещь совершенно нетерпимая, невозможно даже и представить, чтобы кто-нибудь пытался)…

— Чушь, — оборвал Понс. — Я и сам не могу понять, почему я никак не отправлю тебя в угольные шахты. Ты бы живописно смотрелся в забое. Твою бледную кожу прекрасно оттеняла бы въевшаяся в нее здоровая угольная пыль. — Он слегка пошевелил своим жезлом, и Мемток побледнел еще больше. — Ладно, исправляй свой промах. Пусть полдня с ним занимаются чтением и письмом, а другую половину дня пусть он переводит и диктует в рекордер. Я мог бы и раньше подумать о диктовке — письмо занимает слишком много времени. Но все равно я хочу, чтобы он умел читать и писать. — Он повернулся к Хью. — Еще что-нибудь тебе нужно? Подумай.

Хью откликнулся витиеватой фразой с необозначенной направленностью речи, с помощью которой попросить было ничего нельзя, поскольку речь адресовалась от нижестоящего к вышестоящему.

Понс прервал его:

— Говори прямо, Хью. Мемток, зажми уши. В присутствии Мемтока можешь обходиться без церемоний. Он член моей внутренней Семьи, мой племянник по духу, даже если моя старшая сестра так не считает. Можешь открыть уши, — обратился он к главному управляющему.

Мемток расслабился и постарался принять вид настолько доброжелательный, насколько позволяло вечно кислое выражение его лица.

— Ну что же, Понс, в таком случае мне нужен кабинет для работы. Моя комнатушка размером примерно с этот диван.

— Скажи, что тебе необходимо.

— Ну, мне нужна комната с естественным освещением, с окнами, площадью примерно в одну треть этой. Столы для работы, книжные полки, принадлежности для письма, удобное кресло… Да, и доступ в туалет без очереди — это мешает работе.

— А разве ты лишен этого?

— Да. И еще: я не уверен, что мои мыслительные процессы стимулируются под воздействием хлыста.

— Мемток, ты наказывал его хлыстом?

— Нет, Дядюшка, клянусь чем угодно!

— Ты способен поклясться и будучи застигнутым на месте преступления. Кто наказывал его?

Хью осмелился вмешаться в разговор:

— Я не жалуюсь, Понс. Но эти хлысты нервируют меня. К тому же я не знаю, кто имеет право отдавать мне приказы. По-моему, кто угодно. Я так и не сумел выяснить свой статус.

— Ммм… Мемток, какое положение он занимает в Семье?

Главный слуга вынужден был признать, что ему так и не удалось решить эту проблему.

— Тогда давайте решим ее на месте. Назначим его главой департамента. Допустим, Департамента древней истории. Титул: главный исследователь. Это значит, что, по старшинству он следует сразу после тебя, Мемток. Извести об этом всех. Я делаю так, чтобы показать, насколько этот слуга ценен для меня. Любого, кто посмеет мешать ему работать, велю разделать под отбивную. Скорее всего, новый Департамент будет состоять из одного человека, но ты сделай все, что необходимо,

чтобы он выглядел посолиднее: придай ему твоих учителей, еще кого-нибудь, кто занимался бы рекордером и подготовлял материалы для меня, найди корректора или двух, помощника, который бы присматривал за ним. Я не хочу, чтобы Хью тратил свое драгоценное время на всякие мелочи. Посыльного. В общем, сам понимаешь. По этому дому без работы болтаются десятки бездельников, которые только даром едят свой хлеб. Они вполне могли бы украсить Департамент древней истории. А теперь приготовь небольшой хлыст и малый значок. Пошевеливайся.

Через считаные минуты на Хью уже висел медальон, ненамного меньше, чем тот, который украшал грудь Мемтока. Понс взял хлыст и что-то вынул из него.

— Хью, я не дам тебе заряженный хлыст, потому что ты все равно не умеешь обращаться с ним. Если один из твоих оболтусов будет нуждаться во взбучке, Мемток всегда будет рад помочь. Может быть, позже, когда ты научишься пользоваться жезлом, мы посмотрим. Ну а теперь… Ты удовлетворен?

Хью решил, что сейчас не время просить о свидании с Барбарой. По крайней мере, не в присутствии Мемтока. Но он начинал надеяться.

Его и Мемтока отпустили одновременно. И Мемток не стал возражать, когда Хью вышел не сзади, а рядом с ним.

13

Мемток хранил молчание все время, пока они возвращались в апартаменты слуг. Он прикидывал, как бы использовать неожиданный поворот событий в свою пользу.

Статус дикаря беспокоил главного управляющего с момента появления того здесь. Он никак не вписывался в обстановку, а в мире Мемтока все должно было укладываться в определенные рамки. Что ж, теперь дикарь получил утвержденный статус. Их милость сказал, и этого было достаточно. Но ситуация ничуть не улучшилась. Новый статус был таким нелепым, что сводил на нет всю низовую структуру дворца — весь мир Мемтока.

Но Мемтоку нельзя было отказать в благоразумии и практичности. Краеугольным камнем его философии являлась житейская мудрость: «Лбом каменную стену не прошибешь», а его излюбленная стратегия заключалась в неизменном следовании правилу: «Если не можешь одолеть

врага, стань его другом».

Как бы сделать так, чтобы нелепое возвышение этого дикаря выглядело естественным и необходимым и пошло бы на пользу главному управляющему?

Дядя! Да ведь этот дикарь даже не оскоплен. И скорее всего, не будет. По крайней мере, в ближайшее время. Возможно, позже — тогда все, более или менее все встанет на свои места. Мемток был поражен, когда их милость велел отложить неизбежное. Своего оскопления он почти не помнил. Чувства и мотивы поступков того времени были для него лишь призрачным смутным воспоминанием — как будто о другом человеке. Дикарю не имело смысла поднимать вокруг операции столько шума, ведь оскопление придавало назначению подлинный вес. Мемток предвкушал еще лет пятьдесят активной деятельности, власти, приятной жизни — кто из жеребцов может мечтать о такой?

Но этот, по-видимому, мог. Как бы все-таки скрасить все это?

Достопримечательность — вот что представлял собой дикарь. У всех великих лордов были свои достопримечательности. Временами, общаясь с членами своей касты, Мемток очень смущал-

ся, что его собственный повелитель совсем не интересуется достопримечательностями. В его имении не было ни сиамских близнецов, ни даже, на худой конец, двухголового уродца. Не было и карлика с перепонками между пальцами. Их милость был — следует признать это — слишком прост в своих вкусах для человека столь высокого положения. Иногда Мемтоку становилось отчасти стыдно за него. Ведь повелитель почти все свое время проводит над свитками и всякими такими вещами, в то время как ему следовало бы позаботиться о чести дома.

Вот, к примеру, тот лорд в Хинде… Какой у него был титул? Принц чего-то или еще что-то, не менее глупое. Но, несмотря на это, у него была огромная клетка, где жеребцы и самки совокуплялись с громадными обезьянами, причем и те и другие бормотали что-то одинаково неразборчивое, так что их вполне можно было перепутать, — Языка они не знали и отличались только волосатостью. Вот это была достопримечательность, достойная поистине великого владения! Главный управляющий того лорда клялся Дядей, что у них есть и живые выродки, появившиеся на свет в результате такого скрещивания, только они спрятаны так, чтобы жрецы

не узнали о них. Это вполне могло быть и правдой, поскольку, например, несмотря на то что официально дети от связей между Избранными и слугами считались невозможными, они все же появлялись, хотя согревательницы постелей проходили стерилизацию. Конечно, подобным ошибкам природы не дозволялось увидеть свет.

Значит, достопримечательность — вот под каким соусом его следует представить. Неоскопленный, который тем не менее стал ответственным слугой. Знаменитый ученый, который не умеет даже толком говорить на Языке, хотя он ничуть не моложе Мемтока. Человек из ниоткуда. Со звезд. Ведь любому известно, что где-то на звездах есть люди.

А может быть, чудо? Ведь храмы постоянно стараются обнаружить наличие чудес, и тогда, возможно, очень скоро это владение станет самым знаменитым благодаря своей достопримечательности. Да. Это вполне осуществимо. Слово здесь, слово там, завуалированный намек…

— Хью, — сердечно произнес Мемток, — можно я буду звать тебя просто Хью?

— Что? Ах да, конечно!

— А ты зови меня Мемток. Давай немного прогуляемся и выберем помещение для твоего

Департамента. Я так думаю, что ты предпочел бы солнечное место. Может быть, комнаты, выходящие окнами в сад? А как насчет личных апартаментов? Должны они примыкать к помещению департамента или ты предпочел бы, чтобы они располагались отдельно?

Лучше последнее, подумал Мемток. Можно выкинуть старшего садовника и старшего над жеребцами и отдать оба их помещения дикарю — вот тогда все поймут, какой важной птицей является эта достопримечательность… а заодно и настроить их обоих тем самым против дикаря. Тогда он быстро поймет, кто его друг. А им будет, конечно же, Мемток, и никто другой. Кроме того, садовник последнее время стал заносчив, намекая, что он не обязан подчиняться главному управляющему. Ему не повредит небольшая встряска.

— О, мне не нужно ничего особенного, — заверил Хью.

— Пошли, пошли! Необходимо, чтобы у тебя были все удобства. Мне и самому подчас хочется куда-нибудь скрыться от всех этих треволнений. Но я не могу: проблемы, проблемы, целые дни напролет — одни проблемы, а все потому, что некоторые совершенно не способны думать

самостоятельно. Так что нам очень не хватает умного человека. Мы подберем тебе и твоему слуге удобные помещения, где вам обоим вполне хватит места.

Слуга? Но где найти такого малого, оскопленного и достаточно надежного, которому можно было бы поручить докладывать обо всем, будучи при этом уверенным, что информация не станет достоянием посторонних ушей? Если сейчас кастрировать сына его старшей сестры, успеет ли тот оправиться вовремя? И оценит ли сестра всю мудрость подобного решения? Он возлагал на парня очень большие надежды. Мемток в глубине души сознавал, что когда-нибудь ему придется уйти — разумеется, не скоро, через много лет, — и лучше всего, если бы этот высокий пост унаследовал его родственник. Но все должно быть спланировано, и чем раньше он начнет выстраивать этот план, тем лучше. Хорошо бы еще убедить сестру!

Мемток вел Хью по людным коридорам. Слуги так и прыскали в сторону при их приближении. Кроме одного — он неудачно споткнулся и был наказан за свою неловкость укусом хлыста.

— Боже мой! Какое огромное здание!

— Это? Подожди, ты еще не видел дворца! Прав-

да, он, несомненно, скоро развалится под умелым руководством моего заместителя. Хью, ведь здесь только четверть всего персонала. Тут устраиваются лишь вечеринки в саду, а не официальные торжества. И только для горстки гостей. В городе же к нам постоянно прибывают и убывают Избранные. Иногда меня по нескольку раз за ночь поднимают с постели, чтобы я приготовил покои для какого-нибудь лорда, прибывшего без всякого предварительного уведомления, и его дам. В таких случаях мне всегда помогает предусмотрительность. Отпирая двери крыла для гостей, я всегда знаю — *знаю*, заметь, — что кровати застелены свежим, ароматным бельем, что гостей ожидают напитки, нигде ни пылинки и мягко играет музыка.

— Да, но это, наверное, обеспечивается безукоризненной работой прислуги.

— Безукоризненной! — фыркнул Мемток. — Хотел бы я согласиться с тобой. На самом деле все это стоит мне немалых усилий: ежедневно перед сном, независимо от того, устал я или нет, я совершаю обход каждой из комнат. Затем я еще должен встать и убедиться, что недочеты устранены, не полагаясь на заверения слуг. Они все лжецы, Хью. Слишком много Счастья. Их милость

слишком щедр, он никогда не урезает рацион.

— Я считаю, что питание вполне достаточное. И качественное.

— Я ведь не сказал «пища», я сказал «Счастье». Я распоряжаюсь пищей и не считаю, что этих дармоедов нужно морить голодом в качестве наказания. Хлыст куда лучше. И они это понимают. Всегда помни, Хью: у большинства слуг мозгов как таковых нет. Они так же легкомысленны, как и Избранные… Это, естественно, не относится к их милости — я бы никогда не посмел критиковать своего патрона. Я говорю об Избранных вообще. Ну, ты сам понимаешь. — Он подмигнул Хью и шутливо ткнул его пальцем.

— Я знаю об Избранных не так уж много, — сказал Хью. — Да и почти не встречал их.

— Ничего… еще повстречаешь. Чтобы иметь хоть небольшое соображение, недостаточно одной темной кожи, хотя в храмах и учат обратному. Только учти: цитировать мои слова не нужно, да я и не признаюсь никогда, что говорил такое. Но… как ты думаешь, кто в действительности управляет этим имением?

— Я здесь слишком недолго, чтобы составить какое-нибудь мнение.

— Весьма проницательно. Ты мог бы пойти

очень далеко, если бы был честолюбив. Тогда, позволь, я объясню. Если их милость уезжает куда-нибудь, хозяйство продолжает функционировать, будто ничего не случилось. Но если уеду или позволю себе заболеть я… Ты знаешь, я просто боюсь подумать о таком. — Он взмахнул хлыстом. — И *они* это знают. С его дороги они так быстро не сворачивают, как с *моей*.

Хью решил переменить тему:

— Я все-таки не понял твоего замечания относительно рациона счастья.

— Разве ты не получал Счастья?

— Я даже не знаю, что это такое.

— Ого! А ведь причитающиеся тебе и твоим учителям порции отправляли каждый день. Они, значит, до вас не доходили? Придется заняться расследованием. Что касается Счастья… Я сейчас покажу тебе кое-что.

Мемток поднялся по пандусу и вывел Хью на небольшой балкон. Перед ними простирался центральный обеденный зал для слуг, по которому змеились три очереди.

— Сейчас как раз время раздачи, — само собой, для жеребцов отведено другое время. Счастье можно получить в виде пищи, питья или курева. Доза во всех случаях одинакова, но некоторые

считают, что курение доставляет наиболее утонченное наслаждение.

Некоторых слов не было в словаре Хью, он так и сказал Мемтоку. Тот ответил:

— Сам поймешь. Счастье улучшает аппетит, успокаивает нервы, гарантирует крепкое здоровье, заменяет все виды удовольствий и абсолютно лишает честолюбия. Вся штука в том, что следует либо пользоваться им постоянно, либо совсем не пользоваться. Я лично никогда не принимал его регулярно, даже будучи жеребцом, потому что был честолюбив. И сейчас прибегаю к нему только изредка — по праздникам и всяким таким случаям, в самых умеренных количествах. — Мемток улыбнулся. — Сегодня вечером сам узнаешь.

— Как это?

— А разве я не говорил тебе? Сегодня после вечерней молитвы устраивается банкет в твою честь.

Хью почти не слышал его. Он напряженно всматривался в длинную очередь, пытаясь разглядеть Барбару.

В качестве почетного эскорта Мемток избрал старшего ветеринара и главного инженера имения. Хью был слегка обеспокоен таким

вниманием со стороны врача, памятуя о своем беспомощном положении при предыдущей встрече с этим человеком.

Но ветеринар был сама сердечность.

Мемток восседал во главе длинного стола. Хью расположился по правую руку от него, а остальные места занимали двадцать начальников других департаментов. За стулом каждого гостя стоял лакей, а непрерывные вереницы других слуг появлялись и исчезали, принося и унося приборы и блюда. Банкетный зал был великолепен, обстановка была роскошной, а празднество было пышным и продолжительным. Хью не мог представить себе, какой же должна быть пища Избранных, если их верховные слуги питались так роскошно.

Вскоре он отчасти узнал это. Мемтоку подавали дважды: сначала из общего меню, затем из особого. Эти другие блюда он только пробовал, откладывая их на отдельную тарелку. Из общего меню он ел понемногу и иногда отказывался от блюд.

Мемток заметил взгляд Хью.

— Это обед лорда-протектора. Хочешь попробовать? На свой страх и риск, разумеется.

— Какой риск?

— Яд, конечно. Когда человеку больше ста лет, естественно, что его наследники пребывают в нетерпении. Не говоря уже о конкурентах в бизнесе, политических противниках и бывших друзьях. Не бойся: блюда пробует дегустатор за полчаса до того, как их отведает их милость или я, да и то в этом году мы потеряли всего одного дегустатора.

Хью решил, что Мемток испытывает его, и зачерпнул полную ложку.

— Нравится? — поинтересовался главный управляющий.

— Пожалуй, чересчур жирновато.

— Слышишь, Гну? Наш новый кузен — человек утонченного вкуса. Слишком жирно. Боюсь, в один прекрасный день тебя самого зажарят в собственном жиру. Дело в том, Хью, что мы едим лучше, чем Избранные, хотя сервируется их стол в Большом зале гораздо роскошнее. Но я гурман и люблю артистизм в еде. А его милости все равно, что он ест, лишь бы оно не визжало, когда его кусаешь. А если ему подать блюдо под слишком изощренным соусом или с экзотическими специями, то он просто отошлет все это обратно и потребует кусок мяса, хлеба и стакан молока. Верно я говорю, Гну?

— Ты же сам знаешь.

— И все труды насмарку.

— Точно, — вздохнул шеф-повар.

— Поэтому лучшие повара кузена Гну работают на нас, а уж Избранные перебиваются такими, главное умение которых состоит в том, чтобы обтянуть приготовленную птицу кожей, не повредив перьев. А теперь, кузен Хью, с твоего позволения, я поднимусь в Большой зал и прослежу за тем, чтобы шедевр кузена Гну выглядел лучше, чем он есть на самом деле. В мое отсутствие не верь тому, что они будут говорить обо мне, хотя все это сущая правда. — Он показал зубы, состроив гримасу, которая, видимо, должна была обозначать улыбку, и вышел.

Некоторое время все молчали. В конце концов кто-то — Хью показалось, что это начальник транспортной службы, — рискнул утолить свое любопытство:

— Главный исследователь, а в чьем имении вы находились, прежде чем были приняты к нам, осмелюсь спросить?

— Спрашивайте. Владение Фарнхэма, чрезвычайного владетеля.

— Вот как! Вынужден признать, что титул вашего Избранного мне внове. Может быть, это

новый титул?

— Наоборот, очень старый, — ответил Хью. — Исключительно древний и установленный самим Всемогущим Дядей, благословенно будь имя его. Грубо говоря, этот титул приближается к королевскому, но только старше.

— Неужели?

Хью подумал, что можно дать волю своей фантазии. Из разговоров он знал, что Мемток осведомлен о великом множестве вещей, но почти ничего не понимает в истории, географии и вообще в том, что выходит за пределы жизни в имении. А из своих занятий Языком он усвоил, что слуга, умеющий читать и писать, — большая редкость, если только эти знания не необходимы ему, чтобы исполнять свои обязанности. Такое положение господствовало даже среди старших слуг. Мемток с гордостью заявил ему, что он подал прошение о том, чтобы ему позволили научиться читать, когда был еще жеребцом. И потом учился до седьмого пота, вызывая смех других жеребцов. «Я мог бы провести среди жеребцов еще пять лет, а то и все десять, но, как только я научился читать, я сразу же подал прошение об оскоплении, — сказал он Хью. — Так что последним в этой истории смеялся я, и где теперь те, что смея-

лись надо мной? Я умею заглядывать в будущее».

Так что Хью решил, что если уж врать, то напропалую. Большая ложь легче могла сойти за правду.

— В доме Фарнхэм этот титул сохраняется в неприкосновенности вот уже на протяжении трех тысяч лет. Линия преемственности, благодаря Всемогущему Дяде, не прерывалась ни разу, даже в Смутные времена в период Изменения. Божественное происхождение титула дает право его носителю разговаривать с владетелем на равных, на «ты». — Хью гордо выпрямился. — А я был главным фактотумом лорда Фарнхэма.

— И в самом деле, благородный дом. Но что такое «главный фактотум»? У нас здесь нет такого поста. Это управляющий?

— И да, и нет. Главный управляющий находился под началом фактотума.

Собеседник ахнул.

— И все остальные слуги тоже — домашние и не только: те, что отвечают за бизнес, политику, или аграрии, все. Конечно, ответственность колоссальная.

— Надо думать!

— В самом деле. Я стал стареть, и здоровье мое начало ухудшаться… Я перенес временный па-

ралич нижних конечностей. По правде говоря, ответственность никогда не прельщала меня: по натуре я ученый. Поэтому я подал прошение, чтобы меня перевели в другую Семью… и вот я здесь, личный ученый Избранного, который имеет склонности, схожие с моими собственными. Весьма подходящее для моих преклонных лет положение.

Тут Хью понял, что, по крайней мере, в одном он зашел слишком далеко, так как ветеринар поднял голову:

— Насчет паралича. При осмотре я не заметил никаких его признаков.

«Черт бы побрал этих докторов, вечно они озабочены только своими профессиональными проблемами», — раздраженно подумал Хью.

— Паралич разбил меня внезапно, однажды утром, — спокойно парировал он удар. — И с тех пор больше ни разу меня не беспокоил. Но для человека моего возраста это было первым предупреждением.

— А каков же ваш возраст? Интересуюсь, конечно, чисто профессионально. Могу я задать такой вопрос?

Хью попытался принять такой же надменный вид, как у Мемтока:

— Не можешь. Я сообщу его, когда мне понадобятся твои услуги. Но, — добавил он, чтобы разрядить обстановку, — могу честно признаться, что рожден я на несколько лет раньше, чем их милость.

— Удивительно, с точки зрения вашего физического состояния — мне оно показалось весьма приличным, — я дал бы вам не больше шестидесяти.

— Это у нас в крови, — загадочно ответил Хью. — Я не первый из нашей линии, кто прожил очень длинную жизнь.

От других вопросов его спас приход главного управляющего. Все встали. Хью вовремя не заметил вошедшего, поэтому продолжал сидеть. Но Мемток даже если и остался недоволен, то ничем не выдал этого. Садясь рядом, он хлопнул Хью по плечу:

— Бьюсь об заклад, они рассказали тебе, что я пожираю собственных детей.

— Напротив, у меня сложилось впечатление, что все вы — одна большая семья, которую возглавляет любящий дядюшка.

— Лжецы, все они лжецы. Ну, остаток вечера я свободен, если только не случится что-нибудь из ряда вон выходящее. Их милость знает, что

мы тут пируем в твою честь, и великодушно разрешил мне не являться больше в Большой зал. Поэтому мы теперь можем расслабиться и повеселиться. — Главный управляющий постучал ложкой по кубку. — Кузены и племянники, предлагаю тост за здоровье нашего нового родственника. Вы, может быть, уже слышали, что я сказал: лорд-протектор очень доволен нашей скромной попыткой дать возможность кузену Хью чувствовать себя как дома в Семье их милости. Но, я думаю, невозможно не заметить, что жезл, которым обладает кузен Хью, не малый хлыст, а хлыст чуть поменьше моего. — Мемток хитровато улыбнулся. — Будем надеяться, что ему никогда не придется воспользоваться им.

Слова шефа вызвали бурю аплодисментов. Он сурово продолжал:

— Вы все должны знать, что даже мой старший заместитель не носит подобного символа власти, не говоря уже об обычном главе департамента… Я надеюсь, вы сами на основании этого сделаете вывод о том, что самый легкий намек кузена Хью, главного исследователя и помощника их милости по делам науки, назначенного личным приказом их милости, этот его намек — то же, что мой приказ. И не советую доводить дело до

того, чтобы я сам занимался разбирательством. А теперь — тосты! Поднимем бокалы все вместе, и пусть Счастье свободно вливается в наши жилы… Пусть тост скажет самый младший из нас, ну!

Вечеринка становилась шумной. Хью заметил, что Мемток пьет очень немного. Он вспомнил предупреждение и попытался следовать ему. Но это было невозможно. Главный управляющий мог пропустить любой из тостов, просто подняв бокал, но Хью, как почетный гость, чувствовал себя обязанным пить каждый раз.

Через какое-то время (Хью уже смутно представлял, сколько его прошло) Мемток отвел его в роскошные апартаменты. Хью чувствовал опьянение, но не ощущал неустойчивости, обычно сопровождающей его, — просто казалось, что тело парит над землей. Он чувствовал просветление, чувствовал, что в него вселилась мудрость веков, подплыв к нему на серебряном облаке и затопив душу ангельским счастьем.

Он так и не выяснил состава напитка. Что такое это Счастье? Алкоголь? Возможно. Бетель? Грибы? Может быть. Марихуана? Наверняка. Он должен набросать рецепт, пока вкус еще свеж в его памяти. Это как раз то, в чем нуждается Грейс. Он должен… Но, конечно же, это у нее теперь

есть. Просто прекрасно. Бедняжка Грейс… Он никогда не понимал ее… а ведь все, что ей было нужно, — это немного Счастья.

Мемток довел его до спальни. Поперек изножья его прекрасной новой кровати спало какое-то существо явно женского пола, белокурое и уютное.

Хью взглянул на нее со своей стофутовой высоты и недоуменно моргнул:

— Кто *это*?

— Согревательница твоей постели. Разве я не говорил тебе?

— Но…

— Все в порядке. Да-да, я знаю, что фактически ты жеребец. Но ты не сможешь причинить ей вреда: именно для подобной цели она и существует. Так что не беспокойся. Ее даже не оперировали: она естественно стерильна.

Хью повернулся, чтобы обсудить вопрос подробнее. Двигался он медленно из-за ощущения своей необъятной ширины и повышенной парусности. Мемток исчез. Хью почувствовал, что едва может добраться до постели.

— Подвинься, киска, — пробормотал он и мгновенно уснул.

Проснулся он поздно, но девица все еще была здесь. Она ждала его с завтраком. Хью почувство-

вал себя в ее присутствии как-то неудобно. И это не было следствием похмелья — похмелья не было. Видимо, Счастье не требовало подобной расплаты за злоупотребление им. Он чувствовал себя физически сильным, ум его обострился, единственное, что он испытывал, — сильное чувство голода. Но эта девочка-подросток смущала его.

— Как тебя зовут, киска?

— Да будет им известно, каково бы ни было имя их покорной слуги, это не имеет ни малейшего значения, и они могут звать ее, как им заблагорассудится, — она все равно будет более чем довольна.

— Ладно, ладно. Говори со мной как с равным.

— У меня нет настоящего имени, сэр. Чаще всего мне говорят: «Эй, ты!»

— Хорошо, тогда я буду звать тебя Киска. Тебя это устраивает? Ты в самом деле похожа на котенка.

На щеках у нее появились ямочки.

— Да, сэр! Это гораздо более приятно, чем «Эй, ты».

— Логично, в таком случае отныне ты — Киска. Можешь сказать об этом всем и больше не откликайся на «Эй, ты». Скажи, что имя присвоено

тебе официально главным исследователем, а если кто-нибудь усомнится, то пусть спросит у главного управляющего. Если осмелится.

— Да, сэр. Спасибо, сэр. Киска, Киска, — повторяла она на разные лады, как бы запоминая, потом вдруг хихикнула. — Чудесно!

— Я рад за тебя. Это мой завтрак?

— Да, сэр.

Он перекусил прямо в постели, предлагая ей куски, и догадался, что она ожидала этого или, по крайней мере, того, что он разрешит ей поесть. Пищи было вдоволь и хватило бы четверым; вдвоем они съели за троих. Затем Хью обнаружил, что Киска вознамерилась помочь ему в ванной. Он отказался от ее услуг.

Немного погодя, когда Хью уже собирался приняться за порученное дело, он вдруг спросил:

— А чем ты будешь заниматься теперь?

— Я вернусь в помещение для самок, сэр, как только вы отпустите меня. А возвращусь, когда вы будете ложиться спать… или когда прикажете.

Он уже хотел было сказать ей, что она очаровательна, и что он почти сожалеет, что отключился накануне ночью, и что он больше не нуждается в ее услугах… но остановился. Ему в голову вдруг пришла мысль.

— Послушай, ты знаешь высокую самку по имени Барбара? Она вот настолько выше тебя. Она появилась здесь примерно две недели назад, и у нее есть дети, близнецы, родившиеся совсем недавно.

— О, конечно, сэр. Дикарка.

— Да-да. Это она. Ты знаешь, где она?

— О да, сэр. В палате для лежачих. Я очень люблю ходить туда и смотреть на малышей. — Она погрустнела. — Как это, должно быть, прекрасно…

— Да. Ты не можешь передать ей записку?

Киска задумалась:

— Но она не сможет понять. Она ведь совсем дикая и даже говорить еще толком не умеет.

— Ммм… Черт возьми! Впрочем, может быть, это и к лучшему. Подожди минутку.

В его комнате был письменный стол. Он подошел к нему, взял одну из замечательных ручек — они не оставляли клякс, не могли исписаться и казались сплошным куском металла — и отыскал листок бумаги. Затем торопливо написал записку Барбаре, в которой осведомился о здоровье ее и близнецов, описал свое необычное возвышение, сообщил, что вскоре он как-нибудь ухитрится увидеться с ней, наказал не волноваться и терпе-

ливо ждать и заверил ее в том, что его чувства к ней по-прежнему горячи.

В конце записки Хью приписал:

P. S. Податель сей записки – девушка по имени Киска; если только она невысока, с хорошо развитой грудью, блондинка в возрасте лет четырнадцати. Она моя согревательница постели – и это ничего не значит, а у тебя дурные мысли, детка! Я собираюсь оставить ее при себе, потому что это моя единственная возможность связываться с тобой. Постараюсь писать каждый день, и каждый день буду ожидать ответа от тебя. Если сможешь, конечно. А если кто-либо сделает что-нибудь, что тебе не понравится, – сообщи мне, и я тут же пришлю его голову на блюде. Кажется, у меня есть такая возможность. Все обстоит довольно неплохо. Посылаю тебе также бумагу и ручку. Люблю, люблю, люблю. Твой Хью.

P. P. S. Полегче со Счастьем. Оно вызывает привыкание.

Он передал девушке записку и принадлежности для письма:

— Ты знаешь главного управляющего в лицо?

— О да, сэр. Я согревала его постель. Дважды.

— Вот как? Удивительно.

— Почему, сэр?

— Ну, я думал, что подобные вещи его не интересуют.

— Вы имеете в виду то, что он оскоплен? Но некоторые старшие слуги все равно любят, чтобы им согревали постель. Мне больше нравится бывать у них, а не наверху: меньше беспокойства и можно спокойно выспаться. Главный управляющий обычно не посылает за согревательницами, хотя иногда просто проверяет нас и учит хорошим манерам, как вести себя в постели, перед тем как допустить нас наверх. — Киска добавила: — Понимаете, он все об этом знает, потому что сам был жеребцом. — Она взглянула на Хью с невинным любопытством. — А правда то, что о вас рассказывают? Могу я спросить?

— Э-э-э… не можешь.

— Прошу прощения, сэр, — растерялась она. — Я не хотела ничего плохого. — Она со страхом взглянула на хлыст и потупила глаза.

— Киска!

— Да, сэр?

— Видишь этот хлыст?

— О, конечно-конечно, *сэр*…

— Так вот, ты никогда — слышишь, никогда — не попробуешь его на себе. Обещаю тебе. Никогда. Мы с тобой друзья.

Лицо ее просветлело, и в этот момент она казалась не только хорошенькой, а просто-таки ангельски прекрасной.

— О, спасибо, сэр!

— И еще одно. Единственный хлыст, которого тебе отныне следует опасаться, — это хлыст главного управляющего. Поэтому держись от него подальше. А если тебя тронет кто-нибудь из обладателей «малых хлыстов», то скажи ему, что он заработает моего, гораздо большего хлыста. Кто не поверит — пусть осведомится у главного управляющего. Ты поняла меня?

— Да, сэр. — Она, казалось, была вне себя от радости.

«Слишком уж рада», — решил Хью.

— Но старайся не попадать в беду. Не совершай ничего такого, за что можно получить удар хлыста, — или мне придется послать тебя к управляющему, чтобы он высек тебя как следует, он этим славится. Но до тех пор, пока ты прислуживаешь мне, не позволяй никому, кроме него, наказывать тебя. А теперь ступай и отнеси

записку. Увидимся вечером, часа через два после вечерней молитвы. Если захочешь спать, приходи раньше и ложись.

«Надо не забыть распорядиться, чтобы для нее здесь поставили маленькую кровать», — напомнил он себе.

Киска коснулась рукой лба и вышла. Хью отправился в свой кабинет и остаток дня провел за изучением алфавита и переводом трех статей из «Британники». Он быстро обнаружил, что его словарный запас недостаточен, и послал за одним из своих учителей, чтобы использовать его в качестве толмача. Однако Хью быстро убедился, что некоторые вещи требуют бесконечных объяснений и комментариев, так как содержание понятий за прошедшие века радикально изменилось.

Киска тем временем отправилась прямо к главному управляющему в кабинет, доложила обо всем и отдала записку и принадлежности для письма. Мемток был весьма раздражен тем, что держал в руках, возможно, очень важную улику, но никак не мог ее прочитать. Правда, ему пришло в голову, что тот, второй… как бишь его… Юкк, Джук? Что-то в этом роде… наверное, мог бы прочесть эти каракули. Но во-первых, неиз-

вестно, умеет ли дикарь читать, во-вторых, даже хлыст не гарантировал бы того, что тот честно переведет содержание письма.

Искать помощи у Джо даже не пришло Мемтоку в голову. Равно как и просить содействия у новой согревательницы постели их милости. Но был во всей истории и еще один интересный аспект: неужели самка-дикарка в самом деле *умеет читать*, а возможно, и более того — в состоянии написать послание в ответ?!

Он сунул записку в копир, затем отдал ее девушке.

— Все в порядке. Отныне ты — Киска. И веди себя точно так, как он велел, — не позволяй никому наказывать тебя и обязательно распусти об этом слух. Я хочу, чтобы все узнали. Но чтобы ты не забывалась… — Он чуть тронул ее хлыстом, и Киска подскочила от боли. — Помни, что этот хлыст всегда ждет тебя, если ты в чем-нибудь ошибешься.

— Ничтожная слышит и повинуется!

Вечером Хью вернулся из столовой для старших слуг довольно поздно, так как застольная болтовня затянулась надолго. Войдя в спальню, он обнаружил, что Киска, свернувшись калачиком, спит у его постели. Тут он вспомнил, что забыл

попросить еще одну кровать для нее.

В крепко сжатом кулачке девушки виднелся листок бумаги. Осторожно, чтобы не разбудить ее, он вытащил записку и стал читать.

Мой милый!

Каким неизъяснимым счастьем для меня было увидеть строки, написанные твоей рукой! От Джо мне стало известно, что ты в безопасности, но я ничего не слышала о твоем продвижении и не представляла, знаешь ли ты о близнецах. Сначала о них: оба растут как на дрожжах, оба как две капли воды похожи на своего отца, у обоих его «ангельский» характер. По моим прикидкам, родились они по шесть фунтов каждый. Их взвешивали после родов, но здешние меры веса мне ничего не говорят. Теперь немного о себе. Относятся ко мне как к знаменитой племенной корове, стараются не причинять никаких волнений, а медицинское обслуживание, которого меня удостоили, было на удивление хорошим. Как только у меня начались схватки, мне тут же дали какое-то питье, и потом я совершенно

не испытывала боли, хотя отчетливо воспринимала все подробности родов, но так, как будто это происходило не со мной, а с кем-то другим. Таким образом, все случилось без малейших неприятных ощущений и, даже наоборот, настолько приятно, что я бы, кажется, теперь рожала каждый день. Особенно если бы у меня каждый раз рождались такие прелестные малыши, как Хью и Карл Джозеф.

Что же до остального, то жизнь моя довольно скучна. Изо всех сил штудирую Язык. Молока у меня в избытке, я даже делюсь с девушкой на соседней кровати, которой не хватает своего. Правда, наши с тобой малыши – большие обжоры.

Я буду терпеливо ждать. Ничуть не поражена твоим быстрым повышением. И, зная тебя, не удивлюсь, если через месяц ты станешь тут самым главным. Я полностью уверена в своем муже. Мужчине. Какое это приятное слово: муж…

Теперь о Киске. Не верю я твоим бойскаутским клятвам, развратник ты несчастный. Твой послужной список пока-

зывает, что ты всегда готов воспользоваться неопытностью юной девушки. А она очень хорошенькая.

Теперь серьезно. Милый, я знаю, насколько ты благороден, у меня не было дурных мыслей. Но даже если бы твое благородство в какой-то момент изменило тебе, я бы не осуждала тебя, принимая во внимание ее странное положение в этом странном месте. Я имею в виду, Киска ничем не рискует и последствий не ожидается.

Так что если ты не сдержишься, я не буду ревновать тебя к ней, во всяком случае сильно, но я бы не хотела, чтобы ваши отношения стали прочными, по крайней мере настолько, чтобы ты забросил меня. Не списывай меня со счетов. Учти, я довольно быстро восстанавливаю силы и желания. Но я ни в коем случае не настаиваю, чтобы ты избавился от нее, поскольку она – единственная возможность для связи. Будь добр с ней, она чудесное дитя. Впрочем, я знаю, что ты всегда очень добр со всеми.

Я буду писать каждый день и, если не получу ответной весточки, буду плакать в подушку от смертельной тревоги за тебя. До свидания, мой любимый ныне, и присно, и во веки веков.

Б.

P. S. Это пятно – отпечаток ножки маленького Хью.

Хью нежно поцеловал письмо и лег в постель, прижимая его к себе. Киска так и не проснулась.

14

Хью обнаружил, что чтение и письмо на Языке даются ему довольно легко. Написание было фонетическим. Для каждого звука имелось соответствующее буквенное обозначение. Непроизносимых букв не было, как не было и никаких исключений в произношении или написании слов. Ударение всегда ставилось на предпоследний звук, если не было особо отмечено; никаких двусмысленностей в структуре Языка не было, как в эсперанто. Таким образом, как только был выучен сорокасемибуквенный алфавит, Хью мог написать и прочитать любое слово.

Печатные буквы сильно напоминали рукописные, поэтому страницы книг выглядели так, будто их от руки заполнил какой-то опытный писец. Хью не удивился, обнаружив, что буквы похожи на арабские, а посмотрев соответствующую статью в «Британнике», еще раз убедился, что, скорее всего, этот алфавит развился из арабского письма его времени. Около полудюжины букв вообще не претерпели никаких изменений, некоторые изменились не сильно. Несколько букв было добавлено, чтобы соблюсти принцип: один звук — один знак. Имелось много новых букв, которые обозначали звуки, отсутствующие в языке двадцатого века. Проконсультировавшись еще раз с «Британникой», Хью понял, что основные корни Языка были арабскими, французскими, суахили и еще Дядя знает какими. Подтвердить этого он не мог, поскольку словаря, отражающего исторические изменения в лексике, как это было принято в английском, не существовало, похоже, вовсе. А его учителя, кажется, были свято убеждены в том, что Язык *всегда* являлся таким, каким они знали его. Концепция изменений в языке просто не укладывалась в их голове.

Впрочем, эти изыскания представляли чисто теоретический интерес. Хью не знал ни араб-

ского, ни французского, ни суахили. В школе он немного учил латынь и еще меньше — немецкий, а в последние годы изо всех сил пытался учить русский. Поэтому он не обладал знаниями, достаточными для выяснения истоков Языка. Им руководило сугубо человеческое любопытство.

Но даже на удовлетворение простого любопытства Хью не имел права тратить драгоценное время. Ему нужно было чем-то умаслить их милость, чтобы тот разрешил ему повидаться с Барбарой. Это значило, что он должен буквально завалить Понса переводами статей. Хью работал не покладая рук.

На второй день своего назначения Хью попросил, чтобы ему прислали Дьюка, и Мемток удовлетворил его просьбу. Вид у Дьюка был довольно измученный, под глазами мешки, но на Языке он говорил, хотя и не так хорошо, как его отец. Видимо, он имел больше ссор с учителями, по сравнению со своим отцом; его настроение колебалось от безнадежности до мятежности, он довольно заметно хромал.

Мемток не имел абсолютно ничего против того, чтобы передать Дьюка в Департамент древней истории.

— Только рад буду избавиться от него. Для же-

ребца он чудовищно велик, а ни на что другое, по-видимому, не годен. Конечно, пусть работает у тебя. Не переношу слуг, которые слоняются без дела и только дармоедствуют.

И Хью взял сына к себе.

Дьюк окинул взглядом апартаменты Хью и присвистнул:

— Ну и ну! Я вижу, ты из дерьма ухитрился выбраться, благоухая, как роза. Как это ты?

Хью объяснил ему ситуацию.

— Вот поэтому я и хотел бы, чтобы ты перевел статьи, касающиеся юриспруденции и родственных ей отраслей знания, — это, должно быть, удастся тебе лучше всего.

Дьюк упрямо сжал кулаки:

— Засунь их себе знаешь куда?

— Дьюк, оставь свой вызывающий тон. Ведь это прекрасная возможность.

— Для тебя, может быть. А что ты сделал для матери?

— А что я мог сделать? Встречаться мне с ней не разрешают, как и тебе. Сам знаешь. Джо уверяет меня, что она не только шикарно устроилась, но и счастлива.

— Так говорит он. Вернее, говоришь ты, что говорит он. А я хотел бы убедиться собственными

глазами. Я, черт возьми, настаиваю на этом.

— Настаивай, сколько хочешь. Пойди скажи это Мемтоку. Но хочу предупредить заранее: я не смогу защитить тебя от него.

— К черту! Я и так знаю, что мне скажет и что сделает этот маленький грязный недоносок. — Дьюк поморщился и потер больную ногу. — Именно ты должен побеспокоиться обо всем. Раз уж ты так ловко устроился, тебе и карты в руки. Используй хотя бы часть своей власти на то, чтобы защитить мать.

— Дьюк, я ничего не в состоянии сделать. Со мной обращаются хорошо по той же причине, что и со скаковой лошадью. И потребовать я имею право примерно столько же, сколько та самая лошадь. Но я могу помочь тебе получить свою долю хороших условий, если будешь сотрудничать: удобное жилье, мягкое обращение, легкую работу. Но мне ни в малейшей степени не подвластна жизнь женской половины, и я скорее, наверное, смог бы слетать на Луну, чем добиться того, чтобы Грейс перевели сюда. Ты ведь знаешь, что порядки у них здесь, как в гареме.

— Значит, ты собираешься сидеть, исполняя роль ученого тюленя при этой черной обезьяне, и даже пальцем не пошевелишь, чтобы помочь

матери? На меня можешь не рассчитывать!

— Дьюк, я не намерен спорить с тобой. Я выделю тебе комнату и буду присылать текст из «Британники» каждый день. Дальше твое дело. Если ты не будешь переводить, я постараюсь сделать так, чтобы Мемток не узнал об этом. Но я думаю, у него повсюду шпионы.

На этом разговор и закончился. Сначала Дьюк действительно ничем не помогал отцу. Но скука сделала свое дело там, где не помогли доводы. Дьюк не выдержал ничегонеделанья в запертой комнате. В принципе, он мог бы выйти из нее, но всегда оставалась опасность того, что он наткнется на Мемтока или на кого-нибудь из старших слуг с хлыстами и те могут поинтересоваться, чем это он тут занимается. От утренней молитвы до вечерней слуги всегда вынужденно имитировали занятость делом, даже если и были свободны; в противном случае они могли нарваться на неприятности.

Дьюк начал заниматься переводами, но вскоре обнаружил, что явные пробелы в знании Языка создают трудности в работе. Хью прислал ему помощника-клерка, имевшего отношение к юридической стороне дел их милости.

Хью видел Дьюка крайне редко. Это, по крайней

мере, избавляло его от необходимости постоянно спорить с сыном. Производительность Дьюка через неделю стала возрастать, но зато ухудшилось качество работы — Дьюк открыл для себя чудодейственные свойства Счастья.

Хью долго думал над тем, стоит ли предостерегать сына от наркотика, и все-таки решил не вмешиваться. Если Дьюку нравилось принимать Счастье, то почему он должен удерживать его? Качество переводов сына мало волновало Хью. Ведь их милость не имел возможности судить о них… разве Джо мог случайно открыть ему глаза. Но это было маловероятно. Да Хью и сам не особенно старался. «Сойдет, — считал он. — Отсылай боссу побольше да пояснее, а трудные места можно и пропустить».

Кроме того, он заметил, что пара порций Счастья после ужина прекрасно скрашивает остаток дня. Счастье давало ему возможность прочитывать очередное письмо Барбары в состоянии какого-то теплого, радостного опьянения, затем сочинять ответ, который предстояло отнести Киске, и крепко засыпать.

Но Хью не злоупотреблял напитком, относясь к нему с опаской. У алкоголя, считал он, есть преимущество — он ядовит. Человек очень быстро

в этом убеждается, когда начинает предаваться чрезмерным возлияниям. Счастье же не давало синдрома похмелья — его воздействие на организм было коварнее. Напиток снимал состояние тревоги, подавленности, беспокойства, скуки, убирал любые неприятные эмоции и погружал в нирвану безмятежного блаженства. «Уж не составляет ли его основу метил мепробамат?» — размышлял Хью. Но, к сожалению, он весьма поверхностно знал химию, а то немногое, что он знал, устарело на две тысячи лет.

Являясь ответственным слугой, Хью мог практически ни в чем себе не отказывать. Но со временем он заметил, что Мемток не единственный из старших, кто умеренно употребляет Счастье. Ни один из страстных поклонников этого своеобразного наркотика не мог рассчитывать на приличную должность. Нередко случалось, что человек, достигший высших ступеней иерархии слуг, скатывался обратно на дно, будучи не в силах противостоять соблазну потреблять Счастье в неограниченном количестве. Хью не представлял себе, что с такими людьми бывало потом. Сам же он пользовался правом держать бутылку зелья в своей комнате. Это решило проблему Киски.

Хью передумал просить у Мемтока кровать

для нее. Он не хотел наводить главного управляющего на мысль, что это дитя интересует его лишь в качестве связующего звена между женскими помещениями и Департаментом древней истории. Вместо этого он велел девушке каждую ночь устраивать себе постель на диване в жилой комнате.

Киска была этим очень огорчена. К этому времени она уже была уверена, что Хью мог бы воспользоваться ею не только как согревательницей постели в буквальном смысле слова, и считала, что он намеренно лишает ее возможности создавать ему комфорт и дарить наслаждение. Это пугало ее: если она не по душе хозяину, то вскоре может потерять самое лучшее из всех мест, которые когда-либо имела. Так что она не осмелилась сказать Мемтоку, что Хью отказывается пользоваться ее услугами. Она докладывала обо всем, кроме этого.

Киска плакала.

Ничего лучшего она не смогла бы придумать. Всю жизнь Хью не выносил вида женских слез. Он усадил ее на колени и объяснил, что она ему очень нравится (правда), что ему очень жаль, что он слишком стар, чтобы оценить в полной мере ее достоинства (ложь), и что присутствие кого-

либо в постели мешает ему спать (полуправда), и еще: он очень доволен ею и хочет, чтобы она продолжала ему служить.

— А теперь вытри глазки и глотни вот этого.

Хью знал, что Киска принимает Счастье. Она получала свою порцию в виде жевательной резинки, в состав которой входил порошок. Многие слуги за работой предпочитали употреблять Счастье именно в таком виде, что позволяло им целый день находиться в состоянии приятного полуопьянения. Свои пустые дни Киска всегда проводила за этим занятием. Убедившись, что Хью не возражает, она располагались вечерами в его комнатах, дожевывая остатки жвачки. Поэтому Хью без колебаний предложил ей глоток Счастья.

Выпив предложенный напиток, счастливая Киска отправилась спать, больше не беспокоясь о том, что хозяин хочет избавиться от нее. Таким образом, прецедент имел место. После этого каждый вечер, за полчаса до того, как ложиться спать, Хью давал ей немного Счастья.

Некоторое время он отмечал уровень в бутылке, чтобы убедиться, что Киска не прикладывается к ней в его отсутствие. Замков у него в помещении не было, хотя он, как один из старших слуг,

обладал правом иметь их. Но Мемток счел целесообразным утаить от главного исследователя информацию об этой привилегии.

Когда Хью удостоверился, что Киска не потягивает напиток втихаря, он перестал беспокоиться. В самом деле, Киску ужаснула бы даже мысль о том, что она может что-нибудь украсть у хозяина. Уровень ее самосознания был настолько мизерный, что пришелся бы впору маленькой мышке. Она была меньше чем никто и знала об этом; у нее никогда ничего не было своего, даже имени, пока Хью не дал ей его. Благодаря его доброте в ней стала пробуждаться личность, но сдвиг был едва заметен, и любая мелочь могла свести на нет все усилия в этом направлении. Сейчас она была способна что-то украсть у Хью не больше, чем попытаться убить его.

Хью, наполовину по наитию, укреплял уверенность Киски в себе. Она была умелой банщицей. В конце концов он сдался и разрешил ей тереть ему спину и регулировать воду для мытья, одевать его и заботиться о его одежде. Она оказалась еще и опытной массажисткой. Иногда ему даже приятно было чувствовать, как ее маленькие руки разминают ему плечи и шею, затекшие после долгого дня, проведенного с книгой или за

чтением свитков на экране «читалки». Одним словом, она старалась делать все, чтобы не быть бесполезной.

— Киска, а чем ты обычно занимаешься днем?

— В основном ничем. Самка моей полукасты, если у нее ночная работа, днем, как правило, отдыхает. Поскольку я каждую ночь занята, мне разрешают до полудня оставаться в спальном помещении. Обычно я так и делаю, потому что управляющий самками очень любит давать тем, кого он видит шляющимися без дела, какое-нибудь поручение. После полудня… Ну, естественно, я стараюсь никому не попадаться на глаза. Это самое лучшее. Безопасно.

— Понятно. Если хочешь, отсиживайся здесь. Вернее, если можешь.

Лицо ее просветлело.

— Если вы достанете мне разрешение, то смогу.

— Хорошо, достану. Можешь здесь смотреть телевизор… Хотя в это время еще нет передач. Ммм… ты ведь не умеешь читать? Или умеешь?

— О, конечно нет, сэр! Я бы никогда не осмелилась подать прошение.

— Хм… — Хью знал, что разрешение учиться читать не мог дать даже Мемток. Такое дело тре-

бовало вмешательства самого их милости, да и то после обязательного расследования причин возникновения такой необходимости. Более того, любые его необычные поступки могли оборвать тонкую нить, связывающую его с Барбарой, и окончательно лишить надежды воссоединиться с ней. Но… Черт возьми, мужчина всегда должен быть мужчиной!

— У меня здесь есть свитки и экран. Ты *хотела бы* попытаться?

— Да защитит нас Дядя!

— Не поминай Дядю всуе. Если *хочешь* — и сможешь держать свой маленький язычок за зубами, — то я научу тебя. Чего ты так испугалась? Я не заставляю тебя решать сразу. Сообщишь мне, когда надумаешь. Только никому не говори.

Киска никому не сказала. Умалчивать она тоже боялась, но инстинкт самосохранения подсказал ей, что, доложив об этом, можно очень скоро распрощаться с безоблачным счастьем.

Киска стала для Хью чем-то вроде семьи. Она ласкою провожала его на работу, вечером с улыбкой встречала, беседовала с ним, если ему хотелось пообщаться, и никогда не заговаривала первой. Вечера она обычно проводила, свернувшись калачиком перед телевизором — так Хью

называл устройство, принцип работы которого он не смог понять.

Передача, транслирующаяся в цветном объемном изображении, начиналась ежевечерне, после молитвы, и продолжалась до отбоя. Большой экран был установлен в холле, где собирались слуги, а несколько малых экранов находились в комнатах старших слуг. Хью не раз смотрел передачи, надеясь лучше понять общество, в котором ему предстояло жить. В итоге он пришел к выводу, что с таким же успехом можно представить себе жизнь Соединенных Штатов по телевизионному сериалу «Пороховой дымок». Чаще всего транслировались крикливые мелодрамы со стилизованным, как в китайском театре, действием. Обычно сюжет составляла история о верном слуге, который в финале героически погибал, спасая жизнь своему повелителю.

Но для обитателей подлестничного мира телевизор был вторым по значению развлечением после Счастья. Киска обожала смотреть его, пережевывая при этом резинку и издавая приглушенные (чтобы не отвлекать склонившегося над книгой Хью) восклицания. После окончания передачи она растроганно вздыхала, с изъявлением величайшей благодарности принимала свою

порцию Счастья, касалась на прощанье рукой лба и отправлялась спать. Хью же еще некоторое время проводил за чтением.

Он очень много читал — каждый вечер (если только Мемток не наносил визита) и бóльшую часть дня.

Ему было страшно жалко времени, убиваемого на переводы для их милости, но пренебрегать ими он не мог. Ведь работа была единственной надеждой на будущее. Хью понял одно: для того чтобы делать грамотные переводы текстов, необходимо хорошо разбираться в современной культуре. В Летнем дворце была прекрасная библиотека, и когда он заявил, что ему для работы необходимо иметь к ней доступ, Мемток все устроил.

Но главной целью Хью было не повышение качества переводов, а попытка понять, что случилось с *его* миром и как возник *этот*.

Поэтому на экране «читалок», стоявших в кабинете и гостиной, постоянно была проекция текста какого-нибудь свитка. Принцип работы со свитками Хью нашел просто-таки восхитительным, он заменил древнюю форму книги с переплетенными листами намного более эффективной системой: для чтения необходимо

было всего-навсего опустить в устройство заряженный сдвоенный цилиндр и включить экран. По экрану бежала строчка длиной в несколько сотен футов, от начала до конца свитка. Затем свиток переворачивался, и система считывала следующую строку, напечатанную вниз головой относительно только что прочитанной. Глаз не терял времени на возвращение к началу коротких строчек. Легкий нажим ускорял считывание до любой скорости, воспринимаемой мозгом. Когда Хью привык к фонетике, он стал читать быстрее, чем когда-либо умел по-английски.

Но он не нашел того, что искал.

В изображении прошлого явно было стерто различие между фактом и выдумкой, историей и религиозными притчами. Даже когда он выяснил, что война между Востоком и Западом, забросившая их сюда, датировалась 703 годом до Великой Перемены, он все равно с трудом находил соответствие между миром, который был ему когда-то знаком, и «историей», заключенной в свитках.

Описаниям войны еще можно было верить. Сам Хью был свидетелем только первых ее часов, но то, что было в свитках, примерно соответствовало его ожиданиям: взаимные ракетно-бомбовые

атаки, которые именовались «блестящим превентивным натиском» и «массированным ударом возмездия», стершие с лица земли города от Пекина до Чикаго и от Торонто до Смоленска; огненные смерчи, причинившие ущерб в десятки раз больший, чем бомбы; нервно-паралитический газ и другие отравляющие вещества, уничтожившие тех, кого пощадили пожары; пандемические заболевания, вспышки которых долго не затухали и инкубационный период которых завершился как раз к тому времени, когда радиоактивные осадки перестали выпадать и горстка уцелевших стала приходить в себя и обретать призрак надежды.

Да, в весь этот Армагеддон можно было верить. Подготовкой его занимались башковитые парни, а тупые парни, на которых те работали, и не пытались предотвратить глобальную гекатомбу (просто не считаясь с такой перспективой) — они лишь делали новые заказы исполнительным башковитым парням.

Конечно же, он никогда не полагал, что «лучше красный, чем мертвый»; не считает так и теперь. Нападение было на сто процентов односторонним, и он не жалел ни об одной мегатонне «массированного возмездия».

Но что случилось, то случилось. Свитки гово-

рят о том, что уничтожено было все Северное полушарие.

А как же насчет остального мира? В свитках утверждалось, что в Соединенных Штатах ко времени войны негры находились в положении рабов. Значит, кто-то выкинул целое столетие истории. Сознательно или нет? Может быть, это явилось следствием путаницы и отсутствия сведений? Насколько ему было известно, в Смутное время и даже после Перемены на протяжении почти двух веков по всему миру пылали костры из книг. Сожжение их продолжалось и после Перемены.

Была ли утрата истории случайностью, как на Крите? Или жрецы сочли, что так будет лучше?

А с какого момента китайцев стали считать «белыми», а индусов «черными»? Конечно, если судить исключительно по цвету кожи, то китайцы и японцы были такими же светлокожими, как и любой средний белый его времени, а индусы так же темнокожи, как и африканцы. Но раньше антропологическое деление народов было совсем иным.

Само собой, если учитывать только цвет кожи — а, видимо, только он имелся в виду, — спорить было не о чем. История утверждала, что белые,

со своими дурными наклонностями, уничтожили друг друга почти окончательно, оставив израненную Землю в наследство простодушной, душевной, милосердной темной расе, избранным чадам Великого Дяди.

Немногочисленные белые, спасенные Дядей, были выхожены и выпестованы, как дети, и теперь снова плодились и размножались под благосклонным руководством Избранных. Так было написано.

Хью допускал, что война, которая полностью уничтожила Северную Америку, Европу и всю Азию, кроме Индии, могла унести жизни большинства белых и почти всех китайцев. Но что же случилось с белым меньшинством Южной Америки, с белыми в Южно-Африканской Республике, с австралийцами и жителями Новой Зеландии?

Как он ни бился, ответа так и не нашел. Единственное, что было определенным, — это то, что Избранные все были темнокожими, а их слуги белолицыми и обычно низкорослыми. Хью и Дьюк были гораздо выше других слуг. И наоборот, те немногие Избранные, которых он видел, были людьми весьма крупными.

Если нынешние слуги произошли от белых

австралийцев… Нет, это исключается: те никогда не были малахольными. А так называемые «Экспедиции милосердия» — что это? Вылазки за рабами? Или погромы? Или, как говорится в свитках, спасательные экспедиции в поисках уцелевших?

Все эти пробелы в истории, скорее всего, возникли вследствие сожжения книг. Хью не смог выяснить, отправлялись ли в костер все книги или техническим была уготована иная участь. Очевидным представлялось лишь то, что весьма развитая технология Избранных, превосходящая технологии его времени, не могла начаться с нуля.

Впрочем, а почему бы и нет? Ведь современные ему наука и техника развились в основном за последние пятьсот лет, причем большая часть технических новшеств создавалась в последнее столетие, а наиболее удивительные открытия появились во время жизни одного поколения. Так мог ли мир, скатившись в Темные века, выбраться из них за два тысячелетия? Конечно мог!

Так или иначе, но Коран был, похоже, единственной книгой, которая официально избежала костра. Да и то у Хью появилось сомнение, тот ли это Коран. В свое время у него был перевод

Корана, и он несколько раз перечитывал его.

Теперь он очень жалел, что не взял книгу с собой в убежище, поскольку Коран в том виде, в каком он читал его теперь на Языке, явно не соответствовал запечатлевшемуся в памяти. Например, Хью припомнил, что Магомет был рыжеволосым арабом, а в этом Коране неоднократно подчеркивалось, что цвет кожи пророка был черным. И еще: Хью был совершенно убежден, что Коран не содержал расистских взглядов. Его же «исправленная и дополненная» версия была буквально нашпигована ими.

К тому же в Коран входил теперь Новый Завет с казненным Мессией. Он проповедовал свою веру и был повешен — все религиозные свитки были испещрены виселицами. Хью ничего не имел против Нового Завета, ведь за прошедшие века вполне могли появиться новые откровения, а у религий они появлялись столь же естественно, как у кошки котята.

Но он не мог смириться с ревизией учения пророка, проведенной с целью соответствия последнего новым догматам. Это было несправедливо, это было просто жульничеством.

Структура общества также вызывала недоумение. У Хью появились только первые проблески

понимания его сложной культуры. Цивилизация Избранных была стабильной или даже статичной — высокие технологии, но мало инноваций, она была отлаженной, эффективной — и упадочной. Церковь и государство были едины: «Один Язык, один король, один народ, один Господь». Лорд-владетель являлся как высшим иерархом церкви, так и главой государства, владея по воле Дяди абсолютно всем; а лорды-хранители, такие как Понс, распоряжались всего лишь ленными наделами, по совместительству исполняя функции епископов. Помимо лордов имелись еще и многочисленные граждане (само собой, Избранные, так как белый не являлся личностью): торговцы, землевладельцы, люди разных профессий. В экономике на фоне частного предпринимательства можно было заметить признаки чуть ли не тоталитарного коммунизма. Если он правильно понимал прочитанное, то здесь существовали даже корпорации!

Самым интересным моментом для Хью (помимо того прискорбного факта, что его собственный статус законом и обычаями был приравнен к нулю) оказалась система наследования. Семья была всем, браки — ничем. То есть последние существовали как таковые, однако особенного

значения не имели. Наследование происходило по женской линии, но властью наделялись только мужчины.

Эта закавыка смущала Хью, пока в один прекрасный день все не стало на свои места. Понс являлся лордом-протектором, так как был старшим сыном чьей-то старшей дочери, старший брат которой был лордом-протектором перед Понсом. Таким образом, наследником Понса становился старший сын старшей из его сестер — титул передавался от матери к дочери непрерывно и бесконечно, причем власть сосредоточивалась в руках старшего брата каждой из наследниц. Кем был отец Понса, совершенно не имело значения, и еще меньшее значение имело то, сколько у него было сыновей, поскольку ни один из них не обладал правом наследования. Понс был преемником брата своей матери, а его наследником должен был стать сын его сестры.

Хью понимал, что при подобной системе функции и роль брака сводились к минимуму, проблема незаконнорожденности оказывалась настолько отвлеченной, что не интересовала никого, но *семья* приобретала исключительно важное значение. Женщины (Избранные) теперь никак не могли быть недооценены. Они обладали

значительно большим весом, чем мужчины, хотя правили посредством своих братьев — это было освящено религией: у единого Бога — Всемогущего Дяди — имелась старшая сестра, Мамалой Вечная, настолько святая, что ей даже не осмеливались молиться и имя ее никогда не поминалось всуе. Она просто *была*, Вечный Женский Принцип, давший жизнь всему сущему.

У Хью создалось впечатление, что он когда-то читал о таком порядке наследования — от дяди к племяннику по женской линии. Справившись в энциклопедии, он с удивлением обнаружил, что такая система доминировала то в одной культуре, то в другой в разные времена на всех континентах.

Великая Перемена произошла, когда Мамалой наконец преуспела — действуя, как всегда, опосредованно — в объединении всех чад своих под одной крышей. Назначив ответственным за все их Дядю, она удалилась на покой.

Хью так прокомментировал это: «И — Боже, помоги человечеству!»

Хью с нетерпением ждал, когда их милость изволит послать за ним. Прошло уже два месяца со дня их появления здесь, и Хью начал опасаться, что у него никогда не возникнет возможности

попросить о свидании с Барбарой. Не исключено, что Понс, когда к нему стали поступать тексты, потерял к переводчику всякий интерес. Перевод же всей «Британники» потребовал бы нескольких жизней. Хью решил ускорить развитие событий и в один прекрасный день отправил Понсу письмо.

Неделю спустя лорд-протектор вызвал его. Мемток явился к Хью с этим известием, приплясывая от нетерпения, но тем не менее настоял, чтобы перед аудиенцией Хью помылся, обтерся дезодорантом и надел чистый балахон.

Похоже, лорду-протектору не было никакого дела до того, как пахнет Хью: он явно был занят чем-то другим. Хью стоял молча и ждал. Здесь же была и Грейс. Она возлежала на диване, возясь с кошками и жуя резинку. Миссис Фарнхэм только раз взглянула на человека, когда-то бывшего ее мужем, и больше не обращала на него никакого внимания, если не считать того, что на лице у нее застыла затаенная улыбка, которую Хью знал очень хорошо. Он называл ее «канарейка, съевшая кота».

Доктор Ливингстон — Я Полагаю спрыгнул с дивана, подошел к нему и потерся о его ноги. Хью знал, что он не должен на это реагировать,

терпеливо ожидая, когда Понс заметит его присутствие… Но ведь кот долгое время был его другом, и он не имел права забывать об этом. Хью наклонился и погладил Дока.

Небеса не разверзлись. Их милость не обратил внимания на нарушение правил.

Наконец лорд-протектор соизволил подать голос:

— Бой, иди сюда. Что это значит — делать деньги на твоих переводах? И с чего ты вообще взял, что я нуждаюсь в деньгах?

Хью со слов Мемтока знал, что ему, как главному управляющему, приходится много экономить и выкручиваться с деньгами, выделенными на ведение столь обширного хозяйства, поскольку жизнь с каждым годом становится все дороже и дороже.

— Да будет угодно выслушать их милости ничтожное мнение их ничтожнейшего слуги…

— Оставь этот цветистый стиль, черт тебя подери!

— Понс, там, в мире, откуда я пришел, во все времена не было человека, богатого настолько, чтобы ему не нужно было денег еще больше. Обычно бывало так: чем богаче человек, тем больше денег ему требовалось.

Лорд улыбнулся:

— «Plus ça change, plus c'est la même chose» — «Чем больше все меняется, тем больше все остается по-прежнему». Я вижу, ты занят не только поглощением Счастья. Ты прав: положение вещей остается таковым и в наши дни. Ну и что же? Что ты придумал? Выкладывай!

— Сдается мне, что в вашей энциклопедии есть вещи, которые можно превратить в прибыль. Технологические процессы и тому подобное… иными словами, все, что было утрачено людьми за последние два тысячелетия, но сейчас могло бы давать доход.

— Отлично, займись этим. То, что ты посылал мне до сих пор, — конечно, то, что я успел прочесть, — вполне удовлетворительно. Но очень много тривиального. Например: «Смит, Джон, родился и умер… политик, который успел сделать очень мало, а то, что успел, — очень плохо». Понимаешь, о чем я?

— Думаю, что да, Понс.

— Отлично. Тогда отбрось весь этот хлам и подыщи мне три-четыре идейки, на которых я мог бы заработать.

Хью поколебался. Понс спросил:

— Так что, ты понял меня?

— Мне, наверное, понадобится помощь. Понимаете, я ведь не знаю, что творится за стенами дворца. Мне известно только то, что делается под лестницами. Я думаю, тут мог бы помочь Джо.

— Каким образом?

— Я так понял, что он путешествовал с вами и много видел… Скорее всего, именно он мог бы указать проблемы, заслуживающие внимания. Пусть он отметит соответствующие статьи, я их переведу, а уж вы будете судить, стоит ли с этим связываться. Я могу изложить для вас их содержание вкратце, чтобы вы не теряли времени на незначительные подробности, тем более если данный предмет не заинтересует вас.

— Отличная идея. Я уверен, что Джо будет просто счастлив помочь. Хорошо, присылай энциклопедию. Все.

Хью был отпущен так скоро, что даже не имел возможности попросить свидания с Барбарой. Правда, он все равно не стал бы рисковать, упоминая ее имя в присутствии Грейс.

Сначала он хотел найти Дьюка и рассказать, что он собственными глазами видел его мать раздобревшей и счастливой, но потом решил этого не делать. Дьюк мог поставить под сомнение правдивость сообщения. Они не встречались с

глазу на глаз, и это было к лучшему.

15

Джо присылал в день по тому «Британники» с помеченными статьями. Хью приходилось трудиться над переводами не покладая рук. Через две недели его снова вызвали.

Он ожидал, что состоится что-то вроде совещания по какому-либо вопросу. Но оказалось, что в покоях лорда сидят сам Понс, Джо и какой-то Избранный, которого Хью до этого ни разу не видел. Он мгновенно приготовился говорить, как и предписывалось слугам, в уничижительном наклонении.

Лорд-протектор кивнул:

— Подойди сюда, Хью. Сними карту. И не вздумай вдаваться в эти утомительные формальности. Здесь Семья. Все свои.

Хью, поколебавшись, приблизился. Второй Избранный, крупного телосложения темнокожий человек с хмурым выражением лица, казалось, не очень-то обрадовался появлению белого слуги. Хлыст у него был с собой, и он вертел его в руках. Но Джо взглянул на Хью и улыбнулся.

— Я учил их играть в бридж. Но нужен четвер-

тый. Я все время твержу Понсу, что ты самый лучший из когда-либо виденных мною игроков. Ты уж постарайся, не подведи меня.

— Постараюсь. — Хью сразу узнал одну из своих колод. Вторая, похоже, была изготовлена и расписана вручную, но сделано это было изумительно. Карточный столик не был позаимствован из обстановки убежища и также являлся настоящим произведением искусства, обильно украшенным резьбой по дереву.

Хью выпало играть в паре с незнакомым Избранным. Хью ясно видел, что не нравится партнеру, но тот, что-то проворчав, не стал возражать.

У них был контракт при трех пиках — по счастливому раскладу карт они взяли четыре. Партнер буркнул:

— Бой, ты мало заказал. Игра впустую. Постарайся, чтобы этого больше не повторилось.

Хью промолчал и сдал карты вновь.

В следующем круге Джо и Понс взяли пять треф. Партнер Хью был в ярости. Он обрушил ее на Хью:

— Если бы ты зашел с бубен, мы бы обставили их. А ты вместо этого подставил нас! Я ведь предупреждал тебя. Ну, теперь…

— Мрика! — резко сказал Понс. — Это бридж. И играй в него. А хлыст убери. Слуга поступил совершенно правильно.

— Ничего подобного! И будь я проклят, если буду играть с ним дальше! Я чувствую этот запах, мерзкий запах жеребца, как бы хорошо его ни выскребли. А этот, по-моему, вообще не мылся!

Хью почувствовал, что у него взмокли подмышки, и вздрогнул. Но Понс ровным голосом произнес:

— Хорошо, мы извиняем тебя. Можешь идти.

— И отлично! — Избранный встал. — Но прежде, чем я уйду, я хотел сказать одну вещь… Если промешкать еще немного, то их превосходительство отдаст протекторат Северной Звезды…

— Уж не собираешься ли ты вложить в это дело деньги? — резко спросил их милость.

— Я? Но это дело Семьи. Хотя я-то не упустил бы такой возможности! Сорок миллионов гектаров, сплошь покрытых первосортным лесом! Я бы не думал ни секунды! Но у меня буквально нет ни одного лишнего бычка[26] — и вы сами знаете

---

[26] notes: 26

Слово «bullock» *(англ.)* — кастрированный бык, животное, которое выращивают на корм. На языке мира, куда попали герои Хайнлайна, это значит «бесполезный слуга, который только в рагу годится». Одновременно бычок («bullock») фигурирует в качестве единицы местной валюты, то есть все оценки привязаны к стоимости раба. — *Примеч.*

почему.

— Конечно знаем. Ты злоупотребляешь азартными играми.

— Совершенно напрасно вы так… Деловому человеку приходится рисковать. Нельзя же назвать азартной игрой то, что…

— А мы считаем, что это азартные игры. Мы не против риска, но терпеть не можем проигрышей. И если ты опять собрался проиграть, проигрывай свои собственные бычки.

— Но это вовсе не так рискованно. Дело практически верное… Все равно что породниться с их превосходительством. Семье…

— Позволь нам решать, что Семье выгодно, а что нет. А тебе придется еще немного подождать этого права. Мы же пока не менее твоего хотели бы доставить удовольствие лорду-правителю. Но ни в коем случае не с помощью бычков, которыми Семья в данный момент не располагает.

— Деньги можно занять. Под проценты, которые…

— Ты собрался уходить, Мрика. Будем считать, что ты уже ушел. — Понс взялся за карты и начал тасовать их.

Молодой Избранный фыркнул и вышел.

Понс разложил пасьянс, снова смешал карты

и снова раздал их. Через некоторое время он пожаловался Джо:

— Иногда этот юноша так выводит меня из себя, что я бы, кажется, с радостью изменил завещание.

Джо казался озадаченным:

— А я всегда думал, что его нельзя лишить наследства.

— Конечно нет! — Их милость выглядел шокированным. — Такого не сделает и последний крестьянин. До чего бы мы докатились, если бы стали нарушать установленный порядок? Даже если бы закон позволил, я бы и не мечтал об этом, он мой наследник. Я просто подумал о слугах.

— Тогда я не понимаю… — сказал Джо.

— Ну ты же знаешь… Хотя, возможно, и нет. Я все время забываю, что ты недавно среди нас. В завещании я распоряжаюсь вещами, принадлежащими лично мне. Их не так много… украшения, свитки и тому подобное. Стоимость всего этого примерно около миллиона. Пустяки. Если не считать домашних слуг. Только домашних. Я не говорю о слугах на шахтах, фермах или наших судоходных линиях. Обычай таков, что всех домашних слуг упоминают в завещании поименно. В противном случае они обязаны

следовать в загробный мир вслед за своим Дядюшкой, то есть за мной. — Он улыбнулся. — Была бы неплохая шутка, если бы после моей смерти Мрика обнаружил, что ему нужно или набрать денег на покупку полутора-двух тысяч слуг, или заколотить дворец и жить в шалаше. У меня эта сцена так и стоит перед глазами. Этот парень даже пописать не сможет, если четверо слуг не помогут ему стряхнуть и заправить одежду. Я даже не уверен, что он умеет сам обуваться. Хью, если ты сейчас скажешь мне положить черную даму на красного лорда, я накажу тебя. Я в очень плохом настроении.

Хью торопливо произнес:

— А что, у вас не сошлось? Я и не заметил.

— Тогда чего же ты уставился в карты?

Хью в самом деле уткнулся в карты, стараясь не привлекать к себе внимания. Он очень нервничал, оказавшись невольным свидетелем ссоры между Понсом и его племянником, но не упустил ни слова из их перепалки, поскольку нашел ее более чем интересной.

Понс продолжал:

— А ты что предпочел бы, Хью? Сопровождать меня на небеса? Или остаться здесь и служить Мрике? Не спеши с ответом. Если ты останешься

здесь, то меньше чем через год после моей смерти тебе придется обгрызать себе пальцы на ногах, чтобы не умереть от голода… В то же время, как гласит Благой Свиток, небеса — довольно приятное местечко.

— Выбирать сложно…

— А тебе и не придется выбирать. Ты никогда не узнаешь, что тебя ожидает. Слуга не должен знать подобных вещей — это держит его в тонусе. Этот мерзавец Мемток так и ходит за мной по пятам, упрашивая удостоить его чести сопровождать меня на небеса. Если бы я думал, что он просит искренне, то непременно уволил бы его за некомпетентность.

Понс вдруг смешал карты и выругался:

— Черт бы побрал этого мальчишку! Он, конечно, партнер не ахти какой, но мне хотелось сыграть несколько настоящих сильных робберов. Джо, нам нужно научить играть еще несколько человек. До чего же тоскливо оставаться без четвертого партнера!

— Конечно, — согласился Джо. — Прямо сейчас?

— Нет-нет. Я хочу играть по-настоящему, а не смотреть, как новичок спотыкается на каждом ходе. Я уже втянулся в эту игру. Она позволяет

совершенно отвлечься от неприятных мыслей.

И тут Хью осенило:

— Понс, если вы не против того, чтобы в игре участвовал еще один слуга…

Джо просиял:

— Конечно же! Он…

— Барбара, — быстро перебил его Хью, чтобы тот не успел назвать Дьюка.

Джо растерянно заморгал, но затем постарался исправить положение:

— Он — я имею в виду Хью — собирался назвать прислугу по имени Барбара. Она хорошо играет в бридж.

— Что? Так ты, значит, кое-кого обучил игре и под лестницей, Хью? — удивился Понс и добавил: — Барбара? Я что-то не припомню такого имени. По крайней мере, она не относится к старшим слугам.

— Вы должны помнить ее, — сказал Джо. — Она была с нами, когда вы нас подобрали. Помните, может, такая высокая…

— Ах да! Конечно! Так, значит, Джо, ты утверждаешь, что самка умеет играть в бридж?

— Она игрок высшего класса, — заверил его Джо. — Играет лучше меня. Господи, Понс, да она обыграет вас как мальчишку. Правду я говорю,

Хью?

— Барбара — великолепный игрок.

— Пока не увижу — не поверю.

Через несколько минут Барбара, свежевымытая и до смерти перепуганная, уже стояла на пороге. Увидев Хью, она вздрогнула, открыла и тут же закрыла рот и осталась стоять в молчании.

К ней приблизился Понс:

— Так… Значит, это и есть самка, которая умеет играть в бридж? Не бойся, малышка, я тебя не съем.

Далее он добродушно заверил Барбару в том, что ее вызвали только для того, чтобы сыграть в бридж, и что она может расслабиться и не соблюдать уничижительные формы речи.

— В общем, веди себя так, словно ты приятно проводишь время внизу с другими слугами. Поняла меня?

— Да, сэр.

— И еще одно. — Он похлопал ее по плечу. — Пока ты будешь моей партнершей, я не рассержусь на тебя, если ты допустишь промах, — ведь ты все-таки самка, и вообще удивительно, что ты способна играть в интеллектуальную игру. Но… — он сделал паузу, — если, играя против меня, ты не будешь стараться, если я только за-

подозрю, что попытаешься подыгрывать мне, обещаю, что перед уходом отведаешь моего хлыста. Поняла?

— Правильно, — подтвердил Джо, — требование их милости справедливо. Играй по книге и старайся изо всех сил.

— По книге, — повторил Понс. — Я, правда, никогда не видел этой книги, но Джо уверяет, что научил меня играть именно по ней. Так что старайся. Ну ладно, давайте сдавать.

Хью почти не слушал его. Он блаженно вглядывался в свою возлюбленную. Она выглядела достаточно хорошо и на вид была здорова, но ему странно было видеть ее стройной, как прежде, вернее, почти как прежде, поправился он, — у нее все еще были заметно больше бедра и, разумеется, грудь. Загар с Барбары почти сошел, а одета она была, как и вся прислуга внизу, в бесформенный балахон, довольно короткий. Хью очень обрадовался тому, что она не лишилась своих волос. Они, правда, были коротко подстрижены, но отрастить их ничего не стоило.

Тут он заметил, что его собственная внешность почему-то удивила Барбару, и понял причину. Улыбнувшись, он пошутил:

— Я теперь причесываюсь ладонью, Барби.

Какая разница? Тем более что я уже привык быть лысым, и мне это даже нравится.

— Ты выглядишь просто изысканно, Хью.

— Он страшен как смертный грех, — заметил Понс. — Но зачем мы здесь собрались? Болтать? Или играть в бридж? Делайте ставки, Барбара.

Они играли несколько часов подряд. И чем дольше они играли, тем больше Барбара успокаивалась и приходила в себя. В конце концов игра, по-видимому, начала доставлять ей удовольствие. Она даже стала улыбаться, и не только Хью, но иногда Джо и даже и их милости.

Барбара играла строго по книге, и Понсу ни разу не удалось поймать ее на фальши. Хью пришел к выводу, что их хозяин — хороший игрок, пока не идеальный, конечно, но он, по крайней мере, запоминал битые карты и в торговле был точен. Хью находил его вполне достойным партнером и довольно сильным противником. Это была хорошая игра.

Один раз, когда Барбара была партнером Понса и контракт был на руках у Понса, Хью обратил внимание, что тот заказал слишком много. Тогда он исхитрился потерять одну верную взятку, дав таким образом Барбаре сделать контракт, гейм и роббер.

Этим он заслужил безразличный взгляд, как бы вскользь брошенный на него Барбарой, да Джо посмотрел на него с незаметной для постороннего взгляда усмешкой, но удержался от комментариев.

Понс ничего не заметил. Он радостно взревел, потянулся и погладил Барбару по голове:

— Изумительно! Изумительно! Малышка, да ты, кажется, и впрямь *умеешь* играть. Я и сам не смог бы провернуть такую комбинацию.

Он не стал жаловаться на судьбу, когда в следующем роббере Барбара и Хью жестоко наказали его и Джо. Тогда Хью решил, что, кроме приличных способностей к карточной игре, у Понса есть и то, что называется «спортивным духом».

Появилась одна из глухонемых прислужниц, опустилась на колени и подала их милости бокал. Судя по запотевшему стеклу — с прохладительным напитком. Затем поднесла и Джо. Понс отхлебнул глоток, вытер губы и довольно произнес:

— Уф! Очень кстати.

Джо шепотом сказал ему что-то на ухо. Понс удивился и ответил:

— Конечно. Почему бы и нет?

Таким образом, Хью и Барбару тоже обслужили.

Хью с удовольствием обнаружил, что в бокале у него — чистый яблочный сок. Если бы там оказалось Счастье, то он не поручился бы за свою дальнейшую способность играть.

Во время следующего роббера Хью заметил, что Барбара чем-то озабочена и с большим трудом сосредоточивается на игре. Когда они доиграли круг, он тихонько заметил:

— Что-нибудь не в порядке, милая?

Она бросила взгляд на Понса и прошептала:

— В общем, да. Когда за мной прислали, я как раз должна была кормить мальчиков.

— О! — Хью повернулся к хозяину. — Понс, Барбаре необходимо сделать перерыв.

Понс оторвался от тасовки карт:

— Зов природы? Думаю, одна из служанок покажет ей, где это. Ведь сами-то они ходят куда-то.

— Нет, не это. Впрочем, может быть, и это тоже. Но я хотел сказать, что у Барбары есть дети. Близнецы.

— Ну так и что? У самок обычно и бывают близнецы. Ведь у них две груди.

— В том-то и дело: она еще кормит их грудью, а последний раз их нужно было кормить несколько часов назад. Ей просто необходимо уйти.

Понс, казалось, был слегка раздражен. Поколе-

бавшись немного, он заявил:

— Чепуха. Молоко небось не свернется из-за такого небольшого опоздания. Давай сними карту.

Но Хью не притронулся к колоде. Понс повысил голос:

— Ты что, не слышал меня?

Хью встал. Его сердце билось, как молот, и он почувствовал, что дрожит от страха.

— Понс, Барбара страдает. Именно сейчас ей просто необходимо покормить малышей. Я, конечно, не могу принудить вас отпустить ее… но неужели вы думаете, что я буду продолжать играть, если вы заставите ее мучиться? Если вы так считаете, то, видимо, вы сошли с ума.

Великан долгое время рассматривал его без всякого выражения на лице. Потом он вдруг улыбнулся:

— Хью, а все-таки ты мне нравишься. При самой первой нашей встрече ты ведь тоже устроил нечто подобное, не так ли? Наверное, эта самка — твоя сестра, да?

— Нет.

— Тогда если кто из нас и сошел с ума, так это ты. Да знаешь ли ты, как близок был к тому, чтобы стать просто мясом?

— Могу предположить.

— Вряд ли, потому что по тебе этого никак не скажешь. Но мне нравится мужество, даже и в слуге. Ладно, пусть ее двойняшек принесут сюда. Они могут сосать, в то время как мы играем.

Принесли малышей, и Хью тут же понял, что это самые симпатичные ребятишки на свете, самые здоровенькие и миленькие детишки, которые когда-либо появлялись на свет божий. Он так и сказал Барбаре. Но в первый момент ему не удалось даже дотронуться до детей, так как Понс сразу же подхватил их на руки, рассмеялся и, подув обоим в ротик, немного покачал.

— Отличные мальчуганы! — воскликнул он. — Отличные мальчуганы у тебя, Барба! Сущие маленькие дьяволята, готов поклясться! Давай-давай, малыш, сжимай кулачок! Ну-ка, двинь дядюшку кулаком еще разок! Как их зовут, Барба? Имена у них есть?

— Вот этот — Хью…

— Что? Разве у них с Хью есть что-нибудь общее?

— Он их отец.

— Ну и ну! Ты, Хью, может быть, и не красив, но, видимо, у тебя есть другие достоинства. Если только Барбара говорит правду. А как зовут второго?

— А это маленький Джо, Карл Джозеф.

Понс взглянул на Джо:

— Так, значит, самка называет своих отпрысков в твою честь, Джо? Придется получше присматривать за тобой, разбойник ты этакий. Что же ты подарил Барбе?

— Прошу прощения?

— Что ты подарил ей за рождение ребенка, идиот? Подари ей кольцо, которое у тебя на пальце. В этом доме столько детей названо в мою честь, что мне приходится заказывать целые мешки безделушек. Их мамаши знают, что я обязан что-нибудь подарить им. Хью-то счастливчик — ему нечего отдавать. Ха, да у Хью, кажется, зубки!

Самому Хью удалось немного подержать детишек, пока Барбара устраивалась так, чтобы иметь возможность и кормить их грудью, и играть в бридж одновременно. Она брала детей по одному, а свободной рукой в это время играла. Вокруг ребенка, которого не кормили, суетились глухонемые служанки. Когда кормление закончилось, малышей унесли. Несмотря на довольно сложные условия, Барбара играла хорошо, даже блестяще. Длинная игра закончилась тем, что Понс набрал больше всех очков, Барбара оказалась на втором месте, а Джо и Хью разделили третье и четвертое.

Хью пожульничал совсем немного, чтобы добиться такой расстановки. Понсу действительно шла карта, особенно когда его партнершей была Барбара. Им даже удалось сделать два малых шлема.

Понс пребывал в отличном расположении духа.

— Барба, поди сюда, малышка. Скажи управляющему самками, что я приказал найти кормилицу для твоих двойняшек и что я хочу, чтобы ветеринар остановил у тебя выделение молока. Я желаю, чтобы ты как можно быстрее смогла стать моим партнером — или противником — по бриджу. Ты играешь как настоящий мужчина.

— Хорошо, сэр. Но позволено ли будет задать вопрос?

— Позволено.

— Я бы предпочла кормить детей сама. Ведь они — это все, что у меня есть.

— Ну что ж… — Он пожал плечами. — Кажется, сегодня у меня день упрямых слуг. Боюсь, вы оба все еще дикари. Вам бы отнюдь не повредила небольшая порка. Ладно, но в таком случае тебе придется иногда играть только одной рукой: я не желаю, чтобы игра прерывалась из-за детей. — Он улыбнулся. — Кроме того, я время от времени буду даже рад видеть маленьких разбойников,

особенно того, который умеет кусаться. Можешь идти. Все.

Барбара была отправлена так внезапно, что Хью едва успел на прощанье обменяться с ней улыбкой. Он-то рассчитывал, что они спустятся вниз вместе, а может быть, даже зайдут к нему ненадолго. Но их милость рассудил по-другому, поэтому ему пришлось остаться. На душе у Хью было тепло и хорошо. Сегодня он впервые за долгое время испытал минуты настоящего счастья.

Понс объяснил ему, почему ни одну из переведенных им статей нельзя использовать практически.

— Не отчаивайся, Хью. Продолжай свою работу, и нам обязательно что-нибудь попадется. — Он перевел разговор на другую тему, все еще не отпуская Хью. Тот обнаружил, что Понс — эрудированный собеседник, который интересуется всем и готов как внимательно слушать, так и увлекать рассказом сам. Он казался Хью воплощением утонченного декадентского джентльмена — вежливого, космополитического, разочарованного и циничного, дилетанта в искусстве и науке, не милосердного и не жестокого. Понс не кичился своим положением и не был расистом — он относился к Хью как к равному по интеллекту.

Пока они беседовали, низкорослые прислужницы накрыли стол для Понса и Джо. Хью, впрочем, и не ожидал, что его пригласят принять участие в трапезе, да и не желал этого. Он всегда мог приказать накрыть ему стол в кабинете, если не успевал в столовую для слуг; а в том, что Мемток был прав, утверждая, что слуги питаются лучше хозяев, Хью убедился давно. Но когда Понс наелся, он придвинул свои блюда Хью:

— Ешь.

Хью колебался какие-то доли секунды. Он прекрасно понимал, что ему оказана великая честь — для слуги, разумеется. На блюде оставалось еще очень много — раза в три больше, чем съел Понс. Хью не мог припомнить, чтобы ему приходилось подъедать за кем-нибудь, да еще грязной ложкой. Тем не менее он принялся за трапезу.

Как обычно, меню их милости не пришлось по вкусу Хью — что-то жирное, а он всегда недолюбливал свинину. Свинина редко подавалась слугам, но зато была обычной составной частью блюд, которые постоянно пробовал Мемток. Это очень удивляло Хью, так как в ревизованном Коране еще сохранились религиозные предписания по поводу пищи, а Избранные следовали некоторым ортодоксальным мусульманским обычаям.

Они практиковали обрезание, не употребляли спиртного, не считая легкого пива, и номинально чтили Рамадан и даже называли его тем же древним словом. Магомет был бы потрясен коренными изменениями, которые претерпело его монотеистическое учение, но некоторые его детали он бы узнал.

Но хлеб был вкусен, фрукты превосходны, равно как и мороженое и многое другое; совсем не было необходимости есть одну свинину. Хью отведал всего понемногу, решив расслабиться и получить удовольствие.

Понс поинтересовался, каким был климат в их время в этом районе.

— Джо говорит, что иногда у вас были морозы, даже снег.

— Конечно. Каждую зиму.

— Удивительно. И какой же бывал мороз?

Хью задумался. Он до сих пор не знал, как эти люди измеряли температуру.

— Если взять диапазон температур между замерзанием воды и ее кипением, то иногда температура доходила до одной трети этого промежутка ниже точки замерзания.

Понс удивился:

— Ты уверен? Мы измеряем диапазон от точки

кипения до точки замерзания ста градусами. Следовательно, ты утверждаешь, что температура доходила иногда до тридцати трех градусов ниже нуля.

Хью с удивлением отметил, что стоградусная шкала Цельсия прожила два тысячелетия. Впрочем, почему и нет? Ведь Избранные пользовались десятичным счислением в арифметике и в денежной системе. Он еще раз прикинул в уме.

— Да. Я имел в виду именно эту температуру. Порой стояли такие холода, что в горах, — Хью указал в окно на вздымающиеся на горизонте вершины, — в термометре замерзала ртуть.

— Да, — поежился Джо, — такой мороз, что зубы стыли. Единственная вещь, из-за которой я скучал по Миссисипи.

— А где, — спросил Понс, — находится Миссисипи?

— Ее больше не существует, — объяснил Джо. — Сейчас она под водой. И я ничуть об этом не сожалею.

Разговор сам собой переключился на обсуждение причин изменения климата, и их милость послал за последним томом «Британники», чтобы имевшиеся в нем карты сравнить с современными. Когда карты были разложены на столе, они

склонились над ними.

Там, где раньше была долина Миссисипи, теперь далеко на север простирался Мексиканский залив, Флориды и Юкатана не было, а Куба представляла собой архипелаг незначительных островов. Калифорния имела внутреннее собственное море, а бóльшая часть северной территории Канады исчезла.

Такого рода изменения произошли повсюду. Скандинавский полуостров превратился в остров, Британские острова стали группой мелких островков, под водой оказалась часть Сахары. Все прибрежные низменности были покрыты водой: не было Голландии, Бельгии, северной Германии… Не было и Дании — Балтика стала заливом Атлантического океана.

Хью смотрел на карту и внезапно ощутил странную печаль. Он никогда раньше не чувствовал таких приступов тоски по дому. Из книг он знал, что мир изменился, но впервые видел перед собой страшную картину этих глобальных изменений.

— Вопрос в том, — подытожил Понс, — явилось ли таяние льдов следствием большого количества пыли, появившейся в атмосфере в результате войны между Востоком и Западом, или

оно явилось природным явлением, которое лишь в небольшой степени было ускорено искусственно. Некоторые из моих ученых придерживаются первой версии, некоторые — второй.

— А сами вы что думаете? — спросил Хью.

Лорд пожал плечами:

— Я не так глуп, чтобы составлять мнение, не располагая достаточной информацией. Поэтому оставляю эти глупости ученым. Единственно, за что я благодарен Дяде, так это за то, что живу во времена, когда могу выйти на порог, не обморозив ступней. Однажды я был на Южном полюсе — у меня там кое-какие шахты. Так что вы думаете? Иней на земле. Ужасно. Льду место в напитках.

Понс подошел к окну и некоторое время стоял, вглядываясь в силуэты гор на фоне заката.

— Если бы здесь вновь стало холодно, мы бы мигом выковыряли их оттуда. А, Джо?

— Да они сами вернулись бы, поджав хвосты, — усмехнулся Джо.

Хью был озадачен.

— Понс имеет в виду, — объяснил Джо, — беглых, скрывающихся в горах. За которых сначала приняли нас.

— Да, там шляются беглые и горстка абориге-

нов, — добавил Понс. — Дикари. Бедняги, которые никогда не вкушали плодов цивилизации. Их очень трудно спасти, Хью. Ведь они не стоят и не ждут, когда их обнаружат, как вы, например. Они хитры, как волки. Стоит в небе появиться хоть тени — и они замирают на месте. Их никак не обнаружить с воздуха. И они с легкостью ломают тебе все игру. Конечно, мы могли бы выкурить их оттуда сотнями разных способов, но тогда и игра кончится, а это неинтересно. Хью, кстати, ты ведь и сам жил там, поэтому должен знать, как это можно устроить. Как нам переловить бродяг, не портя игры?

Мистер Хьюберт Фарнхэм колебался ровно столько, сколько ему требовалось на то, чтобы сформулировать ответ.

— Их милость, должно быть, знает, что ничтожный слуга — всего лишь слуга. И он никогда не осмелится предположить, что его незначительные соображения могут хотя бы близко подойти к тем гениальным решениям проблемы, которые, несомненно, переполняют великий ум их милости.

— Что такое, черт возьми? Перестань, Хью. Я действительно хочу знать твое мнение.

— Вы знаете мое мнение, Понс. Я слуга. И мои

симпатии — на стороне беглецов. И дикарей. Ведь я и сам пришел сюда не по собственной воле. Меня привели.

— Конечно, и ты, и даже Джо были захвачены. Но уж, наверное, теперь ты не жалеешь об этом? Тогда у нас были проблемы с общением, но теперь-то ты видишь разницу?

— Да, вижу.

— Тогда ты видишь, что условия твоей жизни улучшились. Разве теперь ты не спишь в кровати? Разве не ешь вкуснее и сытнее? Дядя! Да ведь когда мы подобрали вас, вы голодали и били вшей. Вы были чуть живыми от непосильного труда, я же видел! Я не слеп и не глух: в моей Семье даже последний мусорщик не работает так много, как приходилось вам, и спит в куда лучшей постели, к тому же у вас еще и вонь стояла такая, что нам едва удалось вывести ее. А ваша пища (если так можно назвать ту гадость, которую вы ели)… Любой из моих слуг побрезговал бы прикоснуться к ней. Разве все это не правда?

— Правда.

— Так в чем же дело?

— Я предпочитаю свободу.

— Свобода! — Их милость презрительно фыркнул. — Плод больного воображения. Бессмысли-

ца. Хью, тебе бы следовало заняться семантикой. Современной семантикой, конечно. Вряд ли в ваше время такая наука существовала. Мы все свободны идти предписанными нам путями. Так же, как камень волен падать, когда ты подбрасываешь его в воздух. Никто не свободен в абстрактном смысле, который ты придаешь этому слову. Может, ты думаешь, что *я* свободен? Скажем, свободен поменяться с тобой местами? А поменялся бы я с тобой, если бы мог? С радостью, клянусь! Ведь ты даже представления не имеешь о том, какие заботы обуревают меня, чем я занят. Иногда я всю ночь лежу, не в силах заснуть, и мучительно раздумываю о том, как мне быть дальше, — а ведь такого в спальнях слуг не бывает. Они счастливы — у них нет забот. А я должен терпеливо нести свое бремя.

Лицо Хью приняло упрямое выражение. Понс подошел к слуге и обнял его за плечи:

— Ладно, давай обсудим это разумно, как цивилизованные люди. Ведь я не отношусь к тем отягощенным предрассудками Избранным, которые считают, что слуга не способен думать, потому что у него бледная кожа. Ты же это понимаешь? Разве я не уважал всегда твой интеллект?

— Да… уважали.

— Это уже лучше. Тогда позволь мне кое-что объяснить тебе — Джо знает что, — а ты будешь задавать вопросы, и мы придем к разумному взаимопониманию. Во-первых… Джо, ты ведь видел Избранных повсюду, в том числе Избранных, которых наш друг Хью, несомненно, назвал бы «свободными». Расскажи ему о них.

Джо хмыкнул:

— Хью, если бы ты видел их, то был бы рад, что имеешь счастье жить в имении Понса. Я могу описать их только так: «нищее черное отребье». Совсем как то «нищее белое отребье», которое жило на берегах Миссисипи. Несчастные, которые даже не знают, что будут есть в следующий раз.

— Понимаю.

— Я, кажется, тоже понимаю, — согласился их милость. — Очень выразительно. Я предвижу день, когда каждый человек будет иметь слуг. Конечно, это случится не за одну ночь, потребуется долгое время, чтобы прийти к такому. Но мой идеал — когда у каждого Избранного будут слуги, а о слугах будут заботиться так же, как в моей Семье. Я для этого делаю все, что в моих силах. Я слежу за тем, чтобы они с рождения и до смерти ни в чем не испытывали недостатка. Им нечего бояться, они живут в абсолютной безопас-

ности, чего нет в этих горах. Они счастливы, они никогда не работают до седьмого пота — как я, например, — они развлекаются, чего я никак не могу сказать о себе! Эта партия в бридж — первое настоящее развлечение за целый месяц. Моих слуг никогда не наказывают, разве только для того, чтобы вразумить их, когда они ошибаются. Мы вынуждены это делать, ведь ты и сам знаешь, что в большинстве своем они непроходимо глупы. Не подумай, что я и *тебя* отношу к этой категории… Нет, я могу честно сказать, что считаю тебя достаточно умным, чтобы руководить другими слугами, несмотря на твой цвет кожи. Я говорю о простых слугах. Честно, Хью, неужели ты считаешь, что они могли бы сами позаботиться о себе так же хорошо, как забочусь о них я?

— Наверное, нет. — Хью уже слышал все это несколько дней назад и почти в тех же самых выражениях от Мемтока, с той лишь разницей, что Понс, похоже, искренне заботился о благополучии слуг, а главный управляющий открыто презирал их, даже, пожалуй, еще больше, чем втайне презирал Избранных. — Нет, большинство из них не могло бы позаботиться о себе.

— Ага! Так ты согласен со мной?

— Нет.

Понс был ошеломлен:

— Хью, как же мы можем спорить, если ты сначала говоришь одно, а потом сам себе противоречишь?

— Я не противоречу себе. Я согласен, что вы прекрасно заботитесь о своих слугах. Но я не уверен, что предпочел бы благополучие свободе.

— Но почему, Хью? Назови мне настоящую причину, а не отделывайся философскими абстракциями. Если ты несчастлив, то я хочу знать почему. Чтобы я мог исправить положение.

— Одну причину я могу назвать. Мне не дают жить с моей женой и детьми.

— Что?

— С Барбарой и близнецами.

— Ах вот оно что! А разве это так важно? Ведь у тебя есть согревательница постели. Так мне сказал Мемток, и я даже поздравил его с тем, как он ловко справился с необычной ситуацией. От этой старой лисы ничего не ускользает. Так что женщина у тебя есть, причем гораздо более искушенная в постельных делах, чем обычная племенная самка. А что касается близнецов, то ты всегда можешь повидаться с ними. Только прикажи — и тебе их принесут. Когда угодно. Но кто же согласится жить с детьми? Или с женой?

Я, например, со своей женой и детьми не живу, клянусь. Правда, иногда вижусь с ними, когда это необходимо. Я встречаюсь с ними при необходимости, но кто бы захотел постоянно жить с ними?

— Я бы захотел.

— Ну знаешь!.. Дядя! Я хочу, чтобы ты был по-настоящему счастлив. Это можно устроить.

— Можно?

— Конечно. Если бы ты не стал поднимать столько шума из-за оскопления, то уже давным-давно жил бы вместе с ними. Я до сих пор не понимаю, почему ты отказался. Так ты согласен на встречу с ветеринаром?

— Э… нет.

— Тогда есть другая возможность. Я прикажу стерилизовать женщину.

— Нет!

Понс вздохнул:

— Тебе трудно угодить. Но будь же рассудителен, Хью. Не могу же я игнорировать научную систему разведения только ради того, чтобы сделать приятное одному из слуг. Да ты знаешь, сколько слуг в нашей Семье? Здесь и во дворце? Думаю, около тысячи восьмисот. А знаешь, что произойдет, если дать им возможность беспре-

пятственно размножаться? Через десять лет число их удвоится. И что будет потом? А потом они начнут голодать! Естественно, я не в силах содержать такую армию слуг. Если бы я мог… но это все равно что пожелать луну с неба. Даже хуже, ведь на Луну мы можем отправиться в любой момент, если решим, что оно того стоит. Но никто не сможет обуздать размножение слуг, если они будут заниматься этим по своему усмотрению. Так что же лучше? Контролировать рождаемость? Или пусть голодают? — Их милость со вздохом добавил: — Жаль, что ты не на голову ниже. Возможно, тогда мы бы что-нибудь придумали. Ты когда-нибудь был в помещениях жеребцов?

— Да, однажды мы с Мемтоком были там.

— Ты заметил там дверь? Тебе пришлось наклониться, а Мемток прошел не сгибаясь — ведь он тоже когда-то был жеребцом. В любом из бараков для жеребцов по всему миру двери одинаковой высоты. И ни одному слуге, если он выше ростом, не стать никогда жеребцом. Или самкой, если она слишком высокая. Этот закон очень мудр, Хью. Не я устанавливал его. Он был введен давным-давно их превосходительством, который правил в те времена. Если бы им позволили рождаться большими, они бы становились непокорными

и их приходилось бы часто щекотать хлыстом, а это плохо как для слуги, так и для хозяина. Нет, Хью, все имеет свои причины. Так что не проси невозможного. — Он поднялся с дивана, на котором они с Хью разговаривали, пересел за карточный столик и взял в руки колоду. — Поэтому мы больше не будем говорить на эту тему. Ты умеешь играть в двойной солитер?

— Да.

— Тогда подсаживайся. Посмотрим, сумеешь ли ты обыграть меня. И давай не будем дуться. А то мужчины обычно расстраиваются, когда им не удается добиться желаемого.

Хью не стал спорить. Он с сожалением отметил про себя, что Понс вовсе не был злодеем. Он был точно таким же, какими были представители всех правящих классов в истории: искренне убежденным в своих благих намерениях. И он точно так же страдал, если их ставили под сомнение.

Они сыграли партию. Хью проиграл, потому что мысли его витали далеко. Начали вторую, и тут их милость заметил:

— Надо бы приказать, чтобы расписали еще одну колоду. А то эта уже поистерлась.

Хью поинтересовался:

— А разве нельзя отпечатать ее, как свиток?

— Интересная мысль. Мне подобное никогда не приходило в голову. — Понс потер пальцами одну из карт двадцатого века. — Эта, во всяком случае, не очень-то похожа на напечатанную. А что, их в самом деле печатали?

— Конечно. Тысячами. Даже, можно сказать, миллионами, учитывая то, что продавались они в огромных количествах.

— Вот как? Никогда бы не подумал, что бридж, для которого необходим острый ум, мог привлечь много людей.

Хью внезапно положил карты:

— Понс! Вы хотели найти способ сделать деньги.

— Да. Хотел.

— Так вот он — у вас в руках. Джо! Давай-ка обсудим это. Сколько колод продавалось в Соединенных Штатах ежегодно?

— Ну, я точно не знаю, Хью. Наверное, миллионы.

— Я тоже так думаю. С прибылью около девяноста процентов. Хм… Понс, бридж и солитер — не единственные карточные игры. Возможности тут неограниченные. Есть такие же простые игры, как солитер, но в них могут играть два, три или большее количество игроков. Есть игры, в кото-

рые может играть дюжина людей одновременно. Есть даже разновидность бриджа — «двойной», как его называют, — более сложная, чем контракт. Понс, почти каждая семья в наше время имела одну, две, а то и дюжину колод. В редком доме не держали карт. Можно примерно подсчитать, сколько колод продавалось. Вероятно, только в Соединенных Штатах в ходу их было около ста миллионов. А перед вами — девственный рынок. Все, что потребуется, — это заинтересовать людей.

— Понс, Хью прав, — подтвердил Джо. — Возможности неограниченные.

Понс поджал губы:

— Если продавать их по бычку за колоду, ну скажем…

— Слишком дорого, — возразил Джо. — Ты убьешь рынок еще до начала дела.

Хью встрепенулся:

— Джо, помнишь, есть какая-то формула для установления цены, которая максимизирует прибыль, а не продажи?

— Она срабатывала только при полной монополии.

— Да? А как здесь насчет этого? Партнеры, авторское право и все такое прочее? В тех свитках,

что я читал, об этом ничего не было сказано.

Джо выглядел встревоженным.

— Хью, Избранные не имеют такой системы, — ответил Джо, — она им не нужна. Все прекрасно разработано, динамика в экономике незначительная.

— Это плохо, — сказал Хью. — Не пройдет и двух недель, как рынок переполнится подделками.

Понс встал:

— О чем вы болтаете? Говорите на Языке.

Беседа между Джо и Хью незаметно для них перешла на английский, поскольку в Речи отсутствовали соответствующие понятия.

— Прошу прощения, Понс, — извинился Джо и вкратце объяснил ему концепцию авторского права, патента и монополии.

Понс облегченно вздохнул:

— О, это очень просто. Когда на человека снисходит вдохновение с небес, лорд-владетель запрещает кому бы то ни было другому пользоваться этим без разрешения. Но такое случается редко. На моей памяти было всего дважды. Но Всемогущий Дядя иногда улыбается простым смертным.

Хью не удивился, узнав, как редко случаются здесь изобретения. Эта культура была статична,

а так называемой «наукой» занимались в основном оскопленные рабы. Если получить патент на новую идею было так нелегко, то и стимулов что-либо изобретать практически не осталось.

— Значит, вы заявите, что эта идея — вдохновение с небес?

Понс немного подумал и ответил:

— Вдохновение — это то, что их милосердие в их мудрости признает таковым. — Он вдруг улыбнулся. — На мой взгляд, все, что пополняет закрома Семьи бычками, является вдохновением. Проблема в том, чтобы владетель думал так же. Но это можно устроить. Продолжайте.

— Хью, — сказал Джо, — охраняться должны будут не только игральные карты, но и игры вообще.

— Конечно. Если не будут покупать карты их милости, то пусть и не играют в них вовсе. Разумеется, трудно гарантировать, что кто-нибудь не попытается подделать колоду карт, но монополия сделает это противозаконным.

— Необходимо будет пресекать не только подделку наших карт, но и появление любой другой их разновидности. Ведь в бридж, например, можно играть картами, на которых проставлены одни номера.

— Да, — отозвался Хью. — Джо, у нас в убежище где-то была коробка со скреблом…

— Она здесь. Ученые Понса спасли все, Хью. Я понимаю, к чему ты клонишь, но здесь не смогут играть в скребл, потому что никто не знает английского.

— А что мешает нам изобрести скребл заново — но уже на Языке? Стоит мне только посадить мой штат за частотные исследования Языка, и я очень скоро смогу изготовить скребл — и доску, и фишки, и правила, но уже на Языке.

— Что такое, во имя Дяди, этот ваш скребл?

— Игра, Понс. Очень хорошая. Но главное то, что за нее можно просить гораздо больше, чем за колоду карт.

— И это еще не все, — сказал Хью. Он начал загибать пальцы. — Парчиси, «Монополия», нарды, «Старая дева» для детей — название придется поменять, — домино, анаграммы, покерные фишки, мозаики или джиг со, но с объяснением… кстати, ты их здесь видел?

— Нет.

— Они годятся для любого возраста. Бывают самых разных степеней сложности. Жестянщик. Кости. Существует множество игр с костями. Джо, здесь есть казино?

— Своего рода. Есть места для азартных игр, и многие играют дома.

— Рулетки?

— Не думаю.

— Тогда страшно подумать, что мы можем сделать. Понс, складывается впечатление, что отныне вы все ночи будете проводить, подсчитывая барыши.

— Для этого есть слуги. Я только хотел бы знать, о чем вы говорите. Будет ли позволено спросить?

— Простите, сэр. Джо и я говорили о древних играх… и не только об играх, но и о всякого рода развлечениях, которые раньше были в большом ходу, а сейчас оказались забытыми. Так я, по крайней мере, думаю. А ты, Джо?

— Единственная знакомая игра, которую я встречал здесь, — это шахматы.

— Не удивительно, что они сохранились. Шахматы переживут что угодно. Понс, дело в том, что любая из этих игр может приносить деньги. Конечно, у вас есть игры. Но эти будут экзотическим новшеством, хотя они и очень старые. Пинг-понг… Боулинг! Джо, у них есть все это?

— Нет.

— Бильярд… Ладно, хватит. Мы и так уже перечислили достаточно. Понс, значит, сейчас самое

важное — добиться покровительства их милосердия, которое должно распространяться на все игры; и я, кажется, придумал, как выдать это за вдохновение свыше. Это было чудом.

— Что? Ерунда. Я не верю в чудеса.

— А вам и не надо верить. Смотрите сами: нас обнаружили на земле, принадлежащей лично владетелю, — а нашли нас вы, лорд-хранитель этой земли. Разве это не выглядит так, что сам Дядя хотел, чтобы о нашем существовании стало известно владетелю? И чтобы вы, как лорд-хранитель, сохранили найденное имущество и достойно им распорядились?

Понс улыбнулся:

— Могут найтись охотники оспорить такое толкование событий. Но ведь не вскипятишь воды, не истопив печку, как говорила моя тетушка. — Он встал. — Хью, я хочу посмотреть на этот самый скребл. И как можно скорее. Джо, мы выберем время, чтобы ты объяснил нам все остальное. Мы отпускаем вас обоих. Все.

Киска уже спала, когда вернулся Хью. В кулачке у нее была зажата записка.

Милый, как чудесно было увидеть тебя!
Жду не дождусь, когда же их милость сно-

ва позовет нас играть в бридж! Он просто душка! Пусть даже и проявил недомыслие кое в чем. Но он исправил свою ошибку, а это черта настоящего джентльмена.

Я так возбуждена тем, что повидалась с тобой, что едва могу писать. А ведь Киска ждет записку, чтобы отнести ее тебе.

Близнецы посылают тебе свои слюнявые поцелуи. Люблю, люблю, люблю!

Твоя, и только твоя, Б.

Хью читал записку Барбары со смешанным чувством. Он разделял ее радость по поводу воссоединения, хотя оно и было довольно непродолжительным, и тоже с нетерпением ждал того времени, когда Понс для своего удовольствия позволит им побыть вместе. Что же касается всего остального… Лучше постараться вытащить ее отсюда до того, как она начнет мыслить категориями обыкновенной рабыни. Конечно, Понс был джентльменом — в общепринятом значении этого слова. Он сознавал свои обязанности, был великодушен и щедр по отношению к своим подданным. В общем, джентльмен по меркам этой эпохи.

Но он же был и проклятым сукиным сыном! И Барбаре не следовало бы так охотно закрывать на это глаза. Игнорировать этот факт — да, тут уж никуда не денешься. Но не забывать.

Он должен освободить ее.

Но *как*?

Хью улегся в постель. Промаявшись около часа, он поднялся, перебрался в гостиную и встал у окна. За темным покровом ночи он различил еще более темные очертания Скалистых гор.

Где-то там жили свободные люди.

Он мог разбить окно и уйти в горы, затеряться там до рассвета и заняться поиском этих людей. Ему даже не потребовалось бы разбивать окно — можно было просто проскользнуть мимо дремлющего привратника или воспользоваться данной ему властью, олицетворяемой хлыстом, и пройти, невзирая на стражу. Никаких особых мер, чтобы держать слуг взаперти, не предпринималось. Стража содержалась скорее для того, чтобы предотвратить проникновение извне. Большинство слуг и не подумало бы бежать, они были способны на это не больше, чем домашние собаки.

Собаки… Одной из обязанностей надсмотрщика над жеребцами было содержание своры гончих.

Если потребуется, он мог бы убить собаку голыми руками. Но как бежать, когда на руках двое грудных детей?!

Он подошел к шкафу, взял бутылку, налил себе добрую порцию Счастья, выпил ее и вернулся в постель.

16

В течение многих дней Хью занимался тем, что перерабатывал скребл, переводил хойловское «Полное собрание игр», диктуя заодно правила и описания игр и развлечений, которых не было у Хойла (пинг-понг, гольф, катание на водных лыжах), и часто встречался с Понсом и Джо — за игрой в бридж.

Последнее было самым приятным. С помощью Джо он научил играть нескольких Избранных, но чаще всего они играли вчетвером: Хью, Понс, Джо и Барбара. Понс играл с энтузиазмом новообращенного. Он старался отдавать игре каждую свободную минуту, причем предпочитал, чтобы состав игроков был постоянный — все те же четверо.

Хью казалось, что Понс искренне симпатизирует Барбаре, равно как и коту, которого он звал

«Дакливстон». Понс распространил на котов обращение как с равными, и Док или любой другой его сородич всегда мог запросто вспрыгнуть к нему на колени, даже если Понс в это время торговался. То же добродушно-покровительственное отношение проявлялось и к Барбаре. Узнав ее поближе, он стал называть ее не иначе как «Барба» или «деточка». И уже никогда больше не обращался к ней как к неодушевленному предмету, нарушая тем самым предписания правил Языка. Барбара, в свою очередь, называла его «Понс» или «Дядюшка» и явно испытывала удовольствие от общения с ним.

Иногда Понс оставлял Хью и Барбару наедине, а однажды — на целых двадцать минут. Минуты, проводимые вдвоем, были для них настолько бесценными, что они не рисковали искушать судьбу и довольствовались всего лишь легким пожатием рук.

Если подходило время кормления, Барбара говорила об этом, и Понс отдавал распоряжение принести детей. Как-то раз он сам приказал доставить их, заявив, что не виделся с ними целую неделю и хотел бы посмотреть, сильно ли они подросли. Поэтому игру пришлось отложить до тех пор, пока «Дядюшка» не навозился с малы-

шами всласть на ковре, развлекая их разными забавными звуками.

Его хватило, впрочем, не более чем на пять минут. Когда ребятишек унесли, Понс сказал Барбаре:

— Детка, они растут, как сахарный тростник. Надеюсь, мне доведется увидеть их взрослыми.

— Дядюшка, вам еще жить да жить!

— Возможно. Я пережил уже, наверное, с дюжину дегустаторов, но предотвратить смерть от старости они не в состоянии. А из наших мальчиков вполне могут получиться прекрасные лакеи. Я так и вижу их подающими блюда на банкете во дворце — в резиденции, конечно, а не в этой хибаре. Кто сдает?

Несколько раз Хью мельком видел Грейс, не дольше нескольких секунд. Если он появлялся в покоях Понса, когда она там находилась, Грейс немедленно удалялась с выражением крайнего недовольства на лице. Если же Барбара приходила раньше Хью, то он вообще уже не заставал Грейс. Было ясно, что его бывшая жена в апартаментах их милости чувствует себя как дома, очевидным было и то, что она по-прежнему не переносит Барбару, а заодно и Хью. Однако она ни разу не пыталась выразить свою неприязнь в

активной форме, видимо научившись не поступать вопреки воле хозяина.

Теперь Грейс официально имела статус согревательницы постели их милости. Хью узнал об этом от Киски. Самки, в отличие от Хью, всегда точно знали, у себя ли лорд, по тому, где была Грейс — наверху или внизу. Других занятий она не имела, и никто, даже Мемток, не имел права наказывать ее. Кроме всего прочего, каждый раз, когда Хью видел ее, она была роскошно одета и увешана драгоценностями.

Грейс очень растолстела — настолько, что Хью испытывал облегчение оттого, что теперь даже формально не обязан делить с ней ложе. Но вообще-то все согревательницы постели, на его вкус, были слишком полными. Даже Киска. По меркам двадцатого века девушка ее габаритов уже вполне могла садиться на диету. Киска же очень огорчалась, что никак не может пополнеть еще, и все спрашивала Хью, не разонравилась ли она ему из-за этого. Правда, она была совсем юной, и чрезмерная пышность ее форм не казалась уродливой.

Совсем другое дело — полнота Грейс. Где-то в этой расплывшейся туше была похоронена прелестная девушка, бывшая когда-то его женой.

Он старался не размышлять на эту тему и не понимал, как нынешняя Грейс может нравиться Понсу — если, конечно, она ему нравилась. По правде говоря, Хью допускал, что положение согревательницы постели было чисто номинальным. Ведь Понсу было более ста лет от роду. В состоянии ли он иметь дело с женщинами или пригоден к этому не более, чем Мемток? Хью этого не знал, да и мало интересовался. На вид Понсу можно было дать лет шестьдесят, причем он казался исполненным сил и бодрости. Но Хью все же склонялся к мысли, что Грейс выполняла роль одалиски, а не гурии.

Если он к судьбе Грейс стал равнодушен, то Дьюка она весьма волновала. Как-то раз старший сын ворвался к нему в кабинет и потребовал разговора с глазу на глаз. Хью отвел его в свою комнату. Они не виделись уже с месяц. Дьюк регулярно посылал переводы, поэтому не было острой необходимости встречаться.

Хью попытался сделать встречу теплой:

— Садись, Дьюк. Хочешь немного Счастья?

— Нет уж! Спасибо. Что такое я слышал насчет матери!..

— И что же ты слышал? — «О боже! Опять начинается...»

— Ты чертовски хорошо знаешь, о чем идет речь!

— Боюсь, что нет.

Хью все-таки заставил его сказать все открытым текстом. Дьюк располагал всеми фактами, но, что больше всего удивило Хью, узнал их только что. Поскольку более четырехсот слуг были отлично осведомлены о том, что одна из дикарок — не та высокая и худая, а другая — проводила в покоях их милости гораздо больше времени, чем в комнатах самок, то казалось странным, что Дьюку понадобилось столько времени, чтобы узнать об этом. Впрочем, у Дьюка было мало общего с другими слугами, да и сам он не пользовался особой популярностью, — Мемток называл его «возмутителем спокойствия».

Хью не стал ни отрицать, ни подтверждать то, что выложил ему сын.

— Так что же? — требовательно спросил Дьюк. — Что ты собираешься предпринять?

— Ты о чем, Дьюк? Ты хочешь, чтобы я прекратил все эти сплетни среди слуг?

— Я не о том! Ты что же, собираешься вот так спокойно сидеть здесь сложа руки, в то время как твою жену насилуют?

— Не исключено. Ты приходишь ко мне с ка-

кими-то слухами, которые дошли до тебя от старшего помощника младшего дворника, и требуешь от меня действий. Во-первых, я хотел бы знать, почему ты даже не усомнился в правдивости этих слухов? Во-вторых, почему ты с такой уверенностью говоришь об изнасиловании? В-третьих, каких поступков ты ждешь от меня? В-четвертых, что, по-твоему, я могу с этим поделать? Подумай над моими вопросами и постарайся быть рассудительным. А затем мы с тобой поговорим о том, чего я не могу и что могу.

— Не увиливай!

— Я не увиливаю. Дьюк, ты получил дорогостоящее образование юриста — я знаю, ведь это я платил за твое обучение. И ты сам много раз говорил мне о том, что бремя доказательств лежит на обвиняющей стороне. Так примени теперь свое образование. Расположим вопросы по порядку. Почему ты думаешь, что эти слухи — правда?

— Ну… они дошли до меня… и я их проверил. Все это знают.

— Вот как? Но ведь раньше все знали, что земля плоская. Однако это оказалось совсем не так. Согласись.

— Но я же говорю тебе! Мама назначена согревательницей постели этого ублюдка.

— Кто тебе сказал?

— Да все говорят!

— А ты спрашивал у управляющего самками?

— Что я, с ума сошел, что ли?

— Будем считать этот вопрос риторическим. Из того, что, как ты выразился, «все знают», нам известно только то, что Грейс назначена прислуживать наверху. Можно проверить, правда ли это. Обязанности ее могут быть самыми разными: прислуживать их милости, знатным дамам или еще что-нибудь. Хочешь, устрою тебе свидание с управляющим, чтобы ты сам смог узнать у него, чем занимается наверху твоя мать? Мне эти обязанности неизвестны.

— Нет уж, сам спрашивай.

— Не буду. Я уверен, что Грейс не потерпит вмешательства в свои дела. Допустим, *ты* спросишь управляющего, и он подтвердит, что она, как ты подозреваешь на основании сплетен, действительно согревательница постели их милости. Чисто теоретически, потому что ты все еще ничего не доказал, но, предположим, да, дела обстоят так. Только при чем здесь изнасилование?

Дьюк был удивлен:

— Знаешь, такого я не ожидал даже от тебя. Сидеть тут и заявлять не моргнув глазом, что

мама может согласиться на такое *добровольно*.

— Я давно уже бросил гадать, на что способна твоя мать, а на что нет. Но я и не говорил, что она что-то там такое делает. Это *ты* сказал. Ведь помимо твоих слов о том, что она назначена согревательницей постели, мне ничего не известно. А ты располагаешь лишь слухами. Даже если они не беспочвенны, я все равно не могу утверждать, что Грейс непременно побывала в его постели, добровольно или нет, — я никогда не заглядывал к нему в постель и даже не слышал сплетен по этому поводу. Только твои грязные измышления. Возможно, ты отчасти и прав, но опять же нет никаких оснований полагать, что имело место нечто большее, чем совместный сон. Я и сам не раз делил ложе с особами женского пола, и в этом не было криминала. Даже допуская мысль о возможных интимных отношениях между ними — опять же, заметь, твое предположение, — я искренне сомневаюсь, что их милость хоть раз в жизни изнасиловал какую-нибудь женщину. Не забывай и о его возрасте.

— Чушь! Ни один черномазый ублюдок не упустит случая опоганить белую женщину!

— Дьюк! То, что ты говоришь, — ядовитая безумная чушь! Ты заставляешь меня заподозрить, что

ты и вправду сошел с ума.

— Я…

— Заткнись! Ты прекрасно знаешь, что Джозеф много раз имел возможность изнасиловать любую из трех белых женщин на протяжении долгих десяти месяцев. Ты прекрасно знаешь и то, что его поведение было превыше всяческих похвал.

— Ну… у него просто не было случая.

— Я уже сказал тебе: прекрати молоть вздор. Возможностей у него было хоть отбавляй. Хотя бы в то время, когда ты был на охоте. В любой день. Он оставался наедине с каждой из них множество раз. Так что перестань оскорблять Джозефа. Мне просто стыдно за тебя.

— А мне — за тебя. Ты — зажиревший кот черномазого короля.

— И прекрасно. Значит, нам обоюдно стыдно друг за друга. Кстати, о котах: я в тебе вовсе не нуждаюсь. Если тебе не нравится быть зажиревшим котом, можешь отправляться мыть посуду или делать, что прикажут.

— Мне все равно.

— Тогда, будь добр, сообщи мне, когда тебе надоест твоя сытая жизнь. Правда, это будет стоить тебе собственной комнаты, но ведь от-

дельная комната — привилегия зажиревших котов. Впрочем, ладно. Я, кажется, вижу только одну возможность узнать факты, если таковые имеются, вместо твоих грязных измышлений. Нужно спросить самого лорда-протектора.

— Наконец-то я услышал от тебя нечто разумное! Отлично!

— Только спрашивать буду не я. Ведь я же не подозреваю его в изнасиловании. Спроси сам. Повидайся с главным управляющим. Он выслушает любого из слуг, пожелавшего обратиться к нему — на свой страх и риск, конечно. Но я не думаю, что он без достаточно веского повода будет наказывать кого-либо из моего департамента, ведь у меня есть кое-какие привилегии зажиревшего кота. Скажи ему, что просишь аудиенции лорда-протектора. Думаю, больше ничего и не понадобится. Разве что подождать неделю или две. Если Мемток откажет тебе, дай мне знать. Я уверен, что смогу добиться от него этой аудиенции. А потом, когда предстанешь перед лордом-протектором, просто спроси его — напрямую.

— И мне солгут в глаза. Да я задушу эту черную обезьяну, как только увижу ее!

Мистер Фарнхэм вздохнул:

— Дьюк, у меня просто в голове не укладывает-

ся, что один человек может заблуждаться в таком множестве вещей. Если тебя удостоят аудиенции, то рядом с тобой будет Мемток. Со своим хлыстом. Лорд-протектор будет на расстоянии футов пятидесяти от тебя. К тому же хлыст, который висит у него на поясе, — не обычная игрушка-погонялка, а смертоносное оружие. Старик — тертый жизнью калач, и убить его не так-то просто.

— Ничего, я попробую!

— Да, можешь попробовать. С таким же успехом кузнечик может попытаться напасть на газонокосилку. Можно восхищаться его отвагой, но не его рассудительностью. Ты также ошибаешься и в том, что считаешь их милость способным солгать тебе. Если он действительно сделал то, что ты предполагаешь, — то есть силой заставил твою мать отдаться, — он ничуть не постыдится этого, равно как и не постыдится дать тебе честный ответ. Дьюк, пойми, он так же не станет лгать слуге, как и не подумает, например, уступить тебе дорогу. К тому же… а своей матери ты поверишь?

— Конечно поверю.

— Тогда попроси лорда-протектора дать тебе возможность встретиться с ней. Я почти уверен, что он не откажет и разрешит тебе свидание на несколько минут — естественно, в его при-

сутствии. Правила гарема он может нарушить — только когда сам пожелает. Если у тебя хватит смелости заявить ему, что ты хочешь услышать подтверждение его словам от нее, думаю, что он будет удивлен. Но потом, скорее всего, рассмеется и согласится. На мой взгляд, это единственная для тебя возможность увидеть мать и убедиться, что она в безопасности и хорошо устроена. Другого способа встретиться с ней нет. Полагаю, у тебя есть надежда: твое дело столь необычно, что может потешить Понса комизмом, как ему представляется, столь смехотворной проблемы.

Дьюк был озадачен:

— Слушай, а какого черта ты *сам* его не спросишь? Ведь ты видишься с ним почти каждый день. По крайней мере, я слышал такое.

— Я?! Да, мы встречаемся довольно часто. Но спрашивать его об изнасиловании… Ты ведь это имеешь в виду?

— Да, если ты предпочитаешь такое выражение.

— Изнасилование — это то, что *ты* подозреваешь. *Я* ни в коей мере не подозреваю их милость в насилии и не собираюсь служить выразителем твоих грязных подозрений. Если нужно спросить, то имей смелость сделать это сам. — Хью поднял-

ся. — Мы потеряли уже уйму времени. Так что или принимайся за работу, или иди и повидайся с Мемтоком.

— Я еще не закончил.

— Нет, закончил. Это приказ, а не предложение.

— Если ты думаешь, что я боюсь твоего хлыста…

— Господи, Дьюк, не стану же я наказывать тебя сам! Если ты доведешь меня, я попрошу Мемтока проучить тебя. Говорят, он крупный специалист. А теперь выметайся. Ты отнял у меня полдня.

Дьюк ушел. Хью некоторое время пытался успокоиться. Стычки с Дьюком всегда выводили его из себя, даже когда тот был еще двенадцатилетним мальчишкой. Но его беспокоило и кое-что еще. Он использовал все свои возможности убедить сына отказаться от избранного им пути. Его абсолютно не волновало то, что составляло основной предмет беспокойства для Дьюка. Что бы ни случилось с Грейс, он был уверен, что изнасилование как таковое не имело места. Но он с болью в душе осознавал кое-что, чего Дьюк в своем заблуждении, очевидно, не понимал.

Дьюк, с жалостью отметил Хью, не осознал древнего закона побежденных, гласившего, что

их женщины в конце концов сдаются победителям — добровольно.

Подчинилась его бывшая жена или нет — было вопросом скорее академическим. Он сильно подозревал, что у нее ни разу не появилось такой возможности. В любом случае она, очевидно, была довольна своей судьбой — чисто по-обывательски. Но жизнь Грейс ни в коей мере не беспокоила его. Он честно старался исполнить свой долг по отношению к ней, она сама отдалилась от него. Ему только не хотелось бы, чтобы Барбаре когда-нибудь пришлось испытать на себе гнет безысходности, который способен был превратить — и превращал на всем протяжении истории — добродетельную женщину в добровольную наложницу. Он любил ее, но не строил никаких иллюзий по поводу того, что она, обычный человек из плоти и крови, окажется ангелом или святой. Даже гордые сабинянки не выдержали выпавшего на их долю испытания и сдались. «Лучше смерть, чем бесчестье» — этот лозунг никогда не был слишком популярным. Со временем все поддавались компромиссам и переходили на добровольное сотрудничество.

Он достал бутыль Счастья, посмотрел на нее… и поставил на место. Нет, он никогда не будет

решать своих проблем таким способом.

Хью не пытался узнать, виделся ли Дьюк с Мемтоком. Он вернулся к своей бесконечной работе, одержимый намерением умаслить их милость любым доступным способом, будь то бридж, прибыльные идеи или просто переводы. Он больше не надеялся на то, что босс позволит ему взять к себе Барбару и близнецов. В этом вопросе старый Понс был тверд как камень. Но быть в фаворе все равно было полезно, даже необходимо, что бы ни случилось. Кроме того, расположение «дядюшки» позволяло Хью хоть изредка видеться с Барбарой.

Он продолжал думать о побеге. По мере того как лето подходило к концу, он все больше укреплялся в мысли, что бежать в этом году — всем четверым, да еще с грудными младенцами на руках — невозможно. Вскоре все хозяйство переедет обратно в город, а он понимал, что единственный шанс удачного побега — это бегство в горы. Ничего… Пусть еще год, пусть два и даже больше. Может быть, лучше подождать до тех пор, пока мальчики научатся ходить. Даже и тогда побег будет более чем труден, а с грудными детьми на руках он вообще немыслим. Но, несмотря на отдаленную перспективу, нужно, когда их еще

раз хотя бы на минуту оставят одних, поделиться идеей бегства с Барбарой, чтобы она не вешала носа и ждала.

Хью не осмелился написать ей это. Даже если Джо и не выдаст его, Понс, попади ему в руки записка, сможет получить ее перевод, ведь где-то были ученые, знающие английский язык. А Грейс? Он надеялся, что она не будет мстить, но угадать было трудно. Возможно, Понс все знал об этой переписке, каждый день получал переводы записок, смеялся над ними и не обращал на них внимания.

А что, если разработать код? Что-нибудь простое, вроде первого слова в первой строчке, второго во второй и так далее. Можно рискнуть.

К тому же Хью сообразил, что у них есть еще одно преимущество, которое может здорово помочь им. Беглецы редко достигали своей цели просто потому, что их выдавала внешность. Белую кожу еще можно было загримировать, но слуги на много дюймов ниже и на несколько фунтов легче, чем Избранные.

И Барбара, и Хью были высокого роста. В этом отношении они вполне могли сойти за Избранных. Черты лица? У Избранных лица отличались значительным разнообразием. Индусские черты

смешивались с негроидными и многими другими. Проблему представляла его лысая голова. Значит, придется украсть парик. Или сделать его. Если у них будет краденая одежда, припасенная пища, хоть какое-нибудь оружие (да сами две его руки чего-то стоят!) и грим, они вполне могут сойти за «нищее черное отребье» и отправиться в путь.

Если только он не окажется слишком длинным. Если их не настигнут собаки. Если они по неведению не допустят какого-нибудь дурацкого ляпсуса.

Но слуги, которых сразу выдает телосложение, не имеют право выходить за пределы имения, фермы или ранчо без пропуска, полученного от повелителя.

Возможно, ему удастся увидеть такой пропуск и даже подделать его. Нет, ни он, ни Барбара не могли открыто путешествовать по поддельному пропуску по той же причине, которая позволяла ему надеяться сойти за Избранных: для обычных слуг у них были слишком крупные габариты и их сразу же задержали бы.

Чем больше Хью размышлял, тем больше приходил к мысли, что побег следует отложить, по крайней мере до следующего лета.

Если бы только они оказались среди слуг, которых отберут для поездки в Летний дворец на будущий год… Если бы они *все*… Если бы они все *четверо* оказались… Об этом-то он и не подумал! Господи Иисусе! Да ведь их маленькая семья может больше никогда не собраться под этой крышей! Возможно, из-за этого им придется бежать сейчас, в тот короткий промежуток времени, который их отделял от переезда. Бежать, несмотря на собак, на медведей, на этих злобных мелких леопардов… бежать, да еще с двумя младенцами на руках. Боже! Было ли у какого-либо мужчины меньше шансов спасти свою семью?

Да. У него самого… когда он строил убежище.

Подготовиться, насколько это возможно… и молить о чуде. Хью начал припасать еду из тех блюд, которые ему приносили в комнату, — то, что можно было хранить. Он стал присматривать, где бы украсть нож или что-нибудь, из чего можно его изготовить. Все свои приготовления он тщательно скрывал от Киски.

Гораздо раньше, чем он надеялся, ему удалось достать грим. Наступил праздник, что означало оргию слуг в Большом зале, где рекой лилось Счастье. В этот день силами слуг устраивались маленькие костюмированные представления.

Хью выпало играть комическую роль лорда-протектора в небольшой веселой пьесе. Он не колеблясь согласился, ибо сам Мемток отметил, что комплекция делает его идеальной кандидатурой на эту роль. Хью опробовал свои актерские данные, помахав жезлом в три раза большим, чем тот, который носил их милость.

Представление имело успех. Хью заметил, что Понс наблюдает за его игрой с балкончика, где они с Мемтоком как-то наблюдали за раздачей Счастья слугам. Понс смотрел и смеялся. Хью, войдя в роль повелителя, рявкнул:

— Эй, там, на балконе! Потише! Мемток, а ну-ка всыпь как следует этому созданию.

Тут их милость расхохотался пуще прежнего, а слуги чуть ли не покатились по полу от восторга. На следующий день, за бриджем, Понс похлопал Хью по плечу и объявил, что лучшего лорда чепухи он еще не видывал.

В результате успешно проведенной операции были добыты: пакетик краски, которую достаточно было смешать с обыкновенным кремом, чтобы получить отличный темный грим, и парик, который скрывал его лысый череп под копной черных волнистых волос. Это был не тот парик, в котором он играл, — тот он вернул главному

управляющему, даже предложив Мемтоку примерить его на себя. Нет, этот парик он выбрал из нескольких, из года в год накапливающихся в костюмерной после представлений. Хью примерил его, бросил, поддав ногой, а затем украдкой подобрал и сунул под балахон, где и держал несколько дней, не зная, хватятся его или нет. Когда стало ясно, что пропажа осталась незамеченной, он спрятал парик под столиком в рабочем кабинете, задержавшись вечером немного дольше своих помощников.

Он продолжал подыскивать что-нибудь, из чего можно было выточить нож.

После разговора с сыном прошло уже три недели, и за это время они ни разу не встречались. Иногда от Дьюка поступали переводы, иногда день или два ничего не было. Хью прощал ему эти перерывы. Но когда прошла целая неделя, а от него не поступило ни одной статьи, Хью решил проверить.

Он подошел к комнате, которая была одной из «привилегий» Дьюка как «исследователя истории», и, постучав в дверь, не получил ответа.

Он постучал еще и решил, что Дьюк или спит, или отсутствует. Тогда он приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Дьюк не спал, но, похоже, витал в совершенно ином мире. Он растянулся на постели совершенно голый, пребывая в самом сильном опьянении Счастьем, какое Хью когда-нибудь приходилось видеть.

Когда дверь открылась, Дьюк поднял голову, глупо хихикнул, взмахнул рукой и пробормотал:

— Приэтт, старый мошенник! Кээк тыи ддзелла?

Хью приблизился к нему, чтобы получше рассмотреть то, что, как он сначала подумал, ему просто показалось. Когда он убедился, что глаза его не обманывают, его чуть не стошнило.

— Сынок! Сынок!

— Все ноешш, Хьюи? Старый пдлюга Хью, выжжига чер-ртоф!

Судорожно сглатывая, Хью попятился и чуть не налетел спиной на главного ветеринара. Хирург улыбнулся и спросил:

— Пришли навестить моего пациента? Сейчас он вряд ли в этом нуждается. — Пробормотав извинения, он проскользнул мимо Хью, подошел к кровати и поднял Дьюку веко. Затем проверил его пульс, послушал дыхание и шутливо похвалил: — Дела идут отлично, кузен. Давай-ка примем еще процедурку, и можно будет посы-

лать тебе вкусный обед. Как ты насчет этого?

— Ааатлично, док! Заммчательно! Я ття увжаю! Оччень ув-жаю!

Ветеринар покрутил циферблат на каком-то маленьком приборчике, прижал к бедру Дьюка и подержал немного. Уходя, он улыбнулся Хью:

— Практически здоров. Еще несколько часов он пробудет в забытьи, затем проснется голодным и даже не заметит, сколько прошло времени. Тогда мы покормим его и дадим еще порцию. Прекрасный пациент! Никакого беспокойства. Он даже не знает, что случилось. А когда поймет, не будет ничего иметь против.

— Кто приказал сделать это?!

Хирург был явно удивлен:

— Конечно главный управляющий. А что?

— Почему мне не сообщили?

— Не знаю. Лучше спросить его самого. Для меня это вполне обычный приказ. Рутинная работа — ничего особенного. Сонный порошок в ужине, затем ночью — операция. Послеоперационный уход и обычно большие дозы транквилизаторов. Некоторые из пациентов первое время немного нервничают, поэтому мы все делаем в соответствии с индивидуальностью пациента. Но, сами видите, он воспринял все исключительно лег-

ко, будто ему удалили зуб. Кстати, все забываю спросить: как тот мост, который я вам поставил? Довольны?

— Что? Ах да… доволен. Но это не важно. Я хочу знать…

— С вашего позволения, лучше поговорите с главным управляющим. Теперь, если вы не возражаете, я осмелюсь покинуть вас, так как спешу к больному. Я заглянул убедиться, что с пациентом все в порядке.

Хью вернулся к себе, и тут его вырвало. Вымывшись, он отправился разыскивать Мемтока.

Мемток принял его в своем кабинете незамедлительно и пригласил садиться. Хью постепенно стал считать главного управляющего если и не другом, то, по крайней мере, приятелем. Мемток в последнее время часто захаживал к нему по вечерам. Несмотря на свои пессимистичные взгляды на жизнь и огромную разницу в их происхождении и служебном положении, в близком общении он проявил себя по-своему эрудированным человеком, наделенным недюжинными способностями и острым умом. Создавалось впечатление, что Мемток страдает от одиночества, бывшего сродни одиночеству капитана судна, и что ему доставляет удовольствие расслабиться

где-то и насладиться приятельской беседой.

Поскольку другие старшие слуги были скорее подчеркнуто вежливы со старшим исследователем, нежели дружелюбны, Хью также тяготился своим одиночеством и поэтому всегда был рад Мемтоку. До сегодняшнего…

Он прямо, не вдаваясь в формальности, объяснил Мемтоку, с чем он к нему пришел:

— Почему вы приказали сделать это?

Мемток был обескуражен, явно недоумевал:

— Что за вопрос? Что за неприличный вопрос? Конечно, потому, что таков был приказ лорда-хранителя.

— Он отдал такой приказ?!

— Дорогой кузен! Оскопление никогда не делается без распоряжения лорда. Конечно, иногда я рекомендую ему это. Но приказ о непосредственном исполнении должен исходить только от него. Однако, если это вас так беспокоит, могу заверить, что в данном случае я подобной рекомендации не давал. Мне просто был отдан приказ, и я его исполнил.

— Конечно меня это беспокоит! Ведь он работает в моем департаменте!

— О, но его перевели еще до того, как оскопление было сделано. Иначе я бы не преминул из-

вестить тебя. Приличия, приличия, кузен, — вот что главное в жизни. Я всегда строго контролирую своих подчиненных. Но зато и сам никогда не подвожу их. Иначе хозяйство вести нельзя. Честность прежде всего.

— Но *мне* не было сообщено, что он переведен. Разве это не называется «подвести»?

— Как же, как же? Обязательно известили. — Главный управляющий взглянул на множество отделений с различными бумагами на своем столе и вытащил из одного записку. — Вот она.

Хью стал читать:

> СЛУЖЕБНЫЕ
> ОБЯЗАННОСТИ, ИЗМЕНЕНИЕ – ОДИН СЛУГА, ПОЛ – МУЖСКОЙ *(дикарь, найден и усыновлен), известный под кличкой Дьюк. Описание… – Хью опустил его. – …Освобождается от своих обязанностей по Департаменту истории и переводится на личную службу их милости. Приказ вступает в силу немедленно.* МЕСТОПРЕБЫВАНИЕ И ПИТАНИЕ: *прежнее, до дальнейших распоряжений…*

— Но я не видел этой бумаги!

— Это моя архивная копия. А тебе послан ори-

гинал. — Мемток указал на левый нижний угол листка. — Вот подпись твоего заместителя в получении. Всегда приятно, когда подчиненные умеют читать и писать. Меньше беспорядка. Например, болвану главному хранителю угодий можно вдалбливать что-либо до хрипоты, а потом старый козел будет утверждать, что слышал совсем не то. Даже хлыст улучшает его память всего на один день. Весьма прискорбно. Нельзя же, в самом деле, вечно наказывать одного из старых слуг. — Мемток вздохнул. — Я бы порекомендовал их милости сменить его, если бы помощник не был еще глупее.

— Мемток, я никогда не видел такой записки.

— Возможно. Но она была направлена к тебе в департамент, и твой заместитель расписался в получении. Поищи у себя в кабинете. Ручаюсь, что ты найдешь ее. Или ты хочешь, чтобы я пощекотал твоего помощника? Буду только рад.

— Нет-нет.

Мемток, скорее всего, был прав, и приказ, наверное, лежал у него на столе непрочитанным. Департамент Хью разросся — теперь в нем было две или три дюжины человек. Создавалось впечатление, что количество их растет с каждым днем. Большинство сотрудников были абсолют-

ными бездарями, и все они отнимали у него драгоценное время. Хью уже давно распорядился, чтобы его не беспокоили по пустякам. Распоряжение это он отдал своему заместителю — честному, довольно грамотному клерку. Иначе Хью вообще не смог бы заниматься переводами. Здесь вступал в действие закон Паркинсона. Клерк, выполняя его приказ, полностью взял на себя все бумажные дела. Примерно раз в неделю Хью быстро пробегал глазами поступившую за этот период корреспонденцию и отдавал ее заместителю, чтобы тот подшил ее в архив, сжег или поступил по своему разумению с этими бесполезными бумажками.

Возможно, приказ о переводе Дьюка валялся сейчас среди непрочитанных бумаг. Если бы только он наткнулся на него раньше… Слишком поздно, слишком поздно! Хью сгорбился в кресле и закрыл лицо руками. «Слишком поздно! Ох, сынок мой, сынок!..»

Мемток почти ласково коснулся его плеча:

— Кузен, ну возьми же себя в руки. Ведь твои привилегии не были ущемлены, правда? Сам видишь, что это так!

— Да-да. Я понимаю, — промямлил Хью, не отрывая рук от лица.

— Тогда отчего же ты так переживаешь?

— Он был… он мой… мой сын.

— Он? Что же ты ведешь себя так, словно он твой племянник? — Мемток воспользовался специфическим словом, обозначающим «старший сын старшей сестры», и был искренне озадачен странной реакцией дикаря. Он еще мог бы понять заботу матери о сыне — о старшем сыне, по крайней мере. Но отец? Дядя! Да у Мемтока — он был уверен в этом — тоже были сыновья среди слуг. Управляющий самками называл его даже «Мемток — малый не промах». Но он не знал своих детей и даже представить себе не мог, чтобы их судьба его когда-нибудь заинтересовала. Или чтобы он проявил хоть какую-то заботу о них.

— Потому что… — начал Хью. — А впрочем, ладно. Вы только исполнили свой долг. Все нормально.

— Но… ты все еще огорчен. Я, пожалуй, пошлю за бутылочкой Счастья. И на сей раз выпью с тобой.

— Нет-нет, благодарю вас.

— Ну будет, будет! Тебе это необходимо. Счастье прекрасно тонизирует, а ты как раз скис. Им только не нужно злоупотреблять.

— Благодарю, Мемток, но я не хочу. Сейчас мне

нужно быть особенно собранным. Я хочу повидать их милость. Прямо сейчас, если можно. Вы не устроите мне такую возможность?

— Не могу.

— Черт возьми, я же знаю, что можете! И знаю, что, если вы попросите, он примет меня.

— Кузен, но ведь я сказал «не могу», а не «не хочу». Их милости здесь нет.

— О-о-о!

Хью попросил, чтобы ему разрешили повидаться с Джо, однако главный управляющий ответил, что молодой Избранный отбыл вместе с лордом-протектором. Мемток пообещал дать знать, как только кто-нибудь из них вернется: «Да-да, сразу же, дорогой кузен».

Хью пропустил ужин, ушел к себе и впал в горькое раздумье. Он не мог не мучить себя мыслью, что в случившемся отчасти была и его вина, — нет, не та, что он не читал каждую бесполезную бумажку, как только она попадала к нему на стол, — *это* было простое невезение. Даже если бы он проверял весь этот спам каждое утро, он все равно мог опоздать — ведь оба приказа, скорее всего, были отданы одновременно.

Его мучал страх, что он сам запустил цепочку событий, повлекших за собой несчастье, своей

ссорой с Дьюком. Нужно было солгать мальчику, сказать, что его мать, как ему доподлинно известно, является обыкновенной служанкой или кем-нибудь в этом роде у сестры лорда-протектора или что Грейс пребывает в полной безопасности в королевском гареме и ни один мужчина ее даже не видит. Что она полностью довольна и счастлива, живет прекрасно, что другая версия — это просто сплетни, которыми слуги заполняют свои скучные дни.

Дьюк поверил бы этому, потому что очень хотел поверить.

Почему все так случилось?.. Вероятно, Дьюк отправился на встречу с их милостью. Возможно, Мемток устроил ему аудиенцию или, может быть, Дьюк решил прорваться силой и шум драки достиг ушей Понса. Теперь Хью стало ясно, что сын, последовавший его совету повидаться с верховным владыкой, вполне мог устроить подобную сцену, после которой Понс также запросто приказал оскопить смутьяна, как он обычно приказывал подать машину. Все это очень походило на правду…

Хью пытался убедить себя, что *никто не ответствен* за поступки другого человека. Он всегда так считал и не сомневался в этом. Но сейчас

он чувствовал, что его сердце глухо к доводам рассудка.

Чтобы как-то отвлечься от тягостных мыслей, он взял письменные принадлежности и сел писать письмо Барбаре. До сих пор ему еще не представлялось возможности рассказать ей о своем плане побега и не было времени разработать код. Он обязательно должен предупредить ее, что следует быть начеку.

Барбара знала немецкий язык. Хью же помнил из него только какие-то отрывки, поскольку изучал его всего один год в школе. Он владел русским в достаточной мере, чтобы вести незатейливый разговор. Барбара, пока они жили дикарями, успела подхватить от него несколько русских слов, это было игрой, которой они могли забавляться, не вызывая ревности Грейс.

Хью составил послание, затем с превеликим трудом перевел письмо на мешанину из немецких, русских, разговорных английских слов, жаргона битников, примитивной латыни, литературных аллюзий и специальных идиоматических выражений. В конце концов у него получился текст, который наверняка сможет разгадать Барбара, но не переведет на Речь ни один специалист по древним языкам, даже в том

маловероятном случае, если он одновременно будет знать немецкий, английский и русский.

Он не боялся, что текст расшифрует кто-то еще. Если послание увидит Грейс, для нее оно будет выглядеть белибердой, поскольку она не знала ни русского, ни немецкого. Дьюк пребывал в наркотическом забытьи. Джо может догадаться, что́ все это значит, но Хью доверял бывшему слуге. Тем не менее он попытался, нарушив синтаксис и намеренно исказив написание некоторых слов, завуалировать смысл таким образом, чтобы его не понял даже Джо.

Первоначальный набросок послания гласил:

Дорогая!

Уже некоторое время я планирую наш побег. Не знаю пока, как его устроить, но хочу, чтобы ты была готова днем и ночью схватить детей и следовать за мной… Если сможешь, запаси немного провизии, прочную обувь и попробуй раздобыть нож. Мы пойдем в горы. Сначала я собирался дождаться следующего лета, чтобы малыши успели немного подрасти. Но случилось кое-что, что изменило мои планы: Дьюк оскоплен. Я не знаю почему

и слишком огорчен, чтобы обсуждать случившееся. Следующим могу оказаться я. Даже хуже того… Помнишь, Понс говорил, что представляет наших сыновей прислуживающих на банкете? Дорогая, жеребцы никогда этим не занимаются. Так что судьба жеребцов их не ожидает – они обещают вымахать слишком высокими. Этого не должно произойти.

И мы не можем ждать. Столичная резиденция протектора находится где-то недалеко от того места, на котором раньше располагался Сент-Луис. У нас просто не получится пройти оттуда весь путь до Скалистых гор с мальчиками на руках. И мы не можем надеяться (для этого нет никаких оснований), что нас всех четверых пошлют в Летний дворец на будущий год.

Так что мужайся. С этого времени не прикасайся к Счастью. Единственная наша надежда на то, что в решающий момент мы будем готовы действовать.

Я люблю тебя. Хью.

Пришла Киска, но он отправил ее смотреть

телевизор и велел не беспокоить его. Девочка безропотно повиновалась.

В окончательном варианте письма получилось:

Luba!

Ya bin клепал komplott seit у Гектора отняли титьку. Графомонтекристовская хрень, въезжаешь? Kinder слишком klein machs nix – ya hawchoo! Златовласкины заморочки machs nix – как говорил один мужик, если не ты, то кто. Хорошие герлскауты всегда помнят девиз бой-скаутов. Speise, schuhen, messer – как там мистер Фиджин учил Оливера – nicht? Da! Schnell это die herz von duh apparat; Берлин слишком далеко от большого леденца, и Элиза не попадет в последний акт.

Ein ander jahr, nyet. Без пары не получится танго, а без четверых – бридж, все в ein kammer, иначе дорога dreck. И если дом разделится сам в себя, то для vogelen полный конец. Mehr, ya haben schrecken. Mein Kronprinz правит теперь герцогством абелярским. Но, как говорится, снявши голову, волосами горю не поможешь, так

что не плачь, моя родная, однако фальцет – неподходящий тембр для detski, а под созвездием Близнецов – тем более. Borjemoi! Старый дедушка Коль был веселый король, но вот Twilling kellneren он от тебя не получит. Хороший помет. Пусть уж лучше он будоражит bären у begegn Карен – утверждено единогласно? Сечешь масть?

Verb. Sap.: Я теперь не пью, не курю, не жую и дел не имею с телками, которые этим балуют. В темных делах от торга – сплошной крутой облом. Жду ответа, как соловей лета, но лапши на уши вешай побольше, в хате клопы и Брат всегда на стреме.

Твой навеки – Х.

Киска уже спала, когда Хью поставил последнюю точку в своем послании. Он порвал черновики, спустил клочки в водоворот и только тогда отправился спать. Но уснуть ему не удалось: перед глазами стояло бессмысленное, хихикающее, блаженное, одурманенное наркотиками лицо Дьюка. Пришлось встать и, в нарушение указаний, данных им самим Барбаре, утопить

свои печали и страхи в бутылке со Счастьем.

17

На следующий день Хью уже читал ответную записку Барбары:

> *Дорогой!*
>
> *Когда ты заказываешь три при бескозырке, мой ответ – семь без козырей, и рука не дрогнет. Или разыграем большой шлем – или влетим… Когда ты соберешь четверых, мы будем готовы к игре.*
>
> ***Любовь навеки – Б.***

Больше этот день ничем примечательным не был. И следующий, и последовавший за ним тоже… Хью привычно диктовал перевод, хотя мыслями был далеко. Он стал очень осторожен в еде и питье, поскольку знал теперь, каким «гуманным» способом хирург овладевает жертвой. Он ел только те блюда, которые до него пробовал Мемток, и старался не брать фрукты и пирожные, сервированные близко от него, особенно если их предлагал слуга. За столом он ничего не пил, утоляя потом жажду водой, налитой из-под

крана. Завтракал Хью у себя, отдавая предпочтение неочищенным фруктам и вареным яйцам в скорлупе.

Хью сознавал, что все эти предосторожности не спасут. Чтобы перехитрить его, не нужно было быть специалистом класса Борджиа. Если приказ на оскопление будет отдан, даже если не удастся трюк с усыплением, его просто обработают хлыстом. Но тогда у него будет хоть призрачная надежда опротестовать приказ, потребовать, чтобы его отвели к лорду-протектору.

Что же касается хлыстов… Он начал вспоминать уроки каратэ, упражняясь в своей комнате. Удар каратэ, нанесенный достаточно быстро, заставил бы заскучать любого обладателя хлыста. Впрочем, надежды у Хью не было никакой. Просто ему не хотелось сдаваться без боя. Дьюк был прав: лучше погибнуть, сражаясь, как и подобает мужчине.

Увидеться с Дьюком он не пытался.

Хью продолжал запасать пищу, припрятывая часть своих завтраков (сахар, соль, хлеб). Он предполагал, что эти продукты не отравлены, поскольку они не действовали на Киску (сам он их не ел).

Обычно Хью ходил босиком, а когда выходил на

прогулки в сад для прислуги, надевал фетровые шлепанцы. Однажды он пожаловался Мемтоку, что гравий причиняет ему боль сквозь тонкий войлок. Тогда ему была выдана пара кожаных сандалий, и он надевал их перед выходом в сад.

Он приручил главного инженера имения, поведав ему, что в молодости отвечал за проектирование у своего прежнего хозяина. Инженер был весьма польщен проявленным к его персоне вниманием… Будучи самым младшим из ответственных слуг, он привык больше выслушивать жалобы и нарекания, чем видеть дружеское участие. Хью не раз сидел с ним после обеда и пытался выказывать свою осведомленность в специальных вопросах просто тем, что внимал собеседнику и поддакивал ему.

Однажды Хью получил приглашение инженера осмотреть его хозяйство и провел довольно утомительное утро, пробираясь между трубами и рассматривая чертежи. Инженер с трудом писал и читал, зато прекрасно разбирался в чертежах. Само по себе такое времяпрепровождение было бы интересным, если бы Хью не обуревали заботы. Ведь он действительно имел кое-какое отношение к технике в прошлом. Стараясь запомнить расположение изображенных на чертежах

объектов, он мысленно сопоставлял их с комнатами и коридорами, которые были ему известны. Цели и намерения Хью были более чем серьезны: несмотря на то что он почти все лето прожил во дворце, знакомы ему были только небольшие участки внутри и маленький садик для слуг снаружи. Ему же необходимо было изучить весь дворец. Он должен был знать выходы из любого помещения, знать, что́ находится за охраняемой дверью, ведущей в помещения для самок, и в особенности то, где размещаются Барбара и малыши.

Когда Хью добрался до двери, которая вела в женскую половину, инженер, увидев насторожившегося часового, заколебался:

— Кузен Хью, я уверен, что со мной вы вполне имеете право войти сюда, но нам все-таки лучше сходить сейчас к главному управляющему и попросить его выписать вам пропуск.

— Как скажешь, кузен.

— В принципе, ничего по-настоящему интересного там нет. Обычные коммуникационные системы для бараков: водопровод, электричество, вентиляция, канализация, бани и все такое прочее. Все самое интересное — энергостанции, мусоросжигатель, управление вентиляцией и

так далее — находится в других местах. Вы ведь знаете нашего начальника: он страшно не любит, когда допускается хоть малейшее отступление от заведенного порядка. Так что, если вы не возражаете, осмотр там я произведу позже.

— Ваше дело, вы и решайте, — ответил Хью с явным выражением оскорбленного достоинства.

— Понимаете… любой знает, что вы не один из этих мерзких жеребцов. — Инженер казался расстроенным. — Я вот что вам предлагаю: вы прямо скажите мне, что хотите осмотреть все до конца… Я имею в виду то, что входит в мое ведомство. И я тут же отправлюсь к Мемтоку и сообщу ему, что вы изъявили такое желание. Он знает… Дядя! Да все мы знаем, что вы пользуетесь особым расположением их милости. Вы понимаете меня? Я не хочу сказать ничего обидного. Мемток напишет пропуск, и тогда я останусь чист, равно как и часовой, и начальник стражи. Вы только подождите здесь. Располагайтесь поудобнее. Я мигом!

— Не стоит беспокоиться! Там нет ничего такого, что я хотел бы посмотреть, — солгал Хью. — Я всегда говаривал так: «Видел одну баню, значит видел их все».

Инженер с облегчением улыбнулся:

— Хорошо сказано, я запомню. «Видел одну

баню, значит видел их все!» Ха-ха! Но мы еще не были в столярной и слесарной мастерских.

Они рука об руку отправились в мастерские. Хью не подавал вида, улыбался, но внутри у него все кипело. Он был так близок к заветной цели! И все же никак нельзя было наводить Мемтока на мысль, что его интересуют комнаты самок.

Однако утро, проведенное в обществе инженера, не пропало даром. Хью не только, подобно взломщику, определил слабые места здания (например, дверь, через которую выгружали привозимые товары, — ее запирали не так уж крепко, и замок легко можно было выломать), но и сделал два ценных приобретения.

Первым был кусок пружинной стали длиной около восьми дюймов. Хью заметил его в куче какого-то хлама в слесарной мастерской, незаметно подобрал и тут же, извинившись, прошел в туалет, где надежно привязал его к руке.

Второе приобретение было еще более ценным: отпечатанный план самого нижнего уровня, на котором были обозначены как все инженерные объекты, так и все проходы и двери, в том числе и в помещения самок.

Хью стал восхищаться планом:

— Дядя! Какой великолепный чертеж! Соб-

ственного изготовления?

Инженер смущенно подтвердил его предположение. Мол, сами понимаете, в основе лежит, конечно, исходный архитектурный план, но пришлось внести много изменений и дополнений.

— Великолепно! — повторил Хью. — И как жаль, что он в единственном экземпляре!

— О нет! Экземпляров сколько угодно, ведь чертежи быстро изнашиваются. Не угодно ли один?

— С величайшим удовольствием! Особенно если на нем будет дарственная надпись автора. — Видя, что инженер колеблется, он тут же добавил: — Позвольте мне предложить текст? Я набросаю его, а вы перепишите.

Распрощавшись с главным инженером, Хью унес с собой план, на котором было написано: «Моему дорогому кузену Хью, собрату по ремеслу, который умеет ценить искусную работу».

Вечером он показал его Киске. Девушка была поражена. Она понятия не имела о чертежах и картах и была очарована идеей, что на маленьком листе бумаги можно изобразить длинные коридоры и запутанные переходы ее мира. Тогда Хью продемонстрировал ей путь из его апартаментов в столовую для старших слуг, указав местоположение центральной столовой для

простых слуг и путь в сад. Она медленно подтвердила, что он правильно объясняет дорогу, морщась от непривычных умственных усилий.

— А ты, скорее всего, живешь где-нибудь здесь, Киска. Вот это помещения самок.

— Неужели?

— Да. Теперь давай посмотрим, сможешь ли ты сама определить, где ты живешь. Давай без подсказки, ты сама должна разобраться. Я буду просто сидеть и смотреть.

— О, помоги мне, Дядя! Давайте поглядим. Во-первых, я должна пройти по спуску… — Она запнулась, обдумывая что-то, явно не относящееся к схеме, в то время как Хью продолжал сидеть с совершенно бесстрастным видом. Его подозрения, было угасшие, вспыхнули с новой силой: девочка была заслана к нему, чтобы шпионить.

— Затем… вот в эту дверь?

— Правильно.

— Затем я иду мимо кабинета управляющего самками до самого конца, поворачиваю, и… кажется, я живу вот тут! — Она в восторге захлопала в ладоши и засмеялась.

— Твоя комната расположена напротив вашей столовой?

— Да.

— Тогда все правильно — с первого раза! Молодец! Просто удивительно! Давай посмотрим, на что ты еще способна.

На протяжении следующей четверти часа Киска показывала ему подробно, где и что находится на женской половине: комнаты младших и старших, столовые, спальни девственниц, спальни согревательниц постелей, ясли, палата для лежачих больных, детская комната, служебные помещения, баня, игровая площадка, двери в сад, кабинеты, апартаменты старшей надзирательницы — в общем, все-все. Хью, кстати, узнал, что Барбара больше не находится в палате для лежачих. Киска сама сказала об этом.

— Барба, знаете, та дикарка, которой вы все время пишете, — раньше она лежала *здесь*, а теперь она *вот тут*.

— Откуда ты знаешь, ведь эти комнаты выглядят совершенно одинаково?

— Уж я-то знаю! Это вторая из комнат для матерей с грудными детьми по правой стороне коридора, если идти из бани.

Хью с глубоким интересом отметил, что под баней проложен ремонтный туннель с люком доступа в коридоре, куда выходит комната Барбары, а затем, с еще большим интересом, и то, что

этот туннель, похоже, связан с другим, который проходит под всем зданием. Неужели существует широкий, никем не охраняемый путь, соединяющий все три основных помещения для слуг? Невероятно, так как из чертежа следовало, что любой мало-мальски ушлый жеребец мог, преодолев ползком всего сотню футов, преспокойно оказаться в помещениях самок.

Однако откуда жеребцу знать, куда ведет этот туннель? И чего ради жеребец станет рисковать? Ведь он, подобно быку в коровьем стаде, совершенно не ограничен в возможностях утолять свое сладострастие. Да и отсутствие больших пальцев на руках помешало бы ему справиться с запорами.

Интересно, можно ли открыть люки изнутри туннеля?

— Ты быстро усваиваешь карту, Киска. Теперь давай посмотрим помещения, которые тебе не так хорошо знакомы. Попробуй по чертежу узнать, как пройти из этой комнаты в мой кабинет. А если ты справишься с этой задачей, то я задам тебе еще более трудную: по какому пандусу нужно подняться и куда повернуть, если я тебя пошлю с запиской к главному управляющему?

Над первым заданием ей пришлось помучить-

ся, зато второе она выполнила без малейшего колебания. Все стало ясно.

На следующее утро, за ланчем, сидя бок о бок с Мемтоком, Хью через весь стол обратился к инженеру:

— Пайпс, кузен! Я насчет того замечательного чертежа, который вы подарили мне вчера. Как вы думаете, не смог бы один из ваших столяров изготовить для него раму? Мне хотелось бы повесить его над моим рабочим столом, чтобы им могли восхищаться и другие люди.

Инженер вспыхнул и широко улыбнулся:

— Конечно, кузен Хью! Красное дерево вас устроит?

— Замечательно! — Хью повернулся к Мемтоку и сказал: — Кузен Мемток, наш кузен просто хоронит свой талант среди канализационных труб. Ведь он настоящий художник. Непременно приходите ко мне полюбоваться на его работу.

— Буду рад, кузен. Как только выберу время.

Прошло уже более недели, а ни о Джо, ни о их милости не было ни слуху ни духу. Целая неделя без бриджа. Без Барбары. Наконец как-то за завтраком Мемток сказал ему:

— Кстати, все собираюсь тебе сообщить. Вернулся молодой Избранный Джозеф. Ты все еще

хочешь увидеться с ним?

— Конечно! А их милость тоже вернулся?

— Нет. Их милосерднейшая сестра полагает, что он вообще может не вернуться до самого переезда. Ах, если бы ты видел, какие хоромы у нас в столице, кузен! Какой дворец! Не то что эта хибара. День и ночь суета… И ваш покорный слуга будет рад, если за целую зиму ему хоть раза три дадут спокойно поесть. Все беготня, беспокойство, суета, суета, суета… — сказал он с затаенной гордостью. — Радуйся, что ты ученый.

Через пару часов Хью известили, что Джо ожидает его. Хью знал дорогу наверх, так как не раз поднимался туда учить Избранных играть в бридж. Поэтому он отправился один.

Джо радостно приветствовал его:

— Входи, Хью! Присаживайся. Никакого протокола, потому что здесь, кроме нас, старых приятелей, никого нет. Ты только послушай, что мне удалось сделать! Парень, знал бы ты, как я был занят! Одна мастерская уже готова к действию в качестве опытного предприятия и начнет выдавать пробную продукцию еще до того, как их милость заручится покровительством. Все организовано на высоком уровне, и притом так, чтобы мы смогли начать массовый выпуск

в тот день, когда выхлопочем лицензию. Условия сносные: их превосходительство получает половину, их милость — вторую половину, но полностью финансирует предприятие, я получаю десять процентов от доли их милости и управляю делами. Конечно, когда дело начнет развиваться по другим линиям — кстати, все предприятие названо «Игры, ниспосланные свыше», а лицензия составлена так, что охватывает почти все развлечения, кроме разве что постельных утех, — так вот, когда дело начнет развиваться по другим направлениям, мне понадобится помощь. Для меня это настоящая проблема. Боюсь, что Понс решит взять в долю кого-нибудь из своих придурочных родственников. Надеюсь, правда, что он этого не сделает, потому что родственные чувства неуместны, когда стараешься снизить расходы. Видимо, лучше всего подготовить к этому слуг — дешевле в долгосрочной перспективе, если правильно выбрать. Как насчет тебя, Хью? Ты мог бы управиться с фабрикой? Дело очень большое: у меня работает уже сто семь человек.

— Почему бы и нет? Раньше под моим началом бывало и в три раза больше народу, и я ни разу не перепутал платежные ведомости, а однажды у «морских пчелок» я руководил двумя тысячами

человек. Но видишь ли, Джо, я пришел сюда совсем по другому поводу.

— Ну конечно, конечно! Выкладывай. А потом я покажу тебе чертежи.

— Джо, ты знаешь насчет Дьюка?

— А что с ним такое?

— Он оскоплен. Разве ты не знал?

— Ах да! Знал. Это случилось как раз перед моим отъездом. Надеюсь, с ним все в порядке? Осложнений не было?

— «В порядке»? Джо, ты, наверное, не понял меня… Его *оскопили*! А ты ведешь себя так, словно ему вырвали зуб. Так ты, значит, знал? И не пытался помешать операции?

— Нет.

— Но ради бога, почему?!

— Позволь мне договорить, ладно? Я ведь тоже что-то не припомню, чтобы ты со своей стороны пытался воспрепятствовать этому.

— Я просто не имел возможности. Я ничего не знал.

— И я тоже. Именно это я пытаюсь втолковать тебе, а ты все норовишь вцепиться мне в глотку. Я узнал об этом только постфактум.

— О, тогда прости. Мне показалось, ты хотел сказать, что просто стоял в стороне и не пытался

помешать.

— Нет, это не так. Если бы даже я и знал, то не представляю, чем бы я мог быть полезен. Разве что попросил бы Понса сначала потолковать с тобой. Но еще неизвестно, как закончился бы такой разговор. Так что, может быть, и к лучшему, что мы остались в стороне. Ну а теперь насчет чертежей… Взгляни вот на эту схему.

— Джо!

— Что?

— Разве ты не видишь, что я не в состоянии думать сейчас о фабриках игральных карт? Ведь Дьюк — *мой сын!*

Джо свернул чертежи:

— Прости, Хью. Давай тогда поболтаем, если это облегчит твое горе. Я ведь представляю, как тебе тяжело сейчас. Выговорись, и тебя отпустит.

Джо слушал, Хью говорил. Наконец Джо покачал головой:

— Хью, в одном пункте ты можешь быть совершенно спокоен. Дьюк никогда не встречался с лордом-протектором. Так что твой совет Дьюку — хороший, на мой взгляд, совет — не имеет никакой связи с тем, что его выхолостили.

— Надеюсь, ты прав. Если бы я был уверен, что это моя вина, я бы, наверное, перерезал себе

глотку.

— Но поскольку ты не виноват, то и нечего травить себя.

— Постараюсь. Джо, но что могло вынудить Понса принять такое решение? Ведь с тех пор, как нас по недоразумению чуть не кастрировали, он отлично знает, как мы к этому относимся. Так зачем ему понадобилось уродовать моего сына? А я считал его своим другом… — Джо выглядел расстроенным.

— Ты в самом деле хочешь знать правду?

— Я ее должен знать.

— Ну что же… ты ведь все равно в конце концов узнаешь. Это дело рук Грейс.

— Что?! Джо, ты, наверное, ошибаешься. Конечно, у Грейс есть недостатки. Но она никогда бы не пожелала *такого*… да еще своему собственному сыну!

— Нет, конечно нет. Я сомневаюсь, что она добивалась именно этого. Но все равно она явилась инициатором. Почти с самого дня нашего прибытия сюда она не переставая ныла Понсу, как она хочет, чтобы ее Дьюки был с ней, как она одинока без него: «Понс, я так одинока! Понси, ты совсем не любишь свою Грейси! Понси, я не отстану от тебя до тех пор, пока ты не скажешь „да“. Понси,

почему ты не хочешь?» — и все таким, знаешь, детским, плачущим голоском. Ты, Хью, наверное, не был свидетелем этих сцен…

— Ни разу не присутствовал.

— Мне хотелось свернуть ей шею. Понс почти не обращал на нее внимания, если только она не начинала щипать его. Тогда он разражался хохотом, валил ее на ковер, и они возились на полу. Потом он обычно приказывал ей замолчать, и некоторое время она сидела тихо. В общем, он обращался с нею как с одним из своих котов. Честно говоря, я не думаю, что он хоть раз… Я хочу сказать, из того, что я видел, трудно заключить, что он хоть в малейшей степени интересовался ею как…

— Я тоже не интересуюсь. А кто-нибудь предупреждал ее, что повлечет за собой воссоединение с сыном?

— Не думаю. Понсу и в голову никогда бы не пришло, что такие элементарные вещи нужно объяснять… а я уж, само собой, никогда бы не стал обсуждать с ней подобные проблемы. Да она и не любит меня, ведь я слишком часто отнимаю у нее ее милого Понси. — Джо сморщил нос. — Так что я сомневаюсь в том, что ей было это известно. Конечно, она и сама могла бы догадаться… лю-

бой другой на ее месте догадался бы; но извини — ведь Грейс все-таки твоя жена, — я не уверен, что она достаточно умна для этого.

— Да еще упивается Счастьем — по крайней мере, я ни разу не видел ее трезвой. Конечно, она недалекого ума. Да и не жена она мне. Моя жена — Барбара.

— Ну… юридически у слуг не может быть жен.

— Я говорю не о юридически. Я говорю о том, что есть на самом деле. Но хотя Грейс мне больше не жена, я все же в какой-то степени рад, что она, возможно, не знала, чего будет стоить Дьюку воссоединение с ней.

Джо задумался:

— Хью, она, конечно, не знала… но боюсь, что оскопление сына ее мало заботит… К тому же вряд ли правильно говорить, что возвращение к матери чего-то стоило Дьюку.

— Не понимаю. Объясни; может, я малость поглупел.

— Ну, если Грейс и огорчена тем, что Дьюка оскопили, то она ничем этого не проявила. Она довольна донельзя. Он тоже, кажется, ничего не имеет против.

— А ты видел их? После всего случившегося?

— О да! Я завтракал вместе с их милостью, и

они оба тоже присутствовали. Это было не далее как вчера.

— А я думал, что Понса нет.

— Он ненадолго вернулся и снова уехал. Теперь уже на Западное побережье. Дела. Мы буквально вгрызлись в этот бизнес. Понс пробыл здесь всего пару дней. Но успел преподнести Грейс подарок на день рождения. Я имею в виду Дьюка. Да, конечно, у нее не было никакого дня рождения, к тому же здесь дни рождения не отмечают — справляются именины. Но она заявила Понсу, что собирается устроить день рождения, и приставала к нему все время. А ведь ты знаешь Понса: он снисходителен к животным и детям. Поэтому он решил сделать ей сюрприз. И тотчас же, как вернулся, подарил ей Дьюка. Черт возьми, они даже отхватили комнату в личных покоях Понса! Теперь эта парочка совсем не спускается вниз, даже ночует наверху.

— Ладно, мне безразлично, где они ночуют. Ты начал рассказывать мне, как к оскоплению отнеслась Грейс. И сам Дьюк.

— Ах да! Не могу точно сказать, когда именно она узнала о том, что с ним сделали. Однако факт, что она сердечно поговорила даже со мной, — настолько она была рада. Рассказывала мне, как

милый Понси все прекрасно устроил, и убеждала, что Дьюк выглядит просто великолепно в своих новых одеждах. И все такое. Она разодела его в ливрею вроде тех, которые носят слуги наверху. Ведь в таком рубище, как у тебя, здесь не ходят. Она даже нацепила на него украшения. Понс на все согласен. Он подарил ей Дьюка, и он теперь слуга слуги, но не думаю, чтобы он хоть палец о палец ударил. Он просто любимая игрушка Грейс. И ей это очень нравится.

— А самому Дьюку?

— Вот это-то самое интересное, Хью! Дьюк ничуть не огорчен тем, что с ним произошло. Он теперь как сыр в масле катается и осознает это. И чуть ли не покровительствует мне. Можно подумать, что это не он, а я ношу лакейскую ливрею. Имея такую защиту, как Грейс, которая, по его мнению, крутит боссом, как хочет, Дьюк решил, что устроен капитально. Ну, в общем, так и есть, Хью, и я ничего не имею против. Я понимаю, что он уже подсел на транквилизатор, который принимают слуги, и ему все видится в радужном свете.

— Так ты, значит, считаешь, что это очень хороший способ капитально устроиться?.. Когда тебя хватают, спаивают, кастрируют, а потом

держат в постоянном опьянении так, что тебе на все наплевать? Я в шоке, Джо.

— Да, я именно так считаю! Хью, постарайся отбросить свои предрассудки и взгляни на вещи трезво. Дьюк счастлив. Если не веришь, я проведу тебя, и ты сможешь поговорить с ним. Или с обоими. Как хочешь.

— Нет! Боюсь, для меня это будет слишком тяжелым зрелищем. Я согласен, что Дьюк счастлив. Но ведь если напоить человека этим чертовым Счастьем, он будет счастлив и тогда, когда ему отрежут руки-ноги и начнут перепиливать горло. Того же «счастья» можно добиться и с помощью морфия. Или героина. Или опиума. В таком «счастье» нет ничего хорошего. Это настоящая трагедия.

— О, не надо устраивать мелодраму, Хью! Все относительно. Сам рассуди: Дьюка все равно рано или поздно кастрировали бы. Держать слугу такого роста в качестве жеребца противозаконно, я уверен, ты в курсе. Следовательно, мужские способности Дьюку просто-напросто не нужны. Поэтому с практической точки зрения нет никакой разницы, когда это случится: через год, после смерти Понса — или уже случилось. Так что единственно значимым для Дьюка является то, что

он счастлив и живет в обстановке роскоши, а не надрывается где-нибудь в шахте или на рисовых полях. Он не знает ничего полезного, он не мог рассчитывать подняться куда-то высоко. Я имею в виду — высоко для слуги.

— Джо, знаешь, как ты стал разговаривать? Как какой-нибудь белый апологет рабства, рассуждающий о том, как здорово жилось раньше неграм: сиди себе перед хижиной, пощипывай струны банджо и распевай свои спиричуэлс.

Джо заморгал.

— Я мог бы на это и обидеться, — сказал он.

Хью почувствовал, что его распирает злоба. Слова его стали безжалостны:

— Давай, давай! Утверждай, что это неправда! Ведь я не могу перечить тебе. Ты теперь Избранный. А я ничтожный слуга. Масса Джо, позвольте, я поправлю ваш балахон? А в котором часу сегодня собирается клан?

— Молчать!

Хью Фарнхэм замолчал.

Джо продолжал уже спокойно:

— Я не собираюсь пикироваться с тобой. Возможно, тебе действительно все представляется в таком свете. Пусть так. Думаешь, я заплачу? Все поменялись местами — и давно пора! Раньше я

был слугой — теперь я уважаемый бизнесмен, причем у меня есть все шансы стать благодаря браку племянником в какой-нибудь благородной Семье. Неужели ты думаешь, что я теперь брошу все это? Я не смог бы пойти на попятную, даже если бы захотел. Да еще ради *Дьюка*! Я бы ни для кого не стал рисковать своим положением — я не лицемер, Хью. Когда-то я был слугой, теперь слуга — ты. Чем ты недоволен?

— Джо, но ведь ты был просто наемным работником, с которым всегда хорошо обращались. Ты не был рабом.

Глаза молодого человека внезапно погасли, а черты лица закаменели, чего Хью раньше никогда не видел.

— Хью, — тихо спросил Джо, — тебе никогда не приходилось проезжать на автобусе через Алабаму? В качестве «черномазого»?

— Нет.

— Тогда лучше помолчи. Ты просто не знаешь того, о чем говоришь. — Он нахмурился. — Ну ладно, хватит. Давай поговорим о деле. Я хочу, чтобы ты узнал, что я сделал и чем собираюсь заняться. Эта идея насчет игр — самая лучшая из когда-либо приходивших мне в голову.

Хью с интересом взглянул на Джо, однако оспа-

ривать авторство идеи не стал. Он продолжал слушать, в то время как молодой человек говорил, все больше распаляясь. Наконец Джо отложил перо и откинулся назад:

— Ну как тебе перспективы? Есть какие-нибудь соображения? Помню, когда я предложил это дело Понсу, ты внес кое-какие важные дополнения. Так что, если ты сможешь оставаться полезным, для тебя в моем предприятии всегда найдется теплое местечко.

Хью колебался. Ему казалось, что планы Джо слишком обширны для рынка, который был всего лишь потенциальным и спрос на котором еще только предстояло создать. Но он сказал только:

— Может быть, стоило бы с каждой колодой, не повышая цены, продавать книжку с правилами?

— О нет! Их мы будем выпускать отдельно и дополнительно заработаем на их продаже.

— Я не говорю о полном Хойле. Просто брошюрку с некоторыми играми, из самых простых. Криббедж. Парочку пасьянсов. Еще одна или две игры. Если сделать так, то покупатели сразу же смогут начать играть. Это должно привести к увеличению продаж.

— Хм… Я подумаю над этим. — Джо сложил бумаги и отодвинул их в сторону. — Хью, ты так

вывел меня из себя, что я забыл поделиться с тобой еще кое-какими соображениями.

— Слушаю.

— Понс, конечно, крепкий старик, но не может же он жить вечно. Поэтому я намерен к тому времени, когда он прикажет долго жить, заиметь свое собственное дело. Чтобы быть финансово независимым. Попробую вкладывать куда-нибудь доходы или что-нибудь в этом роде. Я думаю, тебе не нужно говорить, что я не очень-то горю желанием видеть своим боссом Мрику (сам понимаешь, эта информация должна остаться между нами). И я что-нибудь обязательно придумаю, чтобы самому стать со временем первым номером. — Он усмехнулся. — Когда Мрика займет место лорда-протектора, меня здесь уже не будет. Я удалюсь в собственное имение, скромное конечно, и мне понадобятся слуги. Догадываешься, кого я собираюсь взять туда с собой?

— Нет, не догадываюсь.

— Не тебя… хотя ты вполне мог бы стать моим слугой, ведающим бизнесом. Если, конечно, окажется, что ты действительно справляешься с делом. Нет, я имею в виду Дьюка и Грейс.

— Что?!

— Ты удивлен? Мрике они не понадобятся, это

ясно. Он ненавидит Грейс из-за того влияния, которое она имеет на его дядю, и, ясное дело, Дьюка он жалует не больше. Они оба ничему не обучены, поэтому и стоить будут совсем недорого, если только я не покажу, что заинтересован в них. Но они будут очень полезны. Они говорят по-английски, и я смогу разговаривать с ними на языке, которого больше никто не понимает. А это очень пригодится, когда кругом окажутся другие слуги. Самое же главное… В общем, пища здесь неплохая, но иногда я скучаю по какой-нибудь простой американской еде, а ведь Грейс, когда захочет, отлично готовит. Вот я и сделаю ее поварихой. Дьюк готовить не умеет, но он может научиться прислуживать за столом, открывать дверь и все такое прочее. Лакей, одним словом. Как тебе моя идея?

Хью с расстановкой сказал:

— Джо, а ведь они нужны тебе не потому, что Грейс умеет готовить.

Джо ухмыльнулся без тени смущения:

— Да, не только поэтому. Мне кажется, что Грейс будет отлично выглядеть в качестве моей кухарки, а Дьюк — моего лакея. Око за око и все такое. О, я буду гуманно обращаться с ними, Хью, можешь не беспокоиться! Если они будут

с усердием работать и хорошо вести себя, никто их не накажет. Хотя мне кажется, что пару раз наказать их все-таки придется — чтобы они знали свое место.

Он многозначительно покрутил свой хлыст:

— Должен признаться, мне будет довольно приятно немного поучить их уму-разуму. Я им кое-что должен. Три года, Хью. Три года бесконечных придирок Грейс, которая никогда ничем не была довольна… И три года этакого покровительственно-презрительного отношения со стороны Дьюка, когда он бывал дома.

Хью молчал. Джо полюбопытствовал:

— Ну? Что ты думаешь о моем плане?

— Я был о тебе лучшего мнения, Джо. Я всегда считал тебя джентльменом. Но, похоже, я ошибался.

— Вот как? — Джо положил руку на хлыст. — Ладно, бой, мы отпускаем тебя. Все.

18

Хью уходил из покоев Джо раздосадованным. Он понимал, что вел себя глупо… Это было преступно неосмотрительно. Как он мог допустить, чтобы разговор принял столь нежелательный

оборот? Джо был необходим. До тех пор пока Барбара и близнецы не будут надежно укрыты в горах, Хью требовалась любая поддержка, на какую он мог рассчитывать: Джо, Мемток, Понс, кто угодно… Но на Джо Хью имел самые большие виды. Джо был Избранным. Он мог пройти куда угодно, мог рассказать Хью о том, чего он никогда бы не узнал, мог достать для него вещи, которые Хью не смог бы украсть. В крайнем случае Хью даже предполагал попросить Джо помочь им бежать.

Но после того, что между ними произошло… Идиот! Совершеннейший дурак! Рисковать судьбами Барбары и мальчиков только потому, что он не в состоянии обуздать свой чертов характер!..

Положение дел стало хуже некуда, и во многом Хью винил собственную глупость.

Тем не менее опускать руки не следовало. Он отправился к Мемтоку. Теперь, как никогда раньше, необходимо было найти какой-нибудь способ связаться с Барбарой тайно, поговорить с ней. А это означало, что нужна партия в бридж. Пусть даже в присутствии лорда-протектора, но он поговорит с ней, хотя бы по-английски. Ход событий требуется подстегнуть.

Когда Хью подошел к кабинету главного управ-

ляющего, тот как раз выходил из него.

— Кузен Мемток, можно вас на пару слов?

Всегда нахмуренное лицо управляющего прояснилось.

— Конечно, кузен. Но только нам придется немного пройтись, ничего? Неприятности, неприятности, неприятности… Как вы думаете, можно руководить большим отделом и не утирать кому-то сопли? Ничего подобного! Слуга при морозильнике жалуется главному мяснику, тот жалуется шеф-повару, а ведь вопрос чисто технический, и, по идее, Гну следовало бы связаться с технарями и все уладить самому. Как бы не так! Все идут со своими несчастьями ко мне. Ты ведь кое-что понимаешь в инженерном деле?..

— Да, — согласился Хью, — но теперь я немного отстал. Прошло слишком много лет.

«Около двух тысяч, друг мой! Но об этом я умолчу».

— Техника есть техника. Пойдем со мной, и позволь мне воспользоваться твоей просвещенной консультацией.

«Чтобы выяснить, не лгу ли я. Ну уж нет! Да я заболтаю тебя до смерти».

— Конечно пойдем. Если только мнение ничтожного слуги может иметь какое-нибудь

значение.

— Все проклятый морозильник!.. С ним каждое лето что-нибудь не так. Скорей бы вернуться во дворец!

— Да позволено будет спросить, назначена ли дата переезда?

— Позволено, позволено. Через неделю. Так что у тебя есть время подумать о том, как лучше упаковать имущество департамента и подготовиться к отъезду.

— Так скоро? — Хью постарался сохранить спокойствие. Его голос не дрогнул.

— Тебя-то что тревожит? Ведь вам и паковать-то нечего. Пару папок и немного оборудования. А ты знаешь, сколько тысяч предметов предстоит перевезти мне? Сколько всего разворовывают, теряют или просто портят эти идиоты! Дядя милостивый!

— Да, должно быть, это ужасно, — поддакнул Хью. — Но осмелюсь напомнить, понимая вашу сверхзагруженность хлопотами: я просил вас известить меня в случае приезда их милости. А молодой Избранный сообщил мне, что их милость дня два назад приехал и уехал снова.

— Ты недоволен?

— Упаси Дядя! Я просто спрашиваю.

— Их милость действительно физически присутствовал здесь некоторое время. Но официально он не возвращался. Мне показалось, что он неважно себя чувствует, помоги ему Дядя!

— Да сохранит его Дядя! — искренне подхватил Хью. — Понятно, что при подобных обстоятельствах вы не решились испрашивать мне аудиенцию. Но осмелюсь выразить надежду на ваше участие в моей просьбе в следующий приезд их милости.

— Поговорим об этом позже. Нужно посмотреть, что там случилось у этих беспомощных…

Шеф-повар Гну и главный инженер встретили их у входа во владения Гну, и вся группа направилась в морозильник. Они прошли через кухню и попали в разделочную, где им пришлось задержаться, пока не принесли теплые одеяния, напоминающие парки. Однако Мемток отказался облачаться в ту, что ему предложили, он ворчливо заметил, что одежда слишком замызгана.

Разделочная кишела живыми слугами и была переполнена мертвыми тушами. На столах громоздились туши скота, груды рыбы, дичи и домашней птицы. Хью отметил про себя, что тридцать восемь Избранных и четыреста пятьдесят слуг потребляют уйму мяса. Помещение

показалось ему угнетающим, хотя сам он в своей жизни забил и разделал немало животных.

Только жесткий самоконтроль, который он привык соблюдать в присутствии Мемтока и его «кузенов», не позволил ему проявить свои чувства, когда на пол перед ним упал кусок от разделываемой на столе туши.

Это была изящная, пухлая, очень женственная рука.

Хью стало нехорошо; у него заложило уши и поплыло в глазах. Он моргнул несколько раз, но рука не исчезла. Рука, очень похожая на маленькую ручку Киски…

Он осторожно вздохнул, стараясь подавить поднимающуюся в нем тошноту, и стоял отвернувшись до тех пор, пока не удалось восстановить полный контроль над собой. Ему внезапно открылась правда, до сих пор скрывавшаяся за странными намеками, двусмысленностями и совершенно непонятными шутками.

Пока Мемток ждал чистую парку, Гну разразился нервной тирадой. Он шагнул к разделочной доске, случайно пнул ногой изящную маленькую ручку, которая отлетела в кучу отбросов, и заявил:

— Вот это мясо вам не придется пробовать,

управляющий, — если, конечно, не вернется старик.

— Я всегда все пробую, — холодно заметил Мемток. — Их милость требует, чтобы стол был отменным независимо от того, здесь он или нет.

— О да, конечно, — согласился Гну. — Именно это я всегда и твержу своим поварам. Но… Да вот хотя бы этот кусок прекрасно иллюстрирует беспокоящую меня проблему. Слишком много жира. Видите, он слишком жирен и после приготовления останется таким же. А все из-за того, что это мясо самки. Хотя, на мой взгляд, самое лучшее мясо, нежное, но упругое, у мальчиков, оскопленных не позже шести лет и забитых лет в двенадцать.

— Никто твоего мнения не спрашивает, — осадил его Мемток. — Значение имеют только вкусы их милости. А он считает, что самки более нежны на вкус.

— О, конечно, конечно, я согласен! Я ничего такого особенного и не хотел сказать!

— Ладно, успокойся, Гну. В принципе, я согласен с тобой. Я просто должен был заметить, что в данном вопросе твое мнение — и мое тоже — не имеет никакого значения. Я смотрю, они уже принесли ее. Наконец-то! Они что, расшивали

ее бисером?

Все надели парки и вошли морозильную камеру. Инженер, кивнувший и улыбнувшийся Хью при встрече, до сих пор не проронил ни слова. Теперь же он принялся пространно объяснять, в чем заключается «проклятая проблема замораживания». Хью отчаянно пытался сконцентрировать все свое внимание на словах Пайпса, чтобы хоть как-то отвлечься от ужасающего зрелища содержимого холодильного помещения.

Большинство хранившихся здесь тушек были говяжьими или птичьими. Но по центру комнаты на крюках висело то, что он ожидал здесь увидеть. Человеческие трупы — выпотрошенные, вычищенные и замороженные. Они свисали вниз головой, правда сами головы отсутствовали. Молодые самки и самцы, но были ли эти последние кастрированными или нет, понять теперь было невозможно.

Хью сглотнул и поблагодарил судьбу за то, что трагическая маленькая ручка дала ему возможность приготовиться и не потерять сознания.

— Ну, кузен Хью, что скажешь? — вернул его из забытья голос Мемтока.

— Что ж, я согласен с Пайпсом.

— То есть своими силами нам сейчас не спра-

виться?..

— Я согласен не с этим выводом. — Хью, по правде говоря, мало что понял. — Инженер, несомненно, рассуждает здраво. Как он утверждает, проблему можно решить, причем радикально. Нужно отказаться от намерения чинить оборудование сейчас и, подождав с неделю, приступить к его демонтажу и полной замене.

Лицо Мемтока приобрело кислое выражение.

— Слишком дорого.

— Это со временем окупится. За несколько бычков хорошего оборудования не купишь. Экономить тут нечего. Верно, Пайпс?

Инженер радостно закивал:

— Именно это я всегда и говорил, кузен Хью! Вы абсолютно правы.

Мемток все еще хмурился.

— Ладно, подготовь расчеты. И перед тем как представить их мне, покажи кузену Хью.

— Есть, сэр!

Мемток приостановился и похлопал филейную часть подростковой тушки.

— Вот, на мой взгляд, отличное мясо. А, Хью?

— Замечательное, — согласился Хью с невозмутимым видом. — Ваш племянник? Или только один из сыновей?

Повисло ледяное молчание. Никто не шевелился, только Мемток, казалось, стал выше ростом. Он чуть приподнял свой хлыст, сжав его так сильно, что побелели костяшки пальцев.

Затем он скривился и издал сухой смешок:

— Кузен Хью, ты когда-нибудь развеселишь меня до смерти своими хохмами. Ну у тебя и шутки! Эта особенно хороша. Гну, напомни мне, чтобы я не забыл рассказать ее вечером остальным.

Шеф-повар обещал обязательно напомнить и хихикнул. Инженер разразился хохотом. Мемток еще раз усмехнулся, довольно прохладно.

— Боюсь, что не вправе претендовать на столь высокую честь, Хью. Все эти тушки выращены на ранчо, поэтому среди них нет ни одного моего кузена. Да, я знаю, что в некоторых Семьях так принято, но их милость считает, что подавать к столу домашних слуг вульгарно, даже если смерть наступила в результате несчастного случая. Кроме того, слуги, не будучи уверены в своем будущем, становятся беспокойными.

— Похвально.

— Да. Приятно служить тому, кто во всем придерживается приличий. Ну ладно, хватит об этом. Мы теряем время. Хью, обратно пойдем вместе.

Когда они отдалились от остальных, Мемток

спросил:

— Так что ты там хотел сказать?

— Прошу прощения…

— Будет, будет, ты сегодня что-то очень рассеян. Ты говорил вроде насчет возвращения их милости…

— Ах да! Мемток, не могли бы вы в качестве огромного личного одолжения сообщить мне о прибытии их милости сразу же? Независимо от того, официально он вернется или нет. Не просить за меня об аудиенции, а всего лишь сообщить.

«Черт возьми, время убегает, как кровь из разорванной артерии! Похоже, единственное, что остается делать, — это ползти на брюхе к Джо с унизительными извинениями и таким образом добиваться, чтобы тот замолвил за меня словечко».

— Нет, — ответил Мемток. — Не думаю, что смогу.

— Прошу прощения?.. Вас это обидело?

— Ты имеешь в виду ту остроту? О небо, конечно нет! Может быть, кому-то она и показалась бы вульгарной, и держу пари, если ее рассказать в помещениях самок, кое-кому от нее стало бы дурно. Но я, Хью, если чем и горжусь, так это тем, что у меня есть чувство юмора, — и в тот день, когда

я не смогу оценить шутку только потому, что она относится ко мне, я тут же подам прошение об отставке. Нет, просто теперь настала моя очередь разыграть тебя. Я сказал: «Не думаю, что смогу». В этой фразе заключен двойной смысл. Двусмысленная, я бы даже сказал, шутка, ты понимаешь? Я не думаю, что смогу сообщить тебе, когда вернется их милость, поскольку он известил меня, что вообще больше сюда не вернется. Так что увидеть его ты сможешь только в столице… а там уж я обещаю, что скажу тебе, когда он будет на месте. — И главный управляющий игриво ткнул Хью под ребра. — Жаль, что ты не видел выражения своего лица. Моя шутка далеко не так остроумна, как твоя. Тем не менее челюсть у тебя прямо-таки отвалилась. Вот умора!

Хью извинился и ушел к себе. Вымывшись очень тщательно (гораздо тщательнее, чем обычно), он до самого обеда просидел на диване в тупом оцепенении. Перед уходом в столовую он слегка подбодрил себя аккуратно отмеренной порцией Счастья, небольшой, но достаточной, чтобы благополучно пережить обед теперь, когда он знал, почему «свинина» так часто подается к столу Избранных. Правда, у Хью были основания предполагать, что мясо, идущее в пищу слугам, —

настоящая свинина. Тем не менее он больше не намерен был есть грудинку. Равно как и ветчину, отбивные, колбасы… Видимо, придется стать вегетарианцем — до тех пор, по крайней мере, пока они с Барбарой не окажутся в горах, на свободе, а там уж придется либо есть дичь, либо умереть с голоду.

Принятая доза Счастья вполне позволила ему улыбнуться, когда Мемток дегустировал жаркое, предназначенное наверх, и спросить:

— Ну как? Жирновато?

— Хуже обычного. Гну совсем распустил своих лодырей. Попробуй.

— Нет, спасибо. Я и так представляю. Я сам, пожалуй, смог бы готовить лучше. Но я, конечно же, был бы ужасно строгим шеф-поваром. И даже жестким. Хотя, возможно, кузен Гну сумел бы меня смягчить. Тушением на медленном огне или…

Мемток так расхохотался, что даже подавился.

— Ой, Хью, не смей меня больше смешить за едой. А то ты когда-нибудь уморишь меня до смерти.

— Ваш покорный слуга нижайше надеется, что этого никогда не произойдет. — Хью поковырял кусочек мяса в тарелке, отодвинул его в сторону

и съел несколько орехов.

Вечером он засиделся в кабинете допоздна. Киска уже заснула, а он все еще составлял письмо. Ситуация требовала немедленного извещения Барбары, а сейчас это было возможно только через Киску. Задача заключалась в том, чтобы Барбара без предупреждения догадалась, что послание закодировано, смогла расшифровать его и была бы единственной, способной сделать это. Та причудливая языковая смесь, которой он воспользовался в прошлый раз, на сей раз не годилась — он должен был передать Барбаре инструкции, в которых бы она не пропустила ни одного слова и однозначно истолковала малейшие оттенки смысла изложенного.

В итоге письмо приобрело следующий вид:

Милая!

Если бы ты была рядом, то я с удовольствием поболтал бы с тобой немного о литературе. Ты, конечно, помнишь, что я люблю творчество Эдгара По. Можешь вспомнить и то, как я называл его единственно достойным автором таинственных историй. Прочитать, а затем перечитывать его – сущее удовольствие,

поскольку с одного раза По не раскусишь. Ответь-ка попробуй сразу на все вопросы, возникающие по ходу дела в его «Золотом жуке», «Убийстве на улице Морг» или в «Пропавшем письме», да и в любом другом его произведении! Таким же образом – то есть по нескольку раз – стоит перечесть почти всего По. Способом, который один только и может раскрыть читателю окончательно все потаенные мысли писателя, является внимательное чтение каждой фразы с самого первого слова, а не вскользь. Конец нашего разговора об этом действительно великом и многогранном человеке мог бы наступить еще не скоро, но, увы, уже поздно, поэтому приходится завершать послание; в следующий раз предлагаю обменяться мнениями о творчестве Марка Твена.

С любовью…

Поскольку Хью никогда раньше не обсуждал с Барбарой творчество Эдгара Аллана По, он был совершенно уверен, что она начнет искать в письме скрытое сообщение. Вопрос был в том, сможет ли она его обнаружить. Тайное послание

должно было читаться так:

ЕСЛИ ТЫ МОЖЕШЬ ПРОЧИТАТЬ ОТВЕТЬ ТАКИМ ЖЕ СПОСОБОМ КОНЕЦ.

Если

Ты

Можешь

Прочитать,

Ответь

Таким же

Способом

Конец

Хью уничтожил черновики письма и задумался. Теперь ему предстояло еще более рискованное дело. Сейчас он без раздумий предложил бы вечное блаженство плюс десять центов в придачу за обыкновенный фонарик. Или даже за обычную свечу. Апартаменты Хью освещались полупрозрачными сферами, расположенными по углам потолка. Принцип работы этих устройств был Хью совершенно непонятен. Они не нагревались, не нуждались, похоже, в проводке и вообще во внешнем источнике питания. А яркость регули-

ровалась небольшими рычажками.

Подобный светильник, только размером с мячик для гольфа, был вмонтирован в ридер. Освещение регулировалось поворотом самого светильника, поэтому Хью решил, что это как-то связано с поляризацией света. Он попытался вынуть светильник из ридера. Это оказалось непростой задачей. В конце концов Хью пришлось сломать верхнюю панель. И вот светящийся шар оказался у него в руках, однако яркость перестала поддаваться регулировке. Это было почти так же плохо, как и отсутствие освещения.

Хью недолго думая спрятал импровизированный фонарь под мышкой. Свет пробивался наружу сквозь рукав балахона, но уже не с такой силой.

Он удостоверился, что Киска спит, погасил сферы в комнатах, приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Коридор освещался только одним светильником на столбике, находившемся на пересечении проходов, ярдах в пятидесяти. К сожалению, идти нужно было именно в том направлении. Хью не ожидал, что в это время еще работает освещение.

Он дотронулся до накрепко привязанного к левой руке «оружия» — некоего подобия ножа,

который он заострил с помощью камня, подобранного возле садовой дорожки, и обмотал скотчем вместо рукоятки. Чтобы довести его до ума, над ним надо было еще работать и работать. Однако возможности Хью были ограниченны: трудиться приходилось украдкой — по ночам, когда Киска уже засыпала, или выкраивать время днем, пренебрегая переводами. Но все-таки иметь хоть какое-то оружие было необходимо, тем более что оно было для него всем: и ножом, и стамеской, и отверткой, и фомкой.

Нужный Хью люк, ведущий в туннель обслуживания, находился в проходе, тянувшемся от освещенного перекрестка вправо. В принципе, годился любой люк, но этот был расположен на пути к комнате ветеринара. Так что, если его застигнут, у него будет наготове оправдание, что у него внезапно разболелся живот и он идет к врачу.

Крышка люка легко откидывалась на шарнире. Запиралась она защелкой, которую всего-навсего нужно было повернуть, чтобы открыть крышку. Хью осветил шахту люка сияющей сферой: дно туннеля находилось на глубине около четырех футов. Он полез вниз и столкнулся с первой неприятностью.

Эти люки и туннели предназначались для людей, которые были на фут ниже и фунтов на пятьдесят легче Хью Фарнхэма. Поэтому диаметр лаза был рассчитан на соответствующую ширину плеч и бедер, а также длину рук, ног и тому подобное.

Но он должен одолеть этот чертов туннель!

Хью попытался представить себе, как он будет протискиваться по нему, имея на руках по крайней мере одного грудного ребенка. Но и с этим он обязан справиться. И он справится обязательно.

Он едва не поймал сам себя в ловушку. Буквально в самый последний миг, почти скрывшись в шахте люка, он обнаружил, что на внутренней стороне крышки, абсолютно гладкой, нет никакой ручки, а запор защелкивается снаружи автоматически.

Теперь Хью понял, почему никто не беспокоился по поводу возможного внезапного появления жеребца в женских помещениях. Но это было и значительным преимуществом. Хью сразу оценил его. Если все будет спокойно на другом конце туннеля, то он заберет Барбару, они вчетвером спустятся в туннель, выберутся по нему наружу в любом доступном месте и направятся в горы пешком. Нужно будет добраться до них до света,

отыскать какой-нибудь ручей и часть пути пройти по воде, чтобы сбить со следа собак.

Итак, вперед, и только вперед! Без пищи, практически с голыми руками, если не считать самодельного ножа, без какого-либо снаряжения, кроме еды и «ночной рубашки», и без всякой надежды на лучшее… Вперед! Или спасти семью, или погибнуть вместе с ней. Но погибнуть *свободным*!

Кто знает, может быть, в один прекрасный день его сыновья-близнецы, которые, закалившись в борьбе за существование, наверняка будут в чем-то мудрее его, возглавят восстание против царящих здесь ужасов. Но все, что было в его силах сделать, все, на что он мог надеяться, — это освободить детей, не дать им умереть с голоду и постараться вырастить их сильными, гордыми, полноценными мужчинами.

Или погибнуть.

Таковы были его планы. Он не стал терять ни минуты на сетования по поводу пружинного запора. Это просто значило, что он обязательно *должен* связаться с Барбарой и назначить время, потому что ей самой придется возиться с люком на своем участке туннеля. А сегодня он должен только провести рекогносцировку.

Клейкая лента, из которой он сделал рукоятку ножа, как выяснилось, прекрасно удерживала защелку в открытом положении. Он попробовал: защелка не выдвигалась. Теперь крышку можно было открыть изнутри.

Но ставший почти звериным инстинкт самосохранения подсказал ему: лента не выдержит до тех пор, пока он вернется, и тогда он окажется в ловушке.

Следующие полчаса он в поте лица ковырял защелку ножом и пальцами, держа светящийся шарик в зубах. В конце концов ему удалось сломать пружину. Тогда он полностью вынул защелку. Люк внешне выглядел абсолютно нормально, но теперь его можно было открыть изнутри одним толчком.

Только тогда Хью спустился внутрь и закрыл его над собой.

Он попробовал ползти по туннелю на четвереньках, держа светильник в зубах, но почти сразу остановился. Проклятый балахон мешал ему продвигаться! Он подоткнул его до талии, но балахон упорно сползал обратно.

Тогда он вернулся к шахте люка, снял с себя упрямое одеяние, оставил его здесь и, обнаженный, с привязанным к руке ножом и светиль-

ником во рту, снова устремился к цели. Теперь продвигаться было легче, но полностью встать на четвереньки ему так и не удалось. Руки в локтях приходилось сгибать и ползти на карачках, с неудобно задранным задом. «Приятным сюрпризом» оказались места пересечения трубопроводов, которые Хью преодолевал буквально на брюхе.

Было трудно определить осиленное расстояние. Однако, как выяснилось, через каждые тридцать или около того футов по стенкам туннеля проходили швы. Он стал считать их и попытался в уме сопоставить пройденное расстояние со схемой.

Нужно проползти два люка… На следующем люке поворот налево в перекрестный туннель… Проползти еще около ста пятидесяти футов и повернуть направо…

Приблизительно через час он оказался под люком, который, по его мнению, был ближайшим к Барбаре.

Если только он не заблудился в недрах дворца… Если он правильно помнил сложную схему… Если схема была точной (может быть, за последние две тысячи лет все-таки научились своевременно вносить поправки в чертежи?)… Если только Киска не ошиблась в определении местонахож-

дения Барбары… Если Барбара еще находилась там же…

Скрючившись в немыслимой позе, Хью приложил ухо к крышке люка.

Он услышал детский плач.

Минут через десять он услышал тихие женские голоса. Они приблизились, прошли над ним, и кто-то наступил на крышку.

Хью приготовился возвращаться и попытался развернуться. Места было так мало, что самым разумным казалось ползти обратно задом наперед, каковым способом он и попытался продвигаться.

Но это было настолько неудобно, что он вернулся к шахте и там, ценой невероятных усилий и ободранной кожи на боках, сумел развернуться…

Обратный путь показался ему вечностью. Он даже решил, что потерялся, и начал раздумывать, от чего умрет скорее — от голода или от жажды? Или может быть, какой-нибудь ремонтник утром испытает нервное потрясение, обнаружив его здесь?

Тем не менее он упорно продолжал ползти.

Руки его наткнулись на балахон раньше, чем он разглядел его.

Пятью минутами позже он был одет, а через семь минут (он долго ждал, прислушиваясь) уже

стоял в коридоре. Он буквально заставил себя не пуститься бегом в свои апартаменты.

Киска не спала.

Он и не подозревал об этом до тех пор, пока она не вошла вслед за ним в ванную. Широко раскрыв глаза, Киска с ужасом произнесла:

— О, дорогой мой! Бедные колени! Бедные локти!

— Я споткнулся и упал.

Она не стала спорить, а только настояла на том, что сама вымоет его и смажет ссадины. Когда затем она было устремилась к грязной одежде Хью, он резко приказал ей отправляться в постель. Он ничего не имел против того, чтобы она занялась его балахоном, но в нем лежал нож; ему и так пришлось долго маневрировать, заслоняя собой замызганное рубище, прежде чем удалось прикрыть нож складками одежды.

Киска молча удалилась. Хью спрятал нож в свой тайник (слишком высоко для Киски), вернулся в комнату и обнаружил, что малютка плачет. Он стал гладить ее и виноватым тоном сказал, что не хотел быть с ней грубым, потом налил ей в утешение дополнительную порцию Счастья. Затем он посидел с ней до тех пор, пока она не забылась в безмятежном сне.

После выпавших на его долю испытаний он даже и не стал пытаться заснуть без наркотика. Киска дремала, выпростав одну руку из-под одеяла. Ее ручка зримо напоминала Хью о той, которую он увидел полдня назад на полу в разделочной.

Он совершенно выбился из сил, и напиток сразу же усыпил его. Но покоя не было и во сне. Ему приснилось, что он на званом обеде, при черном галстуке и одетый соответствующим образом. Но вот только меню ему что-то не нравилось. Венгерский гуляш… французское жаркое… китайская лапша… луизианский сэндвич… фермерская грудинка… эскимосская строганина — но все это было «жирной свининой». Хозяин дома настаивал, чтобы он попробовал каждое блюдо. «Ну же, ну! — подбадривал он с леденящей улыбкой на устах. — Откуда вы знаете, что вам это не понравится? Ставлю три к одному, что ты научишься любить такую еду».

Хью стонал во сне, но никак не мог проснуться.

Утром Киска ни о чем не спрашивала, за что совершенно разбитый Хью был ей весьма признателен. Двух часов кошмарного сна было явно недостаточно, но он должен был идти в свой

кабинет и делать вид, что работает. Там он просто сидел, уставившись на схему над рабочим столом, и даже не пытался смотреть на экран включенного ридера. После ланча он ускользнул к себе и попытался вздремнуть. Но в дверь осторожно постучал инженер и, рассыпавшись в извинениях, попросил взглянуть на смету холодильной установки. Хью налил гостю дозу Счастья и сделал вид, что внимательно изучает ничего не говорящие ему цифры. Когда прошло достаточное количество времени, он похвалил молодого человека и написал Мемтоку записку, в которой рекомендовал смету к утверждению.

В письме Барбары, которое он получил вечером, всячески приветствовалась идея организации литературно-дискуссионного клуба по переписке и содержались весьма интересные мысли о творчестве Марка Твена. Но Хью интересовали только первые слова предложений: «Я ПРАВИЛЬНО ПОНЯЛА ТЕБЯ МИЛЫЙ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК».

Я Правильно

Поняла Тебя

Милый

Вопросительный

Знак

19

ДОРОГАЯ МЫ ДОЛЖНЫ БЕЖАТЬ НА ТОЙ НЕДЕЛЕ ИЛИ ДАЖЕ РАНЬШЕ БУДЬ ГОТОВА В НОЧЬ ПОСЛЕ ПИСЬМА СОДЕРЖАЩЕГО СЛОВА СВОБОДА ПРЕЖДЕ ВСЕГО ОДИНОЧЕСТВО.

Дорогая

Мы

Должны

Бежать

На

Той

Неделе

Или

Даже

Раньше

Будь

Готова

В

Ночь
После
Письма
Содержащего
Слова
Свобода
Прежде
Всего

Одиночество.

В течение следующих трех дней письма Хью к Барбаре были длинными, и в них обсуждалось все что угодно, начиная с того, как Марк Твен пользуется лексическими идиомами, и кончая влиянием прогрессивных методов обучения на расшатывание грамматических норм. Ее ответы, продолжавшие литературную тему, также были пространными. В них подтверждалось, что она все поняла и в назначенное время будет готова открыть люк, сообщалось, что у нее есть небольшой запас еды, но нет ни ножа, ни обуви, но последнее не беда, так как подошвы ее ног сильно огрубели, и что единственное, о чем она беспокоится, — чтобы не расплакались близнецы или не проснулись соседки по комнате, особенно

две из них, которые еще кормят своих детей по ночам грудью. Но пусть Хью ни о чем не беспокоится — она постарается все устроить.

Хью решил спрятать свежую бутылку Счастья в люке, ближайшем к комнате Барбары. В письме он велел ей сказать соседкам по комнате, что бутылку она украла, и напоить их так, чтобы они не просыпались, а если проснуться, чтобы могли только хихикать, и, если получится, также дать и близнецам немного, чтобы те не плакали, в какие бы передряги ни попали.

Лишний раз рисковать, относя бутылку, Хью смертельно не хотелось. Но он ухитрился извлечь из этой вылазки пользу. Он не только засек время и запомнил все изгибы лабиринта до мельчайших подробностей, но и взял с собой набитый свитками куль, который наверняка был значительно тяжелее ребенка. Куль он привязал к груди полоской материи, оторванной от чехла, закрывавшего ридер. Две такие подвязки, одну для себя, другую для Барбары, он изготовил с учетом того, чтобы привязанного ребенка можно было нести и за плечами.

Эксперимент показал, что транспортировать детей таким образом довольно трудно, но возможно. Хью отметил для себя места, где нужно

быть особенно осторожным и продвигаться потихоньку, чтобы не придавить «драгоценную ношу» и не зацепиться за что-нибудь.

Отрепетировав бегство и убедившись, что принципиальных трудностей нет, он вернулся к себе. Киска на сей раз не проснулась — он предусмотрительно угостил ее увеличенной дозой Счастья. Хью вернул на место свитки, спрятал нож и светильник, промыл колени и локти и смазал их, затем сел и написал длинный постскриптум к письму Барбаре, в котором объяснил, как найти бутылку. В послании высказывались некоторые соображения по поводу философских воззрений Хемингуэя и отмечалось, что, как ни странно, в одном из своих произведений писатель говорит, что «свобода — это прежде всего одиночество», а в другом утверждает прямо противоположное…

На следующий вечер он вновь дал Киске усиленную дозу Счастья, сказав, что в бутылке осталось совсем немного и ее нужно допить, а затем он принесет новую.

— Но тогда я совсем поглупею, — пробормотала Киска. — И перестану нравиться вам.

— Пей, пей! И не говори чепуху. Для чего же и жить, как не для удовольствия?

Через полчаса Киска уже не могла без посто-

ронней помощи добраться до постели. Хью побыл с нею до тех пор, пока она не начала всхрапывать. Потом встал, бережно прикрыл ее одеялом, некоторое время постоял, с жалостью глядя на малютку, потом внезапно опустился на колени и поцеловал на прощание.

Через несколько минут он уже спускался в люк.

Там он снял балахон, сложил в него все, что ему удалось достать, — пищу, обувь, парик, две баночки с кремом, в который был добавлен коричневый пигмент. Хью не очень-то рассчитывал на грим и особо не верил в него, но в случае, если рассвет их застигнет до того, как они дойдут до гор, он собирался загримировать всех, сделать из балахонов какое-то подобие штанов и накидки, которые, как ему известно, были обычной одеждой свободных крестьян-Избранных — «нищего черного отребья», как называл их Джо, — и попытаться продержаться таким образом, избегая по возможности случайных встреч, до темноты.

Одну из подвязок он нацепил на себя, другую положил в тючок и пополз. Он торопился, так как время теперь решало все. Если даже Барбаре удастся быстро подпоить соседок по комнате, если повезет без осложнений спуститься в туннель,

если передвижение по нему займет не более часа (что проблематично при наличии детей) — все равно им не выбраться за пределы имения раньше полуночи. Так что в распоряжении у них будет всего пять часов до рассвета, за которые они должны добраться до гор. Интересно, смогут ли они продвигаться со скоростью три мили в час? Вряд ли, поскольку обуви у Барбары нет, на руках у них будут близнецы, местность им незнакома, а ведь идти придется в темноте. Горы — их было видно из окон — начинались милях в пятнадцати от имения. Им предстоит очень тяжелое путешествие, даже если события будут разворачиваться по плану.

Хью протискивался по туннелю, не жалея локтей и коленей…

Добравшись до места, где была припрятана бутылка, он с удовлетворением отметил, что она исчезла. Тогда он расположился поудобнее и, стараясь унять бешено бьющееся сердце, попытался замедлить дыхание, расслабиться и ни о чем не думать.

Это помогло. Он начал даже впадать в легкую дремоту, но мгновенно пришел в себя, увидев, как поднимается крышка люка.

Барбара действовала совершенно бесшумно.

Она передала ему одного из сыновей, которого он сразу же положил подальше в туннель, затем второго — он разместил его рядом с первым. Потом протянула трогательный маленький узелок с пожитками и прикрыла крышку люка.

Как только Барбара оказалась внизу, он поцеловал ее.

Она, всхлипывая, прильнула к нему. Хью сурово прошептал ей на ухо, чтобы она не шумела, и объяснил, что делать. Она тут же затихла: им предстояла нелегкая работа.

В тесной шахте подготовиться к продвижению было мучительно трудно. Здесь негде было развернуться и одному, не говоря уже о двоих. Только безвыходность положения позволила им сделать все, что нужно. Сначала Хью помог Барбаре вылезти из короткой туники, которую носили самки, затем она легла ногами в туннель, и он надел на нее одну из подвязок и пристроил в подвязку одного из близнецов, основательно затянув узлы, чтобы ребенок в своем «гамаке» лежал как можно выше от пола. Укрепив другого ребенка на себе, он соорудил из одежды Барбары узелок и привязал его рукавами к своей левой лодыжке, чтобы при движении тот волочился за ним. Он планировал обвязать его вокруг своей

талии, но рукава оказались слишком короткими.

Когда все это было закончено (ему показалось, что прошли часы), Барбара отползла еще дальше назад, и он, с неимоверными усилиями развернувшись в узкой шахте люка, ухитрился оказаться в нужном положении в туннеле, не ушибив при этом маленького Хьюи. Или, может быть, это был Карл Джозеф? Он забыл спросить. Во всяком случае, почувствовав тельце ребенка, прижатое к его собственному телу, услышав мирное посапывание мальчика, Хью ощутил прилив свежих сил и отваги. Видит Бог, они справятся! Всякий, кто встанет у них на пути, погибнет.

Он пополз вперед, держа светильник в зубах и стараясь передвигаться как можно быстрее. Он не задерживался, чтобы подождать Барбару, так как заранее предупредил ее, что не остановится, если она не позовет его.

Она так ни разу и не окликнула его. Однажды с его ноги соскользнул узелок. Они приостановились, и Барбара снова привязала его. Это и стало их единственной передышкой. Скорость перемещения была неплохой, но Хью снова показалось, что прошла целая вечность, прежде чем они наткнулись на торбу с припасами, которую он оставил возле своего люка.

Отвязав детишек, измученные беглецы перевели дух.

Хью помог Барбаре приспособить перевязь так, чтобы ребенка теперь можно было нести на спине, и объединил их припасы в один общий узел, оставив при себе нож, балахон и светильник. Он показал, как нужно держать светящийся шарик во рту и, раздвигая губы, выпускать между зубами наружу тоненький лучик света, потом передал его Барбаре. Она опробовала фонарик.

— Выглядит жутко, — прошептал он. — Как тыква на Хеллоуин. А теперь слушай внимательно. Я сейчас вылезу. Будь готова передать мне одежду. Я должен произвести разведку.

— Я могу помочь тебе одеться прямо здесь.

— Нет. Если меня застукают выбирающимся из люка, будет драка, и балахон замедлит мои движения. Да он, в принципе, и не понадобится до тех пор, пока мы не дойдем до кладовой, где у меня намечена следующая остановка. Если наверху все тихо, то ты должна будешь осторожно передать мне наши пожитки и ребенка. Учти, потом тебе придется нести и его, и наши вещи — мне нельзя занимать руки. Понимаешь, милая, я не хотел бы никого убивать, но, если кто-нибудь встанет нам поперек дороги, ему несдобровать.

Ты понимаешь меня?

Она кивнула:

— Значит, я понесу все? Хорошо, я справлюсь, муж мой.

— Сейчас мы пойдем быстро. До кладовой недалеко, пара кварталов, и, скорее всего, по пути мы никого не встретим. Я взломал замок сегодня днем, сунул туда жвачку Киски. Как только окажемся внутри, перепакуем вещи и посмотрим, не подойдут ли тебе мои сандалии.

— За мои ноги не беспокойся, с ними все будет в порядке.

— В таком случае будем надевать сандалии по очереди. У кладовой мне придется заняться замком на двери доставки — с неделю назад я приметил там кусок арматуры. Он должен быть на месте. Короче говоря, я сломаю замок, а потом мы быстро-быстро двинемся в путь. Наше исчезновение обнаружится только за завтраком, потом потребуется некоторое время, чтобы удостовериться в нашем побеге, и еще больше времени, чтобы организовать погоню. У нас все получится.

— Конечно получится.

— И еще одно… Когда я возьму у тебя одежду и закрою крышку, оставайся на месте. Сиди тихо и

не выглядывай из люка.

— Хорошо.

— Меня может не быть примерно час. Не исключено, что придется симулировать боль в животе и заходить к ветеринару. Тогда я вернусь, как только смогу.

— Ладно.

— Барбара, в крайнем случае тебе придется ждать двадцать четыре часа. Не дай бог, конечно. Ты сможешь столько пробыть здесь и все это время не давать малышам плакать? Если потребуется?

— Я готова на все, Хью.

Он поцеловал ее.

— А теперь верни светильник обратно и спрячь свет. Я хочу выглянуть наружу.

Хью чуть приподнял крышку и снова опустил ее.

— Очень удачно, — прошептал он. — Даже фонарь погасили. Ну, я пошел. Будь готова передать мне вещи. Но прежде всего Джо. И смотри не выдай себя ничем.

Он поднял крышку, беззвучно откинул ее, подтянулся и выбрался в коридор.

Яркий луч света ударил ему прямо в глаза.

— Довольно, — сухо сказал кто-то. — Ни с ме-

ста.

Хью настолько молниеносно ударил ногой по руке, державшей хлыст, что обладатель не успел им воспользоваться. Хлыст отлетел в сторону. Хью рванулся и нанес подстерегавшему два сокрушительных удара ребром ладони: раз! два! — этого оказалось достаточно, шея противника была сломана, как описывалось в учебнике.

Хью наклонился над люком:

— Давай! Быстро!

Барбара подала ему ребенка, затем багаж. После этого он протянул ей руку и помог выбраться наверх.

— Посвети, — прошептал он. — А то его фонарь погас, а мне нужно избавиться от тела.

Она посветила ему.

Мемток…

Хью с горестным изумлением покачал головой, опустил тело в люк и закрыл крышку. Барбара была уже наготове: один ребенок прочно привязан за спиной, другой — в левой руке, в правой — вещи.

— Пошли! Держись сразу за мной!

Он дошел до перекрестка, нащупывая стену кончиками пальцев.

В кромешной тьме Хью так и не понял, откуда

его достали разрядом хлыста. Нестерпимая жгучая боль пронзила все его тело, и он провалился в беспамятство.

20

Долгое время мистер Фарнхэм не чувствовал ничего, кроме боли. Когда она немного отпустила его, он обнаружил, что находится в камере, наподобие той, в которой он провел первые дни в имении лорда-протектора.

Он пробыл в ней три дня. По крайней мере, так ему показалось, потому что кормили его за это время шесть раз. Перед тем как ему приносили пищу или приходили опорожнить его горшок (из камеры его не выпускали), его обволакивала невидимая паутина. Потом кто-то входил, оставлял пищу, менял парашу и уходил. Слуга, который делал все это, не отвечал ни на какие вопросы.

На четвертый день, утром, невидимая паутина схватила его совершенно неожиданно (только что была кормежка), и в камеру вошел его старый знакомый и «кузен» — главный ветеринар. У Хью были более чем веские основания подозревать причину его визита, и он стал требовать, чтобы

его отвели к лорду-протектору, перейдя в конце концов на крик.

Врач никак не отреагировал на его бурное возмущение. Он вколол что-то Хью в бедро и вышел.

Хью с облегчением отметил, что сознания он не потерял, но, когда поле исчезло, он почувствовал, что все равно не может шевельнуться и впадает в тяжелое оцепенение. Через некоторое время вошли двое слуг, подняли его и положили в какой-то ящик, похожий на гроб.

Хью смутно ощущал, что его куда-то несут. С ним обращались небрежно, но не грубо. Тряски он не испытывал и только дважды почувствовал, как ящик куда-то поднимали. Затем ящик поставили и через несколько минут (часов? дней?) подхватили и снова понесли. В конце концов он оказался в другой камере, которая отличалась от первой только тем, что стены в ней были светло-зелеными, а не белыми. Вскоре состояние оцепенения покинуло его, но когда слуга принес пищу, Хью снова был опутан паутиной невидимого поля.

Однообразное, аморфное существование длилось сто двадцать два кормления. Хью отмечал их, обкусывая ногти на руках и нанося царапины

на тыльной стороне левой руки. Это занимало у него меньше пяти минут каждый день; он бесплодно проводил остальную часть своего времени, беспокоился, иногда спал. Сон был гораздо хуже бодрствования, потому что во сне он снова и снова совершал побег и каждый раз его ловили — правда всегда в разных местах. Иногда ему не приходилось убивать своего друга главного управляющего. Дважды во сне им с Барбарой удавалось добраться до самых гор, прежде чем их настигала погоня. Но рано или поздно их все равно ловили. В этот момент Хью обычно с криком просыпался, зовя Барбару.

Больше всего он беспокоился о ней и о близнецах, хотя малыши были для него какими-то не совсем реальными. Ему ни разу не приходилось слышать, чтобы самку за что-нибудь серьезно наказывали. Но ему также никогда не приходилось слышать о самке, замешанной в покушении на убийство или убийстве. Возможно, такое случалось, он просто не знал. Зато он знал, что лорд-протектор предпочитает к столу мясо самок.

Он старался убедить себя, что старик Понс ничего не сделает с женщиной, которая кормит грудью, — а кормить ей предстояло еще долго.

Прислуга обычно растит детей до двух лет, как ему было известно со слов Киски.

Он беспокоился и насчет Киски. Не накажут ли малышку за то, к чему она практически не имела никакого отношения? Здесь наказывают невинных свидетелей? И опять он ни в чем не мог быть уверен. В этом мире существовало свое понимание правосудия, это была основная догма религиозных писаний. Но она так мало напоминала концепцию правосудия его собственной культуры, что он почти ничего не понимал в этих текстах.

Бóльшую часть времени он проводил в «конструктивном» самобичевании, то есть размышлял о том, что ему следовало бы сделать, а не о том, что он сделал в действительности.

Теперь он видел, что его планы были просто смехотворными. Ему не стоило так быстро поддаваться панике и торопиться с побегом. Куда лучше было бы упрочить связь с Джо, ни в чем не противоречить ему, играть на его тщеславии, работать на него, а тем временем добиваться, чтобы он согласился откупить Барбару и ее детишек. Джо был располагающим к себе человеком, а старый Понс — весьма щедрым, поэтому он мог бы даже не продавать Джо трех бесполезных слуг,

а просто подарить их. Тогда мальчикам на протяжении многих лет ничего не угрожало бы (и, возможно, им вообще ничего бы не грозило, если бы они принадлежали Джо), а со временем Хью вполне мог бы рассчитывать стать доверенным слугой, занимающимся деловыми операциями и имеющим право свободного доступа куда угодно по делам своего повелителя. В таком случае он изучил бы все пружины, приводящие в действие механизмы этого мира, как никакой другой домашний слуга, и уж тогда наверняка смог бы спланировать побег, который оказался бы удачным.

Какое бы общество ни создал человек, напомнил он себе, в нем всегда можно рассчитывать на власть денег. Слуга, имеющий с ними дело, всегда найдет способ немного украсть. Возможно, здесь тоже существовало что-то вроде «подпольной железной дороги», по которой беглецов переправляют в горы. Как все-таки глупо, что он поторопился!

Обдумывал он и другие перспективы, более широкие, — восстание рабов, например. Он представлял себе туннели, использующиеся не для побега, а как место, где тайно обучают грамоте; слышал произносимые шепотом клятвы, столь

же могущественные, как у африканских последователей Мау-Мау, связывающие заговорщиков как кровных братьев. В их списках напротив имени каждого Избранного будут стоять метки их персональных палачей-рабов, терпеливо вытачивающих из кусков металла ножи.

Эта «конструктивная» мечта нравилась ему больше всего. Но почему-то слабо верилось в то, что она может воплотиться. Неужели эти покорные овцы когда-нибудь созреют для восстания? Правда, его отнесли к тому же виду, но исключительно из-за цвета кожи. На самом же деле он и слуги были совершенно разной породы. Столетия направленной селекции сделали свое дело: Хью отличался от любого представителя этой безликой массы так же, как лесной волк от комнатной собачки.

И все же… И все же откуда ему знать? Ведь он общался только с оскопленными слугами, а те немногие жеребцы, которых он видел, были оглушены лошадиными дозами Счастья. Неизвестно еще, как влияло на боевой дух мужчин то, что они лишались больших пальцев в самом раннем возрасте и что их постоянно подгоняли хлыстами.

Часто Хью размышлял над вопросами расовых различий или, вернее, об абсурдной идее «равен-

ства рас». Этот вопрос никогда не исследовался с научной точки зрения. Слишком много эмоций обуревало и ту и другую сторону. Никому не нужны были объективные данные.

Хью вспомнил район Пернамбуку, который он посетил, отбывая службу на флоте. Владельцами богатых плантаций там были преисполненные собственного достоинства, выхоленные, получившие образование во Франции черные, в то время как слугами и рабочими на их полях — плутоватые, задиристые, явно не способные ни на что другое, кроме как батрачить, — были белые. Хью редко решался рассказывать этот анекдот в Штатах: ему почти никогда не верили и почти всегда обижались — даже те из белых, которые кичились тем, что являются сторонниками «движения за оказание помощи американским неграм в самосовершенствовании». У Хью создалось впечатление, что почти все эти «гуманные» сердца желали, чтобы жизнь негров улучшилась *почти* до уровня их собственной жизни, чтобы можно было с легкой совестью забыть о них, но они совершенно не могли принять мысль, что их отношения с неграми могут поменяться на обратные.

Хью знал, что положение вещей может быть

совершенно иным. В Пернамбуку он это видел, а теперь испытывал на своей шкуре.

Знал Хью и то, что даже в проблеме расовой принадлежности все было не так просто. Многие граждане Рима были черны как смоль, а многие рабы могли бы быть приведены Гитлером в качестве эталона арийской расы. Поэтому в крови любого «белого» европейского происхождения наверняка была капелька негритянской. А зачастую — и гораздо больше капельки. Как же звали того сенатора с Юга, который сделал себе карьеру на пропаганде доктрины о превосходстве белого человека?.. Хью узнал забавный факт: этот человек умирал от рака и перенес множество переливаний крови. У него была такая группа крови, что с шансами двести к одному можно было говорить уже не о малой толике негритянской, а о целой бочке ее. Флотский хирург как-то с восторгом рассказал об этом Хью и подтвердил свой рассказ медицинской литературой.

Тем не менее эта запутанная проблема, похоже, *никогда* не будет решена, потому что вряд ли кому-то нужна правда.

Взять хотя бы простой пример. Хью, как и большинство его современников, считал, что негры в общем-то были лучшими певцами, чем белые.

И те же самые люди, которые громче других кричали о «равенстве рас», будь то негры или белые, казалось, были просто счастливы признать, что чернокожие в этом обладают превосходством. Поэтому все заверения в стремлении к равенству, с какой бы стороны они ни звучали, были столь же лицемерными, как заповедь из «Скотного двора» Оруэлла: «Все животные равны, но некоторые равнее».

Что ж, он-то знал, кто сейчас считается представителем «низшей расы», несмотря на то что статистически тоже имеет свою примесь черной крови. Этого парию зовут Хью Фарнхэм. Теперь он был полностью согласен с Джо: когда кругом неравенство, лучше быть где-то наверху!

На шестьдесят первый день (если он действительно был таковым), проведенный им в новой камере, за ним пришли, вымыли его, остригли ногти, умастили тело ароматическим кремом и представили пред очи лорда-протектора.

Хью испытывал унижение от своей вынужденной наготы, но справедливо заключил, что это оправданная мера: следовало предупредить малейшее угрожающее движение пленника, который столь опасен, что может убивать даже голыми руками. Сопровождали его два молодых

Избранных, которые, как счел Хью, были военными. Их хлысты, отличные от «погонялок» слуг, явно не были бутафорскими.

Путь в апартаменты их милости оказался неблизким: здание, похоже, было огромным. Комната, куда они в конце концов пришли, весьма походила на покои Понса в Летнем дворце, где Хью когда-то играл в бридж. Из большого окна открывался вид на широкую реку.

Хью едва взглянул на нее: в комнате был сам лорд-протектор. И еще Барбара с близнецами!

Младенцы ползали по полу, но Барбара была скована невидимыми путами, в которые тут же попал и Хью. Она улыбнулась ему, но ничего не сказала. Он внимательно оглядел ее. Барбара казалась целой и невредимой, только немного похудела, да под глазами у нее были темные круги.

Он хотел заговорить, но она движением головы предостерегла его. Тогда Хью взглянул на лорда-протектора и обнаружил, что рядом с ним расположился Джо, а Грейс с Дьюком, демонстративно не обращая внимания на происходящее, жуют Счастье и увлеченно играют в карты в углу комнаты. Он перевел взгляд на их милость.

Судя по всему, тот перенес тяжелую болезнь. В помещении было тепло — Хью не испытывал

холода и нагишом, — однако Понс был одет в теплый халат, колени его покрывала шаль. Выглядел он на весь свой возраст, глубоким стариком.

Но когда он заговорил, оказалось, что голос его ничуть не потерял звучности и силы.

— Можешь идти, капитан. Мы отпускаем тебя.

Эскорт удалился. Их милость окинул Хью печальным взглядом. Наконец он сказал:

— Ну что, бой, наделал ты дел? — Он опустил глаза, поиграл с чем-то у себя на коленях, поймал и положил в центр шали. Хью увидел, что это белая мышь. Внезапно он почувствовал к ней симпатию. Похоже было, что мышке не нравилось сидеть на коленях у Понса, но и бежать было некуда, так как на полу ее подстерегали коты и Красотка наблюдала за ней с нескрываемым интересом.

Хью не ответил. Вопрос показался ему чисто риторическим. Тем не менее он был удивлен. Понс накрыл мышку ладонью и взглянул на Хью:

— Что же ты молчишь? Скажи что-нибудь.

— Ты говоришь по-английски?..

— Не нужно глупо таращить глаза. Я ведь ученый, Хью. Неужели ты думаешь, что я могу окружить себя людьми, говорящими на языке, которого я не знаю? Да, я говорю на нем и читаю,

хотя правописание в нем глупейшее. Я каждый день занимался с опытнейшими преподавателями плюс разговорная практика с ходячим словарем. — Он кивнул в сторону Грейс. — Или ты полагаешь, что мне не хочется самому прочитать все свои книги, не завися при этом от сделанных тобой тяп-ляп переводов? Я дважды прочел «Сказки просто так» — они очаровательны. И сейчас читаю «Одиссею».

Он снова перешел на Язык:

— Но мы здесь не для того, чтобы беседовать о литературе. — Поданный Понсом знак был почти незаметен, но в комнату тут же вошли четыре служанки. Они поставили перед их милостью стол, разложив на нем какие-то вещи. Хью узнал их: самодельный нож, парик, две баночки с кремом, пустая бутылка из-под Счастья, маленькая сфера, уже погасшая, пара сандалий, два балахона — один длинный, другой короткий, оба измятые и грязные — и на удивление высокая стопка исписанных бумаг, тоже изрядно потрепанных.

Понс посадил мышку на стол, переложил несколько вещей с места на место и задумчиво сказал:

— Я не так глуп, Хью. Имея дело со слугами всю свою жизнь, я раскусил тебя раньше, чем ты сам

утвердился в своем решении. Такого человека, как ты, нельзя помещать вместе с верными слугами — он их развращает. У них тут же начинают появляться разные ненужные мысли. Я планировал дать тебе возможность бежать, как только ты перестанешь быть мне нужен. Так что тебе не следовало торопиться с побегом.

— Неужели ты думаешь, что я поверю в это?

— Не имеет значения, веришь ты или нет. Я просто не мог бы держать тебя слишком долго: одно гнилое яблоко портит остальные, как любил говорить мой дядя. Не мог я и продать тебя, потому что какой-нибудь ни о чем не подозревающий человек заплатил бы немалые деньги за слугу, который развратил бы остальных во всех моих владениях. Нет, мне определенно пришлось бы дать тебе возможность бежать.

— Даже если и так, я бы никогда не убежал без Барбары и сыновей.

— Я же говорю тебе: я не дурак. Будь добр, запомни это. Я как раз и собирался использовать Барбару и ваших очаровательных малышей как средство вынудить тебя бежать, но только когда я счел бы это необходимым. Теперь ты все испортил. Теперь я должен наказать тебя в назидание другим слугам. Это пойдет им на пользу. — Он

нахмурился, взял в руки грубый нож. — Плохо сбалансирован. Хью, неужели ты всерьез рассчитывал добыть свободу с таким жалким оружием в руках? Ты даже не разжился обувью для своей несчастной подруги. А если бы ты немного подождал, тебе была бы предоставлена возможность украсть все, что необходимо.

— Понс, ты играешь со мной, как с этой мышкой. Ты не собирался дать нам уйти. По крайней мере, не до конца. В итоге я бы оказался на твоем столе.

— О, пожалуйста! — На лице старика появилась гримаса отвращения. — Хью, мне нехорошо: кто-то опять пытался отравить меня — скорее всего, племянник, и на сей раз это ему почти удалось. Поэтому не говори мне подобные гадости, у меня от них желудок выворачивает. — Он окинул Хью оценивающим взглядом. — Жесткий. Несъедобный. Старый жеребец — желудку конец. Слишком воняет. Кроме того, джентльмен никогда не станет есть члена своей Семьи, какой бы поступок тот ни совершил. Так что давай оставим этот дурной тон. У тебя нет никаких оснований держаться вызывающе. Ведь я не сержусь на тебя, просто я очень, очень, очень раздражен. — Он взглянул на близнецов и сказал: — Хьюи, перестань дергать

Красотку за хвост. — Голос его не был ни громок, ни строг, но ребенок тут же повиновался. — Вот эти двое наверняка были бы хороши на вкус, однако они принадлежат к моей Семье. Но даже будь они чужими, все равно я нашел бы им другое применение. Они так милы и так похожи друг на друга… Да, раньше в моих планах им была уготована иная, лучшая судьба. Пока не стало ясно, что они необходимы для того, чтобы вынудить тебя бежать. — Понс вздохнул. — Я вижу, что ты по-прежнему не веришь ни единому моему слову, Хью. Ты просто не понимаешь системы. Впрочем, слугам этого не дано. Тебе не приходилось выращивать яблоки?

— Нет.

— Так вот, хорошее, вкусное яблоко, твердое и сладкое, никогда не вырастет само по себе. Такой плод может появиться только в результате кропотливой селекционной работы над дичком, подчас таким мелким и кислым, что он не годится даже на корм скоту. Ему требуется научно разработанный уход и забота. С другой стороны, слишком ухоженные растения — или животные — могут выродиться, потерять упругость, аромат, стать рыхлыми, мягкими — и бесполезными. Это палка о двух концах. И подобная проблема по-

стоянно возникает со слугами. Нужно неустанно отсеивать возмутителей спокойствия, не давать им возможности плодиться. Однако эти же самые возмутители спокойствия, особенно наиболее ретивые из них, являются бесценным племенным фондом, который нельзя терять. Поэтому мы делаем и то и другое. Заурядных бунтарей мы обуздываем и сохраняем. Самых же закоренелых — таких, как ты, — мы вынуждаем бежать. Тех, кому удается выжить — некоторым из вас это удается, — мы позднее находим и спасаем, вместе с их сильным потомством, и с разумной осторожностью внедряем в основную генетическую линию породы, если она стала настолько мягкой, послушной и глупой, что не стоит своего содержания. Наш несчастный друг Мемток появился на свет как раз в результате такого скрещивания. Он был на четверть дикарем — само собой разумеется, он и не подозревал об этом — и прекрасным жеребцом, который отлично помог улучшить линию. Но слишком долго держать такого слугу в жеребцах опасно. Он чересчур амбициозен, и поэтому рано или поздно его нужно выхолостить, чтобы он увидел преимущества умеренной жизни. Большинство моих старших слуг имеют примесь дикой крови. Некоторые из них — сыно-

вья Мемтока. Например, инженер. Нет, Хью, ты никогда не оказался бы ни на чьем столе. И тебя не стали бы кастрировать. Я бы с удовольствием держал тебя при себе как ручного: ты забавен и к тому же отличный партнер по бриджу. Но я не мог позволить тебе долго находиться в контакте с верными слугами, даже изолировав тебя нелепым титулом. Вскоре ты, видимо, установил бы связь с подпольем.

От изумления Хью даже открыл рот.

— Что, удивлен? Но ведь там, где существует правящий класс и класс служителей, всегда есть подполье. Именно всегда, потому что, когда оно отсутствует, умные правители создают его искусственно. Однако, поскольку оно имеется, мы следим за ним, субсидируем его — и используем. Среди старших слуг связником является ветеринар, которому абсолютно все доверяют и который совершенно бесстыдно лишен сентиментальности. Мне лично он несимпатичен. Если бы ты доверился ему, то получил бы указания, советы и помощь. А я бы использовал тебя, чтобы покрыть сотню самок, а потом отпустил бы на все четыре стороны. Чего ты удивляешься? Даже их превосходительство, чтобы предотвратить вырождение, держит жеребцов, которым приходится наги-

баться, входя в помещение для случки, — а ведь всегда существовала опасность, что ты и эти два очаровательных младенца погибнут и в результате ваш замечательный генетический потенциал будет безвозвратно утрачен.

Их милость поднял стопку доставленных Киской записок:

— Вот это… От моего главного управляющего требовалось только удерживать тебя от какой-нибудь глупости. Ведь он не знал о тайных функциях ветеринара. Мне даже пришлось немного нажать на Мемтока, чтобы получить эти копии, — и это в то время, когда любой догадался бы уже, что жеребец с таким нравом, как у тебя, всегда найдет возможность связаться со своей самкой. Я пришел к выводу, что это неизбежно произойдет в тот раз, когда ты предложил ее партнером. Это была наша с ней первая игра в бридж, помнишь? Может быть, и нет. Но после я послал за Мемтоком, и точно, ты уже, оказывается, давно начал переписку. Хотя сначала он не хотел в этом признаваться, потому что вовремя не доложил.

Хью почти не слушал. Он не мог отогнать от себя мысль о том, что подобные вещи рассказывают только жертве. Никто из четверых беглецов не выйдет из этой комнаты живым. Ну разве что

близнецы. Ведь Понсу нужна свежая кровь. Но он и Барбара… — у них наверняка даже не будет возможности перемолвиться словечком перед смертью.

А Понс тем временем продолжал:

— Но у тебя есть еще шанс исправить свои ошибки. А ты их наделал немало. Одна из написанных тобой записок, по словам моих ученых, была не на английском и совершенно бессмысленной. Так что я понял, что это тайное сообщение, — не важно, можем мы его прочитать или нет, но ты что-то задумал. После этого все письма подвергались тщательному анализу. И конечно же, мы нашли ключ к твоему коду, — впрочем, его и кодом-то трудно назвать, настолько он наивный и вместе с тем достаточно остроумный, учитывая его недостатки. Но если бы ты знал, Хью, чего мне это стоило! Мемток всегда недооценивал дикарей, он даже представить себе не мог, на что они способны, когда их загоняют в угол.

Понс нахмурился.

— Черт бы тебя побрал, Хью, твое безрассудство стоило мне ценного имущества. Я не продал бы Мемтока и за десять тысяч бычков, да и за двадцать, пожалуй, тоже. А теперь и твоя жизнь висит на волоске. Ну, обвинение в попытке к

бегству — это еще полбеды. Обойдемся легким наказанием на глазах других слуг. Этого будет вполне достаточно. Уничтожение собственности хозяина можно скрыть, если никто ничего не пронюхал. Кстати, тебе известно, что согревательница постели, которую я тебе одолжил, была в курсе большинства твоих планов? Знала обо всем? Самки обожают всякие сплетни.

— И она вам все рассказывала?

— Нет, будь она проклята, она не рассказала и половины того, что знала. Остальное пришлось потом извлекать из нее хлыстом. И тогда оказалось, что она знает столько, что мы не могли позволить ей встречаться с остальными слугами. Ей пришлось исчезнуть.

— Вы убили ее. — Хью почувствовал прилив отвращения. Он сказал это, зная, что все его слова ничего не значат в этой ситуации.

— Тебе-то что? Она не могла жить дальше, изменив своему хозяину. И все же я не злодей, маленькая тварь не имела понятия о морали и не ведала, что творит. Должно быть, ты загипнотизировал ее. Хью, повторяю, я не человек порыва. Я никогда не швыряюсь своей собственностью направо и налево. Я продал ее так далеко, что она с трудом будет понимать тамошний акцент. Уж

там-то вряд ли кто-нибудь поверит ее рассказам.

Хью перевел дух:

— Я очень рад.

— Что, понравилась тебе эта самка? Она что, была настолько хороша?

— Она была просто невинным младенцем. И я не хотел причинять ей вред.

— Все может быть. А теперь, Хью, предлагаю тебе способ возместить убытки, понесенные мною по твоей вине, и в то же время извлечь выгоду для себя.

— Как?

— Очень просто. Твоя эпопея стоила мне самого толкового слуги. В моем имении нет больше человека его калибра. Поэтому ты займешь его место. Никакого скандала, никакого шума, никакого волнения внизу, под лестницей, — все слуги, ставшие невольными свидетелями происшедшего, уже проданы в далекие края. А тому, что случилось с Мемтоком, можешь придумать любое объяснение. Или даже утверждать, что ничего не знаешь. Барба, ты в состоянии удержаться от сплетен?

— Конечно, если от этого зависит благополучие Хью!

— Вот и умница. А то мне очень не хотелось бы

делать тебя немой, это помешало бы нашей игре в бридж. Впрочем, Хью, наверное, будет слишком занят, чтобы играть в бридж. Хью, вот тебе тот самый мед, из-за которого медведь попал в капкан: ты начинаешь исполнять обязанности главного управляющего — с ними ты наверняка сможешь справиться, как только вникнешь в детали, — а Барба с близнецами перебираются к тебе, чего ты все время добивался. Или ты становишься моим старшим слугой, или вы все лишаетесь жизней. Таков выбор. Что скажешь?

Хью Фарнхэм был так изумлен, что никак не мог справиться с голосом, чтобы изъявить согласие. Между тем их милость добавил:

— Еще одна вещь. Я не могу позволить тебе начать жить с ними прямо сейчас.

— Нет?

— Нет. Я все еще хочу получить твое потомство от нескольких самок, пока тебя не оскопили. Но это ненадолго, если ты так крепок, каким кажешься.

— Нет! — сказала Барбара.

Хью Фарнхэму предстояло принять ужасное решение.

— Барбара, подожди. Понс! А как насчет близнецов? Их тоже оскопят?

— О-о-о… — утомленно протянул Понс. — Ну и силен же ты торговаться, Хью. Предположим, что их не выхолостят. Скажем так: я некоторое время буду использовать их в качестве жеребцов и не буду отрезать им большие пальцы рук. Это было бы бессмысленно, ведь жеребцов такого размера, какими они, похоже, станут, не бывает. А лет в четырнадцать или пятнадцать я дам им возможность бежать. Тебя это устраивает?

Старик замолчал, зашедшись в кашле. Он весь содрогался.

— Проклятие, ты утомляешь меня!

Взвесив все сказанное, Хью заметил:

— Понс, но ведь тебя может и не оказаться в живых через четырнадцать или пятнадцать лет.

— Верно. Не очень вежливо напоминать об этом с твоей стороны.

— Ты сможешь обязать этой сделкой своего наследника? Что насчет Мрики?

Понс пригладил волосы и улыбнулся:

— Ушлый ты малый, Хью! Из тебя получится отменный главный управляющий! Так вот, конечно же, договориться с ним об этом я не могу. Именно поэтому я и хочу кое-что получить с тебя, а не дожидаться, покуда повзрослеют мальчишки. Но выбор у тебя есть и сейчас. Я могу

позаботиться о том, чтобы вы сопровождали меня в последний путь, — все вы, и мальчики тоже. Или оставайтесь в живых и попытайтесь сами заключить новую сделку, если только это удастся. «Le Roi est mort, vive le Roi!»[27] — так в древности выражалась мысль о том, что, если умирает один протектор, ему на смену приходит другой. Так что как знаешь. Я готов и на то, и на другое.

Хью все еще обдумывал невеселые предложения, когда снова заговорила Барбара:

— Их милость…

— Да, детка?

— Тебе лучше вырезать мне язык. Прямо здесь и сейчас, в этой комнате. Потому что я не буду участвовать в этой подлой сделке. И я не буду держать язык за зубами. Нет!

— Барба, Барба, хорошие девочки так себя не ведут.

— А я и не девочка. Я женщина, жена, мать! Я не буду больше называть тебя «дядюшка» — ты мерзок! И я никогда не стану играть с тобой в бридж, с языком или без языка. Мы беспомощны… но и от меня ты ничего не получишь! Что ты предлагаешь? Чтобы мой муж согласился на оскопление

---

[27] notes: 27

«Король умер, да здравствует король!» *(фр.) — Примеч. ред.*

в обмен на несколько жалких лет жизни со мной и нашими детьми — ровно столько, сколько милостью небес твое тело будет ходить и дышать. А что потом? Ты и тут пытаешься его обмануть. Мы умрем. Или нас оставят на милость твоему племяннику, который еще хуже, чем ты. Уж я-то знаю! Все согревательницы ненавидят его лютой ненавистью: они рыдают, когда их посылают прислуживать ему, и рыдают еще горше, когда возвращаются от него. Но я бы не позволила Хью согласиться на такой выбор, даже если бы нам обещали долгую жизнь в роскоши. Нет! Никогда, никогда! Только посмейте принудить меня к такому жалкому, рабскому счастью, и я убью своих детей! Потом себя! А после этого и Хью покончит с собой, я уверена! — Она плюнула изо всех сил в направлении Понса и разрыдалась.

Их милость сказал:

— Хьюи, я ведь говорил тебе, чтобы ты не дергал кошку за хвост. Она может поцарапать тебя. — Он с трудом встал и произнес: — Теперь ты уговаривай их, Джо, — и вышел из комнаты.

Джо вздохнул и приблизился к ним.

— Барбара, — мягко сказал он, — возьми себя в руки. Ведь то, что ты говоришь, не пойдет ни в коей мере на пользу Хью, даже если тебе так и

кажется. Ты должна посоветовать ему согласиться. Тем более что мужчине в возрасте Хью такая потеря не должна казаться слишком большой.

Барбара взглянула на Джо так, словно увидела впервые в жизни, и плюнула ему прямо в лицо. Джо был рядом, потому получил все сполна.

Он отшатнулся и поднял руку. Хью резко предупредил:

— Джо, если ты хоть пальцем тронешь ее, а меня когда-нибудь освободят, я сломаю тебе руку.

— У меня и в мыслях не было трогать ее, — медленно ответил Джо. — Я просто хотел вытереть лицо. Я не ударю Барбару, Хью. Я восхищаюсь ею. Просто мне кажется, что она рассуждает не совсем здраво. — Он поднес к лицу платок. — Видимо, нет смысла спорить.

— Нет, Джо. Прости, я сожалею, что сделала это.

— Ничего, Барбара. Ты просто расстроена и… ведь ты никогда не обращалась со мной как с ниггером. Так что, Хью?

— Барбара уже все решила. А у нее слова никогда не расходятся с делом. Не могу сказать, что я о чем-то жалею. Оставаться в живых здесь просто не имеет смысла никому из нас. Даже кастрированным.

— Жаль, что ты так думаешь, Хью. Как бы то ни было, а мы с тобой всегда хорошо ладили. Ну что ж, если это твое последнее слово, я, пожалуй, пойду и извещу их милость. Хорошо?

— Иди.

— Иди, Джо.

— Прощай, Барбара. Прощай, Хью. — Он вышел.

Обратно лорд-протектор вернулся один, двигаясь с осторожностью старого и больного человека.

— Итак, вы решили, — сказал он, садясь и запахивая шаль. Он потянулся за мышкой, по-прежнему сидевшей на столе. Появились слуги и убрали разложенные на нем вещи беглецов. Понс продолжал: — Не могу сказать, что я очень удивился… ведь я играл в бридж с вами обоими. Что ж, тогда есть еще одна возможность. При сложившихся обстоятельствах я не могу позволить вам жить здесь иначе, чем на предложенных условиях. Так что теперь мы отправим вас обратно.

— Обратно *куда*, Понс?

— Как куда? Конечно же, в ваше собственное время. Если получится, естественно. Возможно, и получится. — Он погладил мышку. — Вот эта мышка уже проделала подобное путешествие.

Правда, ее посылали всего на две недели. И это ей ничуть не повредило. Хотя, конечно, трудно судить, как подействует на человека скачок через два тысячелетия.

Снова появились слуги и стали раскладывать на столе мужские часы, десятицентовую канадскую монету, пару поношенных горных ботинок, охотничий нож, грубо выделанные мокасины, пару джинсов, рваные шорты большого размера, автоматический пистолет сорок пятого калибра с портупеей, две выцветшие ветхие рубашки, одна из которых была перешита, полкоробка спичек, небольшую записную книжку и карандаш.

Понс взглянул на вещи.

— Было у вас что-нибудь еще? — Он вытащил из пистолета обойму и взвесил ее на ладони. — Если нет — одевайтесь.

Невидимые путы разжали свои объятия.

21

— Не понимаю, чему вы удивляетесь, — сказал им Понс. — Хью, ведь ты должен помнить, что я велел своим ученым выяснить, каким образом вы попали сюда. Без всяких там чудес. Я говорил вполне серьезно. И они почувствовали, что я

буду очень огорчен — и недоволен, — если не удастся разрешить проблему при таком изобилии данных. Так что они сделали это. Возможно. Во всяком случае, им удалось отправить вот эту малышку. Она вернулась сегодня, почему я и послал за вами. Теперь мы выясним, работает ли большой аппарат так же хорошо, как лабораторная модель. Насколько я понимаю, вопрос не столько в количестве энергии — не нужно никаких атомно-ядерных бомб, — сколько в точном ее приложении. Но все это мы скоро узнаем.

— Но как же вы узнаете? — спросил Хью. — Мы-то узнаем, сработает установка или нет, но вы-то?

— Ах, это! Мои ученые не так уж глупы, когда знают, за что взяться. Один из них вам все объяснит.

Позвали ученых — двух Избранных и пятерых слуг. Никаких предисловий не последовало. Хью почувствовал, что с ним обращаются так же безразлично, как с мышкой, которая хотела и не решалась спуститься на пол, где ее поджидала гибель. Хью было предложено снять рубашку, и двое ученых-слуг прикрепили к его правому плечу небольшой предмет.

— Что это?

Предмет казался необычайно тяжелым для своих размеров.

Слуги не ответили, а старший Избранный сказал:

— Тебе все объяснят. Подойди сюда. Взгляни.

Взглянуть, как выяснилось, следовало на бывшую собственность Хью — геодезическую карту графства Джеймс.

— Ты знаешь, что это такое? Или нужно объяснять?

— Знаю. — Хью прибег к речи равных, но Избранный игнорировал это, продолжая обращаться к нему как к нижестоящему.

— Тогда ты должен знать, что вас нашли… здесь.

Хью согласился, когда палец ученого указал на место, где когда-то стоял его дом. Избранный задумчиво кивнул и добавил:

— Ты понимаешь значение этих отметок? — Он указал на маленький крестик и цифры возле него.

— Конечно. У нас это называлось «репер», или эталонная отметка. Точно указанное месторасположение и высота над уровнем моря. Это базисная точка для всей карты.

— Превосходно! — Избранный указал на анало-

гичную точку у вершины Маунтин-Джеймс. — А теперь скажи нам, если знаешь, — но только не лги, это не пойдет тебе на пользу, — как велика погрешность отклонения этих точек по вертикали и горизонтали.

Хью немного подумал, поднял руку, развел указательный и большой палец примерно на дюйм. Избранный прищурился:

— В те варварские времена не могло быть такой точности. Мы считаем, что ты лжешь. Попытайся еще раз. Или признайся, что понятия не имеешь.

— А я считаю, что вы сами не знаете, о чем говорите. Ошибка может быть даже меньше. — Хью хотел рассказать им, что руководил геодезическими съемками у «морских пчелок» и сам проводил подобные измерения, когда занялся подрядами, и что, хотя и не знал точности геодезических съемок, он знал, что для привязки реперов используются методы значительно более точные, чем при обычных съемках.

Однако он решил, что вдаваться в такие объяснения не имеет смысла.

Избранный взглянул сначала на него, потом на их милость. Старик внимательно слушал, но лицо его оставалось бесстрастным.

— Ладно. Допустим, что отметки нанесены точ-

но и соотносятся друг с другом. Что является для тебя исключительным везением, поскольку одной из них нет, — он указал на первую, около того места, где был их дом, — а другая, — он указал на вершину Маунтин-Джеймс, — по-прежнему на месте, в прочнейшей скальной породе. А теперь покопайся в памяти и не пытайся снова солгать, так как это прежде всего касается тебя самого… и имеет значение для их милости, поскольку твоя глупая ложь может свести на нет усилия множества людей, чем их милость наверняка будет недоволен. Так вот: где поблизости от исчезнувшей точки и на той же высоте — во всяком случае, не выше — находится… находилось, я хочу сказать, в те первобытные времена ровное, гладкое место?

Хью задумался. Он-то точно знал, где располагался этот репер: в основании Саутпортского банка. Представлял он собой медную пластинку, заглубленную в камень позади мемориальной таблички, примерно на высоте восемнадцати дюймов от тротуара, на северо-восточном углу здания. Табличку укрепили там вскоре после открытия Саутпортского торгового центра. Хью, проходя мимо, часто смотрел на нее. Сам факт существования эталонной отметки был для него

успокоительным — он был для души символическим гарантом стабильности.

Одной стороной здание выходило на стоянку автомобилей, принадлежавшую банку, супермаркету «Сейфвей» и еще паре магазинов.

— Ровное и гладкое место тянется отсюда и досюда на расстоянии… — Хью прикинул ширину стоянки в футах и перевел в современные единицы. — Или немного больше. Это на глаз. Размеры неточные.

— Это место действительно ровное? И не выше отметки?

— Оно даже ниже и с небольшим уклоном, чтобы вода там не задерживалась.

— Отлично. А теперь взгляни сюда. — Это снова была собственность Хью, на сей раз карта штата.

— Предмет, который на тебе, можно считать часами. Не стоит объяснять тебе принцип их действия — ты все равно не поймешь. Достаточно сказать, что они измеряют время по периоду радиоактивного распада. Поэтому они так тяжелы. Корпус изготовлен из свинца, чтобы погасить радиацию. Ты принесешь их *сюда*. — Избранный указал на город на карте. Хью отметил про себя, что здесь находился университет штата.

Избранный сделал движение рукой, и ему пе-

редали клочок бумаги. Он спросил у Хью:

— Ты можешь прочесть, что здесь написано? Или нужно объяснять?

— Здесь написано: «Государственный университетский банк», — ответил Хью. — И мне действительно помнится, что в этом городке в свое время было подобное заведение. Хотя с уверенностью сказать не могу. Я с ним никогда не имел дела.

— Было, было, — уверил его Избранный, — совсем недавно обнаружены развалины банка. Ты должен добраться до него. В самой нижней части фундамента было и сохранилось до наших дней укрепленное помещение, банковское хранилище. Эти часы нужно поместить туда. Ты понимаешь?

— Понимаю.

— По велению их милости это хранилище до сих пор не вскрыто. После того как вас пошлют в прошлое, его вскроют. Часы будут там, и мы измерим их показания. Теперь тебе ясно, почему это жизненно важно для эксперимента? Мы не только узнаем, что вы благополучно перенесли скачок во времени, но и точно определим его длительность. На основании полученных данных мы сможем откалибровать наши приборы. — Из-

бранный теперь говорил в приказном тоне. — И указания, смотри, выполняй с точностью. Или тебя строго накажут.

При этих словах Хью встретился взглядом с Понсом. Старик не смеялся, но в его глазах прыгали веселые огоньки.

— Сделай это, Хью, — попросил он. — Будь молодцом.

Хью заверил ученого:

— Я все сделаю. Я понимаю.

Избранный сказал:

— С благосоизволения их милости покорный слуга готов взвесить дикарей и отправить к месту запуска.

— Мы передумали, — сообщил Понс. — Мы будем наблюдать за отправлением. — И добавил: — Как нервы, Хью? В порядке?

— Вполне.

— Всем, испытавшим первое перемещение, было предложено вернуться; не помню, говорил я тебе об этом или нет. Джо сразу же отказался. — Старик взглянул через плечо. — Грейс, ты не передумала, малышка?

Грейс подняла глаза.

— Понси! — укоризненно сказала она. — Ведь ты же *знаешь*, что я никогда не покину тебя.

— Дьюк?..

Оскопленный слуга даже не поднял глаз. Он просто отрицательно покачал головой.

Понс поторопил ученого:

— Нужно поспешить взвесить их. Сегодня мы намерены ночевать дома.

Взвешивание было произведено в другом помещении где-то в недрах дворца. Перед тем как их поместили на платформу весов, лорд-протектор достал обойму, которую ранее извлек из пистолета Хью.

— Хью! Ты обещаешь не делать глупостей? Или мне придется выковырять все пули?

— Обещаю хорошо себя вести.

— Для кого хорошо? При определенной сноровке ты вполне можешь прикончить меня. Но подумай, что потом будет с Барбарой и твоими малышами.

«Я уже думал об этом, старый ты негодяй. Но я буду делать то, что сам посчитаю лучшим».

— Понс, а почему бы тебе не отдать обойму Барбаре? Пусть она положит ее к себе в карман. В таком случае, даже если мне и взбредет в голову что-нибудь, я не успею зарядить пистолет достаточно быстро.

— Хороший план. Держи, Барба.

Старший ученый был недоволен общим весом отправляемого в прошлое груза.

— С разрешения их милости, ничтожный слуга осмеливается доложить, что собственный вес обоих взрослых, должно быть, сильно уменьшился с тех пор, как делались расчеты.

— И чего же ты хочешь от нас?

— О, ничего, ничего, с благосоизволения их милости. Просто предстоит небольшая задержка. Масса должна быть точной. — Избранный начал торопливо накладывать на платформу металлические диски.

Это навело Хью на мысль.

— Понс, ты действительно думаешь, что ваша штука сработает?

— Если бы я знал наверняка, не было бы надобности испытывать ее. Надеюсь, что она сработает.

— Если она сработает, нам сразу понадобятся деньги. Особенно если мне придется пересечь почти половину штата, чтобы захоронить ваши часы.

— Логично. Ведь вы, кажется, там пользовались золотом? Или серебром? Я понял тебя. — Он сделал жест рукой. — Прекратите взвешивание.

— У нас в ходу было и то и другое, но на нем

обязательно должно было стоять клеймо нашего протектората. Понс, в моем доме было много американских серебряных долларов, которые вы забрали. Нельзя ли получить их обратно?

Получить деньги оказалось можно — они были во дворце, и старик не имел ничего против того, чтобы их использовали для восполнения недостающего веса. Старший ученый был весьма обеспокоен задержкой: он объяснил своему повелителю, что расчеты были сделаны на определенное время и на определенную массу, чтобы доставить подопытных в прошлое за несколько дней до начала войны Востока и Запада, плюс-минус погрешность на ошибку. Но запас времени подходил к концу, и если не произвести запуск в самое ближайшее время, то придется снова пересчитывать параметры и перенастраивать приборы. Хью не понимал большинства подробностей и перестал слушать.

Понсу, похоже, доводы ученого тоже наскучили, и он резко оборвал его:

— Если понадобится, сделаешь расчеты заново. Все.

Чтобы разыскать слугу, который знал, где находятся изъятые у дикарей предметы, найти их и доставить, потребовалось больше часа. Понс

задумчиво играл с мышью. Барбара возилась с близнецами, потом перепеленала их с помощью служанок-самок. Хью попросил, чтобы перед запуском им дали возможность сходить в туалет. Им разрешили выйти — разумеется, под охраной. После этой процедуры вес снова изменился и все пришлось начинать заново.

Серебряные доллары по-прежнему были закручены в колбаски по сто монет в каждой. Весили они довольно много, и Хью был рад, что за время одиночного заключения он сбросил лишний вес, накопленный в бытность его главным исследователем. Если скачок во времени удастся, они не будут лишними. Но для покрытия разницы потребовалось всего около трехсот долларов да еще пуля и несколько клочков фольги.

— С позволения их милости, покорный слуга считает, что подопытных следует незамедлительно поместить в контейнер.

— Исполняй! Не трать попусту наше время!

В помещение вплыл контейнер. Он представлял собой металлический ящик, гладкий, пустой внутри, без каких-либо выступающих частей. Высота его было такой, что Хью головой упирался в потолок, а площадь едва позволяла разместиться всем четверым. Хью забрался первым и помог

расположиться Барбаре. Потом им передали детей. Хьюи тут же начал плакать, брат последовал его примеру.

Понс выглядел раздраженным.

— Мои самки избаловали этих ребят. Хью, я решил не присутствовать при отправлении — я очень устал. Прощайте оба, и счастливо добраться. Из вас никогда бы не получились верные слуги. Но мне будет очень не хватать наших партий в бридж. Барбара, нужно серьезно заняться воспитанием малышей. Смотри не избалуй их вконец. Они хорошие мальчишки. — Он повернулся и быстро вышел.

Крышку закрыли и заперли. Теперь они были одни. Хью тут же воспользовался возможностью поцеловать жену. Поцелуй вышел несколько неуклюжим, потому что они оба держали на руках по ребенку.

— Теперь мне все равно, что с нами будет, — выдохнула Барбара, оторвавшись от супруга. — Вот чего мне больше всего не хватало. Ой, милый, Джо опять мокрый. А как там Хьюи?

— Не отстает от брата ни в чем: тоже мокрый. Но ты ведь, кажется, сказала, что тебе теперь все равно.

— Мне-то да, но попробуй объясни это детям.

Сейчас я с радостью отдала бы сотню долларов за десяток чистых пеленок.

— Дорогая, а тебе никогда не приходило в голову, что человечество, по крайней мере миллион лет, прекрасно обходилось без пеленок? А нам, возможно, предстоит обходиться без них не больше часа. Так что давай не будем о них думать.

— Да нет, я только хотела сказать… Послушай! Кажется, они передвигают нас.

— Сядь на пол и упрись ногами в стенку, пока дети еще целы. Что ты говоришь?

— Я просто хотела сказать, дорогой, что меня вовсе не волнуют пеленки. Меня вообще ничто не беспокоит теперь, когда ты со мной. Но если нам все же не суждено погибнуть — если эта штука сработает, — то я бы хотела быть практичной. А что может быть практичней пеленок?

— Поцелуй, например. Любовь.

— Да, конечно. Но они все равно приводят к пеленкам. Милый, а ты не мог бы переложить Хьюи в другую руку, а этой обнять меня? Ой, они снова нас куда-то двигают. Хью, как по-твоему, эта штука сработает? Или мы просто внезапно умрем? Ладно, путешествие в будущее я еще как-то могу себе представить, — во всяком случае, мы совершили его. Но никак не могу вообразить себе

то же самое, но в *обратном направлении.* Я имею в виду, что прошлое ведь уже было. Правильно?

— В принципе, да. Но ты, по-моему, неправильно ставишь вопрос. Я понимаю так, что парадоксов времени не существует — их просто не может быть. Если нам удастся совершить этот прыжок во времени, значит мы его уже совершали. Все это произошло. А если аппарат не сработает, то потому, что он уже не сработал в прошлом.

— Но ведь ничего этого не случилось еще. Ты говоришь, что если это не произошло, то это потому, что и не могло произойти. Я то же самое и говорила.

— Нет-нет. Мы ведь не знаем, случилось это уже или нет. Если случилось, то все будет в порядке. А если нет, то нет.

— Дорогой, я совсем запуталась.

— Не беспокойся. «Персты, перо держащие, выводят букву и, только выведя ее, свой продолжают труд…» О том, как обстоит дело, мы узнаем лишь постфактум… Мне кажется, нас выводят на финишную прямую: мы больше не покачиваемся, чувствуется только слабая вибрация. Я предполагаю, что нас запустят с территории бывшего графства Джеймс. Если так, то, пока мы

туда долетим, пройдет около часа. — Он обнял ее покрепче. — Поэтому час счастья в нашем распоряжении есть.

Она прижалась к нему.

— Так ведь я о том и толкую. Любимый, мы с тобой столько перенесли, что сейчас я уже ни о чем не беспокоюсь. Если нам отведен всего лишь час, я буду наслаждаться каждой его секундой. Если нам отведено сорок лет, я буду наслаждаться каждой секундой этих лет. А если нас разлучат, то мне не нужно никаких отсрочек. Как бы то ни было, пока мы, слава богу, вместе. И будем вместе до самого конца.

— Да, до конца наших дней.

Она счастливо вздохнула, перепеленала мокрого спящего младенца, уткнулась в плечо мужа и прошептала:

— У меня такое чувство, что это снова наш самый первый день. Помнишь? Я имею в виду кладовую в убежище. Там было так же тесно и еще жарче — и никогда я не была так счастлива. Мы тогда тоже не знали, доживем ли до следующего дня или нет. В ту ночь.

— По крайней мере, не надеялись. Иначе сейчас у нас не было бы близнецов.

— В таком случае я рада, что мы собирались

погибнуть. Хью, а ведь здесь в нашем распоряжении места не меньше, чем было тогда, как ты считаешь?

— Женщина, ты просто ненасытна. Мы можем шокировать мальчиков.

— Мне не кажется, что раз в год — это ненасытность. А мальчики еще слишком молоды, чтобы их можно было чем-то шокировать. Да брось ты! Ты же сам сказал, что, возможно, через час нас не станет.

— Твое предложение очень заманчиво. Теоретически я полностью «за». Но ребятишки, правда, здорово мешают, да к тому же здесь на самом деле не так много места, и, даже если бы рядом не толпилась мокрая малышня, я совершенно не представляю, как это технически возможно. Это был бы не акт, а тессеракт…

— Что ж… Наверное, ты прав. Действительно, расположиться негде. Мы можем раздавить малышей. Но если нам суждено погибнуть, оставить все так — это будет просто позор!

— Я отказываюсь верить, что мы погибнем. И больше никогда, даже на словах, не сделаю такого допущения. Все мои планы строятся на том, что мы останемся в живых. Жизнь продолжается. Что бы там ни было — жизнь продолжается.

— Согласна. Семь без козырей.

— Так-то лучше.

— Удваиваю. И еще раз удваиваю. Хью, как только мальчики подрастут настолько, что смогут удержать в своих маленьких пухлых ручонках тринадцать карт, мы начнем учить их играть в бридж. Тогда у нас будет своя семейная четверка.

— Согласен. А если они не смогут научиться, мы оскопим их и попробуем сделать новых детишек.

— Я больше не хочу слышать это слово!

— Прости.

— И я больше не хочу слышать этот язык, дорогой. Мальчики должны расти, слыша только английский.

— Еще раз прости. Ты права. Но я могу сорваться иногда. Я столько переводил, что иногда начинаю думать на этом чертовом Языке. Так что не сердись, если у меня иногда и вырвется словечко.

— Словечко-другое — это не страшно. Кстати, насчет сорваться — у тебя было это? С Киской?

— Нет.

— А почему? Я бы ничего не имела против. Вернее, почти ничего. Она была очень мила. Она готова была возиться с детьми в любое время, когда ей только разрешали. Она очень любила

наших мальчиков.

— Барбара, я не хочу думать о Киске. Мне больно вспоминать о ней. Я надеюсь только на одно — что ее новый владелец добр к ней. Ведь она совершенно беззащитна — как котенок с едва прорезавшимися глазками. Беспомощна. Киска напоминает мне обо всем самом чертовски проклятом, что только есть в рабстве.

Она сжала его руку:

— Надеюсь, что с ней обращаются хорошо. Но, милый, зачем себя мучить, ведь все равно ей ничем не поможешь.

— Я понимаю и именно поэтому не хочу говорить о ней. Но мне ее не хватает. Как дочери. Да, пожалуй, она была мне дочерью. И никогда — согревательницей постели.

— Я ни секунды не сомневалась в этом, дорогой. Здесь, конечно, может быть, и тесновато… Ладно, мы собрались пережить это, значит переживем. Однако мне не хотелось бы, чтобы ты обращался со мной как с дочерью. Лично я намерена содержать твою постель раскаленной докрасна!

— Хм… Ты хочешь напомнить мне о моих преклонных годах?

— О, мои натруженные ноги! Он еще говорит «преклонные годы»! С практической точки зре-

ния мы станем ровесниками — нам обоим будет примерно по четыре тысячи лет, считая туда и обратно. А я преследую сугубо практические цели. Ты понял?

— Понял, понял. Но ведь тысячелетний возраст вряд ли способствует достижению «практических целей».

— Тебе так легко не отделаться, — грозно сказала она. — Со мной шутки не пройдут.

— Женщина, у тебя мысли работают только в одном направлении. Ладно, сделаю все, что в моих силах. Придется мне все время отдыхать, а работать будешь ты. Ха, да мы, кажется, приехали!

Ящик несколько раз передвинули, и некоторое время он пребывал в неподвижности, затем так неожиданно взлетел вверх, что у путешественников заныло под ложечкой, столь же внезапно остановился, вздрогнул и наконец застыл окончательно.

— Вы находитесь в экспериментальной установке, — прогремел голос ниоткуда. — Имейте в виду, что вас, возможно, ожидает падение с небольшой высоты. Советуем обоим встать, взять в руки по одному детенышу и быть готовыми к падению. Понятно?

— Да! — крикнул Хью, помогая Барбаре встать. — С какой высоты?

Ответа не последовало. Тогда Хью сказал:

— Дорогая, я не понял, что они имели в виду. «С небольшой высоты» может означать и один фут, и пятьдесят… Обхвати Джо руками, чтобы он не ушибся, и согни немного ноги в коленях. Если толчок будет сильным, то не напрягай ноги, а мягко опустись на пол. Будь готова к сильному удару, ведь этим шутникам мало дела до сохранности наших костей.

— Согнуть колени. Защитить Джо. Все поняла.

И они упали.

22

Хью так и не понял точно, с какой высоты им пришлось падать, но в конце концов решил, что она была не более четырех футов. Все произошло моментально: они стояли в ярко освещенной камере, в тесноте, а в следующее мгновение уже оказались под открытым небом, в ночной тьме — и падали.

Падая, он ушиб правое бедро, и в тело ему впились два твердых свертка с долларами, которые лежали у него в заднем кармане брюк. Он тут же

перекатился на бок, оберегая ребенка.

Затем он сел. Барбара лежала подле него. Она не шевелилась.

— Барбара! Ты ушиблась?

— Нет, — тихо ответила она. — Кажется, цела. Просто перепугалась.

— А с маленьким Джо все в порядке? Хьюи-то цел и невредим, но сказать, что его пеленки просто мокры, — значит не сказать ничего.

— С Джо тоже все в порядке.

Как бы в подтверждение этих слов Джо тут же громко расплакался. Брат тотчас присоединился к нему.

— Думаю, он тоже перепугался до смерти. Помолчи, Джо. Видишь, мама занята. Хью, где мы?

Он огляделся.

— Мы, — возвестил он, — на автомобильной парковке у торгового центра, примерно в четырех кварталах от моего дома. Похоже, мы вернулись в собственные времена. Во всяком случае, вон тот «форд», справа, на который мы чуть не свалились, — шестьдесят первого года выпуска.

Стоянка была пуста, если не считать этой единственной машины. Хью вдруг пришло в голову, что их прибытие могло ознаменоваться не просто хлопком, а взрывом, если бы они приземлились

футах в шести правее. Он отметил эту вероятность с безразличием: они уже столько вынесли, что еще одна миновавшая их опасность казалась чем-то заурядным.

Он встал и помог подняться Барбаре. Она поморщилась, вставая, и в тусклом свете, падавшем на стоянку из окна банка, Хью сразу заметил это.

— Что-нибудь не в порядке?

— При падении я, кажется, подвернула ногу.

— Идти можешь?

— Могу.

— Я понесу обоих ребятишек. Здесь недалеко.

— Хью, куда мы идем?

— Домой, конечно. Куда же еще?

Он заглянул в окно банка, стараясь взглядом отыскать календарь. Он увидел его наконец, но не смог разобрать цифры.

— Интересно, какое сегодня число. Милая, не хочу этого признавать, но, похоже, путешествие во времени связано с некоторыми парадоксами. Я думаю, для кого-то мы можем стать сильным потрясением.

— Для кого?

— Например, для меня. В моем более раннем воплощении. Может быть, мне следует сначала позвонить, чтобы не застать себя врасплох? Хотя

нет, он… то есть я… просто не поверит такому. Ты действительно можешь идти?

— Конечно.

— Прекрасно. Возьми на секундочку наших маленьких чудовищ — я хочу взглянуть на часы. — Он снова заглянул через окно в банк, где на стене висели часы. — Отлично. Давай детей обратно. И скажи, если тебе потребуется отдых.

Они отправились в путь. Барбара хоть и прихрамывала, но не отставала. Они молчали, так как Хью все еще не мог осмыслить случившееся. Вновь увидеть город, который он считал уничтоженным, такой тихий и мирный теплой летней ночью, было для него неожиданно сильным потрясением. Он старательно избегал думать о том, что может обнаружить у себя дома. Однако одна мысль упорно свербила его: если окажется, что убежище еще не построено, то оно не должно быть построено никогда, — он непременно попытается хотя бы в этом изменить ход истории.

Постепенно он свыкся с этой мыслью и сосредоточился на радостном сознании того, что Барбара была женщиной, которая никогда не откроет рта, если чувствует, что мужчина хочет, чтобы она помолчала.

Наконец они свернули на дорожку, ведущую

к его дому. Барбара прихрамывала, а Хью почувствовал, что у него затекли руки: для своего возраста малыши отнюдь не были хилыми. У дома стояли две машины, припаркованные тандемом, лицом к дороге. Он остановился у первой, дал подержать детей Барбаре, чтобы открыть дверцу, и сказал:

— Залезай внутрь, усаживайся и дай ноге отдохнуть. Мальчишек я оставлю с тобой и проведу рекогносцировку.

Дом был ярко освещен.

— Хью! Не нужно!

— Почему?

— Это моя машина. Это та самая ночь!

Он долго смотрел на нее. Потом тихо сказал:

— Все равно необходимо осмотреться. Оставайся здесь.

Он вернулся минуты через две, распахнул дверцу и повалился на сиденье, с шумом выдохнув воздух.

Барбара позвала его:

— Милый! Милый!

— О боже мой! — Он закашлялся и некоторое время ничего не мог вымолвить. — *Она* там! Грейс! И я *тоже*... — Он опустил голову на руль и всхлипнул.

— Хью!

— Что? О боже мой!

— Успокойся, Хью. Пока ты ходил, я завела машину. Ключ был в замке зажигания. Я оставляла его, чтобы Дьюк ее отогнал, когда будет уезжать. Так что мы можем ехать. Ты в состоянии вести машину?

Он постепенно успокаивался.

— В состоянии.

Секунд десять ему понадобилось на осмотр панели управления. Он немного отодвинул сиденье назад, включил передачу, повернул направо. Через четыре минуты он свернул на шоссе, ведущее в горы, внимательно следя за знаками. Он сообразил, что в эту ночь, находясь за рулем без водительских прав, не стоит нарываться на полицию.

Когда он выруливал на шоссе, где-то в отдалении пробили часы. Он взглянул на наручные и заметил, что они отстают на одну минуту.

— Включи радио, дорогая.

— Хью, прости, пожалуйста, оно у меня как-то вышло из строя, и я все никак не могла собраться отдать его в ремонт.

— Ох!.. Ну ладно. Я имею в виду, что новости сейчас не имеют значения. Только время. Я все

пытаюсь прикинуть, как далеко мы успеем отъехать за час. За час с минутами. Ты не помнишь, когда упала первая ракета?

— Кажется, ты сказал, что было одиннадцать сорок семь.

— И мне тоже так кажется. Я даже уверен в этом, просто хотел, чтобы ты подтвердила. Тогда все совпадает. Ты готовила креп-сюзетт, потом вы с Карен подали его, как раз тогда, когда заканчивались десятичасовые новости. Я ел очень быстро — блинчики были просто изумительны, — когда тот старый псих позвонил в дверь. То есть я сам позвонил. Я вышел к нему. Допустим, это было в десять двадцать или чуть позже. Так что сейчас мы слышали, как пробило половину одиннадцатого, и то же самое показывают мои часы. У нас в распоряжении около семидесяти пяти минут, чтобы убраться от эпицентра как можно дальше.

Барбара ничего не ответила. Они выехали за пределы города. Хью нажал на газ, и скорость сразу подскочила с осторожных сорока пяти миль в час до верных шестидесяти пяти.

Минут через десять она сказала:

— Милый! Мне очень жаль. Жаль, что Карен погибнет, я хочу сказать. Больше мне сожалеть не о чем.

— А я вообще ни о чем не жалею. Даже о Карен. Да, меня действительно потряс недавно ее веселый смех, но только теперь я могу осмыслить его. Барбара, сегодня впервые в жизни я почувствовал, что верю в бессмертие. Ведь Карен сейчас жива — там, позади, — а мы уже видели, как она умирала. Поэтому в каком-то вневременном смысле Карен живет вечно — где-то в неизвестном нам средоточии времен и миров. Не проси меня объяснить это, но, я чувствую, так оно и есть.

— Я всегда это знала, Хью. Только не решалась сказать.

— Можешь всегда говорить мне все, что хочешь, черт возьми! Я говорил тебе это уже давно. Так что теперь я больше не испытываю печали по Карен. И честно говоря, ничуть не жалею Грейс. Некоторым людям удается добиться успеха именно тем, что они всегда следуют намеченным курсом. Она как раз из таких. А что касается Дьюка, то мне и думать-то о нем противно. Я возлагал на сына столько надежд! Ведь он был моим первенцем. Но я никогда не принимал участия в его воспитании и поэтому не смог сделать сына таким, каким хотел его видеть. К тому же, как заметил Джо, Дьюку не так уж и плохо. Сытость,

безопасность и Счастье, похоже, единственное, к чему он стремился и чего достиг. — Хью пожал плечами, не отрывая рук от руля. — Поэтому мне лучше забыть о нем. С этого момента постараюсь больше никогда о нем не думать.

Через некоторое время он заговорил снова:

— Дорогая, ты не могла бы, хоть у тебя на руках и детишки, как-нибудь снять с моего плеча эту штуковину?

— Конечно могу.

— Тогда сдерни ее, пожалуйста, и выброси в кювет. Я предпочел бы, чтобы она оказалась в эпицентре взрыва, если мы еще не выбрались из него. — Он нахмурился. — Мне не хочется, чтобы эти люди *когда-либо* путешествовали во времени. Особенно такие, как Понс.

Барбаре пришлось изрядно повозиться, действуя одной рукой, прежде чем удалось отвязать часы. Выбросив их в темноту за окном автомобиля, она сказала:

— Хью, я не думаю, чтобы Понс ожидал, что мы примем его предложение. Мне кажется, он сознательно поставил такое условие, на которое я никогда бы не согласилась, даже если бы ты и решил принести себя в жертву.

— Конечно! Он воспользовался нами как мор-

скими свинками — или как своей белой мышью — и вынудил нас «согласиться». Барбара, ты знаешь, я, в принципе, могу выносить и даже в чем-то понимать (но не прощать) откровенных сукиных сынов. Но, на мой взгляд, Понс гораздо хуже, чем все они, вместе взятые. У него всегда были благие намерения. Он всегда мог доказать как дважды два, что пинок, который он тебе дает, служит тебе на пользу. Я презираю его.

Барбара возразила:

— Хью, а сколько белых людей нашего времени, если бы они обладали такой же властью и могуществом, как Понс, пользовались бы ими с такой же мягкостью, как он?

— Что? Да нисколько. Даже твой покорный слуга не был бы способен на это. Кстати, насчет «белых людей» — это мимо цели. Цвет кожи тут ни при чем.

— Согласна. Я забираю назад слово «белых». Но я уверена, что ты единственный, кого власть не смогла бы заставить утратить человечность.

— Даже я не устоял бы. Да и *никто* вообще. Я однажды уже получил возможность применить власть и воспользовался ею так же отвратительно, как Понс. Я имею в виду тот случай, когда я приказал, чтобы Дьюку пригрозили ружьем.

Мне следовало просто сбить его с ног приемом каратэ, может, даже убить его. Но не унижать. Так что никто, Барбара. Никто! И все же Понс был особенно отвратителен. Возьми, к примеру, Мемтока. Мне по-настоящему жаль, что я убил его. Он был человеком, который вел себя лучше, чем диктовала его природа. В Мемтоке было очень много подлости и садизма. Но он держал их в узде, чтобы как можно лучше исполнять свои обязанности. Но Понс… Барбара, милая, наверное, это вопрос, в котором мы никогда не придем к согласию. Ты чувствуешь к нему симпатию, потому что он хорошо относился к тебе и всегда был мил с нашими мальчиками. Но именно из-за этого я и презираю его: он любил показать свою «королевскую милость», будучи менее жестоким, чем мог бы быть, но никогда не забывал напомнить своей жертве о том, как он мог бы быть жесток, если бы на самом деле не был таким славным, добрым старичком и таким милостивым владыкой. И я презираю его за это. Я начал испытывать к нему презрение еще задолго до того, как узнал, что ему к столу подают убитых молоденьких девушек.

— Что???

— Ты разве не знала? Должна была. Ведь мы с Понсом обсуждали это в нашем последнем разго-

воре. Ты не слушала?

— Я думала, вы оба упражнялись в сарказме.

— Ничего подобного. Понс — людоед. Он-то себя, конечно, людоедом не считает — мы для него не люди. Но он ест нас — они все едят. Понс всегда предпочитал есть девушек. Примерно по одной в день подается ежедневно к их семейному столу. Девушки примерно в возрасте Киски и ее телосложения.

— Но… но… но… Хью, я ведь ела то же, что и он, много раз. Значит, я… Значит…

— Конечно. И я тоже. Но только до того, как узнал, что у меня в тарелке.

— Милый… останови, пожалуйста, машину. Меня сейчас вытошнит.

— Можешь это сделать на близнецов. Остановить машину сейчас меня не заставит ничто.

Она с трудом открыла окно и высунулась наружу. Через некоторое время Хью мягко спросил:

— Ну как, дорогая, тебе лучше?

— Немного.

— Милая, пойми, факт каннибализма ни в малейшей степени не говорит против него. Ведь он действительно не видел в этом ничего плохого, и нет никакого сомнения в том, что коровы тоже считали бы нас извергами, если бы умели думать.

Но были и другие вещи… и вот тут-то он прекрасно понимал, что делает. Потому что пытался оправдать их. Он находил аргументы в пользу рабства, в пользу тирании, он объяснял свою жестокость и всегда стремился к тому, чтобы жертва в конце концов согласилась с ним и *поблагодарила* его… Палач добивался, чтобы она добровольно взошла на плаху и еще дала ему на чай.

— Я больше не хочу говорить о нем, дорогой. У меня в голове все перемешалось.

— Прости. Я полупьян, хотя не выпил ни капли, и болтаю сам не знаю что. Больше не буду. Посмотри, не едет ли кто-нибудь за нами, — я собираюсь поворачивать налево.

Она оглянулась, и, когда они свернули на проселочную дорогу, находившуюся в ведении штата, узкую и не слишком ровную, он сказал:

— Я, кажется, придумал, куда мы поедем. Сначала я хотел просто убраться подальше. Теперь у нас есть цель. И возможно, там мы будем в безопасности.

— Что это за место, Хью?

— Заброшенная шахта. Она называется Ховли-Лоуд. Когда-то я вложил в нее деньги и потерял их. Может быть, теперь она окупит себя. Там отличные просторные штольни, и к ней легко до-

браться по этой дороге. Если только я не пропущу поворот в темноте. Если мы успеем добраться до того, как все начнется.

Он сосредоточился на дороге, переключая передачи на подъемах и спусках, резко тормозя перед поворотами, а затем круто выворачивая руль и вписываясь в них на полном газу.

После очередного резкого поворота Барбара, чуть не вывалившись из машины, заметила:

— Дорогой, я понимаю, что ты горишь желанием спасти нас всех. Но я не вижу особой разницы, погибнем мы от водородной бомбы или в автокатастрофе.

Он улыбнулся, но скорости не сбавил.

— Барби, мне приходилось водить джип даже в полной темноте. Уверяю тебя, мы не разобьемся. Мало кто представляет себе все возможности машины, в которой толковый водитель и ручное переключение передач. В горах оно просто необходимо. Я бы не решился заехать сюда на машине с автоматом.

Она ничего не ответила и тихо молилась про себя.

Они добрались до небольшой площадки почти на вершине горы. Дальше дорога раздваивалась. На развилке виднелся свет. Заметив его, Хью

сказал:

— Посмотри, сколько на часах.

— Одиннадцать двадцать пять.

— Отлично. Мы в пятидесяти с лишним милях от эпицентра. Я имею в виду мой дом. А отсюда до Ховли-Лоуда не больше пяти минут езды, и я теперь знаю, куда ехать. Кажется, бензин у нас как раз кончается, а у Шмидта открыто. Прихватим немного бензина и кое-какой провизии тоже — да, я помню, что у тебя в машине есть и то и другое. Но запас нам не повредит. Мы все равно успеем до того, как опустится занавес.

Он затормозил, раскидывая гравий колесами, у бензоколонки и выскочил из машины.

— Беги внутрь и начинай набирать провизию. Положи близнецов на пол и закрой дверцу. Ничего с ними не случится. — Он тем временем сунул наконечник шланга в бак машины и начал качать топливо старомодным насосом.

Барбара, заскочив внутрь станции, тут же выглянула и крикнула:

— Там никого нет!

— Тогда посигналь. Голландец, скорее всего, в своем домике, позади станции.

Барбара несколько раз нажала кнопку клаксона. Заплакали ребятишки. Хью повесил шланг

на место.

— Теперь мы должны ему за четырнадцать галлонов. Пойдем. У нас есть еще минут десять.

Уголок Шмидта был автозаправочной станцией, небольшой закусочной и маленьким универмагом одновременно. Тут было все, что могло понадобиться людям, живущим поблизости, — рыбакам, туристам и охотникам, которые любят забираться в глушь. Хью не стал терять время на поиски хозяина. Обстановка говорила сама за себя: всюду горел свет, противомоскитная сетка на двери была откинута, на плите шипел убегающий кофе, на полу валялся опрокинутый стул, радио было настроено на экстренный канал. Внезапно оно заговорило:

«Воздушная тревога! Третье предупреждение! Это не учебная тревога! Немедленно в убежища, в любые убежища, черт бы вас всех побрал! Через несколько минут на ваши пустые головы посыпятся атомные бомбы. Лично я, черт побери, собираюсь сейчас забросить к дьяволу этот дурацкий микрофон и кубарем скатиться в подвал. Потому что до начала бомбежки осталось всего пять минут! Бегите, тупые придурки, и перестаньте слушать чушь, которую я несу! ВСЕ В УБЕЖИЩА!!!»

— Скорее бери пустые коробки и начинай наполнять их. Не нужно ничего укладывать, просто бросай в них все. А я буду выносить их наружу. Мы завалим ими заднее сиденье и пол. — Хью тут же последовал собственному совету и быстро загрузил одну из коробок, опередив Барбару. С коробкой в руках он бросился наружу, потом бегом вернулся. У Барбары уже была готова другая коробка, а третья заполнена наполовину.

— Хью, подожди. Одну секунду. Ты только посмотри.

Последняя коробка не была пустой. Там лежала кошка, которая ничуть не испугалась незнакомых людей. Она спокойно взирала на них, а четверо пищащих малышей в это время сосали ее. Хью заглянул ей в глаза. Потом он вдруг закрыл коробку.

— Ладно, — сказал он. — Положи что-нибудь не очень тяжелое в другую коробку — придавим ею котов, чтобы их логово не опрокинулось во время езды. Скорее! — Он кинулся бегом к машине, держа в руках коробку с кошачьим семейством, которое писком выражало свое недовольство.

Барбара вскоре последовала за ним с наполовину заполненной коробкой и поставила ее на коробку с кошками. Затем они оба ринулись

обратно.

— Забери все консервированное молоко, которое найдешь. — Хью на мгновение приостановился, чтобы швырнуть на прилавок колбаску с долларами. — И еще прихвати туалетную бумагу или «клинекс», все, что найдешь. Нам осталось не более трех минут.

Они покинули станцию только через пять минут, но зато заднее сиденье автомобиля теперь полностью было загружено.

— Я разжилась дюжиной чайных полотенец и шестью большими пачками «Чакс».

— Чего-чего?

— Пеленками, дорогой, пеленками. Надеюсь, что их хватит надолго. И еще я прихватила две колоды карт. Может быть, не следовало делать этого?

— К чему лицемерить, любимая? Придерживай малышей и убедись, что дверца закрыта как следует. — Он отъехал на несколько сот ярдов, то и дело выглядывая. — Вот она! Дорога к шахте!

Началась тряска. Хью вел машину очень медленно и очень осторожно.

Преодолев один из поворотов, они увидели темное отверстие, зияющее в горе.

— Отлично, мы успели! И можем прямо заехать

внутрь. — Он прибавил скорость, но тут же резко нажал на тормоз. — Боже милостивый! Корова!

— И теленок, — добавила Барбара.

— Придется оставить их.

— Хью, но ведь это же корова… с теленком!

— Э-э-э… но как, черт возьми, мы будем их кормить?

— Хью, может быть, здесь ничего и не сгорит. А ведь это настоящая живая корова.

— Ладно, ладно, хорошо. Если придется, забьем их, в конце концов, и съедим.

Шахту в тридцати футах от входа перегораживала деревянная стенка с крепкой дверью. Подгоняя недовольную корову радиатором, Хью подал машину вперед, прижав ее со стороны водителя к каменной стене, чтобы можно было открыть противоположную дверцу.

Корова тут же сделала попытку прорваться на свободу. Барбара открыла дверцу со своей стороны и этим задержала ее. Теленок мычал. Ему вторили близнецы.

Хью выбрался наружу, протиснулся мимо Барбары и близнецов, обогнул корову и отпер дверь в перегородке. Она была заперта только на засов, открытый замок свисал с дужки. Хью отпихнул коровий зад и распахнул дверь.

— Включи фары. А то ничего не видно.

Барбара включила освещение, настаивая на том, чтобы корову с теленком тоже загнали внутрь. Хью пробормотал себе под нос что-то вроде «чертов Ноев ковчег», но согласился — в основном потому, что корова загораживала дорогу. Дверной проем, хотя и широкий, был на дюйм уже, чем буренка, и та упорно *не желала* протискиваться сквозь него. Тогда Хью поставил ее головой вперед и отвесил здоровенного пинка. Теленок без понуканий сам последовал за матерью.

Только сейчас Хью понял, почему корова и теленок оказались здесь. Кто-то, видимо, из местных жителей приспособил преддверие шахты под коровник. Внутри хранилось около дюжины тюков сена. Как только корова увидела такое изобилие, все мысли о свободе тут же покинули ее.

Коробки были занесены внутрь. Из двух вытряхнули содержимое и в каждую посадили по близнецу. Рядом с ними поставили убежище котят, закрепив все три коробки так, чтобы их нельзя было опрокинуть и выбраться из них.

Когда они выгружали аварийный комплект Барбары из машины, все вокруг вдруг осветилось, как днем. Барбара ахнула:

— О господи! Мы не успеем!

— Продолжай выгружать. Десять минут до звуковой волны. Сколько до ударной, я не знаю. Вот, возьми винтовку.

Они уже выгружали из машины канистры с бензином и с водой, когда почва задрожала и послышался гул гигантской подземки. Хью быстро отнес канистры внутрь и крикнул:

— Убери их с прохода!

— Хью, иди сюда!

— Сейчас. — Прямо за машиной лежало сено, которое он притащил сюда. Он собрал его, просунул в дверь, вернулся и подобрал остатки — не ради спасения сена, а чтобы уменьшить угрозу пожара в случае воспламенения бензина в баке автомашины. Он сначала даже хотел вывести машину наружу и спустить под откос, но потом решил не рисковать. Если жар будет так силен, что горючее в баке воспламенится, можно уйти в глубину и схорониться в боковых туннелях.

— Барбара! Ты нашла фонарик?

— Да! Прошу тебя, иди сюда, пожалуйста!

Он вошел внутрь и закрыл за собой дверь.

— Теперь нужно отодвинуть все это сено подальше от входа. Ты будешь светить, а я понесу охапки. Только смотри под ноги. Дальше начина-

ются сырые места. Именно поэтому мы и закрыли в свое время шахту. Слишком дорого обходилась откачка.

Они переместили провизию, домашнюю живность (детей, коров, кошек) и снаряжение в боковой туннель, ярдов на сто вглубь горы. По пути им попалось место, где вода доходила до щиколоток, но боковой туннель затем повышался и оказался совершенно сухим. Полные воды мокасины Барбары при ходьбе хлюпали.

— Извини, — сказал Хью. — Эта гора — настоящая губка. Буквально из каждой проделанной дырки начинает бить фонтан воды.

— Я, — заявила Барбара, — женщина, которая высоко ценит воду. И на то у меня есть веские причины.

Хью ничего не ответил, так как в это время все кругом осветила вспышка от взрыва второй бомбы. Она была, видимо, очень мощной, если сияние сквозь щели в деревянной стенке распространилось на такую глубину. Он взглянул на часы.

— Как раз вовремя. Мы на повторном показе того же кино, Барб. Надеюсь, на этот раз будет не так жарко.

— Не знаю, не знаю.

— Думаешь, нет? Конечно, тут будет прохладнее. Даже если снаружи все будет полыхать. Кажется, я знаю место, где мы можем укрыться и остаться в живых. Мы и кошки продержимся там, даже если внутрь пойдет дым от пожаров. Вот корове с теленком, возможно, придется туго — их туда не затащить.

— Хью, я не то имею в виду.

— А что же?

— Хью, я не сразу сказала тебе… Я так испугалась и расстроилась и не хотела расстраивать тебя. У меня никогда не было машины с ручным переключением передач.

— Что? Тогда чья же это машина?

— Моя. Я хочу сказать, что в ней действительно торчали мои ключи — и в багажнике припасенные мною вещи. Но у меня была коробка-автомат.

— Милая, — медленно произнес он, — наверное, ты слегка переволновалась.

— Я так и знала, что ты примешь меня за сумасшедшую, именно поэтому я и не говорила тебе ничего до тех пор, пока мы не окажемся в безопасности. Но, Хью, выслушай меня, дорогой: у меня правда никогда в жизни не было автомобиля с ручным переключением. Я не сумела

бы вести такую машину. Я просто не знаю, как переключать передачи.

Он задумался.

— Тогда я ничего не понимаю.

— И я тоже. Милый, когда ты вернулся от своего дома к машине, ты сказал: «Она там. Грейс». Ты имел в виду, что видел ее?

— Конечно видел. Она клевала носом перед телевизором, наполовину отключившись.

— Но, дорогой, Грейс *действительно* сначала клевала носом перед телевизором. Но потом ты уложил ее в постель, пока я готовила креп-сюзетт. Разве ты не помнишь? Когда объявили тревогу, ты пошел за ней и на руках принес ее вниз — она так и была в ночной рубашке.

Несколько мгновений Хью Фарнхэм стоял неподвижно.

— Так оно и было, — согласился он наконец — Именно так. Ладно, давай занесем сюда остатки вещей. Самый большой взрыв будет примерно через полтора часа.

— А ты думаешь, он будет?

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хью, я не знаю, что произошло. Может быть, это совсем другой мир. Или, может быть, мир тот же самый, только самую чуточку изменившийся

под влиянием нашего возвращения хотя бы.

— Не знаю, не знаю. Так или иначе, жизнь продолжается, и мы должны перенести сюда остатки вещей.

Самый сильный взрыв произошел вовремя. Их тряхнуло, но все обошлось без повреждений. Когда пришла ударная волна, их тряхнуло опять. Но никаких неприятностей не случилось и на сей раз, разве что сдали нервы у некоторых слишком впечатлительных животных. Близнецам же, похоже, суровая жизнь начала нравиться.

Хью засек время, потом задумчиво произнес:

— Если это и другой мир, то он от нашего отличается совсем незначительно. И все же.

— Что, милый?

— И все же он *немного* другой. Например, ты не забыла, что машина у тебя была другая. А я помню, что уложил Грейс в постель очень рано. После этого мы еще поговорили с Дьюком. Так что он отличается от нашего. — Тут он вдруг улыбнулся. — И он может быть отличен от нашего в очень важных вещах. Если будущее может изменять прошлое, то, вероятно, и прошлое воздействует на будущее. Может быть, Соединенные Штаты и не будут полностью уничтожены. Может быть, ни та ни другая сторона не пойдут на

самоубийство и не станут швыряться чумными бомбами. Может быть... Черт возьми, может быть, у Понса и не появится возможности обедать девушками-подростками! — И добавил: — И можете быть уверены, я сделаю для этого все, что в моих силах.

— Мы попытаемся! И наши мальчики попытаются.

— Да, но все это завтра. Мне кажется, что сегодняшний фейерверк окончен. Мадам, смею ли я надеяться, что вы не побрезгуете уснуть на куче сена?

— Вот так просто взять и уснуть?

— До чего же ты похотлива! У меня был долгий и трудный день.

— Но у тебя и в тот раз позади был долгий и трудный день.

— Посмотрим.

23

Они пережили ракеты, они пережили бомбы, они пережили пожары, они пережили эпидемии, которые вовсе не оказались такими опустошительными и, вполне возможно, не были вызваны применением бактериологического оружия. Во

всяком случае, обе воюющие стороны горячо отрицали это. Они пережили длительный период беспорядков, когда гражданское правительство корчилось в агонии, как змея с перебитым позвоночником. Они продолжали жить. Жизнь продолжалась.

Вывеска над их жилищем гласила:

СВОБОДНОЕ ВЛАДЕНИЕ ФАРНХЭМА

ФАКТОРИЯ и РЕСТОРАН

БАР

американская водка
кукурузный ликер
яблочное бренди
чистая родниковая вода
парное молоко
солонина с картошкой
стейки с жареным картофелем
масло и иногда хлеб
копченая медвежатина
вяленая дичь
креп-сюзетт на заказ

!!!В качестве платы принимаем любые КНИГИ!!!

ДНЕВНОЙ ПРИСМОТР ЗА ДЕТЬМИ

!!БЕСПЛАТНЫЕ КОТЯТА!!

Кузнечные работы, ремонт механизмов, работа по листовому металлу – металл предоставляет заказчик

ФАРНХЭМСКАЯ
ШКОЛА БРИДЖ-КОНТРАКТА

Уроки по договоренности.

Каждую среду вечером – встречи.

ВНИМАНИЕ!!!

Позвоните в колокольчик. Дождитесь ответа.

Приближайтесь к дверям с поднятыми руками.

Не сходите с тропинки – участок заминирован.

За прошедшую неделю мы потеряли трех покупателей.

Мы не можем позволить себе потерять еще и ВАС!

Никакого налога с продаж.

Хью и Барбара Фарнхэм и сыновья
Свободные владетели

А высоко в небе, над вывеской, развевался самодельный звездно-полосатый флаг — и жизнь их продолжалась по-прежнему.